

FG 3900

H15

v.1

no. 1-2

INDIANA
UNIVERSITY
LIBRARY

75

Галычанун

ГАЛІЧАНИНЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

издаваемый

Яковомъ Федоровичемъ Головацкимъ

и

Богданомъ Андреевымъ Дздицкимъ.

V. 1
№ 1-2
КНИГА I.

Выпускъ I.

ЛВОВЪ,
Типомъ Института Ставропигійскаго.
1862.

SH

PG 3900
- H 15
- v. 1
- No 1-2

INDIA UNIVERSITY LIBRARY

4-19-61

П Е Т Р О.

1.

Бѣе барабанъ, труба сзываетъ
 Сынѡвъ Украйны на войну,
 Уже и Петро коня лаштуе
 И гостритъ шабельку свою...
 Уже конь готовъ, пора сѣдати,
 Петро повѡдь въ руки взявъ...
 Чогожъ онъ тяжко такъ зѡтхае,
 Чого Петро засумовавъ?
 Хиба первинка козаковъ
 Изъ Туркомъ, Ляхомъ воевать,
 Чи не траплялося нѣколи —
 Татаръ далеко проганятъ?
 Не разъ, не два Петро за волю
 Зъ Ляхами битись выступавъ,
 Якъ той орелъ, — у чистѡмъ полю
 На вороненькому лѣтавъ;
 Чогожъ теперъ нибы недужий
 Не хоче сѣсти на коня?
 Чого онъ журится такъ дуже?
 Ему походъ не первина!..

2.

Почуємо, побачимо,
 Може и отгадаємъ...
 Уже козаки на майданѣ,
 Выступну спѣвають...
 Стоять попы зъ хоругвами
 Воду освящають;
 Помолились, освятили,
 И хрестъ погрузили,
 Усе войско свяченою
 Попы окропили;

Уже Отаманъ въ сѣделечко
 Ногу закидае;
 А Петро нашъ ѣще дома,
 Ще думку гадае.
 Надумався, якъ кинется
 До старои въ ноги:
 „Благослови мене ненько,
 Въ далеку дорогу!
 Чуе сердце: не вернуся,
 Загину въ чужинѣ,
 Въ чужу землю закопають
 Въ чужѡй домовинѣ...
 Не боюся, моя ненько,
 За волю вмѣрати,
 Да жаль мѣнѣ Ганнусеньку,
 Мамо, покидати!..
 Не три ночи, а три роки
 Мы широкохались,
 Сюю весну одружитись
 Уже сподѣвались.
 А теперъ!.. Ой мамо, мамо!
 Я Ганю покину...
 Зъ могилою одружуся,
 На вѣки загину...
 Моя ненько, моя пташко!
 Ты мене родила,
 Доглядай мою комашку
 Моя сизокрыла;
 Голубъ ѣи, кохай ѣи,
 Вона сиротина..”

3.

Въ сурмы, трубы затрублено,
 Въ усѣ дзвоны задзвонено,

Попы въ церкву повертають,
Козаченьки вже рушають,
А Петро у себе дома,
Промовляє свое горе;
Бѣля его стоить Ганя,
Стоить мовчки, да зѣтхає,
Дрѣбнри слезы утирає.
Петро неньцѣ промовляє:

„Пора мамо, пора мѣнѣ
Въ далеку дорогу;
Прощай серце Ганнусенько,
Да молися Богу.“

Стара мати свого сына
Свяченою вмыва,
Хлѣбомъ, сѣлю и образомъ
Поблагословила.

А Ганнуся хустиною
Сѣделечко вкрыла,
Вороному бѣля уха
Квѣтку причепила.
Обнявъ Петро стару ненью,
Обнявъ и Ганнусю;
„Прощайте! молитесь,
Може я й вернуся...“

4.

И осталась Ганнусенька,
Слезы проливає;
Свого друга, свого любя
Що-дня виглядає.
— „Не ма, не ма соколика,
Мабуть его вбили,
И безъ труны въ сыру землю
Мабуть положили...
Або, може, покинули
Вовкамъ середъ поля...
Не такой сподѣвались
Мы дождати долѣ...
Може тѣ ясни очи,
Що я цѣловала,
Орлы чорни — хижи птахи —
Въ его повыймали!
Може тую хустиночку,
Що я вышивала,
Злые Турки — недовѣрки
Въ крові затоптали!
Не ма мого миленького,
Чи вжежь и не буде?“

Охъ! на вошо войну-люту
Выдумали люде!..
Ажь Господь велѣвъ у мирѣ
Усѣмъ людямъ жити;
И на вошо брату брата
Рѣзати и бити?..
Боже милый! Боже правый,
Що мѣнѣ робити?
Де мѣй милый чорнобрывый,
Де его зустрѣти?“

5.

Мина лѣто, мина друге,
Петра все не мае;
Уже неньку старенькую
Въ могилу сховали.
Вже й хатина похилилась,
Вже й верба зевяла,
Все хозяйство добри люде
Вже порозбѣрали;
И на дворѣ, якъ у полѣ,
Трава выростає,
На городѣ табунами
Воронье гуляє;
Усе гине, пропадає,
Нѣкому глядѣти,
Не ма кому у садочку
Квѣтокъ посадити!
Жде Ганнуся трейте лѣто
Война затихає;
Вже козаки вернулися,
А Петра не мае...
Де ѓнъ дѣвся — козаченьки
Того не сказали;
Бо й вони про те не чули,
И вони не знали.

6.

Зажурилась дѣвчинонька,
Тяжко зажурилась,
Вже и въ церкву не ходила,
Вже и не молилась..
Тай якъ ей молитися,
Якъ серденько плаче!
Якъ не чує нѣ розваги,
Нѣ ласки не бачить!..
Стала Ганя въ темни ночи

По селу ходити,
 Стали ёи злые люде
 Женихомъ коряти.
 Не вынесло чисте сердце
 Великой болѣ,
 Не вынесла душа щира
 Безсчастной долѣ;
 Не вынесло грѣшне тѣло
 Пекѣльные муки:
 И сама на себе Ганя
 Наложила руки.
 На распутьѣ поховали
 За те, що любила,
 Що не вмѣла змѣнить слово,
 Серця не спинила!
 На могилѣ й хреста не ма,
 Тѣлько вѣтеръ вые,
 Свроманцѣ спочивають,
 Да квѣтка синѣ...
 Такъ погибла дѣвчинонька
 И люде забули;
 А про Петра — бѣльше того
 Ньчого не чули. —

Въ Полтавѣ.

ОСТАННЕ СЛОВО.

(Василю Тарасовичу М. . .)

Сподѣвався васъ прохати,
 Сподѣвався васъ позвати,
 У сирѣтську свою хату
 На розмову, на пораду,
 На веселе пированье,
 На счастливее коханье,
 На весѣлье погуляти,
 Горе-тугу розбѣгати.
 Сподѣвався... закохався,
 Непытавшися, залицявся,
 Сподѣвався, що полюбить,
 Серцемъ сердце приголубить,
 Сподѣвався одружитися,
 А пришлось помылиться...

Не бровами, не косою,
 Не очами, не красою,
 Еи сердцемъ любовався,
 И на сердце сподѣвався,
 И на сердце помылиться:
 Любви — правды не добився!..

И не добьешся въ тому сердцѣ,
 Що зъ братѣвъ своихъ смѣтается,
 „Противными” называе,
 „Невѣжествомъ” дорѣкае! . . .

Не збулося сподѣванье!

Пропаде мое коханье;
 Може згине и минется,
 Може сердце схаменется,
 Перестане нудить свѣтомъ,
 Перестане ждаты привѣту...
 А коли не хватить силы,
 Нехай ляже зъ тымъ въ могилу,
 Що кохало, не пытавши,
 Роздивиться не дававши. . .

ДОЛЯ.

Де ты доле, ае ты доле?
 Чи ты въ лѣсѣ, чи ты въ полѣ?
 Чи недужа пѣдъ копою
 Притулилась самотою?
 Чи по селахъ тыняешься?
 Чи у морѣ купаешься?
 Чи на Дону зъ чумаками?
 Чи въ будынкахъ мѣжъ панами?
 Чи зъ хлопятами у школѣ?
 Скажи мѣнѣ моя доле:
 Куды йти тебе шукати,
 Одкѣль тебе выгладати?
 Я, здається, сынъ слухняный,
 Не лежняха, не лукавый,
 Братѣвъ темныхъ не цураюсь,
 Изъ панами не братаюсь:
 Чомъ же й доси, моя доле,
 Мы не стрѣлися нѣколи?
 Чомъ ты мене не витаешь?
 За шо мене зневажаешь?
 Чомъ не вырвешь изъ неволѣ?
 Чомъ не даси мѣнѣ волю?
 Тѣлько волю прошу въ тебе,
 Бѣольшъ нѣщо мѣнѣ не треба. .

ВЕСНА Й ЗИМА.

Виктору Васильевичу Лободѣ.

Не спѣвае соловейко,
 Не куе зозуля;

Весна швидко пролетѣла
 И лѣто минуло.
 Не ма листьѣ, не ма квѣту,
 Зима наступила,
 Бѣлымъ килимомъ все поле
 На Украинѣ вкрыла.
 Куди глянешь — снѣгъ усюди
 Бѣлѣ блискучій,
 Стоять смутни, не весели
 Тѣ тополи гнучи,
 Що роскошно середь лѣта
 Въ зеленѣ кохались,
 И красою-вышиною
 Такъ гордо пышались.
 И береза похилилась,
 Завяла калина,
 Тѣлько сосна середь лѣсу
 Гордо зеленѣе.
 Все счорнѣло, все змарнѣло,
 Мовъ позасыхало,
 Або спати — оддыхати
 Наче полягало...
 Такъ чорнѣють, такъ марнѣють,
 Оттакъ засыхають,
 Оттѣ люде, що зъ молоду
 Духомъ упадають,
 Свое сердце, свою душу
 Снѣгомъ засыпають,
 И безъ листьѣ, и безъ квѣту
 Марно одцвѣтають.
 Оттѣ люде недалюдки,
 Що сидять безъ дѣла,
 Мысли, розумъ зневажають,
 А годують тѣло.
 Такъ чорнѣють, такъ марнѣють
 И гинуть въ неволѣ,
 Котри на вѣкъ забувають
 Прадѣдовську долю.
 Такъ чорнѣють, такъ марнѣють
 Духомъ засыхають
 Оттѣ люде, що одъ правды,
 Одъ працѣ втѣкають,
 Свои мысли, свои думы
 Нѣколи не будять:
 И зовутся въ насъ панами
 Оттакіе люде...
 Сонце гляне, — весна стане,
 Снѣгъ пѣде водою,
 Земля знову уберется

Квѣтками — красою;
 Зновъ тополя зеленою
 И гордою стане,
 Въ саду знову соловейко
 Гарно заспѣвае;
 Зновъ весною розѣвѣється
 Червона калина,
 Знову стане вѣщовати
 Зозуля дѣвчинѣ.
 Усе стане оживати,
 Якъ весна приспѣе;
 А для того не ма весны,
 Хто духомъ змарнѣе!
 Той безслѣдно пропадае,
 На вѣкъ замерзае;
 Бо любви до народу
 Онъ въ серцѣ не мае...
 За те люде, котри духомъ
 Якъ кринь зеленѣють,
 Крѣпнуть думами своими,
 Въ дѣлахъ добрыхъ спѣють,
 Таки люде духовною
 Вѣкъ цвѣтуть красою,
 Молодѣють, зеленѣють,
 Якъ древо весною!
 Оттакъ ваша, нане-брате,
 Праця для народу
 Буде спѣти, виростати
 Одъ году до году.
 Буде спѣти, зеленѣти
 И уродить жито,
 Его жати, молотити
 Будуть наши дѣти,
 И розсѣють зерно правды
 По всѣй Украинѣ,
 И виросте зъ зерна воля
 На нашѣй родинѣ.
 И унуки и правнуки
 Всѣ васъ будутъ знати,
 Вашу працю будутъ довго
 Всѣ благословляти.
 Украина вашу славу
 Свѣтови роскаже,
 А на свѣтѣ добра слава
 „Не вмире, не поляже.“ —
 Въ Полтавѣ.

ДО МИНЫ.

(Вольный переводъ изъ Шиллера.)

Чи се во снѣ мѣнѣ здается,
 Чи се туманъ въ очахъ въ мене:
 Неначе Мина чорнобрыва
 Иде, — не познае мене?!
 Зъ якимсь бурлакою объ руку,
 Неначе панночка яка,
 Иде и вверхъ кошелить губу,
 Нѣ, Мина не така...
 На головѣ въ неи хустина,
 Котору я подаровавъ;
 Въ косѣ та стрѣчка червонѣ,
 Що я для неи куповавъ;
 На грудяхъ тѣ квітки квітчатся,
 Що самъ садивъ я и кохавъ,
 Вони въ невѣрної пышатся
 И нѣ одинъ не зявѣ...
 Иди жъ зъ пустыми паничами
 Иди, иди, забудь мене;
 Иди зъ продажними душами,
 Знай: зневажаю я тебе.
 Для тебе сердце чесно билось,
 И жаль мѣнѣ теперь згадать,
 Що сердце такъ мое влюбилось,
 А въ кого? стыдъ сказать...

Краса твое згубила сердце,
 Стыдишься ты сама себе,
 И, може, завтра ты завянешь,
 Лице поблѣдне у тебе.
 Не счуешься: красы не стане,
 Втече якъ ластовка вона,
 Тодѣ й бурлакъ не привитае,
 А друга — вже не ма.
 Я бачу: ты въ красѣ остандой,
 Смутна, заплакана, одна,
 Сидишь собѣ безъ сподѣванья, —
 Бо вже весна твоя пройшла.
 И тѣ, котри тебе весною
 Бажали вѣчно цѣловать,
 Теперь смѣются надъ тобою, —
 Що маешь имъ казать?!..
 Краса твое згубила сердце,
 Стыдишься ты сама себе,
 И, може, завтра ты завянешь,
 Лице поблѣдне у тебе.
 Тодѣ-то я попомѣюся...
 Смѣяться?.. Боже борони!
 Тодѣ я горькими зальюся
 Слезами по тобѣ...

ДО МОРЯ.

Хвилями-слезами бушуешь ты море,
 Мабуть и у тебе есть справжнее горе?
 Мабуть ты знадало, якъ було зъ Лиману
 Козацькіе чайки по тобѣ лѣтали,
 Скутарѣ палили, Царградъ руйновали,
 Зъ славной Украины неволю змѣтали,
 Изъ рѣдного краю вороговъ ганяли
 И кровью своею тебе наповали?
 Теперь на Украинѣ не ревутъ гарматы,
 Замѣсть Запорожья — осмалени хаты...
 А може ты море того такъ бушуешь,
 Що кращу годину Украинѣ вѣщуешь?
 Може твои хвилѣ сивые, сердиты,
 Того розрѣвѣлись, щобъ насъ разбудити,
 Инобъ тюрьму подмыти, увесь гной обмыти,
 И чистыми сынами на волю пустити
 Дѣтей предковской славной Украины,
 Зрабованныхъ панствомъ и жидами лихими.

БАЖАНЬЕ.

Дайте люде, дайте добри
Отруты напитись,
Жить обридло, не хочется
И на свѣтъ дивитись.
Я не бачу на сѣмъ свѣтѣ
Нѣ правды, нѣ волѣ,
Нѣ любви, нѣ привѣту,
Нѣ справжней долѣ.
Куди глянешь, всюди кривда
Вельможно правдае,
Святу правду зневажае,
Псуе й коверзуе.
А безъ правды — тяжко мѣнѣ
На сѣмъ свѣтѣ жити,
Краще мѣнѣ въ сырѣй землѣ
На вѣки спочити.

Дайтежъ люде, дайте добри
Отруты напитись,
Жить обридло, не хочется
И на свѣтъ дивитись!

Александръ Я. Кониській.

ДУМКИ.

I.

Тюрма у господѣ,
Тюрма у громадѣ,
У полѣ, въ дорозѣ,
У лѣсѣ и въ хатѣ;
Заковане слово
У тяжки кайданы,
Пригнѣчени думки
Панами-катами;
По всѣй Украинѣ
Жидова пануе,
Зѣ запорожськихъ внуковѣ
Глузуе, кепкуе.
По всѣй Украинѣ
Нудота и смута.
Охъ! важки-тяжкіе
Московськіе пуга!
Охъ! горька неволя!..
Зѣ московского „блага“
Стали Украинцѣ
И боси и наги.

Стогне Украина,
Наче у могилѣ...
Чи вона сзывае
Молодые силы,
Щобъ усѣмъ устатѣ,
Коруговъ подняти,

Щобъ усѣмъ устатѣ,
Старину згадати,
Преакѣвську волю
Въ вороговѣ одняти?!
Скинути кайданы,
Бажанье вволити,

Славуть напоити?!
.....

Ворогу лихому
Вѣку вкоротити,
Широкую браму
Правдѣ одчинити,
И вольными сынами
Чесно доживати?!..

Чи може рабами
Мы будемо спати?
По тюрмамъ сидѣти,
Панамъ угождати,
Въ залъзахъ ходити,
Жидѣвъ вдовольняти?!
Може вже вмѣрае
Мати-Украина?
Може вже звелася
Козацькая сила?!..
Дежъ наше завзятъе?
Де наша одвага?!..
Мы все промѣняли
На московське „благо.“

II.

У тюрмѣ vysokой
Сижу одинокій,
Нѣкого не ма!
Вѣтеръ повѣвае:
Думку навѣвае, —
Охъ тяжка тюрма!
Сонце заглядае,
Зѣ ранкомъ привитае,
Мѣсяць подобѣтся,
Наче засмѣтся,
Стане веселѣй!..

Москаль поглядае,
 Душу розрывае...
 Серденько знымае
 И смерть призывае
 До себе мерщѣй...
 Краще умерати,
 Якъ въ тюрьмѣ страждати,
 Да ще безъ вини!
 Чи вжежъ, Боже правый,
 Вороги лукавы
 Одъ Тебе сильнѣй?!
 Чи вжежъ, Боже милый,
 Въ нашой Украинѣ,
 Що правду вславляла,
 Воленьку кохала,
 Правды вже не ма?
 И замісто святой,
 Вѣчною — благою
 Выросла тюрьма?! —

ПРОРОКЪ.

Миколаю Ивановичу

К остомарову.

Ходѣмъ, ходѣмъ, мерщѣй одсѣль,
 Мы тутъ не найдемъ счастья, долѣ,
 Тутъ тѣсно намъ, тутъ всѣ рабы,
 Привыкли жить въ горькой неволѣ.

Тутъ намъ привѣту не дадутъ,
 Тутъ братъ надъ братомъ коверзуе,
 Тутъ наше слово осмѣютъ;
 Бо тутъ за слово катъ катуе.

Тутъ намъ и вѣры не дадутъ;
 Бо вѣры въ правду тутъ не мають,
 За гроши волю продають,
 На гроши правду тутъ мѣняють.

Колибъ Христосъ сюди пришовъ
 Любовь народню возвѣщати,
 И Онъ тутъ вѣры бѣ не найшовъ,
 И Его стали бѣ зневажати.

Ходѣмъ, ходѣмъ въ далекий край,
 Куды нѣбудь, хочъ у пустыню,

А ты родинонько прощай!
 Прощай невольникѣвъ кранно!

Ходѣмъ, ходѣмъ мерщѣй одсѣль:
 Бо мы обыва да добре знаемъ,
 Що въ краю рѣднѣму нѣхто
 Зъ своихъ пророкомъ не бувае.

На Украинѣ, 6. Юлія 1862.

К. О. Я.

ЗЪ СВЯТОГО ПИСЬМА.

I.

Царь Саулъ.

(Смотри 1. кн. VIII. гл. Кн. Царствъ.)

Старый ставъ вельми Самуилъ
 И судьями сынѣвъ поставивъ:
 Судивъ въ Юдеи Ионъ,
 А менший Авія въ Варсаѣ.
 И суды сѣи одъ року въ рокъ
 Все бѣльше неправедно судили;
 И въ Армаеетъ зѣбравъсь народъ
 Просить царя у Самуила:
 „Не хочемъ, кажутъ, мы судей,
 Вони неправедно насъ судятъ,
 Царѣ у другихъ есть людей,
 Царѣ нехай надъ нами будутъ!”
 Познавъ пророкъ лукаву рѣчь,
 А волѣ Божои не знае,
 И ставъ молитись день и нѣчь,
 И рады въ Господа прохае.
 И Богъ пророку такъ вѣщавъ:
 „Я Царь одинъ на всему свѣтѣ!
 На що имъ здався другий царь?
 Вони мои и слуги й дѣти.
 Я изъ Египта вывѣвъ ихъ,
 Для нихъ розвоивъ Чермне Море,
 Кормивъ въ пустынѣ сорокъ лѣтъ
 И боронивъ одъ бѣдъ и горя;
 Колижъ забули вже мене,
 Поставъ царя имъ на наругу,
 Нахай ихъ въ муки ужене,
 Нехай на ихъ навѣе тугу.

Коли имъ мало ще добра,
 Коли вже имъ не мила воля,
 Поставь земного имъ царя,
 Нехай познють гóрьку долю!
 Царь все ихъ збóжьє побере:
 Волóвъ, овецъ и всю худобу,
 Собъ ихъ нивы пооре,
 Або роздасть по уподобъ.
 Жёнки ихъ въ наймычки подутъ,
 Ихъ дочки стануть кухарками,
 Сыны въ неволѣ пропадутъ, —
 Поробить царь усѣхъ рабами!
 Громадська рада пропаде,
 Имъ на ступень не буде волѣ,
 Самы поплачуть на себе...
 Тодѣ вони у тяжкóй долѣ,
 Рабами ставши изъ людей,
 Просити-мутъ Старого знову,
 Попросить волѣ и судей,
 Та вже не вчуе ихъ Егова...“
 Пророкъ народу все сказавъ;
 Народъ, буцѣмъ его не чуе:
 „Царя! царя! ты намъ поставь
 Нехай надъ нами óль царствуе!“
 Заплакавъ гóрько Самуилъ
 И, бóльшь не кажучи нѣчого,
 Царемъ Саула нарядивъ,
 А за народъ молився Богу...

II.

Пѣсня Пѣсень.

(Дивись 1. главу книг. Пѣсни Пѣсень.)

Цѣлуй, цѣлуй въ уста мене,
 Твои уста солодши меду,
 Твоя краса роскошнѣй степу,
 Одь тебе ароматомъ тхне.
 Я за тобою въ слѣдъ поду,
 Въ тюрмѣ зъ тобою я не згину
 Люби, люби мене дѣвчино,
 Зъ тобою счастье я найду!
 Лице рожевое твое —
 Дарма, що сонце осмуглило,
 Красы твоеи не зменшило,
 Ты сонце, все-таки, мое;
 И кохаю широко я тебе...
 Браты хочъ тебе и зневажаютъ,

Овечки пасти посылають,
 Красы жѣ не збавлять у тебе,
 Цѣсти ты будешь — розпѣвтать...
 Когожъ ты серденько кохаешь?
 Кого въ садочку дожидаешь?
 Назви его... я хочу знать...
 Скажи: овечокъ де пасешь?
 Де ты о полуднѣ буваєшь?
 Коли до дому повертаєшь?
 Съ кимъ розмовлять у дугѣ идешь?
 Я тебе выйшовъ бы стрѣчать,
 Я любовався бѣ такъ тобою,
 Якъ тею зóркою святою...
 Колибъ схотѣла ты кохать,
 Я тебе бѣ въ золото радивъ,
 Въ габову плахту, наче панѣ,
 Ты въ мене вѣдила бѣ въ рыданѣ,
 Дорогу килимами бѣ крывъ,
 Изъ кедрóвъ хату збудовавъ,
 Зробивъ бы дóжку кристалева,
 Пославъ перину бѣ у пухову,
 Эфиромъ тебе бѣ укрывавъ,
 И цѣлюючи весь вѣкъ тебе,
 Не на годиночку нѣколи,
 Не знавъ бы туги я й недоли
 И вмерѣ на грудяхъ бы въ тебе...

ДО ДѢВЧИНЫ.

Ганиѣ Павловнѣ ф. Р—ъ.

Нехай марно я загину,
 Пропаду въ неволи,
 Тебежъ сердце не забуде
 Дѣвчино, нѣколи.
 Молитися що-дня буду
 Богови за тебе,
 И вымолю тобѣ счастье
 И доленьку зъ неба.
 Коли станешь ты счастлива,
 Тодѣ й я счастливый,
 И на вѣки я забуду
 Свою злу годину.
 Тодѣ стану я прохати
 Собѣ въ Бога смерти,
 Що-дня буду молитися,
 Щобъ мершѣй умерти...
 Товариству закажу я
 Вырыти могилу,

На той горѣ, де зо мною
 Ты сердце сидѣла.
 Зѣ домовины тихесенько
 О пѣвночи встану,
 И на тебе любоватись
 Невидимо стану.
 Якъ спочинешъ — бѣля лѣжка
 Я буду стояти,
 И одъ тебе усе злое
 Буду ѡдганяти.
 А якъ встанешъ — я на-зырцемъ
 Поѣду за тобою,
 И комашчѣ спуститися
 Не дамъ надъ тобою.
 Якъ квѣточку, якъ пташечку,
 Якъ зелену руту,
 Якъ красюлю середъ поля
 Доглядати буду.
 Колижъ буде бѣля тебе
 Метеличокъ виться,
 То дай ему на рученьку
 До тебе спуститися, —
 Не рушь его, моя мила,
 Не выганяй зѣ хаты,
 Бо то буде душа моя
 Мотилькомъ лѣтати.
 Подѣтае, надивится,
 И полетитъ на небо,
 И зновь стане молитися
 Богови за тебе...

ЛЕВЪ ТА БАРСЪ.

(Басня зѣ Крылова.)

Левъ Барса вызвавъ на войну
 За кубла, за лиса й байраки.
 Дурный! дебъ въ судѣ позовѣ подати,
 Нехай бы тамъ судья и взявъ,
 За те вѣбѣ дѣло розѡбравъ,
 Такъ нѣ же! Въ сильныхъ все не такъ,
 У нихъ на все свои уставы:
 У нихъ слабѣйшій виноватъ,
 А дужшій — завждѣ правый. —
 Однече вѣкъ не можна битися:
 Рѣшило красче — розсудитися.
 „Поставмо жѣ, каже Барсѣ, скорѣй
 Одъ себе мы секретарѡвъ,
 И якъ вони розсудять,

То такъ нехай и буде.
 Я ставлю одъ себе Кота;
 Онъ хочѣ и невеликѣй звѣрь,
 За те правдивая душа
 И... не любить хабарѡвъ;
 А ты поставъ Осла, онъ чинѣ вели-
 кѣй мае,
 Его твоя уся и челядь поважае.
 Ну щожѣ, согласенъ ты на се?”
 — „Согласенъ я, та не на все;
 Не все по твоему, бачѣ, брате буде:
 Нехай замѣсть Осла Лисиця судить.“
 А думку Левъ такую мавъ
 (Бо свѣтъ увесѣ онъ добре знавъ):
 Кого намъ ворогъ выхваляе,
 То той намъ певно зла бажае.

ВЕЧЕРНЯ РОЗМОВА.

За селомъ, по-надъ горою,
 Ворскла рѣчка лѣтѣся,
 Якъ шнурочокъ мѣжъ кущами
 Вона тихо лѣтѣся.
 Надъ Ворсклюю скрѡзѣ рядями
 Зеленѣють ивы,
 Похилившися головами,
 Вѣтъ опустили.
 — „Чого ивы сумуете? —
 Я у ихъ пытаю:
 Скажѣть сестры, нехай зѣ вами
 И я зарыдаю.
 Вы знаете, може, ивы,
 Чого Ворскла плаче?
 Скажѣть! зѣ вами пожурится
 Серденько козаче!”
 Обѡзвалися стари ивы:
 „Тяжко житѣ козаче!
 Якъ згадаемъ гетьманщину,
 Нехотя заплачемъ.”
 — „Правда сестры, правда любѣ!
 Тяжко житѣ въ неволѣ,
 Загубили дѣды наши
 Предковъську волю...
 Може сестры вы знаете,
 Де волѣ шукати?
 Скажѣть мерщѣй, — вона наша.
 Украинська мати.
 Я за нею свѣтъ сходитъ бы

Оль краю до краю,
 Все прохавъ бы вернуться
 До дому въ Украйну.
 Подумайте, погадайте,
 Та дайте пораду:
 Куды ити козакови
 Воленъки шукати?...“
 Мовчать ивы, вѣтеръ вѣе,
 Чорный воронъ криче,
 У козаковъ сердце мые,
 Украина плаче....

ВѢТЕРЬ.

Чого вѣтре, чого буйный
 Днешь на Украину,
 Вона и такъ обдрана,
 Вона сиротина.
 Було колись и въ насъ тепло,
 Було — да пропало,
 Засвистѣла хуртовина
 И холодно стало.
 Стихли вѣтре, схаменися,
 Въ насъ не ма кожуха,
 Не рушь хмары, дощу треба,
 Бо буде засуха.
 Нехай поля Украины
 Зновъ зазеленють,
 Начинають жита сходить,
 Нехай же поспѣють.
 Не вѣй вѣтре одъ півночи,
 Мы тебе благаемъ,
 Бо спинити, запретити,
 Мы силы не маемъ.
 Повѣй вѣтре тихесенькій
 Зъ-за Синѣго моря,
 Да принеси въ Украину
 Козацькую волю.

СПОМИНКИ.

Не згубила вража сила
 На вѣкъ Украину,
 Не розрытїи високїи
 Предковъськи могили.
 Наши хагы, наши села
 Не розруйновада,
 Нашу волю кайдавами

Не на вѣкъ скovala.
 Не зробила насъ панами,
 Не переродила,
 Нашу мову довговѣчною
 Въ тюрьму не забила.
 Нашу славу народною,
 Славную вѣками,
 Дѣла предковъ незабутнїи,
 Мы памятовали.
 Незабутнїи намъ велики
 Мученики прави,
 Незабутнїи дѣла твої,
 Ланцюги кайданы.
 Незабутнїи, враже лютий,
 Намъ твої наруги,
 Твої пытки и застѣнки
 Каты и попруги.
 Пора прїйде, часъ настане,
 Невинные встануть,
 И твої дѣла безславнїи
 Зъ Славою помянуть.

ДУМКА.

У киреяхъ, у бриляхъ,
 Зъ люльками, зъ саквами
 Ишли наши на Ладого
 Битыми шляхами.
 Везли они за собою,
 Не зъ Стѣчи гарматы,
 Не рушницъ й гакѣвницъ, —
 Заступы, лопаты...
 Ишли вони не битися,
 Не Шведѣвъ смиряти
 И не волю боронити, —
 А ровы копати.
 Илучи вони стѣромахи,
 Не пѣснї спѣвали,
 А хустками, зъ мережками
 Слезонъки втирали...
 Ишли полки козацькїи
 Смутными рядами,
 Наче батька-отамана
 Въ могилу сховали.
 По переду Полуботокъ,
 А за нимъ Сулима...
 Зарыдала за сынами
 Вдова-Украйна...

Не вернулись ён дѣти
 Зъ Ладоги до дому,
 Де копали, тамъ пропали...
 Така вже ихъ доля!..
 И за шо таку поругу
 Вони потерпѣли?
 Хиба за те, що правдою
 Широю служили?!
 Хиба за те, що трупами
 Полтавщину вслали,
 Якъ одъ Шведовъ одбитися
 Москвѣ помогали?!
 Хиба за те, що изъ волѣ
 Одадуть въ неволю,
 И на вѣки погубили
 Козацькую долю??..

КАТОРЖНЫЙ.

За велике слово правды,
 За рѣчь до громады
 Осудили праведника
 Катомъ катовати.
 И збѣралась на майданѣ
 Велика громада,
 Подивиться, якъ катуе
 Братъ рѣдного брата!
 Подивиться, якъ дѣвкою
 Кровь невинна льється,
 Якъ лугою режбною
 Живе тѣло бьется!..
 Скатували... чуть живого
 На возъ положили,
 Свѣжи раны глыбокии
 Спиртомъ помочили,
 И въ больницу одбслали...
 Тамъ его лѣчили,
 Подлѣчивши, укрепявши,
 Въ Сибирь знарядили.
 Въ сѣрачину его вбрали,
 Заковали руки
 И въ каторгу одбслали
 На пекельни муки. —
 Тамъ кайданы наложили,
 На цѣпъ приволяли,
 Покѣль живый — землю рыти
 Ему приказали.
 Землю рыти, добувати
 Золотую руду:

Всѣмъ богатымъ на утѣху,
 Бѣднимъ на огруту.
 Двадцать рокѣвъ такъ томився
 Праведникъ у горѣ,
 Копаючи у Сибирѣ
 Глыбокии норы.
 Двадцать рокѣвъ ёмъ не бачивъ
 Нѣ сонца, нѣ свѣту,
 Двадцать рокѣвъ не чувъ слова
 И рѣдного привѣту..
 Двадцать рокѣвъ стари щокни
 Слезы умывали,
 Двадцать рокѣвъ живе тѣло
 У пеклѣ страдало.
 Серце плакало, болѣло,
 Шо-дня смерти ждало,
 Покѣль глыба землѣ впала —
 И правого не стало.
 Его земля задушила,
 Земля и привитада,
 Земля въ землю положила,
 Земля и поховала! —
 Кременчугъ 23. Сѣчня 1862.

МОЯ ДОЛЯ.

Одинъ каже: дайте грошей
 Я счастливымъ стану,
 Усе гроши переможуть,
 Я всего достану.
 — „Ой неправда мѣй голубе,
 Гроши якъ полова!
 Не добудешь ты за гроши
 Сердечного слова.
 Друга-брата правдивого
 Златомъ не добудешь,
 Не за яки въ свѣтѣ гроши
 Матери не купишь.“
 Другий грошей цурается,
 А просить покою,
 Хоче жити — розмовляти,
 Тѣлько самъ съ собою.
 И я грошей не бажаю,
 Ору свое поле,
 Да орючи прошу въ Бога
 Нишкомъ волѣ, волѣ...

Ө. Верниволя.

НАШИ ПѢСНИ.

Пѣсни наши, тихи пѣсни!
 Якъ съ вами розстатись,
 Чи васъ въ слезахъ утопити,
 Зъ неволи смѣяться?
 Чи веречи васъ степами
 Въ нѣмое безлюдье,
 Тяжко сердцю, больно съ вами
 Безъ васъ тяжше буде.

Или кинути васъ въ очи
 Ворогамъ на соромъ —
 Чи послати васъ по жебрахъ
 Далекимъ просторомъ?
 Чи на тое мы васъ тихо
 Выгрѣвали въ груди,
 Щобы съ вами — тяжке лихо
 Вамъ ругалась люди?

И хотъ тяжко, а чей слезы
 Горячи прольются, —
 И души нашої желаньямъ
 Чей други найдутся;
 И чей скажутъ по старому:
 Прийдѣтъ къ намъ, родимы,
 Заспѣваемъ по давнѣму
 На ладъ нашъ любимый.

И хотъ въ пѣсняхъ, сумныхъ пѣсняхъ
 Дамо воли волю,
 Чей въ кружку забудемъ братскомъ
 Темный свѣтъ — неволю.
 И съ тобовъ, народе бѣдный,
 Съ тобовъ, великане —
 Нашой пѣсни звукъ правдѣный
 У насъ не устане.

И промчится по-надъ горы
 И по-надъ долины,
 Заквѣчится свѣжимъ цвѣтомъ —
 Цвѣточкомъ калины.
 Иль о небо отобьесея —
 Синими молньяма
 Опережесея, сольесея
 Съ сильными громами.

Прокотится генъ по свѣту,
 Громомъ загрохоче,
 Или въ грозу приодѣтый

Судити захоче.
 Розвине стары скрижали
 Оповѣститъ миру:
 Якъ народъ нашъ роспинали
 За любовь и вѣру. . . .

Охъ вы пѣсни, наши пѣсни,
 Якъ съ вами розстатись,
 Коли безъ васъ свѣтъ не милый —
 Доли не дождатись.
 Розмѣтайтежь ся свѣтами
 Помежь добры люде,
 Тяжко сердцю, больно съ вами —
 Безъ васъ тяжше буде.

ПѢДУ СВѢТОМЪ.

ПѢду свѣтомъ, бѣлымъ свѣтомъ
 Долю отглядати, —
 Доле наша, давна доле,
 Якъ тебе спѣзнати?
 Давно тебе напосѣялись
 Злы люди убити,
 И они не покидаютъ
 За тобовъ ходити.
 Давно они предъ тобою
 День Божій закрыли,
 Давно они на распяты
 Тебе осудили;
 Давно они тебе мучать,
 Бьютъ и забиваютъ,
 И въ могилу глубокую
 Кладутъ, зарываютъ.
 Давно они оковали
 Могилу въ кайданы,
 Щобы она не показала
 Свѣту твои раны,
 Щобы она не распалась
 И не воздрогнула,
 Щобы она была давнюю
 Собѣ не вспомнула;
 Щобы она вспоминаемъ
 Не отмолодѣла,
 Щобы она воскресемъ
 Разъ не загремѣла.
 За то они и въ могилѣ
 Тебе оскорбляютъ,
 За то они на день тричи

Тебе разбиваютъ, —
И кидаютъ звѣрямъ лютымъ,
Щобъ тебе роздерти,
Не дають тобѣ ни жити,
Не дають умерти.

И. Гушалевичъ.

НОЧЛѢГЪ.

Гадка въ гадку гадковъ гоню, —
Ахъ, пасися милый коню,
Маешь травы, маешь кѣвты,
Поведу тя напоити.

Сходитъ мѣсяць, сходя зрѣть,
Везде тихо якъ въ поморѣ, —
Коню брате, ляжь спочити,
А я зброю йму острити.

Га, дивѣтся, якъ снае,
Ажъ ми сердце распукае, —
Покладися также въ кѣвты, —
Доки часть тя напоити.

А я ляжу трѣшки спати, —
Нѣ, волюю плащъ узати,
На муравѣ го роздѣти,
Тай шеждару настроити.

Якъ ся струны бдрзвали?
Га, а щожъ бымы заспѣвали?
Цы за долю, цы за милу? —
Нѣ, спѣваймо за могилу.

СИРОТЫ.

На зарѣнокъ сонце грѣе,
Де ся хлопчикъ съ щеньемъ грае,
Цы морозъ, цы вѣтеръ вѣе,
Щенье, хлопчикъ не пытае.

Ба и сонця ще не видко,
Зъ-поза свѣта, зъ-поза хаты,
Хлопчикъ кличе на песецко,
Тай идуть обое грати.

А хоть сонце не свѣтило,
Хлопчикъ мусить съ щеньемъ грати,

Бо хоть грати имъ не мило,
То ихъ гонить — добра мати.

И такъ грають Божа-днина,
Цы мело, цы сонце грѣло,
Бо и хлопчикъ сиротина,
Бо и щенье осамѣло.

ДУМКА.

Ой лишить мя, най думаю,
Доки свѣтла, доки Маю,
Бо якъ зложуть въ домовину,
Тамъ думати вже покину.

А хоть въ гробѣ задумую,
То нѣ въ свѣтлѣ, анѣ въ Маю, —
Бѣла черва точить груди,
Вся то моя думка буде.

І. Федьковичъ.

ГУСИ.

Розмножились чередами
Гуси въ Дибстровыхъ лугахъ;
Не плывали vzdolъ водами,
Лишь бродили въ мочарахъ;
Не збивали крылами сумно,
Бо не мали еще пѣръ,
Шепотали тихо, сумно,
Гусака имъ згубилъ звѣрь.
Залетѣло межи гуси
Ажъ зъ далекихъ десь сторонѣ
Невидане ще на Руси
Стадо крикливыхъ воронѣ
Бѣлы гуси съ воронами
Не согласилися въ ликъ,
Незгодными голосами
Возносили дивный крикъ. —
Гуси прійшовши до силы
Гиготали въ гусій ладъ,
Вороны ся имъ глумили,
А такъ прійшло и до звадь.
Но що? горе стаду тому,
Де согласія въ немъ нѣтъ,
Гусакови молодому
Свѣсти съ ворономъ на плѣтъ!

„Жіють съ нами вразъ вороны,
Сказалъ премудрый гусакъ:
„То кракаймо якъ и они!“
И самъ кракнулъ: „ось хоть такъ!“
Скоро кракнулъ, ѳтъ печали
Крики гуси: ра, ра, ра!
Крылами били и сычали,
Обскубали до пера.
„Выроде! зреть есь ся свого,
Иди собѣ до воронь!“
Волокли що-но живого
И выгнали зъ стада вонъ.
Вороны го облѣтали:
„Ты ни воронь, ни гусакъ,“
Ругалися, обсмѣвали:
„Иди собѣ... ты... чудакъ!“

ВЛѢЗЛИВА МУХА.

Влѣзлива муха
Встрягла по уха
Въ сметану густу;
Борыкалась
Проклиналась:
„Кобы мя пунту
Збавилъ кто зъ бѣды,
Стерегла бимъ съ и воды!“
Та збавилъ ю зъ бѣды ктось,
Очунявши она — ось
Подетѣла просто въ горщъ,
Щѣ на столѣ стоялъ — въ борщъ.
Кухарка схватила
Влѣзливую за крыла
Тай шпурила вонъ;
Но не ту ей сконъ.
Еще ю понесъ бѣсъ,
Баши сѣсти на нѣсъ;
Зъ носа баши прогналъ пазъ,
Она собѣ гейже въ мазъ.
Ту влѣзливу уже, бачъ,
Замѣшае съ мажѣвъ квачъ.

ВОЛКЪ И БАРАНЪ.

Схвативъ барана кишный волчиско,
Згадавъ лукаво: прожру го цѣлкомъ!
Та удавился неборачиско

Самимъ барана кудлатимъ хвостомъ.
По его смерти очунялъ баранъ,
Долго гонлся зъ волчихъ зубѣвъ ранъ.
На стыпу волка збѣгса звѣрь всякій,
Дерь що могъ зъ него сякій и такій;
И вороны ся зѣтали,
Похоронне му спѣвали:
Сѣрый сватъ нашъ неборакъ,
Кусаль много, не прожеръ,
Не буде барана деръ;
Ци во вѣки? Таже такъ!

Лука Данкешичъ.

ДО МОЛОДЕЖИ.

Жваво, жваво, молоды цвѣты
Нашого краю, нашей Отчизны!
Не загрѣбайте вашей силы, вашей
красы,

Въ нерадѣнья и лѣнливоста глубины;
Коли новы блысли часы
И свободы свѣтитъ Май,
Взносетъ мысли въ новы свѣты,
Въ челоуѣколюбія всеблаженный край!

Гляньте, що ся дѣе съ нами,
Гляньте, якъ ся на насъ дивитъ свѣтъ:
Все здорове, силы много, —
А по хатахъ все убого
И все дѣло иде въ-сѣкакъ;
Бѣда съ нами, перелъ нами,
Бо намъ свѣтла, свѣтла бракъ.

Бо кто ажъ въ остатной години
Зѳравившись на пляцъ выправы бѣжитъ,
Подобный незрѣлой дитинѣ —
Не помагае, во бѣльше зредитъ;
Подобный воину несооруженну,
Безъ опору въ плѣвъ несчастный иде,
Або знайшовши користъ роздѣленну,
Со встыдомъ до давной вертае бѣды.

Тому, о братья, коли хочешъ,
Абы и наше було крѣпке дѣло,
Абы и зъ нашей живы цвѣтъ
Былъ такъ славный и такъ милый,
Щобъ го цѣлый учтилъ свѣтъ, —
Сами перше скорше, вшоше

На солнечный взлетѣмъ свѣтъ,
И съ помазаньемъ пророчимъ,
Съ свѣтлѣйшимъ духомъ злѣтаймо
ниже,
Свѣтломъ народны укрѣпляймо силы
И въ одно крѣпке повяжѣмся тѣло.

Бо ино свѣтла небесная сила
Будить и творить несмертельны дѣла;
Ино то свѣтло валить всѣ препоны,
И веде певно до славы короны,
И зависть, пыху, ненависть збѣдливу,
Збѣвѣе въ милость и пріязнь счастливу.

То Вамъ дорога, молодежи красна!
Познайте вашъ часъ и вашу годину:
Вамъ ще сіея весновъ доля счасна
До важной справы, до славного чину.

Ваша Отчина, то не стары Хины,
Въ одну форму заскорупѣлы,
Высоке ваше якъ всѣхъ Славянъ знамя:
Непобѣдимый духъ и сильне рамя,
Здатность до книги якъ и до бою.
Тоже соединѣмъ такъ крѣпкіи силы!
На-передъ братья въ мирѣмъ полбою
Въ просвѣщенія всеблаженномъ краю!
Чисте золото зъ науки скарбницѣ,
Чистую воду зъ мудрости керницѣ,
Добудѣмо, а мыто невѣжества броду
Отвернѣмъ свѣло ѳъ своего народу,
А вознесутся и Руски Атины,
И Руси блисне сонце духовного Маю.

ЗГАДКА ЗА СЛОВЯНЩИНУ.

Ой думаю я, думаю
Надъ Вами Словянски роды!
Де широкій шлякъ Дунаю,
Кула Нѣвы шумять воды.

И де Висла величава,
И де чернй фалъ Буга,
И де Днѣстеръ, Руси слава,
И пороги его друга.

Де глубоко нурты Сяна,
И де Нѣженъ преплывае,

Де Молдава увѣчана,
Де граничный Донъ чувае.

И де Драва землю поре,
Отъ Урала подъ Балканы,
Отъ поморья на поморье,
Вижу племя розсѣяне.

Всѣ зъ одного гнѣзда птаки,
Сизы орлы и соколы,
Але звѣзды не однаки
Просвѣщаютъ вашей доли!

За то всюда суть Боине,
Всюда пѣсни припѣвають,
Ихъ огнива непрерываны
Розлученыхъ зновъ спаяють.

Ой думаю я, думаю
Надъ Вами Словянски роды,
И всѣхъ сердцемъ обймаю
Подѣляю всѣхъ пригоды.

А. Подолшина.

РУСКА ПѢСНЬ.

Засвитай вже, красна зоре,
Яснымъ свѣтломъ надъ Днѣстромъ!
Щобъ со ночью зчезло горе
И умолкъ по бурѣ громъ!

Засвитай, якъ вже съ свитала
По весняныхъ любыхъ снахъ,
По тыхъ снахъ, коли настала
Радость въ нашихъ сторонахъ!

Гей, тогда нѣчь улѣтала
Вѣтра лыхомъ по цвѣтахъ,
И даръ сонный веѣмъ ссылава
По палатахъ и хатахъ.

И встрясалися могилы,
Въ нихже спали рыцарь,
Що неразъ Татарву били
Въ наглоѣ горестной порѣ.

И здавалось, що зъ кургановъ
Высувались всѣ они —

Мовь ишли бы зновь на Хановъ
Вѣрнй отчины сыны. . . .

Дивно! по долахъ Днѣпровыхъ
Розлягался голосъ трубъ,
Слава же въ подкахъ готовыхъ
Неслася на вражій зрубъ.

И та Слава загремѣла
Въ замкахъ и по городахъ,
Та животну грудь огрѣла
Пѣсню о походахъ!

О тогда розвеселяся
Нашъ Днѣстеръ въ своѣмъ краю,
И Русалкамъ придивлялся,
Що купались при гаю.

Вгѣмъ зѣрица уронила
Ясну слезу радости
И землицу украсила
Барвою молодости. . .

Бо-жь въ ладѣ ся розвивало
Сѣмья житія кругомъ,
А коли вже засвітало
Взяѣсса Галичъ надъ Днѣстромъ!

И заблысло солнце ясне
Надъ престольнымъ городомъ,
Миръ-же и газдѣвство красне
Цѣловались съ гарадомъ. . . .

Но щожъ то за страшнй хмары
Сунутся зъ лихихъ сторонъ?
Ей бѣда! бо смертнй чары
Зновь влекуть животъ во сонъ.

Ой померкли вже надѣи,
Якъ погасъ солнечный лучъ
Та умолкли соловѣи,
Бо ревѣлъ громъ середъ тучъ.

Отъ и нѣчь вже огорнула
Нашу долю туманомъ,
Такъ що бѣдна Русь заснула
Пѣдъ несчастья тягаромъ. . . .

Темно, сумно мовь въ могилѣ
Всюду сонъ и ночнй страхъ —

И росте тьма въ дивной силѣ
Та гнѣздится въ чагарахъ!

О! тутъ лачно, бо лишъ краче
Воронъ на гробахъ села. . . .
А зазуля плаче — плаче,
Бо калина ей усхла.

Гей, чи долго нѣчь ще буде?
Чижь не засвітае день?
Тутъ мовь не жиють вже люде,
Тутъ сторчить лишъ мертвнй пень!

Доки-жь маемъ ще дрѣмати?
Доки ползати во тѣмъ,
Та въ журбѣ ще увядати,
Мовь цвѣтъ пѣдъ ледомъ въ зимѣ?

Дови-жь сонъ той. . . тихо, тихо!
Ось вже будитса животъ!
Вже зчезае ночне лихо,
Бо сплывае свѣтъ зъ высотъ. . .

Где-жь тѣ тучи? где-жь тѣ хмары,
Що боролися съ собовъ?
Ба, ще смертнй улары
Посылали въ грѣбъ готовъ?

О! тревога та минула,
Съ невѣ дрѣмота и бѣда,
Прецѣнь трудно, щобъ заснула
Геть на вѣки свобода!

Гляньте братья, якъ зѣрица
Всходитъ во природы храмъ:
Якъ, та неба красавица
Плыне воздухомъ ко намъ!

О! витай намъ зоре ясна,
Ты-то оживляешъ насъ,
Ты есь наша доля счастлива,
О! витай намъ въ добрый часъ!

Бо-жь то тубо во дружинѣ
Жити отахомъ надѣи,
И думати при калнѣи
Где щебече соловѣи!

А коли вже засвітало, —
Нужъ спѣшѣмъ на ниву вразъ!

Тамъ-бо праць ней не мало,
Тамъ порось могильный глазъ!

Съ Богомъ землю ту справляймо!
Та-жь то жьва отчимъ —
Съ Богомъ такожь въ ню всьваймо
Зерна въщю, весны! . . .

Ежилянъ Огоновскій.

СВЯТОСЛАВОВА ДОДИНА.

Помните, братья, Святослава,
Що землю обладавъ Древланъ,
Нѣжь побольшилася держава, —
И край, де Бугъ, Днѣстеръ и Сянъ,
Посѣвъ по брату Всеволодъ,
И первый рыцарь бувъ въ народѣ.

А лютився тогди немало
На братій братъ ихъ Святополкъ.
Вже Гльба, Бориса — не стало . . .
Однакъ, що лютився нѣжь вовкъ,
Нехай, де брата славу чути,
Его въ той пѣśni — ни спомнути!

Въ жестокомъ бою вже розбитый
Съ житьемъ уходитъ Святославъ;
А той побѣдою несомный
Погоню ворогъ-братъ пославъ
За братомъ, що на Руси крадець
Бѣжавъ въ Карпаты якъ выманецъ.

Но князь-бѣглець тамъ каже: „Годъ!
Нехай судьбу рѣшае бѣдъ;
Не скрѣе встыдъ въ нуждѣ народъ,
Кто край мовъ трусь докниє свѣдъ;
Черезъ Бескидъ хоть щадякъ одвертый,
Нѣжь такъ спаслись, волью вмерти!“

Се богатырь, кто для отчизны
Про славы пламенну любовь
Въ борьбѣ не тямить крови, жизни;
Но кто е той, що душу-кровь
Якъ довгъ жертвуетъ для родины: —
Бо не поможе ей, то — гине?!

Такъ лягъ на горахъ, де граница,
Съ товаришами Святославъ.

Скала и зѣлечко-травиця
Испиди кровцю, що прольвавъ,
А та, що кости схоронила,
Уже сѣвду вѣтъ — де могила.

Но духъ его у збруѣ ржавой —
Якъ мракъ наляже на Бескидъ —
На найвысшой его вершавъ,
Въ рупѣ сулиця, въ другой щитъ,
И въ милый край вдививши очи
Стоитъ на сторожи по-ночи.

Стоитъ — на сѣверъ позирае,
Стоитъ — подивится на югъ:
Чи спить-жѣ, чи живъ-конае,
Чи пробудивсь народъ вокругъ?
Чи паномъ ставъ надъ ворогами,
Чи вороги ему панами?

Покѣй будь духу твому, княже!
Жива ще Русь, здоровъ народъ,
И нѣкто, щобъ вмерли, не докаже.
Та якъ-бы, княже, людъ не тотъ,
О тобъ и твоей долинь
Вже не булѣбъ и тямки нынѣ . . .

Ксенофонтъ Климовичъ.

ДИТИНУ ХОВАТИ,

То камѣнь глѣдати.

(Народна пословица.)

I.

Невѣста, кедьсь якъ цвѣтъ-калина,
Нынѣ до двѣе слягть зблнута,
Личко западѣло, — колѣше сына,
А азъ грудиѣ тиснесь ревлива нута:

Ой смну, смну, моя надѣл!
Колѣжь подпоры зъ тебе съ дож-
дати?

Якъ довго мѣтъ кровь сердце грѣе,
Буду ты цвѣтку любый плекати,

И голубити и колѣсати,
Хогъ бымъ не спала ночей цымало,

Все, все для тебе понесе мати,
Бьсь ся серденько мно ховало.

Не плачь цвѣтонуку, не плачь, бозгину,
Твоя ми слеза грудь розрываетъ —
Хоть разъ засмѣйся до мене, сыну,
А радѣсть въ груди хъ мы засіе.

Сыну засмѣйся до твоей мамы;
Она тя груди свѣе въскормляе,
Якъ сонце росу зъ цвѣтѣвъ лучами,
Устами слезы тобѣ втерае. —

Най хоть разъ личко твое погляне
Весело, — сейчасъ отжіе ненька,
Еденъ твой усмѣхъ за все ми стане,
Бо жене журбовъ зъ мого серденька.

II.

Сѣдоголова въ кутику хаты
Журбовъ зломлена сидѣла ненька,
Слезъ не ставало, щобъ зарыдати,
Щобъ отогнати грузъ зо серденька

Часами тѣлько слабенькій зъ груди,
Мовъ при сконанью голосъ силывся:
Охъ я несчастна, що скажуть люди?
Бодай такій сынъ и не приснився!

Я го ховала, сердцемъ кормила,
Я отганяла отъ него злое,
Я го слезами моими мыла, —
А онъ втрувае серденько мое?

Рѣдненькимъ словомъ онъ ся встыдае,
Якимъ молитись вчила го ненька,
Негѣдний свое гнѣздо каляе — —
Прочъ зъ моеи мысли, прочъ ми зъ
серденька.

Я тя во вѣкъ ся вже вырѣкаю, —
А сли коли тя кто запытае:
Кто твоя мати? — повѣдъж: не знаю,
Бо перекинчикъ мамы не мае!

Павло зъ Шуткова.

КОЛЫБЕЛЬ ДѢДА.

И макѣвка не поможетъ, —
Старому не спати!
Якъ зъ вечера ся положить,
Тяжко дня дѣжати.
Думка сонъ му отбирае,
Хотай вѣкъ бровь вяже, —
Онъ думаетъ, вспоминаетъ
Давни часы вражй!
Онъ згадае, якъ лукавыи
Свѣтъ не далъ му жити,
Якъ при своѣй мыщѣ стравы
Мусьль ся чужити;
Якъ былъ чужимъ въ своѣмъ домѣ,
Слуговъ власной хаты,
Якъ разговоръ своѣй питомый
Мусьль толковати. —
А сонъ все ся не имае
Головы старого;
Очи жмурить, та думаетъ
Ажъ до дня бѣлого.
Вже и сонце скрѣзь ѣконце
Золотить му ложе,
Съ серебряною головою
Уснути не може. —

Ту ся дѣти пробудили,
Сыны та и внуки,
И старого обступили
И ну же въ принуки:
Чи ся выспалъ? чи здоровый?
Дѣдуса витають,
Въ хвилѣ повна хата мовы,
Вже навѣтъ спѣвають.
Ой здорово бо, здорово
Старому якъ птиць!
Бо пѣснь кожда, кожде слово
Зъ родимой керницѣ.

Ночевъ сонъ вѣкаль отъ дѣда,
А якъ дѣти встали,
Пѣснь родима и бесѣда
Въ сонъ го вколмысали!

Ю. III.

ВЪ КЛАСЬ.

При окнѣ сядь онъ у класъ; —
Видѣсто слухати важный урокъ,
Онъ буялъ собѣ по Парнасъ,
И писалъ такий-ось стихошъ:

„При окнѣ сажу я у класъ,
Въ ботаничный гляжу огородъ
Красна Ляшка иде по терасъ, —
Якій смѣлый, веселый ей ходъ!

Кажу: Ляшка — и гдѣже то Ляшка?
Познаю я по полѣту ей —
Ожъ то наша домашняя пташка,
Ино ляцка жалоба на ней.

То Гупулка! — Плясалъ я ись нею
Коломыйку на рускомъ балю,
Говорилъ якъ съ сестрою моею,
Признавался, що страшно люблю...

И любилъ я въ той вечеръ неложно,
И до-нынѣ однако мѣ любилъ, —
А отъ нынѣ — ей Богу — не можно:
Я измѣну въ ей сердци открылъ.

Измѣнила она свою моду, —
Измѣнити могла бы такожъ
Своей Руси и своему народу —
Вже — ей Богу — любити не можъ!“

О. Га. Д—й.

НЕ БУДУ СЪ ЖУРИТИ.

Не буду съ журити,
Журба не поможе,
Зъ журбы одурѣти
Борони мя Боже!

Зъ журбы волосъ сивый:
Лице ся старѣ,
Тай серденько болить,
Отуха малѣ! —

Не дамъ ся недогъ!
Боротись съ невѣ булу.
Пребувъ емъ неволю,
И нужду пребуду!

Богъ стане въ пригодъ, —
Загрѣ соценько
Въ моей загородъ
Хотя и пѣзненько!

К. А. Х—в

зъ подъ Обергына.

ПОСЛѢДНЯЯ МОЯ ПѢСНЬ.

Ой дѣтята-соколята,
Смагайтесь на крылата!
Бо я уже соколъ старый,
Ужъ мнѣ крыла поламали.

Горѣ, доловъ лѣтаючи,
Свои дѣти питаючи
Отъ юности до старости, —
Изнемогли жилы, кости.

Ахъ лѣталъ я и высоко,
Понурился я глубоко,
Плава по шумнымъ струямъ
Безъ кормщика правилъ самъ.

Ахъ колько то стихий бурныхъ,
Колько модий и стрѣлъ дурныхъ,
Изнесъ отъ враговъ природныхъ,
И отъ чужихъ и отъ родныхъ!

Всюды напасть, всюды ловы
Строятъ нещыми совы
На невиннымъ дѣтята,
На безвреднымъ соколята.

А зозуля, хитра птица,
Прогульная бездѣльница
Выброшаетъ птеня мое.
Несетъ въ гнѣздо яйце свое.

На тѣ хитростей громады
Годъ было дати рады,
Лишь по силамъ лѣталъ я
По-надъ лѣсы на поля.

Не красился пѣрьемъ чужимъ,
А крѣпился духомъ дужимъ,

Не измѣнялъ ни на страстяхъ,
Терпѣль бѣду въ тѣхъ напастяхъ.

Скубли враги со всѣхъ сторонъ
Выставляя мня на соромъ,
Разбивали якъ колоколъ,
Но я осталъ старый соколъ

Бывъ соколомъ — для родины
Спѣвалъ пѣсни соколины,
Училъ такъ и васъ свѣдати,
По соколѣму лѣгати.

Такъ дѣтята-соколята,
Смагайтеся на крылята,
Старый соколъ ужь не можетъ,
Онъ вамъ больше не поможетъ.

Бѣлый вашъ свѣтъ, бѣлый свѣтъ,
Въ немъ доселѣ грѣха нѣтъ,
Не берите чуже перья,
Бо то вашимъ лишъ потеря.

Съ мыслию о горной жизни
Жійте благо для отчизны,
А чужимъ стережѣтся,
Чуже въ васъ не устоится.

А я свершилъ мою жизньъ,
Днесъ пою послѣдню пѣснь,
Пѣснь послѣдню для васъ милыхъ,
Соколиковъ хижокрылыхъ.

На Бескидѣ въ родномъ краю,
Въ томъ исконно-рускомъ раю,
Где свѣтъ узрѣлъ, тамъ лежатъ
Хочу вѣчно спочивати.

Схороните мя въ дубравѣ
При скалахъ въ пустой тѣнравѣ,
Сами здоровы спѣвайте,
А на Батька памятайте!

Въ Прашевѣ.

Александръ Духновича.

БАТЬКОВИ ДУХНОВИЧУ.

Здравствуй Батьку солоденькій,
Ты соколе нашъ сивенькій!
Здравствуй! желаютъ дѣтята
Твои руски соколята.

Твоимъ чувствомъ воспитаны,
Твоимъ пѣньемъ взлѣбланы
Тебѣ пѣти помогаютъ,
Родъ свой облагородняютъ.

Научившись изъ „Книжици“
Руски хлопята, дѣвици,
Въ церквахъ „Хлѣбъ души“ читають
Александра поминають.

Отъ Попрада ажъ до Тисы,
Подъ Бескидомъ горы, лѣсы
Духновича поминають,
Ему здравія желаютъ.

Дастъ Богъ, Батько, будешь жити,
Молодцевъ руководиги,
На дружину назирати,
Ей полетомъ управляти.

Гдѣ такъ крѣпка духа сила —
Переминетъ недугъ тѣла;
Богъ не дастъ такимъ умерти,
Что народъ спасли отъ смерти!

Ты будилъ насъ всѣхъ до жизни,
Вскормилъ любовь для отчизны,
Первый былъ Ты межи нами
Славный умомъ и дѣлами.

Вождь народа знаменитый,
Не одинъ вѣкъ будешь жити,
Руси нашей Мужъ великій,
Прожіешь въ сердцахъ ей вѣки!

Подъ Карпатомъ.

Александръ Павловичъ.

ПАНСЬКА ВОЛЯ.

Оповіданно.

І.

Люблю я старців!.. О! якъ широко, нелицемірно люблю, — люблю ихъ старечіє речі, люблю ихъ розмову, люблю ихъ усміхъ... Може й мѣнѣ доведеться бути на старості старцемъ, — не ма й въ мене ні кола, ні двора: — хто его не знає, що ще зустрѣнеться у моему життї... Воєвоково буває чоловіку на вѣку. Не счастье, а гѣрка недоля да тяжка неволя роблять людей старцями.

Було лѣто, якъ-разъ у самісенки жнива. Сонце стояло якъ-разъ о полудні и такъ палило, такъ палило, що земля ажъ перепалась. Зелено-верхіє вербы одъ куравы стали похожи на дѣдовъ, у котрыхъ головы почали вже сивѣть, не одъ лѣтъ, не одъ старості, а одъ бездутья. Тяжко рано составіться, а кого неволя не зстарѣе?!... Спека була велика, на що вже воронбе, а й те поховалось у холодокъ, тільки мухи та овады лѣтали, та гули, наче сердились, що мало проѣзжихъ, що не ма коней, щобъ сѣсти да насати крові. Рѣчка стояла наче жертва, пѣсчаныи береги їи наче стогнали одъ спеки. Усюды людей невидно було у сѣму мѣсці; тільки на грѣблѣ сидѣвъ босый, бевъ шапки, въ латаній сорочцѣ старый — старенный, лысий дѣдъ. И сонце пекло, и мухи сядовились ему на лысину, и курава сыпалась у его старыи слѣпыи очи.

Тільки-що порівнявъ мой вѣзъ зъ старцемъ, — старымъ розбитымъ голосомъ онъ проговоривъ: „Дайте душа христїанська, ради Христа, старому калѣцѣ на хлѣбъ.“

Я зупинивъ коня. Товарищъ мой ставъ радити, щобъ трохи спочити у холодку підъ вербами намъ и коняцѣ. Звѣхавши на бѣкъ зъ грѣблѣ, товарищъ ставъ выпрягати коня, а я пошовъ до дѣда.

— „Здоровъ старче Божій!“ сказавъ я.

„Дай Боже здоровья,“ одповѣдавъ онъ.

— „Давно тутечки сидишь дѣду?“

„Да що давно: шосте лѣто.“

Слово по слову розговорились мы.

— „А роскажи дѣду, пытаю я, черезъ що ты старцемъ ставъ?“

„Э! черезъ що!.. черезъ панську волю, да не всѣмъ можна про се росказувати; а то що й умерти на волѣ не дадутъ; у тюрму запрутъ“..

Догадався я, що дѣдъ думаючи, що я панъ, боится вести зо мною бесѣду.

— „Не бѣйся дѣдусю, кажу ему, я не панъ, я чоловѣкъ простый, бѣды тобѣ ніяком не зроблю, а пытаю тебе черезъ те, що я люблю ваши старечи розмовы, люблю розпытувати, черезъ що хто ставъ старцемъ. Ажъ и ты дѣду не родився старцемъ?“

„Вѣстимо нѣ! и я бувъ чоловѣкъ, якъ усѣ люде, — да панська воля на все.“

— „А чувъ ты дѣду, що теперъ уже не ма крѣпацтва?“

„Та що, що не ма? Мѣнѣ все одно, — гарна ложка до обѣда.“

Пришовъ и товарищъ мѣй, ставъ онъ роспытывать дѣда.. Нічого.. дѣдъ не вѣривъ.

Загубивъ я уже всю надѣю знати, черезъ яку „панську волю“ дѣдъ зробився старцемъ. — Чимъ довше мы говорили, тымъ бѣльше бажалось мѣнѣ роспытать дѣда, а дѣдъ не росказувавъ.

„Боюсь, твердивъ усе одно, хто знае, що вы за люде; роспытаете, вы-пытаете всю правду, да тодѣ мене въ тюрму“..

Довго божились мы, довго увѣрили дѣда, що сего нічого не буде, що мы не судовныи и не паны..

„А щожъ вы таке? хиба богомольць? спытавъ дѣдъ.“

— „Богомольць, дѣдусю, ѣдемо до Кіѣва, святымъ угоднякамъ поклониться.“

„И мѣжь богомольцями усяки люде бувають.“

На-силу, на-силу упросили мы дѣда, на-силу довѣрився онъ намъ и ставъ росказувати, да й то ще збѣйшовши зъ греблѣ до воза. — „А то, каже, ѣхати-ме часомъ становый, побачить да набѣе, або въ станъ забере; нашому брату старцю не приказано сидѣть по дорогамъ.“

III.

Ставъ намъ дѣдъ росказувати:

„Версѣловъ сорокъ одсѣла на рѣчцѣ Коломазу стоить село Свинковѣа. О-тамъ я й родився. Кажуть люде, що дѣдъ мѣй бувъ вольный чоловѣкъ, живъ у подсосѣдкахъ, та якъ писалась перша ревизія, то его и приписано у крѣпацтво.“

Послѣ батька, насъ осталось двоико: я и старшій братъ; мѣнѣ було восьме лѣто, а братови дванадцате. Матері я не зазнаю, малымъ бувъ я, якъ покѣйница померла. Царство ёй небесне!“ Дѣдъ перекрестився. —

„Отъ якъ померъ покѣйный батько, — нехай царствує! — посадили до насъ у хату стару бабу, щобъ насъ доглядувала. Сердита покѣйница була, натерпѣлись мы всего: доводилось и такъ, що по два дни нічого и въ ротъ не брали.

Минуло два роки. Брата взяли у панській двѣръ, а мене баба оддала у наймы. Хлопцѣмъ я бувъ ше-душений, такий, що, якъ кажуть, одъ вѣтру хилився.

Спасибѣ-Богови, хозяйны трапились люде богобоязливй, даромъ не обижали: инодѣ було штовхне мѣжъ плечи, або за чуба скубне, та се все дарма було; спасибѣ хочъ за те, що добре кормили. — Козаки вони були, а козача душа ще й досі не станѣла.. Рѣсь я, хвалить Бога, ставъ и здоровьемъ поправляться; — у сѣмнадцать лѣтъ паробокъ зъ мене вышовъ такий хлѣсткій — хочъ куда.

У казинѣвъ моихъ — толькѣ було и дѣтей всего, що одна дочка — Ганнуса, двома годами молодша мене. Що за хороша, що за вродлива була — такъ и сказати не можна! а що за сердобольна була!... що за прихильна була душа до вбогихъ! Чи праздникъ який було настане, чи такъ просто у Недѣлю, вона пѣсля службы Божою набере у принось буханцѣвъ, соняху, насѣнья, и пѣде по улицѣ роздавати убогимъ дѣтямъ. Всѣ ёи любили. Та якъ було и не любити ёи за ёи добрѣсть?!

А старыё ёи — батько и мати такъ и души въ ёи не чули, берегли свою Ганнусю, наче чисте злато. За тежъ и вона кохала ихъ. Отсе було у Недѣлю возьме гребѣнку, выськае головы и старому и старѣй, приспить ихъ, зачинить по-тихисеньку дверѣ, сама сяде на призьбы, и береже ихъ сонъ, наче той Ангель-хранитель. А коли бувало я дома, — то зо мною розмовляе. Жартовать вона не вмѣла, а було все роспытуе, якъ, що, и одъ чого воно такъ.

Пройшло ще лѣто, и Ганнуса стала, наче та пышна садова квѣточка. Повновида, бѣлолица, брови такъ шнуркомъ и протяглись, коса довга-довга, да товста, да роскошна, очи — якъ зори, станъ гнуткій, высокій! Боже мой, яка хороша, да прехороша була вона! красче одъ ней я и не знаю нікого... Та, мабуть, и не буае красчихъ — хiba одни Ангелы божи. А якъ вона голубка скѣнчала свое житѣ!“ ..

Дѣдъ замовкъ и горячіе слезы полились изъ его старыхъ слѣпыхъ очей... О! то були кровавы слезы! Такими слезами паны не плачуть, такіе слезы не всѣмъ и даются. Серце рвалося одъ болѣ, дивлячись на тѣ слезы...

Трохи згодя, дѣдъ перевѣвъ духъ, утеръ слезы и ставъ казати далѣ:

„А про щожъ я розказувавъ?.. Эге! забудь уже.. слаба память стала. Трёвайте, згадаю.. Эге — що Ганнуса вступила въ сѣмнадцате, а я въ девятнадцате лѣто. Братъ мой живъ у двѣрь, наставили его гуменникомъ. И онъ бувъ чепурный, хорошій паробѣка, да про его послѣ буде рѣчь. Старыя хозяйны мои все бѣльше и бѣльше любили мене. „Гарный парубокъ ты Грицю, каже було старый, душа въ тебе щира, правдива, да, жадко, що крепакъ; не тобъ бь буги крепакомъ. Отъ теперъ усъ гроши, що заслуговуешь ты у мене — забѣрають паны, а коли бь ты водный бувъ, — то все бь вернувъ на себе“... Я ничого було на се не одповѣдую, тѣлько тѣжко-тѣжко зѣтхну.

III.

Була осѣнь. На Покрову цѣлый день ишовъ дощъ, усъ мы седѣли дома Ганнуса ськала стару, а старый розмовлявъ зо мною. Колижь ось двери очинились на-встежь и въ хату вбѣгъ стрѣлю товарищъ моего брата, увесь блѣдный, ажъ трусится, наче пропащица на его напала.

„Що ты, Ничипоре? пытаю: Чого такій блѣдный, чого дрожишь?“

— „Иди въ двѣрь, одказавъ онъ. Не все благополучно.“

„А щожъ тамъ?“

— „Дмитра у Москаль берутъ.“

Я и не стямився. Якъ седѣвъ, такъ и обмѣрь, наче мене хто варомъ обкотивъ. Старый, Ганнуса кинулись мерщѣй до мене, стали лить на мене воду... Одѣйшовъ я трохи, та не на добро! Красче бь було не одходити.

Взявъ я шапку и пѣшовъ у двѣрь. Бѣля конторы паньской стоявъ вѣзь, запряженный у тройку, а бѣля возу стояло богацько людей. Кто сѣно мостивъ на вѣзь, хто гладивъ коней по гривамъ, хто гѣлосивъ, а хто просто стоявъ, да колупавъ цѣпкомъ землю. Дмитро седѣвъ на рундуцѣ, закованный зъ другимъ паробѣкомъ у залѣзне путо. Да такій смутный, да такій невеселый, наче чорна осѣнни хмара.

„За що се тебе Дмитро везуть? пытаю. Що ты заподѣявъ?“

Дмитро пѣнявъ у гору голову, подививсь кругомъ себе, усмѣхнувся такъ тѣжко, що другий такъ и не заплаче, тай каже: „Не пытай брата. Ничого я не заподѣявъ, а така вже паньска воля.“

— „Просто: наборъ!“ обѣзався хтось зъ людей.

„Нй, кажу я, тутъ дѣло не просто, чомъ же не берутъ кого другого, да Дмитра?“

— „Мовчи Грицю! Не роспытай!“ обѣзався Дмитро.

Вышовъ зъ будынокъ пань — „подавай!“ крикнувъ. Ридванъ щестернею пѣдѣхавъ до паньского рундука. — „Эй! староста! крикнувъ пань, — вслѣдъ за мною пошелъ.“ — Ридванъ полетѣвъ.

„А нуте хлопці! сядовѣтса!“ сказавъ староста.

— „Прощай Грицію! Не забувай мене!“ ставъ казати Дмитро, обнимаючи мене... „Прощай! Я не виненъ“... Хотѣвъ ще щось казати, да не злодѣвъ, слезы не дали, ждати було ніколи; бо староста все гремѣвъ: „я нуте, нуте, швидко, не гайгесь!“.

Потѣхали... Я стоювъ, якъ вкопаний. За що его взято? за що его заковано? що онъ заподѣявъ? думавъ я собѣ. Кого роспытати? Хто знае?— Думавъ, думавъ, нічого не выдумавъ. Пришовѣ до дому, розказавъ усе старымъ и ставъ просити рады у ихъ.

„Щожъ сыну, одказавъ мѣнѣ старый. (Онъ уже такъ вподобавъ мене, що друге лѣто звавъ сыномъ). — Нічого я тобѣ не поражу. Наборъ, кажуть, — добре, нехай и такъ: такъ есть же богацько у вашого пана и окреме Дмитра. Тутъ щось воно да не такъ... Ажъ ты ще казавъ, здається не давно, що панъ любить Дмитра?“

— „Уся двѣрня кричала про се, и самъ Дмитро хвалився, що панъ шо-дня дяковавъ ему за працю, а тамъ хто его знае,“ кажу. —

„Тогожъ и есть, каже старый. Стрѣвай лишъ, потягну я, роспытаю.“

Пѣшовъ. Я сѣвъ пѣдъ хатою на призвѣбѣ да плачу; довго плакавъ, нічого й не бачивъ, ни на шо й не дивився. Колижъ-ось щось мене взяло тихенько за руку, тай каже:

„Грицію! годѣ плакати тобѣ.“

Дивлюсь, ажъ бѣля мене стоить Ганнуся и собѣ плаче.

— „Що ты, Ганнусю? пытаю ёй, чого плачешъ?“

Вона мовчить, та ще бѣльше плаче. Я злякався, думавъ, чи не лучилося якои пригоды.

— „Кажы бо, чого плачешъ?“ зновъ кажу ёй.

„Такъ!“ одказала.

— „Та якъ же се такъ! Ты ніколи не плакала, а темеръ такъ рѣчкою слезы льещь! я самъ тожъ плачу.“

„Жаль тебе Грицію!“ сказала, и такъ жалѣбно, такъ жалѣбно подивилась!.. У мене сердце тѣхнуло, наче хто кольнувъ его тамъ.

— „Що-жъ тобѣ я, Ганнусю? Наймытъ... безрѣдний... поплачу тай годѣ...“

„Не говори сего Грицію!.. Ты для мене.“ тай не доказала, слезы рынули зъ очей.

Що сталося зо мною — я й самъ не знаю... Я пѣдскочивъ изъ призвѣбы, ставъ, узавъ да руку Ганнусю и не змогъ нічого ёй сказати, мовчавъ только, да пильно-пильно дививсь ёй въ очи. И вона мовчала, да дивилась, и въ неї очи свѣтились, якъ зори.. На той часъ мѣнѣ такъ легко, такъ весело стало, що я забувъ и всѣхъ и все.. Э! не бувало бѣльше такихъ

годинъ!.. Не було й не буде вже такого счастья!.. И не забуду я тиєм години и до вѣку и до суду... Чи довго мы такєчки стояли, побравшись за руки, чи нѣ — того я й не знаю; я тѣлько тодѣ опамятовавсь, якъ почувъ голосъ старого: онъ звавъ мене въ хату. — Я пошовъ, Ганнуса побѣгла на горѣдь.

„А що сыну, почавъ старый, я тобѣ казавъ, що не просто Дмитра повезли.“

— „А хйба шо?“ пытаю.

„Да воно, бачъ, нѣчого, дѣло звѣстне, — парубоче... та жалко, — гарный парубокъ бувъ Дмитро.“

— „Щожъ онъ зробивъ? кажѣть швидче!“

„Та шо зробивъ? нѣчого такого не зробивъ, а просто пану не сподобався за те, що его сподобала Катря... знаєшь: ключниця, чи якъ тамъ ёи звать. — Отъ и все... ну, панъ дознавъ про ихъ жениханье тай квить!.. на другий день у Москалѣ... звѣсно у панѣвъ усе не такъ, якъ у людей... усе по своему...“

— „Щожъ теперъ робить мѣнѣ? Навчѣтъ, якъ ослобонить брата?“

Старый усмѣхнувся, тай каже:

„Якъ ослобонить! Нѣякъ не ослобонишь, нѣчого й порываться, — а коли хочешъ, поди у городъ, довѣдайся до брата, попрощайся зъ нимъ, тай годѣ...“

Такъ я й зробивъ. Узявъ у хозяйна три карбованцѣ, пошовъ у горѣдь. Братовѣ, якъ я пришовъ, уже лѣбъ забрили. Довго мы плакали вѣ-двохъ, да не помоглось... Прощався я зъ нимъ на вѣки; бѣльше его й не бачивъ, бо его вбито пѣдъ Варшавоу, а панъ за его получивъ зъ казни 300 карбованцѣвъ... ,

IV.

На друге лѣто панъ дуба давъ. Наслѣдникѣвъ у его не було, взяли насъ вѣ опеку и пошла чутка, шо повернуть у казну.

Якъ нѣ тяжка була мѣнѣ утрата брата, а зъ Ганнусею я забувавъ про неи. Стану було журиться, а вона обѣйме мене, здавить своими руками и цѣлуе-цѣлуе. Старые про наше коханье нѣчого не знали.

Пройшло лѣто и осѣнь, настала зима, — рѣздвянѣ святки. Разъ старые були у гостяхъ десь, та довгѣсько й засидѣлись; Ганнуса була зъ ними. Пришли вони до дому, я одчинивъ имъ дверѣ, засвѣтивъ имъ каганецъ, тай лѣгъ собѣ. — Сонъ шось не бравъ мене. Трохи згодя, дивлюсь: старые не ляговятся, огню не тушать, седагы собѣ, усѣ смутные, невеселые, Ганнуса тожъ невесела; а далѣ старый озався:

„Уже жѣ доню, якъ знаєшь, и завтра треба дать одповѣдъ, якъ придуть старосты.“

Якъ почувъ я отсыѣ слова, такъ и задрѣжавъ!... Такъ мѣнѣ ѣ бажалось: схопитъся, упасти старымъ у ноги, росказать про наше коханье; та якъ здумавъ, шо я крепакъ, а тѣн люда вольные, такъ мѣнѣ ѣ духъ заняло! Слухаю дальше:

— „Що тату, озвалась Ганнуся, шо имъ казать, просто скажу, шо я не пѣду за ёго, не хочу ще за-мѣжъ..“

„Чомъ не хочешь? каже стара. Не вѣкъ же дѣвовать... А про те, якъ знаешь, я тебе не буду невѣлить..“

— „Мамусю, мамусю! я не думаю вѣкъ дѣвовать, а за ёго не пѣду; бо не его я кохаю..“

„А когожь ты доню кохаешь?“ пытае стара.

— „Охъ мамо, мамо, лучше не пытай, опѣсля скажу все, а теперъ не неволь мене, не роспытай, я кохаю... тай не договорила, тѣлько зѣтхнула тяженько.“

„Чимъ же не парубокъ, чимъ не женихъ тобѣ Пѣвторапѣвненко? каже старый. Молодой, пригожий, чесный, богатый — я не крепакъ; чокогожь ще тобѣ треба?“

— „Мѣнѣ ничого не треба, я не люблю его.“

Усѣ замовкли.. Ганнуся вышла чокогожь вѣ комору.

„Не невольмо, старый, дочки, каже стара. Вона у насъ не переросла ще, хлѣба-соли не переѣла, хвалить Бога, достатки у насъ и свои е, нехай же вона сама собѣ выбере жениха, щобъ послѣ не нарѣкала на насъ..“

— „Такъ якъ же зо старостами?“

„Да такъ-таки. Скажемо, шо нехай ще Ганнуся погуляе, тай годѣ..“

— „Чи гараздъ же воно буде?“

„Усе те гараздъ, шо робится по серцю да по волѣ..“

— „Побачимо... а теперъ чи не пора лишень спати?“

„Чи спати, то ѣ спати..“

Увѣйшла Ганнуся, послала старымъ, потушили свѣтло и полягали..

Я всю нѣчь не спавъ.. Ганнуся стала мѣнѣ ще красчею, ще милѣйшою. Чого я вѣ ту нѣчь не передумавъ! Боже, Боже! Чого не перекуевалилось у головѣ вѣ мене!..

Чуть-свѣтъ уставъ я и пѣшовъ швидче поратись по хозяйству: ставъ товару сѣно заносити, наповнати. Тѣлько дивлюсь, ажъ Ганнуся у кошарѣ стоить; я ѣ роботу покинувъ, да до неѣ:

— „Ганнуся, тебе сватають?“

„Сватають, Грицю, да я не пѣду.. ни за кого, окроме тебе, не пѣду..“

— „А якъ не одатуть старме?“

„Вѣкъ здѣвую, а за нелюбѣ не пѣду, свѣта собѣ не заваяу. Чи знаешь Грицю, шо?“

— „А що, моя голубонько! кажи, що?“

„Сегодні будуть старосты, я скажу, що не по́ду за Півторапівненка.“

— „Ну?“

„А въ вечері татуса не буде дома, а безъ его мы спажемо мѣтусь, що мы кохаємся... нехай насъ одружать.“

Я поцѣловавъ ёи, тай кажу:

— „Не одружать, моя сизокрыла. не одружать, ты вольного батька дитина, — а я крепакъ; ты богата, — а я убогий наймыгъ, сирота, безрѣдний.“

„Дарма Грицю! ты мѣнѣ милѣйшій всего свѣту.“

„И для мене ты станешь крепачкою?“

„Чимъ хочь стану, абы быть съ тобою вивств, абы быть твоею. Да я не боюсь крепачтва; дякониха казала, що васъ усѣхъ повернуть на казну.“

— „Все одно, мое сердце, и казенные такіе жь такі крепакы, або ще и гѣрше.“

„Дарма, Грицю! все дарма! абы ты бувъ зо мною.“

Мы обнялись, мои губы упились пѣвкою до губки Ганнусѣ... мы землѣ не чули по́дъ собою, коли-жъ зиркѣ! ажъ стара стоиць да дѣвится на насъ... Я такъ и обмѣлѣвъ.

„А що се ты Ганнусю робишь?“

Ганнуса стояла красна, якъ ракъ.

„Дакъ бачь, почала стара, ото кого вона кохае! . Теперь я знаю, чомъ ты не хочешь ити ка Півторапівненка“..

Ганнуса мовчала.

„А ты безрѣдний прибудо, каже до мене, чи на тежъ мы тебе вы- кормили! Отъ и пригрѣла гадину у пазусѣ... Ого и дяка за нашу хлѣбъ-сѣль!“

— „Боже, Боже! озвася и я! Панѣ-матко, чи не грѣхъ же отсе вамъ рѣвняти мене до гадины! Що отсе вы промовили?!“

„Те, що чуешь! хѣба не правда?..“

Я не здолѣвъ болѣше ничого казать. Кинувъ граблѣ, що державъ у рукахъ и пошовъ зъ двору, не оглядаючись и самъ не знаючи, куды и чого-иду. Такъ мѣнѣ тяжко стало! Такъ у мене сердце заболѣло, що я самъ себе не тямивъ...

V.

Що було зо мною? де я ходивъ? що дѣялось у господѣ? що казали Ганнусѣ? ничого не знаю. Згадую то́лько, що якъ ставъ я приходати у себе, то лежавъ у своихъ хозяйнѣвъ у хатѣ, на полу; бѣла мене себѣла Ганнуса, вся збѣгѣла, зжовѣла, зжудѣла, на себе не похожа стала. Оцѣла моя мѣнѣ розказувала, що на четвертый день, послѣ сварки зъ старою, мене знайшла

десь за селомъ у свѣгу, и недужого привезли до дому. Прележавъ я безъ памяти усъ мясищѣ и чотыри недѣлѣ великого посту. — Росказувала, що у мене була горячка, що я все кричавъ: „пустѣть мене на волю, пустѣть до Ганнуся!“

„Що, Грицю, чи швидко ты выдужаешь?“ Питають було мене старые.

— „Не знаю, одкаку имъ. Тай на що мѣнѣ одужувати? Не хочу, красче вмерти.“

„Христось съ тобою! скаже стара. На що вмерать! же рано, ты ще молодой... прійде часъ -- усъ помремо.“

Не утѣшали мене огѣ речи. Разъ старые пошли до церкви на пасію, и Ганнуся зосталась дома.

— „Ганнусю! кажу ёй, що тобѣ казали татусъ да матуся про мене?“

„Ничого не казали, жалковали толькы, що ты не здужаешь.“

— „А не лаляли тебе?“

„Нѣ, не лаляли.“

— „А за Пѳвторапѳвненка що було?“

„Не знаю, а я за другого не пѳду.“

— „А ничого про се не казали старые?“

„Нѣ, не казали...“

Тай замовкла.. Коли такъ, думавъ я самъ собѣ, коли такъ, коли жить мѣнѣ безъ Ганнуся, красче вмерти.. Думавъ самъ на себе руки наложить.. А далѣ страшно якось стало, жить захогѣлось. Пѳложу, подумавъ, одужаю, — годѣ, якъ не оддадутъ Ганнуся за мене, пѳду свѣтъ за-очи. Земля велика, не клиномъ зѳйшлась; свѣтъ широкій, — де пропадять, то пропадять.

VI.

На другій тыждень Ганнуся говѣла. У субогу дуже рано пошла вона на молитву, стара захолилась коло печи, а старый сядѣвъ собѣ. Я ще не здужавъ вставать, и лежавъ.

„Черезъ тыждень, стара, кажутъ люде, Великдень; а тамъ начнутся у людей весѣлья, а мы жъ якъ будемъ?“

— „Якъ знаешь, старый! Треба бѣ ихъ одужити; обое сохнутъ.“

Одъ сѣхъ слѳвъ мѣнѣ у десятеро прибавилось здоровья.

„Одужити не штука, каже старый. Грицькы паребокъ не абы-якій, маторный, слухняный, трудящій, — да крепакъ. Огъ що погано, явъ таки наша дочка буде за невольникомъ!.. Якъ такій мой чесный, споконъ-вѣку вольный козацькій рѳдъ, та перейде у неволю? Подумай лишець стара...“

— „Да якій жъ онъ теперъ крепакъ? воми тецерь опекунськые...“ каже стара.

„Не вѣкъ будуть опекунськими. Не буде Ганя — буде другая.. булюбъ болото, а чорты найдутся.“

— „А ты бѣ роспытавъ Панъ-отця, що чувъ њнь?“

„Да що его пытати... Я й самъ добре знаю. Грицька я люблю якъ сына... Хiba выкупить его, одначе њнь одиниця!“

— „Якъ знаешь старый! чи выкупить, то й выкупить, а треба ихъ одружити; жаль Ганнусѣ... маритѣ вона бѣдолашна... Я й теперъ собѣ не прощу, що тодѣ посварилаь, пѣдбила мене нечиста сила, ажъ теперъ и соромно и жалко.“

Довго ще вони радились, а я лежавъ, буцѣмъ спавъ и нѣчого не чувъ. Стали на тому, що якъ выдужаю я, то пѣдемо зъ старымъ до опекуна, дамо ему выплату за мене, да тодѣ вже й до шлюбу...

У вечерѣ я се все розказавъ Ганнусѣ, — вона дуже зрадѣла, цѣлый вечеръ смѣлася, спѣвала, наче не та стала.

„Выдужуй же швидче, Грицю, мое сердце,“ сказала мѣнѣ.

И справдѣ, якъ прошла моя журба, да туга, ставъ я совсѣмъ другий! ставъ и выдужувати не по днямъ, а по часамъ. Наче, яка невидима сила засѣла у мѣнѣ... О! надѣя, да любовь — велика, цѣлюща сила!.. Навѣтъ крѣпчой силы и въ свѣтѣ не ма.

VII.

У чистый Четвергъ вышовъ я у-перше послѣ недугу на свѣтъ Божий. Такъ на мене и пахнуло свѣжою новою силою! Весна вже наставала вповнѣ, бо се було близько коло Юрія. Трава роскошно зеленѣла и пахла, луги покрылись саетовыми келимами; сады цвѣли, усе ожило, усе хвалило Господа. Птички щебетали свои веснянки. Весело имъ! Тай хто не защебече, живучи на волѣ! Коли-бѣ люде були хочъ на половину таки вольни, якъ птицы! Може-бѣ менше було и зависти, менше сварки, не лились бы людськїи слѣзы на сыру землю, не стогнали-бѣ люде по тюрьмахъ, не вмѣрали-бѣ зъ голоду!

Добре жить птицамъ! Далеко красче, нѣжъ людамъ! Не ма ни въ одной птицѣ нѣчого своего, за те въ усѣхъ у-купѣ усе е: и не сварится вони; и не лаятся, и не позываються, а живуть мирно, да любо. Не даромъ же кажутъ: що гарне братство — красче богатство... Тай що зъ того богатства! Отъ же бувъ я богатый, а теперъ що? Зъ довгою рукою хожу, у людей прощу, а колись и я людемъ надѣлявъ, колись и въ мене засѣки трещали; да все загуло!... Но все панська воля, а людскою не було...

Такъ ото, кажу, наставъ Четвергъ, наставъ и Великдень, я выдужавъ; порадились зъ Ганнусею, да на третій день святокъ и кажу старому, а стара десь у гостинѣ була:

„Дядьку! Звали вы мене кòлько лѣтъ сыномъ, зовѣть же ѿ повѣкъ.“
Старый буцѣмъ то не второпавъ, да ѿ пытае:

— „Що бѣ то якъ?“

„Такъ, кажу (знавши думку старого, я говоривъ смѣло): Одайте за мене Ганнусю! Вона мене широко любить, та ѿ я безъ неѿ не жиги-му на сѣмъ свѣтѣ.“

— „Знаю я, знаю Грицю, що ты Ганнусю любишь, и вона тебе любить, що се дѣло не погане, любить и Христосъ навчае. Знаю, що ты чоловікъ гарный, ставши нашимъ зятемъ, ты будешь поважать насъ, худобы не переведешь, догледишь нашей старости, — да коли бѣ ты бувъ не крепакъ!“

„Се ничого, кажу, мы опекунськи теперъ; Ганнуса не боится крепачтва. . . .“

— „Гой, гой, якѣ-жъ вы обоѣ дурни! молодые вы, то тебѣ и не знаете, що значить воля!... Чи знаешь ты, що чоловікъ безъ воли? Онъ и не чоловікъ, и не звѣрь, а все одно, що коняка спутана, да ще ѿ на припонѣ! Грицю! Грицю!... Не бувъ я зъ роду крепакомъ, а добре знаю, що горше неволи не ма ничого на свѣтѣ... О! тяжко, тяжко жигъ безъ воли.... Я чоловікъ ужѣ старый, — три дни до смерти, слухай же, що я тобѣ скажу: Родъ нашъ старинный, козацький, иде одъ Запорожцѣвъ, а ни Козаки, ни Запорожцѣ зъ роду не були ни-чимѿ подданками!... Чи чувъ коли небуль, що то за Запорожцѣ були? Не чувъ! то-то и естъ! Ото-жъ коли не чувъ, такъ слухай: Запорожцѣ були такій народъ, що ѿ самому чорту не оддавались живцемъ у неволю; а ты хочешь, що-бъ я свою дочку, свою едину дитину, да оддавъ самохòтъ у неволю! Да що-лѣ за козакъ тодѣ буду! Що я за чоловікъ тодѣ буду! Да тодѣ мене ѿ куры заклюють... Зъ правды, зъ дѣда у нашòй семьѿ ведется заповѣдъ „хто поде у крепачтво самъ, або оддасть за крепака свою дочку — той чорту братъ, той анахвѣма да буде!...“ Отъ що, коли хочешь чутъ!...“

Я стоявъ не дъ свѣхъ, не въ тыхъ. Старый розжеврѣвся весь, николи я его такимъ не бачивъ! Очи у его горѣди, видно було, що въ его душа заговорила.

„Що-жъ намъ робити?“ пытаюсь скрòзь слезы.

— „Що робити!?... Колибъ я самъ зъ молоду не любивъ, колибъ я самъ не знавъ, що то за любовь, — я сказавъ бы тобѣ: Роби, що хочь, а дочку я не оддамъ за крепака, предкòвськой заповѣдѿ не змѣну! — Ну, а теперъ сего не скажу, грѣха на душу не вòзью, — а скажу тобѣ отъ що: треба выкупиться.“

„Выкупиться! Коли ничимъ...“

— „Сорочку зъ плечей послѣдню продай, а зъ неволи выкупись...“

Я ставъ горько рыдагъ... Подошли и Ганнуся, и вона стала прохать старбого и вона стала плакать.

„Чого плачете? озвася старый. Плачь не поможе. Бачу я, що кохаецесь широ, не поду я противъ васъ, я не ворогъ своей дитинѣ! Или Грицю до опекуна, спытай, що вѣзьме выкупу за тебе, да торгуйся, наче за быка. Паны за все люблять торговаться, а за людей ще больше... Я наложу за тебе выкупъ.“

Мы упали старому у ноги, стали его дякувать, стали цѣловать, я й не знаю вже, що мы одъ радости тодѣ робили.

VIII.

На другій день чугъ-свѣгъ пошовъ я до опекуна, сказавъ, що хочу выкупиться на волю.

„А дежъ ты грошей вѣзьмешь?“ спытавъ онъ.

— „Своихъ, кажу, крыхта е, а то въ людей позычу.“

„А щожъ ты даси?“

— „Не знаю! — що наложите.“

„Да що я наложу! Лишнего не вѣзьму: двѣсгъ карбованцѣвъ даси?“

Я й похоловъ увесь. Стали торговаться: довго торговались, на-силу на-силу зѣйшлись на пѣвторы сотѣ.

Однѣс я опекуну гроши, онъ узавъ, перелѣчивъ, чи всѣ, сховавъ у скриньку и давъ мѣнѣ бумагу кажучи, що то вольна.

Повѣнчали насъ. Весѣлья бучного не справляли, а все було, якъ свѣдъ.. Я вже й не вмѣю розказати; що тодѣ робилось зо мною и зъ Ганнусею! Здаеця, на всему свѣтѣ не було счастливѣйшихъ людей, якъ мы.

Стали мы жить собѣ. Господь благословивъ насъ дѣточками: двома сынами — Хведоромъ и Пегромъ, — больше й не було.

Старые бувало и не навѣщаються ними! Старый разъ-у-рязъ усе було нестися зъ унучками, до хозяйства було вже не пріймаеця, только вѣтомъ упасѣнъ седѣвъ.

Жилось намъ мовъ у раю. Да видно не можна, щобъ чоловікъ вѣчно живъ у счастья, видно не можна сего, або вже такъ людямъ на роду написано, щобъ вони мучились не только на томъ свѣтѣ, а й на сѣмъ. — И чего воно такъ? Щобъ здаеця усѣмъ людямъ быть рѣвными, усѣмъ счастливими! Нѣ жъ! Есть така личина зла, що псеу людське счастье... забуть ѣи завидно становится, коли чоловікъ не страждае...

Такъ було изъ нами... Пришла перша холера, стали люди мерти пономъ; поховали и мы своихъ старыхъ: обохъ по одному тынѣ... Царство имъ небесне!.. Некай надъ ними земля шерошь!..

IX.

Прошло кілька років. Діточки наши росли. Разъ у Неаплю седимо мы підъ воротъми, коли жъ дивимось: їде щось дротягомъ шестернею, прямо у панській двір. Стали пытаться, що воно таке? кажуть: новий панъ. — Отъ-тобъ й повернули въ казну, подумавъ я, а серце чогось такъ у мене й забилось.... Чуло воно щось недобре, да не вмѣдо сказати....

Почали роспытуваться, який панъ? Їдкѡля и якъ довелось ему се имѣнїе? Кажуть: бувъ десь далеко, служивъ у Сибирѣ, далекій якійсь унукъ покойному панові. Ну, прїїхавъ и прїїхавъ! Катъ его бери, намъ и гадки не ма.

Такъ думалось, да не такъ сталося! Тыжнѣвъ черезъ два пришли звати мене у двір, до пана. — Що тамъ таке, думаю собъ, на що я ему здався? Одначе, думаю, пѡду, хочъ подивлюсь, що тамъ за сибирій панъ. Прїїшовъ. Онъ зъ-разу, якъ гримне на мене: „Чому ты сякій, такой сыну на панщину не ходишь?“

— „Тому, кажу, не хожу я пане, що я вже тринадцатый годъ вольный, я выкупився на волю.“

„У кого ты выкупився?“

„Въ опекуна, у мене есть и бумага.“

„Брешешь! кричишь. Опекунъ не смѣвъ выпускагъ на волю чужихъ людей, покажи бумагу!“

— „Вона дома у мене.“

„Иди, принеси.“

Принѣсъ я. Онъ прочитавъ, та якъ швириє ёи мѣнъ мѣжи очи! „Се каже, бумага що тобъ можна на козацѣ женїться, а ты мѣнъ ще теревенѣ гонишь, що ты вольный! На роботу завтра, — а не пѡдешъ, у Сибирѣ задашь....“

Я своимъ ушамъ не вѣривъ. Чи вжежъ таки, думаю, опекунъ обманивъ мене? Нѣ, щось воно, да не такъ.

— „Воля ваша пане! кажу, а я на работу не пѡду.“

„Не пѡдешъ?“

„Нѣ, не пѡду, я чоловікъ вольный.“

Тѡлько що сказавъ отсе, якъ накинется на мене панъ, якъ ставъ мене трошитъ по вискамъ, по шелепамъ, крий Боже! на-силу вырвався! Прибѣгъ до дому й не стямлюсь, що й робить, що й жѣнцѣ казати. О! тодѣ то я згадавъ старого свого тестя! Тодѣ то я нагадавъ его речи про волю.... Нагадавъ, та якъ лѣгъ, то два годм й не встававъ. Якъ уже я вычунявъ — не знаю. А що перепадала моя сердешна Ганнуса, такъ и сказати не можна. Зъ тыхъ слѣзъ ёи добру бъ малюжу можна зробить.

Позвали зновъ мене до пана. Ставъ онъ зновъ пытати, чи пѡду на работу?

— „Не по́ду пане! шо хоче, робѣть, — а не по́ду.“

„Ну, одкупись,“ каже.

— „У другій разъ, чи шо? Деж таки воно видане, щобъ зъ вола двѣ кожи драли. Ничимъ мѣнѣ одкупиться.“

„Плати оброкъ!“

„Да за шо же пане платити, коли я вольный чоловѣкъ?“

„А не хочеш нї робити, нї платити — будешъ у Сибирѣ.“

— „И тамъ пане люде живутъ, ажъ и вы зъ Сибирѣ прїѣхали.“

Розжеврѣвся мѣй пань! кинувся до мене, щобъ бити, да й ставъ. Видно, Богъ пересиливъ таки чорта.

„Отъ-тобѣ, каже, послѣдне мое слово: якъ черезъ три дни не выйдешъ на роботу, або не заплатишь оброку, будешъ у Сибирѣ.“

По́шовъ я до дому, порадивсь зъ жѣнкою; сходили вѣ городъ и тамъ радитись, усѣ одно кажуть: опекуну не можна було брати выкупу и бумага та, шо онѣ'лавъ, не-куды не годится; треба покоритись панови! Робити було ничого, ставъ я платити оброкъ и плативъ шѣсть лѣтъ. То були кровавай гроши, да панъ на те не дивився, ему абѣ гроши...

На семе лѣто понѣсъ я панови оброкъ 50 карбованцѣвъ; не бере, каже: мало, у тебе вже сыны паробки, плати и за ихъ.“

Не выдержавъ уже я на сей разъ такой пекельной муки.

„Знаете шо пане, кажу ему, вы мене били, нївечили, драли зъ мене и гроши и кожу, теперъ хочъ вѣзьмѣть да зѣжте мене, а бѣльше не заплачу, бо нї зъ чого.“

Панъ ничого не сказавъ, тѣлько заскрежетѣвъ зубами, ухопивъ мене за комѣръ, та выштовхавъ на рундукъ. На другій день прїбѣгъ становий и забравъ мене и жѣнку у станъ, тамъ держали насъ двѣ недѣлѣ, а панъ тымъчасомъ повѣзъ моихъ сынѣвъ у городъ, тай поодававъ обохъ у Москалѣ.

Ж.

Вернулись мы до дому, дивимось: пустка, дѣтей не ма, сосѣды їсе намъ розказали. У мене такъ сердце закаменѣло, шо я вже й плакать не здужавъ, а сердешна Ганнуся, якъ начала рыдать, якъ начала битись у груди, объземлю... крыи Боже, якъ билась, и сказати не можна! Не ѣла ничого, не пила, усе билась, усе билась... Люде стали радить, щобъ я не спускавъ ѣм зъ очей, ничого не помогло. Кричить було не-своимъ гласомъ, ажъ сумно становится. Недовго вона страждала... разъ, уже не здужаючи ходити, выбрала годину, якъ я по́шовъ по воду, вылѣзла рачки зъ хаты, прїлѣзла у паньскій двѣръ, та якъ ударилась грулями объ рундукъ, — на тѣмъ мѣспѣ и душу Богу оддала...

Охъ тяжко, тяжко... Дайте духъ перевести, оддыхать, уже не богацько, заразь докажу.“

Довгенько дѣлъ оддыхавъ тяжко зѳтхуючи, а пѳтъ такъ и льется зъ его. Видко було зо всего, що въ его дуже душа болѣла, що ѳнъ богато выстрадавъ.

„Отъ — же слушайте дальше. Панъ не выйшовъ и подивиться на Ганнусю, соромно мабуть ему стало, що загубивъ неповинну душу. А я якъ почувъ про се, якъ прибѣгъ у двѳръ, якъ угледѣвъ мертву Ганнусю, якъ заголосивъ, якъ закрищавъ не-своимъ гласомъ, то тѳлько й памятаю, що якихсь два чоловѣки взяли мене пѳдъ руки, одвели въ контору, да тамъ и замкнули: безъ мене й покойницю поховали; не пустили мене кинуть ѳй у могилу жменя землѣ... Черезъ три дни панъ приславъ усю мою худобу забрати у двѳръ, а мене перевели до овчаря у хату..

Съ тыхъ поръ ставъ я рыдати, наче мала дитина; инодѣ було радъ бы и перестати, такъ не здолюю, сами слезы льются; да потѳль такъ плакавъ, покѳдъ и очи выплакавъ.. Очей же не ма, а слезы ще есть и теперъ.

Покѳдъ я бачивъ, я живъ у селѣ для того, щобъ що-дня бачити могилу Ганнусѣ; а якъ ослѣпъ, нікому мене провести на могилу. Опротивѣло мѣнѣ рѳдне село, одпросився я у пана, тай пѳшовъ у старцѣ. Спасибѳгъ, що пустилъ, бо его панська воля и на се була. Пѳшовъ, да отъ и хожу вже шосте лѣто... Отъ вамъ ѳ все..“

Дѣлъ замовкъ.

Боже, якъ у мене стало тяжко на серцѣ, смутно на душѣ!... И не найшлось же, подумавъ я, живою душой, щобъ оступилась за погубленѣ души! за души погубленѣ, такъ по варварськи панською волею!..

„О Боже судъ твоѣй всуе,
И всуе царствѣе твое..“

Полгавъ 27. Юнѣя 1862.

Олександрѣ Копиській.

Ш К О Л Я Р Ь.

Розказъ Гриця Саламахи, реектого и писателя наукъ изъ Цапова.

І. ХАТИНКА.

На южнѳмъ передмѣстью престольного города Львова, где поблизкѣи гаи прѣязнымъ вѣють воздухомъ, где то невкусившая ще мѣйскихъ ѳтходѳвъ Полтва мило журчить малыми, круглыми руслами, где въ мѣсто егоизмомъ

дышащего гамору мѣйскаго шебече гармонійное пѣніе крылатыхъ птишинъ сумѣшь съ шелестомъ тѣнистыхъ: деревъ тамъ то находился до недавна невеличкій, старыми грушками и спорохивлыми на вполѣ яблонками отемненный садъ, котрый бывало сусѣды „Чернымъ Садомъ“ называли. Передъ пять лѣтами стояла середѣ него хатина, половиною зъ кецкаго муру, половиною же зъ дерева поставленна, котрой престарый видъ отповѣдалъ мрачности саду. Стѣны той хатины измѣнили уже давно первобытную простую свою поставу на похиленную, та лише множество крестообразно повязанныхъ въ-округъ столпѣвъ тримало ю ще яко-такo на ногахъ, и видѣлося, що они были иллюстраціею приповѣдки, же „старѣсть на дитяничій розумъ переходить.“ Тая бо старенькая хатинка видѣлася межи тыми подпорами мовъ межи руштованьемъ, на котромъ гдесъ передъ кѣлькома стами лѣтъ на свѣтъ Божій народилася. Тое руштованье и бѣлыи стѣны хаты контрастовали дивно якось съ чорнѣсельскимъ верхомъ, котрого гонты за-безъ многолѣтное вудженеся на добывающѣмся по-межь ними дымъ та за-безъ дожджъ перейшли наскрѣзь краскою дерева гебанового, и лише гденекуда межь собою бѣлыи пятна полишали, походящи отъ молодшыхъ ихъ братчико-въ, котрымъ отъ шпешулянтной властительки супльованье мѣсць, старыми опорожненыхъ, поручею было. Въ-округъ хаты возносилися стосы камѣня, цеголь, балкѣвъ, гонтѣвъ и различныхъ иншихъ до латанья хаты здѣбныхъ гратѣвъ. Видъ всего того приводилъ зрѣтеля мимовольно на мѣтне, же господиня хаты той гдесъ съ похожими що до ней намѣреньями носится, якъ славная въ пословици дѣвчина, котрая зъ найденого случайно покладка напередъ курятка, потому поступенно назимка, озимка, коровоньки, худобы, господарства и, Бѣгъ вѣдае, якихъ ще рѣчей доробити надѣялася.

Въ серединѣ хаты находилися кромѣ стѣней четыре покои. До первого изъ нихъ входилоя великими дверьми, котрыи помимо древности своей порученный имъ чинъ затвирялася для похиленности стѣны съ нечуванымъ усердіемъ исполняли; а если кто, несвѣдомый того ихъ хвалы достойного свойства, входячи не загамовалъ ихъ въ той-то благородной ихъ ревности, то спадали на плечи его та на одверки съ такою яростію, же всѣ потрясенныи части хаты почули красный той примѣръ ихъ трудолюбія, а перепудженный гѣсть кромѣ гудѣвъ на плечахъ наслушался ще громобразно-пискотливого голосу розсерженои господинѣ, котрая въ справедливой журливости о „свою працю“ пріймала его прилаганьемъ до него свойствъ, до котрыхъ оны може зъ роду не почувался.

Реченный покодъ пѣзнати отъ разу по безладно пороскиданныхъ въ немъ книжкахъ, маппахъ и письмахъ, за мѣсце обыванья молодыхъ сынѣвъ Музь. Но одно изъ находящихя ту лѣжокъ различаюся отъ прочихъ опрятностію и ладомъ. Надъ нимъ висѣло кѣлька красныхъ ольвійныхъ образѣвъ, а коло него стояла шафа, запоиленна бѣлшою частію добѣрными книжками.

Другая притыкающая до первой комната, съ окремѣшными ъгъ стѣней дверьми, была, если тое о покояхъ. для обыванья людей выставленныхъ, казати вѣльно, истинною клѣткою: маленька, же лишь кѣлькоро людей обернутися въ ней могло, низонька, съ однимъ, желѣзною кратно убезпеченымъ ѡкномъ. Клѣтка тая была „святая святыхъ“ дѣвочои господинѣ дому и переходила первый покой чистотою и ладомъ. Не было ту правда всего якъ одно лѣшко, постелею красною по-пѣдъ стелю прикрытое, двѣ старосвѣтскіи комоды, одна магонѣвая шафа и меньшіи меблѣ; но все новъ зеркало чистѣсенько повытирае, помѡстѣ прекраснымъ турецкимъ диваномъ покрытый, а нигде и наименьшого пятенца, ни порошоку не найдешь. Коло ѡкна роспиралися въ прекрасныхъ вазонахъ два превеликіи бѣлсатыи мирты, которыи ѡтъ пѡлъ майже вѣку исполненья обычаемъ опредѣленной имъ долѣ нетерпѣливо, но все безуспѣшно ожидали; а зѣ-за печи виталъ входячого гостя выбаушенными очима огромный, якъ крукъ черный кѡтъ, старый любимецъ господинѣ, которая характеризующимъ ю образомъ. указующимъ, же она и фаворитови своему всякое нарушенье еи „працѣ“ добре памятае, кликала его многозначнымъ назвискомъ „хапусь“.

Всѣ реченное ставитъ господарнѡсть и ладолубіе нашей господинѣ въ совѣстѣ приличнѡмъ свѣтлѣ. Но люде — якъ всюда — злоязычныи перекручовали всѣ тѣи хвалы достойныи свойства на злое: называли ладолубіе панѣ Чепѣжихи скупствомъ и позваляли собѣ доказовати тое нехристіянское свое мнѣніе различными, неразъ досыгъ позорными доказательствами. Съ Богомъ а правдою должны мы имъ и признати, же наша паня приклонностію своею до гденекотрыхъ простонародныхъ обычаевъ бодѣи цы не за далеко запускалаея. Такъ на примѣръ трималася она хвалы достойного народного звычай, повѣрвати звонкую монету матери землицѣ, въ котрой она выховалася со всею совѣстною точностію; стравы еи были самыи чисто-простонародныи: бульбы въ униформѣ природнѡмъ, борщикъ изъ рослинъ питомо-Галицкихъ, котрыи собирали гденибуаь никто не боронитъ, солодушка, пражушка и иншіи похожіи лакѡтки.

И тое винны мы спѡмнуги, же въ пошенью выстигала наша паня ревнѡсть селянъ нашихъ далеко на передѣ; весь бо рѡкъ Божій былъ у неи однимъ долгамъ постомъ, перерыванымъ лишь дуже рѣдко коли, а и тое не зѣ ума, но изъ слабости чоловѣческой на видѣ якихъ пѣявцевъ, котрыми ю якій худей до позыченья грошей, або котрый должникъ до благосклонного продолженья речинця ѡтдачи наклонити намѣрялъ. Но и ту покривдали бы мы православную нашу пустыницю, если бы мы залишили казати, що зѣ дачокъ тыхъ лише малая часть заразы пожитою была; осталое бо вандровало звычайно до коморы низшого котрого мѣйскаго чиновника, котрый за тое зменьшеньемъ тягарѡвъ кватирунковыхъ и тымъ похожихъ зналъ отплатитися.

Якъ видимо, дасться рѣчь тая судъ о характерѣ нашей панѣ Чепъ-жихи — такъ и сякъ крутити; для того погадали мы перестати на одинокомъ выгребленю рѣчи, а памятаючи на приказанье: „не судѣте, да не судимы будете!“ оставити дотычащій судъ остроумію самыхъ всечестныхъ и высокоумныхъ Г. Читателѣвъ.

Кромѣ помянутыхъ двоухъ покоевъ находилися въ нашей хатѣ еще два иншіи малы, котры однакожь въ часть нашей розказоватися мающею исторіи за-безъ розличныи передъсудженья, котрыи злобный свѣтъ о згѣдливости нашей господинѣ и ветхости хаты обносити собѣ позвалялъ, порожными стояли.

Года выше реченного въ день св. великомученика Георгія переходился по первомъ изъ реченныхъ покоевъ двадцять и колька-лѣтнй молодець, читающій въ отворенной книжцѣ. Лице его отверто-широкое знаменало вразъ съ синимъ, супокѣйнымъ, зъ-пѣдъ темныхъ бровъ сіяющимъ окомъ супокѣй и плохѣсть, приклоннѣсть къ думанью и отвѣтную еи повѣльнѣсть въ дѣланью; словомъ чоловічка, котрого свѣтъ идеальный зове „здѣбнымъ индивидуумъ“, а свѣтъ практичный „фуяроу“; котрого желае собѣ жидъ продающій товаръ за купця, селянинъ за поца, шефъ бюро за пѣдручного; но котрого жаденъ дѣдичъ не прійме за экономичного чиновника; котрому — хорони Боже — быти предпринимателемъ индустрійного дѣла, або головою политичного уряда. Заодягнѣнье нашего хвата было троха залишенное, а волосье не устроенное по модѣ. На столѣ лежалъ паперъ, на котромъ читающій списовалъ примѣчанія зъ читаного. Коло паперу курилася ароматичная пара отвару зъ кавы, зыркающего принадно зъ кришгально лыщающейся склянки, прикрытой солодкими сухарками. Бѣля склянки розтягнулися два земашистыи косатыи печеныи пироги, сусѣды закрывающихъ кокеговато въ собѣ розличныи солодости слоевъ, зъ котрыхъ добывающаяся наркотичная воня, аročася мило съ нюхательными органами, принуковала до испытанья цѣкавого содержанья ихъ. Дивно! уже раннѣйшая девята туй-туй доходила, а молодець гей-бы не видѣлъ ваблящихъ до себе лакѣтокъ.

Двери скрипнули легонько, а ними всунулися три школярѣ, поступенно межъ собою вѣкомъ розличныи. Вбѣгли, покрутилися хвильку, видно не знаючи, що дѣлати, и потому до книжки имилися. Переходящійся по покою сталъ при входѣ ихъ червенѣти, непокоитися и переставалъ читати. Станулъ въ-конецъ передъ шафою, сягнулъ рукою — стримался — ше разъ сягнулъ и вынялъ скѣряннй футераликъ; поглянулъ на него жалостнымъ окомъ, понёсь до школарей и сказалъ голосомъ неспокоѣйнымъ:

„На ти Батошинъ, возьми флетъ той, и занеси до червоного жида, що заставы пріймае, най ти дасть за него пятку, котрую я вамъ виненъ; бо ныцѣ ярмарокъ, то вамъ здасться.“

„Э, то ничо! яось то буде, есть тамъ на ярмарку иншин, шо будутъ гдешо куповати,“ сказалъ старшій изъ Батошинѣвъ, съ лицемъ, зраджающимъ противное ѡтъ реченного.

„Но, но, я знаю, же то лише такое твое доброе сердце...“

„Нѣтъ! таки намъ ще не конче потреба, а я такъ надѣмся, же ще може нынѣ прійде помѡчь зъ дому.“

„Не бай! Вы были такъ добры, та коли мѡй многоцѣнный флетъ трафился купити, дали менѣ несташую на него пятку. Отже и справедливо, щобъ я его теперь, коли Вамъ грошей потреба, заставилъ.“

„Але то Ваша единственная забавка!“

„Тажъ я не дитина до забавокъ; впрочемъ достану леда день за лекціи.“

„А Вы неразъ казали, шо Вамъ не жити безъ флета!“

„Ось не забавляй-но. Я пѡшолъ бы самъ, но менѣ то не въ-ладъ. Або нѣтъ: закличите его тутъ.“

„А може бы позычити...“

„Кланяться!...“

„Може наша паня...“

„Но но! наша паня мае свои орудки, ще бы я малъ завертати имъ голову монни...“

Ту отворилися двери, а ними вошла паня господня дому Чепѣжиха: высока, жиласта, костиста; лице поздолжное, троха побабчене, котрое, зважачючи на дѣвичество властительки его, видѣлося, шо носитъ съ четыре жизненныхъ крестикѡвъ съ докладомъ; очи ярыи, а волосье дротообразное черное, сивыми пасмужками гленекуда посорокатое. Образъ такъ лица, якъ и всего тѣла и живыхъ его порушеній знаменалъ постоянность и енергію. Заодягненье прибылой панѣ не причинялося со-всѣмъ до пѡднесенья красотъ ей. Оно состояло изъ волняной кратястой хустки, прикрывающей великую часть волосья и лица; щось, буцѣмъ толубъ, зъ латъ розмаитшого украшенья зложенное, а зовимое про тое ѡтъ легкодухѡвъ „всячиною“ або „кводлибетомъ“ супльовало хочъ-нехочъ мѣсце сукнѣ верхней, а пѡдъ сомнительной бѣлости поньчохами кляпкали не дуже просто тримающіися патынкообразныи черевики.

„А цы можете вы быти такъ недобрый,“ стала паня Чепѣжиха: „та про тое, шо не люблю мою працю марно пускати, мати мене за нелюдску! Ось мае те пятку, та ѡтдастьте, коли будете мати.“

„Дуже Вамъ вячный...“

„Но но! а Вы пановѣ Батошины идѣть теперь и погуляйте собѣ на ярмарку.“

Батошины пѡшли урадованыи, а паня Чепѣжиха продолжала голосомъ смѣлѣйшимъ: „И чомужь то не позволите собѣ, шо для васъ уготовленное? таже то днесъ твои именины.“

„Дякую! дякую красенько, уже и такъ много незаслужено!“

„Якїи же ты для мене недобрий!“

„Я Вамъ все найлѣпшее желаю, я буду Вамъ все вдячний...“

„Эгъ ось не выгадовалъ бысь, що не треба! Ты все лише гадаешь, що Варвара не знае на честнѣмъ челоуѣку пѣзнатися. Та цышла бы я, хочъ бы и цѣлый склепъ черевикѣвъ выходила, такого супокѣйного, чемного, порядного комѣрника, якъ мѣй Юрїй Михайловичъ! О, що розсточителямъ, когды бѣдною працею моею накипаются, то певно не дамъ, ни позычу шельюга. Такъ якъ тая совѣтничка; на похоронѣ еи мужа мѣла я и слезы потоками розливала. А дала она менѣ хочъ шматину на памятку зъ старосвѣтскимъ оставшихся гратѣвъ? Гдетамъ! волѣла все за вѣдѣль дармо жидамъ кускати, якъ бѣдну сироту чимъ поратовати. Прїйшлося теперъ, треба грошей — тай далѣй, сунь до Варвары. Ага! або я ти така дур...“

Грымъ! ѳтворились и съ гукомъ заперлися ту ѳтсѣнныи двери за входящимъ молодцемъ. Былъ то хлопакъ высокаго возраста, костистый, съ носомъ канючимъ, окомъ великимъ, яримъ, волосьемъ, похожимъ на оное панѣ Чепѣжихи зъ онога часу, коли оно ще переставало на одной однакой красцѣ. Олежа была модна, штуцеровато залишенная.

По потрясенью, возникшѣмъ изъ напраснаго спаденья дверей, оцѣпенѣла на хвильку паня Чепѣжиха. Последное слово заумерло въ самѣмъ розцвѣтѣ ѣску своего на устахъ еи; но за тое надолужила собѣ наша дама, за-верешавши тыми словами:

„А цы Богъ покаралъ якимись волокитами зо свѣта, що навыкли выгрѣсковати дверями по кавярняхъ, та не знаютъ, якъ вступити до поряднаго дому! А руки бы имъ...“

„Всечестнѣйшая паня!“ перекичавъ ю прїйшовшїй гѣстъ: „не псовайте собѣ прошу дружескимъ тымъ витаньемъ Вашу грудь лебеду! Знаете, же красота, именно дѣбочая вянѣ сердженьемся, мовъ той квѣточокъ за повѣненьемъ горячого юга. Але що виджу! яка для мене сюрприза! бѣгме! щемъ нынѣ мого келишка не закусилъ! За изволеньемъ...“

Тай, закѣмъ здужала паня Чепѣжиха помѣрковатися, о що ту ходить, сидѣлъ уже одинъ пирѣжокъ въ кишени новаго гѣстя, и выставилъ лишь одинъ рѣгъ любопытнѣ изъ неи, щобъ увидѣти, якъ товаришь его трескотѣлъ и вертѣлся межъ голодными зубами плѣнителя. Другїй мигъ ока, — тай пустился за другимъ пирогомъ, мовъ то въ погоню, спорый лыкъ кавы. Паня Чепѣжиха станула хвилькою оцѣпенѣла.

„А то що за бѣда зѣслала на мене зѣдню зо всего свѣта! та не положишь того!...“

„Ось знаешь що, Бучко,“ озвался Юрїй до гѣстя съ зле придушеннымъ гѣтвомъ: „я просилъ ты неразъ, щобысь пересталъ платати на мѣй счотъ.“

„Га, га, га!“ сивляся піючий и утѣвляющій передъ гонящою за нимъ та кляпкою черевичками панєю Чепѣжихою Бучко, — „вижду, то для Юра сѣданье. За здоровье панѣ Чепѣжихи!“ — Прихилилъ, потягнулъ, замѣтаскалъ, отворилъ губу, заакалъ, тай въ склянцѣ кавы ни капль не найдешь.

„Пожди мисколизе!“ дождала п. Чепѣжиха „наберешь ты ще въ свой часъ ложкою по челѣ; прійде колись кова до вѣдза: але хочь бы ты видѣла на...“

„Але моя честная паня! не приводитъ Вашего вѣрнѣйшого обожателя до роспуки! помилуйте! молю, прошу, заклинаю!“

„Идешь негодный!“

„Черезъ Ваше иручое волосье!“

„Лядашо!“

„Черезъ Вашу дорогоценную униформу!“

„Идешь! пекъ ти осина!“

„Черезъ Ваши музыкальные черевички!“

„А ты шваный бѣсе! вонъ зъ очей!“ заверещала паня Чепѣжиха, а Бучко сталъ коло неи танцьовати, бымаховати поднесеннымъ пирогомъ, та выбрѣвѣковати:

„Черезъ Твои бѣлы лицѣ

Не ма свна на копицѣ;

Гей нуте косари,

Що нерано зачали;

Хочь нерано зачали,

А богато нажали.“

„А ты волокито свѣтовый! а идешь до чор . . .“

Грымъ! ударилъ грѣшъ вторый, и скрушилъ каркъ другому зачатому слову на устахъ панѣ Чепѣжихи. Тенерѣншій Юпитеръ тованизъ былъ то маленькій, худый чоловікъ съ торбою листѣвъ на бакерѣ. Вѣйшолъ и шокляклялся съ флегмою.

Паня Чепѣжиха не знала, що ся дѣе; — по хвилѣ засвирѣтила она вертѣющимъ въ ухахъ дискантомъ „А то що? цы страшный судъ тынѣ на мене! — гвалту! драбы, розбѣйяки опановали мою працю! А рѣшаешь ты собѣ, зъ ѳтки ты принесло?“ — тай надъ головою незнающаго виче листоноша заблестало помело въ рукахъ розсерженои панѣ Чепѣжихи.

Чоловѣчокъ зогнулся, скрутился, скривился; руками защитился, тай крикнулъ флютерно: „Гей имосцуню! на Вамъ письмо съ грѣшми! лише дайте менѣ спокѣй!“

На чародѣятельну клятбу стримала паня Чепѣжиха поднесенное оружье, тай встѣбила нѣсь до торби листоноша, котрый, пошепортавши троха межъ лястами, вынялъ одинъ изъ нихъ, и почаствовалъ нимъ нашу всечестную по поважнѣмъ еи органѣ нюху; а закѣмъ чганже стигла посбирати въ кудку всѣ свои пять змысловъ, гримнулъ новый гѣсть разъ ще дверьми, и драпнулъ, а за нимъ

„Point de pruderie!“ натисъ Бучко — „бо паня Чепѣжижа боится, щобъ ты въ товаришество такого блудного сына, якъ я, грошей не перегулялъ. Пиши, а потому идемъ на ярмарокъ, придивитися оригиналамъ зъ села.“

II. НА ЮРА.

Наши пошли до мѣста. При погдливомъ небѣ зѣшлося въ-около святоюрской церкви безчисленное множество праздничанъ и ярмарковыхъ. Всю площадь святоюрскую заняли долги рады продающихъ, а по межъ ними толпами проходили купующи и цѣквы. Ту говкалъ лопкающій багатомъ фѣрманъ, щобы ся уступати, тамъ розбивалъ руки купующого череватый рѣзникъ; ту вигалися на весь голосъ, мовъ бы ѡтъ себе стаями ѡтдаленны были, давно не бачившиися кумы, а хлопчиско одного ревалъ и дерся за сопѣлку; тамъ кидала и сварилася на бій-забій пискотливая перекупка съ селюшкою такожъ неслабыхъ грудей, а стражникъ полиційный пробовалъ безуспѣшно мирной интервенціи. Погадавши собѣ до того многорозличныи голосы сопѣлокъ, скрипокъ, тарахкавокъ и иншихъ забавокъ, на котрыхъ дѣти первѣстного своего восторга возбуждалися, бренькѣтъ кѣсь, череселъ, рѣзакѣвъ, голосы розличной товарины, гомонъ звонѣвъ, запрашающихъ на Божую хвалу, меланхоличныи въмоль народныи пѣсни численныхъ дѣдѣвъ; погадавши собѣ тое, маемъ якій-такій образецъ того стиску, гомону, крику, той дивной многорозличной розстроенной гармоніи, похожей дальшому зрѣтелю на жужжанье пчѣлъ торопающихся въ улюю.

Наши путеходцѣ сблизилися ко средоточію праздничного життя: къ церкви. Дѣды указующии образомъ по возможности перспективнымъ розличныи роды своего калѣцтва, стримали ихъ якій часъ. Наши прислуховалися сумнымъ ихъ пѣснямъ о нападѣ Татарскѣмъ на Почаевъ, о богачу и Лазарѣ, о судьбѣ души по смерти и о страшныхъ мукахъ адовыхъ. Селяне ставали передъ калѣками, а поручивши лицемъ, указующимъ самую категоричнѣйшую вѣру, покойного якого родича ихъ молитвѣ, вытягали зъ кобель домашній стравы, абы дѣлитися тымъ съ дѣдами. Нашъ Юрій розлюбовадася въ меланхолийномъ томъ гомонѣ и стадъ отвѣтно своей приклонности до рефлексій розличныи примѣчанія дѣлати: „Що за роздичовидый а предцѣ гармонійный образъ нашей жизни! Кѣлько ту розличныхъ гадокъ, кресея въ такъ великомъ числѣ существъ чодовѣческихъ, такихъ якъ мы! Що за единственный видъ обнимающій такъ много: ту гаморъ и шамотаньеса безчисленныхъ людей за потребами и збытками жизненными, ту велѣпный видъ спокойно роспостирающодося мѣста и прекрасной окрестной природы, а надъ всѣмъ туй передъ нами величавый дѣмъ Божій, гомонящій святыи пѣснями, соединяющій насъ земныи существа съ небомъ!“

Наши вошли до церкви. Народа было такъ полно, же годѣ допхатися на передь. Сповѣдальницѣ обсаженны были кающимися, передь престолами правилися службы Божіи и акаѳенсы, а народъ глотился на колѣнахъ въ-около освященныхъ мѣсъ, цѣлуячи святыи стопы ихъ; въ-округъ возносилися молитвы, благословенія и созвучное пѣніе.

Коли Юрій, яко въ день свого Святого, тихою но теплѣйшою возгорѣлъ молитвою, блудило Бучковое око по всей церкви помежь краснымъ поломъ, понеже властитель оного любилъ, якъ казалъ, всюда въ отношенью эстетичнѣмъ хѣсновати. Георгій, молячись, задумался и поглядѣлъ въ одно мѣсце.

Наразъ стали очи его ясноты набирати и дивныи якінсь гадки взяли образоватися на нихъ. Не ѳвертаючися, потягнулъ ѳиъ Бучка за одежду и шепнулъ:

„Цы видишь ты оного ангела?“

„Котрого ангела? — того богомаза?“

„Ане не образъ. Дивисѣ! — въ другой лавцѣ — живой ангелъ — Боже!“

„Що? тая селюшка,“ шепнулъ, поглянувши скрѣзь скла Бучко — „щотакъ на всѣ боки обзираеся? — ничо.“

„Чоловѣче! що тобѣ? третья ѳтъ краю — ангелъ!“

„Ага — щотакъ выбалушила очи въ синій воздухъ, — но но — якъ кому.“

„Ты нынька всѣ мелѣ перечишь. Та цы бачилъ ты коли такъ чудесныи оченяточка! — якъ вѣрою оживлены къ небу поглядуютъ, ѳтъ котрого суть чистѣйшии! — Якась сумненька! — не треба жалѳбнои сукнѣ, щобъ пѳзнати, же милую серцю душеньку недавно пострадала. Бѣдна сирота! Господь не може ѳтмовити молитвѣ, котрая изъ такъ чистыхъ невинныхъ усточокъ выходитъ.“

„Правду сказавши, вѳйде, хотя може трохи хударява.“

„Охъ! оденъ поглядъ миленькихъ тѣхъ оченятокъ стане за всѣ молитвы. . . . Бучко! прошу. . . помилуй! . . . видишь? . . .“ — Его ангелочокъ обернулся до него, здумѣлся, увидѣвши воспаленный его поглядъ и дивисѣ хвильку; „чудесныи оченятами“ а затуманѣмый счастьемъ тымъ Юрій прозрѣлся въ нихъ, мовъ въ образъ райскѣмъ.

Зайшовши счастливо ажъ до того мѣстця, находимося въ дуже неприязной конечности; перепросити нашихъ всечестныхъ и высокоумныхъ Г. Читателей, же помимо всеи усерднѣйшой охоты слѣдующіи гадки нашего Юрія Михайловича жадною мѣрою не могли мы дословно списати. Они бѳ квапилися по собѣ съ такою запеченою скоростію, що при всѣмъ торопаньюся въ конецъ таки ажъ руки намъ подеревѣли, та не можъ было застенѳграфовати; якъ лишь гденекотрыи поперерываныи ѳтломки, котрыми можемъ служити каждому зъ любопытныхъ Г. Читателей, котрый нашь о тое подѣ адрѣсоу: „До ч. Гриця Саламахи, писателя наукъ въ Цапѳвѣ, постерестанте Невидѳвъ — франко“ опѳмнеся. Но, щобъ може кто зъ всеи

Г. Читателей въ надѣи, же зъ реченныхъ отломковъ чого дуже мудрого до-вѣдаеся — якъ то по якихъ-такимъ дотеперѣшнихъ бесѣдахъ Юрія справедливо надѣяться бы можно — горько не обманулся; за потребное мы почитали, на-передъ явно сказати, що оныя неточныя нотатки наши суть того рода, же они на первый видъ не дуже красное свѣтло на здоровое состоянїе умственное нашего хвата кидати могли бы. Все змѣшаное мовь солома; самыи знаки восклицанья и пытанья — а не знати за кого? и до чого? Итое то все было причиною, що мы оныхъ нотатокъ ту не положили; а то такожъ ще для того, щобъ — хорони Боже! — не прїйти въ тую, по мнѣнїю нашомъ ужаснѣйшую опаснѣсть, дати комусь хочъ бы слабую отуху до приписанья оныхъ дивачныхъ выраженїй намъ самымъ, Григорию Саламасъ, та до сомнѣваньяся о нѣвкой кляпцѣ въ головѣ нашей питомой, о которой сущности, славити Господа, не хвалячися, ще якъ Цапѣвъ Цаповомъ, ани въ великомъ, ани на маломъ себѣ вопроса не было.

Якъ уже казалось, смотрѣлъ Юрій на своего сице-рекомого „ангела“, а по нашому на досыть красную, шестнадцать-лѣтнюю, въ печальную сукню зноядягненну дѣвчину, та дивилъ и моркотѣлъ пѣдъ носомъ, ажъ зъ окрестного христьянського міру не одинъ соблазнился. Бучкови легкодуху ввѣрилося въ конци стояти, або лучше сказавши, штурханцями ту то тамъ попыханымъ быти, то и каже до Юрія, щобъ пошли. Той хотѣлъ его кѣлька разѣвъ часто густо онымъ при откладанью чого практикованымъ „въ сей часъ“ подурити. Но коли Бучко помѣрковалъ, же уже не одно такое „въ сей часъ“ минуло, а Юрій байдуже бере рушатися зъ мѣстця; то поставилъ онъ ему послѣднее ультиматумъ, та каже: „Або ходи, або иду самъ, а то до клюбу, котрый гдесъ уже собрался.“ — Ту принужденный я знову, всеч. Г. Читателямъ пригадати, же лише тѣи самѣсенкїи слова тутка наводжу, котрыи выйшли изъ питомыхъ устъ дѣлающихъ лицъ. Тому то прошу мене не виновати, если Вамъ скажу, же оный, доси згѣдливый и супокѣйный хлопчиско, котрый — шо правда, то правда — на похожихъ запросины своего друга уже кѣлька разѣвъ, правда перечитально, но все мирно и людяно ѳтповѣдалъ, же кажу той самыи миролюбный и звычайный Юрій Михайловичъ фукнулъ теперь на Бучка, и сказалъ: „Часъ бы ты уже разъ постатковати, та перестати волочитися по дѣрахъ за якимись небылицями. Ты гадаешъ, же тое ся такъ якъ-нибудь вѣйле, же уже профессоры не знаютъ. . . .“

„Добре! стѣй, досыть перорѣвъ; теперь хочешъ еще гденешо о простой дорозѣ и стежкахъ говорити. Бувай здоровъ!“

И пѣшолъ. Юрій смотрѣлъ еще долго на своего ангела, та числилъ точно каждый разъ, коли той до него обернулся и заглянути ему въ очко позволялъ. Наконецъ вынѣсся ангелъ изъ церкви. Нашъ Юрій пустился за нимъ. Зъ разу загубилъ его межъ глотою; но потому нашолъ знову, а то въ то-варишество якоисъ пѣдбылой панѣ, котрую въ сей часъ матерїю ангеликъ

наименовалъ, и маленького дѣвчатка, такъ якъ ангелокъ въ печальную одежду заодягнутыхъ. Нашъ хватъ волочился за ними всюду, куда лишь обернулись; ставалъ изъ далека, коли що куповали, и брался уже пробити, щобъ позволили ему нести гденекотрыи накупленные куснички, що однакожь въ дѣло не привелъ, понеже на его несчастье не стало му на тѣлько цивильной ѳтаги. Наазившиися наконецъ за своею ангелскою родиною до волѣ, ѳтпровадилъ ихъ нашъ хватъ заболоченый, обкуреныи, обштурканыи на всѣ боки до дому ихъ, положенного на Городецкѡмъ межъ красными садами.

Ту была бы способная пора, почаствовати моихъ всеч. Г. Читателей чувствительною проповѣдію о вредливости рѣчей на око красныхъ, и о грѣхахъ, до котрыхъ довести може заслѣпленьеси — нашего Юрія въ самой рѣчи очи хорошо стали болѣти — въ тварехъ Божихъ, сице до безбожности, неуваги на слово Божое, до соблазна, презиранья дружескихъ союзѡвъ и иншихъ пороковъ, котрыи смиренный Вашъ слуга не залишилъ бы якъ найточнѣйше вытеревити, если бы му не былъ небѡщикъ Кодешъ — няи му того Богъ не тянитъ! — передъ кѡлькама десятками лѣтъ не заѣхалъ дорогу якимись вопросами, якихъ ще жадеиъ Цаповяниниъ, якъ Цаюѡвъ Цаповомъ, зъ роду не зачулъ, а котрыи менѣ не дозволили, выкормоватися на достоинство проповѣдника, та котрыи помимо самыхъ счастливейшихъ здѡбностей до чина сего и особливой симпатіи до книшѡвъ принудили мене, природженное менѣ быстроуміе на втолоканье школярямъ азбуки, та искусное черепускамье полугубкою пѣсни „Иже херувимы“ марновати. Такимъ образомъ не поможе менѣ ничо, якъ покликатися на мудрое изреченье, котрое я колись чулъ въ школахъ: „Квискве суо контенсусъ есто,“ або по нашому: „Колись не пироѡгъ, то не пирожися!“ и не вдаватися въ экскурзиі на поле проповѣдничое, до котрого нѣтъ ми законного ключа.

III. У СЕБЕ.

Вернувши уже добре зъ полудня до себе, не засталъ Юріи ни Батошнѡвъ, ни слугъ. Паня Чепѣжиха, кутающаяся коло кухни въ сѣнехъ, привитага го добре му извѣстнымъ дискантомъ: „А гдѣжь Вы, мѡй Юріи, такъ долго перебували? Та я бѣдна облетѣла кѡлька разы мѣсто, накупила, наварила и напекла, та наѣлася дыму и огню, все ля мого Юрья; а его якъ не ма, такъ не ма. Та нужъ но, прошу, на що есть.“ Тай въ мигъ ока возникли на столѣ, мовъ губы по дожджи, различни стравы: то нѣмецкии струдельки, то якиісь личиі печенѣ, то продукты цукорниччиі, то различни смаженнии солодости и вкусныи обарѣночки, а въ серединѣ сіяла кришталъная фляшка жемчуго-окрытого вина; все красное, вкусное, видомъ и парю змыслы одуривающее. Георгій, знаучій добре „господарность“ — зовимую ту то

тамъ крайнѣмъ скупствомъ — панѣ Чепѣжики, здумѣлся, видячи ти нечужанни дива.

„Але моя всечестная паня! знаете, же я не люблю перебирати. Гдесъ ту мабуць прїнесли обѣдокъ для мене зъ моеи трахтириѣ.“

„А, що дой выдридушникъ людяного зробить! Гроши зъ христїянина выгуманити, тое знае добре; але що гѣдного добрати, байдуже. А чомужь не мало бы такое панятко хочъ разъ коли що гѣдного вкусити. Прощу—но, прощу!“

„Еще разъ благодарю красенько за Вашу благосклонность ко мнѣ; а теперъ поѣду до моеи господы, може еще що найду.“

„Анѣ крыхти не найдешъ, мѣй соколоньку милый; я чимъ казала, що Вы не будете нынѣ у нихъ на обѣдѣ; то и шкода коду. Прощу, возытъ—но що до усть; оно бѣднятко може ще ничо и не кушало.“

„Но, то коли они такіи о мене недбающїи, то поѣду до Петровича. Его днесъ такожь именины, на котры на вечеръ и я прошеный.“

„Ай, ай! якъ же Вы мене до живого прызете! мое розшибанься, мѣй — не вымавляючи — коштъ, а днесъ именины моего лучшого комѣрника! Цы не позволишь менѣ, хочъ разъ въ рѣкъ тебе погостити?“

„Алежь моя паня, гдѣжь я достоинъ...“

„Такъ, такъ! такой то ты добрый за мое доброе сердце! а я тобѣ ничего не жалуя, я тобѣ бы неба прикинула; охъ!“ Ту зобразося нашой паня на плачки. „А ты менѣ найменьшой прїятности не зробишь! Ой не ма добра на свѣтѣ! Я гадала, же надѣбаю межи тыми нечестными зъ того свѣта хочъ на одного людяного чоловічка! но ничо! нияѣ буде! натерпѣлася я уже не мадо, треба и тую горенькую чашу выпити.“

„Моя честна паня! не гнѣвайтесь на мене, если може чимъ не хотячи Васъ оскорбилъ. Я знаю Ваше для мене ласкавое сердце; но гдѣжь заслужилъ я собѣ на такъ великое отличіе?“

„Господи святыи! то ты все гадаешь, що я, если не шаस्ताю грѣшми, або не позычаю такимъ легкодухамъ, якъ Бучко, що цѣлый Божїй день гуляють, гроши марнують, та мою бѣдною працею накипаются, що я уже скупа. Нѣтъ, мѣй орле; если я пѣзнаю чоловічка съ характеромъ, то признаю му тымъ лучше, чого ѣтъ годенъ. Прощу тя, соколе мѣй, изволь того, що я для тебе зробила.“

„Але моя...“

„Если ми що доброго желаешь. — Та я ся такъ напекла въ огни.“

„Але прощу Васъ...“

„Если чувствуешь хочъ одробину влачности за мою выгоду съ грѣшми.“

„Але, коли я не маю надѣи, быти коли въ состоянїю, ѣтплатитися Вамъ за Ваше добро.“

„Ай! якъ ты для мене самымъ пакѣстнымъ слова маешь! Кто же говоритъ о заплагѣ ѣдзь—но рыбонько, ѣдзь!“

„Але моя паня...“

„Але прошу...“

Юрій радъ-перадъ засѣлъ до стола. Паня Чепѣжиха доносила, просила, захваляла, частовала такъ, що Юрій не мѳгъ и хвильку що свобѳдно погадати, ни то зробити.

„Напій же ся серденько того винця! О то дуже старое вино! Ще мѳй дѳдъ небѳщикъ“ — Юрью прійшли на гадку часы Татарскихъ нападѳвъ — „закопалъ го былъ въ пивницѳ. А но, еще склянѳчку! дай намъ Боже обѳнмъ гараздъ и многая лѳта! такъ — ось бачишь голубку мѳй — та я тобѳ такъ добре желаю!“

Юрій стануль ѳтъ стола. „Вгагодарю, всечестная паня за Вашу гостину, а не такъ ще за гостину, яка она и была богата, но ще бѳльше за честь, котрую Вы менѳ, не заслужившому на тое, здѳлали.“ Тое сказавши, поцѳловаль ѳнъ паню Чепѣжиху церемѳнѳально въ руку.

„Нѳтъ, нѳтъ! такъ якъ сынъ рѳдную маму, ту, ту поцѳлуй!“ Сказавши тое, показала наша паня на побабчене лице свое.

„А гдѳжь бы я смѳлъ!“

„Я тобѳ позваляю; будь менѳ за сына.“

„Но я самъ не могу собѳ того позволити.“

„Така то теперъ вяка на свѳтѳ. Такъ то ты мною цураешся!“

„Борони Боже! противно, всегда вячнѳсть для Васъ чувствовати буду.“ Тое сказавши, поцѳловаль нашъ Юрій честную паню другій разъ въ руку.

„Таки ты мною цураешся. Правда; старыя кости! Гей, гей, не дѳло теперъ на свѳтѳ мае свою цѳну, але молодѳсть, пустота, грѳхъ...“

„Але вѳрте менѳ...“

„И якже не гадати, же въ крайнѳйшой мѳрѳ гадится ѳтъ мене, котра чистого матернѳи, прѳязныя чувства для тебе питаю!“

Юрій зажмурилъ очи, и цѳловаль паню Чепѣжиху въ горячую зѳву, тай ѳтвернулъ зсимѳлы уста, мовѳ скушали бы оцту.

„О голубоньку мѳй! мое ты дѳаментовое незнати-що! Дякую! дякую ти за твое добро! же ты одинъ не ѳтвертаешся ѳтъ бѳдной, опушеной сироты. Рученьки мои золотыи, що лише все пишуть...“

Закѳмъ Юрій стѳгъ змѳрковатися, цмокнула го наша паня въ одну и другу руку и — шустъ. — Може кто зъ всеч. Г. Читателей схоче о правдѳ сего сомѳнѳватися; но дармо: волю незаслуженно съ злою по за Цапѳвъ славою до грѳбу сходити, якъ ѳтъ чистѳсенькою якъ слеза правды хочъ на волосъ ѳтскочити! — тай, якъ ще разъ кажу „шустъ“ сховѳзулася до нѳгъ, и „цмокъ“ его въ одинъ и другій обкурений чѳбѳтъ.

Юрій скаменяль — не зналъ, що дѳлати, и где ся дѳти. А, если ему смотрящому на своего ангелика въ церкви гадки не мало поплѳнталиси, то знову теперъ порѳбилося въ головѳ его такое хаосъ, яке мабутъ было пе-

редь сотвореньемъ свѣта; такъ все, и страхъ, и стыдъ, и згадка про ангелика, и даренное думанье надъ средствами добутися зъ той исторіи, и Богъ вѣдае, якимъ ще гадки, мовь бы ихъ блудъ чѣпился, въ розгрѣтой виномъ головѣ его помоталися, що славный гудзь Гордійскій былъ на-супротивъ того дурачествомъ для школяря, що лишъ по верху азбуки понюхалъ.

„Во имя Отца и Сына . . . паня, отямтєся!“

„Мое неоплатимое серденько! — ничо, мѡй ты дурню любимый; ничо, дякую тобѣ за твое доброе сердце для мене бѣдной, опущеной сироты. Ничо, ничо! Теперь може перейдєши тронѣчка. Иди сыну мѡй діамантовый, придивися Божому свѣту, не читай такъ много, та и розвеселися часомъ, бо змарнѣешь. Такъ! — адіє! до хобачиска!“

Юрій одурѣлъ; не зналъ, где стоитъ, и що зъ нимъ дѣся. Вылетѣлъ на двѡрь, мовь бы нимъ чихнулъ изъ пѣвки; бѣгъ, гей бы о закладъ, а допавши улицѣ, сталъ смѣяться въ голосъ, то руками выплесковати, то ногами выбрыковати, и якісь невиданны гопки вытинати, такъ, що якійсь дѣлъ, идучій случайно тамтуда изъ ярмарку, ерекрестился, та гадалъ, що до христіаньской дитины що приступило. Но поволи сталъ нашъ хватъ и сумнѣти, та въ голову заходити, що то зъ того буде. Помимовѡльно занесли его ноги на улицу, при котрой обиталъ его ангелокъ. Заглянулъ тамъ скрѡзь плѡтъ — заглядае — не видко ангелика; — скочилъ потому ѡтъ плота, гей бы му кто скрѡзь очи заѣхалъ, и вернулся назадъ, идучи, где го ноги занесуть. Дальше-дальше изникъ му свѣтъ реальный въ умѣ, котрымъ заблудилъ гдєсь генъ въ сѣеры мелодій. Якісь новыи пѣсни стали му по головѣ звєбти, — стануль — гдєсь на верху дѣсистои горы, и втопилъ видъ свѡй въ западающее солнце. Вытягнулъ потому кавальчикъ паперу, и сталъ списовати мелодійныи нуты. Писалъ, затопленъ въ гармонѣйномъ морѣ, и слезами дитины залился. Писалъ долго, а волны мелодій тиснулися потокомъ, що мимо нѡгъ его журчалъ, до сердца, чувствами взволнованного. Писалъ — ажъ голосное „Що ти такое?“ и легкій ударъ по плечахъ обудилъ его. Бучко стануль передъ нимъ. — „Охъ друже“ сказалъ Юрій, и сталъ его цѣловати, мовь бы его Богъ знае ѡтъ коли не видѣлъ, „друже, якій же я несчастливый!“

Водилися оба долго по горѣ. Бучко выдобуль зъ ѡткисъ, же ангелокъ Юрія звался Оленою Путницкою, былъ сиротою по досытъ богатѡмъ, а передъ полъз рокомъ помершѡмъ посѣдателю землѣ. Вдова Путницка мати ангелика — оставшая съ двома доньками, купила собѣ, продавши великое господарство, дѡмъ и поле на извѣстнѡмъ намъ мѣстци, и ту подъ окомъ опѣкуна, якогось вышшого чиновника, вела сумное вдовичье житьє. Юрій былъ Бучкови дуже вдячный за тое донесєньє, но самъ о своей авантурѣ съ панєю Чєпѣжихою ничо не споминалъ а на всякій вопросы Бучка за причину его задумчивости ѡтповѣдалъ стереотиповое: „Охъ, я дуже несчастливый.“

IV. СЛОГЪ ЮРЬЯ И ПАНЪ ЧЕПЪЖИХИ.

Слѣдующою недѣлѣ стануль Юрій въ церкви на мѣстци, зъ которога гадаль наилучше видѣти ангелика своего; бо ѓнѣ — зъ ѓтки? тое не знати — былъ уже на-безпечно увѣренный, що ангелокъ его сяде на тѣмъ самѣмъ мѣстци, шо и на праздникъ. И въ истѣ ждалъ ѓнѣ не дармо. За пѣлъ години може по своемъ прибытью до церкви узрѣлъ ѓнѣ на передѣ малую сестричку, потому Оленю, а за ними поважную маму. Съли всѣ въ назначенной имъ гадкою Юрья лавцѣ. Олена поглянула на мѣстце, где передѣ кѣлькама днями видѣла Юрья, тай оченька еи замутились сумотою не узрѣвши тамъ того, кого видно ждали; но за хвильку подыбали они око Юрья, а послѣднѣму видѣлось, що бачить явную радѣсть зъ того на краснѣмъ личеньку Оленѣ, краснѣмъ, ще краснѣмъ, якъ коли его послѣднѣй разъ бачилъ. Коли поглянула темненькими очками ко небу, видѣлося Юрью, що небо му отворилось; коли срѣтилася ними съ его сумно-тужливыми зѣнницами, затрепеталъ ѓнѣ изъ радости и удивленья, мовъ листокъ ѓтъ вѣтру; коли зѣтхнула сердешно ко небу, говѣлъ Юрій къ Богу, соединень съ нею молитвою, мовъ два согласными голоса въ красную гармонию.

Ще кѣлька недѣлъ минуло му такихъ счастливыхъ. Юрій жилъ дома лишь думаньемъ; пѣсни плыли му потокомъ новыи, а всѣ огнемъ дишащи, задумчиво-говѣйныи, красныи, же все мѣсто, пѣзнавшое ихъ черезъ Бучка, пестилося ними, а незабавкомъ они до усть уличныхъ хлопакѣвъ досталися. Юрій упирался доконьче, уложити до нихъ якѣи придалыи стихи, но все, коли щось похожего зачалъ, не ставало му словъ до высказанья чувствъ, котры нимъ волновали, а котры одна божественная музика ще за-тепла зъ сердца похопити гѣдна. Наконецъ, а то уже въ часъ зстуженного восторга, водный чувствомъ елегѣйного думанья и сумного роспамятованья зѣпилъ ѓнѣ слѣдующии стихи, до котрыхъ не мѣгъ ѓнѣ одавожъ зъ уложенныхъ уже высокопарныхъ мелодѣй жадной добрати, та со всѣмъ новую уложити былъ принужденный. Кладемъ ту тии стихи, бо они хотя дуже штельгутающѣи и базаровыи, выдятся намъ быти живымъ образомъ души его задумчивон, по просту сказавши нударскои, тронутои по разъ первый стрѣлою крылатого божка.

Якимъ то дивомъ се мирненьке око
 Менѣ зранило сердце такъ глубоко?
 Иду до церкви; вмѣсто ся молити,
 Миленьке очко радъ я зострѣтити;
 Где стану лишь, всюда до милой хаты
 Вертають очи, рады ю витати;
 Колись я въ флетѣ малъ веселы нуты,

Якъ ю позналъ я, годъ ихъ добути;
 Где было цвѣтки я збиралъ по гаю,
 Теперь тамъ сяду, — лишь о ней думаю.
 Тай щожь? всё дармо! не менѣ до того;
 Но ангела не можь забути своего

Годъ ми забути пресчастливой хвили,
 Где ей ся очка съ момми стрѣтили.
 Сля то было въ церкви, не карай мя Боже,
 Що про чудо Твое, Тебе забулъ може;
 Бо въ тыхъ очкахъ тѣлько тайной крысьє силы,
 Же на нихъ смотрѣгнѣ мило до могилы.
 Все же тѣлько бачу райскихъ въ нихъ гадочокъ,
 Якъ на чистѣмъ небѣ сверкає звѣздочокъ.
 Гадки ти милы щобы всѣ зловити,
 Треба бы ся вѣчно въ очка ти дивити.
 Я лишъ кѣлька хвилъ малъ такихъ несчастливыхъ,
 Где ся мѣгъ прозрѣти въ очкахъ чернобрывыхъ;
 Но тыхъ кѣлька хвилъ я тѣлько стигъ дозрѣти,
 Що вже мушу сердцемъ поки живѣ тужити.
 И въ конецъ, якъ сердце бити перестане,
 Въ очкахъ, що на гацѣ, небо духъ огляне.

Минула весна, настало лѣто. Школярѣ порозѣжджались на вакаціи, въ мѣстѣ же лишилися зъ нихъ лишъ тѣи, котры ще съ професорами не довели доброго ладу, або котры мали добры лекціи въ мѣстѣ. Межи послѣдними были и наши подруженны хваты, котры кромѣ того ще для иншой причины не вѣхали уживати роскошей сельского житѣя. Причиною тою было намѣреніє гденѣкотрыхъ слушателей права, дати приватное зрѣлищное представленіє, котрое то намѣреніє и наши хваты дуже живо похопили; именно же Юрій не лише для того, же въ вознамѣреннѣмъ зрѣлищи передводимая нимъ музика важную мала ѳгрывати ролю, но такожь и для того, же онѣ при тѣмъ случаю зблизитися до своего ангелочка зъ далека надѣялся.

„Якій я несчастливый,“ говорилъ той разъ самъ до себе вертаючи зъ церкви „же я не свободенъ, сказати моему ангеликови чудесному мое почтеніє, мою жаркую любовь ко нему; бо музыка — незрозумѣла, а хотя мене пѣсни мои етеровыми крылами заносять въ чародѣтельное поближіє къ Оленѣ, то знову треба бы мене самого, котрый бы ними въ ангелской души ей похожіи мѣгъ возбудити чувства. А слова можь бы впустити, вшверцовати якось, и она бы ихъ читала, восхищалась ними, поглядала на нихъ оченьками своими пестилась, ними! — Гмъ! и зъ ѳтвижь та порука, же

такъ бы было, а не со всѣмъ може противно? Но нѣтъ! — оченька еи, вѣрнѣйшее тое зеркало ангелской души еи, чистенькое якъ солнце, а глубокое якъ море миролюбивыми, щирыми, доброжелательными думочками, они мене — охъ якъ дуже недостойного! — понимаютъ. Охъ якъ же бы я былъ счастливый, мовь въ раю счастливый, если бы то зналъ точно, зналъ се изъ усточокъ еи, шо я въ истѣ ей не гидкій!

Прійшошь до себе. Не заставши тамъ никого, взялъ гитару въ руки и сталъ спѣвати:

„Бо въ тыхъ очахъ тѣлько тайной крысьє силъ“ и пр.

Пересталъ — задумался — „Охъ може ще нинѣ буду такъ счастливый..!“

„И будешь, будешь! и ты годенъ того, мѣи соколенку!“ воспѣла вбѣгшая несподѣвано паня Чепѣжиха. „Якій же ты добрый, мѣи ангелику! О я ти нагороджу, сто разъ ти нагороджу твою доброту и приклоннѣсть. Але ты ми не ѡткажешь, о шо ты буду просити; — не правда -- Охъ! до когожь бо менѣ по порадовьку приступити, а сли не до тебе, душечка милая!— Ось бачишь трафляє ми ся чловѣкъ — може го знаешь? — Напивальскій, пекаръ; мае свою каменицу на Орменьской нижшой улицѣ, каменица якъ звѣнь. Га? якъ бы ты ми до того порадила? шо?“

Юрій спалъ гей бы зъ одного кѣнца свѣта на другій. Подумавши, сказалъ: „Шожь менѣ ту радити? Таже Вы самѣ. . .“

„Має красную крамарскую лаву, самъ зухъ, ходитъ съ окуляриками, мовь якій паничикъ. Шоже ты? не стоишь ничо про долю опущенной сироты? — Гей, гей! такъ то нинѣ на свѣтѣ!“

„Та гдежь я, такій несвѣдомый, брати ему за свою совѣсть Ваше будущое счастье або горе?“

„Лише то бѣда, же ѡнъ любить неразъ напиватися. Шожь?“

„Та вы то лучше маеє знати, бо я не малъ доси чести, о тѣмъ пану шо и чути.“

„Такожь доповѣли менѣ, же ѡнъ любить втогда, то втогда картами забавлятися, Шожь? може бы шкода мого майна?“

„Если такъ рѣчь стоить, то не ма сомнѣнїя, же шкода.“

„Отже правда? ты менѣ со всѣмъ не кажешь?“

„Нѣтъ; я ничо не кажу, ни раджу, ни розраджаю; но гадаю, же, если ѡнъ такъ напиваєся и въ карты грає, якъ самы кажете, шобы тота партїя може была до ничого.“

„Добре серденько, послухаю тебе. Когожь бы я ся лучше порадила, якъ не мого комѣрника честнѣйшого, мого друга вѣрнѣйшого? Гдежь бы ѡнъ на тое присталъ, шобы распустники працю мою розносили?! Добре; дякую тобѣ за твою добру раду и послухаю еи, якъ бы рѣдного тата. Теперь же зажди: Якъ бы ты его зъ майки вайти? Якъ бы то му деликатно сказати, шо его не хочу? Почкай! Ану: може бы ты серденько написалъ листъ,

буцѣмъ ѳгъ мого дядька, котрый менѣ гейбы не каже ити за Напивальского? А нужь но сядь-но собѣ, та напиши!“

„Моя паня, я того со всѣмъ не розумѣю — може кто иншій прошу Васъ, увѣльнѣтъ мене ѳгъ того,“ — ретировался змѣшанный Юрій.

„Такъ! то ты менѣ тои дурнички зробити не хочешъ! но тѳлько докажамъ моеи доброты для тебе! га! не ма, не ма правды межъ людьми! О! горе бѣдной опущенной сиротѣ на тѳмъ недобрѳмъ свѣтѣ! Всякій цураесть тобою, ѳтвертаесть ѳгъ тебе! — Та прошужь, напиши то, напиши! а я ти, що буду розумѣла, тое розскажу, якъ.“

„Такъ, то добре. Но прошу, скажѣтъ каждое слово; бо я лишь Ваши самѣсенькїи слова писати буду.“

Юрій сѣлъ, и забрался писати. Паня Чепѣжиха стала диктовати:

„Любезная Варвасенько — маешъ Варвасенько? Пишешъ менѣ, що ти лучаеся — чоловѣкъ — и то зухъ — зажди но, ага; но я бы тобѣ со всѣмъ не радиль — ити за мѣщукъ — Цы може оно такъ быти? що?“

„Щожь я могу знати? я лишь пишу, що кажегъ.“

„Отже ничо противъ тому не маешъ; — добре. Якъ то тамъ было? — Ага! — не иди за мѣщукъ — такъ? — теперь же дальше: бо мѣщукъ звычайно дуже добрый чоловѣкъ. . .“

„Алежь моя паня, то не може быти. Перше кажете: щобъ не ити за мѣщукъ, а теперь знову, же мѣщукъ естъ дуже добрый чоловѣкъ, то буде зъ того выходити, же Вашъ дядько не каже Вамъ ити за дуже доброго чоловѣка.

„Ось видишь, же ты лучше знаешъ, якъ я. Где моеи бѣдной сиротиньской головѣ до того! Прошужь ты, напиши такъ, якъ самъ знаешъ!“

„Дуже перепрашаю, же того зробити не могу. Я не бывалъ еше, поки живъ, въ такихъ орудкахъ, та мѳгъ бы цѣлу рѣчь лишь попсовати. Прошу казати, що писати дальше.“

„Ой такъ! таки тяжко допроситися чого ѳгъ тебе. Ний буде! треба буде своею неученою головою якъ можна свѣта дохаратати. Отже дальше: бо мѣщукы суть дуже часто пїяки, а я привезу тобѣ за пару дней чоловѣка молодого, якъ ты сама.“ — Юрій глянулъ ту мимовѳльно на сорокате волосье панѣ Чепѣжихи, котрое было такъ импертинентне, кидати въ очи панѣ Чепѣжихи брехнею — „котрый буде ты такъ щиро любити, якъ твоѣй всегда тобѣ приклонный дядько Стефанъ де Чепѣги Чепѣжинскїй. Зложишь теперь и напиши на верху: До рукъ всечестной Варвары де Чепѣги Чепѣжиньской во Львовѣ на Стрыйскѳмъ предмѣстью.“

Юрій зробилъ все, що му казала паня Чепѣжиха; ѳтдалъ ей листъ, я забиралися ѳтходити. Паня Чепѣжиха сховала листъ и стала розводитись:

„Почкай Напивальскій! ты гадаць бѣдну сироту легко змудровати. Таже я ту маю честную пораду, любезного, доброго, мудрого чиншѳвника; та гдѣжь бы ѳнъ менѣ далъ съ отвертыми очима яму пѳдъ собою копати; мое красное майно, на котрое я кроваво працювала, вѣтродухамъ дати марно пускати! Таже я маю въ своей хатѣ доброе лице, душечку красную, що знае людей шановаги. Ходи-но любоньку, ходи, я ти покажу, шо то Варвара за майно мае, и ѳтъ всякихъ вороговѣвъ въ день и нѳчь якъ ока въ головѣ стереже, та для свого доброго гѳдного друженька ховае.“ При тыхъ словахъ завела паня Чепѣжиха отягаюшогося Юрѣя до своей клѣтки, котрой пороги ѳнъ ось-то первый разъ переступалъ. — „Подиви-но,“ вела свою рѣчь дальше наша паня, „сагни, шо ту за сокровише! видишь? О! Варвара не така бѣдна, якъ то кому видится! Глянь-но мое панятко — ту маешъ 10,000 рубликовѣвъ самого чистого серебра. Выкопала то бачишь нарочно, щобъ ихъ тобѣ показати, вымыла, вытерла, щобъ твои оченька тымъ розвеселити. А ту знову 1000 червонцѣвъ, жаденъ не обрѣзанный, ниже оскробанный, видишь — якъ огонь чистенькій. — А ту 2000 Голендерчукѳвъ; а ту, ту тысячка сороковчиками, а ту 10,000 бѣленькими таяриками, то нѣмецкими, а то нашими. Такъ, такъ рыбонько — будемъ собѣ „кагуль, кагуль!“ одно до другого; будемъ мати чимъ бавитися, шо чистити, щобы намъ въ оченька свѣтло. О мое ты незнати шо! мой Юрѣй дукачевый!“ — тай приголубилась до него, мовъ въ горячѣ. Юрѣй кидалъ за кожымъ положеніемъ еи несмѣлое „але,“ то „про шу“ „за жадѣтъ“ и пр., но тое гамовало коловоротъ бесѣды еи не иначе, якъ капля воды, скроплена на огненную поломѣвъ, жаръ тоиже пригашуе.

„То всѣ для тебе! — Теперъ же ось — бачишь сей діамантикъ! а той, а той — то такій чистенькій якъ твое личко. А ти перстенѣ! Нужь-но стрѣбуй! якъ бы ти въ немъ было? — Або бачишь: шо ту того шматѣя! банкнотѳвъ и розличныхъ паперѳвъ, то й не рахуй! — А нуже стрѣбуй одинъ перстеникъ — покажи твоѣй діаментовый пальчикѣ, покажи любонько.“

„Але моя честна паня, то уже менѣ не возможно.“

„Этъ -- ось знову торгуешся. Ты за дуже несмѣльнй. Таже Господь Богъ одно для другого сотворилъ -- прошу...“

„Моя добродѣтелько — тое таки не зроблю — то уже за много ласки.“

„А —“ тай продолжала тую самогласну долгою фермою — „та малъ же бы ты для мене тѳлько пакости. Разъ мене самъ до того наводишь, а потому торгуешся. Хиба я не чула оныи стихи, котрыи менѣ спѣваеш! Ого, казалъ менѣ добре Бучко; -- знаю я добре, знаю; хѣ, хѣ, хѣ.“

„Якъ то? малъ бы Вамѣ Бучко казати...?“

„Ось и шожь зѣ ѳтти злого? Не маешъ ся на него за шо дуже гнѣвати. Ось видишь, же ты дуже несмѣльнй.“

„Але Богъ видишь, же то со всѣмъ шо чиншого.“

„Такъ? — то ты маешъ иншую!“

„Нѣтъ! — маю казаги — ага — то цѣлкомъ що иншого — цѣлкомъ — отъ.“ —

„Но — отже, коли не маешь иншой, комужь бы были ти стихи, якъ не менѣ? Мой ти стихотворче краснѣй! чоґожь ту такъ дуже заператися? Ходи, най ти за твою доброту солоденько подякую.“ —

„Гарахъ“ залопотало щось ѓтсѣвными дверьми, а потому чути было, якъ ктось вѣйшовъ до покою Юрья. Той высмыкнулся и найшовъ у себе Бучка.

„Но собирайся!“ казалъ Бучко, „бо наемъ ещемного лагодити, а потому ити съ билетами.“

„Гдѣ — за чимъ? — где? чоґо?“

„Но, абожь не нынѣ розносити билеты на наше зрѣлище?“

„Якто теперь? заразы? — Николи въ свѣтѣ.“

„Теперь приготавли, а зъ полудня носити.“

„Ага! добре — ходѣмъ; ходѣмъ хугше, щобъ не было за пѣзно“. Убрался, и оба пѣшли въ мѣсто.

„Що ты найлѣпшого дѣлаешь?“ казалъ прѣйшовши поволи до себе Юрій на дорожѣ — „по що ти говоришь передъ Чепѣжихою, же я для неи стихи робилъ, коли то не правда?“

„Кто казалъ?“

„Она сама.“

„Э, то я лише такъ смѣялся.“

„То дякую за такій смѣхъ, зъ котрого она собѣ готова Богъ знае що погадати.“

„Що чую?“

„Ось видишь, я просилъ тя тѣлько разы, щобысь былъ въ бесѣдѣ осторожный, а ты все свое. Прощужь ты теперь, выбѣй ей тое зъ головы.“

„Бучко! Бучко!“ учули наши хваты голосъ за собою. Онъ выходилъ ѓтъ сближающагося къ нимъ товариша, котрый продолжалъ рѣчь свою дальше: „Знаешь що? сумную ти новину приношу. Я былъ теперь у совѣтника за свѣдоцтвами, та ѓнъ говорил про тебе. . .“

„И шожъ тамъ цѣкавого?“

„Тратишь рѣкъ, и бодай цы не всякѣи виды на якое мѣстце.“

„Най му тамъ . . . паскуда хоче, щобъ му пѣдлазити пѣдъ ласку.“

„Казалъ, що волочишься по подозрѣлыхъ дѣрахъ.“

„Такъ А зъ ѓткижь ѓнъ тое знае?“

„Богъ тое вѣдае. Видитса, же ктось тя обсмаровалъ.“

„Або то оденъ подлець на свѣтѣ?“

„Казалъ, же шкода, що такъ порядного хлопця другомъ маешь, якъ есть Юрій.“

„Но — ний ѓнъ свои дѣти здоровъ пильнуе, то буде ему лучше; та ний самъ перестане гонити за кубанами.“

Юрій упѣкъ рака, но ничо не казалъ; бо бывало нагадовавъ ѓнъ то неразь Бучкови, коли тойже въ своѣмъ дѣланью занеховавъ всяку осторожнѣсть, и неразь ворожилъ му такіи слѣдствія, якіи теперь сбудиля. Бучко зауважалъ тое и застыдался.

(Конецъ буде.)

Г А Н Ц Я.

Повѣсть зъ життя Подбескидского народа (Лемковъ).

І. ЧАСТЬ.

Бескиде! — сѣдый Бескиде! ты опасалъ нашу землю, смотришь по-важно на жизненныи нивы и долины, на густы боры и просторонныи степи, и освѣжаешь ихъ своими водами. Не одна уже туча и не одинъ громъ перейшолъ по-надъ твою голову, — а ты стоишь все твердо и непоколебимо. Не разъ ты уже засумовался, видячи народъ, на который смотришь, въ кровавой нуждѣ, — а однакъ ты все веселый, и все съ весною новая зелень покрывае тебе, новый цвѣтъ прозябае на тобѣ и новая вонь роздаеся отъ тебе. Не дивно про тое, що омотрячи на тебе новыми надѣями наполняются люди.

Якъ мило сѣсти подъ Бескидомъ, отдохнути свѣжимъ воздухомъ, напитися свѣжою воды зъ его керницъ. Якъ мило перейтися по тыхъ холмахъ про-межи тѣи лѣсы и боры, въ которыхъ заховано много памятокъ зъ старинныхъ счастлихъ и несчастныхъ лѣтъ. О нихъ розкаже Тобѣ всякій старикъ, лишъ познае, що ты не на смѣхъ розказовати собѣ кажешъ; — а если начнешъ слухати, то слухалъ бысь день и ночь, и годѣ розстатисъ съ ними.

Межи горами по-надъ рѣки и потоки тягнутся села, въ которыхъ жѣ въ невеликихъ, правда, но красныхъ и чисто удержанныхъ хатахъ народъ рускій и управяе ролю своихъ прадѣдовъ. Народъ то честный и добрый безъ лжи и безъ лести. — Колись — такъ кажутъ — малъ онъ ся добре мати. Были богачи, що сороковци и червонци въ шапкахъ высокихъ баранихъ складали, — а нынѣ уже и шапокъ тыхъ не узришь. Солтысъ давнѣйше отличался будынкомъ, маеткомъ а навѣтъ самую поставою отъ простого газды, — а нынѣ всѣ собѣ ровни, газда простый часомъ собѣ лучшій отъ солтыса. Вѣдай то свобода всѣхъ порѣвнала.

У Василя — въ хатѣ.

Тому уже коло сорока лѣтъ — еще тогда, коли — якъ то кажутъ — добрыи часы были, стояла въ селѣ надъ Ославою на самѣмъ кѣнци хата, —

а при ней досыть великій будынокъ газдовскій. Хата нова — добре пошита и красна, — положенъе веселе, бо на горбку и надъ рѣчкою, а въ-коло хаты садъ. Отъ сельской дороги на пѣдворье провадилъ малый выгоонецъ, — и ту при самыхъ воротахъ стояли двѣ высокіи, тѣнистыи липы, -- округлыи гѣи копицѣ сѣна. На одну и другу сторону ишолъ широкій ланъ поля и сѣножати, — а на горѣ тамъ черезъ рѣку стояла кошара для овецъ и колыба при ней для югаса, пѣдъ которою звыкъ лежати неотступный товаришь, смильный и великій бѣлый песъ Дуван.

Уже по виѣшнему осудилъ бы каждый, що то солтыство. Василь Шемела жилъ ту съ своею родиною. Не велика то родина — но честная и добра, и со всемъ достойна, чтобы мы съ нею познакомились. Зъ сѣней дверь провадитъ на право и въ лѣво. На право до хижы, — но ту теперь нѣтъ никого. Стѣны, лавки на-около, а передъ ними столъ долгій и великій, та и полница съ мисками и горцями розличного рода, — а все вымыте чисто, пѣчь выбѣлена, лѣжка широке, чистою накрыте плахтою. Все то свѣдчить, що газда, а не такъ газда якъ газдыня любить порядокъ. Стеля — правда чорна, но годъ ей инакшой быти, коли хижа курна, бо у Лемкѣвъ коминъ теперь еще рѣдкость велика, не то передъ сорокомъ лѣтъ. — По лѣвой сторонѣ входимъ зъ сѣней въ свѣтлицю, — а тамъ застаемъ теперь цѣлу родину Шемелѣвъ. — Свѣтлиця сама чиста, и порядно удержана. Подъ стѣнами стоятъ лавки, дальше двѣ лады, а зъ другой стороны заселеное ложе. На вѣшалѣ при кутѣ виситъ чуга, гунька, мента и иинное одѣние; — а надъ двома ѡкнами и надъ дверьми образы Спасителя, Причистой и Отца Николая.

Подъ окномъ, надъ котрымъ образъ Пречистой, сидитъ старый Шемела локтемъ опершись о столъ, и смотритъ на двѣ женщины, которыи зъ одной лады вынимають платье — и связують въ зайточку, гѣйбы гдесъ въ дорогу выбирались. Лице Василя было веселе и спокойне, и пріятное робило впечатлѣние; — на оное спадало долгое, на половину черезъ голову роздѣленное сивавое волосѣе.

Женщины же, которыи будто гдесъ выбирались, — то одна уже надъ сороколѣтна — Василя супруга Марія, або впрость по-гѣрску, Мариська, а другая ихъ дѣвѣчка Ганця. Уже то много красныхъ дѣвчатъ можъ въ горахъ видѣти, но на околицю не было рѣвнои Ганцѣ. Выросла собѣ гладонько и гожо якъ тополя, красна и румяна якъ рожа, до того жива и робоча, — а голосъ якъ звонъ. Бывало, коли до церкви убереса, и возьме коралі на шію, и гладонько причешеса, и стяжокъ навяже до своей долгой желтой косы, — то лишъ дивитися на Ганцю и на ей уроду. Но не досыть на томъ, бо щожъ урода и красота, если нѣтъ внутреннихъ скарбовъ, если нѣтъ доброго сердца. На счастье была Ганця и тымъ увѣнована. Ей доброе сердце, лагодное обхоженіе со всеми, а при томъ набожность и предан-

ность на волю Божу, приобрѣтали ей у всѣхъ знакомыхъ любовь и приклонность. Тому то Ганця и подобалась всѣмъ, и была всѣми люблена.

По свѣтлицѣ бѣгалъ еще малый хлопчикъ Андрей за своими забавками; часомъ, коли мати або Ганця закликали, услуговалъ где що. Василя то сынъ и наслѣдникъ.

„Ажь теперъ знаю, чомъ я така весела днесъ отъ самого рана, — а то про то, що мала мѣ днесъ такіи сонъ дивный. Я щось весела, але не знамъ, що то значитъ, що ся мнѣ снило.“ Казала Ганця.

„Штожь такого? но-де оповѣжь намъ,“ отозвался отецъ.

„Снилось мнѣ,“ оповѣдала Ганця: „и я и мама сидѣлисе деси на луцѣ. Мы такъ сидиме, а ту надлѣтае великій птахъ — орелъ цѣ яка бѣда — съ великими нѣгтями, грубымъ дзюбомъ и широкими крылами, — и легить просто на насъ. Вдарилъ на передъ на Васъ мамо, а потѣмъ на мене, роздеръ наши груди, выдеръ намъ сердца и взялъ съ собовъ. Мы зачали плакати, кричати, тата кликати, але ни дармо. Але лемъ що тотъ птахъ отлетѣлъ кусъ отъ насъ, не знати откаль взялося бѣльше иншихъ птаховъ, тоты стали на него такъ бити крылами, же ажь до насъ ргѣкъ и намъ отдалъ наши сердца. Що ся далей стало, южь не знаю, бомъ ся въ томъ страху обумила. — Я не знаю, що то значитъ, — але якосимъ ся ничъ не бояла, и щосимъ весела.“

„А які были тоты птахы?“ спросила мати, которая дуже уважно слушала оповѣданіе доньки, заложивши руку за руку.

„Черны,“ отвѣтила донька.

„Ой то зле — зле!“ крикнула мати и опустила руки.

„То зле!“ повторила еще разъ и зажурилась. — „Боже борони, ревла по хвильцѣ молчанія: засъ якого несчастья на монастырѣ. Тамъ згинулъ нашъ Ваньо*). Мила дѣтника, — еще го все передъ очима вижу, якіи красныи... южь былисе го женили были. Я ся щось бою, жебы не было якого зла!“ — казала Марія и расплакалась.

И кто знае, коли была бы ся утомила Мариська, еслибы не сталъ былъ Василь приговорывати. Онъ ей ростолковалъ, що сонъ ничъ не значитъ, що во всѣмъ воля Божя, — „а якъ Богъ допустилъ, то тя бѣда и на цецу найде“ казалъ онъ. Всталъ погомъ зъ лавки, отворилъ другую лаву, взялъ въ ней чересь, розвязалъ ремень и вынялъ мошонку съ сороковцями. „Нажь ти Марись — то на дорогу и справунки; — а то на двѣ хвады Божии. Дай Отцу Феодору и проси, жебы отпавилъ едну службу за наше здорovia, а другу за Ваня; якъ же, то ний му Господь Богъ дастъ якъ найлѣпше, а цкъ вмеръ, то за его душу. А може намъ го еще Господь верне — ктожь то знае?“

„Ой дай то Господи!“ выговѣла Мариська.

*) Ваньо або Ваня — Иванъ.

Межи тымъ посунулося сонце досыть далеко, и напоминало нашимъ подорожнымъ, шо имъ уже часъ, бо до монастыря досыть далеко; туда бо они выбиравися.

Та они уже и скѣдчили свѣй нарядъ; — Ганця взяла невеличкій тлумачокъ на плечи, попрашались съ отцемъ и Андреемъ и поѣшли стежкой генъ къ Бескиду.

Давная пріязнъ наилучша.

На богомоля, або якъ то кажуть на ѡтпустъ идуть люди набожныи Богу помолитися, прощенія грѣховъ доступити и въ боговѣнни покрѣпитися; — а народъ нашъ, который все не забываетъ на Бога — стремится охотно до такихъ мѣстъ. Если однако приглянемся людемъ, которые идуть коли-будь ту або тамъ на богомолье, то узримъ, шо все не безъ якогось побуженія. Одинъ захворѣлъ и въ недужѣ обѣщавъ поѣйти на ѡтпустъ; другій шось утратилъ въ газдѣвствѣ, або въ родинѣ, то иде на богомолие, щобы его Богъ отъ дальшихъ угратъ стерѣгъ. Сновь инный шось предпринимае, иде упросити благословенія Божого къ тому дѣлу, — а иный еще хоче поблагодарити за счастливое поведенье своего дѣла. Суть и такіи, шо хотятъ ино придивитися множеству розличного народа, або шось купити, -- а навѣтъ такіи, шо хотятъ лишь передъ людьми показатися -- та идуть на ѡтпустъ. — Такъ кожного якась инна причина побудила поѣйти на ѡтпустъ. Не отъ рѣчи про тое буде, если звѣдаемся, шо то побудило нашихъ женщинъ Мариську и Ганцю до того богомоля, тѣмъ бѣльше, шо Мариська уже двадцать лѣтъ не была на Манастири, понеже не могла смотрѣти на тое мѣстце, где утратила сына.

Причины не трудно отгадати. Ганця выросла красно и мило, — часъ уже за-мужъ ити. А важне то дѣло женитьба для цѣлого житья и для потомства, — такъ чи не въ томъ причина того ихъ подвига? Мы отгадали. Въ той самъ часъ, коли выбиравися они въ свѣтлицѣ, находилася тамъ еще молодой паробокъ — нареченый Ганцѣ. Осифъ сынъ давного знакомого и пріятеля Васмля, добрый и уродливый хлопецъ, прійшошь Ганцѣ пожелати счастливой пути; — самъ не ишошь тамъ, понеже такъ обычай не велить.

Еще то передъ шестнадцатію лѣтъ на крестинахъ Ганцѣ — было то, правда, уже не по первой чарцѣ, но все таки при полномъ розумѣ, хотя тамъ часомъ языкъ и заблукался, куда не треба, — въ той самой свѣтлицѣ каже Михаилъ Хома, отецъ Осифа, до Василя:

„Куме! дай Боже, жебы са твоя дѣвка ховала краснѣ, и вдалася въ свою матеръ; -- але слухай, чи не погордишь ты мновъ, своимъ старымъ пріятелемъ, Михаломъ Хомою, якъ прійду со сватами просити твою Ганцю за мого Осипа?“

„Я? николи, якъ лемъ властєся твѣй сынъ въ своего ѡтца“ отвѣлъ Василь.

„Но, дай руку на того, най знаю, што ся южь мѣ ховае невѣстка“ провадилъ Михаилъ дальше, и вытягнулъ руку свою къ Василю.

„Що вы уже днесь хотите робити? — не вѣста, чeso твориста. Кто знае, чи дождете вы, чи ваши дѣти до того часу, а потомъ чи схоче одно другое, бо на всѣмъ Божя воля, -- у Бога вся суть возможна,“ отозвался дякъ изъ-письменна говорячи, набравши духа зъ чарки або, якъ то кажутъ, зъ руки до головы, перебилъ Михайлови и Василеви.

„Э та што тамъ — якъ Богъ дастъ; — та южь якъ ся не будуць любити, та годѣ, жебы ся едно другому вѣшало на шю, або якъ не дожиють але якъ воля Божя на вшитко може быти, та най знаеме, што мы а што кумъ Василь мыслить,“ впала съ своею бесѣдою Параска Хомиха, жена Михаила, которая прислунулась была тоже до тѣснѣйшой рады.

„Со мновъ страху нѣтъ,“ отозвался Василь: „я бы малъ гордити моимъ прїятелемъ Михаломъ, або его дѣтьми? я зъ моеи стороны пристаю.“

„Ба — але ты солтысь, а я простый хлопъ,“ перервалъ Михаилъ.

„То въ мене ничъ не значить. И мы солтысы зъ простыхъ хлопѡвъ, та и ты якъ схочешъ, купишь собѣ солтыство. Але то байка, кто знае, якъ то еще буде? Може такъ буде, што не буде солтысѡвъ, што и тямка загине о солтыствѣ. Отже видишь, я даю руку ту при людяхъ и при пану Реентѡмъ,“ и подалъ руку Махалу.

„Такъ есть — посвѣдачу, що видѣста очеса и слышаста ушеса моя. Но памятайте, шо въ писмѣ св. стоитъ: еже Богъ сочета — человекъ да не розлучаетъ,“ сказалъ панъ Реентый. Такъ они любили часомъ, особливо если было много людей, а наибѡльше на крестинахъ або весѣлью, коли уже зо двѣ, зо три чарки перевернулося, зъ-письменна говорити, або и зъ книгъ перковныхъ шо сказати, чтобы всѣ знали, шо они то зъ института выйшли. Вдалося часомъ и цѣлкомъ не до складу, — но не было въ громадѣ такого, чтобы могъ пана Реентого скритиковати. Навѣтъ и Григорій дякъ зъ сусѣдного села нѣтъ, бо то еще зъ старой школы, а стара шѡла хоть бы и лучша, все таки новой уступити мусить. Лишь въ уставѣ и въ гласахъ не конце мѣрился панъ Реентъ съ Григоримъ.

Такъ Ганцю едва оврестили, та уже заручили. И въ самомъ дѣйствїи отъ того часу дуже любили Хома тую дѣтину, и занималися нею якбы своею. А коли пѡросла, то першимъ у нихъ было, чтобы то еще въ дѣтинствѣ познакомити Осифа зъ Ганцею, та такъ ихъ до себе призываити; — и уже ей иначе не звали, якъ лишь невѣсткою.

Ганця выросла красно, Осипъ тоже собѣ хорошо, родичи одни и другїи жиють, лишь поженити свои дѣти. Не оденъ казалъ: якъ то Богъ дае, шо загадали передъ лѣтами, то и сполнится, бо и старши все въ прїязни, и дѣти любятся, понеже отъ самой маленькости привыкли до себе, шо годѣ одному безъ другого и два дни быти. Сердился за тое не одинъ паробокъ,

не одинъ отецъ на Осифа, що хотьбы солгысу — а годѣ приступити до Ганцѣ. Творили они за тоє неразъ и цакость Осифови. Бывало на весѣлью якомъ — то змовятся всѣ паробки и бере одинъ за другимъ Ганцю въ танецъ, щобы лишъ Осифа не припустити съ нею до танця; а Осифъ лишъ смотритъ зъ боку и ворги закусуе. А прійде ити домѡвъ, уже готова цѣла череда паробкѡвъ, отправажати Ганцю, и лѣтарнѣ засвѣчени, лишъ щобы Осифа згрызти. Ганця и спрашаеся и благодаритъ имъ, — но то ничъ не помагае; а Осифъ иде зъ-заду самъ, бо и никто не промовитъ до него. Всѣ увеселилися; лишъ онъ самъ одинъ вынудился. Коли вже така Божа воля, — то треба разъ и о весѣлью думати. Михаилъ неустанно напиралъ на Василя, що уже часъ, щобы робити весѣлье; но Мариська отпрашалася, щобы ей еще лишити доньку хоть на-троха, бо якъ ю разъ отдасть, то уже на все, а съ кимъ же она останеся? — нѣтъ другой доньки, нѣтъ сыновой, — кто ей выручить въ газдѡвствѣ, съ кимъ выйде въ поле жати, — съ кимъ поде до мѣста на торгъ? Та й таке то бо правда, що такъ. — Но таки то треба разъ о весѣлью подумати; — и стануло на томъ, що будугъ помалу лагодитися до весѣлья и найдалше въ мясницѣ все укѡнчатъ, — а то тѣмъ бѡльше, що Хома уже прѣхалъ былъ съ просатарями, и выпросили Ганцю за Осифа.

На манастырѣ.

Подъ именемъ „Манастырѣ“ розумѣють всѣ Лемки и ихъ сусѣды Красный-Бродъ на Угорщинѣ, заразъ за границею лежащій, где находится монастырь ОО. Василиянъ. Славныи тамъ отбываються богомоля, а межи тѣми найславнѣйшее передъ Сошествіемъ св. Духа въ Пятницу. Отъ Середы уже есть тамъ много народа руского зъ розличныхъ сторонъ Галиціи и Угорщины, и остаеся ажъ до самого Сошествія. На той отпустъ стремилися и обѣ знакомыи намъ женщины, Марія Шемелова съ донькою. Устремѣмся и мы съ ними тамъ, и придивѣмся рускому празнику.

На горбку, которого хорошіи стелится видъ на ниже лежащее село, на рѣку, горы и лѣсы, стоитъ монастырская церковь съ обителію черноризцѡвъ нашихъ — на-около обведена муромъ. Красно она стоитъ и величаво, а вколо ней внутрь и виѣ мура — на далеко — залегли численныи толпы людей розличного вѣка и состоянія, въ найрозличнѣйшихъ видахъ и одеждахъ. Крикъ, шумъ и гулъ всюда. А въ церкви — то такъ много народа, що не пропхашеся туда, хоть бы и не знати що; — а стояло бы ти брате заглянути тамъ, — узрѣлъ бысь, якъ красно церковь устроена, якъ красно правитися тамъ, а все ведля греко-руского обряда а чернцѣ-то всѣ съ бородами. Тому то такъ много народа подъ стѣнами церкви, то молятся, то крестомъ лежать, то сповѣдаются, то милостыню роздають каликамъ, що посѣдали рядомъ по-подъ муръ и чудныи нуты выводятъ. А народъ ту що за розлич-

ный! Отъ горстка Лемкѡвъ, — кусникъ дальше Словаки и Спѣшаки, ту сновъ Мазуры, дальше Марморошане, Лишаки, сновъ Галицкіи Бойки, — а тамъ сновъ якісь люди съ волями мабуть то гдесъ зъ полонинъ, и сновъ такіи, що то и мужчины косы плетуть. Навѣтъ и цыганъ огъ и цыганка крестится и оглядаеся на всѣ стороны, а красно убрани обое, сорочка бѣлѣсенька якъ снѣгъ, но лице якъ нѡчь черне. — А всюда и старьи и молодыи, и малыи и великіи, мужчины и женщины, навѣтъ малыи и маленькіи дѣти суть ту.

Внѣ мура — то цѣлый торгъ Широко и далеко розложилися крамары съ своими товарами, — одинъ вывисѣлъ стяжки и розличныи подотна и малѣванки, другій готовыи уже одежи, третій чоботы то жолтыи, то червонныи, то черныи, инный сновъ выложилъ перстеніи, сплывки, корали и подобныи вещи. — На боцѣ чуемъ звоняра, который неустанно звонитъ, що ажъ уха болятъ, и тѣмъ способомъ кличе людей, абы куповали звоны и звѡнки. И гончаріи розложили своій ерамъ, — и бачте, мають найбѡльшій отбытъ, кромѣ бакуняръѡвъ, которые такожъ не залишили сюда прійти. А люде — мужчичы и женщины прохожаются про-межъ товары и куцуютъ, що кому до вкуса. А коли вже всего накупили, то еще идуть до медѡвникарѡвъ купити медѡвникъ на колачъ для своихъ домашныхъ, и красну малѣвану свѣчку воскову до церкви. Осталося еще кѡлька крайцарѡвъ, — то еще конечно пѡйти къ тымъ, що то пороскладали образы, — купити якого богомаза, а якъ найчервеньшого, бо що червене, то найкрасше, щобы было потомъ чимъ стѣны и двери церкви у себе зъ-внѣ и внутри облѣпили, а щобы то кождому въ очи впало.

Въ той толпѣ народа есть и много зъ вышого сословія, господиновъ, госпожь, паничій и панянокъ, а если хочете то „урсіевъ и кисасонокъ,“ — бо и такъ Русины говорятъ на Угоршинѣ; — а всѣ выстроены въ праздничныи одежи.

Геть за тою толпою, — бачъ: купка людей до купы сбился. Въ середнѣ сгритъ старій цыганъ и на скрипкахъ грае, а малый танцюе и вытинае гопаки, що ажъ за боки берутся люде; а цыганка — стара и слѣпа ходитъ и проситъ о нагороду за зрѣлище.

Но часъ намъ вернуться назадъ до церкви та помолитися, — бо отозвалися звоны, певно кличуть на Службу Богу. Наши знаемыи уже сугъ тамъ, стоятъ они пѡдъ правымъ крылосомъ и молятся, — мати видно заплакана. Ахъ, бо на томъ мѣстци утратила она передъ двадцатью лѣтъ трилѣтнего сына, — якъ же ей не расплакаться на томъ мѣстци.

Не перейшло кѡлька хвилъ, — якъ чути якісь шмеръ. „Маковичане—Маковичане!“ озвалися голоса. Всѣ звернулися къ той сторонѣ, откуда доходили голоса, а матери брали свои дѣти на руки. Надѡйшолъ то отрядъ

Маковичанъ, або богомольцей зъ Маковиць.*) Ишли ту мужчины и женщины, старыи и молодыи, — и было ихъ всѣхъ до тридцати числомъ. На передѣ — яко проводники ишли два мужи: одинъ старенькій, сивый якъ голубъ, но еще досытъ крѣпкій; а другій молодой, хорошій паробокъ. Цѣлый отрядъ звернулъ на себе увагу, но наибольше самъ молодой проводникъ своею красною поставою, бѣлымъ лицомъ, въ которомъ сіяло черное око, на которое спадали черныи кудры долгими локонами. Тожъ и не дивъ, що не одна дѣвица — хоть то и на отпустѣ — а таки забыла очи свои на Маковицькомъ паробку, а правду сказавши, бо нигде ей дѣти, — и наша Ганця зыркнула кѣлька разѣвъ на него.

Уже мы видѣли кѣлька цыганѣвъ на Красномъ-Бродѣ. Есть ихъ тамъ на празднику еще бѣльше. Онъ и крестится и молится, а все таки не прійшошь онъ тамъ зъ побожности, якъ щобы щось заробити. А цыганъ то всякій — музыкантъ, — для тогожъ каждый зъ нихъ мае скрипки съ собою; а скоро укончится въ церкви богослуженье, нужъ стане пыганъ ходити помежи люди и намавяе кождого, щобы казалъ собѣ заграги „свою нуту.“ Если не може никого намовити, то стане собѣ самъ грати, и ледва зачалъ, а уже купка людей коло него; онъ грае и въ духу смѣся, бо людей щоразъ то бѣльше, и уже выдурилъ кѣлька дудковъ. Былъ тамъ одинъ цыганъ черныи и осмаленый якъ муринъ, — но музыкантъ якого поглядати. — „Якъ Грицко заграе,“ казали люде: „то хотѣбы и деревянный, а подскочатъ.“

По вечерни, якъ уже солнце стало клонитися къ западу, стануль собѣ Грицко — геть за базаромъ на площади, настроилъ скрипки, потягнуль смычкомъ разъ и другій, и почалъ грати. „Грицко грае, — Грицко грае!“ ишдо отъ усть до усть, а гурма молодыхъ и старыхъ бѣгла къ нему. Обступили Грицка на-около, — а той грае отъ сердца, а цѣла толпа якъ стоитъ, такъ и рушаеся то въ одинъ бѣкъ, то въ другій; где кто собѣ и выкрикне и руками плесне. Грицко тое мѣркуе и грае еще краснѣйше — ажъ годѣ выстояти ногамъ. Паробки, скѣлько ихъ ту было, каждый ногами рушае, а выступити боится, щобы припадково не поткнулся на земли — тай не упалъ, та не наробилъ собѣ сорому передъ такимъ числомъ людей зъ различныхъ сторонъ. Ажъ-отъ выступилъ одинъ паробокъ на середину, выкинулъ ногою то въ-право, то въ-лѣво, — то собѣ тупне та острогами дзень-дзень, а все зъ-лѣгка и зъ-вѣльна, и перегибаеся на всѣ боки, и рукою поведе, и обернеся часомъ и выкрикне собѣ, и въ долони пласне — и по холявѣ ударить, — былъ бо то угорскій танецъ — такъ званный маляръ. Такъ обдйшошь онъ на-около — а зъ-боку, нечаянно — поглядае на всѣ стороны за красною танечницею. Въ тѣмъ стануль, та острогами

*) Гора то на Угорщинѣ въ Шарншской столицѣ, отъ которой цѣла околнца такъ прозвана.

завзвонилъ, и въ долони пляснулъ и взялъ собѣ танечницю. И ктожь то той такий смѣлый и моторный паробокъ? — то Маковицкій проводникъ, котораго мы уже видѣли. Танцюе дальше и хорошо, — а не ма що казати, и его танечниця, хотя Галичанка — бо то намъ знакома Ганця — иде рѣвно и гладко, що ажъ всѣ очи въ ню влѣпили. За ними стануло бѣльше паръ — бо уже набрали отваги. Скончилъ Грицко, — а пары розбѣйлися, та и Ганця сновь до матери прѣйшла.

„Шумнѣ танцовала съ дѣвусь!“ сказалъ до ней старый Маковичанинъ, котораго мы видѣли на челѣ Маковицкой громады, стоявшій теперь случайно при Марисьцѣ, „алежь бо вера Боже, шумне дѣвча маете!“ говорилъ дальше до Мариськи.

„Божа ласка,“ отвѣтила тая.

„Грицку,“ крикнулъ Маковичанинъ на цыгана: „ходь ту!“

„Заразь,“ отвѣлъ тойже, занятый сбيرانьемъ грошей, „що роскажуть?“ — и спросилъ сблизившися до него.

„На-маешъ за тотъ танецъ, а теперь заграй мѣ Галиційску,“ сказалъ Маковичанинъ вкладуючи гроши въ скрипку цыгана, и сталъ звѣдоватися нашихъ женщинъ, якѣи у нихъ танецъ?

„У насъ розмаиты — а наибѣльше коломыйка,“ отвѣчали тѣи. Маковичанинъ не розумѣлъ — правда — що то е коломыйка; но меньше о то, цыганъ має все знати, мыслилъ онъ, бо онъ свѣтовый человекъ, и казалъ грати коломыйку.

Якъ передше — такъ и теперь сталъ цыганъ грати. Що-но потягнулъ смыкомъ, — а старый нашъ трѣсъ въ долони и крикне: „а то домашня! а-но хлопці!“ и паробоктво пѣле якъ бы зъэлектризовалъ. „Домашня — домашня!“ говорили угорскѣи, — „коломыйка!“ галицкіи Русины, и сейчасъ стануло бѣльше паръ, нежь до попереднѣго танця. И началась милая, гладонькая коломыйка, — а до такту, — и зѣ-вѣльненька, — такъ, що ажъ любо было дивитися. Отцѣи матери поглядали на свои дѣти, и сами кляскали въ долони и рушались на оба боки, хотъ стояли на мѣстци.

И были бы кто знае якъ долго плясали, но озвался звѣнъ великій на церковной вежи, даючи знакъ, що уже часъ до отпочинку, бо и солнце уже склонилось за гору. — Грицко пересталъ грати, а пары розбѣйлися, — и всѣ стали отходити и смотрѣти, где бы добре нѣчь переспати.

Межи тѣмъ Войнаръ — такъ бо звался нашъ Маковицкій старикъ — гдесъ отдалился былъ. Уже мали Мариська и Ганця отходити, и лишь зрѣли за своими людьми, щобы разомъ гдесъ обночовати, надбѣйшоль Войнаръ засапаный тай до Ганцѣ: „Шумнѣ танцовала съ съ моимъ Янкомъ! — нажь тобѣ на памятку отъ мене тоту стужку,“ и давалъ ей хорошую стяжку, широкую червеную съ золотыми цвѣтами, которую нарочно для Ганцѣ що-но купилъ

въ крамѣ. Ганця покрасяѣла, и не знала, що мае почати — чи врати, чи що сказати?

„Не робте собѣ шкоды, — тото не треба!“ отповѣла Мариська за свою доню. Ганця не хотѣла прийати, — однакъ коли Войнарѣ усердно просилъ, взяла и поблагодарила красно.

Якъ до теперъ всѣ были мѣшани, — такъ сталися сбирати до громадъ всѣ свои и разомъ отходити на ночлягѣ.

Другого дня уже не долго были наши на Манасгыри, -- еще были на утреннѣмъ Богослуженіи, а потомъ пошли домой. Ганця была рада еще видѣти своего танечника, и очи ей глядали его въ толпѣ людей, — но не нашли, и она отойшла съ матерію.

Попращались наши женщины съ Краснымъ-Бродомъ, — попрашаемъ и мы его, — хотя признаемся, що неохотно его опускаемъ. Намъ мило было смотрѣти на собравшійся тутъ народъ рускій. Якъ собираея вода зъ различныхъ жерель, зъ лѣсовъ и горъ, долинъ и пугарей въ одну велику рѣку, а тая поважно и величаво тече, и уже не розличаешъ тамъ жерель ни потоковъ, лишь все одна вода — одна рѣка: такъ собралися тутъ люди рускій зъ различныхъ мѣстцъ, одной и другой стороны Карпатъ, и сольялися въ вѣрѣ и обрядѣ, въ языку и обычаяхъ, въ одномъ чувствѣ и любви взаимной; — и уже не розличаешъ тамъ ни Лемка, ни Бойка, ни Лишака, ни Подоляка — лишь все то Русинъ, — одилъ рускій нарѣдъ величавый!

Повернувши зъ манастыря жила Ганця весело якъ перше, лише съ своимъ Осифомъ рѣдше видывалася, понеже было уже по спросинахъ, — та обычай такъ велить. Настали незадолго сѣнокосы, а потомъ и жнива; — Ганця ходила на поле съ граблями и съ серпомъ и спѣвала на всѣ горы. Часомъ она и призадумалась, мыслячи о своей будучой доли, — та часомъ ей и скучно стало, що не можъ погворити съ Осифомъ, понеже была привычена съ нимъ часто видѣтися; а теперъ годѣ, бо по спросинахъ. Дивна то — правда — рѣчь, — но треба обычай батьковъ почитати.

Въ осени.

Осѣнь — то образъ старого вѣка въ нашей жизни. Она и нудна, и уприкрыта своими слотами и бурями, — а дни коротшіи, и нигде уже той веселости, которая лѣтомъ и весною грае. Однакъ и осѣнь не есть безъ пріятностей. На селѣ собрали газды збѣже до стодоля — и спокойно поживаютъ плоды, которыми ихъ Богъ поблагословилъ, не поглядаючи, чи тамъ красно чи бридко, чи погода чи дожджъ, бо збѣже не на поли, а подѣ дахомъ въ стодоля. Осѣнь есть про то порою, въ которой можно посвятитися семейнымъ дружескимъ увеселеньямъ. Въ осеня праздники, весѣлья и всѣ гостинны наилучше отбываються. Для тогожъ то и въ нашихъ горахъ дѣвчата

хотѣли бы, кобы то лишь осѣнь, мясницѣ та по-великодни все было, бо и нагуляются до волѣ и все въ надѣи, чи не запукае якій староста о грядку.*)

И осѣнь не все бурлива и слотна, — есть въ осени и красни дни. Такихъ кѣлька дней далѣ былъ Господь нашимъ Лемкамъ передъ св. Димитриемъ. Соненько грѣло красно, що можъ было безъ кожуха, въ легкой одежинѣ, выйти на свѣтъ, — а вечеромъ свѣтилъ мѣсяць и блыщали тмы звѣзды на ясномъ небѣ, а морозокъ бралъ. Тогда то дѣялося въ домѣ Хомя шось незвычайного. На пѣдворью стоять кони посѣдлани, а стоятъ ихъ пятеро — всѣ до плота попривязовани. Въ хатѣ ясно свѣтится свѣтло, — горять сухіи скипы на припечку и свѣтится свѣчка воскова на столѣ. А за столомъ сидитъ Осифъ въ серединѣ, а ему по обохъ сторонахъ три поважныи газды и старый отецъ. У всѣхъ мина весела, — а Параска ставяе на столъ хлѣбъ и масло и брынзю, то сновѣ мясо и солонину и кобасы, и проситъ гостей; а чарочка ходитъ одѣ рукъ до рукъ и носитъ солодку медовую горѣлку до устъ, бо Михаилъ додае принуки.

Гості вѣять, бо акъ кажу, принука естъ. И Параска усѣла при мужу — и бере участіе въ бесѣдѣ. На ѡкнѣ стоитъ еще красно выбивана фляшка съ горѣлкою, а пѣдъ окномъ на лавцѣ барылка, такожъ не порожна. Обѣ добре заткани, — здаеся, що где куда-то инде они призначени.

Коли се у Хомя дѣялося, былъ въ домѣ Василя не малый тартасъ. Отъ самого рана горѣлъ въ печи великій огонь, а горѣцѣ присували и отсували до самого полудня. Газдынѣ и дѣвчата крутились по хатѣ, — по сто разѣвъ бѣгали отъ печи до коморы и все имъ чогось еще неставало. — По полудни сталися они уже пораги та въ хатѣ порядки робити, — а пѣдъ вечеръ и себе наряжати. Мариська взяла на голову ясный чепецъ съ жолтыми блыстячими бляшками, якій лишь на свята брати звыкла, и завязала хустку на колодки**). Ганця убралася въ бѣлую чистую сорочку, новую картушовую спѣдницю съ великими цвѣтами и синій корсетъ. На шію привязала коралѣ, и спустила зъ нихъ широкую червоную стяжку черезъ груди; — а на низшой нитцѣ зъ коралій висѣлъ малый позолоченый крестикъ. На ноги зазула жолты сафіяны. — И самъ Василь выглядалъ нынѣ по праздничному; съ полудня бо еще принялъ широкій чересъ, зъ-по-за которого висѣли кѣнци мошонки съ звѣнками и пугавками, — а на голову заложилъ широкую крисаню. Часто выходитъ ѡнъ на двѣръ гейбы кого-то выглядалъ.

Въ самъ уже вечеръ, коли по всѣхъ хатахъ позасвѣчали буковыи скипы, а дѣвчата съ матерію посѣдали въ кутокъ и або сказки собѣ оповѣдали, або пѣсни спѣвали та верегенами крутили, — затугиѣло шось на пѣдворью

*) Есть звычай, що староста стае пѣдъ поперечнымъ белькомъ на серединѣ хаты. на которомъ вырзанный крестъ св., и о той белекъ пальцею пукае, нѣтъ стане просити.

***) Особый родъ завязыванья хустокъ на головѣ.

Василя. Ганця чимъ борше до коморы, а Василь выйшоць на подворье по-дивитися, що таке затутило — чи кто не прїѣхаль. Тамъ стоять пять коней, якъ стояло на рынку Хомя, зъ нихъ скочило пять ѣздоковъ и они привя-зали свои кони до плота.

„Слава Іисусу Христу!“ сказалъ старѣйшина тыхъ, що прїйшли. „Слава во вѣки!“ отповѣль Василь: „просиме ближе.“ Гости прїйшли до хаты. „Штожь вы за люде?“ звѣдоваль сновь Василь: „зъ якого краю идете — де вы ся пустили, же о такъ пѣзной годинѣ ту пришлите?“

„Мы, добры люде, зъ далекого краю; идеме глядати пары для нашего крѣля; нѣчь насъ зарвала, сбилисмя зъ дороги; — ту видѣлисме, же ся свѣтитъ та пришлисме до васъ и просимся на нѣчь.“

„Та счастье Боже! але ци маєте же вы яке писмо, што вы за люде?“

„Маеме,“ отповѣдае старѣйшина и показуе газдѣ писмо, а той оглянувши проситъ ихъ свѣдати за стѣль. Они посѣдали, выняли свою горѣлку и подчиваютъ себе, газду и всѣхъ домовыхъ, и зачали розговоръ межъ собою и съ газдою. Якъ посѣдали, было ихъ за столомъ пять — такъ, якъ было за столомъ въ хатѣ Хомя. Въ хатѣ являлося чѣмъ-разъ бѣльше людей, посхилися всѣ сусѣды Шемелы, и заняли всѣ лавки на-около.

За хвилику проситъ старѣйшина газду на слово, — и коли всѣ повставали, началъ говорити. Началъ отъ Адама и Евы, говорилъ о сотворенїи свѣта — то зъ-письменна то зъ-проста, — перейшоць потомъ на то, що не добре быти одному человеку на землѣ, — що они чули, що ту у газды есть чадо, которое бы хотѣли взяти для своего крѣля, и кѣнчили честно просьбою, абы имъ тое чадо показати.

Василь отповѣдае, що они може замылилися, — потомъ каже, що есть и у него чадо, — но теперъ его нѣтъ дома, бо пошло до мѣста. На великое прошенїе старѣйшины позваляе Василь глядати собѣ чада въ хатѣ. — Ктожь мае глядати? Двохъ хлопцѣвъ идуть глядати — и приводягъ якусь дѣвчину, въ хустцѣ. Подорожни кажуть, що они не той глядають. Въ томъ сорвалъ ктось хустку зъ головы — и показалося, що голова стрижена. Смѣхъ — и веселѣсть въ хатѣ, бо то смѣльчакъ-паробокъ перебрался за дѣвчину и будьто онъ е чадо, сховался но такъ, чтобы его легко найшли. Пѣшли хлопци сновь глядати. Приводягъ. Гости дивягъ на ню: „Мы и тою не гордиме, але хочеме иншу,“ и подчивши ю чарочкою горѣлки, казали инной глядати. Вконецъ — по долгомъ прошенїи, привѣль самъ дякъ нашу Ганцю. Гости вѣтали, познимали капелюхи, а за ними и всѣ въ хатѣ, — выйшли даже зъ-за стола, и звѣдуеся староста Осифа, — бо никто иншїй, лишь онъ сидѣль за столомъ: чи се тая королевна его. Осифъ отвѣтилъ, що тая, подагъ Ганцѣ праву руку, и обернувшись разъ, сѣли обое за стѣль. Василь посажалъ сусѣдовъ за стѣль, такъ, що заняли на-около всѣ мѣстця, — но одна лишь пара прехорошо выглядала — то нашъ Осифъ и Ганця. А Ганця

опустила головку несѣло и соромливо въ дѣль, а грудь волновалась, бо сильно играли въ ней чувства. На ню поглядѣла зъ-боку мать, и въ кутуку отирала тихіи слезы, по части отъ радости, по части отъ боести. Отъ радости, понеже мило есть видѣти родичамъ свои дѣти при весѣлью; отъ боести, бо жаль матери отдавати свою доню геть отъ себе.

И стали давати на столъ вареныи стравы, — а горѣлка уже не пилася зъ барылки, лише наливалъ Василь зъ своей флишки. Гості за столомъ ѣли и попивали, бо Василь все додавалъ принуки. По ѣженью слѣдовало, якъ звычайно, поданье рукъ, и дары. Ганця прищипила Осифѣи красну червену стяжку на капелюхъ и заложила покрейтки — павье перо. Сваты и сусѣды говорили и говорили, — забывши, що ту уже геть по полуночи и въ барыльцѣ уже на днѣ. Ажъ гдесъ коло первыхъ пѣвнїи стали съ выбирати назадъ. Ганця выпровадила своего нареченого, — а той сѣвши на коника, погналъ со сватами до своей хаты, где ожидала нетерпеливо мати.

Погасили свѣтло и полягали до солодкого спочинку. — Всѣ спали, — одна лишь Ганця не могла уснути ажъ до самого рана.

Заручени. — Прїятельки.

Такъ уже заручена Ганця и Осифъ, — они уже однимъ крокомъ ближе до мегы, бо уже межъ ними есть духовная связь. Не нечаянно прїишла Ганця въ тое состояніе, понеже уже отъ давна знала, що ю то чекае, все однакъ ей то дивно здавалося; во все бо нужно на передъ вжитися. Такъ само и Осифъ. — Разомъ зрѣли, разомъ выховалися, а теперъ не встрѣтитъ одно другое незаполонившись. Осифъ отъ заручинъ дуже рѣдко бывае у Ганцѣ, лишь хибя въ бѣльшій праздникъ посѣтитъ ю и принесе якого колача, и то не на долгое время, — такій бо то уже обычай. И щожъ мы за то винни? Чей не поглумимъ за тое обычай батькѣвского.

И не разъ они тужили за собою. Ганця затужить, — то побавится тыми дарами, що достала отъ Осифа на памятку, и вже ей легче; — а Осифъ здойме капелюхъ зъ головы, подивится на стяжку та покрейтку, що ему заложила Ганця на него, и уже ему лекше. Такъ обоє проганяли тугу якъ могли. Не иначе бывае и въ высшомъ сословію. Не ма милой, то берешъ письмо отъ ней, читаешъ ще разъ, и ще разъ, хотя дословно его уже и знаешъ на память, и такъ проганяешъ тугу.

Мала Ганця и подруги, котори ю посѣщали; — той осени приходили они до ней частѣйше, якъ по инїи лѣта на вечерницѣ. И збиралося ихъ тамъ бѣльше теперъ — вѣдай чи не для того, що уже ей не буде въ хатѣ своихъ родичей. Якъ то по рукоплнахъ приспѣвовали они Ганцѣ весѣльни пѣсни. — Потомъ говорили они о предстоячѣмъ весѣлью, на которомъ хотѣли бы добре выгулятися, — а вконецъ стали и жаловати Ганцю, що уже ихъ опускае. Одна, именно Танька Тимкова зъ-надъ берега наибѣльше ей

жаловала, и коли бывало заведуть пѣсни весѣльни, то не было у ней иной пѣсни, лише:

Подумай Ганцю собѣ,
Чи не жаль буде тобѣ,
Отъ дѣвочокъ отставати,
До невѣстокъ приставати.

То сновъ:

Подумай Ганцю собѣ,
Чи не жаль буде тобѣ
Той жолтой косоньки
И дѣвочой подобоньки.

Ганця усмѣхається на тое и отспѣває имъ часомъ:

Ужежь собѣ подумала,
Що не буду жаловала; —

но часомъ и призадумається, головку склонить и сплече. Ахъ, бо хотя любить Осифа, все таки любить и матеръ рѣдну, — а тую треба опускати.

Дѣялося такъ що день — що другій. Сойдутся дѣвчата, — а все съ ними отъ и та вдовица, що жѣ сама одна въ невеликой хатцѣ на Паздеряковцѣ при самой дорожѣ; — хотя уже не молода, а все съ дѣвчатами приходитъ. Щось то не даромъ она такъ приходитъ, — бо видите, минувшими лѣтами ледви два — три разы черезъ годъ показалася до Василя и то тогда, коли чого ей не ставало; — а теперь все приходитъ. — Дѣвчата спѣвають, и она спѣває, дѣвчата жалуютъ своей подруги, и она жадуе, якъ бы была дѣвкою, а Ганця ей ровесница; — ба она еще гѣрше всѣхъ ей жадуе. „Жаль тебе Ганцю, що такъ борзо отходишь отъ насъ, — ешесь ся не надѣвчила досыть, — а тобѣ бы дѣвчити, бо то ты одна лишень, щобъ за тобою паробки шалѣли. О я — кобы якъ Ганця, одна и у богатыхъ родичей, то не пошла бы, ажъ бы досыть головы позавертала хлопцямъ. Бо що то борзо отдаватися, хотя быжь и якъ любила якого хлопця, то все свекроха якъ возьме тобою гаровати, а послуговатися, то вмѣсто щобысь мала веселитися — наплачешся до волѣ, и еще нѣтъ кому ты пожаловати.“ Такъ и подобно говорили дѣвчата, а съ ними и тая вдова Варвара. „Эй, що вы тамъ повѣдаєте?“ — казала не разъ Ганця — „Осифъ добрый, я его люблю, а и его мама добра.“ „Добра — добра,“ отвѣчали они: „уже мы ту знаємъ такихъ добрыхъ,“ и нужъ дальше наводити примѣры розличныхъ свекрохъ, що то видѣлися найлучшими, а все однакъ не обходилися добре съ своими невѣстками.

Такъ повтарялося то що день — що другій, и що разъ гѣрше. Стали дальше и на Параску говорити то се, то тое, — и Осифу не уйшло тамъ плазомъ. Ганця гнѣбалася въ души на свои подруги, и плакала не разъ сердечно. Уже хотѣла просити ѳтця, щобы заказалъ имъ ходити до себе, но

боилася оскорбити своихъ подругъ, та и думала собѣ: Перенесу на собѣ; не задолго будутъ рѣзвѣны свѣта, скончатся вечерницѣ, перестанутъ ходити до мене, а потомъ будутъ мясницѣ и весѣлье, то всему буде конецъ.

Святый вечеръ.

Сошло по малу до рѣзвѣныхъ свѣтъ, — надойшоу и святый вечеръ, той милый семейный праздникъ. Ганцю, помни що послѣдній уже годъ празднуешь его съ твоими добрыми родичами и твоимъ братикомъ! Ой не нужно ей того нагадовати, понеже она то добре ямать.

Нарядила Ганця стѣлъ — пристелила сѣномъ, а по-верха накрыла плахтою. До хаты внесли паробки соломы — и розстелили, а Василь самъ поставилъ ту въ кутъ сноплъ жита — тамъ пшелицѣ, тамъ сновъ ячменю и овса, и свѣтлицю застелили соломюю и заставили снопами. Мариська порасея съ вечерюю, а потомъ стала съ Ганцею убиратися въ чистое одѣнье. Уже вечеръ — смерклося. На столѣ лежитъ хлѣбъ, а въ немъ свѣтится восковая свѣчка. — Ганця побѣгла съ малымъ братомъ до рѣки умытися въ пролуби, а Василь поглядае, чи зойшла уже звѣзда. Засѣли за стѣлъ — газда и газдыня, дѣти и челядь всѣ въ одинъ милый кружокъ. Чи до пары — чи не до пары, на то не бачили. Що Богъ далъ, то ѣли. А была тамъ всего Божа ласка, бо Василь былъ богатый газда, — и всѣ свѣта обходилъ, якъ Богъ приказалъ. Была и горѣлка съ медомъ и квасокъ (варъ), и пироги съ олѣмъ, и капуста съ грибами, и сушени грушки и сливки, и много инного, а на конци чеснокъ съ медомъ. Передъ вечеромъ заспѣвали: Рождество твое, а по вечери: Богъ предвѣчный и Вселенная.

Василь и Мариська засѣли за стѣлъ въ кутикъ, и стали говорити о своихъ домашныхъ дѣлахъ, и загнались въ своихъ воспоминаніяхъ ажъ до дѣтнихъ лѣтъ. Мальчикъ Андрей качался, тѣшучись, по соломѣ, а Ганця замышляла щось робити, чого дѣвчата николи не залишають въ святюмъ вечери. Но въ томъ приходятъ ей подруги, щось чи не съ пять разомъ, а съ ними и Варвара. „Христось раждается!“ — „Славите!“ поздоровились взаимно, — та стали дѣвчата Ганцю просити, щобы съ ними пошла до сусѣды, понеже тамъ будутъ въ розличное бавитися. Ганця не хотѣла ити. Коли однакъ тѣи неустанно просили, отозвался Василь и каже: то перенесѣтся ту съ вашими забавами и ту робѣтъ, що хочете. Рады-нерады зробили такъ. И що они тамъ робили. Сами дурницѣ — насмѣялъ бысь ся, кобысь видѣлъ: — они хотѣли довѣдатися, коли котра выйде за-мужъ.

А Варвара то во всемъ передъ веде, а дѣвчата слухаютъ якъ бы не знати кого. Поробила колачки, покляла въ рядъ на столецъ: то Ганця, то Ксеня, то Феня и т. д., для каждой особный колачикъ. Покляла и кличе пса: на-ту, на, — а псиско якъ влетитъ, и якъ занюхае — та далѣй вхопилъ щось зо четыри наразъ, а прочое скинулъ на землю, що и не знали розо-

брати, чіе взявъ, а чіе пѣтъ; — лишь Варвара змѣрковала, що Ганцинь кусокъ остался. „О Ганцю,“ каже она: „видишь? твѣй кавалокъ, што то буде?“ Но еще разъ. Варвара укладае сновъ, и сновъ кличе пса; а той на-теперь уже скромнѣйшій, и взявъ лишь одинъ кусникъ, и то Ганцинь. Варвара и други дѣвчата ажъ ворги закусили. „Но добръ!“ каже Варвара, „теперь будеме видѣти, откаль иноши прійдутъ,“ и кличе пса на дворъ та „гузя,“ а песь ско-чилъ тамъ, где му вказала и гавъ — гавъ. „Ганцю видишь,“ каже Варвара: „де песь бреше? — прійдутъ иноши, але не отъ Осифа, зъ иншой стороны.“ Э таможе лѣпше — кажугъ дальше то Варвара, то дѣвчата: або то лише Осифъ есть на свѣтъ та Ганця? Ой о таку свекру, якъ стара Хомиха, не шгука; и дальше ся розводити наць Хомихою. А потомъ видишь Ганцю, ты не научена ходити на паньске, а Хома не солтысь, та будешь муся ходити; ой не такъ то на паньскомъ жати, якъ на своѣмъ ланѣ, — тамъ якъ стане надъ тобою окомонъ, — а що будь собѣ вынайде, або же высоко жнешь, або же зѣстаешь, або же сидѣть не твердо завязанный, а не разъ и цѣлкомъ за-дурно палицевъ потягне. — Але што то ей говорити; — она не была николи на паньскомъ, то не знае того. Ганця отповѣсть, що ихъ буде бѣльше въ хатѣ, що будутъ ся мѣнати и на паньске ходити, що Хомиха держитъ и служашу, — то они ей заразь: Добре, добре, — уже то не одна така свекроха была; — а служашой она держати не буде, бо уже казала, що скоро невѣсту достане, то служашу отравитъ. Ганця и просилася, чтобы ей дали съ тѣмъ спокѣй, но годѣ было выпроситися; Варвара и дѣвчата все свое — та свое, — а были межи ними двѣ уже не молоди, котри хйба лишь еще на вдѣвця могли позирати. Робили еще тамъ щось инного, — а все най-шли способность, Ганцѣ подѣбное говорити. Такъ зойшло ажъ недалеко до полуночи, и еще были бы долше творили свое, но Василь казалъ ити спати, бо уже о первыхъ пѣвняхъ треба буде вставати на Повечерницю и разомъ со всѣми заспѣвати: „Съ нами Богъ.“

В о р о ж б а.

Бѣдна Ганця! подруги набили ей голову различными бесѣдами, нагово-рили то на Осифа, то на его мать много злого, и тому она досыть запла-калася. Съ начала смѣялася Ганця зъ того всего, понеже она знала добре Осифа, его доброе сердце и его мать; однако познѣйше, коли чѣмъ-разъ бѣльше ей наговорили, стала она и роздумовати надъ тымъ. Уже то таке дѣвоче сердце: — туй ему стати подъ Божій вѣнокъ, а таки еще щось ва-гаеся, чогось бонтся. Еслибы она могла теперь виѣтися съ Осифомъ та на-говоритися съ нимъ, якъ то перше бывало, то она бы отворила свое сердце ему, и выговорила бы та свѣдала бы ся не о одно; однакъ Осифъ рѣдко приходитъ, а еще меньше говорятъ съ собою, бо заручени. Та и въ самомъ дѣйствѣ, кто знае, яка буде Параска для своей невѣсты? кто знае, що еще

ю ожидае, чи не надодѣ еще панщина? кто то знае? Не одна дѣвица завелася, та кто знае, якъ и съ Ганцею быти може.

Такъ билася Ганця съ мыслями, — а ту уже наставляли мясницѣ, и родичи зачинали о весѣлью мыслити, та помалу приспособлятися до него.

Было то по Богоявленіи; — день былъ красный и погодный, — лишь морозъ дуже сильный. Василь поѣхалъ былъ съ Мариською еще рано малыми саночками, одноконкою до Санока на великій торгъ; парббокъ и пастухъ молотили на боиску, а въ хатѣ осталася Ганця сама.

Коли человекъ самъ-на-самъ, тогда думает и мечтается наилучше. Такъ и наша Ганця. Она взяла кудель, сѣла съ нею при окнѣ и стала прясти ленъ, засукала веретено, но якъ засукала, такъ и опустила руки, бо затопилася въ мысляхъ. За хвильку пробудилася будто зо сна, — вздохнула тяжко и зновъ засукала веретено. Она думала о своей будущей долѣ, о Осифѣ, и о томъ, що ей наговорили подруги. Билася съ мыслями, бо жаль ей было Осифа, — але если то правда, що говорить, то якъ же?...

Межи тымъ скрипнули двери въ сѣняхъ и заперлися. Ктось иде, певно сусѣдки съ Варварою, — подумала Ганця. Заразъ отворилися двери и до хаты, а въ нихъ показалася высокая, тонкая и худая женщина. Зъ-подо червоной брудной и мѣстцями попередираной хустки, которою обязана была голова, вызірало черное, поморщенное, худое лице, а въ немъ блыщало одно око, другое бо давно уже не бачило свѣта Божого. Зъ-подо хустки было еще видно троха черного волосья Долгій загнутый орлиный носъ додавалъ цѣлому лицу остре выраженье. Худое, высокое тѣло покрывала брудная плахта, спадающая зъ плечей въ долину, зъ-подо которой вызірала новая еще, но трохи прикороткая, бо лишь по колѣна сягаюча сподница зъ синей малѣванки, и пристарѣлая запаска. На ногахъ были керпцѣ. Въ высклой черной рупѣ держала она долгій патыкъ — защиту противъ злыхъ собакъ. Была то, якъ читатель певно уже отгадалъ, цыганка.

„Дай Боже добре полудне вамъ!“ сказала цыганка входячи въ хату, и два ряда здоровыхъ бѣлыхъ зуббвъ показалися зъ-по-за черныхъ воргъ.

„Дай Боже добре здоровья!“ отвѣтила Ганця: „витайте Яго!“

„О якъ ту добрѣ, — тепло, ажъ мило; а на дворѣ такий морозъ, што мало человекъ не замерзне,“ провадила цыганка дальше.

Ой правда, што днесъ зимно, а тато и мама въ мѣстѣ, померзнуть на морозѣ,“ отвѣчала Ганця: „загрѣйтесь, бо и вы змерзли.“ Цыганка притулилася до печи, стала ся грѣти и провадила дальше бесѣду съ Ганцею. Съ цыганками можна до волѣ наговоритися, понеже они ходять отъ хаты до хаты, зъ села на село, всюда щось чуютъ и видять и дальше тое розносить. Ганця насыпала цыганцѣ киселицѣ на миску — былъ бо пѣстный день, — ала кавалъ хлѣба и ложку, а цыганка ѣла и вела бесѣду дальше. Перейшла

отъ зимна на то, що по свѣтѣ водится, що по селахъ и хатахъ чути, — кто где женится, который мужъ свою жену выбилъ и т. п.

„Дякую,“ сказала цыганка зѣвши и откладючи миску на бѣкъ — „дякую! — Богъ ный ти нагородить дѣвусю!.. Вкажъ-ле теперь твою руку — я ти дашто выворожу зъ ней.“

„Эй бо я не вѣрю въ ворожбы; тямлю, якъ еще мѡй дѣло повѣдали, што не треба ворожкамъ вѣрити,“ отвѣтила Ганця.

„Правда, же не треба вѣрити такимъ, што не знаютъ ворожити, але якъ я выворожу зъ руки, то иста правда, бо на руцѣ то вшитко стоить, лемъ не каждый знае добрѣ розчитати.“

„А вы знаете добрѣ?“

„Но звѣдайся Курдыловой Ксентъ, або Процишиной Насѣ, якъ я имъ выворожила зъ руки, — все до найменшого ся сполнило.“

„Я ся бою, бо бы еще што злого вышло.“

„Не бойся Ганцю, — хочъ бы и зло, то все дѣльше напередъ о томъ знати, и на злое приготувитися. — О! — бо я ту заразы не буду, и хочъ бысь и хотѣла, то кто ти такъ отгане якъ я? Но-но! звѣдайся Варвары якъ кочешь, — бо она то николи не повѣсть на-дурис.“

„Но! . . . то ворожте Яго, але правду, хочъ бы и найгѡршу,“ сказала Ганця подаваючи съ несмѣлостью руку цыганцѣ.

„О — што я повѣмъ, то иста правда,“ сказала на тое цыганка и взяла Ганцину руку въ свои высохлыи пальцы, смотрѣла долго на долонь, покивала головою, кашльнула разъ и другій, мрукнула щось подъ носомъ, плюнула на землю и говорила такъ: „О, дуже ту стоить — а доброго! Ганцю... ты думаешь штось . . . но . . . дармо . . . бо тобѣ ся вказуе паробокъ красивый . . . съ чорнымъ волосьемъ . . . срѣбными гомбиками . . . въ скѡрняхъ съ острогами. Але ты 'не знашь о немъ, . . . ты о иншѡмъ мыслишь. . . . А но то ничъ не шкодить . . . якъ Бескилы зазеленѣють и квѣты розовѣются . . . задунають конички на твого тата рыночку . . . гуслѣ заграють и буде весѣлье . . .“ Ганця дрожала якъ листь, сердце ей сильно било, а бѣдность съ румянцемъ играли на ей лици. Яга смотрѣла непрестанно въ лице Ганцѣ, — и узрѣвши тую игру красокъ, такъ кѡнчила свою бесѣду: „Терпѣнїя — Ганцю! терпѣнїя! плачь . . . тяжки мысли, то буде, але перейде; а ты терпи, бо не знаешь, где твое счастье. Нѣтъ ничъ злого, щобы не вышло на добре.“ Еще щось бѡльше хотѣла говорити цыганка, но Ганця вырвала свою руку зъ цыганчиной долони и такъ перервала ей дальшую ворожбу.

Ганця поблагодарила цыганку за ворожбу, вынесла зъ коморы каваль хлѣба для цыганки, а тая приговарывала все: „добрѣ — барзъ добрѣ стояло!“ и коли ей Ганця еще всыпала збѡжа до плахты, обернулася цыганка къ отходу. — „Дякую дѣвусю за гостину и за дарунокъ!“ повѣла Ганцѣ, — скрип-

нули двери одни и другіи, — и цыганка пошла черезъ подворье на дорогу. Она шла отъ хаты до хаты, а морозъ скрипѣлъ подъ ей ногами.

Ганця сидѣла на той самой лавцѣ, задумалася и повторила въ мысли слова цыганки. Кто знаетъ, якъ долго была бы такъ думала, — ажъ скрипнули двери одни и другіи, — и вошла въ хату Варвара съ куделію.

„Слава Іисусу Христу!“ — „Слава во вѣки — витайте!“ поздоровилися обѣ, и Варвара сѣла собѣ на лавцѣ, и нужь Ганцю розвѣдовати, що ей цыганка выворожила. Ганця зъ початку стыдалася сказати, а потомъ таки и сказала. Варвара же толковала и выясняла слова цыганки. Уже не станемъ повѣдати, якъ Варвара ростоковала ворожбу, — а таки вже не въ пользу Осифови. За часочокъ прійшло и бѣльше дѣвчатъ, и стали снова свои давныи рѣчи говорити, — а все противъ Осифа, противъ Хомихи, и Богъ знаетъ що они тамъ не наговорили.

Приготовленія до весѣлья.

Ничь не помогали бесѣды подругъ, — Ганця сплече, а все свое думаетъ, та повинуеть отцю и матери; — а старый Василь далъ слово, — такъ и додержати хоче. Прійшли мисницѣ, — и сталися коло весѣлья порати. Уже и день умовили, и дяка просили, чтобы то онъ заходилъ до Василя додѣвъ, та такъ борше вывчилъ Ганцю „катехи“, дабы панъ-отець не робили перепонъ въ весѣлью, — и выбрались были до панъ-отца, чтобы стали заповѣди голосити. Панъ-отець розвѣдали все, якъ свѣдчится, — все было въ порядку, однакъ заповѣдей голосити не могли, понеже Осифъ и Ганця не мали еще отъ пана мандатора соизволенія, вступати въ станъ супружескій. Ити жъ было до доминіи.

На другой заразъ день выбрались Василь Шемела и Михайлъ Хома, оба батьки, до доминіи. Не ишлося тамъ порожно, що можъ было взялося пѣдъ паху, а другое на плечи. И масло, и бриндзя, и гусь, и два когуты ишли съ ними. Еще передъ штахетами огорода сняли шапки, ничь не зважаючи, що зимно и снѣгомъ курить, — отдали все излишнее, що съ ними прійшло, до кухнѣ, а сами потомъ прійшли на курытарь, и на пальцахъ подслушиваютъ, чи панъ сендзя въ канцеляріи. Есть, бо чути, що ктось другими дверьми тамъ прійшошь и каже: хлопъ... геньс... масло... —

Пукъ... пукъ... въ двери, — а зъ середины: герайнъ!... Войшли наши Василь и Михайлъ, — поклонились низко, ажъ до самой земли, и станули коло порога. Панъ сендзя пише щось, ани обертаѣся. По хвилѣ обернувся: „а цо тамъ повѣцье?“ Поклонилися, еще разъ, и стали говорити, въ какой орудцѣ прійшли.

„Нѣ мамъ азѣсь часу... ютро,“ былъ отвѣтъ пана сендзѣго, а батьки оба поклонилися, бо годѣ опиратися, чтобы не уразити пана сендзѣго, бо

справа съ нимъ нагла; — готовъ бы еще спинити, та бѣда! Поклонилися и вернули домо́въ.

На другій день такий вѣтеръ, така буря, а снѣгомъ такъ сыпле и курить, що и свѣта Божого не видно. Батьки оба мали ити до доминиї; но дармо, не по́дешь, бо доминиї ажъ въ третомъ селѣ, — дороги и шляхи позакуровало, а ту черезъ поля и лѣсъ ити, такъ еще где зблудишь або застрягнешъ въ снѣгу, — и пропадешъ, згинешъ съ твоимъ житьемъ. Радъ-нерадъ жи, чи якъ не переймешя. — Ждуть день одинъ у другій — не перестаете и не перестаете, ажъ въ Суботу рано переялось. Шемела и Хома чѣмъ скорше щобы выйти до пана сендзѣго, бо завтра уже Недѣля, а если заповѣди не буде завтра, то не выйдуть, и весѣлья не буде, бо вже лишъ три недѣли до мясопустной Недѣли, — а свята нѣтъ. Но якъ ту ити? ни ити, ни ѣхати. Не курить — правда, — а однакъ снѣгу много, що годѣ и перебитися черезъ него. Урадили запрячи по коневи до малыхъ саночокъ и одноконкою ѣхати до доминиї. Выѣхали, — но Господи! кони западають по сами животы, ани ступати не могутъ, а шляку нѣтъ. Мусяць стари ити напередъ пѣхотою, а за собою кони провадити. Случилося, що и зъ дороги зойшли, та где до якої ямы западутъ, що годѣ и самымъ выйти и коней вытащити.

Бѣдовали много, — и ледви по полудни заѣхали до сендзѣго. Зойшли зъ саночокъ якъ впередъ, и прійшли до канцелярїи якъ впередъ, и панъ сендзя такожъ якъ впередъ. Были и въ кухни, тоже якъ впередъ, и стали расповѣдати свою орудку якъ впередъ.

Щожъ панъ сендзя на тое? Панъ сендзя стиснулъ раменами, покругилъ носомъ: „Га — добре, добре. Хотите дозволенья? Добре, но я мушу напередъ знати, чи они мають волю съ собою вступати въ станъ той; потомъ мушу ся довѣдати, чи они собѣ заслужили на дозволенье, чи обое все послушни? и т. д. О томъ мушу еще поговорити съ ксендзомъ и съ экономомъ, та и съ паномъ лѣсничимъ. Може тамъ коли шо на паньскѣмъ або въ лѣсѣ зашло.“

Такъ панъ сендзя говорилъ, — а все лагоднымъ голосомъ. Наши батьки поклонилися, и просятъ, и падають до ногъ, увѣряють, що на нихъ нѣтъ ничъ ни у панъ-отца, ни у пана окомона, ани у пана лѣсничого, и просятъ о соизволеніе, понеже часъ короткій и не буде можно справити весѣлья, та щобы не оттягати до по-великодни, понеже уже прилагодилися, и про тое бы шкоду понесли.

Панъ сендзя лише раменами постискуе, а самъ не взрушимый якъ скала. „Га — то не поможе, то не робѣтъ такихъ весѣль, вы богачи, но гроши можете на шо инного обертати, якъ на весѣлья, гостины и пѣтянки; — зробѣтъ весѣлье короткое. А впрочемъ най вамъ ксендзъ голоситъ заповѣди я не бороню!“

Кланялися, просили и молили, но ничь не помогло. Що ту робити? Хиба еще у пань-отца прибѣжище. Но якъ же? Пань-отець на таке позволеніе не пристануть, бо пань сендзя — видится — не мають право позвляти ксендзу, бо всюда есть право, и пань-отець мають свои права. Такъ размышляли оба. Однакъ тонущій и бритвы ся хвагае. Такъ еще до пань-отца, чей станугъ голосити заповѣди, якъ узрятъ, що часть короткій, та вже не свѣнчають, поки не буде соизволенія отъ доминіи.

Съ тою гадкою выѣхали назадъ. — Но было уже пѣдно, а въ ночи темно, такъ, що мусѣли въ дорозѣ мочевати.

Въ ночи снѣгу не было, но зато сильный вѣгеръ морозовый зъ горбковъ поздиралъ снѣгъ, замети ся поробили и сновъ всѣ шляки позабирало. Выѣзжаютъ наши старики рано, чтобы еще передъ Богослуженіемъ застати пань-отця; — ѣдутъ и ѣдутъ, а мало уѣзжаютъ, бо годѣ про замети и снѣгъ. Гдесъ-тамъ подъ лѣсомъ якъ запалъ конь Шемелы до замети, ажъ цѣлый сховался, такъ, що ледво оба съ Хомою его вытащили. Обѣзжае Хома, що за Шемелою ѣхалъ, замѣтъ, абы не запасти, и видѣлось, що тамъ снѣгу нѣтъ; но тамъ былъ ровъ, а въ ровѣ полно воды, та конь якъ заламлся, та по черево въ воду и въ болото, та и дышель у саночокъ зломался, та и самъ Хома выше колѣнь въ воду мусѣлъ вѣзти. Пріѣхали до села, якъ уже на „Достойно“ звонили. Пропало, уже не можъ былъ пань-отця о ничь просити.

О горе! щожъ ту робити! уже бо надходитъ Недѣля о блудномъ Сынѣ. Приходникъ дуже честный и лагодный человекъ далъ имъ таку раду, чтобы выстаралися о соизволеніе у мандатора, и заразъ ѣхали до Санока до циркулу, и тамъ сновъ просили о диспензу отъ двоухъ заповѣдей. Послухали той рады. Сновъ выбралися до пана сендзѣго Шемела и Хома якъ перше, и сновъ не съ голыми руками. Пріѣхали, — но пана сендзѣго нѣтъ дома, — отѣхалъ до Санока; и никто не зналъ, якъ долго онъ тамъ забавитъ, лишъ знали, що досталъ якуюсь вѣсть зъ циркулу и въ ненайлѣпшомъ умѣ поѣхалъ, не общюючися, ажъ за кѣлька дней назадъ. Полиціянъ лише казалъ, що здаеся, якісь тяжбы позаносили громады на пана сендзѣго до циркулу, и для того тамъ поѣхалъ. — Що ту робити? „Хиба ѣдьмо до Санока, та може тамъ напише соизволеніе, та заразъ подемъ до циркулу по диспензу,“ каже Василь. — „Та добре,“ отповѣдае Михайлъ поскробуючись въ голову.

Вернули домѣвъ назадъ, и уговорилися заразъ другого дня до Санока выбиратися. На дворѣ зробилось лучше, бо стало тихо, на небѣ было ясно, и теплый южный вѣтеръ почалъ вѣяти; а дорога ставалась твердѣйшою, по-неже снѣгъ ся збивалъ, звычайно якъ на отвољжи. — Пріѣхали ажъ надъ Сянъ. Ту стѣи, бо дальше не можъ. По-краяхъ лѣдъ, а серединою якъ бы корытомъ вода тече, — треба ажъ на поромъ ѣхати, — а до него еще съ пѣль милѣ. Пріѣхали и до порому, — але поромъ не перевозитъ, бо перевозники боятъся, що пуститъ лѣдъ и надѣйде вода, про то, що отвољжъ не-

устанно, и вѣтеръ южный гей-бы огонь забирае снѣгъ; а уже не разъ того дознали, шо якъ есть день отвѣлжи, то уже пускае лёдъ. Тай правлу казали, бо шо лишь батьки покормили собѣ кони, якъ-разъ трѣсне лёдъ, гей-бы зъ моздѣра кто выстрѣлилъ.

Тра вертати назадъ, — шожъ бо робити. То Божа воля. Уже весѣлье быти не може. Згрызся тымъ Хома, а еще гѣрше Параска, его супруга, а уже найгѣрше самъ Осифъ. Мариська жѣ казала: Отъ еще ся троха потѣшу своею донькою.

Въ Недѣлю мясопустную прійшолъ Хома и его жена и Осифъ въ гостину до Василя, шобы ту къ родинѣ повторити и потвердити зроблени руковины. Тутъ они уложили: скоро выстаратися о соизволеніе зъ доминіи, та заразы по великодни повѣнчати молодыхъ. „Добре, каже Василь, але коли уже такъ отводитса, то хочу, жебы весѣлья было, якъ ся належитъ; най знаютъ, што Шемела выдае свою доню и же ю любить. Всѣхъ спрощу — цѣле село угощу.“ „А и за то, што мѣ такъ парѣбки додѣвали — угощу ихъ капакомъ, хотьбы зъ-подъ землѣ, а мушу го достати; — пойду ажъ къ Бодрогу, тамъ я знаю, де ёше есть дуганъ,“ казаль Осифъ.

Припадокъ.

Долгій-долгій былъ великій постъ нашимъ милымъ. Шемела и Хома стали заразы съ початкомъ поста ходити до доминіи и просити о соизволеніе вступати въ бракъ своимъ дѣтемъ, — носилось тамъ одно и друге, бо панъ сендзя все казали, шо еще часъ — ~~Ѣ~~ и такъ постъ. — Ганця — все бѣдна съ своими подругами. Не хочемъ читателя мучити съ описываньемъ тыхъ забѣговъ и клеветъ дѣвчатъ и Варвары, — онъ самъ дорозумѣтса всего, дорозумѣтса и того, шо вже обстоятельство, же весѣлье отложилося, было имъ пальцемъ Божиимъ, шо Богъ не хоче соединенія Ганцѣ съ Осифомъ, — а ворожба цыганки уже имъ исполнялася. Вамъ молоди красавицѣ лишь то скажемъ, шо николи не завѣрятье своего счастья вашимъ подругамъ, ани слушайте ихъ радъ, лишь слушайте своего сердца и рады вашихъ родичей, братьей и сестеръ, — тыхъ, шо вамъ ни завидуютъ, ни злого хотять. — Мерзкое то дѣло клеветы все однако всюда ихъ подно. И самого Осифа они не залишили. Нашлися у него пріятель и пріятельки, которми ему умѣли на Ганцю много наговорити: шо она и не робѣтна, и хворовтна; зъ чого будъ, леда зъ вѣтру захворѣе, шо старый отецъ ей скупый, та не дасть ніякого вѣна; шо она за другими парѣбками поглядае; шо долго спитъ, шо не умѣе їсти варити, печи помастити... и много -- много инного, чого годѣ и стямити. Шо и намолился ихъ Осифъ, шобы му дали спокѣй съ тыми бесѣдами, — годѣ, не порадишь, все и все приходять и свое говорять.

Такъ тяглося и не перерывалось ажъ до великодни. — На великдень тѣшимся воскресеніемъ Христовымъ, веселимся и воскресеніемъ природы,

а съ нимъ соединяемъ наши надѣи на будущность. Ганця и Осифъ снова легче стали отдыхати и снова бавились гадками, — бо съ весною мало быти ихъ вѣчаніе. Того року весна не долго дала на себе ждати; на великдень было уже все зелено и розвито, а люди много уже понасъвали. Не славятся наши Карпатскіи стороны данами пшениць и жига, ани шолковыми травами степей, въ которыхъ дрѣмають лебеді и соколы, — они поважни своими борами и лѣсами, въ которыхъ обитають дикіи звѣри. А якъ зазеленится Бескидь Боже мѡй милый! — якъ тамъ чудно-красно, а якъ легко отдохнуть гѡрскимъ воздухомъ! Бескидь не дарить — правда — селянина пшеницею, но достарчае ему дровъ и на опалъ и на будынокъ; а той и при овсянѡмъ хлѣбѣ благодарить Бога, и сидитъ въ красной трамовѡй хатѣ, а тамъ такъ тепленько, ажъ любо, хотьбы на дворѣ якій морозъ.

Кто не былъ въ горахъ, то не пускайся въ лѣсы, бо тамъ прійдешь на крутыи стежки по-межъ потоки и скалы, по-надъ вертепи и пропасти, такъ, що зъ нихъ не выйдешь, бо ними ходять лишь лѣсовыи звѣри, та часомъ-часомъ человекъ.

Уже надъ вечеромъ. Черныи тяжкіи хмары насуваются, а въ далечинѣ юга видко лыскавиць. Вѣтеръ чѣмъ-разъ то сильнѣйшій — а буря чѣмъ-разъ то ближе. На дворѣ душно и парно, що кобы не вѣтеръ, годъ бы и выдержати. Было то гдесъ заразъ по великодни. Тогда ишли горъ-горю, чотыре мужчины, и стремилися къ лѣсу, поросшому на самомъ верху Бескида. Они идутъ осторожно, — ани не говорятъ голосно, и направляюся къ укрытой стежцѣ; — а на плечахъ несутъ тяжкіи тлумаки. То бакуняри. Они несутъ свѡй капакъ, а идутъ такъ осторожно, чтобы где якій стражникъ не почувъ та ихъ не съималъ. Бакунярь то якъ дикій звѣрь пхаеся лише укрытыми стежками, и не на долго ему одна стежка служити може, понеже, скоро перевѣдается стражникъ о ней, она уже не безпечна, нужно инной.

Бакуняри ишли тихо, но хутко, не вважаючи ани на тягаръ, що несли на плечахъ. Не завистный ихъ подвигъ: вѣтеръ сколыше листьемъ, птакъ перелетитъ зъ конаря на конарь, а бакунярь уже цѣлый дрожитъ и напинае уха, а ноги строятъ къ бѣгству, готовъ весь свой маетокъ лишити, кобы лишь утечи. Перейшли уже одинъ вандоль, и направилися на право къ верху, на которомъ находилися великіи скалы и пещеры, маинами и ожиною порослени. Подъ тыми скалами думали они отпочати або и заночовати, бо туча туй-туй доганяла, и зробилось дуже темно. — Еще троха — а горбокъ уже ту. Вьтомъ щось зашелестѣло — и „стой!“ озвался голосъ; — „стой... стой!“ повторилось, — и явилися два стражники. Одинъ схватилъ одного, а другій другого бакуняря, — два же прочіи не дали на себе долго ждати, лишь въ ноги. Пѡйшли! — ино два остались въ рукахъ стражниковъ.

„А панье — прецѣжь разъ!“

„А драбы — а гунцвоты — а люпмы!“

„Теперь ся васъ панье научить, якъ за бакуномъ ходити!“ кричали оба стражники на перемѣну. Бѣдныя бакунярѣ дрожали гей листъ. Забыли о тучи, которая за ними гонила! Годъ — напиши: пропало! — що дѣлати? — Гбрънякъ все смиренный — и все просить, чи выиграе, чи нѣ выиграе; хоть умирай, а все еще просить.

„Подаруйте панове — подаруйте еще тогъ разъ — вельможныя панове, егомосцѣ, паноньки подаруйте! — хоць тотъ разъ. Мы вамъ того не забудеме, — мы васъ будеме все тямити, — будеме васъ благословити, за вами до Бога молитися. Тогъ остатній разъ панове! — Якъ насъ поймете еще разъ, то уже зробіте съ нами, што хочете, а теперъ подаруйте!“ просили бакунярѣ.

„О еще вамъ даровати? — а то за шо? Человѣкъ мусить за вами шляйховати, якъ еденъ песъ по ночахъ по лѣсахъ... а ту мударуй! — а за шо? Гальтсъ мауль! еденъ съ другимъ и маршь съ нами!“

„Паночку помилуйте! Мы не за дармо, возьте собѣ и дуганъ, и всѣ гроши, што маеме при собѣ, а тато вамъ еще додѣтуть, якъ вкажетеся до нихъ. Лемъ пустте!“

„Форвертсъ аалье байде — маршь!“

„О Боже — паноньку, помилуйте! — тато вамъ вынагородитъ, а теперъ собѣ возьте всѣ мои гроши и дуганъ, маю о еще 15 ренскихъ.“

„Вѣ мейнстъ ду?“ отозвался одинъ стражникъ до другого

„Вѣ? гмъ... гмъ... венигъ,“ отповѣлъ съ намысломъ другій: „нуръ шарфъ ауфъ инъ.“

„Никсъ — альзо съ нами!“ и взяли бакунярѣвъ съ собою.

Тымъ часомъ насунулись хмары. Еще въ лѣсѣ зарвалъ ихъ грубый дождь и пралъ черезъ цѣлу дорогу ажъ до самой касарнѣ; — а ишли до касарнѣ полутора часа. Прійшли до касарнѣ — уже было 12 часовъ полуночи.

Въ касарнѣ велѣли бакунярямъ зложити дуганъ, а ихъ обохъ замкнули въ особой комнатѣ. Га! якъ добре ту — тихо и тепло, хоть на дворѣ буря и дождь: — а и безопасно, бо двери замкнени, а на окнѣ желѣзныя краты.... Но шо буде дальше? — тяженькая гадка. Одинъ бакунярь кинулся на землю и заснулъ, шо ажъ храпѣлъ, — а другій — молодъ-хлопецъ перевертался съ боку на бокъ, и годъ заснути хоть до самого рана.

Равно было уже ясно. Красно взойшло солнце и радостно повитало новый день, а лучи чудесными барвами отбивалися въ каждой капли вчерашного дожджа. Заразъ равно выпроводили вязниковъ, — зважали при нихъ тютюнь, каждую плахту зъ-особна и списали протоколъ. Сей-часъ явилося двохъ стражниковъ, которые взяли обохъ бакунярѣвъ и протоколъ, и отпрывадили до мандатора.

У пана сендзёго.

Панъ сендзя прохажался въ шляфроку и патынкахъ, съ люлькою на долгомъ саклаковомъ цыбуху съ грубымъ бурштыномъ, по огородеу про-межъ цвѣтами по-передъ окна своего помешканья, и придивлялся, много ли шкоды наробила ему вчерашняя буря. На головѣ малъ шапочку на конвѣ роблену, презентъ отъ своей доньки, а зъ рота выпускалъ клубы пахнучого дыму. Узрѣвши стражниковъ съ шверцерами, приступилъ къ штахетамъ своего огорода, коло которого вела дорога до доминии.

„Слуга пана добродзьяе — день добрый!“ сказали кланяющиса стражники.

„День добрый -- день добрый!“ отвѣтилъ сендзя зъ легка покивующи головою: „а то запевне шверцери?“

„Такъ есть — вчера мы ихъ достали. Чи есть уже у пана добродзьяе осма година?“

„Еще не буде, но то ничъ не вадить; — отпровадѣтъ ихъ панове до канцеларіи, — кажу заразъ отомкнути. Валентый! Валентый!“

„Слухамъ пана,“ дакъ ся чути голосъ, и внетъ показался на крыльцѣ чловѣкъ середнего роста — слуга пана сендзёго, носившій имя и должность возьного и полиціяна разомъ. Его называлъ сендзя Валентымъ, понеже Ивана, Гриця николи не было у пана сендзёго, лише Янъ, Гжегожъ; — а зъ бѣднаго Василя зробили Валентого.

„Канцеларію отворити!“ крикнулъ сендзя. И пошли до канцеларіи.

Въ канцеларіи засѣлъ панъ сендзя на креслѣ при столику — и прибралъ на себе урядовую мишу, хотя въ шляфроку и патынкахъ. Ани шапочки не снималъ зъ головы. — Стражники зложили справозданье, огдали принесеный съ собою протоколъ, а панъ сендзя писали.

„А то ты Осифцю ту? ты богачу? овъ... овъ!... то и богача злапали, — а щожъ съ весѣльемъ? дома ладятся до весѣлья, а ты ту.. но.. но.. но!“ казалъ панъ сендзя довѣдавшисъ зъ протоколу, що одинъ бакунярь то намъ знакомый Осифъ.

„Хотѣлъ ся выкупити,“ казали стражники.

„Такъ — давалъ гроши? — и щожъ?“ спросилъ съ любопытствомъ сендзя.

„Давалъ — но мы не пріяли, о борони Боже того!“

„Добре зробилисьте!“ казалъ сендзя съ удовольствіемъ. „Ха, ха, ха! хотѣлъ ся выкупити; — гмъ, и то треба взяти до протоколу, — а якже, треба, бо то тін богачи то дуже мудры люди! за надто мають розуму... але я маю еще бѣльше, то я ихъ еще навчу.“

„Было ихъ четыре — но два втѣкли, понеже то было въ лѣсѣ и, ганць’ темно, а передъ самою бурею Мы потомъ дурхъ’ перемокли,“ рассказывали стражники.

„То не шкодить; я то ихъ вынайду, а якъ нѣтъ, то ти два отпокутують. О, я то мушу остро карати, бо уже неразъ скаржился передо мною економъ, же що лѣпшого иде за бакуномъ, а на роботу выходитъ саме ледащо, черезъ що скарбъ терпить, бо работа иде помалу. На паньске пойти му не до смаку, а за бакуномъ то иде! — А потомъ есть острый заказъ за бакуномъ ходити. Отъ чоґожъ графики? — то й кури, сила хочешъ, а тамъ не ходи! — Або то и лѣсъ не терпить на томъ, що ходять; все нови стежки робять, молодой наростъ вытлумляють, — а навѣтъ серны выстрашуютъ зъ леговискъ, що потомъ и не знати, где ихъ въ осени гляцаги, якъ будутъ ловы. — А ты Осифцю — о зле небоже, не треба было по бакунъ ходити; — теперъ уже не поможе и до циркулу ѣхаги. А що буде съ твоею женитьбою? га? Шкода менѣ лишь твоей нареченой, но уже не поражу, ты самъ собѣ виненъ. А до того ещесь хотѣлъ перекуповати цѣсарского слугу, таку збродню пополнити важилъ есь ся! — знаешь, за тое криминаль!“ Такъ говорилъ — и сердился сендзя долго. Потомъ зробилъ протоколъ, закликалъ Валентого и казалъ шверцерѣвъ всадити до арешту, „поки ажъ на дорожѣ грошевѣй або арештовѣй не отбубутъ кару.“

Осифъ поклонился низко ажъ до самой землѣ и сталъ ся молити: „Прошу Бога Найвысшого и ласки вельможного пана сендзѣго, жебы были ласкавы мене пустити, а мой тато за мене заплатятъ, што тамъ припаде.“

„Цѣхо дурню!“ крикнулъ сендзя гнѣвно и тупнулъ ногою. „Еще смѣешь отзыватися? Слухай, що ти ся каже, и молчи . . . прошу кого . . . онъ мыслить, що то жарты . . . дурень одинъ съ другимъ.. не ходи за бакуномъ, а до того еще перекуповати чекай пташку!“ Межи тѣмъ надѣйшолъ Валентый и взялъ обохъ бакунярѣвъ до тюрьмы.

Справа скѣнчилась. Стражники поклонилися и отошли.

„О пся кровь! — якій файный тютюнь курить — правивый роткеръ!“ казалъ одинъ стражникъ до другого повертаючи отъ сендзѣго

„А правда — на шверцерѣвъ якъ кричалъ, а самъ шверцованый курить!“

„Стояло бы законтрабандовати сендзѣго, — онъ го тамъ мусить еще кѣлька фунтовъ мати.“

„Ба — коли не смѣемъ, нужно бы ажъ доносити и комисію спражати — а за той часъ онъ довѣдаеся, тай тютюнь сховае.“

„А впрочемъ, чи то оплатится? Таже они знаются якъ лисы кони. Не даромъ нашъ комисаръ у сендзѣго бывае.“

„И певно той самъ тютюнь у него курить.“

„Не иначе.“

Такъ розговарывали стражники межъ собою повертаючи домѣвъ.

С в и д а н і е.

„Бакунярѣвъ поймали стражники;“ ишла чутка отъ села до села, — та дѣшла и до села, въ которомъ обиталъ Михайль Хома.

„Певно нашъ Ивась сѣманый!“ крикнула якбы передчуваючи Параска, и стала голосно заводити. Михайлъ старался усмирить жену: може-то кого инного поймали, — хотьбы и Иваса поймали, то заплатится, що припаде на тотъ конецъ. Но вскорѣ, — на третій уже день, донесли Михайловы, що такой въ самомъ дѣйстви Ивась въ руки стражниковъ попался. — „Сталося — годѣ противъ водѣ,“ сказалъ Михайлъ; сѣлъ на коня и поѣхалъ до стражниковъ. Отъ стражниковъ довѣдался онъ подробно о цѣломъ событію и о томъ, що Ивась уже у сендзѣго находится.

Такъ справа у сендзѣго, — нужно до него пойти, кланяться, но съ голыми руками даромъ тамъ поѣдешъ. Михайлъ взялъ подъ паху двѣ гуси, а Параска на плечи саганокъ масла и такъ пошли до пана сендзѣго. Параска сплалака, и даже зныдѣла зъ жалю и туги про сына.

Такъ сендзя сидѣлъ въ канцеларіи, и шось писалъ. Не было у него никого, понеже що-но вышли отъ него люди; якась добра справа была, понеже майже всѣ червонны на лицахъ и со слезами въ очахъ ишли.

На пальцахъ приступилъ Михайлъ до дверей канцеларіи, и запукалъ зъ-легка

„Кто тамъ?“ крикнулъ панъ сендзя зъ середины: „герайнъ!“

Двери отворилися зъ-вольна, и вѣшолъ Михайлъ съ женою до канцеларіи.

„Ага — що тамъ скажете?“ — вопросилъ панъ сендзя, прибравши урядовую мину, и обернувся половиною къ нимъ на креслѣ, та заложилъ долгое перо за ухо.

„Слава Иусу Христу!“ сказалъ Михайлъ, кланяся низко, ажъ до самой землѣ

„На вѣки аминь!“ отповѣлъ сендзя: — „що тамъ?“

„Мы прійшли просити ласки Вельможного пана сендзѣго, — гдесъ ту стражники отдали нашего сына до пана сендзѣго,“ казалъ Михайлъ.

„А есть онъ тв — есть,“ отвѣтилъ сендзя.

„Мы бы просили Бога найвысшого и ласки Вельможного пана сендзѣго,“ казалъ словъ низко кланяся Михайлъ: „жебы были якось ласкавы на насъ и на сына.“

„Ту не потребно ласки просити. На васъ ту не ма ничъ, — а сынъ, коли ходилъ за бакуномъ, то най отбуде кару.“

„Мы бы все просили, жебы Вельможный панъ сендзя были ласкавы.“

„Якъ то?“

„Такъ бы мы просили, жебы были ласкавы панъ сендзя подаровати,“ говорилъ кланяющися низко Михайлъ.

„То не може быти, мой коханный, — то острый заказъ за бакуномъ ходити, — то мусить быти укаране.“

„Та уже прошу покорнѣ Ясиѣ Вельможного пана сендзѣго, що тамъ припаде, то ся заплатитъ, — то уже о то постаратися я мушу, бо мой сынъ.“

„То добре,“ отповѣлъ коротко сендзя.

„Та уже я заручу и подпишуся на то, только жебы Вьельможный панъ сендзя были такъ ласкавы и казали его выпустити.“

„То добре, если заплатите, буде выпущеный, — но теперь не можно.“

„Я бы заразы завтра постарался о гроши.“

„Завтра еще быти не може, понеже еще не вымѣрена кара и не написаный мандатъ.“

„Та жебы Вьельможный панъ сендзя были ласкавы то зроби,“ просилъ Михаилъ.

„Я не маю часу — теперь въ доминіи много работы.“

„Мы то не схочемъ за дармо, — лишь кобы Вьельможный панъ сендзя были ласкавы якъ найборше,“ казалъ сновъ Михаилъ, помѣрковавши, къ чему то панъ сендзя стремится.

„Га — то не моможе,“ казалъ панъ сендзя стискаючи раменами.

„Най мають Вьельможный панъ сендзя зъ ласки своей милость надъ нами и надъ Ивановъ, — бѣдакъ зѣйде на ничь, змаряѣ! А мы будемъ старатися вывлячитися Вьельможному пану за ласку.“

„Га видите,“ сказалъ панъ сендзя по хвильцѣ намысла: „то трудно поде, но понеже вижу, що хочеге смиритися, то уже для Васъ буду старатися якъ найборше сдѣлати.“

„Дякуемъ дуже красно!“ сказалъ сновъ кланяючися Михаилъ

„Но то добре, — бывайте здоровы!“ отозвался сендзя.

Михаилъ якось скробнулся въ голову, поглянулъ на жену Параску цѣлый часъ въ слезахъ при немъ стоящу, — покрутилъ носомъ, и поклонившися сновъ низко пану сендзѣму сталъ просити: „Мы бы мали еще просьбу до Вьельможного пана сендзѣго.“

„Но яку?“ спросилъ сендзя.

„Коли уже таке право, що не можно пустити Ивася, то мы бы просили, чи не могли бы мы его хоть видѣти?“ говорилъ Михаилъ.

„То не може быти, онъ ту въ арештѣ яко шверцеръ, и яко такій, що хотѣлъ перекуповати стражника цѣсарского. А знаете, яка за то послѣдуе кара? то криминалъ!“ отвѣчалъ на прошеніе сендзя.

Однакъ на томъ не переставали Михаилъ и Параска, они кланялися и просили неустанно. Параска даже въ голосъ расплакалася, — якъ бо можно было имъ отходити зъ-ѣтси, не видѣвши сына. Панъ сендзя всегда отказывалъ, и не хотѣлъ удовлетворити прошенію. Межи тѣмъ вошелъ Валентый до канцеляріи и шепнулъ щось сендзѣму до уха; — „двѣ гуся и масло!“ Тѣ слова якось зайбѣльше отбилися. Панъ сендзя сталъ мягшимъ, и началъ иначе говорити. Михаилъ и Параска не переставали просити, и панъ сендзя наконецъ по долшой бесѣдѣ, въ которой ясно выложилъ, що то лише зъ великой ласки, лише для Михаила Хома, щобы ему показати, що не хоче

мститися надъ нимъ, закликалъ Валентого и казаль Михаила и Параску от-
проводити къ Ивасеву до тюрьмы, ради свиданіяся.

Трогательна была то хвиля, когда родичи съ сыномъ узрѣлися. Они обнялися, цѣловалися, — и ни одно не могло черезъ долгое время слова произнести; — лише сильно плакали. „Мой сыну, мой любый Ивасю! чего я по тобѣ дождалася!... чему ты мене не послухаль, и не осталь дома?“... казала голосно плачучи матерь. -- Но Ивась потѣшалъ ю и усмирялъ ей плачь. „Не тужѣть, не плачте за мною,“ казаль онъ: „я провиниль, — я отбуду мою кару, котору менѣ право назначуть.“ Вскорѣ минуло соизво-
ленное для свиданія время, — Валентый объявилъ, що уже долженъ замкнути
вязницю. Родичи простилися со сыномъ, — а Валентый трѣбуулъ дверьми
отъ вязницы, и обернулъ ключемъ два разы. Двери замкнулися, — за ними
Ивась, а родичи пошли домѡвъ.

На Маковицѣ.

Сумно стало по той сторонѣ Бескида — зажурилися двѣ родины Ше-
меловъ и Хомовъ, — зажурилася наибольше Ганця. Журилася бѣдна и майже
не выплакала своихъ синихъ очей, бо нѣтъ многого, нѣтъ Ивася. Но тѣши-
лися злыи люди, що то не хотѣли видѣти Ивася и Ганцю свѣнчаныхъ; —
тѣшилася наибольше Варвара и тѣи дѣвчата, що неустанно Ганцѣ то на Осифа
то на его матерь злое говорили. Не мило намъ стало въ той околицѣ, —
про тое перенесѣмся генъ за зеленый Бескидъ, — и зайдѣмъ ажъ на Ма-
ковицю. Тамъ все такъ мило бывало. Вѣтрецъ южный розносиль тужли-
выи нуты Маковицкихъ сопѣлокъ, которыи колыхалися по воздухъхъ. Бывало
особливо одна сопѣлка такъ спльно проговарывала, що ажъ рывала грудь.
Но теперь и ту стало сумно, бо тая сопѣлка замолкла уже долшій часъ, —
юноша, который на ней пригрывалъ, въ якуюсь незвычайную попался
былъ тугу.

Былъ то Янко — знаный намъ зъ Красного Брода. Отъ того часа, якъ
лишь повернулъ зъ оного отпуска, не видно было веселости у него. Сопѣлка
его прикурилася сажею, лежачи нетыкана на грядцѣ. Змѣрковали то всѣ, —
змѣрковалъ и старый родичъ. Долго розмышлялъ надъ причиною его туги,
но наконецъ рѣшилъ таки его самого о тую спросити.

„Чого ты Яничкѣ“ каже разъ въ недѣлю якось еще передъ великоднемъ
отецъ до него, „такъ сумный? што тобѣ долѣгае, повѣчь мѣ.“

„Э — ничь тату.“

„Ничь не ничь, -- повѣчь лемъ мѣ, не тай ничего. Може ты хочешъ
женитися, може ты собѣ сподобалъ яку дѣвку, а вагаешъ мѣ то повѣсти?“

„Та якужь бы тату, тамъ ту нѣтъ нигде такой.“

„Але може где инде, — повѣчь, не бѡйся.“

Янко молчалъ на послѣдніи слова, — но того было довольно отцу.

„Ей чи не завернула тобѣ голову тога Галичанка, щось съ нею танцоваль? Го то шумне дѣвча?!“

Янко снова ничего не говорилъ, но тымъ и открылъ всю причину своей печали. Открылъ, але заразомъ и забилъ клинъ въ голову старенькому, который такъ любилъ Янка, що былъ бы му радъ неба прихилити; однакъ гдѣжь глѣдати той Галичанки, коли ани имени ей, ани села, въ которомъ же, не знали. А потомъ чи можъ бы подумати, щобы она рѣшилася такъ далеко отдалитися отъ родичей?

Може бы и рѣшилася — думаль неразъ Войнаръ — если она бѣдна, однакъ гдѣжь ей найти? —

По великодни выходятъ Маковичане за овцями на полонины, а часомъ ажъ къ Буковинѣ и Семиграду. Стари родичи тѣшилися, що може въ свѣтѣ розѣрвеса Янко, — и выправили его съ другими газдами на овцѣ. Впрочемъ не первый уже разъ онъ ишолъ за овцями. Яко все, и теперъ было прѣщаніе со слезами.

Несподѣвана встрѣча.

Коли и ту не нашли мы потѣхи для нашего сердца, — то вернѣмся хиба назадъ на тую сторону Бескида. Тамъ може уже переминула недоля и печаль, — божъ то Богъ ино до часу караетъ людей; — а если нѣтъ, то може погѣшимъ нашу Ганцю, може заспѣваемъ ей милую пѣсоньку, що она розвеселится, або скажемъ, щобы не вѣрила злымъ подшептамъ лукавыхъ подругъ.

Теперь весною ходила Ганця съ другими дѣвчатами на Бескиды на траву, которая застелила горы гей зеленой цвѣточней коверъ, для коровъ до полю, — а за то мала отъ коровъ много толстого молока, и робила маселце жолтенькое, що ажъ мило. Подруги ей спѣвали пѣсни, що ажъ лѣсы гремѣли, а Ганця все задумана и молчалива, видѣлося, що сполнились слова ей пѣсоньки такрѣчной:

Спѣваночки мои — дежь я васъ подѣю?

Пойду до лѣсика, тамъ я васъ посѣю,

Тамъ будутъ дѣвчата на траву ходити,

• И мои спѣваночки будутъ находити.

Одного дни вышла Ганця съ подругами своими на траву. Было то уже по полудни, — дѣвчата спѣвали якъ звычайно, а Ганця шла тихо. Въ томъ далъ ся чути голосъ звонковъ овчихъ. Дѣвчата скокнули на горбочокъ и узрѣли велику череду овецъ, а при ней пять мужчинъ. Перестали спѣвати дивлячись на овцѣ и чужихъ людей, а Ганця лишь покраснѣла якъ рожа и дрожала гей листъ.

За пару хвиль прибѣгае къ нашимъ дѣвчатамъ одинъ молодой паробокъ отъ овецъ. „Слава Иисусу Христу“ — „слава во вѣки“ поздоровились вза-

имно. „А витай же дѣвусю, та...ты.. ту...“ казалъ онъ дальше до нашей Ганцѣ дрожащимъ голосомъ, а тая не отвѣчала ничего, лишь погупила очи въ землю, и было видно, якъ сильно грудь волновалась у ней. Былъ то Янко, знакомый Ганцѣ зъ монастыря. „Мои дѣвчатка,“ казалъ онъ по хвильцѣ отдохнувши, „мы бы васъ просили, чи не досталъ бы въ вашѣмъ селѣ што ѣсти, въ корчмѣ, або у якого газды, мы бы заплатили, бо уже три дни не можемъ ничъ теплого достати, и лише хлѣбомъ жиѣмъ; — нигде ничъ не можемъ достати, все идемъ самими Бескидами.“

„Тажко щобысьте за гроши достали у насъ, але ходьте до мого тата, то васъ радъ погостятъ теплыми стравами, бо есть чимъ,“ отвѣла на тое Ганця.

Не хотѣлъ съ начала ити Янко, но потомъ далъ ся упросити, и поѣшоу съ своими товаришами, — овецъ оставили черезъ той часъ въ Шемелы кошарѣ, который недалеко стоялъ и теперъ былъ порожній.

Уже не станемъ описывати, якъ ихъ пріялъ Василь, — онъ пріялъ ихъ радо и мило, бо былъ гостинный. Що было тамъ гошень, а Михайлъ слушалъ, що гости оповѣдали про куплю овецъ и про тѣ стороны, куда ходили. —

У т ѣ х а.

Не нужно оповѣдати, якъ урадовался Янко, коли узрѣлъ Ганцю, и довѣдался, где она жиѣ. Простившись съ нею, хотѣлъ онъ орломъ слетѣти на свою Маковицю, такъ оповѣсти родичамъ, що открылъ свою богданку, и съ ними думати надъ способомъ, якъ до посѣданья ей руки прійти. —

За колька дней прійшли они домѣвъ, и Янко свидался съ родичами. Тутъ было его первымъ дѣломъ похвалитися передъ отцемъ своимъ товаромъ. Старый обозрѣлъ ѡвецъ и тѣшился, що Янко добре купилъ. Потомъ оповѣдалъ все въ рядѣ — що приключилось черезъ дорогу, що видѣло и чулося по мѣстамъ и селамъ, на нѣчлягахъ и пасовискахъ, на рѣкахъ и горахъ, мостахъ и перевозахъ, и подобныи рѣчи. Лишь о встрѣчи съ Ганцею якось ничего не говорить. Суть чувства не разъ человеку такъ дорогіи, що не може ихъ выявити, закимъ до волѣ съ ними не налюбуется. Такими были и чувства по встрѣчи съ Ганцею

Родичи тѣшилися, що Янко мило повеселѣлъ. Звукъ его сопѣлки снова озвался, но дивною нутю. Веселый звукъ — замѣнялся напрасно въ унылый, тужливый — даже въ отчаянный, и въ томъ майже утихала сопѣлка. Но въ тошъ якъ бы нечаянно заблысла ему надѣя, пробивае тую тугу, тое отчаяніе якась радость, сумная пѣснь замѣняесь въ веселый звукъ. То была найчастѣйша нута его сопѣлки сего лѣта и была правдивымъ изліянїемъ его сердца. Отчаяніе и надежда въ любви мѣшались взаимно.

За якійсь часъ осмѣлился Янко, и рѣшился сказати родичамъ, що видѣлъ Ганцю. Разъ въ нѣдѣлю, коли не было никого, а стари сидѣли по полуденку на лавцѣ, каже Янко:

„Ещежь вамъ всего не повѣлъ съ дороги, а важнаго дуже, кого мы видѣли?“

„А но, што таке?“ спросилъ отецъ.

„Гадайте.“

„Та я тамъ знаю кого?... може коні або волю яки красны?“

„Ей коні тамъ або волю, я повѣдаю, же мы когось видѣли, — человекъ.“

„Человекъ? — та такъ говори, же человека,.... а якожь человека?“

„Ба! — та гадайте.“

„Э гадайте — гадай же, коли не знаю на кого гадати. Та може якого пана великого, — може енерала — або владыку.“

„Не можете сгадати.“

„Не могу — бо не знаю.“

„Знаете — Ганця, што была на монастырѣ?“

„А то де и якъ?“ крикнулъ старый и ажъ подскочилъ зъ радости. Янко оповѣдалъ, якъ съ нею стрѣтился, и якъ у ей ѳтца былъ на гостинѣ, и все, що о ней зналъ.

„О то за тебе ту не поѣде, коли така богачка и една дѣвка — то пропало“.... Янко молчалъ.... „якъ же ты думаешь?“

„Я не знаю, може бы прѣбовати.“

„Якъ хочешь.. то добрѣ, але я знаю, же зъ того ничъ не буде.“

За недалгий часъ уже стояло на рынку Войваря пять осѣдланыхъ коней, на нихъ поѣхалъ Войварь самъ, и Янко, и дякъ Андрей Кокинда и старший братъ Василь Курдило, и сусѣдъ добрый другъ Михаилъ Бразда черезъ Бескидъ. Они поѣхали, ѣхали, и зупинились ажъ на подвѣрью Шемелы.

Несподѣвани гѣсты.

Вже солнце зашло, — а тиха нѣтъмъ залягла цѣлу окрестнѣсть. Уже утихли и пѣсни дѣвиць, и сопѣлки югасовъ, и ничъ не важилося прорывати глубокѣй тишины, лишь потокъ журчалъ та журчалъ. По горахъ свѣтилися ватры, на которыхъ югасы пороскладали огнѣ. На все тое поглядалъ зъ высоты мѣсяць ясный оточенъ множествомъ звѣздъ, -- а при мѣсячку говорили старики подъ угломъ хаты свои вечерни молитвы.

У Шемелы въ хатѣ догаряло въ печи, а Ганця власне кѣнчила свои молитвы; въ томъ залудилъо щось на рынку. Ганця, и Отець и мати глигнули всѣ въ окно, кто такій могъ о той порѣ прѣѣхати. Чей не иноши думала Мариська.

Были то Маковицкїи гѣсты. Василь выйшолъ на подвѣрье — спросилъ, што они за одни, а коли позналъ межъ ними Янка, — заразъ попросилъ въ хату. Сказавщи обычное „Слава“ говорили, що будто гдесъ ѣдутъ на торгъ за волами, — и коли ихъ тутъ ночь зарвала, Янко повѣлъ ихъ въ той домъ дознавши уже разъ гостинного прїятїя. Василь зъ своей стороны показывалъ

удовольствіе свое, а Мариська привнесла борзо горілку, хлѣбъ и масло, абы гостей пріяти. Ганця же будьто чогось перепудилась, бѣгае по хатѣ а сама не знае чого, и все собѣ говорить: чого они ту? — добре, що заѣхали до насъ .. ей не треба ихъ ту... Але чого они ту? они ту не безъ причины...

Другого дня раненько уже прибѣгла Варвара. „Дай Боже добрый день!“ каже она до Ганцѣ „якиса иноши до васъ пришли, якійси барзъ красный паробокъ? якже Ганцю колижъ буде весѣлье?“

„Што вы бесѣдуете Варваро, деже то мноши?“

„О ты мѣ не повѣчь, бо я вшитко знаю.“ И мужъ Ганцѣ выхваляти того паробка, хотя го еще на очи не видѣли, а Осифа ганити.

По обѣдѣ дойшли Войнаръ и дякъ и старшій братъ и сусѣдъ съ Василемъ до стѣлицѣ, а Янко, Ганця, Варвара и тіи подруги, що то звыкли Ганцю съ Варварою отвижати, остались разомъ.

Въ свѣтлицѣ сказаль дякъ цѣль ихъ прибытія. Василь казалъ, що такъ далеко не дасть доньки. Но тіи не устивали въ своихъ прошеніяхъ и представленіяхъ. Войнаръ казалъ: насъ ино двое, — до смерти насъ доховають, а потомъ най собѣ робять, ще хотять. Мають грунтъ — обійсьте красне и велике, и худобнымъ досыгъ, и грошей ихъ ся лишитъ по нашей смерти, — та могутъ то продати, и ту собѣ купити грунтъ и хату, та коло васъ жиги и газдовати. Мы обое уже стари, намъ и не много вѣка. А буде — удержитъ мене Господь при здоровью долше, то я вамъ ихъ шо року разъ и два разы могу прислати на три на четыре недѣли, або и на долше, щобысьте съ ними тѣшилися. Правда, то досыгъ далеко, — але коли е худобина, суть кони, то не тяжко ся отважити. Отъ и мы вчера рано зъ дому, а вечеромъ ту станули. — Такъ говорилъ Войнаръ, а его люди потвержали то. И въ самогъ дѣйствиі не было лучшихъ видовъ для доньки Шемены, якъ ту, — однакъ то далеко, инныи люди, инный край, инный законъ, хотя такъ Русины, якъ и ту. Тое роздумаль Василь, и цѣлкомъ не былъ до того склонный, абы свою доню одати, хотя ему Янко дуже нравился. Якъ жежъ ту дѣлати? а не выпадало бы такъ честными людьми презрѣти. Но онъ выдумаль инный способъ, ему прійшло на гадку, що если донька не смоче, то онъ зо своей стороны не презирае ихъ, а за волю доньки шожь могутъ роличи? Василь заливаль Ганцю и каже ей все, — а Ганця просто отповѣдае:

„Якъ вы тату кажете, — а подлу, если ваша воля.“

Не сподѣвалон такого отвѣта отецъ. Протягнувъ рукою по челѣ: „Га, добръ!“ отвѣтилъ: „але я обѣцалъ свою доню моему пріятелю за сына дати, и они дали собѣ слово, — то не можъ безъ него ничъ робити, бо было бы нечестиво.“

„Ого!“ отозвалася на тое Варвара: „Осичъ подѣ еще до Самока смѣти, то вчера повѣдалъ возный зъ доминіи. Дасте за арештанта вашу Ганцю? а повѣдають люди, што онъ ани позволѣнья не лостане, бо арештантъ.“

„Якъ будь — такъ будь, я то безъ людей и безъ Михала не зрблю. И заразь послалъ по людей, — замужныхъ газдовъ и по Михала Хому.

Говорили и толковали различно. Михайлъ уже навѣтъ не малъ смѣлости за своимъ сыномъ дуже обставати, бо таки ничь красного, що Осяфъ въ арештѣ сидить; а Ганцю все бунтовала Варвара и иннии дѣвчата, — бо рады были ей ся позбыги. Такъ годъ было прійти до конца. Що робити? треба еще пойти до панъ-отца и его порадитися.

Приходникъ, человекъ уже до пятидесяти лѣтъ, выслушалъ ихъ и такое сказалъ рѣшительное слово: Обѣ стороны дуже красно и честно съ собою обѣишлись. Вы зѣ-за Бескида почтилисье Василя тымъ, що прійшли до него въ сваты, а онъ васъ мовъ, що не откаже вашему прошенію. Однакъ мусите зважити тое, що Василь не може дати своей доньки на непевное мѣстце, тѣмъ бѣльше, же вы зѣ инного краю и далеко зѣ-отси — вы и. п. прійшлисье ту и ужесье познали цѣлый домъ и отношенія Василя: — такъ треба бы, жебы и онъ ваши пѣзналъ. За тѣмъ але Василь поѣхалъ бы тамъ до васъ, есть моя рада зрбити въ слѣдующій способъ: Отъ якъ то красно зѣ Василя стороны, що онъ прійшошь порадитися до мене, — такъ само порадимся еще вашего панъ-отца. Вы вернѣтся теперъ домѣвъ, тымъ часомъ намыслится Василь, — а за якійсь часъ прѣѣдете снова и принесѣтъ собѣ письмо отъ своего душъ-пастыря. Если вашъ панъ-отець подтвердитъ все, що вы говорите, то я самъ буду за тымъ, абы Василь отдалъ свою Ганцю за вашего Янка.

Слово тое понравилось всѣмъ, — и на тое пристали. Маковицкіи гостѣ еще переночовали съю нѣчь, а слѣдующого дня скоро свѣтъ поѣхали домѣвъ. Янко лишиль Ганць въ дарунку красную широку стяжку подъ шію съ золотыми цвѣтами и двѣ нитки коралей французскихъ.

II. ЧАСТЬ.

Моя воля — несчастная доля.

Журился, хлопоталъ и ходилъ старый Хома неустанно за тымъ, чтобы сына его якъ найскорше выпущено на волю. Ходилъ, однакъ долго не мѣгъ ничего выходити, понеже панъ сендзя малъ на него еще давнюю злость за то, що Хома не повиновался былъ рѣшенію власти доминикальной, але удался до окружного уряду, и такимъ способомъ рѣшеніе доминіи опрокинулъ. И теперъ зналъ Хома дорогу до циркулу, однакъ тогда былъ въ правѣ, а приваименьше не чувствовался въ ничѣмъ злѣмъ, теперъ же — таки нужно признати, що былъ виновать его сынъ. Про тое просилъ въ доминіи, и различны дарунки сендзѣму носилъ — но той все умѣлъ оттягнути справу на пѣзнѣйше.

Наконецъ не стало уже Хома и терпеливости. Будь що будь, треба удагнися до циркулу. Пóшоль Хома до Санюка -- росповѣлъ тамъ цѣлу справу, заручилъ своимъ имѣніемъ, що заплатить, що вымѣрится, лишь кобы его сына пустили зъ вязницѣ. И добре сдѣлалъ, бо незадолго прійшло вѣдѣніе до домини, абы Осифа пустити навольну ногу, и акты дотычашин его провини прислати до окружного уряду.

Такъ достался снова Осифъ на волю. -- Было то якось въ кóлька дней потомъ, якъ отбóйшли Маковицкіи иноши. Прійшовши домовъ, Осифъ привитался съ рóднею и всѣ расплакалися зъ угѣхи. Тѣшитя бѣдный, но не показуеси нигде межъ людей, бо стыдѣяся того, що сидѣлъ въ арештѣ. Правда, не есть то у гóрняковъ стыдомъ, про бакунь сидѣти въ вязницѣ, але на Осифа порозносили различни плетѣ, будто онъ хотѣлъ перекуповати стражниковъ, и за то поде до тяжшой еще вязницѣ, -- а то все для того, чтобы розвести его съ Ганцею. И до Ганцѣ не показуези, разъ, що не мае смѣлости и стыдѣяся, а потомъ и для того, що чудь о иношахъ зъ-за Бескида, такъ и не знати, якъ бы его Ганця пріяла, -- а еще тѣмъ бóльше, що онъ такъ нужденно выглядалъ теперь.

Бѣдный Осифъ! высвободился вправдѣ зъ неволѣ, -- но що ему зъ того коли не може погуляти собѣ свободно такъ, якъ сердце хоче. Показалъ бы ся тде на игру, межъ парубковъ або дѣвчата, то уже заразы назовуть его арештантомъ, а то лишь зъ зависти.

„Иди но до Ганцѣ -- отвидати ю, бо видишь инши иноши заходятъ до ней та еще готовы взяти, если не будешь пыловати,“ каже неразъ мати або отецъ до Осифа, а онъ лишь отповѣсь: „Мамо -- заждѣйте-ле, я теперь не могу.“ И въ самой рѣчи не мógъ, бо подумайте, добри люди, Осифъ любилъ Ганцю, и любилъ ю дуже, и бавился и тѣшился всегда тою гадкою, що колись съ нею оженится. А еслибы онъ теперь пóшоль свидати Ганцю, а тая нимъ яко увязненнымъ, збѣднѣлымъ, бѣднымъ презрѣла, якъ же бы онъ то знести мógъ? Тутъ лучше времени лишити, чтобы або перестали о Осифѣ люди говорити, або Осифъ усвоился съ гадкою, що Ганця не може быти его.

Много -- много страдалъ Осифъ.

За кóлька дней выбрася Хома съ женою въ гостину до Василя, -- а съ собою вытѣгнули и Осифа.

Василь якъ звычайно пріялъ ихъ съ отвертыми руками. „Витайте! -- витайте милы гости! уже я васъ давно вызералъ, -- просиме ближе!“ казалъ Василь на встрѣчи съ ними.

„Ци и теперь мого Осифа такъ пріямаете у себе якъ перше?“ спросилъ Михаилъ.

„О все, все!“ отповѣдалъ Василь: -- „што то мы за нимъ нажаловалися, -- а Ганця што наплакалася! О барзы тѣшуся, што пришлисте, -- та ци не докончиме разъ весѣлья?“

„А якже? повѣдаютъ, же дасто Ганцю на Макованю?“

„Ә ле ганць, де бы им ю такъ далеко давали. Правда, честны люди и богаты, бо такъ и протарь въ того сена мѣ повѣдаль, та и видно по нихъ, отъ и на яръ таку кригу овецъ собѣ гналъ, же въ насъ и найлѣпшій газда ей не мае, — але што зъ того? Отъ такъ бесѣдвалюся, жебы нѣтъ якусь честь зробити. А теперъ добрѣ, што Осифъ дома. Они жеже придуть еще або нѣтъ, а тымъ часомъ жеже буде и чо весѣлью.“

„Добрѣ бы то бымо, — и мы рады, кобы то нѣтъ найскорше, а вамъ дякуеме за добре сердце и ласкаве слово!“

„О того ле треба — заразъ по Петровѣхъ было бы найлѣпше зробити весѣлья, — але позволенія еще нѣтъ.“

„Нѣтъ еще — но, го моя рѣчь, о того я буду старатися, — а вы южь ходьте коло весѣлья.“

Такъ говорили межъ собою оба други Михаилъ и Василь. Мариська и Параска притакивали тому, а Осифъ и Ганця слухали. Ганця привитала Осифа такожь мило и краснѣ.

Съ соизволеніемъ однакъ трудно ишло, понеже въ доминіи сказаль сендзя Хомѣ, шо не може дати Осифови позволенія до женитьбы, закѣтъ справа его не скончится; а коли таа скончится, то еще буде вопросъ, чи Осифъ, который такое зрѣбилъ прѣступленіе, достойный позволенія?

Осифъ и Ганця.

Коли довѣдаяся Осифъ, шо сказаль сендяво позволеніи для него вступити въ бракъ, зажурлся дуже, — и нигде не мѣгъ найти собѣ покоя. И Ганць не посѣщаль, лишь нарёжалъ на свою долю, шо му Богъ далъ полюбити доброе дѣвча, а не дозволяє съ нею соединитися; онъ жаловалъ, шо заручился съ нею, и тымъ опосѣбомъ робить дѣвчинѣ завѣдъ, понеже она бы за инного пойти могла. Дивныи страданія томили его, — онъ жалѣлъ и надъ собою и надъ Ганцею. Гадка, шобы Ганця поѣти жопла за много и не была бы его женою, — была для него смертію, а за другой стороны, коли pomysль часомъ, шо Ганця могла бы и за инымъ снаставою а може еще и счастливою быти, понеже она бы могла поѣти за солтыса, та не робила бы паньского, то стало ему каменемъ тяжко на сердци: „да шо я ей завѣдъ роблю?“ казалъ самъ до себе. — Помыслилъ не разъ, шо купить собѣ солтыство, — но кто знае, чи при такихъ обстоятельствахъ, яки теперъ суть, если-адѣсть буде мати доминія, чи допустять до того, абы купиль собѣ солтыство?

Такими гадками занятый и томленъ, ходилъ Осифъ замысленый и нудилъ собою и овѣтомъ. Ами Ганць не посѣщаль, бо коли собѣ на шо спомнугъ, ставало му тяжше на сердци.

Однаго дня прибыла она до Ганца, которая елика дома приходилась, понеже все пошли были на спать.

„Якъ ся живешь Осифе! — давно тя не видати у насъ,“ крикнула Ганца узрѣвши его.

„Правда, же давно“

„А то чому?“

„Яка моя доля. Днесъ пришолъ емъ съ тобовъ проститиса.“

„Хиба не идешь?“

„Иду.“

„Демъ идешь? — чи на долго?“

„Демъ? я самъ не знаю де. Иду въ свѣтъ счастья глядати, бо то ту не маю.“

„Што ты бесѣдуешь? я тебе не розумѣю.“

„Што чуешь, — идугеть, бо ту нѣтъ для мене счастья, лежъ пришолъ емъ съ тобовъ проститиса, и просити, жебысь со мною въ гнѣвъ не розставалася.“

„Я ся на тебе не гнѣвала и не гнѣваю, и рада бымысь ся николи не гнѣвати, — але якъ же то мене покидаешь?“

„Ты останешъ при добрыхъ родичахъ, — отдашься за иншого и будешь счастлива.“

„Теперь вижу, што правду повѣдала мѣ Варвара, же ты мене не любишь и демъ женитиса малъ, бо ти казали!“ — и расплакалась при тыхъ словахъ Ганца сердечно.

„Ганцю! . . . Ганцю!“ отозвался Осифъ, и густыи слезы покотилися по его лицу; — дальше не могъ говорити. — Такъ плакали обое черезъ ханлю. „Ганцю моя — ты але о мнѣ судишь, але я не хочу тобѣ быти передоною въ счастье!“ говорилъ по хвидѣцѣ Осифъ.

„Тѣ ми лицаешь? — колижь ты узрѣти словъ?“

„Въ домъ Бога воля. Якъ найду долю и... то мя узришь, а если нѣтъ, тогда... не знаю... . Теперь на отходне подай менѣ хоть руку.“

„Осифъ бойся Бога!... хоть демъ на мене не забудь!“ дрогнула съ бѣдою черезъ слезы Ганца и подала руку.

Осифъ отиенулъ руку Ганца, — и отойшоу; Ганца смотрѣла за нимъ, але не могла черезъ густыи слезы его видѣти. Опустила бѣдна руки на лоне, и замучалась глубоко, а слезы выются та льютъ по лицу. Межи тѣмъ солнце вашло за гору. Въ гору озавался великий зѣбъ вѣснчи, шо сѣдуючого дня свито, — Ганца зпала на землю, маршила три помвоны, и стала сердечно молитиса, — и лекше атамо ей въ груди. Испытавши той разъ силу молитвы, глядела она всегда у ней приближати, коли кляжмо стало ей на сердци, и дивно, што николи не заболела.

Не разъ — не десять повторяла собѣ Ганця бесѣду послѣднюю съ Осифомъ, чтобы догадаться, що онъ намѣрие, но все не могла ся толку добрати. Найвѣроятнѣйшимъ здавалося ей то, шо ю Осифъ уже со всѣмъ покинулъ. Оповѣдала она то и Варварѣ, до которой набрала была мимовольно мало привязанья, но тай лишь того потребовала. „Не повѣдала я тебѣ того? ты ино мѣ вѣрь, онъ не хоче ся съ тобовъ женити. Ого и то, же сендзя не хоче дати позволѣнья, ничія ино ихъ самихъ справка; старый Хома нарокомъ подмовилъ сендзѣго. О я знаю! Боже дай, чтобы ты скорше отдалася, якъ онъ оженится, то я бы ся тѣшила; — ой кобы тотъ паробокъ зъ Маковицѣ пришолъ, — Ганцю, яка бы ты счастлива была, бо то богачъ! тамъ бысь была до смерти старыхъ, а потѣмъ бысте собѣ купили ту перше солтыство, хоць де и смѣяла бысь ся зъ Хома,“ — отвѣтила на тое Варвара; — тай нужь дальше свои стари рѣчи плести на родину Хомѣвъ.

Отъисканіе.

На успеніе пр. Богородицы былъ праздникъ храма въ томъ селѣ, где жилъ Шемела. Множество народа зъ сусѣднихъ селъ стеклося на той праздникъ; въ церкви и около церкви не дай Боже ся пропхати. По Богослуженіи забирають честни газды то сродныхъ, то кумѣвъ, то пріятелей, то знакомыхъ до себе на гостину. Шемела повѣлъ до своего дому родину своего пріятеля Хома, — бѣльше гостей было у него звычайно на по-праздничі, — тому и Хома не отходили, хiba ажъ на третій день. Сего года — хотя и при празднику та гостинѣ не было въ домѣ Василя такъ весело, якъ по инныи лѣта бывало, — томужь и Хома другого дня заразъ рано отѣйшли домѣвъ.

Кто знае, чи зайшли уже домѣвъ, — якъ на подвѣрью Шемелы станули другиі гості — зъ далекого свѣта. Было ихъ пять, а всѣ мужчины и всѣ на ксяхъ — четири старыи а одинъ красный молодець. Если собѣ припомнимъ, шо уже разъ видѣли мы такихъ самыхъ гостей у Василя, — суть то ти сами зъ Маковицѣ. Не треба затѣмъ толковати, шо они за одни, ниже въ какой орудцѣ они ту пріѣхали, бо мы то уже знаемъ. Навѣрно они про праздникъ не могли рано зъ дому выѣхати, — про тое переночовавши гдесъ въ дорожѣ пріѣхали передъ полуднемъ до Василя.

Василь пріялъ ихъ своею звычайною гостинностію яко уже знакомыхъ гостей; — въ серци же не дуже былъ имъ радъ, понеже зналъ, въ какой цѣли они пріѣхали, а намѣреніе его съ Ганцею было инное. Шожь ту съ ними дѣлати? шо имъ сказати? Если бы хоть Осифъ малъ се изволеніе, або бамъ ту былъ, — а то гдесъ пѣйшолъ и кто знае, шо съ нимъ водится. Тяжелая гадка насунулась на Василя, но онъ того не далъ по собѣ пѣзнати, и разомъ съ своею супругою гостилъ прибывшихъ, якъ въ праздникъ годится. Прійшло и бѣльше гостей, — такъ, шо бесѣда велася о чемъ инномъ, а о сватѣбѣ ани слова; лишь Варвара кликала Ганцю все то до коморы, то на

огородъ, и тамъ выхваляла Маковицкаго паробка, якій онъ хорошій, якій красный, и якій богатый — а добрый, — а милый, — а на все придатный; где-где ани сробнати Осифа съ нимъ, а якій его отецъ милый, — а якъ то за Бескидомъ мило, — якъ то красно буде для ней, если она скорше отдасться, нежь Осифъ оженится — и инны подобныи рѣчи плела. „Ганцю! скоро ино ты звѣдаются, чи хочешь его? кажи, що хочешь, що поѣдешь за него,“ казала Варвара: „и проси, щобы весѣлье было якъ найборше.“

Коло вечера, — розойшлися гости, и остались лишь Маковичане. Теперь сказалъ дякъ цѣль своего прибытія, и увѣдомилъ Василя, що мають и письмо отъ своего панъ-отца. Письмо тое было запечатано и до Приходника того села подписане „Добре,“ отвѣтилъ Василь: „теперь не могу ничего казати, закѣмъ письма не прочитають нашъ панъ-отецъ, — будемъ видѣти, шо тамъ стоитъ. Але днесъ уже пѣзно ити до панъ-отця, бо они богослуженіемъ праздничнымъ знужени, а къ тому и гости отъ не давно розѣхалися, — та видишь, еще ктось зъ родины и есть.“

„Най буде и такъ,“ отвѣли Маковичане; — тай поговоривши немного и повечерявши поѣли досыть вчасно спати, бо то на дорожѣ мали дуже коротеньку и невыгодну нѣчь. — Василь же пошолъ вечеромъ до панъ-отця, и просилъ о службу для себе на завтра, абы Господь му далъ счастливо вывязатися зъ того клопоту.

Слѣдующого дня рано передъ обѣдомъ еще выѣшли Маковицкіи гости на поле далеко, обозрѣти нивы, луки и пасовиска, та зайшли ажъ тамъ, где Янко кони пасъ подъ лѣсомъ, абы видѣти, якъ ту люди газдуютъ, якое збѣже у нихъ, якіи урожаи, — звычайно якъ газды. Межи тѣмъ пошолъ Василь съ Марискою и Ганцею на службу Богу до церкви. Но цѣломъ селѣ рознеслося, шо у Василя иноши зъ-за Бескида, и всѣ были любопытни знати, шо тѣжь Василь зробишь.

По обѣдѣ за хвляю, о ту пору, якъ худоба зъ поля повертае, поѣшли Маковичане и Василь и Мариска и еще двоихъ сусѣдовъ до Приходника; — Ганця осталась дома съ Варварою, и ожидала нетерпеливо, шо тамъ рѣшится, бо уже ю добре Варвара переробила. — Приходникъ пріялъ ихъ мило, где шо вопросилъ, а потомъ свѣдался за письмо ихъ Приходника. Войнаръ выналъ зъ череса письмо и далъ панъ-отцу, а тамъ стояло такъ:

„Всечестивѣйшій братево Христь! На желаніе моего прихожаннина Войнаря и на Ваше письмо, которое я почтою передъ трема седмицями получилъ, — довошу Вамъ о отношеніяхъ Войнаря слѣдующее: Войнаръ Николай есть газда въ моемъ приходствѣ, посѣдае полъ орека або по Вашему полъ ролѣ красной землѣ, газдѣвство у него дуже хороше, худобы и збѣжа есть, хижа добра, нова еще, такъ, шо онъ може есть найбогатшій въ моемъ селѣ. При томъ есть онъ честный и спокойный газда, жие съ супругою своею и въ громадѣ мирно и нравственно. Шо же касается Янка — такожь есть

правдивый и добрый хлопец, — не то о немъ вѣсти вамъ подобаетъ, що не есть онъ рѣдкимъ сыномъ Николая, а лишь принятымъ. Дванадцать и одинъ дѣтъ тому, якъ его, яко маленьку дѣтину принесли на рукахъ съ Красного Брода. Николаева супруга казала, що его тамъ найшла, и выховали его, понеже своихъ дѣтей не мали и не мають. — При той способности приймѣть отъ мене выраженіе достойного почитанія и пр.“

„Эй та-то намъ тогда згинула дѣтина — нашъ Ваньо!“ крикнула Мариська.

„Нашъ Ваньо! — то Ваньо муситъ быти, бо черезъ кольца дѣтъ во было чути о томъ, щобы яка дѣтина згинула кромѣ нашего Ваня,“ говорилъ Василь, и кинулись обое на шію Янкови: „то ты наша дѣтина! ты нашъ сынъ, що агинулъ былъ!“ Потомъ приступилъ Василь до Войнаря та сердито сталъ кричати забывши навѣтъ на то, що Приходникъ при томъ стоитъ: „То вы намъ вкрали сына — вы! ходьте заразъ до домины, и отдайте намъ нашу дѣтину.“

Всѣ присутствующіи здурѣли, а Войнарь побѣлъ якъ хуста, и видно, що до чогось почувствовался, понеже ноги подъ нимъ задрожали, и онъ онерся о стѣну та на палицю и не отвѣчалъ али слова Василеви. И кто знае до чого было бы вріишло, если бы былъ Приходникъ не вмѣшался въ тое: „Тихо-но Василю, заждѣтъ, якое то буде,“ — и казалъ Войнареви оповѣсти цѣлое дѣло. Войнарь видячи, що уже не утаится, сталъ оповѣдати тое, о чемъ еще ани Янко не зналъ. Оповѣданіе его що до дѣла, времени, мѣста и иныхъ обстоятельствъ совсѣмъ было сходне съ тымъ, якъ Мариська утратила Ваня, — такъ, що яснымъ было, що Янко есть сыномъ Василя и Мариськи. Василь то цѣловалъ Янка то отгражался на Войнаря. Выслухавши тое, Приходникъ такъ сказалъ до нихъ:

„Василю не злостѣтся и не гнѣвайтесь, — дѣпше благодарѣтъ Бога за то, що вамъ сына назадъ далъ. Правда, що малисьте велику грызоту, але теперь за то ваша утѣха его разѣвъ бѣльша, за тое не малисьте съ гнѣмъ труда ховати его, бо вамъ го выховали красно и добре, и для того не мають причины гнѣватися теперь на Николая, коли все добре. Та была Божа воля, — а вы на томъ заробили, бо вашъ сынъ мае свѣй мастокъ отъ Николая, а вашъ мастокъ есть для молодшого.“

„Такъ есть, все мое для Янка и теперь, хотя его отберете отъ мене,“ отозвался Николай.

„Та правда же такъ,“ казала сусѣды: „не гнѣвайтесь Василю, роздумайте иво надъ томъ.“

„Та такъ и я повѣдаю; — слава Тибѣ Господи!“ отповѣлъ Василь.

„Но видите, сказалъ приходникъ. Теперь же погодѣтся съ собою сами безъ судовъ, мирно, безъ гнѣву и крику; я мышлю, щобысьте Янка оженити ту съ якою дѣвчиною, а потомъ най иде на Маковицю газдовати, — най

тамъ доховае до смерти тыхъ, що го выховали, а по ихъ смерти може ту перенестися, — а вы Николаю, позвольте му шо-рову на якій часъ отвидѣти родичей своихъ.“

„Чошь нѣтъ коли лемъ схоце,“ отвѣтилъ Николай.

„Но такъ — згода?“

„Такъ есть, добра ваша рада панъ-отче!“ сказали всѣ, и поцѣловавши руки Приходнику отойшли.

Законченіе.

Ганця не могла дожидатися поворота отъ Приходника, — такъ бо то молоді люди все не терпеливи — а коли ихъ долго не было, то стало якось тоскно въ ей груди. Приходятъ въ кѣнці, — а Василь кличе Ганцю: „ходи-но доню! твоѣй брагъ Иванъ нашолся и прійшоць,“ и показуе на Янка, що то ей братъ. Ганця стала недвижна и не знала, що се таке, — но потомъ таки дѣзналася, що Янко то вѣрно ей братъ рѣдний.

Описалъ бымъ вамъ состояніе Ганцѣ, но мое перо не здужае того; бо представте собѣ мои красавички: О васъ старается якій женихъ молодой и гарный, и моторный, и вы уже готови ему одати свою руку; въ-томъ до-вѣдаетеся, що то вашъ братъ и до того еще рѣдний; — вы его стали любить иначе, а теперъ треба любить любовію братнѣю. При всемъ томъ Ганця была навѣтъ и удовлетворена по той причинѣ, що вывязалась зъ борбы съ самою собою. Але Янко, Янко — днѣ такъ розлюбился въ Ганцѣ, тѣлько про ню страдалъ долше якъ черезъ рѣкъ, — а теперъ довѣдуесь, що то его сестриця. Га — подумайте собѣ о томъ, — я вамъ описати не годенъ.

Василь уже не сердился на Николая, якъ то въ первомъ запалѣ былъ зробилъ, — и тѣшился и цѣловалъ Янка, а гостей засадилъ за столъ и угощаль. Заразъ послалъ онъ и по бѣльше гостей, и по Хому съ женою, и былъ третій день праздника у Шемелы. Тутъ стали радити, що теперъ дѣлати, бо Янко уже принадлежалъ своему рѣдному отцю Василю. Войнаръ просилъ, чтобы ему Янка лишити, чтобы его смерти доховалъ, за то обѣцалъ Янкови все що мае лишити. Мѣрковали то люди и на всѣ стороны розбирали; вкѣнці присталъ и Василь на тое. Лишь желалъ, чтобы Янко женился ту въ Галичинѣ и часто посѣщаль своихъ родичей. „Съ охотою пристаю на тое,“ сказалъ Николай: „лемъ найдте му жену.“ Тай стали думати, глебы оженили Янка. „Я не хочу вѣна и богатства, бо я тое дамъ, тѣлько штобы была добра, честна та згодна,“ казалъ Войнаръ. Думали то о той, то о сей, — ажъ ось озвалася Ганця: „Я ему выберу жену, што певно буде добра, — Олена Волкова буде для него добра, — она така любя, а ничъ не завистна, о я знаю, якъ она со мновъ была.“ И въ самомъ дѣлѣ она одна Ганцю потѣшала, коли тая тужила за Осифомъ, и не чарнила его передъ нею.

„А правда,“ отвѣтили родичи: „правда, то буде добра жена для него, — и съ певностевъ пѣде, бо ихъ есть бѣльше дѣвчатъ.“

Коли тое договоривали, вбѣгае Осифъ до хаты задыханый, и кладе паперъ на столъ: „Но, славити Господа! уже есть позволѣнье, — то мене стоило труда, але не жалую, бо есть.“ — И была радѣсть велика въ родинѣ Шемелѣвъ, а Варвара и сѣ товаришки гей бы змыты.

Маковицки гости отъѣхали домѣвъ, но не всѣ, понеже Янко остался у своихъ родичей. Коло Покровъ были сновъ тѣи сами гости и привезли съ собою еще Войнареву стару на весѣлье до Шемелы, коли вѣнчали Ганцю съ Осифомъ, а Янко былъ дружкой. А що за хороше весѣлье выправилъ Василь своей донцѣ. Що тамъ была за гостина, — и панъ-отець съ сыномъ посѣтили тое весѣлье; — а приборы у Ганцѣ красни: нова мента зъ красныхъ лисѣвъ зимовыхъ, тонкимъ синимъ покрыта сукномъ, сподница шолкова зелена со серебрянымъ галеномъ доломъ, сорочка колиньска красенъко вышивана, сафяны ажъ зъ Дебрецина, -- а коралий нитокъ уже и не знаю кѣмъ было. Вѣнецъ выплели ей дѣвчага зъ барвинку, навѣтъ зъ поповства дали цвѣтѣвъ до него, и ряса зъ богатого ѡвса, а стяжки яки тамъ были! Коли заспѣвали свашонки:

Кланяйся Ганцю татови, мамонцѣ

И вшиткой родинонцѣ!

то всѣ плакали, а наибѣльше Ганця — та рѣдная ненька. И Войнаря съ женою посадили на столецъ, где сидѣла родина, а стеренькый тѣшился, — але коли Ганця клякла передъ него, чтобы ю благословилъ, и показалася ему на вѣнку стяжка, що то купилъ былъ для Ганцѣ на Монастыри — расплакался въ голосъ старенькый.

За тыждень было сновъ весѣлье Янка съ Оленою, — миле и сердечне, шо ажъ сердце радовалося. Янко поѣхалъ съ женою на Маковицю, — а Ганця до тещи. — Добре было Ганцѣ при тещи, бо Параска берегла ей якъ ока въ головѣ, — еще бѣльше ей жаловала въ работѣ якъ рѣдна мати. Теперь познала Ганця якъ щирми были ей подруги, а Богу не могла передаяковати, шо такъ добре пошла за-мужъ.

Янко посѣщалъ каждого года два або три разы своихъ родичей съ женою. За шесть лѣтъ поховалъ онъ своего покровителя Николая, который два лѣта уже жилъ вдовцемъ, — продалъ потомъ все имѣние на Угорщинѣ и переселился въ Галичину къ своимъ родичамъ, где купилъ собѣ солтыство, — ѣздилъ ино за душу своихъ покровителей отправляти панахиду на ихъ гробѣ.

Въ письмѣ писался Янко по отцу Шемелю, а люди называли его Маковицкимъ Янкомъ, — такъ и зостало ему потѣмъ у народа тое имя, — а дѣтей его уже и въ книги записали на имя Маковицкихъ.

Алексій И. Торонскій.

СЕЛО КАМЕНКА ВОЛОСКА.

(Статья етнографическая.)

I.

Село тое положене въ Галичинѣ, округѣ Жолкѣвскѣмъ, повѣтъ Равскѣмъ, по obu сторонамъ гостинца Варшавско-Львѣвскаго и рѣки Каменецкой, въ отстоянію пяти и пѣль миль ътъ Львова. Границѣ его суть: ътъ востока села Пристань и Бестѣды, ътъ юга Добрусинь и Руда Магерѣвска, ътъ запада Улицко и мѣсточко Пѣтеличь, а ътъ сѣвера мѣсточко Рава и села Голе Равское, Гѣйче и Вѣлки Мазовецкіи. Каменка Волоска есть наибѣльшимъ селомъ Галичины, бо обнимае 21,000 австрійскихъ моргѣвъ, то есть, бѣльше якъ двѣ миль квадратовыи, — отже мало що меньше, якъ цѣлое удѣльное княжество Лихтенштайнъ. Средняя долгота села того ътъ запада къ востоку выноситъ цѣлыхъ три миль, широта же ътъ сѣвера къ югу три чверти миль. На той то просторони находится 1226 домѣвъ, два дворы, три парохіальныи церкви (съ шести священниками), двѣ тривіальныи а двѣ парохіальныи школы, два водныи млыны, двѣ винницѣ (горальнѣ), 18 корчемъ и австерій, 980 грунтовыхъ господарей и 6250 душъ, зъ котрыхъ суть 6000 обряда гр. к., 100 обр. лат., а 150 жидѣвъ.

Назвиско Каменки выводятъ ътъ великанскихъ камней, на сѣверо-западныхъ горбкахъ села того пороскиданныхъ, котрыхъ величина, множество и видъ дивогляднѣи высокое впечатлѣніе дѣлають, а котры изъ далека развалинами великаго якого города быти выдаються. Волоскою называеся Каменка ътъ первыхъ основателей села того, Волохѣвъ. Давнѣйше (неразъ же и теперь еще) называли село тое Каменкою ътъ золотой бани, а то пѣсля позолоченои банѣ на церкви парохіальной обр. лат. въ Жолкви (двѣ миль ътъ К. В. отстоящей), котрую, хотя теперь значительно почернѣла, народъ за чисто-золотую и за велике чудо уважае.

Що до камней, на сѣверо-западныхъ горбкахъ Каменки пороскиданныхъ, то характеристичне о нихъ есть слѣдующее: они положены суть на верху землѣ, стремя въ ней меньше-бѣльше, ато одни группами, инны же порос-

киданы по одному. Бóльша зъ реченныхъ группъ, зовимая Чортовецъ, находящаяся на нивѣ зовимой Чортомары, занимае около трехъ моргóвъ, на которыхъ около пять сотъ камней, а то частію оленъ при другóмъ, частію же меньше-бóльше óтъ себе óтдаленны лежатъ. Найбóльшіи одинокии каменѣ суть четыре до пяти сажней долги, три широки, а пóлтора сажня надъ землю высоки; первоначально же мали гденекотрыи изъ нихъ далеко бóльшіи быти, гденекуда бо отвѣтствуютъ собѣ противоположныи краѣ лежащихъ коло себе двоухъ, трехъ, або и четырехъ камней такъ точно, же они самы очевидно лише частями одного, ту на мѣстци розломаного камня быти выдаются. Каменѣ тѣмъ лежатъ плазомъ, въ направленію долготы по найбóльшой части сѣверо-южнóмъ, на верхахъ горбóвъ, або на стокахъ ихъ (найчастѣйше сѣверныхъ), относительно же до цѣлого ряда горбóвъ, продолжающогося въ направленію юго-сѣвернóмъ óтъ Львова къ Пóтеличу, на восточнóмъ стоцѣ тѣхже. Они суть не много позаокругланы, мають по собѣ ровки (происходящии правдоподобно óтъ тертя плынувшихъ колисъ коло нихъ массъ), котрыи теперъ уже не идуть горизонтально, но въ различнóмъ направленію укосно. Що до сложенія суть то грубо-зернистыи, чистыи, сѣраво-або рожаво-бѣлыи пѣсковыи каменѣ, не мѣстящии въ собѣ жадныхъ мушлей. Спойность однихъ дуже тверда, а поверхность стеклообразно лоснящанса; инши же суть лише на верху не много тверды, въ серединѣ же зерна пѣсковыи свѣжого рзлома рукою легко растирати даются. Зъ того обстоятельства, же сего рода каменѣ въ поблизкихъ горахъ версвами нигде не находятся, а въ Вишенцѣ (о три милѣ на югъ) и Каменцѣ Струмиловой (въ óтдаленію четырехъ милѣ къ востоку) тѣмже образомъ, якъ въ Каменцѣ В. пороскиданы стремлять, заключаемъ съ вѣроятностію, же они належатъ до ряда камней при былыхъ (eggratische Blöcke), нанесенныхъ изъ далека (може ажъ изъ Финляндіи, если описанныи óтъ Пуша и Сташица скалы гóръ Сандомирско-Келецкихъ не суть тогоже самого рода). Народъ розказуе собѣ, же то злыи духи хотѣли зъ тѣхже камней замокъ (пóсля иногo толкованія церковь въ честь ихъ начальника) поставити. Но коли возносилися съ ними надъ Каменкою В., запѣлъ когуть, а то принудило ихъ, каменѣ на мѣстце, теперъ ними занятое, пустити *).

Каменка В. не составляе одно безпрерывное поселеніе, но на цѣлой великой просторони, занятой нею, пороскиданы суть хаты однакимъ образомъ по одной, по двѣ, три, а найбóльше тридцать хатъ въ купѣ. Такихъ группъ поселеній, зъ котрыхъ каждая мае свое назвиско, находится въ Каменцѣ В. 140. Остатняя хата на юго-западѣ К. В. отстоитъ тому óтъ остатной на сѣверо-востоцѣ двѣ милѣ и три-чверти въ воздушно-простой линіи.

*) Мѣсто Львовъ сдѣлало угоду, о выкопанье сихъ камней на брукъ, и не долго уже будетъ тѣшитися страннымъ ихъ видомъ.

Розсѣяны хаты Каменки В. подѣлены суть на такъ зовимыя урочиска, которыя собою будто поединокія сельца составляютъ; урочиска тѣя зовутся:

1. Старе-село)	состоить изъ 164 хатъ*) .
2. Дубрѳвка)	" " 55 "
(3. Липникъ	" " 120 "
(4. Березина .	" " 54 "
5. Пѳмлыновъ)	" " 76 "
6. Мощанна)	" " 18 "
(7. Голе	" " 50 "
(8. Крушина .	" " 53 "
(9. Пѳльце	" " 37 "
10. Буди)	" " 90 "
11. Криве)	" " 77 "
(12. Мелява	" " 36 "
(13. Ператинъ	" " 82 "
14. Бѳжѳвъ	" " 160 "
15. Боброѳды	" " 154 "

Цѣля Каменка В. подчинена правленію осми вѳйтѳвъ. При послѣднѳмъ помѣрѣ г. 1854 подѣлено село тое на два податковыя тѣля: Каменку Волоску (западно) состоящую изъ девяти, на первомъ мѣстци выше положенныхъ урочискъ, и Каменку Лѣсну (восточну) состоящую изъ прочихъ шести урочискъ. Въ отношеніи душъ-старовничества подѣлена Каменка В. на три гр. к. парохіи: Старосельскую съ церковью пар. на Старѳмъ-сельѣ, Липницкую съ церковью пар. на Липнику и Лѣсную съ церковью п. въ Боброѳдахъ. Училища тривіальныя суть въ Боброѳдахъ и Пѳльци, а парохіальныя въ Старѳмъ-сельѣ и Липнику.

III.

Поверхность земли въ Каменцѣ В. есть на восточной бѳльшой части рѳвна, 700 стопъ надъ море вознесена; западно, меньшу часть ея (Старе-село, Дубрѳвку и часть Липника) составляютъ горбки, изъ котрыхъ Волковица около 380 стопъ по-надъ окружающую рѳвню, а 1080 ст. надъ море возносится. На западныхъ горбкахъ принадлежатъ тѣнистыя, вонящія дубровы, холодныя керницѣ, чистый, пѣнїемъ различныхъ птицъ разбудженный воздухъ до милой прогулки. Станувши тамъ на поросшой игловатымъ та листовнымъ лѣсомъ Волковицѣ споглядаемъ по-за пропастистыми, крутыми дебрами по правой сторонѣ на выше упомянутую дивоглядную купу каменей, похожихъ на муръ предѣчного замка; низомъ пересуваеся межъ дубровами товарина, дальше возносится зѣ-по-межъ мигѣйшихъ садѳвъ сивавый дымъ изъ хаты селянина, а на долину, орошенной серебристымъ,

*) Урочиска, соединенныя скѳбками подчинены суть подѣ одного вѳйга.

мовь пояскомъ, Липницкимъ потокомъ, сіяють по лѣвой красныи муры двора, на опрятное мѣсточко походящій, по-надъ котрыи возносятся высокая баня мурованной Липницкой церкви. По правой сѣрѣ зѣ-помежь мрачныхъ бере-стѣвъ вторая Каменецкая церковь, за нею же бѣлѣють въ дали муры четырехъ-башневого замка въ Рудѣ Магерѣвской, посѣщанного колись многократно отъ Іоанна Собѣского въ часъ ловли; въ-около него пороскиданы бѣлока-менныи зѣ-помежь садѣвъ принадно прозирающіи хуторы, — а гень на лист-венномъ горбку блестяють три банѣ церкви Рудо-Монастырской. Рамою всего суть листовныи, розличновидныи, въ синой дали амфитеатрально губя-щіяся горбы, въ котрыхъ мрачныи тѣни запускается широкой гостинець, те-перь приватный, бывшій же колись старымъ головнымъ трактомъ Варшавско-Львѣвскимъ. Тѣмъ то гостинцемъ отпраляели колись цари и воеводы польскіи на челѣ войскъ свои походы; на входѣ до тѣхъ-то холмѣвъ, коло реченного замка пораженъ былъ г. 1657 Юрій Ракоцій отъ Стефана Чернецкого, котрое то пораженіе обыкновенно отъ сусѣдного мѣсточка Магеры, где Ракоцій стоялъ сѣчею, называеме бывае; и зѣ тамтыхъ-то вѣроятю времянь похо-дитъ могила, возносящаяся тамъ середъ лѣса, въ мѣстци, въ котромъ теперь и стежки не ма, вѣччанна старую, поврежденную капличкою. Подъ верхомъ Волковиць сгоитъ лѣсомъ осѣненная единственная корчма, много посѣщае-мое мѣстце прогулки для Равянь; не много же дальше зѣ-отси къ сѣверу указуется премилый до-недавна, а теперь сумный видъ погорѣвшой (дня $10/12$ Августа 1862) Руской-Равы, четверть милѣ зѣ-оттамъ отстоящей, а окру-женной лѣсистои холмами.

Милѣйше еще и любопытѣйше перейтися по горбкамъ на Дубрѣвцѣ. Минувши красный двѣръ и темноосѣненную Старо-сельскую церковь пускае-мся по-надъ берегъ крутого потока въ гору: по obu сторонамъ дивоглядныи каменѣ, дальше старобылого вида корчма, тамъ малѣвничо пороскиданы бу-дынки цегольнѣ; гаѣ зближаются и густѣють чѣмъ-разъ бѣльше, а передъ нами мрачѣе таинственный, гористый, дебрами пороздираный лѣсъ. Дальше и не видко поселеній люскихъ; одна лише хата, схованна середъ мрачного садка, бѣлѣе въ сѣнной зелени, отдѣленна листовныи горбами отъ прочого села и свѣта, передъ нею же роспространяется прекрасный видъ на долину, всѣми природы красотами сіяющую. Не ма, правда, въ томъ видѣ ничего не-звычайного; не видко ту величавыхъ мурѣвъ, ни дивачныхъ пропастистыхъ скаль, ни шумящихъ водоспадѣвъ, ни озеръ прозрачныхъ, по котрыхъ си-немъ зеркалѣ легкіи парусы гонили бѣ; видко — можъ бы сказати — лише долину, дерева и горбки: но що за пестрота рослинѣ по долинѣ, що за многорозличное угруппованье деревини и корчѣвъ, що за прелестныи виды все окружающихъ горбѣвъ, по котрыхъ листовной одежи играющіи солне-чныи лучи найрозличнѣйшии, а гармонійно сливающися] краски рѣсточили! Якъ милое согласіе пѣнія птицъ и голосѣвъ скотины; легкій, вонями дыша-

щій воздухъ, чистая журчащая вода крутого корчами осыенного потока, а середь тѣхъ красотъ природы до полусонной задумы принадлежащая, безгармонійныхъ свѣтовыхъ бездѣлій невкусившая самота — словомъ: красота, воня и гармонія, наполняющая роскошею всѣ чувства, же хочь бы вѣчно ними наповатись, а тяжко розстатися съ мѣстоположеніемъ тѣмъ такъ милымъ, идиллическимъ, якихъ не много надыбати лучится! Идемъ дальше, — лѣсомъ чѣмъ-разъ густѣйшимъ и бѣльшимъ веде стежка по-надъ потѣкъ, котрый помежь пропастистыми, простоотвѣсными, до шестьдесятъ стопъ высокими берегами тече; переходимъ его и стаемъ небавомъ въ малой котлинѣ, окруженной горбками, поросшими прекраснымъ листовнымъ лѣсомъ, середь котрого старый, высокий, червоно украшенный крестъ увагу нашу плѣнае; пѣдъ крестомъ широкая керница, котрой волны пѣсокъ изъ глубины вымѣтующи, поручемъ окруженны, а низше тогоже мостомъ покрыты. Въ водѣ множество галузокъ, а на поручу висятъ розличны куснѣ шматъ, умѣщенны ту руками изцѣлившихся отъ той воды. Тая бо керница есть то извѣстный „Самецъ“, котрого водѣ народъ свойства цѣлительны приписуе. Зѣ далека приходять недужны до него, и о всходѣ солнца, на-тще по три разы мыются въ немъ, скача въ него въ той самъ часъ, коли новая волна съ пѣскомъ на верхъ выплыне, маючи при томъ на памяти св. Евангеліе, ведля котрого въ овчей купели тѣи изцѣленны были, котрыи по возмущенію воды первыи до неи входили. Обмывшися недужный оставляе въ водѣ тое полотенно, котрымъ умывалси, будучи увѣреннымъ, же съ нимъ разомъ и недугу оставилъ. Передъ осьмнадцати лѣтами сходилиси коло той керницѣ процессіи изъ четырехъ сусѣднихъ парохій Старого-села, Потелича, Улицка и Руды Монастырской, котрыхъ то всѣхъ границъ въ томъ мѣстци сходятся. Св. писаніе повѣдае: „Никтоже пророкъ въ отечестви своемъ;“ такъ и „Самецъ“, положенный впрочемъ уже на Руденской земли, мало есть посѣщаемый ѡтъ Каменецкихъ, но наибѣльше ѡтъ посторонныхъ людей, котрыи неразъ о десять миль до него приходять и по три дни коло него бавлять.

Отъ „Самца“ идеса границею до инои, недалеко положенной керницѣ, зовимой „Маруся.“ Въ дебрѣ (уже на Каменецкой земли), поросшой грабиною, березиною, ивою, свидомъ, зостелиною, смородюхомъ, глодемъ, свербигузами, выстеленной блющемъ, копытникомъ, первѣсночками, брочемъ и иными достопамятными зблѣями, волнуе зѣ-пѣдъ примѣтного горбка зимнѣйша еще, якъ Самцева вода. Спомянутый горбокъ сложенъ изъ малыхъ, круглаво-вытертыхъ, найрозличнѣйшихъ родѣвъ камней: бѣлыхъ, зеленыхъ, желтыхъ, червоныхъ, черныхъ, кременей, наконецъ изъ розлично украшенныхъ жушлей. А такъ и рѣнь тая не зѣ окрестныхъ гѣръ скотилася, но въ предвѣчныхъ часахъ страшного наводненія прибыла она зѣ далекихъ-далекихъ сторонъ, пригадовати въ томъ-то мирнѣмъ теперъ, удлиненномъ за-

кутку древле люгѣвшіися страшныи революціи землѣ. Сего року мае надъ „Марусею“ капличка въ честь св. Владимира вымуроватися, що до украшения сего мѣстца не мало причинится.

Перейшовши назадъ потѣкъ, надыбуемъ численныи колодязе-образныи, неразъ до пятьдесятъ стопъ глубокии ямы, изъ котрыхъ гончарѣ, посуваяся въ земли коридоре-образно въ около, глину гончарскую добываютъ. Неразъ лучится, же яма мимо слабого забудованья (цимброванья) засунеса въ часть работы и живцемъ погребаетъ копающого въ ней робѣтника. Дня 8. Червня м. г. нашолъ ту (уже на Потелицкой земли) одинъ гончаръ симъ образомъ предвременный грѣбъ. Не много дальше зъ-ѣтси на сѣверъ приходимъ до мѣстца, въ котромъ добываютъ глину фаянсову (зовимую ту файфурскою) и каменный бурый уголь (Braunkohle). Рядъ бо горбѣвъ, протягающійся ѣтъ Львова ко сѣверу на Жолкву, Потеличь до границъ Россійско-Польской, на котрого восточномъ стоцѣ Дубрѣвка положена, состоитъ въ найнижшой, доси достигнутой верствѣ изъ червоного пѣсковатого камня вапнистого; на томъ лежитъ опока (Kreidemergel), дальше камень формации третерядовой, именно гипсъ, глина фаянсова, уголь земный бурый, камень млынскій, камень вапнистыи, туфъ вапнистыи, наконецъ же осады потоповыи и нанесенныи и орная земля. Въ Дубрѣвцѣ, положенной не много низше ѣтъ реченныхъ горбѣвъ, были формации третерядовыи, съ изъятіемъ лише найнижшихъ, водою змытыи, на ихъ же мѣстце осѣли осады потоповыи и нанесенныи. Глина фаянсова и уголь земный, находящіяся въ томъ то мѣстци, належатъ до оныхъ оставшихся третерядовыхъ формаций, до котрыхъ добратися не тяжко, понеже въ той цѣли жадныхъ верствъ каменныхъ, но лише осады пѣску и глины перекопавати треба. Найвысша гора того ряда есть круглый Гарай въ Любичи, возносящаяся пѣсля мапы Кумерсберга 1224 стопъ.

Зъ далека ѣтъ того мѣстца, где глину фаянсову и каменный бурый уголь добываютъ, уже видко превеликии, повздожныи копцѣ, высыпанныи изъ выкопаной землѣ; пѣдъ ними зѣяе пятьдесятъ стопъ глубокая, кольканадцать сажней широкая а предолгая пропасть съ просгоотвѣсными стѣнами, въ котрыхъ ряды сходѣвъ вырубаны. На стѣнахъ отличаются розлично украшенныи пасма верствъ землѣ, а въ глубинѣ чорнѣ межъ добывающеюся водою уголь, пѣдъ котрыхъ около пятьдесятъ людей морѣ муравлѣ одной копаютъ, другіи вывозятъ, инши воду черпаютъ и, сиди на сходахъ, черпало одинъ другому зъ рукъ до рукъ подаючи выносятъ.

Копаящій фаянсову глину купуетъ ѣтъ властителя поле, за котрое ему по шестьдесятъ новыхъ крейцарѣвъ ѣтъ кождого выкопаного корца глины платити пѣдоймаеся. Звычайно есть при копанію властитель поля надзиратель работы, ведя въ мѣстѣ контролю надъ множествомъ выкопанной глины, за що окроме тридцать и колька н. кр. щодневно зарабляе. Потому берутъ четьреугольную, кольканадцать сажней долгую и съ-только широкую яму,

а покопавши въ пятьдесятъ роббтника три до четырехъ або и пяти недѣль, приходятъ въ глубинѣ 35 до 40 стопъ на глину гончарску, подъ которою шесть до осмь стопъ груба верства угля земного лежитъ. Давнѣйше возили тойже до Львова на топливо; но понеже перевозъ не оплачуется, тѣмъ больше, же въ Скваревѣ, селѣ, двѣчи отъ Львова ближшомъ, такий самъ уголь добываеся, а въ мѣстци съ изытіемъ одного лише селянина никто того угля не употребляе, про тое днѣ въ реченной копальни яко нездалая перепона выкидаеся и съ прочею выкопанною землею мѣшаеся. Сожалѣти должны мы, же выкопанный уголь на окремишное мѣстце не складаютъ, може бо прийти часть, въ котромъ днѣ на мѣстци, або где не далеко зъ-отси дуже придатися мѡгъ бы. Подъ углемъ лежитъ шѣсть стопъ грубая верства „мулу“, подъ котрымъ въ глубинѣ пятьдесяти до шестидесяти стопъ отъ верха глина фансова верствою, одну до двохъ стопъ грубою положена. Глина тая употребляеся сама, або съ примѣсею подобной, но лѣпшой глины зъ Олѣва коло Сасова, въ Пѡтелици, Селискахъ и Любичи на робленѣе начинья фансового.

Еще малый трудъ! а выйдемъ на найвышшій верхъ горбѡвъ Дубровецкихъ; трудъ правда — но днѣ забудеся за видѡмъ, роспротраняющимся въ-около изъ него: На западѣ многочисленныи гористыи верхи въ найрозличнѣйшой постепенности отдаленія, вида, умаенія и украшенія, — тамъ извѣстна намъ Волковица, за нею пѣвняе око межъ многими иными высока гора Верхратска, посившая колись найдавнѣйшій по живнью гденекотрыхъ монастырь Василянскій въ нашѡмъ краю, посѣщаемая теперь ще многочисленными богомольцами; тамъ горы Брусенскіи, по котрыхъ расходится отгонтъ отъ молотѡвъ въ рукахъ Италіандѡвъ, котрыи изъ нѣдръ еи десять-сотнаревыи кубическіи каменѣ для желѣзной дороги вытесуютъ; тамъ гора Пѡтелица, вѣнчанна древле колись крѣпкимъ замкомъ, по котромъ лютоствѣ Татаръ заледва глубокимъ ровашъ даля остѡятися; тамъ снова гора „Высока“ съ блестящими банями церкви у стока еи; тамъ середь численныхъ содругѡвъ „Красный верхъ“, носящій издѣльницу стрѣльного пороха, и пракомъ темрявой древности осѣненная гора „Городище“, съ просторными окопами на верху; дальше „Побѣйна“, гомонѣвщая колись воинственными восклицаніями Татаръ и козаковѣ, у слѡда котрой бѣлѣютъ далековидныи вежи монастыря Крехѡвского, дальше глубоко пороздраныи Глинскіи дебры, надъ котрыми возносится высоко дѣмъ, происходящій изъ найлѣпшой въ нашѡмъ краю фарфурѣ; на крайномъ же концѣ Собѣскимъ прославленный „Гарай“ коло Жолкви. Полколье вида востѡчное составляе долина, а не однообразная долина; но умаена всеми многорозличнѣйшими предметами и красотами: на краю сѣверномъ бѣлыи муры Равы, на южномъ же вежи Жолковскіи ясно играютъ въ солници; въ серединѣ вся Каменка съ еи дворомъ и церквами, Руда съ замкомъ и хуторами; дальше надъ лѣсами муры Угнова, Мостѡвъ и многихъ дворѡвъ, сады премногихъ селѣ, дуги,

поля, лѣсы, — ажь гдѣсь гень далеко губится ослабѣвшее око въ далекой Польщи, въ Золочѣвскѣмъ, Львѣвскѣмъ, где въ синей дали земля и воздухъ въ одно мовѣ сользялися.

Иный образъ представляе восточная часть Каменки. Тамъ за здающоюся не мати конца путаниною купокъ осѣдлости селянъ, середь котрыхъ чужому по безчисленнымъ крижующимъ дорогамъ тяжко зборіентоватися, темнѣють на сѣверо-восточной части Каменки мокри, лугами и тростинами попередѣяны боры; многіи Каменецкіи потоки, соединенныи ту съ Ратою, розливаются на бѣльше якъ полъ милѣ въ ширь въ западающіи трѣстья, поросшіи высокою рѣзую, а поперегинаны въ различныхъ направлєніяхъ болотнистыми стругами и затоками. Лѣтомъ ховаеся тамъ безчисленное множество птицъ, ѳтъ котрыхъ различнообразного пѣнія, кованья, пискотанья и гуку ведея выраженія народа „лѣсъ ходитъ“; тамъ заходятъ изъ далекихъ лѣсовъ, котрыи ѳтъ упомянутого на кѣлькадесять милѣ ко востоку непрерывно продолжаются, дики, волки, серны, борсуки; въ водѣ плюскаются изобильно рыбы, раки, мѣстцами же выдры и черепахи, а по болотамъ, именно надъ творящою восточную границу Каменки рѣкою Бѣлою, пѣявки; по полямъ часто можъ надѣбати ѳжи, а по хатамъ гденекуда домовыи ужи. Давнѣйше мали тамъ пребывати медведѣ, рысь и бобры, теперъ бо еще зовесе тамъ одна сѣножать „медвежіи лозы“, иная же „рысьи лозы“, а одно урочиско „Боброѣды“ *). Въ осени стоятъ на тѣмъ такъ зовимѣмъ „лузѣ“, продолжающѣмся по-надъ берегами Раты далеко на волостяхъ сосѣднихъ селъ, безчисленное множество стоговъ сѣна, котрое ажь по леду можъ звести, давными же часами хоронилися ту жителѣ съ добыткомъ передъ нападами лютыхъ Татаръ.

Земля есть въ Каменцѣ В. иная на восточной, а иная на западной еи части. Въ восточной части есть она пѣсковата, въ найнижшихъ же мѣстцахъ иловатая, або глиноватая; на ней удаеся жито, горохъ, бульба (зовимая ту „болъба“ або картохъ), а гденекуда чеснокъ яко-такъ, пшениця же (съ изыатиємъ ярои) и овесъ слабо, або со-всѣмъ не родятся. Причиною лихоты грунту тыхъ сторонъ есть верства спѣдня землѣ, въ глубинѣ бо одной до двохъ стопъ, находится ту пѣсокъ желѣзистый, або и камень жужлевыи, изъ котрыхъ желѣзо топится дало бы, если бы избыльнѣйше находилися. Въ урочиску Кривѣмъ находится пѣдъ верхнюю верстовою землѣ чистая бѣлая

*) Року 1811 зловлено въ Дворцяхъ, селѣ, двѣ милѣ ѳтъ Каменки ѳтстоящѣмъ, въ рѣцѣ Ратѣ два бобры, котрыи потому до Львова до заряду цѣсарскихъ добрѣ ѳставленныи были. Народъ называе правда неразъ реченное урочиско „Дубровиды“, або „Доброѣды“, въ списѣ же доходѣвъ Каменки В., сѣланѣмъ ѳтъ Андрея, старосты Рѣчицкого зъ р. 1769, читаемъ „Бобоѣды“; но названіе „Боброѣды“ встрѣчаемъ найчастѣйше и правильно такъ въ актахъ, якъ и въ щодневной бесѣдѣ, оно же теперъ въ письмахъ урядовыхъ всегда употребляеся.

глина, употребляема отъ селянъ на бѣленье печей и хатъ. Великую помощь мають селяне той части въ пространныхъ сѣножатахъ и пасовискахъ (посѣднихъ въ цѣлой Каменцѣ В. около 3.000 морговъ), на котрыхъ возможно имъ значительное множество красномъ худобѣ и коней тримати.

Въ западной части Каменки В. есть земля глиновата, менше-больше масна и черна. Ту пшеница и всякіи роды збѣжа красно удаются. Глубина доброй землѣ несе ту двѣ до четырехъ и больше стопъ, подъ нею же лежитъ по наибольшей части непосредственно опока. Въ урочищу Дубровцѣ находится глина гончарска, зъ котрой вѣдьканадцать гончарей горницѣ издѣлюють, тамже выкопують каменный бурый уголь и глину фаянсову. На Волковици ломлять камень вапнистый, зъ которого курягъ вапно, инный же камень зъ той горы вывозягъ на выкладанье цѣсарского гостинца.

Въ отношенію ботаническѣмъ различается въ Каменцѣ флора восточной части отъ тойже на западѣ. Въ части восточной растутъ рослины свойственныи мокрымъ доламъ. Тамъ примѣчаемъ при различныхъ родахъ травы, осокъ, сѣтниківъ и тростинъ блощичники, залагающіи превеликіи пространи, черницѣ, лохинѣ, журавлины, брошницѣ, бобовникъ, Божу росу, прекрасну воду дилію (*Butomus umb.*) стрѣлки, дикій чеснокъ, мечики (*gladiolus* и *Jris*), бальгаріанъ, момичи (*Nymphaea*), зазульки (*orchis*), парнассію, весь и инныи. Черну бабку (*Scrophularia podosa*) употребляютъ ту (якъ увѣряють, съ успѣхомъ) яко средство отъ скази. Лѣсъ есть сосновый, по мокрѣйшимъ же мѣстцямъ березовый и ольховый; по одному найдется ту дубъ, грабъ, крушина, дражникъ (*Rubus frutic.*), волча проскурка (*evonymus verruc.*), ива, ветла, верболѣзъ.

Въ западной части Каменки В. находятся рослины, растушіи въ масной земли и на листовныхъ горбахъ; примѣчательнѣйшіи же изъ нихъ: горипцѣтъ (*Adonis vernalis*), дягиль (дзингиль *Angelica archang.*), головастый осетъ (*echinops sphaerocephalus*), девятисильникъ, суніця, горлачка (*Paris*), вовчникъ (*Daphne mezer.*), копытникъ, блюшь, подлѣшки, дика рута, кадило (*melittis melissoph.*), свѣчка (*phyteuma spic.*), чемерица мелоть (*melilotus off.*), цикорія, люлька, дивдерво, переступень и пр. Зъ деревъ росте ту сосна, смерека, береза, липа (два рода), вязъ, берестъ, дубъ (два рода), ясень, клѣвчикъ, зостѣль (*Rhamnus cathar.*), лѣска, свидъ, смородюхъ, пострѣтникъ (*genista germ. и tinct.*), малина и пр.

III.

Зъ будовлей звертае церковь Воскресеньская на Липнику зъ датека увагу путешественника на себе. Выставлена зъ камня и цеглы около р.

1770 стараніємъ двора и цѣломъ громады Каменецкой. На мѣстци, на котромъ она теперь стоитъ, стояла давнѣйше маленькая деревянная церковь, вы- ставлена вѣроятно межъ лѣтами 1616 и 1628*). Года 1754, коли жители Ка- менки паньшины и должностей пѣдданскихъ исполнати, даннѣе же жадныхъ ѳгдавати не хотѣли, спровадилъ на нихъ Андрей староста Рѣчицкій, завѣ- дующій Каменкою, не ожидая рѣшенія судебногю, шѣстьдесять драгонѳвъ, ко- торыи, роздразненныи по части ѳтъ селянъ, также великіи кривды и шкоды подѣлали. Зѣѳхавшыся на туѳ (и инныи) справу комиссія суда рефреендар- ского узнала рѣшеніемъ зъ первого Жолгня 1755 касательно спровадження драгонѳвъ „winnych WW. Starostów, nakazując, aby pro incontinentia onychże (жолнѳрей) grzywien 200, a zaś za szkody, przez nich poczynione, do ewinkowania których od grómady kilkadziesiąt przysięg wynikłoby, gdyby każdy seorsim swoję zaprzysięgał szkodę, praescindendo juramenta, kwotę grzywien 600 ex moderamine sądu swojego postanowioną, ciż WW Starostowie gro- madzie zapłacili, sąd nakazuje.“ Ти 800 гривны были въ самомъ дѣлѣ громадѣ выплаченныи, а ѳтъ тойже на вымурованье церкви на Липнику оберненныи, до чого староста окроме причинилъ. А коли межъ нимъ а грс- мадою касательно доконьченія церкви суперечка возникла, понеже староста церковь по образу латинскихъ костелѳвъ завершити, громада же банею вѣнчати упералися: пересталъ староста до усовершенія дѣла прикладатися, по чемъ громада, останювивши якийсь часъ строеніе, изъ складки, по талярови ѳтъ нумера, за владѣннѣе уже австрійского церковь доконьчила. Передъ са- мымъ оконченіемъ еи выпалъ похоронъ нѣкого шляхтича п. Коночки, котрого тѣло до деревяной церковь, стоявшюй еще посередъ новой, и мѣв- шюй ажъ по оконченію тойже розбранюй быти, на нѳчь занесенное было. Изъ оставленнѣхъ коло небѳщика горѣющихъ лампъ взялся середъ ночи ужасный огонь, въ котромъ погорѣла церковь разомъ съ небѳщикомъ до основанія, новая же пукла правда, но бѳльше ничего не пострадала, а противно такъ перегорѣла, же теперь по мнѣнню знатоковъ еще долше постояти може.

Другая Каменецкая церковь, такожъ Воскресеньская, на Старѳмъ-селѣ, отличаеся дуже краснымъ мѣстоположеніемъ: окружена старыми липами и берестами**), возноситеся она на горбку, которого подошву рѣка подоче, передъ нею же роспространяеся премилый видъ по орошенной рѣкою сѣно- жати ту до листовннѣхъ горбковъ, тамъ до бѣлыхъ мурѳвъ двора и генъ по- за высокую баню Липницкой церкви. Выставлена изъ дерева ѳ двоухъ баняхъ г. 1645. Настоятельно украшаеся она обмалѣваніемъ внутренихъ стѣнъ, отнювленіемъ образѳвъ, царскихъ вратъ и инѣхъ приборѳвъ. Именуемая ѳтъ

*) Зря някше люстраціи Каменки В. зъ лѣтъ 1616 и 1628.

**) Пень найгрубшого зъ тѣхъ берестѳвъ має три сажнѣ въ сѣбенѣ.

цей парохія єсть найдавнішою въ Каменцѣ В. (споминаемая въ люстраціи Каменки В. зъ р. 1564) и была еще р. 1616 единственною въ селѣ. На звѣннице находится одинъ (наименьшій изъ сухихъ гамъ) досыть старый звѣнь, бо зъ р. 1639.

Третья церковь въ Каменцѣ В. храма Рождества Пр. Богор., зовимая такожь лѣсною (понеже давно середь лѣсовъ, котрыхъ теперь слѣду не ма, стояла), находится въ отдаленію полгора милѣ на востокъ отъ Липницкои, а сѣмь четвертокъ милѣ отъ Старо-сельской церкви. Деревянная, о трехъ баяхъ, выставлена отъ р. 1666 до 1701, а може ажъ 1721*) єсть она въ постанію портрета своего основателя, отца Василія Гавриловича Курдобы зъ р. 1668 и оригинальнои ерекціиои грамоты парохіи отъ короля польского Михаила зъ р. 1671 на пергаментѣ. Иконостасъ церкви той, красной роботы, писанъ г. 1666 Даміаномъ Роевичемъ, былъ г. 1859 разомъ со всею церквою отъ Г. Антонія Манастирского зъ Любичи обновленъ.

Путешественникъ, ѣдучій мурованнымъ гостинцемъ изъ Львова черезъ Каменку В., утомленъ мадо не двомилевымъ по долині однообразіемъ, витає съ восторгомъ прекрасный видъ, представляющійся ему надъ рѣкою Липницкою на западѣ. За четвертимилевымъ майже подвійнымъ рядомъ тополь и возносящеюся надъ ними церквою указуются зъ-поможъ купокъ деревинны и садовъ якіясь вежечки, то округлыи, то гранястыи, колюнады, каменницѣ, дома и хатины, котрыхъ вкусныи формы на поверхности окружающихъ ихъ листовныхъ горбовъ тымъ красше отличаютъся. Єсть то двѣръ на Старомъ-селѣ, зовимый великимъ для розличія отъ иного меншого на Бобровдахъ, зовимого Гарайцемъ. Выставленъ г. 1829 и побольшенъ г. 1832. Въ головномъ дворци, украшенномъ съ переду веледѣпною колюнадою, примѣчанія достойна осмигранная сая съ шести видами зъ-надъ Рена, на стѣнахъ такъ искусно изо-

*) На образѣ праздничной иконостаса находится слѣдующая надпись: „Р. Б. 1721 мѣца Септемберѣ дна 1, за паноканѣа короля польского Іоанна Казиміра четвертого и за державного пана Гарчинского: сей образъ совершилъ расъ Божій Проклѣтъ Свѣ-прѣнѣвъ за свое спасеніе и отпѣшнѣе грѣховъ. Ровенчъ, маларъ.“ Въ грамотѣ же ерекціиои парохіи зъ 1671 стоить: „ргзу porostwie i cerkwi nowe pod imieniem Narodzenia Najsw. P. M.“ Но въ старой Триоди цвѣтной той церкви стоить подъ образомъ Распятія на первой сторонѣ давно гдєсь сдѣланная надпись: „Церковь Рождества Бѣа фѣндокаласа рокъ Божіа 1721,“ а надъ южными дверими иконостаса: „Рождество Пр. Бѣа дна 1. Октоберѣ года 1721.“ Тое несогласіє надписей можъ бы тымъ погодити, же г. 1666 може пресвитеріа и корабль или середина церкви, року же 1701 або 1721 притворъ скопченъ быи; або може — хотя не дуже вѣроятно — не безъ осдѣванія єсть усное преданіє, же первоначально церковь дѣсная коло хатъ „Лодовыхъ,“ а то на мѣстци, на котробль теперь крестъ возноситея, стояла мала, а зъ-отъ-такъ зъ причины, же уже при сагой граници села стояла, на теперѣшное мѣстце, въ около котрого священникъ наданое собѣ поле малъ, перенесенною была.

браженными, же зрѣтель гадае, якобы былъ перенесеннымъ въ саму чудесную природу надренскую въ мрачныхъ часахъ середняго вѣка, и смотритъ живо на тѣ въ казки пребогатыя развалины замковъ, возносящіяся на горахъ, виномъ поросшихъ и водою подмываемыхъ.

Передъ колюмнадою играе надъ пространнымъ бассейномъ холодящая фонтанна, а въ-округъ вабитъ роскошный огородъ въ свои вонемъ дышашчи тѣни. Огородъ заложенный г. 1832 вкусомъ французскимъ, есть безъ сомнѣнія однимъ изъ вниманія достойнѣйшихъ въ Галичинѣ; именно же обнимае часть оранжерійная и цвѣтовая все, що лише красного, рѣдкаго и достопамятного где находится може. Съ восхищеніемъ подивляемъ ту середъ милѣйшихъ корчбъ, котрыхъ таинственная тѣль розбуджена прелестнымъ пѣніемъ птицъ, пречудесныи цвѣтовыи виды Абутилонбъ, Кактусбъ, Калцеоларій, Фухсій, Камелій, Акацій, Ясминбъ, Бромелій, Пассифлорбъ, Амариллидбъ, Орхидеѣвъ и прочихъ; ту великолистыи Африканскіи пальмы, тамъ въ различныхъ узоры пообразцеванныи листья Бегоній зъ-пбдъ Гималая, онде снова сочное Гумми, врачебное Цинхона, и живыи мухоловки (*Dionea muscipula*) зъ Америки; где инде снова Австральскіи дивогляды, зъ котрыхъ одни въ-мѣсто листья сѣтничкообразное волосье спускаюгъ, иныи пнемъ въ дблъ а корѣнемъ до горы растутъ. Надъ все же возносится многовѣковый, вліянію времени уже слабенько опирающійся вязъ, а въ его пространной тѣни промавляе бтъ предвѣчныхъ временъ великій, закаментаый пень грабовый, выбранный изъ-помежь иныхъ многихъ на Дубрбвцѣ. Иною достопамятностію сего рода, хороняемою въ дворѣ Каменки В., есть закаментаая лопатка якогось предпотопового потвора, долга три, а широка двѣ стопы, найдена г. 1845 кблька сажней на сѣверъ отъ мурованного моста передъ дворомъ въ ложищи рѣки, въ глубинѣ трехъ стопъ въ опецъ; достойная примѣчанія геологовъ зъ той причины, же въ формациі крейдовой, котрой членомъ есть опока, дуже мало остаткбвъ звѣрей хребтовыхъ находится. — Коло дворцевого огорода закладае Бл. дѣдичъ Каменки В. инныи вкусомъ англійскимъ. Старый двбръ стоялъ на юго-востокъ отъ теперѣшнаго въ мѣстци, зовинбмъ „замокъ.“

Хаты селянъ суть деревянныи, соломою пошитыи, но о много показнѣйшии, якъ въ иныхъ сторонахъ Галичины, именно же на Подбблю. Всѣ оберненныи фронтомъ до полудня; бтъ запада находится звычайно комора, середину занимае покбй, дальше сѣни, а восточный конецъ хаты составляе комбрка на дроба; зъ заду попричепляны вкусно комбрки на дрббъ и молодникъ. Всѣ маюгъ плетенныи болдуры и коминки (въ послѣднихъ свѣтатъ скалками). Въ покою, до котрого входъ бтъ сѣней, находится заразъ при дверехъ по лѣвой превеликая пѣчь, по правой коминокъ, до окола идутъ недвижимыи лавы, а на серединѣ стоить стблъ, звычайно накрытый, на котрбмъ — именно въ Недѣлѣ и свята — бохоня хлѣба положено.

Пѣчь есть то святая святыхъ въ хатѣ селянина: на ней родится ѓнѣ, пребывае половину житя, лѣчится въ недугахъ, а лише передъ самою смѣртію пращаеся съ нею въ опасности бо жизни находящогося кладуть „на смѣрть“ на лаву сѣверну, а упокоившогося на лаву южную; лавя западна есть мѣстцемъ почительнымъ, надъ нею висять образы святыхъ. Якъ споминалося, есть печь для нашего селянина самое любезнѣйшее мѣсце и предметомъ чувствительныхъ воспоминаній въ чужинѣ. Хотячи сказати: „у себе“ въ смыслѣ всетѣснѣйшомъ, каже ѓнѣ: „на своѣмъ пѣцу“, а недостатокъ пѣкавости въ кѣмъ означае ѓнѣ, говоря, же „ѓнѣ на своѣмъ пѣцу заблудить;“ — „обставати за своимъ пѣцомъ“ значить тое, що латинское *pro aris et focis*. Алежь то и практичная печь для нашего селянина! Щобъ ю выставиги, не потреба анѣ кусника желѣза, анѣ бляхи, ни цеглы, ни вапна, ни жадныхъ искусныхъ мулярей: зъ глины и дерева „вбивае“ собѣ самъ „сподарь“ печь, въ котрой варя и пекучи заразомъ хату огрѣвае, збѣже сушитъ и, если треба, въ недоузѣ парится, а до того всего якъ найменше дровъ — на рѣкъ осмь до двадцати фѣрбъ — потребуе. На западѣ практикують то агло- то гомео- то гидро- то органи- и, Богъ вѣдае, якій тамъ еще — п а т и и; нашъ же селянинъ знае иный, цивилизаторамъ доси неизвѣстный образъ лѣченя, котрый бы можъ назвати симпатією, або курацією збожевою, а котрый есть тымъ еликсиромъ, для которого нашъ селянинъ при всѣхъ своихъ погрѣшностяхъ насупротивъ правилъ діететики и неувазѣ на вредливыи вліянія воздуха, зимна и пр. такъ мало коли слабуе. Послухаймо, якъ менѣ одинъ селянинъ родъ сей лѣкѣвъ описоваль: „Ось прошу Господа Бога и Вашу ласку*), пѣць то наша рѣдна мати, ба ще бѣльше, бо мати — дай ей Господи царство небесное — разъ мене грѣшного на свѣтъ покинула**), а пѣць не десять разъ ѓтъ самѣсенкой смѣрти выкушивъ. Ось разъ приходитъ грѣшныи христіанинъ — не кари Боже! — пѣдохоченный, ба, ний ся правда скаже, пѣдпитый, а то не якъ ни будь, але такой по людски, до шалаша, и кладесе, где ближше, ось на лаву пѣдъ окно, тай далѣй въ храпы! — ѓкно ѓтворенное тягне — небавки чую, же ми верхня рука нежива, хочъ клади до деревиска! — обертаюся на другій бѣкъ, ба скостенѣла и тая! — а обудився за якісь часъ, гей гвалтъ! бѣда и побѣда! оба боки мертвы, а въ трунку коле шиломъ, а стиска за душу, хочъ

*) Звычайна формула промовы селянъ тыхъ сторонъ. Прійшовши до кого зъ гонорациѣвъ, зачинае бесѣду, говоря: „Прійшовъ емъ до Господа Бога и Вашей ласки:“ вопрошенъ же, кѣдыко худобы мае, каже: „Мае тинь Богъ съ десять хвостѣвъ.“ Послѣдній трѣпъ (иносказаніе) употребляеся, говоря о вѣнѣ (зовимъ ту зъ Волоска азъєстро) дѣвичны, же она мае „одинъ хвѣстъ,“ або только а только „хвостѣвъ.“

**) „Народитися“ выражають ту словоль „найтися.“ Отжежь не кажуть: „я уродився,“ ни: „я найшовся.“

гнѣ! Хочу поднестися, тай гръмъ на землю, якъ довгій, — же ажъ шановавши на передъ Господа Бога, и образы святыи, тай якъ то повѣдають, дель и праведное сонце и мѣсячейко съ звѣздами на небесахъ, та ту святу землейку и Васъ яко гречныхъ — распережавси. Баба, дѣти въ крикъ: „умерае!“ — далѣй шити на смерть сорочку, убирати, по ксендза закладати, и Богъ вѣдае, що починати. Но я не много гадаючи, крикну: „затопи!“ — Затопили, четверку овса на пѣць выпали, тай христьянина на него выволокли. Отжеж и весь секретъ! человекъ напарився въ парѣ, шо изъ сырого овса выходила, и вставъ на другій день, якбы ничо и не було.“

Больше еще, якъ о хату, дае селянинъ въ Каменцѣ В. о красныи будынки господарскіи, и суть ту господарѣ, котрыи кромѣ необходимой кошары*) двѣ до четырехъ столбѣ, стѣлько шопѣ, съ-десять до двадцати стѣенъ и хлѣвѣвъ, съ-два шпихлиры и розличныи поддаша, оборогі, кормянки и пр. мають. Можъ казати, же селянинъ въ Каменцѣ В. цѣлое житѣ будуе, а гденекотрыи изъ нихъ обитають въ третьей або въ четвертой хатѣ, за ихъ житѣя на тѣмже мѣстци поставленной, а каждый порядный а съ-троха вѣковый господарь „пересыповалъ“ за своего жигѣя три або четыре разы всѣ свои будынки. Роблять они тое не конечно для правдивои потребности; неразъ бо поставивши нову хату, продають стару еще со всѣмъ добру, а много есть селянъ, котрыи заледво половину тѣлько збѣжа або худобы мають, кѣлько въ ихъ будынкахъ помѣстило бы ся: но они будують частію изъ выссаного съ матернимъ молокомъ норову**) и для всеобщого ту обычая, частію же изъ взгляду на ѳтвѣнванье дѣтей (до тепѣрѣшныхъ бо грошей, подлягающихъ частымъ змѣнамъ, не мають они довѣрія), частію же изъ спекуляціи; при добромъ бо счастью и оборотности ѳтбирае будующій за оставшіися, а на латы, крокви и пр. переробленныи куснѣ дерева во Львовѣ гроши, на закупленье матеріала будовельного выданныи и зыскуе еще трѣски, гилье и ѳтломы, служащии на долговременное паливо.

Ставляючи нову хату, сохраняють тое предрозсуженіе, же на причолку даху середній (вертикальный) рядъ китицъ ѳтъ снода ажъ до верха цѣлый рѣкъ непошитый оставляють, гадаючи, же въ противномъ случаю пошывающій зъ даху упаде, а мешкающимъ въ хатѣ якое несчастье приключится; въ новыхъ же ѳтъ покоя дверяхъ дають одну дошку або хочъ кѣлокъ старый.

Мало не при каждой хатѣ находится значительный запустъ ѳльшины,

*) Стайля на худобу, состоящая изъ четырехугольника стѣнъ, покрытыхъ окремѣшинами, съ собою соединенными дахами, котрыи внутрь на столбахъ сплывають, такъ, же въ серединѣ родъ бездѣшного подворца остае.

**) Еще г. 1755 былъ въ Каменцѣ процессъ селянъ съ старостою о тое: же ослане, мавшии втогда вольный врубъ на паливо и будынки, тѣже за вѣдомостію правда старосты ставили, но поставленныи до посторонныхъ селъ продавали.

або березины; садів же не много, до чого лише западна часть має придалую землю. Пасівкою трудяться правда всюда по-троха, но и тая лише вь западной части съ добрымъ успѣхомъ ведеться.

Лѣсовъ має Каменка В. вь отношенію до своєї пространи дуже мало, бо лише 1800 морговъ. Инакше было давнѣйше; вь шестнадцатомъ бо вѣку была далеко бѣльша часть Каменки В. однимъ лѣсомъ, зовимымъ вь люстраціи зъ 1564 „царскою пустынею,“ вь котрой бортирѣ, колодѣи, ловцѣи, углярѣи, корчующіи лѣсы, трачѣи, ставляющіи на продажъ хаты своимъ, отвѣчними лѣсы Америки пригадующимъ дѣламъ отдавались.

IV.

Вь преданія историческіи Каменка В. не дуже богата. О мѣстци зовимомъ „Гараецъ,“ положенномъ коло мурованого гостинця на Бобровдахъ, повѣдає преданіє, же на немъ первая вѣйна зачалась, а послѣдняя ѳбудеться. Тое логикою не конечно отличающееся преданіє може мати за пѣдставу яку битву, вь томъ то мѣстци вь давнихъ часахъ сточену.

Гденекотріи вьволяють назвискю нивы „Чортомары,“ находящейся на Старомъ-селѣ, изъ волоского „четате маре,“ що означає: обварованный замокъ, котрый тамже давно колись существовати малъ, що однакожь вѣроятнымъ не єсть, понеже ни физическихъ ни историческихъ слѣдовъ ниже народного преданія о томъ не ма. Може однакожь быти, же мѣстце тое ради находящихя на немъ выше описанныхъ великаньскихъ, на розвалины замка похожихъ каменей „четате маре,“ а по тому зъ руска „Чортомары“ названное было, чого аналогію маємо у теперѣшнихъ Волоховъ вь Седмоградѣ, где коло мѣста Vörös-Patak гора одна лише для подобія скаль єи съ розвалинами замка „Четате маре“ называєся, хотя на ней замка нѣтъ и не было.

На урочиску Ператинѣ находится середь сѣножатей пѣль-морговая пространь, оточена широкимъ, водою наполненнымъ ровомъ, зовимая „окопъ,“ котрая колись ведля преданія якомусь Кошиковскому за мѣстце хороненія сокровищъ передъ Татарами служити мала. Сокровища тѣи мають тамъ еще доси вь земли находится, а многократно уже кусились — хотя безуспѣшно — тамъ ихъ ѳткопати. Може однакожь быти, же вѣсть о находящихя тамже еще теперь сокровищахъ возникла ѳтъ блудного свѣтла, котре тамже указатися коли могло, а котрое нарѣдъ „горѣнемъ грошей“ называє.

Лѣсъ на сѣверъ ѳтъ реченного окопа, положенъ на совѣтѣи незначительныхъ пѣсковыхъ горбахъ, протягающихся зъ-ѳтси помежь мокрыми низинами далеко ко востоку, малъ колись Татарами за природный шлякъ вь ихъ походахъ служити. Не давно тому найдено тамъ кѣлька желѣзцовъ изъ копій чи стрѣль.

Дальше еще на сѣверъ возносятся незначно середь лѣсистыхъ мокрыхъ, луговинъ кѣлька сѣножатей, зовимыхъ „буковыи острова“, на котрыи ведля преданія нарѣдъ съ худобою и майномъ передь Татарами ховался, выстеляючи при тѣмъ дни бродѣвъ и иныхъ, приступъ посредствующихъ мѣстцъ боронами, зубами до горы оберненными. Нарѣдъ розказуе собѣ изъ тамтыхъ часѣвъ слѣдующее приключеніе, которое, хотя не отличаеся ничѣмъ необыкновеннымъ, яко свое въ пытомой простотѣ примѣтити не завадитъ: Татаре хотячи выслѣдити похованыхъ въ лѣсахъ селянъ, разбѣгшися гукали и кликали: „Грицю! Иване! куме! ходѣтъ! уже пошли поганцѣ!“ чимъ однакожь наши здуритися не дали; а коли разъ купка Татаръ до мѣстца, въ котрѣмъ они хоронилися, неосторожно сближилася, выпалилъ нѣкій Сухорукій, котрого рѣдъ доси существуе, зѣ-помежь гила дерева, на котрѣмъ на стражи стоялъ, и забилъ одного Татара, по чемъ другіи чѣмъ скорше поуѣкали, крича: „Иванъ пукъ! Иванъ пукъ!“

Не могу еще минути два въ отношенію природоиспытательнѣмъ достопамятныи мѣстца:

Въ Старѣмъ-селѣ находится коло хаты, зовимыхъ „Пѣдкуймуха“^{*)}, и на западъ тыхже по-надъ границею Руды Магерѣвской мѣстце, въ котрѣмъ послѣ выраженія народного „блудъ чѣпаеся.“ Розличныи о гѣмъ ходять вѣсти: Слѣзвившиися на рѣцѣ прачки, або вертающіи зѣ ярмарку селяне принужденныи суть неразъ, наблудившиися тамъ безъ кѣнца, ночовати на поли, а обудившиися рано, съ удивленіемъ видять передь собою малый корчъ, когрый въ ноци видѣлся страшнымъ лѣсомъ, або находятся передь своею хатою, котра видѣлася вчера горою; бывали случаѣ, где тамочный житель, выйшовши вечеръ изъ хаты, щобъ блудящего путеходца на добру дорогу вывести, зблудилъ съ нимъ разомъ. Писатель сего блудилъ тамъ такожъ кѣлька разѣвъ, и може увѣрять, же потреба на тое доброй уваги, притомности и знаемости мѣстца, щобъ блудчи тамтуда въ ноци, тое само не зробити. Причиною того есть се обстоятельство, же разъ при крижующихся тамже многихъ дорогахъ не ма жадныхъ отличающихся предметѣвъ, котрыи бы оку за точку дирекційну служити могли; во вторыхъ сходятся ту сухіи пѣсковатыи горбки съ мокрыи сѣножатами. Въ воздухѣ сухѣмъ видъ предметѣвъ сменшаеся, въ воздухѣмъ побѣльшаеся, чого примѣръ маемъ на солнци, котрое въ полудне мен-

*) Початокъ назвиска того такъ выводять: Одинъ зѣ князей Воронецкихъ, бывшихъ по сѣдателяи Кашенки В., малъ дуже доброго ковала, котрого прійшовши разъ до кузнѣ згудилъ, говора: „Предѣ лихій зѣ тебе майстеръ, коли ты мизерну муху пѣдковати не можешь.“ — „Пѣдкую пане!“ — „Ану, або десять золотыхъ, або десять багогѣвъ!“ — „Добре пане.“ — Коваль ростопилъ вскъ, а умочивши въ немъ кѣнцѣ пѣгъ мухи, отдавъ такъ пѣдковану муху пану. Выграъ закладъ и досталъ зѣ-отси назвиско Пѣдкуй-муха.

шое выдаеся, якъ рано, або вечеръ (понеже втогда скрѣзь мракъ возносящійся надъ землею на него, дивимося). Отжежъ ѣдучи реченнымъ мѣстцемъ въ ноци, видимъ предметы не такіи, якіи въ день мы видѣли, но одни въ видѣ природномъ, иньи же въ сменшенномъ, а иньи въ побѣльшенномъ видѣ, а такъ при наименшой неувазѣ, або незнаемости мѣстца зблуждаемъ. Може быти, же ту гденеколи щось на образъ славныхъ маякѣвъ на горѣ Брокенъ (Brockenspektum) появляеся, котрыи въ томъ состоятъ, же при заходѣ солнца предметы, на западной сторонѣ зрѣтеля сущи, указуются побѣльшенными (по правиламъ ятарнѣ магической) на восточной сторонѣ тогоже зрѣтеля, и то въ верствахъ воздуха, который въ инѣмъ состоянію волхости находится, якъ той, въ котромъ зрѣтель стоитъ.

Другое, въ томъже отношеніи достопамятное мѣсце есть высыхающая въ сухи лѣта струга на Боброѣдахъ и Бѣжковѣ, зовимая Солотвиною, надъ котрою неразъ люди блудящій огонь примѣчали.

V.

Жителѣ суть во обще происхоженія и чертъ лица Славянскихъ, Мало-Рускихъ, жежъ котрыми однакожъ примѣтити можъ типы Волоскіи: тѣла сухи, лица долги, узкіи, темрявы, волосе черное, простое, долгое. Доховалися и гденекотрыи назвиска Волоскіи: Чаусъ (значить: офицеръ), Фарина (мука), Либерь (вольный), Канцѣрь (ракъ), Мандзякъ (жрецъ), Кобринъ (ужеватый), Джусъ (долинный), Сусъ (гѣрнякъ), Стецина Чулинда. Вѣно называютъ ту всегда зѣ-волоска дзѣestro. Неславянского происхоженія мають такожъ быти назвиска: Брунецъ, Бутринъ, Шведъ, Турко (послѣднее выгасло). Можна такожъ гденекотрыи истинно татарскіи фizioноміи со всѣми признаками того племени примѣтити. Въ загадѣ суть черты лицъ мужей въ Каменцѣ В. цѣло оказали и красны; кобѣты хитры и жвавы терляють въ тяжкой работѣ гладкость кожи. Они сохраняють Волоскій обычай, въ потребѣ иматися работы, обыкновенно мужамъ свойственною: молоченья, кошенья, за плугомъ ходженья; неразъ же можна видѣти селяннику зѣ Каменки В. пускающуюся смѣло за фѣрманна въ далеку дорогу до Львова або и Болехова, а то часомъ въ одежи мужеской (Сровнай Paget's Ungarn und Siebenbürgen, 1842, Leipzig. Томъ II. ст. 162.).

Бесѣда жителей есть Мало-Руска, нарѣчія Галицкаго съ гденекотрыми признаками нарѣчія Волянско-Подѣльскаго: я выговорюють по согласной якъ е, на пр. дѣдько; передъ о кладуть въ вымовѣ съ початку слова букву г, на пр. говесь; ф вымовити со всѣмъ не мога, заступають гласомъ хв, або п, на пр. прохвесоръ, Осипъ; ж выговорюють якъ к, н. пр. косподаръ; быти (sein) вымавляютъ бути.

Одежа мужей состоитъ льгомъ изъ соломяного капелюха съ широкими крисами, а наголовкомъ во всей высотѣ ровно широкимъ; въ зимѣ же зъ каптурка, зовимого такожъ колпакомъ, т. е. волняной, шлафмицеобразной, бѣлой, у спода червонимъ пояскомъ украшенной шапочки, або шапки изъ баранёго кожуха, не много въ задъ обвислои. Волосье або по славянски подголюють, або зъ-волоска неподголеное, долгое носятъ, раздѣляя на серединѣ тѣмяни и подтиная ровно у спода; або наконецъ зъ-нѣмецка коротко стригутъ. На себе заодягають грубу, полотняну сорочку съ искусно вышиванымъ колыбремъ и нарукавками (обычай волоскій), накрывающую низше узкого пояса полотняныи або зъ грубого сукна нагавицѣ, выпхаемыи до чоботъ. На сорочку берутъ полотняну плахту, т. е. кафтанъ сакообразный, волоского крою, безъ стана, съ рубцеобразнымъ, широко выкроеннымъ колыбремъ, а швомъ на заду не вертикально, но горизонтально идущимъ; въ свято же сѣрую, або бурую опанчу съ станомъ и стоящимъ колыбромъ, съ шнурочками найчастѣйше червоно-зелено-желтыми, и каптуромъ (капишомомъ) на плечахъ; въ зимѣ заодягають баранья кожухи съ узкимъ колыбремъ, накрывая ихъ плахтою. На узкомъ пояси съ калиткою увязанъ на ремѣнцѣ або лапцущку необходимый ножикъ. На ноги вдягають чоботы издѣлія Угнѣвского, або черевики, подъ котрыми неразъ на пале грубыи липовыи або ольховыи подошвы дротомъ подчиненіи, шо дереваками называютъ. Употребляемыи гдеенде практичныи ходаки ту мало коли можъ увидѣти.

Кобяты покрывають голову бѣлою або сино украшенною хусткою, завязуя ю въ-около верха головы такъ, же долгій конецъ на заду виситъ; дѣвчата ховають подъ нею волосье со всѣмъ, замужныи же опускають е на долъ, обтѣняючи (зъ-волоска) ровно на сподѣ. Короткіи малѣванки або шорцы, плахты, свиты, кожухи и Угнѣвскіи чоботы составляютъ прочую ихъ одежду. Маючи ходити необутыи, обвивають лытки въ образъ понъчоухъ полотномъ, зовимымъ перевоями. На шеи носятъ различно украшенныи пацерки.

Жителѣ Каменки В. жіють изъ земледѣльства; но понеже изъ него малое лише ихъ число всѣ потребности жизни залагодити може, присоединяють они съ тымже скотоводство, котрое по пространныхъ выгонахъ и сѣножатахъ Каменецкихъ дуже добре ведеть (гденекотрыи господарѣ тримають ту пятьдесятѣро худобы и кольканадцать коней), фѣрманку по всей майже Галичинѣ, трацтво (а то лише въ-двѣйку), справленіе будовельного деревяного матеріала и торговлю тымже до Львова; на Старѣмъ-селѣ и Дубровцѣ горничарство и добыванье глины фаянсовой (файфурскою ту зовимом); есть такожъ въ Каменцѣ В. съ 200 варстатѣвъ ткацкихъ.

Въ отношеніи санитарномъ по́дверженъ есть житель здѣшній не многимъ недугамъ, именно же при широко роскинутыхъ хатахъ не дѣлаютъ ту эпидеміи великихъ опустошеній; одна лише ядуха (asthma) есть недугою мѣстною, на котру б́ольшая часть жителей слабе и умерает, а котра по б́ольшой части изъ тяжкой ту всеобщей роботы по лѣсахъ возникает, а въ тяжкомъ, волжкомъ воздухѣ Каменецкомъ тымъ сильнѣйше развивается. О ней есть пословица, же „ядуха въ седимъ роцѣ не дарует.“ Кромѣ той болѣзни розпространена есть дуже кила (произникающая изъ тяжкой працѣ, у дѣтей же изъ безмѣрнаго плачу, коли отъ родичей, працюющихъ въ поли, самыи по цѣлыхъ дняхъ дома затворенныи остаются), частію же и колтунъ.

Зъ обычаевъ, котрыи въ прочемъ сходныи суть съ обычаями сель сусѣднихъ, примѣчанія достойныи той, же ту по смерти отца соотвѣтно праву Волоскому (и Правдѣ Руской) всегда наймолодшій сынъ на мѣстци отца остае, старшии же — подблвши впрочемъ все имѣніе на рѣвныи части межъ себе — на сторонѣ ставлятс. (Зри Алекс. гр. Стадницкого „O wsiach tak zwanych Wołoskich na równocnym stoku Karpat. Lw. 1848,“ стор. 7, 68, 69). На весѣлюи называеся прѣздающая по молодуху вся дружина „боярами.“

И.

ЮСИФЪ ШУМЛЯНСКІЙ,

первый Львовскій униатскій Епископъ.

Въ библіотецѣ Перемышельского Епископского Капитула греч. каѳ. обряда сберегается подъ N. XVII L. 44., въ одномъ переплетѣ съ отрывкомъ печатанныхъ сочиненій польского поэта Самуила Твардовского на стр. 33 — 38, въ спискѣ съ конца XVII. вѣка: „Соборная Грамота Иерусалимскаго Патріарха Досіеѳа, изданная въ Яссахъ 1670 года мѣсяця Юлія... къ Духовенству и народу Львовской Епархіи, извѣщающая о неправильномъ поставленіи Юсифа Шумлянскаго въ Львовскіе Епископы.“ На странѣ же 66 — 71. помѣщено: Media abo wynalazek do gruntownego postanowienia pokoju y zawarcia traktatu od Jasnje Wielm. Imci P. Marszałka y Hetmana W. Koron. Imci P. Piotrowi Doroszenkowi Hetmanowi Zaporozskiemu z woyskiem Zaporozskiem y całą Ukrainą w Zamku Stryskim dnia 8 Januarii 1679 podane.

Оба тѣ акта, сколько мнѣ извѣстно, не были до сихъ поръ печатію обнародованы, ни Архиграфическою Комиссією, въ актахъ, относя-

щихся къ исторіи Западной Руси (Т. II СП. 1853), ни въ Памятникахъ Кіевской Комиссіи.

По смерти Львовскаго Епископа Аѳанасія Желиборскаго (1666 г.), явились два претендента на упраздненную Львовскую Епископію, т. е. Евстафій Свистельницкій избранъ на мѣсто Аѳанасія галицко-русскимъ Дворянствомъ и Духовенствомъ при депутатѣ Митрополита Антонія Винницкаго, и посвященъ нимъ въ Епископы въ церкви Львовскаго Ставропигіального братства, — другій Іоаннъ, въ монашествѣ Іосифъ Шумлянскій, избранъ въ Епископы нѣсколькими лицами изъ низшаго Духовенства — и, какъ увѣрялъ онъ, посвященъ за границею Грекомъ Досиѣемъ, называвшимъ себе Митрополитомъ Филиппольскимъ и Хіоскимъ (3. Февраля 1668. г.). См Лѣтопись Львовскаго Ставропигійскаго брат. въ Журн. Мин. народн. просвѣщ. 1849—1850 подъ 1666. г. Въ Актахъ относящихся къ исторіи Западной Руси Т. V., въ напечатанной тамъ же подъ № 70 грамотѣ Софронія Митрополита Фалиппольскаго, писанной въ Высочцѣ 1. Февраля 1668. г., говорится о Хиротоніи Шумлянскаго нимъ однимъ; а Митрополитъ Іосифъ Тукальскій изъ мести къ сопернику своему Антонію Винницкому, владѣвшему митрополичьею кафедрою, хотя и призналъ Шумлянскаго Епископомъ, но въ грамотѣ отъ 8 Мая 1668 г. подъ № 72 напеч. въ Актъ Зап. говоритъ, что онъ Шумлянскій поставленъ Митрополитами Софроніемъ и Ѳеофаномъ. Послѣ Шумлянскій, котораго большая часть Львовской Епархіи не признавала Епископомъ, исходатайствовалъ себѣ у Александрійскаго Патріарха Пансіа утвердительную грамоту, изданную въ Могилевѣ 8 Октября 1669 года (подъ № 76). Очевидная разность сихъ показаній наводитъ уже сомнѣніе на обстояательства посвященія Шумлянскаго, и что поставленіе его въ самомъ дѣлѣ было совсѣмъ неправильное, въ доказательство чего приведу здѣсь упомянутую Соборную Грамоту Іерусалимскаго Патріарха Досиѣя, до сихъ поръ неизвѣстную. Надобно еще замѣтити, что вся Львовская Епархіа не признала Шумлянскаго скорѣе своимъ Епископомъ, какъ по смерти Епископа Ереміи Свистельницкаго 1676 года, и что Іосифъ Шумлянскій, кажется, опасаясь послѣдствій Досиѣевой Грамоты, въ слѣдующемъ году (1677) 7 Марта тайно отрекся отъ послушанія Цареградскому Патріарху, въ Варшавѣ, въ присутствіи короля и папскаго Нунція (Лѣтоп. Львовск. Ставроп. брат. подъ 1676 и 1677 г.). Покровительствованъ теперь королемъ Польскимъ Іоанномъ III, не опасался Шумлянскій уже въ 1681 году, посвященнаго Цареградскимъ Патріархомъ Іаковомъ, Панкратія, въ санъ Галицкаго Митрополита и Ексарха всея Малыя Руси (Семейная бібліотека. Львовъ 1856 стр. 163). Соборная грамота, Іерусалимскаго Патріарха Досиѣя, въ весьма нечеткомъ спискѣ ея съ конца XVII вѣка гласитъ словно какъ слѣдуетъ:

„Печать Святѣйшаго Патріарха.“

„Доси еей Милостію божією Патріархъ божія града Іерусалима и всея Палестины, Сарія, Аравія, и объ онъ полъ Іордана Кана Галилейскія и Святаго Сіона.“

„Преосвященныи и благочестивыи Митрополитове, боголюбивыи Епископи въ Духъ Св. возлюбленныи Братія нашего смиренія и Сослужителіе, всепреподобныи Архимандритове, преподобнѣйшіи Игумены, Иноцы, благовѣннѣйшіи Священники, священнодіаконы, пречестнѣйшіи Намѣстницы, богоизбранныи крестоносныи Братства, наипаче же Львовскіи, Галицкіи и Каменца Подольскаго благородныи Паны, благопріятныи Купци и прочіи честнѣйшіи Христіане, всякаго состоянія и всякаго чина Святѣйшіи и православныи, великодушныхъ Россо въ части, соборныи и Апостольскія восточныи Церкви Чада о Христѣ, нашего смиренія, благодать, миръ и милость, буди Вамъ всѣмъ отъ Бога Отца Господа нашего Іисуса Христа, и святѣйшаго Гроба Господня и животворящую кровью обогрѣнныи Голгоубы, и владычняго вертепа иже въ Видеемѣ, и прочіихъ богопроходныхъ поклоничествъ помощь, посѣщеніе и освященіе, отъ Насъ же молитва, благословеніе и прощеніе!

Непрестаеетъ всегда сѣятель плесель и Церкви неусыпный врагъ діаволь воставляти соблазни и брани на Церковь Христову оподвизати, нешвенную спасителя нашего одежду раздирати: но всеу труждается, понеже соборныи Церкви женихъ Христосъ Богъ нашъ, не имать оставити невѣсту свою Церковь въ порадованіе его, но хранить отъ него и попираетъ яко татя и разбойника, да не вредитъ словеснаго его стада. Аще же и нѣкогда за множество долготерпѣнія или искушенія или наказанія и издвоздаянія ради мянтся опять и попускаетъ Церкви своей бѣдствовать, яко кораблю Апостольску и погружати въ морѣ искушеній, яко божественнаго Петра: но обаче поминая, яко откупилъ ю есть, якоже (глаголетъ Апостоль) честною еи кровью, запрѣщаетъ вѣтромъ и пріемлетъ ю всеильною рукою, и изимаетъ отъ волихъ сверѣпныхъ сатаны. Въ такovýchъ бѣдахъ аще и днесъ обрѣтается Церковь Христова, Чада о Господѣ! но множае обрѣтается Ваша Россійская, занеже якоже слышимъ и извѣстихомся: яко избобрѣтатель злыхъ діаволь избра орудіе прилично своея злобы, беззаконнаго и Лжеепископа, инаго Іскаріота Іосифа Шумлянскаго, иже подвизается яко лествый раздирати Христову Церковь, растлти Паству, яко татя и разбойникъ, но осується безумный, занеже явленна бысть злоба его, и вся лукавства его, яко совѣтъ Божій болѣе можетъ ниже безуміе его, изяви вся беззаконія его всей Церкви Христовой, зане толика суть велика, яко и нѣсть большимъ быти немощно.

Первое же есть, яко рукоположись внѣ предѣла, кромѣ собора боголюбивыхъ Епископовъ Россійскихъ и своего Митрополита Кіевскаго, ниже

избраніемъ общимъ, но яко тать вскочивъ въ Христіанскую ограду, яко разбойникъ въ стадо, и яко волкъ Аравитскій въ словесныя Христовы овца.

Второе яко рукоположись отъ двоихъ изверженныхъ Архіереевъ, иже за свои премога беззаконія изгнаны быша отъ Архіерейска чина (о нихъ же глаголетъ духъ св. Іосіемъ пророкомъ въ глав. 4. „Ты разумъ оставилъ еси и азъ оставляю тя въ еже не священствовати ти“), и по соборныхъ святыхъ Отець Судомъ извержени быша, законно и соборно и за кое дѣло извержени суть, стоитъ въ свитцѣ Константиноградскія великія Церкви, иже и мы видѣхомъ и подписахомъ.

Въ мимошедшее убо дѣто братъ нашъ вселенскій Патріархъ Константинопольскій Киръ Меѳодіе соборнѣ усмотри Лжеепископа быти Іосіфа, сего ради, наипаче, яко рукоположись отъ изверженныхъ и невѣрныхъ мужей, ихъ же пореченія показаны писаны въ свитцѣ. Сего ради законно истинно изверже и отлучи окаяннаго Лжеепископа Іосіфа. О немъ изверженнымъ и аписа книгу соборную послалъ намъ, дабы есмо ю видѣли своими очима. Аще убо окаянный Іосіфъ нецелослушавъ соборнаго суда, и непокаяся, яко Бога не бояся, на негоже свидѣтельствуеть божественный Софій глав. 3. „Священници оскверняютъ свята моя и нечествуютъ законъ мой.“ А вы чадца, како не слышасте о семъ, како непокористеса, яко праведну, яко законну и истинну суду, но вѣросте сыну погибели Іосіфу глаголющи: „не истинно се быти писаніе,“ еже не токмо истинно но истиннѣйшее. Како Вы не слышасте сосуда избранна глаголюща: „не приобщайтесь дѣломъ неподобнымъ тмы, пачеже обличайте.“ Обличите убо сего беззаконнаго, и отвержите ёго, и аще не уразумѣеть нечестія своего и не возридаегъ беззаконія своего прокленѣте его, занеже сотвори дѣло егоже никтоже, николиже отъ Христіанъ сотвори. — Или мнѣте сему имѣти прощеніе и благословеніе, яко онъ глаголетъ Вамъ, отъ Святаго Апостольскаго Константиноградскаго Престола — лститъ Вамъ. Не лститесь Возлюбленныи! Нѣсть мощно въ истинныхъ вещехъ Святому Престолу и его Собору двоедушествовати. Или невѣсте яко прощая непрощенна самъ непрощенъ, яко же окаянный Іосіфъ! Его же, аще кто именуеть Епископомъ ложъ есть, да вѣсте чадца о Христі! яко лжителъ есть, первожителъ діавола сынъ. И яко сынове брачныи, сынове царствія, изволятъ быти сынове діавола? Кто его именуеть Епископомъ страха ради чловѣческа, да слышитъ отъ Господа глаголюща: „не убойтеса отъ убивающихъ тѣло, но убойтеса имущаго власть послати въ геену.“ Кто его именуеть Архіереемъ, любви ради чловѣческія, да слышитъ Павла Святаго нанъ свидѣтельствующа „ничтоже честиѣе есть любви Христовы.“ Кто его глаголетъ Пастыра даровъ рады, да помыслить, яко есть таковый Юда занеже продаеть Господа, еже есть честь Христова. Кто его любитъ любве ради мірскія, да слышитъ Апостоль: „любве мира сего вражда есть Богу.“ Кто его зрятъ облеченна въ святая нестыдятся его, да не поддѣга-

еть чувству, но разуму, и да воспоминаеть яко есть лицемиръ, и да слышитъ Господа глаголюща: „яко уподобистеся гробомъ поваленнымъ иже извну являются красни, внутръ же исполнены суть костей и всякія нечистоты.“ Но аще дститъ Вы злыи Іосифъ? слышите что глаголетъ Ісаія: „благашин васъ прелщаютъ васъ и стеязя путей смутятъ.“ Который аще коймъ инѣмъ образомъ его восхоцетъ имѣти всяко за священна есть сопротивникъ Христу и Святымъ Отцемъ; кое бо общеніе свѣту къ тьмѣ, кое общеніе Христу съ Велиаромъ? Что сообщается чада къ врату Церкви? Егда прелстистеся, слышѣте Іеремию: „овца погибшая быша людіе мол, пасущи ихъ совратиша ихъ по горахъ.“ Которыи суть погибшая овца? развѣ тѣи иже послушаютъ Лжеепископа Іосифа, а не послушаютъ соборныя Церкви? И которыи суть Пастыри, еже я совратиша, развѣ окаянный Іосифъ тать и разбойникъ сый? И которыи горы развѣ леть его Сатанина Стремнюю претящая. Слышѣте Господа глаголюща: „аще имате вѣру яко зерно горушно, рпѣте горѣ сей двигнись . . . Что остависте законнаго и праведнаго возлюбисте беззаконнаго и неправеднаго? Нѣли боитесь запрѣщенія Господня: „Горе глаголющимъ добру зло, и злу добро; глаголющимъ тьмѣ свѣтъ и свѣтъ тьму.“ Но нѣсть еще се дивно мирскимъ, но Вы братіе како умолчате, ли не слышасте, что повелѣваетъ Господь, яко болѣе Церкви годѣ, болшій есть законъ новыи отъ ветхаго. Но како тогда обрѣтетея Финеей обличая беззаконіе и преста съчъ, нынѣ никтоже обрѣтается да обличитъ беззаконнаго Іосифа. Не слышасте Св. Павелъ Тимоѳею глаголетъ: „облечи, запрети, благовременно и безвременно!“ Что боитесь страха, мучителя Іосифа, а не поминаете, яко имате мздовоздаяніе имѣти по Апостолу глаголющу: „не достойныи суть страданія вѣка сего, къ будущей славѣ хотящей открытися.“ То Господь глаголетъ у Езеніиля пророка: „Свищенницы оставиша законъ, скверняху святая моя посредѣ скверни и чиста и неразсудиша и осквернишася по средѣ ихъ.“ Но пакы что много козвенный врагъ (умысли) яко великаго Аѳанасія Амена (sic) тшахуся показати убійцу, рукою Арсеніевою, тако Іосифъ тшитися да покажетъ, Господина Іеремию Епископа Львовскаго за симоніяка: но что о немъ велегласный Ісаія: „лице блудниче бысть тебѣ, обестудился еси ко всѣмъ.“ И божественный Іеремя: „о немъ очи твои недобра и сердце твое лукаво.“

Мужіе Россійстїи непрелщайтесе словами Іосифа яко суть ложныя, всяко бо нѣсть симоніякъ Еремея, нерукоположиси бо дарами, яко сей злыи Іосифъ, якоже Даѳанъ и Авиронъ отъ немущихъ власть рукоположити, и далъ имъ сребро доволно, поставися. И аще Іеремея Свистелницкій належашу Іосифу, имѣлъ дати гроши, нѣсть се симонія, яко не благодати ради прїятія Духа святаго, но ужиренія ради Церкви божїя; понеже и Господь глаголетъ: „аще кто хоцетъ отъ тебе взяти одежду даждь ему и хитонъ;“ и самъ андрамна далъ есть мира ради: тако и Господинъ Іеремея, понеже Лже

епископъ Іосифъ восхотѣ Церковь божію умирити на златѣ, восхотѣ дати ему отъ имѣній своихъ, мира ради Церкви божіа. Въ таково убо время, яко дни лукавыхъ, блаженнѣе даяти нежели взимати. Но аще Вамъ симонія се мнится, по что не умолисте его, да онъ ничтоже возьмѣ, яко Лжеепископъ праведну и посвященну Іеремею изволитъ Епископства пустити: но яко Юда Христа, тако онъ тѣло его церковь божію, восхотѣвъ продати. О несмыслѣ! о како паки живеть Юда, живеть Искаріотъ!

Возлюбленныи, ихъ же благочестіе явно есть всему миру, како вѣроставе прелестнику Іосифови, непознасте ли яко продаи святая есть священнокрадецъ и тать, якоже глаголетъ Св. Василій: „Всяко сокровенное и такъ бываемое татьба и священнокрадство есть.“ Не вѣсте ли яко нужда Вамъ есть благословенія, и како Вы можете благословити, самъ проклятый, правилному самъ подлежа запрѣщенію. Какъ можетъ освящати самъ освященія дара немѣй; сего ради паки глаголемъ, отвращайтесь, бѣгайте новаго Симона Юды, Іосифа Шумлянскаго, бѣгайте ученія его, яко лжива суть; како Вы можете научити православія вѣры, многожде самъ отъ сея Апостата? Бѣгайте общенія его, яко даетъ вредъ душевенъ и смертоносець. Негдаголи его и не нарицай никтоже Епископа, да не оскверниши устъ своихъ; не лобизай его никтоже рѣверную руку, да не продаси Христа беззаконнымъ лобзаніемъ; неимѣйте его за святителя, яко есть неосвященъ: никтоже да рукополагается отъ него, яко неимать на се власти, и аще кто сотворитъ инако есть съ нимъ проклятъ отъ животворящія и всесвятія Троица, и есть посрамленъ отъ Святыхъ: есть отлученъ по Святыхъ вселенскихъ Соборахъ и странахъ, отъ Церкви Христовы, есть проклятъ отъ Святѣйшаго Константиноградскаго Патріарха и Собора его; есть непростенъ и отъ Насъ и отъ Архіереевъ иже ся прилучили при насъ и подписали на семъ; за еже кто любитъ Іосифа не любитъ Христа. Вѣсте ли что глаголетъ Павелъ: аще кто не любитъ Христа анаѣма да будетъ. Но сообщайтесь и имѣйте и возлюбите законнаго Вашего Архіерея Іеремею и отъ него освящайтесь и приѣмляте благословеніе и благодать и освященіе, яко да будете благословенныи и освященныи отъ Госнода нашего Іисуса Христа, и благословеніе Святыхъ Святѣйшихъ Патріарховъ да будетъ съ Вами, вкупѣ со домами и чади Вашими, и да осѣнятъ вы благодать Св. Духа. Аминь. Аминь. Аминь.

Данъ въ Іаскъхъ року 1448 о мѣсяца Юлія дня . . .

„Подписалъ рукою власною Святѣйшій Патріарха Грецкій великими глѣтерами имя свое, на тутулѣ виразное и изнимъ будучи на тотъ часъ Митрополитове и Епископове, также печати свои поприкладали и поподписовалися, которыхъ имена таковыя напередъ. Мѣсце печати: Једеонъ Митрополитъ Сочавскій и всея земли Молдавской. Мѣсце печати: Іовъ Митрополитъ Виѣлеемскій. Мѣсце печати: Досоеей Епископъ Романскій. Мѣсце печати: Огапойносъ (sic) Митрополитъ Неокессарійскій. Мѣсце печати: Епископъ

Родоскій того не можъ прочитати имени. Мѣсце печати: Іоанъ Епископъ Гушскій.“*)

Изъ выше приведенного явствуетъ, что Шумлянскій, чрезъ долгое время игралъ двоякую роль, т. е. Неуніаты и Уніаты. Еще въ 1667. году, яко мірянинъ именемъ Іоаннъ, отправился онъ въ Воздвиженско-Скитскій Ставропигіальный Монастырь, у подножія Карпатъ, гдѣ ему тогдашній Игуменъ Скитскій Теофилъ, исповѣдающемуся и клящемуся на Евангеліи, издалъ письменное свидѣтельство, что онъ Шумлянскій, „истинно въ преданіи Церкви восточныя, матери нашея, обрѣтается,“ и по званію его духовника, представилъ его достойнымъ избранію въ санъ Львовскаго Епископа (см. Акта Запад. V. N. 69.). Послѣ смерти Епископа Свислелницкаго, освободився Шумлянскій отъ суперника, поѣхалъ въ Варшаву, и тамъ же 7. Марта 1677, въ присутствіи Короля и Папскаго Нунція, отказался отъ греческой шизмы: наконецъ въ году 1700, сбросивъ личину, въ Варшавѣ всенародно изложилъ свое исповѣданіе вѣры, предъ Папскимъ Нунціемъ и Примасомъ Кардиналомъ Радзѣвскимъ, которыхъ Папа назначилъ для того акта своими особенными комиссарами, о чемъ Король универсалами объявилъ Рускому народу. Іосифъ Шумлянскій скончался въ 1708 году и своимъ послѣднимъ завѣщаніемъ отъ 12. Ноября 1707 года въ Львовѣ, записалъ неунитской Воздвиженско-Скитской Обители 1000 золотыхъ польскихъ, поминанія ради о душѣ матери своей, погребенной въ тойже обители. *Za dusze matki mojej* (говорить духовная его писана на польскимъ языкѣ), *którey exuviae tamże w tym Monasterze złożone 1000 zł. legują, aby duszy oney piis suffragiis dzwigali.* Впрочемъ нашъ первый Уніатскій Львовскій Епископъ скончался въ совершенномъ соединеніи съ западною Церквою, поему пишетъ онъ въ своей духовной: *Protestuję się u oświadczam, że w Wierze podlug professy mojej żyję, żyć i umierać mocno postanawiam; w Wierze tey, z którą Święci Apostołowie, Męczenicy poumierali; w Wierze tey, w której, po doczesném pożyciu do Nieba są przeniesieni Bazyli Wielki, Hrehory Nazianzenski, Jan Złotousty, Athanazy i inni Święci Bożi; w Wierze tey, która ma w sobie zgodę powszechną, miłość i jedność Chrześciańską starożytną Ojców Świętych, z Cerkwią Świętą wschodnią, a Cerkwią Świętą zachodnią. Слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнья, что Шумлянскій, исполненный благочестія, естли въ актѣ поставленія его въ Епископы произошло нѣчто неправильнаго, испрошивалъ въ свое время удобренія высшей духовной вла-*

*) Досноей Епископъ Романскій и Іоаннъ Епископъ Гушскій были Епархіальными Епископы Сучавской Митрополіи. Переписчикъ той Грамоты, якъ самъ утверждаетъ, не былъ въ состояніи прочести имени Родосскаго Епископа, подобно же имени Цюксарѣйскаго Митрополита, ибо „О та пойностъ“ естъ греч. *ὁ ταπεινός* т. е. смиренный, титулъ обыкновенно прибавляемый къ именамъ духовныхъ лицъ.

сти, о чемъ насъ, въ томъ же напечатаніи, изданныи грамоты Кіевскаго Митрополита Іосифа Тукальскаго, и Александрійскаго Патріарха Пайсія по части удостоверяють.

Новица въ Маѣ 1860,

Антоній Петрушевичъ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

о состояніи польскаго Народа.

Подъ такимъ заглавіемъ подаемъ читателямъ нашимъ переводъ изъ польской рукописи оглавленной: „Stan historyi narodu polskiego,“ писанной въ Варшавѣ 1791 года, якъ въ началѣ ея читается, въ интересъ Св. Вѣры, и въ доказательство сего, что для блага Польши надобно учредить Іерархію греко-неуніяцкую и диссиденцкую, обоихъ евангелическихъ вѣроисповѣданій, въ областяхъ польской Рѣчи-посполитой. Неизвѣстный, по имени, современный польскій политикъ толкуеть съ большимъ знаніемъ предмета о томъ, что было поводомъ паденія древней Польши, имено свободо-губная система религіиной централизаціи, подобно нынѣшней языковой, которыя обѣ отграничили навсегда Русь отъ Польши и до сихъ поръ чрезмѣрно препятствуютъ развитію русской и польской народности, не меньше же и политической свободы. Такъ приступаемъ къ вѣрному переводу польскаго подлинника:

„Доколи Греки Неуніаты въ Польшѣ, начиная отъ IX вѣка даже до 1595 года, не были въ Уніи, но всегда въ духовныхъ дѣлахъ повиновались Цареградской Патріаршей столицѣ, такъ долго вся Русь вѣрно боронила польскую свободу, и въ рускиихъ земляхъ не знано ничего и матажахъ и якоу нибудь вѣроломствѣ.

Римское духовенство отличалось гражданскими достоинствами и заставляло въ сенатѣ, имѣя сановничества (Dignitaye), а греческое Духовенство, никогда не завидовало такимъ почестей, но довольствовалося своею духовною властью и отличіями духовному сословію принадлежащими, при чемъ наравнѣ почиталось съ Духовенствомъ латинскаго обряда.

Диссиденты обоихъ евангелическихъ вѣроисповѣданій, не пришельцы, но граждане державы, засматриваясь на времена Папы Льва X, отступали отъ Римской Церкви, еще за владѣнія Сигисмунда I въ Польшѣ, по примѣру заграничныхъ протестантовъ, и умножившись при Сигисмундѣ Августѣ, учре-

дили отъ Римской отдѣльную церковную Иерархію, на Судомѣрскомъ Соборѣ, въ 1570 году, изъ обоихъ евангелическихъ вѣроисповѣданій состоящемъ, за свидѣтельствовавши еще свое существованіе на Виленскомъ Соймѣ 1563 года; потомъ въ 1564 году на Соймѣ Бѣльско-Подляскомъ; въ послѣдствіи 1568 года на Городенскомъ Соймѣ; снова 1569 года на Соймѣ Любельскомъ; наконецъ 1573 года на Соймѣ Варшавскомъ Конфедераціонномъ королемъ Генрихомъ и послѣдующими затвержденномъ.

Вѣкъ короля Сигисмунда III. былъ для Польши несчастнымъ отрожденіе наукъ и духъ любознѣнія, за Сигисмунда I-го и Сигисмунда Августа возникшій, началъ при Сигисмундѣ III-омъ упадати. Введены за Стефана Баторого Езуиты, размножившись подѣ Сигисмундомъ III, препятствованы въ своемъ апостольствѣ въ Японіи и Хинахъ, пришли апостоловати въ Польшу, стали гонити Грековъ и Диссидентовъ, и заниматься политическими и духовными дѣлами.

Тотъ же Сигисмундъ вступивши на польскій престолъ, засталъ весь Сенатъ обсаженный Греками Неуніятами, имено великими родами Острожскихъ, Заславскихъ, Корепкихъ, Вишновецкихъ, Збаразскихъ, Черторійскихъ, Сангушковъ, Рожинскихъ, Друцкихъ, Соколинскихъ, Любецкихъ, Огинскихъ, Сологубовъ, Сапѣговъ, Абрамовичей, Ходкевичовъ, Юзефовичовъ, Глебницкихъ, и другихъ тысячныхъ родовъ, которыми все воеводства Русское, Белзское, Волинское, Кіевское, Брацлавское, Черниховское и вся почти Литва, послѣдующая русскому обряду, была наполнена, прочіи же послѣдователями вѣроисповѣданія Евангелическаго и реформованого Аугсбургскаго, имено родами: Горковъ, Реѣвъ, Шляскихъ, Шафранцовъ, Мышковскихъ, Фирлеѣвъ, Горайскихъ, Озаровскихъ, Графовъ Остророговъ и прочими; такимъ образомъ польскій Сенатъ при Сигисмундѣ III. числилъ только трехъ Санаторовъ римскихъ каѳоликовъ, а пословъ едва десятую часть, состоящую изъ католиковъ, напротивъ Грекамъ и Евангеликамъ, о чемъ увѣряетъ насъ исторія господствованія Генриха, Стефана и Сигисмунда III-го.

Король Сигисмундъ управляемый Езуитами, имено Пегромъ Скаргою, веденный ревностью римской религіи, вознамѣрилъ изъ головнѣйшихъ вѣроисповѣданій разновѣрцовъ, т. е. Грековъ Неуніатовъ, Евангеликовъ двоякаго вѣроисповѣданія, реформованого Аугсбургскаго и Соцініановъ, или такъ званныхъ Аріановъ, во первыхъ ближайшихъ римской Церквѣ Христіанъ, тогда Греческими Каѳоликами, нынѣ Неуніатами названныхъ, притянути къ соединенію съ римскою Церковію, чтобы потомъ ему возможно было Лютерановъ, Калвиновъ и Аріановъ истребити.

Въ 1593 году удалось Сигисмунду Кіевского Митрополита Рогозу, Иосафата Концевича, Архіепископа Полоцкого, Терлецкаго и Потѣя Епископовъ, наклонити къ тому, чтобы тѣже снова другихъ греческихъ Епископовъ

къ Уніи приводили, общеваая первымъ изъ нихъ мѣста въ Сенатѣ равно съ латинскими Епископами.

Ипатій Потѣй Володимірскаій и Берестейско-Литовскій Епископъ, который изъ Берестейскаго Капеллана избранъ былъ въ Епископы, а потомъ и въ Митрополиты, созвалъ русскихъ Епископовъ и много мірскихъ вельможъ на соборъ въ Берестъ Литовскій; но соборъ тотъ не совершился съ такимъ успѣхомъ, якъ ожидано, понеже князь Острожскій и другіи Волинскіи, Кіевскіи и Литовскіи вельможи, съ Епископами, Львовскимъ, Перемыскимъ, Луцкимъ и Бѣлорусскимъ сдѣлали тамъ же въ Берестъ другій противный Соборъ, и не хотѣли приступить къ Уніи: когда напротивъ тому Митрополитъ Рогоза, Архіепископъ Полоцкій Юсафатъ Концевичъ, Терлецкій и Потѣй приступили къ Уніи съ Римскою церковью, и послали своихъ пословъ въ Римъ, которые (по свидѣльству Баронія въ его лѣтописяхъ) покоряясь Папѣ, съявили, что Русская Церковь никогда не была подчинена Риму, только восточнымъ Патріархамъ: но понеже восточная Церковь престаала теперь мудрствовать (*bydź mądra*) и остается подъ Турецкимъ игомъ, по той причинѣ вступаютъ они въ союзъ съ западною Церковью, яко мудрою и славною. Такимъ образомъ произнесли они въ Римѣ свое исповѣданіе вѣры, были наѣлены почестями и утварями церковными, а возвратившись въ Польшу, хотѣли остальную часть Руси насиліемъ обратити къ соединенію съ Латинскою Церковью. На мѣстѣ томъ надобно вспоминати, что Сигисмундъ III, хотя былъ отступникъ Лютра, однако въ послѣдствіи стался ревнѣйшимъ римскимъ Каголикомъ. Онъ то, въ интересъ римской вѣры, не хотѣлъ, чтобы сынъ его Владиславъ наследовалъ шведскій престолъ, опасаясь, чтобы не стался Лютеряномъ.

Якъ извѣстно, тотъ же Владиславъ былъ избранъ на великое Московское Царство, подъ условіемъ, чтобы принялъ греческій обрядъ, но отецъ его Сигисмундъ III. не хотѣлъ ніякимъ образомъ соизволити на перемѣну вѣры сына своего.

Первую русскую войну, за Сигисмунда III., имѣла Польша по поводу Уніи русской Церкви съ Римскою Когда же Ново-Уніятаы стали насиліемъ Церкви Неуніятамъ отбирати, отпали нѣкоторые русскіи области, и нѣкоторые роды Шведскіи и Русскіи тогоже обряда начали въ Россію переселятися и за свое гоненіе искати отомщенія.

Предъ Берестейскою Уніею никто не слышалъ того названія „Схизматикъ“, по Уніи первѣе стали давати тое названіе Грекамъ, въ послѣдствіи же другіи съ Христовою и Святыхъ Апостоловъ наукою несогласны прозванія: въ прочемъ якимъ способомъ Уніятаы отбирали Неуніятамъ Церкви, и якъ съ ними обходились, о томъ свидѣльствуютъ многочисленныя жалобы въ Трибуналахъ, Гродствахъ и Земствахъ, а между прочимъ письмо Льва Сапѣги, Подканцлера Литовскаго, писанное къ Юсафату Концевичу Архіе-

пископу Полоцкому, таковыи злоупотребленія Уніятвъ и злополучія для Отечества изъ Уніи произшедшіи, тому же Архієпископу вѣняющее. Впрочемъ и о томъ вѣдати подобаетъ, что Левъ Сапѣга, тотъ славный Подканцлеръ, своего вѣка Министеръ, даже до смерти своей не соединился съ Римскою Церковью, оставаясь однако всегда вѣрнымъ королю и отечеству, хотя не былъ вѣрнымъ Риму. И тое еще добавити нужно, что розновѣрцы, Греки Неуніаты и Евангелики, такъ многочисленны въ томъ вѣцѣ, николи не были измѣнниками Отечества, и руки своей на оное не поднесли, подобно членамъ Римской Церкви въ послѣдующихъ вѣкахъ, якъ на примѣръ Радѣвскіи и другіи.

Хотя съ каждымъ днемъ упала Неуніятская Церковь въ Польшѣ за владѣнія Сигисмунда III, но имѣя еще многихъ членовъ, изъ первыхъ славнѣйшихъ родовъ состоящихъ, не уважая на притѣсненіе свое, во первыхъ призвала она Еремію Патріарха изъ Царегорода въ Кіевъ, который туда пріѣхавши, учредилъ во времена Сигисмунда III. Греко-Неуніятскую, Іерархію, избравши на престолъ Кіевской Митрополи Неуніату, и Епископовъ Львовского, Луцкого, Перемыского, Бѣлорусского посвятивши, тѣмже правленіе русской Церкви подъ вѣдомствомъ Царегородского Патріарха поручилъ.

Непрітели Греко-Неуніятвъ оклеветывали Еремію Патріарха, будто бы онъ пріѣхалъ возмущати край, но оправданъ съ цѣлою Церковью, самъ Сигисмундъ грамотою своею затвердилъ Іерархію Неуніятскую. Ревныи Апостолы всякими способами покушались, чтобы ту Іерархію уничтожити, и старались пріобрѣсти греческихъ Стященниковъ, приклонныхъ для Уніи, и такихъ избранныхъ Езуитами, не уважая на даны привилегія и клятвы, Сигисмундъ возводилъ на Епископскіи столпцы: для чего сильно жаловались на тое послы на соймахъ, и такая духовная борьба продолжалась отъ 1595 до 1632 года т. е. до смерти Сигисмунда III.

Съ 1632. годомъ казалось, что окончится упомянутая борьба, когда посредничествомъ Владислава IV. учреждено двѣ греческіи Іерархіи, одну уніятскую, другую же Неуніятскую. — Уніятамъ дано: 1. Митрополита Кіевского и Галицкого, 2. Епископа Владимірского и Берестейского, 3. Архієпископа Полоцкого, Епископа Оршаньского и Ошмянского, 4. Епископа Холмского и Белзского. Неуніятамъ же дано: 1. Митрополита Кіевского, 2. Епископа Львовского, 3. Епископа Перемышельского, 4. Епископа Луцкого, 5. Епископа Бѣлорусского или Могилевского. — Такое важное событіе должно было успокоити на всегда всякіи неудовольствія, если Апостольскій духъ былъ бы прекратился. Такой обоюдный договоръ былъ чрезъ *pacta conventa* присягою Владислава IV. и конституціею тогоже года затвержденъ, король издалъ обоимъ сторонамъ дипломата, опредѣлялъ комиссарей половину Грековъ и половину Латинниковъ на соймѣ, чтобы во всѣхъ городахъ роздѣлено

Уніятвъ и Неуніятвъ Церквами, и Монастырями и Архимандріями, все тое сѣлано и раздѣленіе совершено. — При всемъ томъ, польска рѣчь-посполитая не была свободная отъ интригъ и чужостороннихъ вліяній, ибо хотя становила у себе права на соймахъ, то однако римское и уніятское Духовенство, и нѣкоторые сенаторы и послы латинского обряда ставили противъ нихъ свои домагательства: Духовенство относилось въ Римъ, который въ конгрегаціи de Propaganda fide уничтожалъ своими приговорами соймовыя постановленія; слѣдственно мудрыя намѣренія Владислава IV. николи не осуществились и народъ не наслаждался миромъ

Не сдержано Неуніятъ того всего, что имъ обѣщано на Соймахъ, духъ гоненія чѣмъ разъ больше возматался, и съ кончиною Владислава IV. прекратилось все блаженство Неуніятвъ, а съ побѣжденіемъ Неуніятвъ стали гонити Протестантовъ и Аріановъ.

Съ послѣдующимъ господствованіемъ Іоанна Казимира въ Польшѣ представилось новое зрѣлище: пониженный и гоненный Неуніятъ, былъ названъ Схизматикомъ, а Неуніятъ, хотя былъ бы и шлехтичь, хлопомъ, который, не мога дальше терпѣти пониженія, былъ возмущенъ и покровительствованъ Московскими Царями и Господарями Валахи и Молдавіи, исповѣдующими греческую вѣру и обрядъ. Теперь схватили за оружіе противъ королю и отечеству, Хмельницкій и Выговскій.

Послѣдовавшія конституціи за Іоанна Казимира всенародно изданными, для изгнанія всѣхъ Аріановъ, которы не отказались бы отъ своей вѣры, дважды повтаряемы (о чемъ свидѣтельствуеть томъ IV краевыхъ законовъ), приспорили для Польши новыхъ непріятелей. — Такимъ способомъ латинское духовенство, притиснувши Грековъ, стало гонити Лютерановъ и Калвиновъ въ Великой и Малой Польшѣ, которы негодуя теперь на народъ (шляхту) и короля, не иначе будьто объявили войну. Инфлантцы перешли подъ владѣніе Шведовъ, ибо почитано ихъ яко еретиковъ и чужоностранцовъ. И вогъ благородный Инфлантскій народъ, недопущенъ къ краевымъ достоинствамъ, забылъ о томъ, что самъ добровольно Сигизмунду Августу прислужился и имѣлъ торжественно затвержденное Аугсбургское вѣроисповѣданіе. Прусаки, гонены Куявскими, Хелминскими и Варминскими Епископами, призывали Брандбургскаго курфирста, который пріобрѣлъ два повѣты Бытомскій и Лимбургскій съ Елблягомъ, а договоръ Оливскій казался быти несчастіемъ для отечества, и Прускій вазаль пересталъ быти вазаломъ.

Гадаяцкая комиссія, по побіеніи короля Іоанна Казимира, своими родаками составленная, казалась кончити несчастную эпоку гоненія Греко-Неуніятвъ въ ихъ отечествѣ, что все доказывается томомъ IV. краевыхъ законовъ. Но все тое не удостоивалось вѣры, постановленія соймовыи, договоры и угоды были ложны; ибо ревнивость римской религіи, отъ всѣхъ сихъ обѣщаній освобождала короля и народъ. Скоро потомъ Уніаты получили

письмо въ Архивъ данное (skrypt ad Archivum dany), извѣвляющее, что все права, конституціи, статуты и льготы, когда нибудь для уніятвъ изданныи не Неуніятмъ но Уніятмъ принадлежатъ: слѣдовательно что выше написано, то ниже изчеркнено.

Говорено о Русинѣ: что Русинѣ не додержуетъ вѣры, но ей не сдержалъ и Полякъ: за что отплативаясь Русинѣ, доказалъ сего, что для спокойнаго исповѣданія своей вѣры старался перейти подъ владѣніе Самодержцовъ Россіи.

Поляки, за короля Михаила, были тѣмъ наказаны, что Турки Камянець съ Подолію заграбили, а Россійскіи Цари воеводства Смоленское, повѣтъ Стародубскій, Черниговское, Сѣверско-Новгородское и Кіевское, по оной сторонѣ рѣки Днѣпра, съ сей стороны Кіевъ, а въ немъ мѣста упокоенія греческихъ Святыхъ, къ которомъ каждый Русинѣ съ большимъ благоговѣніемъ смотритъ, въ свое посѣданіе заняли. Такій заборъ былъ Грималтовскимъ договоромъ затвержденъ, дозволяя притомъ свободныи сношенія, епископамъ Львовскому, Галицкому, Перемышельскому, Луцкому и Бѣлорусскому, остающимся въ неуніи, съ Кіевскимъ Митрополитомъ пребывающимъ подъ чуждымъ владѣніемъ. Такимъ образомъ великое королевство, къ которому подъ Ягайлониами, даже до Сигисмунда Августа, прибывали области, для религіиной вѣротерпимости, подъ владѣніемъ Вазовъ ревныхъ католиковъ управляемыхъ римскими священниками, стали тѣже области отпадывати.

Польскій народъ (шляхта) никколи не могъ опамятатись въ своей религіиной ревности, и такъ въ 1710 году епископства Львовское, Галицкое, Перемышельское, Луцкое, противу Грималтовскому договору отняли онъ Неуніятмъ а предалъ Уніятмъ.

Въ 1717 году тотъ народъ (шляхта) написалъ конституцію противу Грекамъ Неуніятмъ и Диссидентамъ, уничтоживши давнѣйшіи договоры, не сохраняя привилеевъ, обѣщаній, правъ и конституцій тѣмъже данныхъ, и присягами королей утвержденныхъ, что все роздражняло и къ мщенію располагало сердца самыхъ Поляковъ разновѣрцовъ. Въ томъ времени окончилась лена (feudum) фамиліи Кетлеровской въ Курляндіи, по прекращеніи которой по договору подчиненности (juxta pacta subjectionis) Курляндіа должна была подѣлена быти на воеводства: но Курляндцы вѣроисповѣданіемъ Протестанты, потомки славныхъ нѣмецкихъ крестоносцовъ, видя гоненія своихъ братьей въ Польшѣ, и опасаясь сами подобной участи, что имъ явно въ конституціяхъ за Августа II. изданныхъ предсказано, за благо розсудили искати чужого покровительства, нежели подчинити себе подъ законы, гоненія и оскорбленія своихъ привилеевъ, съ которыми пришли къ Польшѣ. Отвращеніе Курляндцовъ противу Полякамъ сдѣлало, что польскіи конституціи были для нихъ тягостнѣйшии, и Россія дала имъ отдѣльнаго князя Бирона, чего мы и Отцы наши были свидѣтелями.

Притѣснены Диссиденты и Греки Неуніяты въ 1717 году не перестали быти съ сего времени обижаемы въ трибуналахъ для тяжёбой формы Аріанизма (z rejestru Arjanizmu) въ королевствѣ, и для тяжёбой формы шіхті fogi въ Литвѣ, такъ отнимано имъ церкви, училища, фундаціи и опозировано ихъ сословіе. Они подносили свой голось на Соймахъ въ 1764 и 1766 годахъ, но заграничная политика и польскій фанатизмъ не дозволялъ сего, чтобы прошенія диссидентовъ и Грековъ были выслушаны, что болѣе, издано еще постановленіе, которое отправляло ихъ просити милости у епископовъ (pro clementia do Biskupów).

Теперь Польскіи Диссиденты были принуждены искати помощи у сусѣдныхъ державъ противу народу, который имъ николи недодержалъ изданныхъ привилеевъ, и въ самомъ дѣлѣ бывши пособствованы тѣмъ же, приобрѣли обновленіе своихъ правъ въ 1768 году, но и при томъ договорѣ сдѣлано въ Польшѣ большую ошибку, не соизволивши Неуніятамъ Грекамъ на учрежденіе отдѣльной Епархіи въ Польшѣ, допуская отправлятися въ Кіевъ Федынаку Бѣлорусскому епископу, который не могъ не повиноватися Митрополиту. Противу тому договору съ 1768 года завязали религіиный ревнители конфедерацію Радомскую, опустошившую край и прискорившую роздѣленіе державы: такая то была корысть для Польши, хотящей искоренити Грековъ Неуніятовъ и Диссидентовъ, для чего ей всегда убываютъ воеводства, повѣты, послы и люди, такъ католики, Неуніяты, якъ Уніяты и Евангелики.

Чтобы, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ просвѣщенномъ вѣцѣ прервати миссіонерское дѣло и быти поборниками народа, неподчиняющагося фанатизму и чужимъ державамъ, потреба признати людей за людей, оставити каждому свободу совѣсти, подобно мудрымъ нашимъ предкамъ, пока возникшіи при Ягайдонахъ свѣтъ, за Вазовъ не притемнѣлъ, подлѣ Саскии Августами не погасъ, а тогда будетъ еще тотъ народъ счастливымъ. Надобно обратити вниманіе на тое, яка польза для народа изъ цивилизаціи слѣдуетъ, а не изъ вѣротерпимости (толеранціи) Грековъ и Диссидентовъ. Утверждаю изъ цивилизаціи, понеже толеранція, ничто больше есть, якъ только временная терпимость отъ милости зависящая, кто совѣтовалъ и совѣтуетъ единственно толеранцію для розновѣрцовъ, тотъ есть явнымъ непріателемъ отечества а пріателемъ сосѣдовъ; ибо каждый гражданинъ есть оаоленъ такъ мыслити, чтобы всему отечеству было благо, а не одной только его части. Духовенства всегда было и будетъ интересомъ, чтобы въ державѣ не было розновѣрцовъ, дабы оно для послѣдователей одной вѣры было безусловнымъ прорицалищемъ, которое розновѣрцамъ не совѣтъ достоинствомъ можетъ оказыватися, понеже здѣсь нужно не раздумывати о томъ, якбы угодити Духовенству, но якимъ образомъ удовлетворити бы требованіямъ державы для устраненія всякаго несчастья. Когда держава будетъ для всѣхъ вѣроисповѣданій отворена, и не дозволитъ тѣмъ же утѣснати, тогда изъ

всѣхъ чужихъ многолюдныхъ областей, гдѣ розновѣрцы гонятся, привлечеть множество промышленныхъ людей, роспространяющихъ въ краѣ торговлю, ремесла и прекратитъ вывозъ грошей за границу. Напротивъ тому, держава затворена для розновѣрцовъ и гонящая тѣхже, или отказывающая для нихъ справедливость, такая и оставшюся еще часть жителей своихъ роагонитъ, и край слабо населенный, совсѣмъ опустошитъ.

Естьли кто нибудь думаетъ, будто теперъ прекративши сношенія Неунитовъ съ Россією, неучредивши имъ особой Церковной Іерархіи, предасть остатокъ Грековъ пониженію и утѣсненію, и тѣмъ же принудитъ ихъ къ соединенію съ римскою церковію, и устранить чужое вліяніе, тотъ весьма поверхностно мыслитъ, и не милуетъ своего отечества.

Допустивши даже тое, чтобы такимъ способомъ въ самомъ короткомъ времени держава освободилась отъ Неунитовъ, что однако безъ принужденія, тиранніи и притѣсненія не осуществилось бы, и сотни людей переселились бы до сусѣдныхъ державъ, неувжая на всяки предосторожности и численнѣйшіи войска, чѣмъ наконецъ въ наше время водворилось бы въ краѣ спокойствіе, но на будущее не уготовалось бы тѣмъ ніякого счастья: ибо въ такомъ случаѣ всѣ Неуніятскіи и Протестантскіи державы признали бы насъ тираннами и гонителями, а всѣ заграничныя Неуніаты и Протестанты николи не появились бы въ предѣлахъ Рѣчи-посполитой съ своимъ промысломъ, торговлею и рукодѣльями. Напротивъ тому, когда мудрое правительство наше обезпечитъ посѣданіе имѣнія каждому, предпишетъ для каждого справедливость, дастъ всякому человеку свободу Богопочитанія по своему убѣжденію, тогда каждый чужостранецъ, зная о томъ, что въ томъ краѣ обезпечено будетъ вѣроисповѣданіе, его имѣніе, и znajдетъ заѣсь справедливость, станетъ переселятися въ польскую землю, яко въ землю обѣтованную, землю собственную, и будетъ тууже своимъ разумомъ и имѣніемъ помоществовати, и даже кровь за отечество свое новое, яко за свою матеръ, проливати не будетъ жалѣти.

Въ доказательство того имѣемъ много примѣровъ:

Во первыхъ. Когда договоръ съ 1768 года рoстворилъ Польшу для розновѣрцовъ, тогда многочисленными семейства торговцовъ и рукодѣльниковъ поселились въ нашихъ городахъ.

Во вторыхъ. Когда городъ Житомиръ приговоромъ комисіи Boni ordinis съ 1783 года, къ своимъ привилеямъ возвратился и на оборотъ въ Россіи муниципальный законъ, польскимъ городамъ, а теперъ Россійскимъ, надѣленный былъ уничтоженъ, и на мѣсто его полицейское управленіе завелено, Кіевскіи граждане и другіи изъ россійскихъ городовъ, Кременьчущкіи и Переяславскіи, пріѣхавши въ Бердычовъ на славную ярмарку съ товарами, отправились въ Житомиръ и объявили свою волю оставити Кіевъ и переселитись въ польскій городъ Житомиръ, чтобы имъ только заручено, что польское Правительство не выдастъ ихъ Россіи, такъ, якъ прежде не малое число

російскихъ выходцовъ выдало, и что имъ обезпечить свободу греческой вѣры и городу Житомиру привилеи его затвердить. Жители Кіевскіи хотѣли уже покупать землю въ Житомирѣ и созидати домы, но пріѣхавши вторично въ Житомирѣ, и увидѣвши, что ксендзъ Полуцкій оффиціалъ Кіевскій тогдашній предсѣдатель комиссіи Boni Ordinis тогоже города, и Бугарь судья Житомирской земли и другіи не совѣтъ понимающіи политику комиссари, благосклоннѣйшими явились для Евреевъ, якъ для Христіянъ, и городскія площади, противу желанію магистрата самовольно надѣляли и роздавали на мѣстахъ публичнѣйшихъ Евреямъ, а стали отдавати оттуда Христіянъ; когда для истца (aktora) Еврейского изслѣдовано весь магистратъ въ Житомирѣ, не уважая на занесенную аппелачію до ассесорскихъ судовъ симъ магистратомъ, и тотъ же ввергли въ тюрьму, и несправедливимъ способомъ насылали войсковую ексекуцію, тогда такимъ поступкомъ оскорблены Кіевляне, оставили той городъ и отнѣили свое намѣреніе въ немъ поселитися.

Во третихъ. Когда Бѣлорусь поступила подъ владѣніе Россійское, и магистрату города Могилева, перешедшого въ 1773 году подъ чужую державу, приказано было російскимъ правительствомъ, присягнути на вѣрность Россійскому Государю, тогда магистратъ тотъ, хотя изъ самыхъ Грековъ Неуніатовъ состоялъ, возбранялся таковую сдѣлати присягу, и отправилъ къ польскому королю отъ себе пословъ съ предложеніемъ, что магистратъ и весь городъ должны быти вѣрными королю и польской Рѣчи-посполитой, для чего не желаютъ такую присягу сдѣлати російскому правительству: но получивши отвѣтъ, что дѣльнымъ договоромъ уже суть преданы чужому правительству и тѣмже договоромъ освобождены отъ вѣрности и присяги королю польскому, съ плачемъ возвратились теперь во свой городъ, и сдѣлали такъ принуждены изъ себе жертву. Тѣже Могилевскіи жители, всегда тоскуя за Польщею, стали незамѣтно часточно переходити подъ владѣніе польское, тоже дѣлали и граждане Полоцка, Витебска, Орши, Рогачева и другихъ городовъ; но когда въ 1776 году на конфедераціиномъ Соймѣ, къ большому несчастью Литовскихъ городовъ было рѣшено уничтожити Магдебургію въ поменьшихъ Литовскихъ городкахъ, розвязати магистраты и всѣ прислужащіи имъ муниципальніи права, и подчинено ихъ власти старостовъ, и съ устраненіемъ прежнихъ льготъ, наложено на тѣже города подати, тогда не только Греки Неуніати и Диссиденты граждане, но сами даже католики оставляли Литовскіи города, переселяясь за границу, лишены своихъ свободъ и привилеевъ. Тая конституція въ 1776 году, подъ титуломъ постановленія податей въ Великомъ княжествѣ Литовскомъ, больше изгнала городскихъ жителей изъ Литвы, нежели дѣльными договорами (traktaty rozdziałowe) отняли отъ Польши; слѣдовательно нѣтъ блага для области, когда въ ней не умножается народонаселеніе, съ которымъ только возрастаетъ торговля, промышленность и богатство.

Для умноженія народонаселенія и обогащенія области лучше всего содѣйствуетъ гражданская ровность, ровная справедливость, и свобода богочитанія по всей вѣрѣ и убѣжденію. По той причинѣ, если Рѣчь-посполитая учредить Іерархію для Грековъ и Диссидентовъ и дать имъ гражданскую ровность и ровную справедливость, то въ ней никогда не возникнутъ мнимыя мятежи, ибо тѣже не изъ чего иного, якъ только изъ притѣсненія или гоненія религіи рождаются. — Притѣсненіе и гражданская несправедливость сноснѣе, нежели религіозное гоненіе, ибо для человѣка не есть только дорогое имѣніе и жизнь, но еще болѣе сего вѣра, которую онъ изъ молокомъ выссалъ.

Мрачныя Испанскіи фанатики и Индійскіи Апостолы вознамѣрили обращаться въ Христіанскую вѣру Индіановъ, которые охотно были бы приняли Христіанство и отдали свои богатства Испанцамъ; но понеже тѣ фанатики не умѣли обращаться, только убивати и забирати Американцамъ золото, то мало удалось имъ снискати въ Индіяхъ католиковъ, погубивши при томъ милліоны людей, и опустошивши многочисленныя области Америки. Россійская императрица не лише только приобрѣла новыя области, но еще вѣротерпимостью всѣхъ религій приумножила число народонаселенія.

Прусскій король пользовался глупостью французскаго Правительства, изгнанаго Гугеноттовъ, обогащая ими свои области. — Тогоже счастья была бы доступна и Польша, ибо французскіи Гугенотты желали въ ней поселитися, но совѣты польскихъ Епископовъ тому сопротивились. При всемъ томъ Польша тая, яко смежная область деспотическимъ державамъ, якими суть: Россія, Пруссія, Австрія и Турція преисполнена разновѣрцами, если бы въ своемъ республиканскомъ народѣ шляхецкую аристокрацію уменьшила, а папскую Монархію въ своихъ областяхъ уничтожила, то имѣла бы между тѣми державами, многочисленнѣйшія области. Тогда каждый переселялъ бы ся въ Польшу, когда была бы ему обезпечена личная свобода, гражданственная ровность, и вольное вѣроисповѣданіе по убѣжденію его, чего ей всѣмъ сердцемъ желаемъ.“

Примѣчаніе. Была-ли переведенная мною статья уже печатью обнародована или нѣтъ, сего мнѣ до сихъ поръ неизвѣстно, но на мѣстѣ томъ не могу не замѣтити, что около сего времени въ томъ же намѣреніи и душъ была напечатана на польскомъ языкѣ брошура съ оглавленіемъ: *Zdanie obywatela ukazujące istotną Rzeczypospolitęj Polskiej potrzebę ustanowienia w iey państwach Hierarchie Polskiej Grecko-Nie-Unickiego kościoła*, страницъ 15. въ четвертую долю листа, безъ означенія года и мѣста печати, яко-же и имени сочинителя ея. Къ тому же предмету относится, и въ тѣснѣйшей связи съ обоими выше приведенными статьями стоитъ также безымяннаго сочинителя весьма дѣльное твореніе, напечатанное въ Варшавѣ еще 1789 года подъ заглавіемъ: *Uwagi polityczne do prawideł Religii y zdrowey Filozofii zastosowane, tyczące się władzy kościelney in Temporalibus, ulepszenia Duchowienstwa katolickiego*

Obrządku Greckiego, nieutwarzania Hierarchii Nieunieckiego kościoła w krajach Rzeczypospolitey i udzielenia sprawiedliwości Poddaństwu Polskiemu, przez Anomina krótko w jednym Liście zebrane, stronę 68, w osmą część liścia. Wszę приведенныи мною сочиненія сберегаются въ библіотецѣ Митрополічей Капітула Святогергіевскаго Собора въ Львовѣ, и кажутся мнѣ быти твореніемъ извѣстнаго въ томъ времени поборника правъ русскаго народа и Духовенства въ Польшѣ, Θεодосія Бродовича Архіприсветера греч. униат. Епископскаго Капітула въ Лупку и соавителя книги: Widok przemocy na słabą niewinność srogo wywartej, напечатанной въ Львовѣ 1861-1862. въ двохъ частяхъ.

А. Петрушевичъ.

А К Т А

относящіяся до затверженія Капітулы Епископскаго Собора во Львовѣ.

I.

Litterae D. Miselli ad D. Augustynowicz die 11. Julii 1772
Roma scriptae.

Per momentum temporis impedita mihi est expeditio Bullarum et indulti super gratia distinctorii favore Capituli Leopoliensis. Jam omnes expensae solutae fuerant, jam conscriptae tres distinctae Bullae cum suis transcriptis aureo caractere, jam omnia approbata fuerant in singulis officiis Datariae et Cancelariae cum solutione consvetae taxae. Verum cum hesternae die eadem Bullae plumbandae erant, et ad hunc effectum venerant ad consvetum officium, nescio quis ex nostris inimicis rem detulit Emmo Praefecto S. Congregationis de Propaganda, qui est infensus Clero Saeculari et non vult permittere, *ut parifectur Clero Latino*. Hic igitur Emmus Praefectus dedit Epistolam Emmo Prodatario, obtinuitque supersederi in relaxatione Bullarum. Explicare vix possum suae Perillustri Dominationi qualis fuerit mea consternatio et hinc intelliget, cur ego nolui adire Congregationem de Propaganda, ubi certo certius repulsam habuissem et potius adivi Datariam Apostolicam, ubi gratia non modo signata fuit, sed etiam fuerunt expeditae Bullae, quae hodie solum ob respectum dicti Emmi retinentur. Sciat autem quod

Emmus Prodaturus et omnes Datariae officiales mihi sunt favorabiles, et aegre ferunt contradictionem dicti Emmi Praefecti S. Congregationis. Nunc admittitur ipsum emollire ac etiam eo dissentiente gratiam obtinere ex oraculo Papae. Haec est causa retardationis, sed sua Perillustris Dominatio nihil exinde timeat, quia etiam in pessimo casu, quo gratia revocaretur, *debebit Dataria Apostolica et omnes officiales restituere pecunias, et ego semper sum promptus de recepto Cambio reddere rationem.* In caeteris non possum respondere, quia nimis sum conturbatus ex hac violentia, debuique pro hoc negotio huc illuc excurrere per totam urbem, et totus fui occupatus. Satisfaciam tamen futura posta et exitum notificabo. —

II.

Litterae D. Miselli ad D. Augustynowicz die 18. Julii 1772
Roma scriptae.

Nostri Capitulares Secretum non servarunt, ut ego insinuaram, et hinc orta est in expeditione indulti retardatio et impedimentum, quod ego anteriori posta significaveram. Illustrissimus Archiepiscopus Leopoliensis ritus latini habita notitia signatae gratiae, dedit literas nescio ad quem in urbe correspondentem, et fortasse, ut opinor ad P. assistentem Carmelitarum. Hic vero cum non posset impedire relaxationem indulti post jam factas a me maxima sollicitudine *omnes solutiones*, adiit Emmum Praefectum S. Congregationis de Propaganda, qui praetendit omnino revocari a sanctissimo gratiam jam factam. Plura opposita fuerunt. Et primo, quod concessio istius modi indulti postulari omnino deberet, et privative concedi ab eadem S. Congregatione de Propaganda. At in hoc habuit contradictorem Emmum Cardinalem Prodaturum. Et Sanctissimus persuasus jam fuit, quod indultum rite voluit, debuitque imo concedi a Dataria Apostolica solutis consvetis emolumentis, quia non agitur de expeditione necessaria prout sunt expeditiones beneficiorum, episcopatum et similium, quae gratis fiunt in S. Congregatione de Propaganda fide; sed agitur de expeditione voluntaria. Unde omnino decet, ut qui assequitur gratiam cujus caeteroquin non indiget, debeat solvere consvetas taxas. Cum itaque hoc primum molimen in irritum cesserit, aliud deterius tentarunt adversarii: Opposuerunt enim, nostros Capitulares esse prorsus indignos distinctorio propterea, *quod sint personas vilissimae et rustici, qui terram ipsam arant, adeoque non deceat eos condecorari cruce et Latinis parificari.* Et ad hoc probandum exhibuerunt literas Archiepiscopi Sierakowski, quas ego vidi et characterem genuinum agnovi. Maxima hinc orta est contentio inter Datariam Apostolicam et S. Congregationem de Propaganda. Emmus Praefectus et Illmus Secretarius S. Congregationis favent Latinis, et Ruthenorum postulationi sunt contrarii, nec ego eos potui emollire pluribus adductis rationibus. Contra

vero Jllmus ac Reumus Ferri Subdatarius Sanctissimi, qui vices gerit Emmi Datarii pro sui senectute inhabilis, caeterique officiales Datariae nobis favent.

Et quamvis ex adverso magna virium contentione peteretur a Sanctissimo revocatio indulti, Jllmus Subdatarius obtinuit, ut res in suspenso maneret pro capiendis melioribus informationibus. In hoc rerum statu Jllmus Eppus Leopoliensis Ruthenus duas Epistolas scribere debebit, unam scilicet Sanctissimo directam, alteram Jllmo Subdatario etc Interim ut vere agnoscat Sua Perillustris Dominatio, quod omnia jam erant in promptu, et omnes expensae jam solutae sint, imo conscriptae non solum tres distinctae Bullae pro distinctione Capitulorum, sed etiam tria distincta transumpta, solumque per momentum temporis remota fuerit expeditio. Transmitto unum ex iisdem transumptis quod iterum debebit ad me remitti. Pareat Deus nostris Capitularibus, quod intempestive gratiam signatam propalaverint contra meum consilium . . . Archiepiscopus Armenorum non debuisset dare contrarium testimonium, quia etiam Armeni hoc Exemplo poterant sperare et obtinere, si voluissent, aliquod Distinctorium.

III.

Litterae Comitum Sierakowski Archieppi Leopoliensis rit. lat. ad Beatissimum Patrem die 1. Augusti 1772 scriptae.

Beatissime Pater!

Afflicta undique praesenti temporum calamitate Polonia, dum totam desolatam, ac merore confectam se esse existimat, exinde etiam adversam suam conditionem deplorat, qui Antistitum Latino-Unitorum his respective in partibus Russiae excitentium novis dissidiis perturbatur.

Reumus enim Leo Szeptycki, Leopoliensis, Haliciensis et Camenecensis Podoliae Ruthenorum Eppus inconsulta S. Sede in seculis totius Reipublicae ordinibus, non vocatis de jure vocandis rem a saeculis inauditam insolito stylo, cum summa admiratione totius orbis Poloni minus quam intra 24 horarum spatium tria Capitula Cathedralia Cleri Saecularis ejusdem Rutheni Ritus Leopoliense videlicet, Haliciense et Camenecense more in Ecclesia Graeca orientali in practico, nullum habens fundum proprium, sed in aliena Ecclesia monachorum videlicet D. Basilii M. Leopoliensi erigere dignitates et canonicos creare cum gravi derogatione jurium Capitulorum Latinorum totius Status Ecclesiastici informiter, clandestine et proprio ausu praesumpsit.

Hinc est Bssme Pater! quod me uti Metropolitanum Provinciae Leopoliensis nimium reddit afflictum et cum summo animi mei dolore ad paternam Clementiam, sanctamque ejus justitiam, implorandum circa osculum pedum Sanctitatis vestrae confugere compellit etc. etc.

IV.

List pisany do Warszawy podczas trudności w daniu konfirmacyi w Rzymie dla przeszkody WW. OO. Bazylianów y IW. Jego Mei X. Arcybiskupa Łacińskiego od W. Imci X. Officyała gnlgo Lwowskiego diversi Nominis ad ejusdemque Cognominis Procuratora gnlgo y Archidyakona K. Ł. 1773 A. die 3. Martii.

Odebrałem nielada nadeszłą z Rzymu wiadomość, z której tak byłem kontent, iak żrzebiec po urznięciu. Niech wola Boga z Nami dzieie się. Kapituły Łucka, Włodzimirska, iakie takie one są, są iednak, choć bez Approbaty Rzymskiej. I my byśmy się byli Rzymowi nie naprzykrzali y Nasz majątek na Loś szczęścia byli byśmy puścili, gdybyśmy taką trudność byli przewidzieli; lecz kiedy odezwaliliśmy się, y zato miasto wdzięczności taką obieramy trudność, to konsekwencya, abyśmy się w innych Interessach nie referowali. Zapewnie nie referowali byśmy się, *gdyby Nas boiaźń przysztých czasów do tego nie przyswiedła była*, żeby in post y Kapituła Nasza y peculium na nią ofiarowane nie zginęły, iak z dawnieyszemi kapitulami y ich dobrami stało się. Już dosyć zainformowany iest Excellentissimus D. Nnncius:

1. Że u nas *Kapituły wszędy bywały*, y iakie takie fundusze miewały.
2. Że te kapituły cum adminiculo OO. Bazylianów *Illmi Dni Eppi suppresserunt*, a *Dobra Kapitulne*, gdzie były, *na siebie obrócili*, iako to łatwo, gdyby się godziło y pozwolono, wyprobowało by się.
3. Że post cassata Capityla nastąpił *Absolutismus*, z *tego Despoticismus*, a z *despoticismu ruditas in Clero et populo*, bo chiba by szalony a nierozumny chciał podać szyię pod takie despotyczne iarżmo.
4. *Latini Eppi et Clerus tęg prostoty przygodzie bardzo radzi byli*, bo Ruś do swego Obrządku łatwiej przeciagneli, z przeciagnioney liczne y obszerne Dyecezye w Xięstwie Ruskim, w którym przed trzema sty lat *ledwie iaki Polak Ritus Latini znajdował się* dla siebie porobili. A nawet od roku 1714 *myślą y zawsze między sobą radzą*, iakby nakoniec y *samych Biskupów Naszych pod moc swoją podbić* mogli, y do tego mało im braknie. Ależ bać się mocno, *aby ta pretensya nowėj Schismy nie zrobiła albo dawnéy nie odnowiła*.
5. Projekt 1.17. nie iest to myśl Rzpltey ale *privati hominis malitia contra Ritus Nostrum succensi*, wynalazek na zniesienie tego i bezbożnę środki (które on zbawiennými śmie nazywać) podane. Nie musi Illmus D. Minister Romanus bydź zainformowany, *że tu iest Xięstwo Ruskie y Xiążęta Ruscy w niem dziedziczyli*. Nie musi wiedzieć, że kiedy Ruś 1340 Kazimierzowi W. poddała się, to sobie *obwarowała liberum exercitium Ritus sui Graeci*. Nie musi wiedzieć, że przedtem non obstante identitate Ritus Rusi z Moskwą Xiążę Ostrogski choć Rusin, obstaiąc za całością Xięstwa Ruskiego, iuż do

Polski należącego, 30 y kilka bataliy z Moskwą wygrał, y to *non nocebat Bono Regni et Religionis Catholicae in Polonia*. Nie musi y tego wiedzić, że *wiele razy Polacy zamyslali Ritum Graecum Unitum w Xięstwie Ruskim suppressere, zawsze a Deo cladem insperatam odniesli*, iako Susza Biskup Chelmski w swoim skrypcie 1664 A. w Nunciaturze znajdującym się przyświadcza. Chcieli y teraz y *na konsulcie Kukizowskiéy**) uchwaliłi przed zaczęciem Konfederacyi 1768 in Januario, *aby Ruś była przez konfederatów albo do Obrządku Łacińskiego przysięcia przymuszona, albo wycięta*. Owoż dokazali, że może za to samo Bóg rozgniewany dopuścił podziału Państwa z tak znaczną oczewistą Oyczyzny szkodą. Myli się więc supposito, żeby to było lepiej, aby in Uno Regno Unus sit Ritus Latinus. Owszem gdyby tego chciano, toby Ruś szukała Protekcyi Moskiewskiéy, a Moskwa zapewnie większe znalazła by prawo do całego Xięstwa Ruskiego, iak inne potencye, co ięszcze z większym iak teraz Krolewstwa Polskiego byłoby pokrzywdzeniem, nie mówię millionowym dusz straceniem, bo ta Maxyma u wielu żadnych względów nie ma. 6. Projekt ten mógł bydz pokazany ad persuasam reddendam S. Sedem Apostolicam, iak *zdawna niektóre osoby R. latini Rusi naszey in Nativo Solo będącéy nienawidzą y ten obrządek extinguere usiłują*, który Oycowie Święci Greccy postanowili, a S. Sedes za dobry y Święty uznaie y utrzymaie. Ta to sama *nienawiść* y teraznieyszey robocie konfirmacyi Kapituły naszey przeszkadza. 7. Jeżeli Ssimus in scripto assekurował Illustrissimos Episcopos Latinos, quod non sit admissurus de hoc negotio discursum, a *czegoż się mamy dobrego spodziewać a Comuni hoc Patre et Pastore tanta praeventione praeoccupato*. Wszak gdy unius Matris Ecclesiae catholicae iesteśmy filii, aequaliter z drugimi cierpliwie słuchani y wysłuchani bydz powinniśmy, chiba że *gwałtem nas chcą przymusić do recessu* od siebie; ale tego nie day nam Boże, owszem day nam cierpliwość a S. Stolicy Krzywd y *praejudyciów naszych istotne rozpoznanie* y fałszywych przeciwko nam wielokrotnie pozmyślanych zarzutów odkrycie. 8. Obawia się Rzym vel minimas Latinorum oppositiones, a tego nie obawia się, że *iak tylko Latinos praeferendo nas poniży, tak zaraz na całej Ukrainie, a może y na Podolu y na Wołyniu, actum erit de Unione*, tot annorum spatium et laboribus conquistata. 9. Ruś Latinorum dispositionibus nec se opponit (chiba żeby ich w czém z pokrzywdzeniem tykali), *ani w ich rzady miesza się*, a za coż Latini mają Naszym rządóm opponować się? albo w nie mieszać? Wszak my iako *żadnéy od Nich dependencyi nie mamy*, bo we wszystkim z nimi iesteśmy porównani, tak wolność mamy uchwalać y stanować, co się nam zdawać może lepszego, a prawóm tak koronnym iako y kanonnym niesprzeciwiającego się. Wszak my milczeli na to, kiedy Imci Xiądz Arcybiskup tu teyszy, mający actualiter kapituły katedralną Lwowską y dwóch kollegiat

*) Kukizow, Кукизовъ, село въ Жолковскомъ округѣ въ Галиціи.

Stanisławowskiej y Żółkiewskiej, trzecią kollegiatę w samym Lwowie przy kościele Panny Maryi*) postanowił. Jeżeli zaś *Nas nie mogą cierpieć y sobie równych wiedzieć*, niechże pierwéy покаżą przywileje y dekreta parificationis y wyprobuia, że *my nie powinni mieć żadney dystynkcyi od prostych Chłopów albo Żydów*. Ale prawda, *u nich Żydzi w lepszym są respekcie iak my katolicy* we wszystkim im równi. 10. Żeby nasi Illustrissimi vel major eorum pars pisali ad S. Sedem pro desiderata Confirmatione, tego żadną miarą spodziéwać się nie można, owszem Illustrissimi *Metropolitanus et Premisliensis są per expressum przeciwni*. Pierwszego przeciwność iest WM. Panu wiadoma, drugi Naszemu fortiter radził, aby téy promocyi odstąpił. Inni zaś Bazylianom lepiéy iak Naszym sprzyiając nad nich Naszych praeferre *nie chcą y nie życzą*. Jeden Łucki, drugi Brzeski mogli by co za nami dla Ceremonii napisać. 11. Sama ratio Status Naszych Illmorum odradza im, aby w tym za Nami nie wdawali się, bo praevident, że *wczasie mogła by ich absolutność*, u niektórych etiam despotica, *ustać*. 12. *Zakonnicy także mają swój Interest psuć cum Illmis Latinis* nasze zamysły, raz że *chcą in Hierarchia Nostra sami gubernare, co iak było tak i będzie, ieteli my w poniżeniu a z poniżenia w prostocie zostaniem*, drugi raz, że *się boją, aby my mając Kapituły nie zagarneliśmy do siebie Szlachty a daley y na Biskupstwa nie promovali się*. Te to téy pokory Zakonney są fundamenta y nas wniwecz obracanie. Wreszcie poradź się WM. Pan Illustrissimum Promotorem Nostrum, co y iak daléy robić mamy. To pewna, że takowe zatrudnienia etiam w Naszym Pasterzu taedium sprawiają, y ręce opuści, a my na śmiech, ohydę y szyderstwo u XX. y obywatelów Polskich y OO. Bazylianów poydziemy, iako sztydzić już y zaczyna-

*) В то время, когда по смерти Льва Шептицкого Митр. Киевского и всея Руси 1779 г. вдовствовали русскіи Епископіи Львовская, Галицкая и Каменецкая, ровно и Перемышская, Самборская и Сапоцкая, а капитулы тѣхже Епархій еще не подтверждены едва дышали, величалася Архидієцезія лат. Львовская четырьмя капитулами съ многочисленными пралатами. Архієпископъ былъ тогда извѣстный Венцеславъ Іерон. Сѣраковскій, его суффарганъ Фердинандъ Епъ Таргенскій. Межъ канониками считались епископы, архієпископы, даже патріархи in part., тоже инфулаты и каноники другихъ епархій. Львовскій капитулъ считалъ 5 пралатовъ, межъ ними деканъ Стан. Райн. Езѣрскій носилъ титулъ еппа Баковского, а куестось Крисп. Цѣшковскій Ниссенского еппа; канониковъ грем. было 21; кан. свыше числа (canonici supernumerarii) 14 челоу. Между первыми, Алекс. Трембинскій инфулатъ Замостскій, Георг. Годзѣмба (comes de Lascais) патріархъ Іерусалимскій, Асппъ Θεοποζійск. Аббатъ инфулатъ Жолковскій, Іоаннь Ал. Александровичъ коад. Еп. Холяск., Ф. Кичій коад. Львовск., Стан. Свѣйковскій инфулатъ Тарновскій. Капитулъ Жолк. провъ вышереченного Аббата, шесть пралатовъ и столько же канониковъ; Станиславовскій капитулъ три пралаты и 4 каноники, предстоитель ихъ Францъ Канд. графъ Тенчинъ Осолинскій епъ Киевскій капитулъ же коллегіаты Львовской имѣлъ 4 пралаты и 4 дѣйств. а одинъ почетный каноникъ. Сверхъ того консисторія, суды заворныя, низшее духовенство и несчетныи монашескіи ордены! (См. Schematismus der Kbn. Galiz. u. Lodom. Lemb. 1780.) Прим. Я. О. Г.

iących. *Jac nie długo cierpieć będę*, bo dies mei a ieszcze przy tych zgryzotach breves, *ale wy młodzi gotuiecie się na dłuższe Urągani cierpienie*. Co mnie naywięcący boli, iak się o tych trudnościach dowię IMC. X. Kiiowski, to zacznie swóy majątek rozdawać na klasztory y Ubogie, a My y Bracia Nasi w dawnym Ubóstwie zostawać będziem. Kiedy się tak Bogu podobało, niech y w tém wola Jego Święta dzieie się.

P. S. Świec kóp 10. propter Excellmum Dominum Nuntium posyłam y WMJPan wiadome mu naznaczone Dukatów50 odday. Jeżeli nulla spes boni eventus Negotii to może i nie wezmie. A iesli weźmie y bezskutecznie, to trzeba Nam imaginować: Czy to sami, co nam Pan Bóg dał, gratis rozdamy, czy że po naszej smierci chyba kto nie zechce, brać nie będzie, kiedy takiego któryby pilnował nie zostawimy. A ieszeli życie nasze przewlecze się, to kiedyśmy od Boga przeznaczeni bydz w ostatnim poniżeniu y urąganiu, niech będziem w większym iak iesześmy y ubóstwie. Coż mamy robić? Z wola Boską zgadzać się nam trzeba. A ztym wszystkim nie spodziewam się, aby S. Sedes instytuowanychi nas pokassowała. Przychodzi mi na myśl, po oddanych offertach wytrzymawszy z kilka dni (ieszeli tak radzić będzie Illmus Consiliarius) wyiednay sobie audyencyą sekretną apud Excellmum Dnum Nuncium y wyraż mu intrinsecas rationes, propter quas my żądamy a S. Sede Confirmationem. Exponuy co się dzieie, za co się Dobra kupuią, kontrybneye nakazują etc. etc. Możesz temuż y cały mój list pułarkuszowy przeczytać, który pierwey przeczytay Illmo Consiliario y iakie Iego w tym zdanie będzie, czy go komunikować czy nie komunikować Nuntio upraszać. His omnibus malis obviandi non superest ullus alius modus tylko formalis Capitulorum resuscitatio per S. Sedem demandanda et confirmanda. Capitula bowiem omni modestia mogliby perswadować, a nakoniec opponować się przeciwnym prawu y słusznosci dyspozycyom. *Póki zaś kapituł po Diecezyach nie będzie, poty bezprawia dzieić się nieprzestaną z ostatnia braci naszych miseryą, uciskiem, zniszczeniem y oppressyą a nakoniec y prostotą*. Na nasz los szczęścia ciekawi wszystkie inne Dyecezye zapatruią się: a Ukraina tak obszerny kray dosyć trwale, kiedy w tak ciężkich prześladowaniach, więzieniach, z Unią utrzymuie się. *Niech tylko parem cum Latinis respectum apud S. Sedem nie znajdziemy, to Ukraińcy nieochybnie szukać go będą u Moskwy nie zważając na oczewistą dusz swoich zgubę, czego nie day Boże Amen.*

V.

List Imci X. Lewińskiego Officyała do Imci X. Lewińskiego Archidiakona y Prokuratora w Warszawie 21. Aprilis 1773.

Excerpt z listu Imci P. Anticego *nie wielką* nam nadzieię czyni, kiedy aż do plenae Congregationis resolutionem Interest nasz póydzie, a ten nie

wiedzieć iaki wypadnie. Kiedy Pontifex *tak mocno szacuje* y za *sprawiedliwe* niby sądzi remonstracye Latinorum, który plenariam et absolutam ma potestatem, a iakże będą konsyderowali Emmi? Wyperswadowany ia już iestem, że *przełzey Ruś zginie, iak my czym będziem*. Szkoda wielka, żeśmy się do tey oplakaney, nieszczęsnéy Promocyi porwali, szkoda, żeśmy już kilka Tysięcy stracili, których już iest 8000 zgóra, szkoda, żeśmy się czego uczyli; bo gdybyśmy byli nic tak iak nasi Oycowie nie umieli i nie wiedzieli, tobyśmy i tych krzywd, które niewinnie ponosimy, nie poznawali, a per consequens nie tylko te nas poniżenie, ale y podwod, iak nasi Oycowie czynili, odbywanie nakoniec y samey panszczyzny robić nakazywanie iako głupim y niewiadomym nie było nam tak przykre, iak uciążliwości terażnieysze. A iakli by się nam były sprzykrzyły Panszczyzny y podwody, to iaką prostacy Schizmatycey ławo mogli byśmy byli znaleźć Protekcyą u Moskwy, teraz w całej Europie apprehensią mającey. I pewnie prędzey byśmy ją byli tam znaleźli, iak teraz w Rzymie. Boga proszę, aby mi dał trwałość w Wierze świętey y nie przypuścił na mnie apprehensyi do desperacyi prowadzącey. Że propter fidem opprimimur a Moschis, opprimimur według ich zdania sprawiedliwie, iako od nich odszczepieni, y to nam iest gloriosum et meritorium. Ale że opprimimur propter Ritum Catholicum a Catholicis, to wzbudza żal nieznośny y do tey desperacyi przywodzi. I gdzie szukamy persecutionum medellam, tam znajdujemy persequentes nos wiarę mających, wysłuchanych y apprehendowanych, a nas Bogu dzięki że ledwie co tylko za Jego Stworzenie (mają). Ah Boże! day że nam cierpliwość, a starszym tandem aliquando prawdy rozpoznanie, albo żebyśmy już daley na tym świecie (kiedyśmy ladaco i niczego nie warci) lepszym y wierniejszym od nas niezawadzali y wykorzeleni byli? Szkoda, że Konfederatom nie powiodło się, boży nas już może byli wycięli, y zaspokoiłi się, a tak biią nas biią, a nie zabiią.

Jakie te Latinorum contra Nos remonstracye, niechby nam onych komunikowali, żebyśmy na nie odpowiedzieli? a iezeli pisano pro Responso na te Remonstracye Latinorum do takiego, co mniey rzeczy świadom, iakże ten na nie odpowie? iak ten Rany moiey boleść opowie, która mnie a nie iego boli. Niech się wola Boża dzieie, ia tego tylko boię się, aby takowe Latinis in Urbe pobłaganie, a nas za nic mianie, gorszey iak Cerulariusz nieznowiło Schizmy. Boię się mocno, iezeli X. Stopczański nie dowiedział się o tyłu z nami w Rzymie procederach, że będąc mężnym y statecznym w Wierze Ś. y nawet w więzieniu przez Niedziel circiter 16. śoisłym, trwałym, niedawno migravit in reprobum sensum, y do Pereiasławia dla wykonania perfidiae fidelitatis poiachał. Boię się, żeby y drudzy więźniowie o tymże z nami postępku w Rzymie dowiedziawszy się, bezbożnego przykładu Xiędza Stopczańskiego nie chwycili się, y nie apostatowali. Suggestam medium JWo Ministra Rzymskiego ut committatur Nuncio, aby on temperamentum wynalazł do stron po-

godzenia, nie sędzę być dla nas skutecznym, chyba na większą naszą oppresją y zgubę. Pisałem ia dawniey, kiedy miano delegować ten nasz Interest Nunciuszowi do wyrozumienia y zakończenia, iż to nie będzie medium skuteczne. Bo iezeli w Rzymie iuż się Ichmciów *wielu odezwało przeciwko nam krzącących, to w Warszawie wszyscy hurmem przeciw nas poydą*, z któremi Nunciusz za nas woyny prowadzić nie będzie, ale będzie musiał Interest cały z Informacyami posłać do Rzymu. Co y stało się. I choć iuż tak dawno Informacye od nas powzięte, a y te nie wiem dla iakiey polityki y końca do tych czas tu haerent, *podobno czekają, aż nas Schizmatycy zagarną: ale już wten czas Rzymska łaska na nic by się nie zdała dla nas*. Niech Bóg broni, ale mocno boię się, żeby do tego nie przyszło. Co z pierwszą komissją dzieie się, tożby się działo y z powtórnią o wynalezienie temperamentu. Trudno tu o Temperamentu wynalazek, gdzie XX. Łacińscy chcą, abyśmy byli prostymi popami, im we wszystkim usłużnemi, kiedy resztę Rusi do swego obrządku przeciągać będą, w tym im nie byli sprzecznemi, y w niczym z nimi nie porównywali się. My zaś według praw nam służących chcemy z Ichmciami in Omnibus parificari.

Dostała mi się casu Copia Resuscytacyi Kapituły Przemyskiej od pewnego Diecezana tamecznego. Tę przyłączam, iezeli się zda na co. A była by potrzebna, aby Imci X. Biskup Przemyski tego słowa *Kapituła cierpieć nie mogący* nec Umbram miał w Suspicyi na którego z swoich. Każesz Dobrodzieju poszukać w Metryce Przywileju Confirmationis y z tamtąd authentic wyiąć, a nie znalazł by się w Metryce, to musiałbym z Grodu Premyskiego wyiąć. Lecz nie rozumiem, aby *ten Przywilej był potrzebny stantibus mordernis in Urbe dispositionibus, chyba na placki, iak y innych wiele, które w ręku mamy*. Upatrzwszy porę komunikacyi Dobrodzieju tych moich wyrazów Imci X. Audytorowi, które mi nie żadna desperacya, ale *żał i boiaźń przyszłych*, uchoway Boże, aby nie sprawdziły się, *emergency* dyktowały.

Antonius Lewiński.

Offic. gnlis Leopoliën.

VI.

List JM. X. Lewińskiego Officyała do Jmci X. Gütza do Wiednia
31 Martii 1774.

Obietnicy moiey doleńiaiąc posełam WMPanu dokumenta nie tylko naszey, a y innym kapitulom, iakie zebrać mogłem służące per Notarium Apostolicum legalizowane, oraz y informację co iak y kiedy działo się.

Pomiiam różne okoliczności, ktore w przeszłym liście wyraziłem, to tylko nadmieniam, jak XX. Bazylianie aż nadto Illmo Domino Nostro dokuczać, Cerkwie katedralne za swoje zakonne depredykować, y od nich śmieszna

mocą swoją Biskupa odsądzać zaczęli, tak Illmus daley tego nie mogąc znosić, na ichże wielorakie priwatne proźby odesłana' sprawę naszą o katedry, Parochie y uzurpacye po wielu klasztorach curae animarum z Nuncyatury 1769 ad ubi et coram quo de jure przypozwawszy ich ad reassumendam causam in Anno 1751 inchoatam in terminis in quibus stetit, reassumował stawiających y exceptionem fori wnoszących nie przyjął: od tego gdy appellowali y recesserunt, in contumaciam onych dalsze terminy byli formowane y finałny nastąpił dekret, którym nam nietylko Cerkwi katedralne, parochialne, et cura ubivis animarum przysądzone, ale y kapituły resuscitatio obiecana, a w roku 1771 die 11 Martii uskuteczniła. Nim to nastąpiło JW. JMX. Młodziejowski kanclerz koronny intuitu zasłużenia się y przypodobania się mu IMci X. Lewińskiego Archidiakona terazniejszego Lwowskiego ile razy był w Warszawie Illmus noster zawsze mu rekomendował Cleri nostri elevationem zachwalając mu, że ma y godnych y usłużnych. Illmus Noster częścią ugryzkami od Bazyljanów, częścią temi JW. kanclerza pochwałami y stymulacyami pobudzony ad resuscitationem Capituli postąpił, y te pod protekcyą króla JMci poddał. Gdy to nastąpiło, pisał zaraz Illmus tak do Oyca S., iako y do Propagandy, y iey Sekretarza, prosząc o konfirmacyą: też kroki poczynił, y do króla JMci, y do JW. IMci X. Kanclerza, y do innych Mini-strów królewskich przyzwoił Swoich.

Propaganda była in optimo z razu erga nos statu, kiedy oppozycye czyniącemi a Capitulo Latino Leopoliensi Sekretarz Propagandy powiedział, aby napisał, do swoich pryncypałów, żeby od tey niesprawiedliwey kontradykcyi odstąpili, bo się przy niey nie utrzymają z dyzhonorem ieżeli urgere zechcą. Ale JW. JX. Kanclerz k. non item, kiedy bowiem nalegał Illmus Noster o konfirmacyę krolewską zaczął trudnić wyrażając: „że powagi Majestatis Compromittere nie można. Lecz niech będzie w Rzymie approbata, od króla JMci beż żadney ludności nastąpi.“ To się zaś stało, że OO. Bazylianie podali do niego Memorial, ktorego treść że JW. JX. Biskup ich własne ex fundatione zakonne Cerkwie za katedralne sobie przywłaszczając, aby się przy nich bardziey ugruntował nowych do nich Prałatów y kanoników pokreował, o co sprawa w Nuncyaturze agituie się, y nowo kreowanym Prałatom z teyże wydana Inhibicya ne audeant functiones suas praetensi praelati in praefatis monasticis eorum Ecclesiis exercere sub poena excommunicationis et 3000 aureorum Hungaricalium.

A do tego musiał ten Minister mieć y od JX. Arcybiskupa Lwowskiego instancyę y remonstracye nieposłednie, który choć Rusi nienawidzi ale Bazyljanów (iako się przed nimi oświadczył) kocha, y który resuscitowaną kapitułę naszą (choć miał sobie od Illmo Nostro dokumenta in parte komunikowane) ma pro novitate in Ecclesia graeca inaudita, et schismaticis scanda-

losa. Toż samo y w Rzymie y po Polsce rozsiewa, y Biskupom y kapitułom ritus Sui wbiia.

Gdy w Warszawie trudność zaszła o approbację żadaną seu verius o wzięcie in protectionem regiam tey kapituły, roznieciła się bez pomiarkowana chciwość distinctorii noszenia w JX. Piaseckim Scholastyku, ktore miał więcey od roku na osobę swoją wyprokurowane. Illmus Dominus tego mu nie pozwolił, dając między innymi racyę tę, że sam cum distinctorio pokazał by się, iak Filip konopi, y przydał: gdyby to było pozwolono wszystkim kapitularnym to insza, w ten czas nie bronil by owszem cieszył by się zaszczytem. Doniosł o tym zdaniu Illmi Domini do Rzymu nieiakiemu IMci Panu Misellemu adwokatowi na pieniądze łakomemu Włochowi. Ten odpisał mu, że to się dla wszystkich stanie, ale trzeba konsensu Illmi Domini ordinarii. Takowy list odebrawszy X. Piasecki zaczął nas sektować niektórych tu podczas kontraktów znajdujących się. Replikowaliśmy mu wielkie dając remonstracye y reflexye: 1. Że tym Latinos bardziey incitabimus ad contradicendum et sese opponendum nobis, ne confirmatio subsequatur, którzy nie mogą y nie chcą cierpieć nas sibi pares. 2. Że bagatela była noszenia przez naszych kornierzyków, a ztąd magnus motus, et jurgia orta.*) 3. Że gdyby y były pozwolone distinctoria, rzadki z naszych capax noszenia onych, a gdyby cum dedecore nosili, toby Latini większą mieli racyę opponowania się onych depowania, że im przez naszych ztąd ohyda. 4. Że latina Capitula były sine distinctoriis przez kilka wieków, bo dopiero co w tym wieku krakowska a pozniey Lwowska od lat circiter 30, et subsequenter insze o nie postarały się. Nie napieraymy się ny tego czacka, ale raczej usoliduymy wskrzeszone dzieło, a distinctoria zachowaymy następcom naszym etc. Te y inszych wiele remonstracyi nie przekonały kochanego Scholastyka naszego, osobliwie gdy do iego zdania przywiązał się y JX. Bielański. Stanoło na tym, że radzi nieradzi byliśmy u JWPana y prosiliśmy o konsens, który non renuit, y kazał popisać listy tu WM. Panu copiatim przyłączone, do Papieża y Propagandy.

Cóż robi kochany Pan Mizelli? Miasto do Propagandy udał się do Datarii, otrzymał pontificiam gratiam na wydanie Bulli pro gestandis distinctoriis. W Datarii podano mu registr potrzebney expensy na to 900 szkuďow, to jest naszych zł. 9000, a osobno Panu Misellemu za wyprokurowanie hujus Gratiae X. Piasecki dawniey obiecał dukatów 100. Pisze tedy Pan Miselli donosząc, że gratia signata, y żeby pro expensis przysyłać zł. 9000, a jemu, za jego pracę dukatów 100.

*) Въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Истор. и Древн. Росс. М. 1859. Кн. III стр. 45. помѣщена о томъ любопытная „Переписка между греко-уніятскимъ митроп. Аванасіемъ Шептицькимъ и римско-катол. Аеппомъ Львовскимъ Ник. Выжицькимъ.“ (По ошибкѣ переписчика названъ сей Вячеславомъ Іерон. Сѣраковскимъ). Прии. Я. Ѡ Головацкого.

Posłane pieniądze odebrał, Bulla już była wygotowana, y tylko co miała plumbari, alias plumbo obsigillari; dowiedziawszy się o tym od naszych adwersarzow Bazyljanów y Łacinników Propagandy Emmus Praefectus posłał do Papierza Sekretarza teyże Kongregacyi, exponował congregationi suae krzywdę do której privative wszystkie interesa Ruskie należą y to u Papięza zyskał, że posłał do Dataryi cum inhibitione, ne Bulla extendatur, (która już była extensa), neve extensa extradatur. Successive dowiedziawszy się Papięz, że już expensae były popłacone, te kazał powracać et ne D. Miselli pro sua cura aliquid a nobis praetendat, sed omnia restituat, kazał mu Papięz ze skarbu swego wypłacić szkudów 100 alias naszych zł. 1000. Lecz P. Miselli mając nasze pieniądze w rękach swoich y od nas obiecanych wziął zł. 2,000 y z kassy papieżkiej zł. 1000, a tak za 2000 wziął 3000, y nas w ostatnią swoją do Dataryi promocyą podał hańbę y pośmiewisko, y interes tak pomyslnie zaczęty do szczętu popsul. Pisał bowiem Emmus Praefectus Propagandae ad nostrum Illmum Dominum, żeby od pomowania tego interesu velut novitate redolentem poprzestał, y nam abyśmy vigore tey resuscytowaney (mniemaney według niego) kapituły żadnych honorów, prerogatyw nie usurpowali, przydając quia Sanctissimus nunquam approbabit.

Po długim wytrzymaniu Illmus Antici Regius in Urbe Minister, mając sobie imieniem królewskim zalecony ten interes intuitu approbandi Capituli Nostri, różnemi perswazyami y mocnemi racyami przelożonemi zmollifikował, tak kardynała Praefekta, iako y Sekretarza Propagandy, że oświadczyli się pójść in partem nostri, ale aż iak przyidzie informacya od Nuncyusza Polskiego a teraz do Wiednia naznaczonego.

Nuncyusz już napisał informację et quidem, ut subauditur, nobis dosyć favorabilem, do której explorabat quoque Illmorum Episcoporum ritus nostri sensum y ci wszyscy za nami favorabilissime pisali. Ale tey swoiey informacyi do Rzymu do tych czas nie posłał propter quasdam politicas rationes, te iak domyślam się, nie insze są, tylko że omnes Episcopi et Capitula Latinorum są nam contrarii, on zaś w terażnieyszey porze formowania nowych w Polsce rządów obawia się, aby pokazawszy nam fawor, nie dał ansam Latinis Episcopis ad procurandam aliquam per eosdem constitutionem jurisdictionis Nuntiaturae circumscriptivam vel saltim limitandam, dla tego temporis niezwygotowaną informacją.

Niech będzie y to notum WMPanu, że przez pewnego Pana oświadczaiącego się bardzo ku nam, daliśmy informacją y dokumenta Synoptice probujące kapitał naszych existentiam, z tą konkluzją, aby on viis secretis wyrobił u delegacyi Prawa na przyszłe czasy dla Polski, formującej aby też Delegacya uformowała konstytucyę approbującą dawne przywileie kapitałom ruskim służące. Tłumaczyliśmy sobie, że tym samym byłyby approbowane kapituły nasze. Ale Sekret niedotrzymany, owszem JW. Marszałek konfederacki (wielki

derus) mając sobie komunikowaną naszą informację, chlubił się przed różnemi, że ma w ręku 10000 dukatów; to on bardzo dobrze wie, że my nie jesteśmy Capaces tę dać mu sumę, ale podobno umyślnie dla tego rozgłosił, aby a Latinis contradictoribus in contrarium wziął dwa lub trzy tysiące dukatów, bo oni są capaces. Miał y JW. kanclerz koronny od pomienionego Marszałka komunikowaną też informacją y X. naszemu Archidiakonowi kazał sobie podać pro memoria, które dla wiadomości także tu przyłączam: Po danym y przesłanym Promemoria, gdy w kilka dni tenże Minister z rzeczonym JX. Archidiakonem naszym zobaczył się, taką mu dał replikę: „Móy Pralacie kochany! czytałem Twoją informację . . . widzę wasze sprawiedliwe żądania, ale cóż kiedy jesteście sub alieno Dominio? Delegacya Rzeczypospolitey nie może iść in alienam mesem . . . staraycie się pierwey y JX. Biskup niech się stara o potwierdzenie dwóch pryncypalniejszych Lwowskiej y Halickiej kapitul z Dworu Wiedeńskiego, a potem łatwo Rzeczypospolita trzecią Kamieniecką potwierdzi.“ Albo nie ministrzowska odpowiedź? Ale kiedy tak jest, toć uż y w Wiedniu nam starać się potrzeba, abyśmy w ostatnim niebyli pośmiewisku y urąganiu u PP. Polaków nie tylko duchownych lecz y świeckich, a nawet sameyże Rusi.

Przytaczam także restrictum sprawy o kapitulę włodzimirską pod bytność w Rzymie JX. Wyhowskiego circa Annum 1764; z tego dokumentu poznasz WMPan że Rzym nie miał trudności approbować kapitulę Włodzimirską, ale cała trudność była na ułożeniu planum, iak ta kapituła in publici-fundationibus ma comparere i iakie jey obligacye. Co dla Rezolucyi non subsequentum. Mając przeto WMPan te dokumenta y one przeczytawszy poradź się kogo tam masz poufałego y mocnego iak by tam y zkaąd zacząć. Nie przepominam y tego doniesić, że pod bytność tu Cesarską, gdy u niego nasz Illmus miał audyencyę y półtory godziny na niey w różne wpadając dyskursa bawił; między innemi była wzmianka y o kapitule resuscitowaney, w której w Rzymie koufirmacyi Areybiskup z kapitulą swoją oponuje się y innych do oppozycyi pobudził; kazał sobie Cesarz cały dyskurs pro memoria dać in scripto co factum. Chociaż za powrotem do Wiednia musiał Cesarz ministrom swoim dawać czytać, ponieważ do Gubernium tuteyszego przysłano o informację między innemi y o kapitule. JW. Pergen convenit cum Illmo Nostro, aby pro informatione, y dla dokumentów pokazania kogo z swoiey strony naznaczył, a on z swoiey. Factum że ia byłem naznaczony, a od Gubernatora konsylarz Knop. Byłem u niego, według pozwolonych mi czasem kilku momentów (bo ten sam rad wiele mówi, i drugiemu mówić trudni), pro posse informowałem go y też samego WMPanu poselałem dokumenta onemu oddałem, ale wyrozumiałem, że osobliwie o kapitule naszej jest z przeciwney strony dobrze napompowany. Jaka zaś ztaąd do Wiednia informacya poszła nie jest nam wiadomo do tych czas. —

Wziąwszy się do tego interesu, to naybardziejze przekładać, że nasza kapituła zprodukowanych dawnych dokumentów okazuje się nie ulla novitas, iak Latini depraediant, ale rzeczy starey studio OO. Bazylianów (niech im Bóg tego nie pamięta) zatartey odnowienie. Powtóre: że kiedy nayiaśnieysza Cesarzowa Jmś 1771 Biskupstwo Munkaczowskie fundowała, zafundowała y kapitułę de nova radice, a przecie o tym w Rzymie żadney trudności nie czyniono y approbowano: tylko to nasza kapituła choć stara, za udaniem przecie XX. Bazylianów y Polskich... novitas inaudita. Nasi niezym bydź niegodni, choć po Ukrainie y teraz propter fidei catholicam krew przeliwają, więzienia cierpią y z majątków ubogich odarci bywają, a IchMościowie, że mają za co ieś, pić, brzuchy paś y paradować, to im private należy się bydź Prałatami. O tempora! o mores! Co tam zaś robić macie, chciey mię Dobrodzieju zawsze uwiadomić. —

VII.

Audiencya u Cesarzowey Jmci miana die 26 Februarii 1775.

Z listu X. Gutza do X. Lewińskiego officyała die 1. Martii
1775 pisanego.

Gdym wyraził podziękowanie za pozwolenie edukacyi dla dwóch kleryków (w Collegium s. Barbary w Wiedniu) przerwała mi dyskurs Cesarzowa Jmś, czyli zdrowo przybyli po tak długiey y złey drodze. Odpowiedziałem: że ieden był zasłab ale się teraz lepiej ma. Pytała potem o ich lata oświadczyła chęć oraz protegowania naszego obrządku. W tym oddając list Excellentissimi Domini oświadczyłem, że miałbym co powiedzieć gdyby Wasza Cesarska Mość pozwoliła. Powiedziała mi więc z wszelką łagodnością, abym mówił, co mam do mówienia. A zatem mówiłem w ten sens. Gdy Wasza Cesarska Mość z iedney strony ritum graecum łaskawie protegować raczysz, a przeto z tej miary spokojnymi czynisz, z drugiey strony trwożą nas rozchodzące się po Galicyi te dwie wieści 1. Rozgłaszaią, iako by wolno było świeckim odmieniać obrządek. 2. Jakoby Biskupi łacińscy starali się nad naszymi Biskupami o Jurisdykcyą.

Ad 1m. Powiedziałem, że się sprzeciwia wyrażonym dekretem Stolicy Apostolskiey cytując Urbana VIII. i Benedykta XIV. Potym gdyby haec disciplina relaxaretur, same by się tylko pospółstwo in ritu graeco zostało, bo każdy świecki mogąc bezkarnie odmienić obrządek, zawsze by łaciński przekładał, dla pożytków któryby in statu ecclesiastico et civili znajdował. Na to Cesarzowa Jmś: to jest bardzo prawda. Do tego pogarda naszego obrządku y posty surowe y liczne. Tu Cesarzowa powiedziała, macie ich dosyć. — Byłyby mocną pobudką odmienienia obrządku greckiego. Tu po-

wiedziała Cesarzowa Jmść ale niewiem do czego aplikować: Będziemy teraz lepsze mieć porozumienie się z Papieżami.

Śmiem wyznać przed Panią moją, że y iabym był powinien odmienić obrządek, gdybym się był innemi nie rządził pobudkami, bo zostając w łacińskim obrządku przynajmniej bym był pewny moiey na dalszy czas subsystencyi, gdy teraz pro titulo congruae sustentationis niemam więcej iak ryńskich 75. Na co Cesarzowa z podziwieniem: Tylko tylo? I na to ieszcze przez 13 lat służyłem edukując dzieci pewnego polskiego Pana, a nie maając więc do czego powrócić do Oyczyzny ile nie przyzwyczajony pracować koło roli, — na to Cesarzowa z śmiechem: — bez wątpienia — jak drudzy czynią parochowie — muszę tu ieszcze zostawać przy kawalerze polskim za guwernera. Tu się pytała, iak się nazywa y czyli iest z pod panowania Jey. A przytem sprawiam funkcyą agenta moiey diecezyi od miesięcy 16 nie mogąc pretendować od ubogiego duchowieństwa rekompensy, chociażbym był potrzebny iakowego wsparcia dla ćwiczenia się w ięzykach niemieckim francuskim i włoskim. — Na to Cesarzowa: umiesz to więc ieszcze po niemiecku i włosku? — A naybardziej w prawie, którego za moich w Polsce szkół nie uczono. Na to Cesarzowa: wiem ia o tem.

Pytała mnie potem Cesarzowa: czylim kanonikiem? Nie wiem nayiaśnieysza Pani, ieżeli się nim mam nazywać — tu się roześmiała Cesarzowa, — ponieważ mamy wiele przeszkód do umocnienia naszej kapituły. Na to Cesarzowa tonem upewnaiącym: To się powinno stać i to będzie.

Mówilem dalej: Otoż nayiaśnieysza Pani przyczyny, które bardzo łatwo nakłonić mogą Ruś do odmiany obrządku, czemu ażeby zapobiedz, zdaie mi się rzeczą być przyzwoitą.

1. Aby Wasza Cesarska Mość proprio motu wydać kazala edykt, iż chcesz aby Jey poddani ściśle zachowywali dekreta Papiezske wydane przeciwko odmieniającym obrządek y żeby łacisńcy Biskupi nie śmieli przyjmować nikogo do swego obrządku bez dyspensy Papiezskei, oraz aby powrócili do obrządku greckiego, którzy go ilicite et mala fide odmienili. Nato Cesarzowa: To iest punkt bardzo delikatny, zwłaszcza gdy macie w sąsiedztwie Schizmatyków. 2. Aby zaś, mówiłem, utrzymać łagodniey in ritu graeco, zdaie mi się potrzebne bydź coaequatio iurium cum Latinis iako iest w Węgrzech ex decreto W. C. S. Mści iuż od lat dwóch ustanowiona. Natym zastanowiłem się a potym powiedziałem: Przydał bym y to za pozwoleniem V. M, abyś kazala Dyrektorom poprzestać wexacyi, którey tylko ieden przykład przywodzę z Paletu p. Lomkau. Pytała się, czy to iuż za Jey panowania? Odpowiedziałem, że tak, y natychmiast powiedziałem cały Palet executionis przeciwko parochowi Firlijowskiemu, przydając te wszystkie reflexye, które są w nocie do kancelerza Excellentissimi Dni posłane. Na to słowo *Popa* powiedziała Cesarzowa: że to tylko tak Schizmatyków nazywaią. Pytała się zatym, ieżeli znam. JW.

Werbna kanclera, y żeby mu to in Scriptis podać. Na to ia mówiłem, że w dalszym czasie za pozwoleniem Nayaśnieyszey Pani to uczynię przy powzięciu od mego Pasterza dostatecznych Informacyi, gdyż tu teraz z okazji namieniam, ażeby Naiasnieysza Pani wcześniej o tym wiedziała. Pytała się, w którym czasie takowy Palet wyszedł. Odpowiedziałem: że elapso mense Octobri.

Ad 2. Przystąpiłem zatým do drugiego punktu mówiąc, iż podanie naszych Biskupów pod jurisdycyą Latinorum iest 1. niepotrzebne, ponieważ sami mogą rządzić swoją owczarnią. Nato Cesarzowa: To być nie może, owszem wiadomo, że Biskupi Munkaczewski, Swidnicki, Fogaraski są uwolnieni zpod Jurisdycyki Łaciników a teraz będzie uwolniony Eppus Magna-Varadiensis. Mam, prawi, dobrych y zacnych Biskupów ritus graeci. I wy macie bardzo dobrego Biskupa Lwowskiego, zapomniałam iak się nazywa. Odpowiedziałem: Szeptycki. 2. Mowiłem, że poddanie naszych Biskupów nie iest pożyteczne kościołowi, bo Latini nie są informowani de rebus et disciplina nostrae Ecclesiae, 3. Żeby to było szkodliwą rzeczą dla kościoła. Zapewnie, prawi, bo Schismatycy blisko, — tak dla tego, że to byłoby rzucić nasienie wiecznego nieukontentowania y niezgody, iako też tym sposobem na zawsze by' się odróżzili Schismatycy od przyięcia Iedności.

Rekomendowałem więc Protekcyi Cesarskiejey ritum graecum, a na odeyściu prosiłem, aby kazała dla kleryków dyspozycye poczynić co do odzieży y stancyi.

Примѣчаніе. Наконецъ со стороны Австрійскаго правительства съ обновленіемъ Галицкой Митрополіи послѣдовало и затверженіе Львовскаго греч. каѳ. Митрополитскаго капитула высочайшимъ дипломомъ Его Величества Императора Франциска I. отъ 25 февруарія и грамотою Митрополита Антонія Ангеловича отъ 3 октября 1813 года, въ слѣдствіе рѣшенія надворной канцеляріи отъ 3. Сентября 1812. Ч. 13.320. Затверженіе же тогоже капитула отъ Римскаго Престола все таки еще ожидается.

Сообщилъ Ант. Петрушевичъ.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

о студіяхъ Славянщины.

Законъ „познай самого себе“ — долженъ быти отнесенъ отъ человѣка въ особенности къ народу вообще, ибо есть тое не только моральный законъ отдѣльнаго человѣка, но и ^{совѣсти}обязокъ всего народа; при томъ ^{по закону} для народа есть рвчею необходимою, познати край, въ которомъ онъ проживаетъ, ознакомитися съ власною жизнію, съ власною исторіею, характеромъ и обычаями. Котрый же народъ потребуе бѣльше того познанья самого себе, якъ не славянскій? Чась бо уже разъ, щобы достигъ онъ власнаго народнаго самопознанья, щобы дѣзнався о своемъ положенью, своемъ достоинствѣ, о цѣнѣ межи прочими народами и щобы почувствовавъ свое преимущество, въ многихъ отношеньяхъ перель другими. И справедливо. Той человѣкъ достигаетъ счастья и долъ, котрый познае себе и свои здѣбности, ибо познавши себе, онъ дѣлае то, що ему приноситъ истинную пользу. Если-кто способный до какой науки, то най онъ нею занимается и достигаетъ въ ней досконалости; досконалость же есть не только перва цѣль, но и найвысшее добро человѣка. То само дѣсяе и съ народами. Греки и Римляне добре знали самыхъ себе, и для того, утвердившия въ собѣ и въ своей силѣ, проистекшей въ слѣдствіе такой увѣренности, пановали надъ толикими сильными народами черезъ много вѣковъ, себе же называли первыми, а всѣ прочіи народы варварами. — Давножь то учены труженники въ своихъ скромныхъ углахъ стали работати надъ изысканіями о Славянахъ, скрываючися якъ отшельники, не думячи ни о вниманіи къ собѣ, ни о славѣ? Давножь то въ Европѣ говорили о Славянахъ якъ о какой нибудь ногойской ордѣ? Пятьдесятъ лѣтъ тому — о Славянахъ никто и не думавъ, сорокъ лѣтъ — мало кто о нихъ писалъ, три десятка лѣтъ — мало кто хотѣлъ расправляти о нихъ. Мы сами не знали себе, быльсьмо peregrini in patria, студія Славянщины лежали обложеномъ.

Но часъ надойшошь — самъ далъ знати о собѣ, самъ звернулъ дѣятельность къ тому, що ему треба. Не каждый отгадае, къ чему онъ ведетъ, но каждый иде за нимъ: хотяи неспоро, хотяи лѣнливо. Нынѣ здвиглися студія Славянщины на тое становще, съ которого изслѣдити можна прошедшее, розсмотрѣти настояще и проникнути будущность Славянъ и ихъ литературы. Мужи труда и науки, оцѣнивши по належитой своей вартости мысль всеобщаго, взаимнаго стремлѣнья ко розвитью славянской народности, горячимъ чувствомъ своимъ ко всему, що звеса славянское, отгадали ту блистательную будущность, котору вѣщуе славянскому народу велика мысль взаимности.

Пользуясь темъ всѣмъ, чимъ современный станъ науки мѳгъ ихъ засилити, по́двигли аматорство рѣчей славянскихъ на степень умѣтности, приватныи, заулковыи студія на степень занимательной, общепользней науки. Студія Славянщины вызволены изъ тѣсныхъ закутѳвъ ученыхъ перейшли до академіи столицъ европейскихъ. Старанностию овыхъ мужей открылися аудиторія лекцій славянскихъ. Въ публичныхъ училищахъ, изъ публичныхъ кафедръ стали они учить, якъ познавати себе, свой народъ, его жизнь и состоянье. И недаремны были ихъ труды. Мысль славянская застыня въ счастливой годинѣ богаты и обильныи принесла плоды

А однакожь обширное поле раскрывается еще наблюдателю, съ ученымъ вниманіемъ звертающомуся ко славянству; обширное и еще не совсѣмъ изслѣдованое, обширное и розманите. Той бы ошибся, кто бы думавъ, же студія Славянщины розсмотрѣнемъ литературной дѣятельности Славянъ кѳнчатся и остаточной своей цѣли доходятъ. Есть и ту надъ чѣмъ застановитися, — маемъ памятники ледви не десяти вѣковъ, а въ нихъ свѣтлятъ проблески славянскаго духа, почавши отъ найдавиѣйшихъ, которы были современны ранному роспространенію старославянскаго нарѣчія а разомъ съ нимъ и свѣтла вѣры Христовой у Славянъ, а остановившиися на тыхъ, которы современны суть оживленію славянской мысли въ нашихъ часахъ. Впрочемъ, хотяи любопытный есть обзоръ тыхъ памятниковъ, Славяннъ не познае изъ него всего себе, довѣдаея скорѣе, якъ до сихъ поръ онъ мало старался о познавье своей народности, якъ часто и сильно увлекался чужимъ, якъ часто и сильно былъ тѳлько отзывомъ чужой мысли, тѳлько тѣнью отъ чужого свѣтла. Старославяннъ повторялъ Грека, Чехъ — Латинника и Нѣмца, Полякъ — Латинника и Француза, Сербинъ — Латинника и Италіянца, Русинъ — Грека Поляка и Нѣмца. Славянство въ литературныхъ утворахъ Славянъ частѣйше всего являлося яко недостатокъ, яко слабѳсть, або яко пересада; старался отвыкнути ѳтъ него выкоренити его изъ своихъ мыслей. Литѣратура отѣлдилася ѳтъ народа, народъ ѳтъ литературы.

Наблюдатель Славянщины не задоволивши себе письменную литературую, по-неволѣ зверне увагу свою на словеснѳсть народну. Но и ту предовсѣмъ пробудитися въ немъ сумное чувство. Народная словеснѳсть сталася у Славянъ простонародною; народная мысль жѣе не подвигаючися ни крокомъ впередъ; народная память сохраняе то, чого не хотѣли переховати перо и папѣръ; она смѣшала памятники всѣхъ вѣковъ въ одномъ безъ времени и утратила много. Во всякомъ случаю изученіемъ простонародной словесности необходимо долженъ быти роспространенъ кругъ литературнаго изученія Славянъ. Еи памятники суть памятниками живото слова, суть живыми свѣдками судьбы народа; они очевидно доказуютъ, же народъ не умирае житьемъ духа. Памятники простонародной словесности выкрываютъ, шо ожидае славянскаго литерата-художника, который рѣшится звергнути съ себе иго чужой на-

родности, рѣшится доказать, що и Славяне могутъ заняти свое власне мѣсце въ черзѣ народѣвъ, дѣлающихъ на мѣръ мыслию и словомъ. Лишь таке подвойне изученѣ словесности Славяннѣ, изученѣ словесности, письменной и изустной може по части задоволити наблюдателя Славянщины. По части мовлю — ибо оно выкликне три повны ряды вопросѣвъ. Щобы поняти словесность народа, треба пѣзнати его слово, его языкъ: щобы поняти народность въ словесности и языкѣ, треба изучити народъ, его характеръ, обычаи, бытъ, умственные понятія; щобы поняти все тое въ временнѣмъ развити и поняти влѣянѣ того развитя на дѣятельность народа, треба выикнути въ его минушность.)

Що въ студіяхъ Славянщины на литературѣ збувае, тое дополняютъ филологія, этнографія и исторія. Задачею филологіи есть: представити духа славянского языка и его развитѣ во всѣхъ нарѣчїяхъ, познаменовати ихъ характеристику способомъ срѣвнительнымъ, розсмотрѣти хемично славянскїи звуки по ихъ силѣ и средству и физиологично розбрати слова, яко слянія звукѣвъ для выраженя идей и формы тыхъ сляній яко словныи образы мышленя. Мужи якъ Добровскій и Шафарикъ, Востоковъ и Копитаръ, Линде и Миклошичъ облегчили труды до розвязаня реченой задачи славянской филологіи. Языкъ есть памятникомъ жизни народа, его образованя, его духовной силы, его народности; но его пѣзнаньемъ може ся ограничити только той, кто не мае иныхъ средствъ пѣзнати народъ. Языкъ объясняючи много, самъ наводитъ на вопросъ: якъ въ народѣ въ са момъ дѣлѣ жило то, що отразилося въ языкѣ? — оже языкъ самъ наводитъ на важность науки народностей. Чимъ есть наука старожитностей для народѣвъ ѳтжившихъ свѣй вѣкъ, тымъ есть жаука народностей, для всѣхъ народѣвъ, мертвыхъ и живыхъ. Наука тая звертае увагу наблюдателя: а) На физичне образованѣе народа, на физиогномію, темпераментъ, тѣлесность, животныи силы, словомъ, на все, що становитъ характеръ народа, якъ массы лицъ; родинъ и поколѣній, б) На образованѣе промышленное, на физичный бытъ народа, его способъ мешканя и одѣваняся, привычки, труды и занятія земледѣльчи, ремеслнчи и купеческїи, в) На образованѣе моральне, на понятія его о Бозу и природѣ, о чловѣку и его обовязкахъ и правахъ о его фамилійномъ житиу и на выраженя тыхъ понятій въ религіи и законахъ, въ обрядахъ и обычаяхъ, въ литературѣ и художествахъ, г) На образованѣе общественне, на его общенародное усстройство яко одного, нероздѣльного морального лица.

Не знаячи того всего наблюдатель Славянщины не зможе совершенно пѣзнати своихъ соплеменникѣвъ. Но притѣмъ всемъ изученѣ народностей еще не вполнѣ задоволитъ его. Що жѣ, то дѣлае во времени, а жиючи въ обрубѣ дѣятельности, не только своими дѣйствїями мае влѣянѣ на себе и на тое, що его окружае, но и само находится подъ влѣянїемъ посторонныхъ дѣйствїй, такъ и народъ. Кругъ дѣланій народа есть розматный; въ тыхъ

дѣляняхъ не всегда принимае участіе весь народъ, но только та або иная часть его, та або иная особа; а однакожь всѣ они такъ сильны въ своихъ послѣдствіяхъ, якбы дѣйствоваль весь народъ. Исторія, яко образъ связи дѣйствій, которыми выражаея жизнь народа изъ-внѣ, которы мають на него вліяніе, и посредствомъ которыхъ онъ самъ производитъ вліяніе, не може не увлекати наблюдателя. Исторія оковнчательно пояснить ему тое, що позналъ онъ, яко литерать, яко филологъ, яко этнографъ. Правда, же изученіе исторіи Славянъ и народностей славянскихъ не есть такъ легкое, якъ познанье славянскихъ литературъ и нарѣчій; но працѣ людей ученыхъ, працѣ многочисленны и рѣзнообразны облегчаютъ труды наблюдателя. Литература, филологія, народность и исторія Славянъ: ото предметы студіевъ Славящины. Цѣль тыхъ студіевъ есть: познати самого себе и побратимовъ яко одно племя славянское. Колись Славяне пановали надъ народами съ мечемъ въ руцѣ: теперь коли насталь девятнадцатый просвѣщенный вѣкъ, въ которомъ народы борются межи собою духомъ и разумомъ, теперь въ той борьбѣ най убѣгаея о пальму первенства 80-миліонове поколѣнне Славянъ въ мирѣ и покорности Провидѣнію, по праву народовъ най стремить къ единости, сознаваючи его въ рѣдныхъ началахъ своей жизни, въ литературѣ и на дорозѣ поступу въ духу часу.

Кипріянь Гарасимовичъ.

З Е Р Н А

для популярнаго сровнанія и познанія достоинства живущихъ славянскихъ нарѣчій.

Съ якого становища ни подивисься на славянскіи нарѣчія, всегда тебѣ ближе всѣхъ стане передъ очима покойный праотецъ ихъ, *языкъ старославянскій*. Въ немъ бо сосредоточена вся сила коренныхъ согласныхъ, въ немъ сливаея вся гармонія изобильныхъ самогласныхъ звуковъ; словомъ онъ есть А и Ѡ славянскаго языкословія; въ немъ лежить сокровенна минувшость и будущность его.

И потому то такъ единодушно, а часто и безсознательно, ученыи и неученыи черпають изъ сего непробраннаго скарбу матеріяль для дальшихъ трудовъ и подвиговъ своихъ.

Та Не входячи въ то, якій жребій сужденъ провидѣніемъ для поединокихъ нарѣчій; но то долженъ всякій признати, що старославянскій языкъ есть огнищемъ и осью, около которой обертаея весь организмъ живущихъ нарѣчій; но и того еще мало: онъ есть даже овою животною силою, которая

мовъ бьющее сердце жене кровь въ найотдаленнѣйшіи члены, а накормивши и покрѣпивши ихъ принимае сейже живительный сокъ назадъ въ свои нѣдра, абы снова сіе круженіе нимъ обновляти и вѣчно продолжати.

Се чувствуютъ и признають всѣ Славяне, и мы Русины съ ними; въ томъ сомнѣнія нѣтъ.

Но тутъ натручаеся иный вопросъ: въ якомъ особенномъ отношеніи стоитъ достоинство сего покойника къ поединкомъ живущимъ нарѣчьямъ? въ якомъ стоятъ они межи собою? кто ближе изъ нихъ, а кто подальше сего бьющего сердца? и якъ слѣдуютъ они по достоинству, звено за звеномъ, въ сей непрорванно-кружащей цѣпи другъ за другомъ?

Вопросъ тотъ не рѣшенъ еще. Въ неровномъ спорѣ семъ толкуется различно. Русины вправдѣ говорятъ: „нашъ языкъ наиблизшій; докажемъ того есть благозвучная плавность, простой и натуральный выговоръ, полнота формъ его.“ — Россіяне же собѣ твердятъ: „мы наиблизши; понеже мы переняли и одѣдичили всѣ богатства старославянскаго языка.“ — Поляки снова толкуютъ собѣ: „мы найвѣрнѣйше сохранили вокализацию старославянскую и пр.“ подобнымъ способомъ величаютъ себе и прочіи западныи и южныи Славяне, якобы имъ принадлежала честь, въ прямой непосредственной линіи происходить отъ сего общаго праотца.

Не ма що и спорити о томъ; всѣ мають равное право до наслѣдія, и пользуются нимъ въ самомъ дѣлѣ; даже у всѣхъ есть свои доказательства и примѣты, яко бы дѣйствительно ихъ правда была. Але поки всѣ сію правду хотять и здаются имѣти, поти жаденъ ей не доведеть.

Историческимъ путемъ сей правды довести трудно и почти невозможно, по причинѣ недостатка историческихъ жерель и литературныхъ памятниковъ изъ той еще добы, коли славянскіи нарѣчія творитись и образоватися почали. Уцѣлѣвшіи старо-русскіи, сербскіи, чешскіи, польскіи и т. п. рукописи суть лише рапсодическими, и могутъ сами собою служити матеріаломъ тѣлько для вышепомянутыхъ выводѣвъ и одностороннихъ догадокъ; но цѣль наконечная: которое изъ нарѣчій есть старославянскому наиблизше по достоинству и совершенству, т. е. що до силы коренныхъ согласныхъ и що до богатства самогласныхъ, остаеся доси еще недостигнутою.

Далѣй старанося путемъ филологическимъ также сей вопросъ розяснити, и треба правду признати, що сія дорога въ многомъ приблизила къ цѣли: она принаймнѣй опредѣлила положительно различіе славянскихъ нарѣчій такъ межи собою, якъ и межи ними и старославянскимъ языкомъ; однакже органически-природной и постепенной связи межи ними и сей путь еще не нашель, ба навѣтъ едва ли глядѣль.

А то правѣ кажеся намъ найважнѣйшою быти рѣчью, именно: опредѣлиги, которыи звуки суть полныи, совершенныи въ себѣ, а которыи суть лише приближеніемъ до оныхъ, недостигшимъ изъ какой нибудь причины

къ полному развитію. Абы се примѣромъ объяснить, представимъ собѣ двоихъ мужей; одинъ изъ нихъ говоритъ чисто и полно: *братъ, чело, жало, шапка, тѣсто*; а другіи есть сепелявый, и вмѣсто того произноситъ: *блатъ, цево, заво, сапка, цѣсто (кѣсто)*; тутъ не вопрошаея, що красше, милѣйше для уха; понеже ухо, особенно матери до всего легко навмыне; але тутъ ходитъ о то, що есть полнѣе, совершеннѣе? Нѣтъ сомнѣнія, що у первого органъ есть или бѣльше одарованный или выше образованный, и онъ безъ трудности возможе сепелявому подражати, але тотъ оному не годенъ.

То само въ великомъ размѣрѣ дотычится и славянскихъ нарѣчій, если достоинство ихъ, т. е. бѣльше или меньшее совершенство языковыхъ орудій и произношаемыхъ ими звуковъ опредѣлено и оцѣнено буде, тогда уже не будемъ пытатися, которое нарѣчіе есть найстарше или литературою найбогатше, найобразованнѣйше; но вопросъ обернея въ слѣдующій отвѣтъ: нарѣчіе, которое имѣе найполнѣйшіи звуки, содержащіи въ себѣ неполныи или производныи звуки и корни другихъ нарѣчій, есть отъ природы наибѣльше одарованно и къ найвысшему образованію способно, а для того и наибѣльшого вниманія достойно!

Якъ ни тяжка бы здавалася сія задача, а таки она по нашему мнѣнію въ самомъ дѣлѣ не трудна, если бы тѣлько удалось найти ключъ до розвязанья ей, и употребити его совѣстно и безсторонно.

Ключъ до сего затвора можно найти найлегче дорогою природоиспытательною, т. е. строгимъ наблюданіемъ и изслѣдованіемъ развитія человеческихъ звуковъ вообще, а славянскихъ въ особенности. Хотя сія наука и составляетъ часть филологіи яко звуко-и корне-словіе; однакоже тамъ она изслѣдуе тѣлько языкъ людей дорослыхъ и здоровыхъ, а того намъ недостаточно для нашей задачи. Намъ необходимо есть пѣзнати способъ постепенного развитія языка, зачавши отъ первого зубка у нѣжного немовляти ажъ до послѣднѣго зуба у старца надъ гробомъ стоящего; словомъ къ той цѣли потреба наблюдати языкъ рѣвно въ дѣтинствѣ якъ старости, въ здоровьи якъ и въ немощи, т. е. намъ потреба пѣзнати физиологію и патологию языка. Однакоже наблюдения въ томъ взглядѣ може дѣлати всякій, даже неученый человекъ; къ тому требуея тѣлько здоровый языкъ и добрый слухъ, нѣсколько меньшихъ или бѣльшихъ дѣтей, и наконецъ добрая воля, абы прилѣжно смотрѣти за ходомъ развитія ихъ языковыхъ орудій. Языкъ дѣтинячій есть въ томъ взглядѣ важнѣйше всего, понеже въ немъ видно зародышь языка возмужалого человека, онъ продолжается у немощного черезъ цѣлую жизнь, а наконецъ повторяея въ многомъ и у сѣдоглавого старца.

Наблюданіе подобное приступно для всякого человека, и сіе есть поводомъ, для чего мы тотъ родъ сровнанія славянскихъ нарѣчій назвали *популярнымъ*, — къ чему темень еще придаемъ слово — *природнымъ*.

За исключеніемъ нѣсколькихъ весьма немногихъ звуковъ, суть, почти всѣ прочіи звуки и корени нашего богатого алфавита всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ испольными; а различіе состоитъ только въ томъ, що одни нарѣчія пользуются въ употребленіи сихъ звуковъ меньше или больше полною свободою, инныи же суть въ томъ взглядѣ меньше или болѣе ограниченны.

Откуда же, вопрошается, произошла сія свобода, полность у однихъ, а ограниченность, неполнота у другихъ? Отвѣчаемъ на се по просту: оттуду, оттуду и у дѣтей встрѣчаеся большее или меньшее природное дарованіе, материнскому языку научиться скоро и чисто. Мы не видимъ причины, для чегó языкъ у цѣлыхъ племенъ имѣлъ бы образоватися подля инныхъ законовъ, якъ у поединокихъ дѣтей, болѣе или менѣе природою одарованныхъ.

Ибо вообще можно доистно полагати, що Славяне въ оныхъ предѣсторическихъ временахъ стояли на весьма низкомъ степені образованія, и пользовавшіи только домашнимъ, семейственнымъ воспитаніемъ носили въ своемъ языкѣ вѣрнѣйшій отпечатокъ такъ природныхъ дарованій якъ и врожденныхъ недостатковъ. Также и бѣ томъ нѣтъ сомнѣнія, що ихъ было меньше, и не жили такъ густымъ населеніемъ, якъ нынѣ, а однакже на пространствѣ, може быти, мало меньшемъ якъ сегодня.

Для примѣрного объясненія творенія и образованія нарѣчій представимъ себѣ въ воображеніи двѣ родинѣ, употребляющіи одного языка. У обохъ родинъ есть родичи здоровыи въ полномъ смыслѣ слова; языкъ и слухъ у нихъ рѣвно превосходны. У одной изъ тѣхъ родинъ есть десятеро дѣтей мужеского, а у другой стóлько же дѣтей женского пола. На несчастье судилъ такъ Богъ, що всѣмъ дѣтемъ чегось-то въ губѣхъ недоставало, у всѣхъ были свои вады. У одной пары дѣтей были заччи распалыи губы; у другой превеликій носъ, у третей премаленькій почти жадного носа; у четвертой большій кривыи или жадныхъ зубовъ; у пятой приросшій, у шестой предолгій языкъ; у седмой розрѣзанный язычокъ; у осьмой волчье горло; у девятой преширокая гортанка, а у десятой пары преумень-кая, огромнымъ вольемъ стѣсненная, гортанка. Словомъ всякая бѣда дѣтемъ, а наказаніе Божіе родителямъ. Въ слѣдствіе сихъ органическихъ недостатковъ ни одна дѣтина не могла выучитися чистой бесѣды родителей своихъ.

Особенныи же трудности находили они въ выговорѣ звуковъ: *дъ, ть, ж, ш, ч, лъ, рь, хв, в, ж, ѡ, ѣ*, и проч.

И такъ они на примѣръ вмѣсто:

<i>звала</i>	произносили	<i>фаа, фальа, фава, фала;</i>
<i>быль</i>	„	<i>биль, біо, бывъ, боу, бувъ;</i>
<i>была</i>	„	<i>быа, біа, бола, була;</i>
<i>двль</i>	„	<i>дугъ, дмугъ, длаугъ, довгъ, долгъ;</i>
<i>плкъ</i>		<i>пукъ, пулкъ, плукъ, поукъ, півкъ, полкъ;</i>

<i>вѣтрѣ</i>	„	<i>ветрѣ, вѣтрѣ, віатрѣ, ветарѣ, ветерѣ, веторѣ;</i>
<i>хѣтити</i>	„	<i>(гѣтити, чѣтити, хѣтити, хѣтити, хѣтити, хѣтити, хѣтити, хѣтити, хѣтити, хѣтити;</i>
<i>хѣтити</i>	„	<i>(гѣтити, чѣтити, хѣтити, хѣтити, хѣтити, хѣтити, хѣтити, хѣтити, хѣтити, хѣтити;</i>
<i>дѣтя</i>	„	<i>дете, дѣтите, дѣтьє, дѣтьє, дѣтьє, дѣтьє;</i>
<i>тѣло</i>	„	<i>цѣло, цѣло, кіло, тіло, тѣло, тѣло, тѣло;</i>
<i>тѣла</i>	„	<i>цѣлье, тѣлье, тѣлье, тѣлье, тѣлье;</i>
<i>дѣло</i>	„	<i>(дѣло, дѣло, дѣло, дѣло, дѣло, дѣло, дѣло, дѣло, дѣло, дѣло;</i>
<i>вѣрити</i>	„	<i>вѣржити, вѣржити, вѣржити, вѣржити, вѣржити;</i>
<i>чѣловѣкъ</i>	„	<i>(цѣвѣкъ, цѣвѣкъ, цѣвѣкъ, цѣвѣкъ, цѣвѣкъ, цѣвѣкъ, цѣвѣкъ, цѣвѣкъ, цѣвѣкъ, цѣвѣкъ;</i>
<i>чѣто</i>	„	<i>ца, цо, ча, чо, шта, што, счо;</i>
<i>чаша</i>	„	<i>цаса, чѣше, чѣше, чаша;</i>
<i>жѣльзо</i>	„	<i>залізо, зѣльзо, жѣльзо, жѣльзо, жѣльзо;</i>
<i>жѣльзѣкъ</i>	„	<i>(заондѣкъ, жолондѣкъ, жолондѣкъ, жолондѣкъ, жолондѣкъ, жолондѣкъ, жолондѣкъ, жолондѣкъ, жолондѣкъ, жолондѣкъ;</i>
<i>рѣка</i>	„	<i>рока, рука, рѣка, рѣка; и проч. и прочая.</i>

Словомъ, всякого рода перекручиванья языка можно было учуги у сихъ двоухъ родинъ, подобно якъ и нынѣ часто у маленькихъ дѣтей на время, а у славянскихъ племенъ постоянно слышимъ.

Бѣдные родичи мучилися, научали дѣточокъ якъ могли, призывали навѣтъ бабъ и знахорей (бо вѣдъ дѣкарей тогда еще не было), казали то языки подрѣзовати, то губы и язычки съшивати, то воля подвязывати; но всѣ тѣ операциі не много помагали, а при звычайномъ домашнемъ воспитаніи по-выростали дѣти сильны вправдѣ и здоровы, але въ бесѣдѣ все таки не переставали то *затинатися*, то *сенетлявѣти*, то *харкавѣти*, то *гугнявѣти*, то *штакати*, *штокати*, *счокати*, *каковати*, *чакати*, *чокати*, *цакати*, *цокати*, *сакати*, *сокати* и т. д. безъ конца.

По нѣякомъ часѣ родители поумерали, а съ ними и слѣдъ чистой, полной, совершенной бесѣды загибѣ. Оставшіися десять паръ дѣтей, рады якъ звычайно *similis similibi*, побрали и поженилися взаимно, а розойшовшіися по бѣлому свѣту, поселилися въ широкихъ просторонныхъ степахъ, далеки другъ отъ друга. Тамъ стали они господарити, всякая пара на своемъ собственномъ хлѣбѣ; плодили дѣтей, не знати уже чи бѣльше даровитыхъ якъ сами; воспитовали и обѣучали ихъ по своему, т. е. ни бѣльше ни лучше, якъ сами умѣли, — а въ продолженіи нѣсколько поколѣній или столѣтій образовали и розмножилися сія осады въ численныя племена, носящій нынѣ,

кромѣ иныхъ разнородныхъ внѣшнихъ знаменъ, также и вѣчное пѣно первоначального внутренне-органическаго недостатка языковыхъ орудій.

Вотъ Вамъ, почтенныи читатели, живыи, вѣрный, понягный и совершенно естественный образъ развигія нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій; вотъ ихъ книга быгія, написана природою самою, безъ выводовъ историческихъ и безъ ученого краму филологическаго. — Прародители умерли и лишили по себѣ только неудалыхъ дѣтей, которыи отеческой и материнской бесѣды ни сами чисто говорить, ни своему потомству чисто передать не умѣли. — Впрочемъ, сохрани Господи всяку родину отъ — и еще столько неудалыхъ дѣтей, и мы сами не вѣруемъ, щобъ коли существовала така родина, отколи свѣтъ стоитъ; но мы хотѣли въ семь образѣ лише сосредоточити, олицетворити весь процессъ образованія нынѣшнихъ славянскихъ нарѣчій, продолжавшійся може быти, выше тысяча лѣтъ подъ влияніемъ различныхъ обстоятельствъ, межи которыми однакже органическии недостатки языковыхъ орудій и небреженіе въ воспитаніи найголовнѣйшую играли родю. Изъ той точки зрѣнія мы не можемъ жадному изъ живущихъ славянскихъ нарѣчій дати безусловное предпочтеніе или преимущество, хотя бы они не знать якою силою душевною или вещественною пользовалися, поки ажъ ихъ внутреннее, органическое достоинство вполнѣ оцѣнено не буде. — Для того самого уважаемъ всякое стремленіе, одно нарѣчіе розширять на счетъ другого, еще предвременнымъ, одностороннымъ, пагубнымъ.

По нашему мнѣнію головная задача состоитъ въ томъ, щобъ

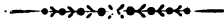
1. опредѣлити, якъ подлинно звенѣла бесѣда сихъ помершихъ, и живущо-го слѣду по собѣ не лишившихъ прародителей? или въ чемъ именно состоитъ найвысшее достоинство, совершенство и весь скарбъ славянской бесѣды вообще? а въ
2. выслѣдити, въ которомъ изъ живущихъ нарѣчій сохранилось наибольше примѣтъ сего органическаго совершенства, а осталось наименьше органическихъ недостатковъ.

Тогда не нужно буде манити, вербовати, по волѣ и неволѣ, ко одному или другому нарѣчію. Голосъ образованныхъ и просвѣщенныхъ людей и природный смыслъ буде безъ сомнѣнія сихъ достоинствъ глядѣти тамъ, где они въ истину находятся; ибо совершенству покоряется духъ человѣческой, даже мимовольно.

Розумѣся само собою, що подобная задача може только прилѣжнымъ, безпристрастнымъ трудомъ и наукою въ обще осягненна быти, що однакже не всякому дано, ни суждено. На потѣшеніе отчаивающихъ и лѣнящихся можемъ сказати, що взглядомъ точки 1-ой ученыи слависты уже дѣло правѣ закончили, отгадавши и опредѣливши подлинный выговоръ старославянской бесѣды. Стоитъ только ихъ готовыи сочиненія въ руки взяти, и прилѣжно въ нихъ листовати, а половина работы готова.

Взглядомъ второй точки должны мы прийтти, що и сія работа для насъ Русиновъ весьма легка. Мы уже изъ родительского дому знаемъ и умѣемъ два живушія нарѣчія, и то одни изъ найполнѣйшихъ касательно органического розвитія, а въ Церкви нашей святой еще къ тому слышимъ и читаемъ забытки старославянщины. Приучитися еще другимъ живущимъ нарѣчьямъ есть для Русина только играшкою — а польза неимовѣрна. Для того возьмѣмся за руки, наблюдаймо крокъ за крокомъ розвитіе языковыхъ орудій, зачавши отъ первого, нѣжного голосу нашихъ немовлятъ и дѣтей, сровняваймо сіи звуки съ извѣстными намъ другими нарѣчьями, и доведѣмъ свѣту, що сіе достоинство и совершенство принадлежитъ намъ Русинамъ; или — если въ книгахъ нашихъ бытія написано и суждено иначе — покоримся але не прежде, поки о правдѣ воплиѣ не увѣримся.

Иванъ Ө. Головацкій.

ВЫВОДЫ О НАЧАТКУ ИМЕНИ: РУСЬ.

Въ новѣйшомъ времени многи настали споры о имени Руси. — Имя Руси, котре съ хилкомъ мидувшего, а началомъ теперѣшного тѣсячлѣтія, преимуществно-же за часѣвъ Кіевско-русского князя Володиміра В. якъ тое зо собывшихся посольствъ розличныхъ народѣвъ европейскихъ до спомяненого князя, въ намѣреніи приведѣнья го на свою вѣру, постерѣгаемъ, роскошнѣ цвѣло, и по всей Европѣ величане було; — съ перевихнѣньемъ доли Руси, въ сорозмѣрїю наступившого потѣмъ роспаданьяся ей, и саме имя ей пригасало. — А по скѣнченью послѣдней самостоятельной крихтины ей — Запорожья — майже зо всѣмъ слѣдъ му въ свѣтѣ загибалъ. — И уже на послѣдъ такъ правѣ стало быти, що самы таки сусѣдні народы, которы неколись въ содружнѣмъ ѣтношевью съ народомъ рускимъ були, въ послѣднихъ часахъ радше за вѣдомостевъ Пелорѣвъ, Готентотѣвъ та Ескимосѣвъ ся гонили, нѣжъ бы о содружныхъ собѣ колись Русинахъ еще пригадати мали; — а земля руска, то уже такой на правду terra incognita для нихъ ся стала. — Имъ майже лѣпше знаны були околицы предалеко ѣтлеглого американского Оринока та африканской Захары, нѣжъ руска о между съ ними сосѣдующа краина.

Въ такъ непрїязномъ росположенью для Руси, противники имени ей ходили еще и около того скрутно, щобы лишъ зовсѣмъ тямку его во свѣтѣ — а кобы лишъ удалося — и въ Русинѣвъ самыхъ — чисто загла-

дити. — Тож коли заблысла въ Австріи зоря свободы и отрожденьяся народѣвъ, де и Русины такъ яко и други за свое имя та права народны ѓтозвались, стали они здрадохѣтно на все стороны свѣта проглашати: „що Русины, то лишь природна ѓтрасель созидатися маючой Польщы;“ — а бесѣда руска, поплѣтали они, ба ще и нынѣка съ присгранно стію пригваряють собѣ: „то лишь повѣтщина“ будь-бы первенствующой въ славянскѣмъ мѣрѣ „бесѣды ихъ польской.“ — Та ще кобы уже на томъ и сталося, — они але дальше ще затеклись. Появились бо межде нима и такі пристрастѣ, котры будучи посередѣ народа руского, въ краинѣ ёго власнѣй, въ-бровь му имя ёго занѣтковали, говорячи: не ма жадного имени Русп, лишь самое, по гордѣмъ мнѣнію ихъ, на весь мѣрѣ славянскій имя Польщи. А пѣделухавши они, що Несторъ тамъ десь править за якихсь Кривчей, Дулѣбѣвъ, Древянъ, Полянъ, Плотичей; ухопивши за приздѣбне имъ Нестора слово, „Поляне и Плотичи,“ казали они: отъ самы у Нестора ширѣсенки Поляки, — Русинѣвъ же не ма. — А що Несторъ пише: „Отъ тѣхъ прозвася руска земля,“ а въ другѣмъ мѣстци: „Отъ толѣ начася прозываети руска земля,“ — въ тое они не входили, бо имъ тое и не на дяку було. — То го тежъ тихонько обѣшовши, свое лише проглашали: не було николи Русинѣвъ, та и теперъ ихъ не е. — А видячи, що Русины не дають ся занѣкати, та ѓтъ домаганьяся правъ народныхъ нѣкимъ способомъ ѓтвести, обернулись они зъ яросердіемъ на другу сторону, та выгадовали де що ино могли, поплѣтаючи навѣтъ, що Русины возникли зъ хитрости политики ракузской, именно же, ще Гр. Стадіонъ малъ ихъ зъ небытя выкликати. — А што зъ того потѣмъ и не звездось, отъ, нашлись таки остроумцы, котры для играшки та посмѣшка ставляли въ мѣсяцословцяхъ число лѣтъ ѓтъ времени вынайѣнья Руси, — кладучи изобрѣтенія рѣкъ ей 1848, въ котрѣмъ Русины при оголошенью Всемилоствѣйшимъ царемъ Фердинандомъ всеобщой конституціи съ рѣвноуправненіемъ всеѣхъ народѣвъ Австріи стали зарѣвно съ другими народами домагатися о права свои народны.

Но мы всемъ тѣмъ неправдамъ впрость отвѣчаемъ, що уже въ началѣ 12. столѣтѣя — тожъ трошенька передъ 1848 рокомъ — князь Мстиславъ Володиміровичъ писался въ грамотѣ межде 1128-1132 нимъ выданой: „Се азъ Мстиславъ Володиміръ сынъ, держа рускоу землю во свое княженіе“ (Доп. къ Акт. Ист. Т. I. с. 2). Князь же Мстиславъ бувъ на той часъ в. княземъ Кіева; тѣмъ способомъ уже тогды называлася окреснѣсть Кіева русковъ землевъ, якъ тое зъ наведеной грамоты высвѣтляеся.

А поступаючи дальше въ историчнѣмъ слѣдѣнью, найдемо въ Несторѣ (Лав. ст. 13.) пѣдъ рокомъ 907, коли онъ споминку чинить о гражданскихъ договорахъ Олега князя съ Греками, що си ѓнъ домагалъ ѓтъ Грекѣвъ дани на „руски“ и други города, яко тамъ стоить: „уклады на рускіе города... и на Полтевскъ и на Ростовъ . . . по тѣмъ бо городамъ сѣдаху князя пѣдъ

Олегомъ суще.“ — Таковъ рѣчевъ назва Руси уже съ зачаткомъ 10 столѣтя свѣту историчнѣ вѣдомовъ була, коли Олегъ ѓтъ Грековъ 907 года дань въ укладахъ на руски города пожадалъ. — Ба што бѣльше, тойже самъ Олегъ будучи опѣкуномъ осиротѣлого малолѣтнего Игоря Рюриковича, князя Новгородского, пришовши съ нимъ 881. року на корабли Днѣпромъ пѣдъ Кіевъ, призвалъ тамо дестно Оскольда и Дира, осадомившихся на той часъ въ Кіевъ на престолѣ князьскѣмъ, а рекши до нихъ: „Вы нѣсте князя, ни князя рода — се (сказавши на Игоря) князь,“ велѣлъ ихъ потомъ будьбы неправыхъ привластителей княжого достѣянїя убити. — Потѣмъ-же зосполивши сѣверны области Новгорода съ южными Кіевскими въ одну цѣлѣсть величаву, обрекъ мѣсто Кіевъ за столицю Руси, мовлячи: „Се буди мати рускихъ земля.“ — А такъ засѣвши самъ на престолѣ княжѣмъ въ Кіевѣ, владѣлъ нимъ до смерти своей, называючися в. княземъ рускимъ, — якъ тоє посвѣдчають слова попередъ намѣненого договора съ Греками, де сказано есть: „Иже посланы быша отъ Олега великаго князя рускаго“ (Нес. Лав. Москва 1824 ст. 13. 14.). Зъ чого съ явно показуе, що уже тогды и Греки о назвѣ Руси добрѣ знали.

Теперь-же, коли Олегъ заразы на вступѣ своемъ у Кіевъ нарекъ го „матерью рускихъ земля,“ — токъ уже попередъ пришествїя его тамо, мусѣли ся тїи землѣ рускими называти: — бо прецѣ нового незнаюго людемъ имени не мѣгъ народови либо и краинѣ, до котрой по первыи разъ самъ вкочалъ, произвольно натручати. — Та если-бы вже и загадалъ бувъ тоє вчинити, то певно же не инше якъ свое, либо своего пѣдопѣкунчого князя Игоря бувъ бы имя области, або и самому народови наверхъ; — а такъ прозвалъ бувъ бы ихъ або Олеговыми або Игоревыми землями. — Но того ѓнъ не малъ на гадцѣ, щобы краинѣ, до которой ѓнъ яко прибылецъ вступовалъ, либо и народови тойже краины, ѓтъ себе чужому, нове незнаює имя имъ накидати. — ѓнъ лишь прибывши зъ Новгорода въ Надднѣпряньскїи стороны, прозванны у попередъ его прїбытїя не иначе рускими землями, и по напраснѣмъ страченью тайнымъ способомъ на корабли тогдашныхъ тамошнихъ князей Аскольда и Дира, занялъ мѣсто Кіевъ, а съ нимъ области его самъ; — тай обрекъ при тѣмъ и Кіевъ, яко преимущне въ земляхъ рускихъ мѣсто, на столицю Руси, — якъ думаемъ, для привлеченя еи жителей рускихъ къ собѣ, а прилучивши и Новгородски области къ ихъ, створилъ тѣмъ величаву державу руску.

Коли такъ, зъ-ѓтки же и ѓтъ коли имя тоє „Русь, руска земля“ настало?

Несторъ розказуючи о призванїи черезъ Новгородчанъ варяжскихъ князей изъ-за моря на правленїе до себе, пише: „Идоша за море до Варяго Руси ... *) рѣша Русь, Чудь, Словѣны и Кривичи (посланники): земля наша

*) Несторъ кладучи, що няя Руси ѓтъ Варяговъ походить, здаєсь, що ѓнъ тутъ самовольно, будь-то-бы на потверженїе своего положеня, — до слова „Варяго,“ придалъ слово „Русь.“

велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да пойдѣте княжить и володѣти нами — . . . И избраша ся З. братья Рурикъ, Синеусъ и Труворъ со роды своими, поюша по собѣ всю Русь, и отъ тѣхъ прозвася руска земля 6370 (862).“ А ниже зновъ при намѣнцѣ о нападеніи Руси на Гречину, пише Несторъ такъ: „Во лѣто 6360 (852) индикта 15. наченъшу Михаилу (грецкому царю) царствовати, начася прозывати Руска земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари приходили Русь на Царьгородъ, якоже пишется въ лѣтописаніи Греческомъ“ (Лав. с. 7). Зъ чого ся показуе, що Несторъ разъ выводить назву Русь отъ Варягѣвъ, а другій разъ зновъ, же ю въ грецкихъ лѣтописяхъ якобы першій разъ историчнѣ намѣнену открылъ.

Примѣтити нужно, що нѣкотры замѣтують Несторови тутъ ошибку о положеніи року напада Руси на Гречину, розказуючи: що Михайлъ грецкій Царь наслѣдовалъ по отци своемъ Теофилѣ 842. Но за часъ малолѣтности его заступовала го въ правленіи мати его Θεодора черезъ 14. лѣтъ. Додавши отже, кажутъ они, тое до 842., зробіть 856, въ котрѣмъ то роцѣ Михайлъ обнялъ правленіе самъ. — Симеонъ же Логоѣтъ, прибавляють они дальше, пише, що нападъ Руси на Гречину припавъ въ 10. роцѣ правленія Михайлового. Додавши отже теперъ тыхъ 10 лѣтъ до попереднихъ 856., вчинить того разомъ 866., въ котрѣмъ то роцѣ мавъ бувъ, ведля Логоѣта, нападъ Руси на Гречину припасти. — Мы однакъ на тое зауважаемъ, що если Логоѣтъ пѣдрозумѣвалъ зачатокъ правлѣнья Михайлового ажъ отъ обнятія нимъ самимъ царства, то нападъ Руси на Гречину припавъ бы доперва 866. года. — Если же бнѣ пѣдъ началомъ царствованья Михайлового розумѣлъ перейстья лишь трона на Михаила, по смерти отца его Теофила, тогды Несторъ въ положеніи рока о збывшѣмся нападѣ, хотяи що до прибавки его о зачаткѣ на той часъ царствованья Михайлового не соглашаеся, бо ажъ въ 10. роцѣ таковъ мѣровъ оно припадалобъ, завсе однакъ що до положенья року Несторъ право мае; ибо додавши тыхъ 10. лѣтъ попереднѣго правлѣнья Михайлового, зачѣмъ нападъ Руси ведля Логоѣта збытися малъ, до 842; яко року смерти Теофила, вчинить того 853. Що намъ и правдоподобнѣйшимъ изъ всего ся надае, ибо Логоѣтъ мѣгъ въ своей росправѣ о другѣмъ нападѣ Руси на Гречину розумѣти, котрый 866-го ся доиста збылъ, и такой съ лѣточисленіемъ Логоѣта ся здае, принявши на увагу, же Логоѣтъ отъ обнятья самимъ Михайломъ царства своего, отже отъ 856. рока тыхъ 10. лѣтъ числитъ.

Бо зновъ дальше каже: „рѣша Русь, Чудь,“ и пр., що якесь запутанье здачае, ибо и Варягамъ причеплае принюкъ „Руси,“ и зновъ медже посланниками такой вымѣняе „Русь.“ — И зновъ на послѣднѣ каже: „поюша по собѣ всю Русь,“ — де тутъ въ послѣднѣмъ мѣсци здаеся якій огрядъ людѣй означати. — А може що пѣдъ „Варяго-Руси“ — пѣдрозумѣвае бнѣ попередъ изгнанныхъ варяжскихъ князей зъ Русѣ, — котрыхъ на отворѣтъ пригласали на правленіе въ Русь. — Тожъ про то ихъ уже рускими Варягами называе.

Мы однакже що до зачатка имени Руси, якобы отъ Варяговъ походить, либо и доперва въ лѣтахъ 866, 856, а хотябы и 852 настати мало, Несторови притакнути не можемъ; по перше бо, же Несторъ самъ собѣ не соглашаеся, ибо разъ кладе онъ положительно яко несомнѣнну рѣчь, що имя Руси походить отъ Варяговъ, а другій разъ знова, що зъ грецкихъ лѣтописей догадался, яко имя Руси съ началомъ царствованья царя Михаила зачалось, котрый съ всякою вѣроятностію, если не 10., то бодай 6. роками передъ пришествіемъ Варяговъ на Русь, въ Гречинѣ правленіе обнялъ; тожь и имя Русь, только лѣтами передъ прибытьемъ Варяговъ тамо, Грекамъ уже вѣдоме було, а тѣмъ самымъ дома уже давнѣйше существовати мусѣло. Зъ чого ся показуе, же Несторъ самъ не бувъ допевненъ о своѣмъ твердеженю начала имени Руси.

По друге, же если-бы земля наша мала прозватися отъ рода варяжского, то-бы допевна прѣзвановъ зостала „Варяжска земля.“ — А припустѣмъ, щобы отъ Рурика такъ называтися мала, то-бы зновъ „Рурицковъ землевъ“ призватовъ була, а все не „Русь, Руска земля,“ — якъ власнѣ называеся.

Русь затѣмъ наша производить имя свое отъ чогось иншого, — котре десь тамъ въ глубокой старинѣ временъ, посередъ самого народа зъ его власныхъ внутреннихъ межде собою отношеній ся завязало. — А о такомъ то зачатку назвы Руси, а зособлива отгаднѣнню, зъ чого оно настало, — загадали мы Ч. Родимцямъ нынѣшновъ росправовъ о домыслѣ нашомъ въ томъ взглядѣ обвѣдомити.

Сказали мы уже попередъ, же намъ годѣ притакнути Несторовому выводу о зачатку назвы Руси, — а того мнѣнія бувъ также и Д. Зубрицкій, де онъ въ „Исторіи древ. Гал. рус. Княжества“ Ч. I. ст. 121—126 въ примѣчанью до словъ Нестора: „Отъ тѣхъ (князей рода варяжского) прозвася руска земля“ (Лав. с. 9.) каже, що ему неимовѣрнымъ видится, щобы отъ трехъ князей варяжскихъ пришельцовъ съ кѣлька сотѣ дружины ихъ на руску землю, мали только розличныхъ племенъ словянскихъ, яко Кривичей, Дулибовъ, Словѣнъ, Древлянъ, Плотичей и Полянъ, на такъ великой пространіи земли розстеленыхъ, прибирати собѣ имя; коли, придаемъ тутъ свою увагу, за Олега еще були князѣ своеродны, яко въ Полтевску и Ростовѣ, Олегови поддѣльны. — Не отъ рѣчи припомянути тутъ ще и тое, що Несторъ намѣняе трехъ братей князей славянського рода зъ древнѣйшихъ временъ, с. е. Кія, Щека и Хорива, зъ котрыхъ первый мае бути заложителемъ Кіева. — Про то не були тутъ Варяги самы первы князями, абы отъ нихъ край ними заняты, а даже и не заняты мали собѣ имя приберати, — а то тѣмъ меньше, каже Д. Зубрицкій, же Несторъ самъ при намѣнцѣ первого похода Руси на Царьгородъ, котрый ведля Нестора еще 6360 (852) роцѣ, затѣмъ 10. лѣтами передъ Варягами, котры доперва 6370 (862) года до Новгорода пришли, збытися малъ, пише: „Наченьшу

Михаилу. царствовати (въ Цариградѣ) начаса прозывати руска земля. О семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ цари Русь приходиша на Царьгородъ. . . .⁴, т. е. въ началѣ царствованья; Михаила дознали Греки нашествія на Царьгородъ, при чѣмъ познали народъ нападающій на нихъ, котрый ся называлъ рускимъ народомъ. Потѣмъ же той самъ Несторъ (придае Д. З.) споминае о владѣющихъ Козарахъ Рускихъ: „Якоже бысть, володѣють Козары рускіе и до днешняго дне“ (Лав. с. 7). Зъ-откѣль же тутъ взялись у Нестора тѣи владѣючи Козары руски, пытаемся теперь? Ци може маемо перехрестити ихъ на Козарѣвъ варяжскихъ, абы такъ безъ замѣтки, съ нимъ имя Руси отъ Варягѣвъ выводити? — Зо слѣвъ же Нестора: „Якоже бысть“ показуеся, судимо, що тѣи Козары руски зъ давень давна, тожь еще передъ Варягами, а и за самого Нестора еще, якъ приказуютъ зновъ слова: „володѣють и до днешняго дне,“ пановали на Руси. — Тожь и дивно съ намъ видить, якъ Несторъ имя Руси отъ Варягѣвъ выводити може, коли самъ намѣнае, же Козары руски здавна уже владѣли на Руси, про-то и прѣзва „Русь, рускій“ безъ Варягѣвъ знаюю уже була.

Потѣмъ если бы отъ Варягѣвъ имя Руси походити мало, то бы области Новгородски, Бѣлоозера, и Изборска, де три братья Рурикъ, Синеусъ и Труворъ князѣ варяжски на сампередъ засѣли, Русѣвъ прозыватися настали; а ту тѣмъ часомъ окрестности коло Кіева и Днѣпра начались передъ всѣма, закъль Варягѣвъ тутъ еще и не було, котры доперва 881 года съ Олегомъ пришли, рускою землѣю прозывати, якъ тое постерѣгаеся зо слѣвъ Олега пришовшого отъ Новгорода, а убившого тамошнихъ князей Аскольда и Дира, и обрѣкающого Кіевъ за столицю: „Се буди мати рускихъ земль.“ — А и при договорѣ съ Греками 907 желалъ тойже самъ Олегъ, сѣдючи въ Кіевѣ, уклады на рускіи города, и на Полтевскъ, и на Ростовъ, „по тѣмъ бо городамъ сѣдяху князя подъ Олегомъ суще.“ Де затѣмъ на тогды еще 907 р. Полтевскъ и Ростовъ не принадлежали до рускихъ городовъ, коли Олегъ окрепѣннѣе при укладахъ отъ рускихъ городѣвъ ихъ вымѣнае. — Та и самъ Новгородъ также не мѣгъ до рускихъ городѣвъ ся числити, коли Несторъ описуючи перехѣдъ Славянъ наддунайскихъ въ западны и сѣверны стороны, медже иннымъ пише: „Словѣны же сѣдоша около озера Ильмеря прозвашася своимъ именемъ, и сѣдѣлиша градъ, и нарекоша и Новгородъ“ (Лав. с. 3.). Новградяне отже имя Словѣнъ задержали, про то и Русинами называтися не могли на тогды, такъ якъ и мѣсто ихъ Новгородъ до рускихъ мѣстъ принадлежати не могло.

Въ прочемъ намѣнае Д. Зубрицкій, же въ Лав. и Ипат. лѣтописи Нестора при описѣ призванья Варягѣвъ стоить: „Рѣша Русь, Чудь, Словѣны и Кривичи“ (посланики тѣхъ); зъ чого съ показуе, же зачѣмъ еще пошли по Варягѣвъ, „Русь“ уже були, коли Русы или Русины сами по Варягѣвъ ходили.

А **п**оль буквою ж), що найголовнѣйше, розправляє дальше еще Д. З., же Несторъ самъ при описцѣ пѣзнѣйшихъ событій, Русинѣвъ опредѣльно ѡгличае ѡтъ Варягѣвъ, пишучи: „Во лѣто 6526 (1018).. Ярославъ же совокупивъ Русь, и Варягы и Словѣны, поиде прогиву Болеславу и Святополку“ (Дав. с. 63.). Лѣтопись роздичае опредѣльно Русь ѡтъ Варягѣвъ и Словѣнъ; слѣдственно якъ Русь и Словѣны, такъ Русь и Варяги не одно и того саме, но или особны народы, или особны племена, или яки тамъ особны сословія. Тѣи важны дуже слова, заключае Д. З., опровергують всѣ толки, що Варяги и Русь одно и тое саме, и що прозва Руси ѡтъ Варягѣвъ произошла.

А на послѣдъ прилучае Д. З. одну еще увагу въ той рѣчи, пишучи: „Есть и другое по крайней мѣрѣ для насъ замѣчанія достойное обстоятельство: Въ руской Правдѣ скоро бесѣда есть о Русинахъ, то оно воспоминае о нихъ яко-бы-то о якомъ ѡтдѣльномъ отрядѣ народа, на примѣрѣ дакомъ тамъ особномъ сословіи, а не о цѣломъ народѣ, ставляючи го на рѣвни съ якимись гридами, купцами, горожанами, якъ: „Аще будетъ роусинъ либо гридинъ, либо коупчина, либо ябетникъ, либо мечникъ... А ци ли будетъ роусинъ горожанинъ, или гридь, или купецъ... Аще ли будетъ роусинъ или гридь, либо коупецъ.“ — Очевиднѣ, що ту „Роусинъ“ означае якийсь ѡтрядъ людей, а не народъ цѣлый; въ противномъ бо случаѣ законодатель выразивъ бувъ бы ся: „Аще будетъ Русинъ, либо Чудь, либо Словѣнъ, либо и Варягъ,“ ибо и Русины и Чуды и Варяги могли бути купцами, горожанами, и пр. — Такъ (заключае Д. З.), якъ въ 17. столѣтїи ѡтъ сословія козаковъ называли Малу-Русь Козаччиною, козацкою землею, такъ може бути, ѡтъ якогось тамъ, намъ теперъ неизвѣстнаго, многочисленнаго, предпочтѣннѣйшаго сословія въ народѣ, Русинами званого, стали называти надднѣпрянски стороны Русевъ, русковъ земель. Ѳгъ такъ правѣ, якъ ѡтъ сословія Лехѣвъ, Лехитѣвъ стали называти Польщу Ляцковъ землею: „Poczesze kmety, lechy i wladuku, — kde se snechu lesi i wladuku, — Moji kmeté lesi i wladuku“ (Rukopis králov. Libuszin sud. IV издан. Ганки ст. III.).

Мысль тутъ кинена здогадковимъ способомъ ѡтъ Д. Зубрицкаго, же въ томъ, сословіе въ народѣ знаменучѣмъ словѣ „Русинъ,“ будьто-бы въ дакомъ гордїйскомъ узлѣ скрывался зачагокъ назвы Руси та и цѣлого народа рускаго, понудила насъ надъ тѣмъ подумати. — А затѣкавшись надъ нимъ разъ и другій, покушуемъ го теперъ и роспѣтати.

Но абы того доконати можъ, припадае намъ вглянути въ первобытныя времена народѣвъ, овыи то времена, де люде зъ дикого скитальства свога связею общаго имъ якогось знамени тѣснѣйше въ союзъ споляся, и тѣмъ составъ однолитой сущности своей въ свѣтѣ представляти начинаютъ. Вглянути мовлю въ оное перво-время, для роспѣзнанья, якимъ то способомъ народы, въ первовѣчнѣй онѣй старинѣ зчинаньяся ихъ еднознаменныхъ началобытїй, назвы собѣ присвоили? — зъ чого они ихъ приберали? — та

и яки то, тїи знамена быти могутъ, шо то людей дикого состава въ единитный союзъ той лучили?

Уже тое само, же люди зостаючи въ дикомъ скитальствѣ розвержены, не мають жадного народного во свѣтѣ знаменанья, та про-то же и не звыкли мати жадныхъ власныхъ именъ народныхъ, кремъ обшой назвы: дикій людъ, дикій народъ, веде насъ ко пересвѣдченью, же знамя оное еднолитой связи, появляючогося съ завязуючоюся гражданьсковъ жизньевъ своѣвъ въ свѣтѣ народа, не заперечено есть: возникаюча въ таковомъ народѣ просвѣта. — Но чѣмъ же зчинаесъ тотъ просвѣта въ народѣ? — впроситъ доцевна нееденъ? Тоже скажемъ тутъ такъ по власномъ домигнью: Человѣкъ будучи въ дикомъ составѣ не знае ничъ бѣльше, кремъ шоденныхъ потребъ похѣвка своѣго, — гонитъ за нима, розбиваесъ за добычѣвъ. — Въ томъ стають му различно-родны перепоны; — ѡнъ удаесъ на лобы придатныхъ му звѣрей, звѣри же операютъ ѣго настиганью, и на отворѣтъ возстають на него, яко на добычъ свою. — Въ томъ спорѣ видяесъ человѣкъ слабшимъ, покликуюесъ на товаришей своихъ; — а если тыхъ приспѣха къ помочи его не ма, — съ возрастаючою опасностевъ жизни ѣго, змагаесъ зарѣвно и жадѣнье въ нѣмъ за помочѣвъ, помочѣвъ всеконечновъ. — Утративши але зо всѣмъ надѣю въ начасный достигъ помочи людской, возтае въ нѣмъ, при такомъ отчаянїи, жадъ высшой якойсъ помочи надлюдской. — А сли ся му вдасть въ томъ умыслѣнню спасти, тогда основуесъ въ мысли его упомысленное (идеальное) якесъ существо, котрому ѡнъ спасенїе свое признае. — Но и вообще взявши, человѣкъ видячися слабымъ сотворѣнїемъ противъ околяющей го, та понекудъ неприязно нанъ вляючой природы, при томъ же досвѣдчаючи на собѣ многочисленныхъ скорбей и обидъ, яко голода, печали зъ неудобства якогосъ, та различныхъ надо-все въ житью своѣмъ злоключенїй, понимае неудольнѣсть пособїй своихъ до удовлетворѣннѣя собѣ самому въ свѣтѣ, — и оглядаесъ про то за высшовъ якоусъ помочѣвъ. — Въ томъ веденъ конечностїю той надлюдской помочи, упомыслае си въ умѣ могучшое якесъ надъ людей, упомысленное (идеальне) естество, — и увѣряесъ, попудомъ всеконечной потребности натисненъ, самъ въ собѣ о возможности обсягнѣннѣя ѡтъ него возжеланной помочи.

Зъ того потѣмъ розвиваесъ въ чоловѣцѣ понятїе о высшихъ надлюдскихъ упомысленныхъ существахъ, — о Богахъ, — котры ѡнъ собѣ ведля рѣжныхъ околяючихъ го рѣчѣй и потребъ своихъ въ умѣ упомыслае, и по природномъ своѣмъ мовозвыцѣ, ведля признаныхъ имъ силъ, имена имъ надае, та таковыи и окружнымъ своимъ товаришамъ преподѣлае; а тїи приступуючи къ ѣго понятьямъ, еднолиту звязъ еднознаменности тѣми еднобразными понятьями своими о Богахъ межде собою творять.

А такъ подѣбнымъ способомъ основуесъ первый зарѣдъ просвѣты въ дикомъ народѣ, котра заразомъ становитъ общое оно знамя еднобразной нравственной звязи людской, ведля котрой люде однаковимъ понятїемъ о

Богамъ разомъ сполены, одинъ собственный чередъ завязуютъ, та и по назвѣ, зъ именъ Богѡвъ своимъ наданыхъ, походячой, людей, службу богочестія имъ справующихъ, яко до заведенія ихъ принадлежныхъ, именемъ ихъ прозываютъ. — Котра то прѡзва, тыхъ обрядо-правителей богочестія ихъ, потѡмъ въ загалѣ на цѣлый нарѡдъ, яко богочестѣвъ одного имъ поспѡльного Бога, попередъ въ вѣрознаменну, потѡмъ же зльавшись въ естество народне съ народомъ, въ саму народну назву переходить.

Говорилисьмо доталъ зъ власного домибнїя; Ч. же Читательство не схо-чесь може удоволити тѣми нашимъ догадками, та сли ихъ такъ, по мнѣнїю деякихъ тамъ може остроумныхъ судїй, назовемъ выдумками, — а зажелаютъ историчного доказа на тое домибнїе. — Тожъ скусимъ дешто и зъ того жерела, до попертыя своего мнѣнья, навести, — и ось:

Ведля всемирного дѣрѣчїя начатокъ рола челоувѣчого, а тѣмъ самымъ и заселенїя цѣлой вселенны, походитъ зъ Азія То тежь въ тамошнихъ народѡвъ первобытнїй ихъ звычай наименованьяся требуемъ мы, для пояснѣнья той рѣчи, возрѣти; ибо цѣлый славянскїй рѡдъ, якъ не меньше и самъ рускїй нарѡдъ нашъ, колись тамъ передъ вѣки ѡтъ-тамтѡль вышоль, та и звычай тамошнїй поименованьяся тутъ несомнѣнно съ собою вынесъ. А правѣ же всѣ азійски народы, ведля новѣйшихъ изслѣдованїй зъ имене Богѡвъ ними почитаныхъ назвы народны приберали; якъ о тѡмъ ученїй Joan Kollar въ дѣлѣ своѣмъ „Slawa Bohyne“ выданѡмъ въ Пештѣ 1839. ст. 58. править, „Narod a naboženstwi we starem swete tak spolu splywali a stotożnowani byli, że obema jedno a tez jmeno dawano bylo; tak k. p. narod židowski a naboženstwi židowske byla a jsau wyrazy wzajemne. Tak Brami Bramowe, Brahmané Birmani od Boha Brahma; Buddhisté Budhané, od boha czili zbožen nence Budha; Dalajlamané od Boha Dalailama; Fetiszané od Fetisze; tak Sabejstwı Sabeismus Sabeowé (hwezdoctitelé) w Arabii od Saba (hwezdy); tak Parsi, Parismus Perszané (ohnjocfilelé); tak Athenczané od bohyně Atheny, a. t. d. Mythologické jméno narodu czili pojmenowanj jeho od bohůw a bohyň jest dukazem jeho vysoké starobylosti, kde lidé nad bohy nie wysszjho neznali aniž knjzatum swym pochlebowali. Narodnost (Nationalitas, Volksthum) jsau plody a wyrazy nowesjszjch czasuw: narodnosti starych narodu v zalezela w naboženstwi; jeden narod delil a rozeznawal se ode drehého nejwjce skerze swé bohy a sposob ctenj jich toto bylo jejich narodnj Palladium.“ Такъ отже видимо зо словъ Kollara, же народы въ Азіи приберали имена ѡтъ богѡвъ своихъ. ітъ-тамтудъ то пришоль и нашъ нарѡдъ славянскїй, на 2000 лѣтъ и скорше еще передъ Христомъ, зъ котрыхъ едни осѣли на Дунай, а други розошлись скитаючися по европейскѡй Скитїи, утрімавши сперва богочестїе азійской всеобщой имъ богинѣ „Suawa,“ славянскѣ „Слава,“ зъ чого ведля Kollara возстало всеобщѣ Славянѡвъ имя „Славяне.“ — Въ 9-тѡмъ але роцѣ по Христѣ по мнѣнью Д. Зуб. (Ист. Гал. В. к. Ч. 1. с. 118) гонены ѡтъ

Римлянь надъ Дунаемъ застаючи Славяне, выступили лекотри племена ихъ зъ-надъ Дунайскихъ сторонъ, и получившия съ сородными скитающимися братьями своими, едни зъ нихъ осли надъ Молдавою, Моравою и Висловъ, а други надъ Двиною, Суловъ, озеромъ Ильмеръ, еще инши зновъ надъ Днѣстромъ, Днѣпромъ, Бугомъ, якъ тое Несторъ описуе, и тутъ рѣжны подрѣбны имена мѣспевы прибрали, яко: Поляне, Древляне, Полочане, Кривичи, Дульбы, Сѣверяне или Словѣны. Зъ котрыхъ то подрѣбныхъ потѣмъ именъ новши загальныи настали имена, и то: Чехи, Поляци, Моравяне, Русины и Россіяне.

Рѣчь намъ тутъ иде о выводѣ, зъ чого имя „Русь, Русинъ“ насгало. Мовилисмо идучи за мѣнѣмъ Kollara, що Славяне прибувши зъ Азїи, звичай азїйскїй, имена зъ Боговъ нима почитаныхъ приберати, собѣ задержали, и зъ нихъ имена народны собѣ присвоили. — Но зъ якихъ же древныхъ языческихъ Богѣвъ могли Русины имя „Русь, Русинъ“ собѣ принять? Они почитали въ часѣ поганьства ихъ Свяговида, що посвѣдаче вынайдѣнне камѣнноге зображеня ёго 1848 рока въ рѣцѣ Збручъ по-ниже села Личковцѣ Тарнопольского округа, котге то зображене Гр. Потоцкїй далъ до Кракова перевезти. Почитали такожъ и Перуна, якъ тое видно зъ договора Игоря князя Руси съ Греками въ 945 роцѣ, де стоить: „И елико ихъ есть нехрещено, да неимуть помочи ни отъ Бога, ни отъ Перуна да будетъ клять отъ Бога и отъ Перуна.“

Почитали не меньше и Ладу, Фырду (Фрайду),*) Дивянуу, що посвѣдчають пѣсни народны; а надо-все, всядїй и всенароднѣ почитали праотцѣ наши Богинѣ водны. — О тѣмъ посвѣдчають древны писателѣ; яко: Прокопъ, пишучи III, 14: що Славяне обожали рѣки, Нимфы и некоторыхъ духѣвъ водныхъ. — Левъ Дїяконъ пише I, 8. О Русинахъ языческихъ: „Воины Святослава погружали въ струи Дуная молодцѣвъ и когутѣвъ, по совершенною погребенїю воинѣвъ павшыхъ въ битвѣ.“ — А Несторъ пише въ Нов. Лѣт., що „Русины язычески кладяземъ и озерамъ жертву приношаху“ (Зри Очеркъ баснословія Я. Головацкого). Тотѣ убожены естества водны называли Русины и называютъ доталъ еще: Морянами, Водянами, Тепелицями, водными богинями, а всеобщо Русалками, — котрымъ то Русалкамъ Русины, якъ ся того домыслати можъ, въ рѣцѣ, „Русь“, вѣроятно ѳтѣ Русалокъ Русою названѣй,*) особлившу честь ѳтдавати мусѣли.

ѳтѣ тѣхъ то языческихъ Богинѣ водныхъ „Русалокъ“, люде богочестїа обрядъ на рѣцѣ имъ ѳтправляючи „Русы, а може и Русляны, либо и Русины“

*) Зъ того здаець походити слово „Фрайръ.“ любовникъ. —

*) Рѣка Руса есть ниже Кїева и впадае у Днѣпръ коло мѣста Родна, якъ того дочитуемся зъ Ист. Гал. Д. Зуб. Ч. I. с. 159., де посередѣ иншого стоить: „Несчастнїй князь (Ярополкъ) попался въ обманъ, пустился съ лукавымъ совѣтникомъ и съ отрядомъ вѣрныхъ собѣ воинѣвъ по березѣ въ низъ Днѣпра къ устью рѣки „Русы“ и тамъ затворился въ городѣ Роднѣ.“

прѣзваны, а рѣка, на котрой, якъ догадовати мажеть, преимуществно, а хотъ первѣстно, богочестіе Русалкамъ отдавалось, „Руса“ названовъ зѣстала. Отъ той рѣки потѣмъ окрестность ей, тай такъ коло Днѣпра и Кіева, якъ уже сказано, Русевъ, та русковъ землевъ наречено. — Зъ того дальше потѣмъ цѣла область, дальше еще цѣлый край назову „Руси“, тай на послѣдъ и самъ народъ: „Русы, Русичи, Русляны, ажъ пришло на Русины,“ имя свое отъ Богинь Русалокъ перенялъ.

Же того, яко имена Боговъ и Богинь въ предавной старинѣ на рѣки, край и самы народы, а часомъ и имена самыхъ рѣкъ на околицѣ и цѣлы краины переходили, есть рѣчевъ историчныхъ, маемъ того слѣды зъ давныхъ времяхъ такъ въ Азій, якъ и Европѣ. О чѣмъ Kallar въ предспомяненомъ дѣль стр. 60. такъ пише: „*Że uż w najstarszych czasach i w Indii jmena bohów a bohyń na lidy, kmeni a narody prenaszona byla, toho dukaz wizte w Boppowé Glossar. st. 175., gde stoj: Siva mas deus Sivas; Siva fem. dea Siva, Sivi uxor; Sivi mas Sivi, nomen regis cujusdam; Sivi, collective, hujus regis posterii. — Tak i Brama buh, Bramapatnam, Bramowo mesto; Bramarsi, Bramowa krajina. — Wisznu buh, Wisznuwité, sekta czili trzida. Tak i Indra buh, a Indrapura, kraj na ind. ostrowe Sumatra. Saraswati, bohyne a malżenka Bramowa; Saraswati, reka do Gangesa tekucj; Saraswati, narod nad tau rekau bydlij. — Tim sposobem i u nas Slawa bohyne, Slawa, Suawa, Oslawa, Uslawa, Sawa, reki; Slawi, Slawowé, Slawjané, narod.*“ — Отже такъ само и въ насъ: Русалки, Богинь водны; Руса, рѣка по-за Кіевомъ, о котрой попередь на-мѣнялисмо; Русы, Русляны, вѣроводцѣ, или обрядочинцѣ, с. в. по нашой навѣ: Попы Богинь Русалокъ; Русь, руска земля, околиця коло рѣки Русы; Русь, потѣмъ цѣла область Кіевска; Русь, на послѣдъ цѣла теперѣшня руска краина; — Русины, весь народъ рускій. — А такъ само еще и Моряна или Моряна, Богиня морг. Славянъ; Моравя, рѣка; Моравя, краина; Моравяне, Моравцѣ, люде зъ той краины. — Орава, рѣка; Орава, область краины угерской; Оравяне, мешканцѣ тойже области. — Вугъ, или Угъ либо Унгъ, рѣка, зъ-тутъ Унгваръ мѣсто столичне закарпатской Руси; Угры, закарпатски Русины, а зъ-тутъ и всѣ народы угерской короны Уграми ся называютъ.

Що той домыслъ нашъ о зачатку назвы Руси отъ Богинь Русалокъ всяку вѣроятность за собою мае, привказуе на тое многость руско-народныхъ пѣсней русальныхъ, присвѣчаючи товъ многостію своею, же Русалки у Русинѣвъ були всенароднѣ чтены; — та про то и знамя оное еднolitости богочестія ихъ, зъ которого народы поганьски назвы народны съ часомъ собѣ приберали, въ нихъ до-иста становили, — а то тѣмъ барже, же саме знакомитше въ роцѣ свято „Русали,“ котре було безъ сомнѣнья всенароднымъ рускимъ святомъ, назначенымъ во честь преимуществно ними почитаныхъ Богинь Русалокъ, тое саме притвержда, вѣселива, если и на то еще увагу нашу звернемо, же въ ти снята люде дома свои, будь-бы-то въ прирѣкъ

торжественности всенародной, кѣтъемъ и деревнымъ зеленымъ листьемъ прибирають.

Тѣмъ то выводомъ поясняемъ мы насунену увагу Д. Зубрицкого въ наведенной попередъ росправѣ его о значеніи слова „Русинъ“ особно якогось сословія въ народѣ; же тѣмъ сословіемъ не мѡгъ хто иншій бути, якъ священники, обрядъ богочестія Русакамъ отправляючи, котры сами сперва назву тую ѡтъ Русалокъ переявши, онужъ потѡмъ цѣлому народови передали. А же выразъ „Русинъ“ въ наведенѡмъ мѣсци зъ русской Правды, истно словіе священства означати мѡгъ, привказуе на тое и то, що слово „Русинъ“ будь-бы въ ознакъ преимуществи сана того, котрый означае, на початку завсе каждого поставленія въ русской Правдѣ стоить. — Що згадаеся съ нравнымъ обычаемъ Русинѡвъ, въ котрыхъ санъ священскій въ найвекшій почести здавна бувъ, и дотѡл завсе еще есть.

Kollar правда выводитъ назву Руси ѡтъ божка Ragavat, Rugevit, кой въ Slawa Bohune стр. 353 пише: „Rana, Rani, Rugiani, Rutheni, Rothrusland, Russi, Rusini, wsze qd Ragawat, Rugevit.“ — Но мы на тое не соглашаемся уже про то саме, же у Русинѡвъ не знано Ругевита; Яровить, Ругевить или Руевить, Поревить и Поренуть, були божества прибережныхъ надъ-Бальтійскихъ и Полябскихъ Славянъ, а не Русинѡвъ, про то и имя зъ нихъ не могло на Русинѡвъ переходити. Потѡмъ же зо слова Ragavat, Rugevit, можъ бы производити слова Rugiani, зъ-куль и назва острова Rugia, Rügen, Руяна, доиста походитъ, а не Rutheni, Rothrusland или Rothrusinen, котра назва, по нашему Червена Русь, ѡтъ такъ зовимыхъ Червенскихъ городѡвъ походитъ; а тѣмъ меньше дастся назва Русины, Russi, Rusini зъ Rugevita натягнути.

Произвѣвши такъ зъ баснословія аналогичнѣ зачатокъ назвы Руси ѡтъ Русалокъ, не ѡтъ рѣчи буде дешто еще о древности имени того историчнѣ проуказати. — Бо що имя тое, скоро оно ѡтъ языческихъ еще богинь Русалокъ походитъ, десь тамъ дуже старовѣчне бути муситъ, не ма що и сомнѣтись о гѡмъ. — Уже Kollar право зауважалъ, що митологичне имя народа проуказуе на ѡтвѣчну стародавнѡсть его, мовлячи въ Slawa Bohune стр. 58.: Mitologicke jmeno naroda, czili pojimenowani jeho od bohuv a bohynj, jest dukazem jeho wisokè starobylosti.

То тѣжъ доиста и имя „Русь, Русь, Руслянъ, Русинъ,“ походяче ѡтъ богинь Русалокъ, вѣками, а правѣ тысячелѣтїями древнѣйше есть, якъ-бы го собѣ новѣйши оспоривателѣ его загадати могли.

Такъ отже уже передъ Несторомъ имя тое постерѣгаемъ у грецкихъ писателей Симеона Логоѣта и Григорія Монаха въ продолженью Теофана, именно-же въ книзѣ о царѣ Декапенѣ и Михаилѣ, де ся находятъ слова: οί Ρος, του; Ρος, των Ρας, Ροος ἡττος, и зъ того прилагательне имя вчинене: του ρουσιμου — котру то назву Ρος, ρουσιμου съ всякою вѣроятностїю

писатель тѣмъ переяли отъ Прокопа Цезарійскаго называющаго въ письмахъ своихъ Славянъ древней Скитіи и Сарматіи: *Σποροϋς*, — котре то прѣзвѣско нашему народови отъ Прокопа*) надане, мусѣло, якъ ся догадуемъ, знаменати заселенцевъ зъ Поруся, т. е. зъ окресности коло рѣки Русы, такъ якъ и теперъ еще обычно называютъ поселенцевъ зъ-по-надъ рѣкъ, н. п. Надъ-попрадянъ, Надъ-вислянъ, Надъ-вислочанъ, Надъ-днѣстрянъ, Надъ-днѣпрянъ, Надъ-бужанъ, Надъ-русянъ. — Такъ само якъ и означаючи мѣстность надрѣчну, на вопросъ: зъ-кудъ человекъ? отвѣчаеся: зъ Попрадя, зъ Повисля, зъ Повислоча, зъ Помястрья, зъ Побужа, зъ Поруся, — т. е. зъ околицъ тѣхъ рѣкъ. Тое отже выраженіе „зъ-по-Руся“, Прокопъ незнаючи духа бѣды русской, совокунилъ, якъ ся здае, въ одно слово *Σποροϋς*, и прозвалъ именовъ тѣмъ по грецки народъ рускій. — Тоту однакъ назву по-звѣвши по Прокопѣ писатель грецки, познавши, що есть зложена зъ больше словъ, предлогъ ей *σπο* откинули, и назвали уже троха лѣпше народъ рускій именовъ: *Ρος*, зъ чого они потѣмъ прилагательне уже правильнѣ вырбили *ρουσικον*. — Тойже самъ писатель Прокопъ пишучи 852 года исторію военъ готицкихъ, посвѣдае, що народъ славянскій перебуваючій по бѣльшой части въ Скитіи, Савроматіи, котрый, якъ онъ споминае, премногій е, доперва коло половины 6. столѣтія подъ назвою *Σποροϋς* Европѣ ознаемѣнъ зосталъ, хотяи самъ тою назвою давно уже у себе назывался, мовлячи: „Славяне зъ давенъ давна назывались *Σποροϋς*“, с. е. Русь, Русы или Русины. Же нашъ край та и народъ самъ, уже въ першихъ вѣкахъ временъ христіанскихъ назывался „Русь, Русія“, — можъ о тѣмъ довольно увѣдатися зъ исторіи такъ сухоzemныхъ якъ и наморскихъ военъ Руси съ крѣлями Даніи Фортиномъ I, III, IV, такоже и Норвегій съ Гальфданомъ, и Швеціи зъ Гольбордомъ, ведля описи исторіи Саксо Грамматика, помѣщенной урывками въ Карамзинѣ. — Що бѣльше, же на 300 лѣтъ и бѣльше передъ Христомъ, тое имя „Русь, Русы, Русяны, Русины“, укрывалось уже у грецкихъ писателей въ назвѣ *Ροζολαυοί* происходячей несомнѣнно зъ Русянокъ, Русалокъ.

Тожъ доиста имя тое старе и предвѣчне есть; — а же зъ богочестія походитъ, про то тѣмъ такъ святе и почитане для Русинѣвъ есть.

Осифъ Теодосовичъ Шавинскій.

*) Прокопъ объясняючи надану ниякъ назву Русинамъ „Спорусь“, прибавляе, що Славяне называются „Спорусь“, якъ думаю, каже онъ, отъ слова ниякъ уживаемаго „спорадейнъ“, котре ведля него мало бы значити, же суть розверженны, розсѣяны.

ПРИРОДА ВЪ ГОРАХЪ КАРПАТСКІХЪ.

(Цѣлебныя жерела въ Подлютомъ, — проѣздка въ околицѣ Перегиньска.)

Видится, же судьба Всевышняго пріятнѣйшія часы хоче для теперѣшняго племени руского роду приготовить, когда неодо сокровище, въ земли его укрытое, теперъ изъясляе и ново воспользоватися нимъ дозволяе. — Ктожь бы могъ сомнѣватися, же и горы Карпатскія въ области Галицко-русской протягнувшіяся, неодо еще сокровище въ собѣ утаенное имѣють, которое бы землю нашу богатшою здѣлати, и жительства здѣшняго состояніе улучшить могло бы.

Думаемо мы меже прочими про жерела цѣлебныя, о которыхъ, же существуютъ, еще до вѣдомости общой не прійшло. Если бо стороны закарпатско-угорскія такъ богатыми суть въ источники водъ цѣлебныхъ, же если не ошибаемося, число ихъ до 60 подають, чемужь бы тѣ самія горы и по нашей сторонѣ хотъ не такъ богатыми, а однакожь множайшимъ числомъ, якъ до теперъ, помнянутыхъ жерелъ отличатися не имѣли? Такъ зачували мы росказъ о существованіи презрѣднаго жерела, обрѣтающагося въ селѣ Ясѣню надъ Ломиницею, которе якъ то всему тамошнему народу извѣстно есть, никогда еще никому не повредило, хотяи бы и якъ согрѣвшіяся воды его употребилъ (изъясняли намъ врачи тѣмъ, же оно жерело должно теплую минералическую воду имѣти); где противно другое есть, въ котораго якъ только кто въ такомъ состояніи напилъ бы ся, неминуемой слабости и даже смерти напрасной подвергаеся. О первомъ то жерелѣ, не только то говорятъ простолюдины, но извѣстно оно и людямъ умственнымъ, которые такожь не могутъ ся нахвалити свойствъ воды реченой, особливо въ часъ лѣтнихъ жаровъ, где никто не залившитъ покрѣпитися водою жерела сего.

Но о много превосходитъ всѣ тѣ сосѣднія жерела, жерело водъ цѣлебной въ Подлютомъ. Знаходить же ся жерело тое, трохи шо-то бѣльше якъ двѣ мили отъ поселенія Перегиньска, а половину той дороги отъ Ясѣня отдаленне; лежитъ въ красной половинѣ нашихъ горъ Карпатскихъ, недалеко отъ рѣки Ломницѣ; земля сія есть собственностію руско-Галицкой Митрополіи.

Воды цѣлебныя жерела сего, якъ будъ они уже давно открыты суть, бо еще за жизни блаженной памяти Ангеловича открыты они были, который то великій мужъ Руси нашей въ близости жерела въ мовѣ будущаго такожь печь къ произведенію желѣза очищенаго заложилъ; и котораго то величавыи мурованы зломца „Ангеловка“ зовимыи о предпримчивомъ духу Митрополита помянутаго еще и нынѣ свѣдчатъ. Однакожь, якъ ся тое мовитъ,

воды цѣлебны въ Подлютомъ не прійшли еще до общей вѣдомости, до общаго вниманія и оцѣненія такого, какое бы имъ ся принадлежало.

По анализѣ Ч. Родинца нашего Дра Воляна іодъ и бромъ кромѣ иныхъ частей суть главными частями воды въ мовѣ будущей, що ю чинить подобною до воды „Ивоницкой“ — и якъ знатоки изрекли, не уступаетъ оно въ ничемъ прославленнымъ водамъ заграничнымъ. И отже при такой многоцѣнности, — якбы то нарочно сокровищамъ земли русской таинственною якою поволокою закрытыми уже отъ якой-то судьбы быти подобало, — не розпространилося извѣстіе про воды цѣлебны въ Подлютомъ принадлежнымъ способомъ.

Однакожь треба вризнати и тое, же бѣльше якъ двѣ милѣ дороги, ведущія полониною изъ Перегинска по одной сторонѣ Ломницѣ, а отъ Ясѣня бѣльше якъ миль по другой сторонѣ Ломницѣ, суть прикрыты, бо не исправлены принадлежно. Но що еще бѣльше препятствовало, щобы воды въ Подлютомъ не были такъ посѣщаемы, якъ на тое заслугуютъ собѣ, было тое обстоятельство, же не обрѣталоса туже достаточного обывалища, бо всего тѣлько два дома съ нѣсколко комнатами находилися тутъ же, не было такожь гостинницы принадлежно заосмотреной; а кто ту для подвигненія здоровья своего прїѣздилъ, долженъ былъ о своемъ харчу пребывать, що и для поближихъ великою недогодностію, а для дальшихъ и невозможностію было.

Но неудобствамъ тымъ конецъ положить, есть то теперъ стараньемъ неутомимымъ нашего Высокопреосвященного Куръ Митрополита Григорія. Ледво бо що минуло кѣлька недѣль, якъ Высокопр. Владыка ту прибыл, а уже въ Подлютомъ все перемѣнилось. Въ томъ бо времени короткомъ началася ту уже Церковь созидати, кромѣ сего началася работа около палаты для Владыкѣ, а небавомъ начнеса робити коло гостинницѣ и розпространенія многочисленныхъ обывалищъ для гостей. Кромѣ всего того сталь ту уже готовый такъ зовимый штурць-бадь въ обширномъ объемѣ и дуже хорошо снабженный. А всю тую дѣлательность тѣмъ бѣльше удвляяти подобае, же въ такъ короткомъ времени тяжко ту было за дѣлателя. Ибо людѣ сторонѣ здѣшнихъ выходитъ лѣтною порою въ чужину и дальшіи стороны для заробку. — Если же тая дѣлательность такъ продолжится, то можъ надѣяться, щѣ съ весною слѣдующою, найдутся ту обывалища съ прочою догодностію для многочисленныхъ и далекосторонныхъ гостей. Буде же до того всего еще другое жерело водѣ минералическихъ, которе отъ сего въ мовѣ будущего на яку то $\frac{1}{4}$ милю отдалено быти иже, належито розсмотрено и оцѣнено, и къ воспользованію нимъ пріуготовлено, то станутся тѣи купели въ Подлютомъ, которы при ослабленныхъ силахъ бл. п. Кардинала и Митрополита въ такъ глубокой старости, при здоровію удержовали, въ которыхъ уже многіи изъ тугейшихъ сторонѣ въ слабостехъ ревматичныхъ, где ихъ

всѣ врачи оставили, совершенное испѣленіе свое знайши, станутся небавомъ голосными, и надѣяться, що не оденъ въ недузѣ своей помощь тамъ найде. А Подлютый станесе при томъ хоть скуденькою надгородою за всѣ тіи волости, которы имѣ ту въ тыхъ сторонахъ за польского владѣнія насильно отнято.

Но чтобы купели въ Подлютомъ принадлежно поднести могли, здало бы ся гдеякія перемѣненія и улучшенія починиги, на котори, якъ ся видять, уже и теперь увага звернена есть. Предовсемъ здало бы ся, бѣльше якъ мило дороги черезъ полонины, коли ся уже до самого Подлютого зближае, лучшою здѣлати, потому изъ той стороны, що на Ясѣнь веде, на Ломниці мостъ поставити, а было бы сообщеніе много догоднѣйшимъ.

Заосмотреніе гостинницы мѣгъ бы ту обитающій надзиратель лѣсу на себе взяти, що и сосоганіе его о много поллучити бы могло. Но що ся еще важнымъ видить, было бы сполученье съ купелями цѣлебными купелей жентычныхъ, еслибы ту съ-пару сотъ овецъ на тутейшіи полонины нарочно спроважено, черезъ которіи и придану рогову скотину можъ бы такожь отвѣчны неприкосновенны полонины тутейшіи по трохи управляти.

А такъ сполучены съ водами тутейшими жентыця а до того и купели рѣчныи чистой гѣрской рѣки Ломниці, той прихорошіи видѣ необыкновенный полонинъ, лугѣвъ и отвѣчныхъ лѣсовъ сдѣлають Подлютый тѣмъ мѣсцемъ, которе много посѣщенія и взятости собѣ пріобрѣе, особливо же для жителей зъ Покутыи и Подолья, которы въ поблизью подобныхъ купелей не имѣють.

Подавши извѣстіе невеличкое о купеляхъ въ Подлютомъ, не завадитъ, и дсруго до купелей тыхъ ведущую коротко описати; а сіе наибѣльше придасться для жителей понизья Подольского, що то не суть ознакомлени изъ сторонами гѣрскими, и которымъ то неразъ выдаесе, же нѣтъ дороги утяжлившой, якъ тіи, що то въ горы ведутъ. Но якъ вообще шляхи гѣрскіи, которы по-надъ корыто рѣкъ протягаются, прикрыми не бывають, такъ и шляхъ, ведущій до Подлютого, не есть утяжливый. Отличаесе онъ отъ дороги той, що на Сколье веде тѣмъ, же дорога на Сколье есть то тѣснина гѣрская, которая веде помеже горы дуже высокіи; шляхъ же до Подлютого тягнесе лугами пространными по-надъ Ломницю, а горы не сягають ту той высокости, якъ горы Скольскіи, на всякій же случай стравствующій може быти певнымъ, же не наскучитъ му ся дорога тая.

Вотъ выѣзжае онъ изъ Рожнятова, городка подгѣрского, лежащего на шляху цѣсарскомъ, подкарпатскомъ, бересе зъ городка сего вздолжъ рѣчки „Дуба“ до Цѣневы; веде го ту дорога ровненька, совсѣмъ на цѣсарску похожая, по-при Княжовске, Дубу, Ольховку до Перегинска. Воздухъ гѣрскій оживитъ ту путешествоуючого, а веселѣйшимъ чувствомъ начне исполнятися душа его; но небавомъ устунитъ тое пріятное чувство сумнѣйшому рос-

положенью души его, коли странствующій погляне на тіи горы, которы ту якъ бы муръ предѣльный, лавою передъ взоромъ его розстеляются; мимохотно со вздохомъ погадае онъ собѣ: Горы родимой земли моей! Былижъ вы коли свѣдителями счастливой долѣ руского роду?.. И якъ бы сумный отгломъ застогнае изъ нихъ: „Мало, дуже мало!... Видѣли мы терпѣнія и укоризну — но мало коли лучшую долю народа того!“..

Но по щоже ѣдущоу до купелей въ Подлютомъ, сумными гадками занимати голову свою? Кто ту ѣде, печали на бѣкъ отложить долженъ; для того нуже повозчикъ, жаво натри конѣ, а твоѣ повелитель небавомъ стане въ Перегинску! Ту въ томъ великомъ поселенію (звышь 3000 душъ) роздѣляея дорога до Подлютого на двое, по одномъ и по другомъ березѣ Ломницѣ, и обома доѣхати можна до Подлютого. — Одна дорога веде черезъ село, а ѣдеса по правой руцѣ берегомъ Ломницѣ; ту ѣдеса самими тольکو лугами и полонинами по-пѣдъ горы, дорога тая есть грошки утяжливѣйша, ту вобрѣчаются „соколы“ такъ зовимыи скалы, которы крѣпко стремятъ изъ гѣръ противо дороги, где оденъ такій „соколъ“ нужно было изсѣчи, щобы ся далѣй сообщати возможно стало. Друга дорога дуже мало шо дальша, но за то бѣльше утерта, веде на поселеніе Небыловъ. Береса ту, доѣхавши до первой Церкви въ Перегинску, на лѣво, переправится Ломницю, а заразы по другой сторонѣ Ломницѣ лежитъ Небыловъ, поселеніе такожъ великое, въ которомъ, подобне якъ въ Перегинску, тое увагу путешествующого займе, же хижи тутейшии всѣ деревяни не суть бѣлены ани глиною облѣплены; суть такожъ многіи хижи съ дахами на взоръ гѣрско-швайцарскихъ, где дошки каменемъ прикрыти. Въ Небыловѣ подвягати странствующій буде еще и красніи овощевыи дерева.

Чѣмъ разъ далѣй отъ Небылова, тѣмъ бѣльше окрестность гѣрское прибирае лице. Обернешя ту вспать, увидишь все тое, шо уже переминулъ, и всѣ тіи мѣстцевости, которы ты переѣздишь, мовь на коврѣ зеленошолковомъ розпростерты. Вержешъ твоѣ взоръ на передъ себе, увидишь якъ гостинно и привѣтливо розступаются ту горы въ два ряды, мовь бы хотѣли для странствующого все, шо тольکو имѣють, предложити и его въ обѣятія свои принять. Око увеселяея ту розличною барвою гѣръ; тутъ увидишь горы найблизшіи передъ тобою украшены барвою темнозеленою, дальшіи, блѣдаво-зеленою, а тамъ въ дали генъ-генъ синѣются они и якъ бы помалу въ воздухъ розплываються. Тамъ за тыми найдальшими сидятъ братья твои подкарпатскіи.

Но и сторона, путешественника окружающая, не есть лишена своихъ увеселяющихъ видовъ; ту ѣдучи онъ дорогою зъ Небылова до Сливокъ имѣе по лѣвой руцѣ горбки невеликіи, по правой луги съ многими жерелами при самой дорожѣ. ѣдучій зближаея рѣвненькою битою дорогою до Сливокъ; взоръ его перелѣтае по лугахъ, которы по одной и другой сторонѣ рѣки

опирають о горы малевничіи, въ различныхъ фантастичныхъ вилахъ розпространяючися; ту видить онъ надъ Перегинскомъ мовь три башнѣ, якіи обыкновенно украшаютъ Церкви ведля зодчества и вкусу греческого, тамъ снова въ различныхъ терасы уложены верховины; не уйде передъ взоромъ его ту такожъ подъ самою горою, на мѣсци взнесенномъ, велика каплица мурована. Испросить чужинець, шо бы то за каплица ту могла быти, въ мѣсци, где нѣтъ вельможи ніякого? А каждый ту дастъ му отвѣтъ: Же таа каплица создана есть на гробъ славного и извѣстнаго во всей окрестности богача, Петрышича, жителя и Селянина изъ Перегинска, о которомъ, якъ то обыкновенно о заможныхъ, людъ говорити много умѣ. Сей то держалъ волость Перегинско черезъ долгій часъ въ посессіи своей, и якъ за житья своего добре употреблялъ имѣнія своего, такъ и умираючи (около года 1849) на многіи благополезны цѣли не одну сотку записалъ. Для похвалы помянутого Петрышича, якъ и наслѣдника его, который уже таножь года текущего упокоился, тое доброе можь сказати, же николи не встыдался, ба и не употреблялъ иншой якъ своей родинной бесѣды, ни цурался за употребляемого чорного сѣрака, хотяи онъ исъ высшимъ сословіемъ сообщался, его радо въ дому своемъ гостилъ, и отъ того высшего сословія даже и высшихъ чиновниковъ угощаемый бывалъ. Знали тіи заможныи Петрышичи, отецъ и сынъ, шо то бѣдныи, а сожителі ихъ могли всегда на помощь ихъ числти, передъ всѣмъ же не тѣлько церковь мѣстцевая, но и въ Гошовѣ недавно создана, ихъ щедротою запомагаемы и украшаемы бывали.

Но скоро утрагитъ прѣзжающій изъ очей своихъ отдаленое Перегинско. Конѣ его за-для жару лѣтнаго, полуденнаго въ другой половинѣ Августа умѣреннымъ начали ити шагомъ, а ихъ властелинъ не велитъ при-нуждати ихъ къ скоршому побѣгу; онъ бо упоеный новостями гѣрскими, тою, для ока пріятною зеленью гѣръ и луговъ, котору тѣлько ту по-надъ береги споловѣлая пшеничка и жито ярое перерывають, — тыми воници цвѣтѣвъ и зелъ гѣрскихъ, воницими сѣнами, которы ту недавно лишъ шо робити начали, а которого копицѣ дуже искусно уложены, ту и тамъ стоять. Копица бо така около кола суковатого, ту „островкою“ зовимого зложена, въ сподѣ досѣтъ широка а при земли подмыкана, шо-разъ вузца къ верху, на которой кромѣ сего кусникъ кола стремить, похожою буде со всѣмъ на великую грушку.

Уже являетъ ти ся новое село: Сливки, но нѣмъ загостишь до него, еще одно пріятне, гѣрской природѣ свойственное зрѣлище увеселитъ тя. Тамъ подъ двома галузистыми деревьями чорѣся кунка ягнятъ съ ѡвцами, которы передъ жаромъ солнца паствиско опустили, и передъ нимъ въ тѣни, головы свои до сирой поприкладавши земли, прибѣжица глядають. Тамъ зновъ кунка роговой скотины, то лежащей, то стоячей, а посредѣ нихъ безпечальный молодець свободно отпочивае. Истинно, пензель Рубенса достоинъ

живописати красоту тои природы, тыхъ группъ скотинныхъ! Все утомлене огпочинку употребляе, тѣлько тамъ подъ самымъ горбкомъ якъ бы ничѣмъ не утомлены, бѣлого мовь сивѣгъ долгого волоса, пары старыхъ и молодыхъ кѣвъ поскаками своими до увеселенья побужаютъ тя, а дѣти твои въ руки восплещутъ, бо моторностию звѣрины взволнуеса и молодецкая кровь къ увеселенью и желала бы такожъ погуляти свободно зелеными лугами!

Переминувши Сливки, стаешъ по $\frac{1}{2}$ часу ѣзды въ Ясьню, въ остатномъ селѣ, которе ту въ семь провалѣ надъ Ломницею лежитъ. Но впередъ може хотѣлъ бы ты познати трохи ближе жителей здѣшныхъ, для того побачивши коло другой подобной сурмы овецъ молодця, сѣдшаго близъ дороги, заходишь въ разговоръ съ нимъ, и начинаешъ по польски. — Но съ задивленіемъ увидишь, же молодець упорно ничего не отвѣчае; — втогда ты начнешъ до него по руски, и якъ бы разрѣшился языкъ его, онъ начинае на всѣ вопросы отвѣчати. На вопросъ, не розумѣеть ли польской бесѣды, повѣдае: „Я ся не осквернилъ ніякою ломаною бесѣдою, и шваркотати не умѣю.“ Тѣлько не треба ту слово: „осквернити,“ яко що — то съ пристрастіемъ выреченого розумѣти. Повѣдае бо ту обыкновенно человекъ: „Я ся не оскверняю въ Понедѣлокъ,“ то значить, що доброхотно въ той день постъ соблюдаетъ. Для того и въ такомъ изреченіи не треба пристрастія ніякого глядѣти. Истинно бо можъ сказати, же счасливѣ человекъ здѣшныхъ сторонѣ, онъ думаетъ, же на цѣломъ свѣтѣ нѣтъ иншого народа и иншой бесѣды, тѣлько руска, а если подумаетъ, же естъ еще яка народность кромѣ русской, то хибату становить жидъ, до того, по его мнѣнію, опредѣленный, щобы му горѣлку и иншія якія вещества продавалъ. А кромѣ того житель тыхъ сторонѣ ани за тѣи роздоры, якія соплеменники его ведутъ, щобы право природное для русской бесѣды выбороти, знае що, ани знае за тое, що съ польскимъ народомъ существуетъ ту яка польска бесѣда. И не диво! Житель тутейшій мало где отходитъ въ даль и чужину, мало посѣщаетъ города, хибанѣ близшіи подгѣрскіи, где иншой кромѣ русской бесѣды не учуе и отъ жиди. Що же ся касаетъ Львова, то для него terra incognita такъ, якъ для географовъ центральная Африка. Сугъ бо премногимъ и такоvimъ горяне, що и вѣкъ свой пережіють, а кромѣ найблизшого сосѣдного города бѣльше и ногою никуда не поступили. Що до вешествъ, ему нужныхъ, постараетъ онъ ся за нихъ самъ у себе. Волну домашнюю женщина здѣшная прядетъ на сукно, которе въ дому ся выробить, въ ступахъ на домашнихъ рѣкахъ выбѣе и до употребленья выгоритъ, ба даже еще и на продажъ ежегодно прилаитъся. До того знае женщина, на особливомъ варстатѣ, „кросна“ зовимомъ, для себе полотно уткати. По той причинѣ жители гѣрскіи, которыя ся тѣлько пѣяства хоронятъ, могутъ до имѣнія знаменитого прійти, въ чемъ скотоводство нѣбѣльше имъ помоществуе. Скотоводствомъ занимающийся горяне нѣбѣльше въ природѣ проживаютъ; за—для того придыблеса у нихъ всегда що—то дикого,

но и свободного, подобного до ового сокола, шо на дикихъ и высокихъ скалахъ сѣдалище собѣ уготоваль.

Жаромъ солнечнымъ и вѣзду утомленнй пугешественникъ схогѣлъ бы може ту въ Ясѣню попасть и отпочинку отдатися; и такой учинити такъ треба. Ясѣню есть послѣднее село. Но заклопочеса онъ, где попасть въ такомъ гѣрскомъ поселенію? . . . Можешъ однако спокойнымъ быти; знайдешъ бо въ Ясѣню 6--7 родинъ комплетныхъ жидовскихъ, шо може безпечно овое старанностію узаконенне число — 60 душъ становити. Шо? вступишь, а чимъ же ся ту они занимають? Будь певный, же такъ якъ всюда, ни сѣють, ни орють, ни жнуть, ни прядуть, но все на оденъ ладъ проживають. Оденъ ту нѣбы гандлюе кѣньми, а мѣсце къ тому найпридатнѣйшее, бо и граница не далеко. Другому удалося отъ селянина нашего за гроши невеличкіи землю на свою собственность пріобрѣсти; и чимъ же ся занимае онъ? Похожуе, думку думае тай — добре жіе. Тамъ снова увидишь на полици, всередѣ окна умѣщенной, два три обарянки и бохонецъ малый хлѣба, — есть то нѣбы выставка (шилѣдъ), звучаща, шо ту можешъ получить горѣлки, и на „шо жъ и чо го жъ бѣльше, если есть горѣлка,“ якъ нашъ мудрый жидовинъ повѣдае. И будь певный, же хотя бы ты зробилъ докторатъ зъ любомудрія, а 18-лѣтнй жидокъ взялъ бы свое универсальное врачество, отъ тикъ зъ два гарцы горѣлки, и осѣли бы вы оба въ одномъ поселенію, то певне ты за 10 лѣтъ не доказалъ бы того, шо онъ за два лѣта! А такъ увидѣлъ бы ты, шо до истинно ему не тра бѣльше якъ горѣлки (той отравы руского простолюдина) и его жидѣвского таланту, щобы ту все доказати! . . .

Шо? вступишь еще, и ту въ остатномъ закутику гѣрскомъ, а еще жиды? Не подивуйся, бо где жбы жиды не было? где Русинъ есть, онъ за нимъ якъ тѣнь за чедовѣкомъ. Ани ся сомнѣвати можъ, же еслибы Русинъ оставилъ свою землю родиму и выйшолъ где до Сагары, оставилъ бы и жидъ Галичину и переселилъ бы ся на тое отлюдное мѣсце, на которое ся Русинъ переселилъ . . . А жъ бо то имъ и гараздъ съ Русиномъ! А если Тальмудистъ межъ утѣхами райскими, которы собѣ смыслово представляе, не вспоминае ничего, же ихъ во власти своей будутъ имѣти Евреи (якъ то они обыкновенно выражаются), то певне ничего не зналъ за „руского гоа“ — иначе былъ бы передъ всѣма тыми утѣхами и догодностями, якіи имѣти будутъ изъ своего великанского вола, рыбы, птицы, изъ ового великанского винограда, которого одна ягода мовь бочка, а до котрой лишь рурку приложити, щобъ полныи сосуды пектару наполнити — передъ всѣмъ мовлю тымъ на первое мѣсце былъ бы положилъ: Же будутъ тѣлько а тѣлько „russische goim“ подъ властію своєю имѣти!

Для того вели заѣзжати жваво до которой будь пространной гостинници въ Ясѣню; отъ русскихъ людей будешъ ту мѣгъ получить свѣжого пструга; а може вкусною брызною или иншимъ набѣломъ почестуе тя житель заѣш-

ный. А хотя бы ты любимый путешественнику, мѡгъ скорше зъ Ясвнѣя вы-
братися, пѡйди за моимъ совѣтомъ, и оттягни вѣду ажъ на пѡзнѣйшую пору,
щобы насладитися зрѣлищемъ, якое полонина вечернымъ часѡмъ справляе, а
ты можешъ черезъ хвилю тую оглянути тартакъ, ступу для грубого сукна;
якъ збиваютъ дерено (дарабами ту зване) къ сплавленью долѣвъ рѣкою. Уви-
дишь, же и ту еще суть хорошия дерева овощевы и всѣ прочіи плоды збо-
жевы; а тогда въ добрый часъ выберешся дадѣй vzdolъ села, по-надъ берегъ
Домницы и уже обрѣтаешся на полоницѣ. Ту дорога уже меньше утерта,
но потѣшаешся, же и ту слѣды людского животнїя и печаливости житей-
ской не устають; ба видишь и ту еще нивы управлены, видишь по горахъ
посредѣ лѣса выкорчованїи кусники поля, всюда розвержены хижї бѡльшии
и меньшии разомъ съ зданїями газдѡвскими! Суть то такъ званїи „зимѡвки,“
поставлены отъ газдѡвъ на своихъ парцеляхъ, где до кошаръ скотина ся
заганяе, а позвоживши ту сѣно зъ дальшой стороны, скогину ту и въ зимѣ
держатъ. Кромѣ тыхъ зимѡвокъ, ажъ до самого Подлютого розверженныхъ,
встрѣтишь ту сновъ оденъ тартакъ, и ту берешъ собѣ проводника; а неба-
вомъ увидишь, якъ заходящее сонце кидаетъ послѣднїи лучи свои на зломища,
мовь бы якої опустѣлой старинной палаты величавїи останки. Есть то Ан-
гелѡвка, мурованїи зданїя къ очищенью желѣза, отъ руского Митрополита
Ангеловича поставленїи.

Отъ Ангелѡвки вже тѡлько полъ милѣ до Подлютого. Конѣ уныло сту-
пають на передѣ, бо ту уже рѣчный камень перемѣняеся на широку плыту.
Думалъ путешественникъ, же онъ ту кромѣ якого овчаря въ его нарочно
засмоленной шемѣзѣ никого бѡльше не увидитъ, но отъ-тамъ гонитъ противъ
нему дерзкій вѣдокъ; не може го еще распѡзнати, но видитъ, же конь ши-
рокогрудый, лучшой расы и самъ вѣдокъ дерзко держится и не щадитъ коня
хотя „и“ подъ гору! Помыслитъ собѣ спостерегшїй, же выѣхалъ якої-то зъ
гостей знаменитшихъ купельныхъ на прогулку. Но немедленно въ живыхъ
поскокахъ зближаеся и самъ вѣдокъ, а хоть пробѣжающїй омылился що до
лица, но тѣмъ бѡльше буде подивляти тую дерзкость вѣдока — простого се-
лянина. Постава велитна, круглый капелюхъ стройно лежитъ на черномъ въ
дрѡбненькїи кудри буйно ажъ на рамена спадающомъ волосью; гунька сива
коротка, зъ тононького, темно-синего сукна шаравары, вузенькимъ ремен-
цемъ около костокъ хорошо окручены, дуже на ладъ козацкїй похожи, и но-
ви и желтавыи ходачки. Костюмъ и постава, яка и на сценѣ драматической
вниманїя своего не уйшла бы! Суть то звычайно богатїи властелины много-
численныхъ овецъ, котѡры подъ надзоромъ кѡлькохъ овчарей въ отдаленныхъ
кошарахъ стоять, а котѡрыхъ самы властители що другїй-третїй день над-
зирають и запровїантовуютъ. Для того то и для розширного газдѡвства сво-
его скоро они люблять жвавыми и рослыми кѡньми своими тїи полонины
переганяти. — Но уже и нѡчь шарый своей плащъ распространяе, котѡрымъ

що-разъ чорнѣйшимъ стаеся — и новіи возникаютъ явленія. Тамъ звонить нѣсколько звонковъ возвращающей череды до своей кошары; тамъ пастырь кличе принадно на приоставшуюся скотину. Тамъ громогласнымъ отгономомъ своихъ товаришей взывающего овчара розлягаеся голось по дебрахъ и лѣсахъ. По зимовкахъ возникли свѣтла, а по одной и другой горѣ блыстятъ ясныи огнища, и тысячными искрами въ гору ся вносятся. Се есть вечеръ на полонинѣ!

Твоѣй проводникъ, который заосмотрившися въ вязку долгихъ скипъ яловыхъ, якихъ ту вечерами въ дорогахъ лѣсистыхъ употребляютъ, запавлявши три четыре такихъ скипъ разомъ, заимпровизовалъ ти новый „факель-цугъ;“ а небавомъ задержалъ онъ и повозку твою надъ берегомъ Ломнипы, крикнувъ на сѣдящихъ тамъ на другомъ березѣ около огню косарей, що ту на пару дней до сѣнокосовъ выйшли, — а два сяжнистыи мужи съ большими еще отъ себе колами переходять рѣку, берутъ за вѣзь, оденъ зъ одного, а другій зъ другого краю, а путешественникъ перевѣжае широкими и грубыми плытами ту наѣжену рѣку.

За $\frac{1}{4}$ часа стоишь уже у цѣли вѣзды твоей; хотяи то нѣчь, ты однако занявши твою комнату, упорядковавши вещи твои, выходишь на луку, котора ту о купельное мѣсце опирае, идешь кѣлькадесять шагѣвъ далѣй, мѣсяць власне що по-надъ гуши вознесея; ты розпознаешъ ту темный боръ, видишь дерева, надъ которыми вѣки перешумѣли, — все отпочивае — тишина глубока, которой и наименьшій вѣтрець не дерзне перервати, страхъ святѣй преисполнить душу твою, якъ бы почувшюся быги въ поблизью самого Божества, — руки твои мимохотно совокупягся, щобъ отправить первое благодарное моленіе — въ Подлютомъ!

В. Н. Р.

ГОСПОДАРКА

въ нашихъ сольныхъ жупахъ.

Маячи способность недавно бути въ Добромили, постановилъ емь собѣ оглянути недалеко находящюся тамъ жупу въ Ляцкѣмъ, тѣмъ бѣльше, щомъ си пригадавъ, якъ то передъ кѣлькама лѣтами въ одной польской временописи читалъ емь о торжественномъ положенію угольного камня на велику солеварню съ вежою въ присутствіи тогдашного краевого намѣстника гр. Голуховского.

Я видѣлъ тую солеварню, и воистину, що за велике и красне на око тое зданіе! Вежа съ часосказомъ высока, хорошо приукрашена — оздоблена написію золотыми буквами и „Sudhaus des Grafen Goluchowski;“ округъ неи

железными катедрами, та асфальтом выложенными тарассы, на котрых зъ двохъ боковъ ведутъ железныя сходы и пр. Но взглянувши ближе во внутрь задивовалъ емь ся дуже, що такъ новая величественная будова, котра по начертанію якогось славного инженеря ставилася (а котра то надъ 10,0000 рень. коштвала), а теперъ вже непридатною узнана, бо нынѣ вже цѣлое внутріе ея роярушають, и на ново печи, панвы и пр. перебудовують. Чуль емь такожь, якъ то саміи робѣтники съ посмѣшкомъ собѣ приговорювали: Отъ паны жупны не мають вже де гроши дѣвати, та все будують, тай зновъ руйнують, отъ абы ся все шось ставило. . . .

Большою цѣкавостію веденъ, привидялъ емь ся всему, а найбольше занимали мене печи железныя до огрѣванья магазинѣвъ, котры якобы органы выдавалися, и котрыи помянутому губернигорови инженеромъ на паперѣ предложенны такъ подобалися, що тойже на слѣпе довѣріе томужь не зважаючи на такъ великіи кошты, отъ разу безъ пробы такіи до всѣхъ жупъ, а то майже по 12 штукъ назначилъ, котры теперъ безъ ужитку по поварнямъ валяються. Треба бо знати, же така одна пѣчь 150 рень. а. в. мае коштувати, а затѣмъ на одинайцятыхъ жупахъ 132 печей 19,800 р. а. в. стоить. Не лѣпшежь було зрѣбити пробу на одной такой печи, щобъ дурно таку суму не выложити, — зъ-одки показуесть, що до такъ великихъ жупъ який практичнѣйшій инженеръ зналъ бы ся, тай що въ ц. к. красвой Финансовой Дирекціи во Львовѣ, предложенны пляны инженерскіи не чрезъ фаховыхъ и такую рѣчь розумѣющихъ людей испытанныи бувають, токмо черезъ яког тамъ юриста перегляденныи потвержаються, про що вже не разъ по кѣлька сотъ тысящъ реньскихъ дурно выложено.

Не мало подивялъ я тамъ железню колѣй до розвоженья по магазинахъ соли уложенну, та зновъ машину, до вытяганья тойже на гору, и зновъ до спусканья на дѣль устроенну; — що бѣльше дивовалъ емь ся такому нерозумови, бо машина дурно стоить, а сѣль ношами на гору та зновъ на долину носятъ, якъ давно носили, ино съ тымъ розличіемъ, же давно не роблено топковъ якъ теперъ, при чѣмъ меньше было заходу, бо перше производили сѣль въ грубомъ зернѣ, то есть сѣль неформовану, якъ теперъ топки, котру купцѣ въ мѣхахъ або бочкахъ розвозили, котора то сѣль выдатнѣйша и чистѣйша була, якъ теперѣшніи топки, меньше тогды давано до ней калѣфоніи и воску, тай була поволи варена и сушена, про що сила (Salzstoff) чрезъ такъ сильнѣй якъ теперъ огонь невыкипала, — при чѣмъ такожь ошаджалісь дрова, понеже однимъ сягомъ дровъ 48 сотнарѣвъ соли было варено и высушено. При всѣхъ одинайцятыхъ жупахъ выраблялося рѣчне 500,000 сотнарѣвъ соли, про то выходило 10416 сягѣвъ дровъ; сягъ дровъ коштуе въ жупѣ 5 р. а. в., разомъ 52,080 р. а. в. коштвали дрова, теперъ але про штучніи печи и иншіи устроенія на 48 сотнарѣвъ соли выходитъ два сяги дровъ, про то вже о другихъ 52,000 р. а. в. бѣльше.

Давно при жупахъ былъ токмо оденъ урядъ, складаючіея зъ грохъ урядникѡвъ до выробу и спроваданья соли, котрыи рочне зъ одной жупы свои платнѣ въ сумѣ 1500 реньскихъ поберали, а зо всѣхъ одинайцати жупъ ино 16,500 рень.; теперъ але отъ року 1856 суть ведли новой организаціи два уряды на кождой жупѣ поставленны, а то оденъ для выробу, а другій до спроваданья соли. При кождѡмъ такомъ урядѣ есть грохъ системизованыхъ урядникѡвъ, а затѣмъ разомъ шѣсть урядникѡвъ ино на одной жупѣ, котрыи 3890 рень. а. в. свои платнѣ поберають, а зъ одинайцати жупъ 42,790 рень. на урядники выходитъ, про тое теперъ бѡльше на урядникѡвъ 26,290 р. а. в. выкладаеся.

Чижь не мѡгъ бы теперъ такмо оденъ урядъ дѣйствовати, якъ давно було? И на шожь то уряду побѡрчого, котрого утриманье рѡчне на всѣхъ жупахъ 20.790 р. а. в. коштуе, а до того помешканья для урядникѡвъ, огорода, та дрова (шо такожь рѡчне 1760 рень. а. в. ино дрова коштують, понеже побѡрчій потягае рочне 18 сягѡвъ дровъ, контролоръ 14 сягѡвъ, а сягъ дровъ коштуе въ жупѣ 5 р. а. в.), до того для кождой особы по 15 фунтѡвъ соли рѡчне, шо такожь учинитъ для всѣхъ урядникѡвъ 21 сотнарѡвъ 45 фунтѡвъ теперъ немалъ кождый женатый, про то 64 сотнары 35 фунтѡвъ, а теперъ зновъ немалъ кождый по двое слугъ мае, шо такожь 42 сотнары 90 фунтѡвъ, шо разомъ для всѣхъ ино сѡль 128 сотнарѡвъ 70 фунтѡвъ, котра 900 рень. 90 кр. а. в. коштуе; а затѣмъ побѡрчій уряды зо всѣмъ 23.450 рень. 90 кр. а. в. рѡчне коштують; а помешканья, реперации около тыхже, бѣленье, опалъ и освѣтлѣнье канцелярій и пр. не числячи. -- Кромѣ того ту отвозитъ побѡрчій збрании за сѡль гроши шо тыждень два або три разы зъ Стебника до Дрогобыча (одну милю) на почту, за шо за каждый разъ 4 рень. а. в. яко діеты поберае, шо такожь рочне надѣ 576 рень. а. в. выносятъ.

Не лѣпше бы то було, шобы такъ було уложено, абы кождый потребующій Стебницкой соли, де дорога черезъ Дрогобычь веде, мѡгъ въ касѣ жупной въ Дрогобычи сѡль заплатити; або шо еще лѣпше, чижь не можна бы въ кождой ц. к. касѣ, въ котромъ будь мѣстци сѡль до котрой будь жупы заасигновати, и зъ готововъ асигнаціевъ до жупы ѣхати, про шо излишніи були бы по жупахъ побѡрчій уряды, котрыи рочне во всѣхъ одинайцятѡхъ въ Галиціи жупахъ кромѣ помешканья, городѡвъ, доплату соли та дрова 23.450 рень. 90 кр. а. в. коштують, понеже якъ ту въ Стебнику, такъи въ кождой иной жупѣ потягае рѡчне побѡрчій 735 рень., контролоръ 630 рень., ассистентъ 315 рень., амтсдѣнеръ 210 рень., до того сѡль, дрова и пр.; а при тѡмъ всѣмъ дуже мало шо робити мають, бо на прицѣръ: якъ прїѣде 30 фѡръ денне по сѡль, и жадае кождый фѡрманъ 15 сотокъ соли, то панъ побѡрчій загляне въ табелю, де вже стоитъ 139 р. 5 кр. а. в., при чѡмъ потребуе наибѡльше 8 секундъ часу; тогда ѡтбере и перечислитъ

гроши, при чомъ не забавитъ якъ 3 минуты; и такъ якъ ѳтъ тридцати ѳтбере гроши и ти перечеислигъ, забавитъ $1\frac{1}{2}$ годины; заки цѣлу сумму запише, наибѳльше потребу: 20 секундаъ часу; заки зновъ касу и канцелярiю замкне, 5 минутъ — и така то есть цѣла служба побѳрчого уряду. По шо же то побѳрчихъ урядѳвъ по жупахъ? чижь не мѳгъ бы тое здѣлати пѳд-жупокъ (Salinenverwalter), еслибы не асигновано по ц. к. касахъ сѳль, шо лѣпше булобъ для всѣхъ купцѣвъ, або котрыи служащихъ своихъ по сѳль высылають, и тымже гроши повѣрати мусятъ? Чижь не лѣпше булобъ для каждого, щобы си по сѳль съ готововъ асигнацiевъ прiѣхалъ, на котру бы си заразъ соли набрати мѳгъ, ти не потребовалъ бы, якъ то тутъ не разъ дѣсь, асигнацию не оленъ ѳтъ жида, котрый на передъ кѳлькадесятъ сотокъ соли закупитъ, съ переплатою ѳткуповати, про шо потомъ дома дорожше сѳль распродуе, а ѳттакъ то зъ многихъ сторонъ ожалуются, же дорога сѳль, — тай же не въ каждомъ мѣстци и каждомъ часѣ по одной цѣнѣ продаеся.

Понеже аде сѳль есть монополь такъ, якъ тютюнъ, котрый всюди и въ каждомъ часѣ по одной цѣнѣ продаеся, котрого контрагенты завсегда пѳдъ карою достарчати должны, и котрого николи не забракне, хогъ безъ него не оденъ на якусь хвилю и обѳйтися мѳгъ бы, а однакъ такъ заряджено, щобы тойже въ каждомъ хотий наименьшомъ селѣ всегда въ запасѣ знаходился; про шо же такъ не заряджено съ сѳлевъ, безъ котрой человекъ ани худобина обѳйтися не може, а однакъ ей не въ каждомъ, хотий и въ наибѳльшомъ селѣ за гроши дѳстати годѣ?

Що ся касаетъ соли для худобы, много людей ожалуются, же тая сѳль (Viehsalz), котру теперъ производятъ, про червону фарбу, когру до тонже мѣшають, тай котру ажъ зъ Праги зъ сярчанной фабрикаци, яко останки (фусы) ѳтъ квасу сярчанного (Schwefelsäure) ѳтпадаючу и солcotar зовомую спроваджають, есть для худобы не полезною, а наветъ и шкодливою; для того ю такъ мало купуютъ, же ей ту по магазинахъ тысячами сотнарѳвъ дурно мѣстце занимае.

Чижь не лѣпше то продавати готовыи омоки, сѳль чисту, котра для худобы есть найполезнѣйшою, до котрой не тра зъ заграницъ фарбу спроваджати? — ба, коли таке господарство!

Не лѣпше бы було, щобы продавати омоки, не вывозити ихъ по кана-лахъ та до рѣки, та залишити таке господарство, про котре рѳчне во всѣхъ жупахъ на омокахъ ино надъ 42.000 р. а. в.
на непотребныхъ будовляхъ та реперацияхъ до 60.000 " "
на печяхъ сего року надъ 19.800 " "
на побѳрчихъ урядахъ каждого року 24.026 " "
на дворахъ шо року 52.000 " "

разомъ надъ 197.826 " "

безъ потреби тратится. По шожъ зновъ при каждой жупѣ тѣлько финансовыхъ стражниковъ утримовати, котрыи рѣчне такожь не малу суму побераютъ, коли кожда жупа свою власну стражъ мае, которая день и нѣчь колѣбно по собѣ слѣдуе.

Хотай въ правдѣ часто контролѣ по жупахъ бувають, якъ на пр. сего года вже ѳгъ кѣлькокохъ мѣсяцей комиссія зъ Вѣдня по нашихъ жупахъ бавить, однако годѣ надѣятись якого полученья, по причинѣ, же чужіи люде нашихъ обстоятельствъ такъ добре не понимаютъ, тай нужды нашей якъ мы не чувствуемъ, — про тое нужно естъ нашимъ честнымъ посламъ на краевомъ соймѣ и въ Вѣдни усиленно о тое дбати, дабы конче инное господарство по жупахъ Галиційскихъ чѣмъ скорше введено було.

Петръ Кочиндыкъ.

ТЫСЯЧЕЛѢТНАЯ ПАМЯТЬ СВ. КИРИЛУ И МЕОДИЮ.

Выходящая въ Празѣ часопись панславянска „Словѣникъ“ помѣстила въ ч. I. 1862 года съзвующую статью велико-русского историка Погодина:

„Славяне намѣрены праздновать тысячелѣтіе своей грамотности, своего христіанскаго просвѣщенія, 1863 году, 11-го Мая, въ день посвященный памяти ихъ первоучителей св. Кирилла а Меодія.

Мысль животворная! Западные европейскіе народы считаютъ орою основаніе своихъ государствъ остріемъ меча. Мы, восточные, должны начинать нашу исторію именно съ апостольской дѣятельности безсмертныхъ братьевъ, изобрѣтшихъ пашу азбуку, и возвѣстившихъ намъ Слово Божіе на родномъ языкѣ, между тѣмъ какъ католики осуждены были долго слышаще Его не слышать, и видяще не разумѣть.

Гдѣ же справить намъ нашъ славный праздникъ?

Въ Царьградѣ? Правда, апостолы наши получили свое образованіе изъ Царьграда, пошли они на святую проповѣдь, приобрѣвъ все нужныя для того средства и пособія. Но увь! Градъ Константиновъ давно ужъ томится подъ властію Турокъ, надъ святою Софіею высится полумѣсяцъ, и языкъ Кирилла и Меодія преслѣдуется греческими патріархами гораздо жесточе римскихъ папъ во время оно.

Въ Болгаріи, съ которой началось благовѣстіе, для которой переведены первоначально наши священныя книги? Нѣтъ, тамъ не посмѣемъ мы и ударить въ колоколь, чтобъ созвать православныхъ христіанъ на молитву.

Въ Москвѣ Въ Москвѣ, пріавшей священное наслѣдіе, хранищей искони и чтущей древнее слово во всей чистотѣ его, считавшей всегда много нескренихъ ревнителей славянскаго дѣла? Нѣтъ, вся Европа всполщится за свое равновѣсіе и припишетъ церковному, народному, учёному торжеству политическій характеръ, всѣ посланники и дипломаты прозрѣютъ здѣсь съ трепетомъ панславянскіе замыслы, и въ смиренныхъ паломникахъ, занодозрять опасныхъ революціонеровъ, угрожающихъ обществу нарушеніемъ спокойствія. Нѣтъ, въ Москвѣ нельзя быть торжеству, — еще менѣе, чѣмъ въ Константинополѣ.

Такъ въ Брюннѣ (Брно), гдѣ св. Меѳодій святилъ церковь, гдѣ покаялся прахъ Добровскаго, третьяго изобрѣтателя славянской грамоты! Или въ Прагѣ, гдѣ училъ св. Прокопій, гдѣ въ XI-мъ еще вѣкѣ процвѣталъ его православный монастырь, гдѣ Гусситы напомили народу первоначальное ученіе? Или въ Краковѣ, древней столицѣ Польши?

Но тамъ вездѣ раздается латинскій языкъ, совершается богослуженіе по римскому обряду!

Какъ можетъ быть славянское собраніе въ честь св. Кирилла и Меѳодія, безъ совершенія литургіи ими переведенной, на ихъ языкъ, ихъ собственными словами, тѣми словами, которыя, въ тысячу лѣтъ ими произнесенныя, сохраняются у насъ въ цѣлости и неприкосновенности, какъ будто въ это мгновеніе излетѣли изъ ихъ устъ? Развѣ мыслима латинская мша въ честь св. Кирилла и Меѳодія? Не будетъ ли она ругательствомъ надъ ихъ памятью, вмѣсто возданія ей подобающей чести?

Нѣтъ, торжеству слѣдуетъ совершиться тамъ, гдѣ есть православная церковь.

Въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ? Въ Вѣнѣ оно

Въ Берлинѣ все населеніе питаетъ враждебныя чувства къ Славянамъ, тамъ воздухъ носится антиславянскій; тамъ собраніе можетъ подвергнуться публичнымъ оскорбленіямъ, насмѣшкамъ и подать поводъ къ прискорбнымъ столкновеніямъ.

Неужели-же въ Парижѣ, подъ покровительствомъ Наполеона III, или въ Лондонѣ, подъ охраною англійской конституціи? Избави Господи! это первые друзья Турокъ.

Бѣднѣе Славяне! Васъ чуть-ли не сто миліоновъ, полъ-Европы занимаете вы даже теперь подъ своимъ поселеніемъ, а прежде разсыпаны были вездѣ по всему ея пространству, до крайнихъ предѣловъ, — но снмаемъ нашимъ, смиреннымъ, безоружнымъ, слабымъ поклонникамъ, негда приклонить голову! Нѣтъ мѣста во всемъ раздольномъ Божіемъ мірѣ, гдѣ-бы они могли помолиться спокойно и свободно, не оглядываясь, не стѣсняясь, не тревожась!

Господи! Неужели все это должно быть такъ? Неужели Славянамъ нѣтъ никакой надежды на спасеніе?

Лице Европы обновляется. Народы уразумѣваютъ свои нужды и стремятся къ улучшенію своего быта.

Въ Европѣ образуется новая держава, безъ центра и предѣловъ, безъ бюрократіи и дипломатіи, безъ палатъ и министровъ: это — общественное мнѣніе, которому начинаютъ мало по малу подчиняться самые сильные и самые умные міра сего.

Къ нему, къ нему должны обратиться Славяне. Другихъ средствъ теперь не предвидится. Никто за нихъ заступиться не можетъ, не хочетъ, или не умѣетъ. Вездѣ слышатся одніе клеветы, напраслины, корыстныя, живыя показанія. „Друзи мои и искренніи мои прямо мнѣ приблизилася... далече ста-ша... и ищущіе дѣшу мою... ищущіе злая мнѣ, глаголаху суетная, и льстивымъ весь день поучахуса.“

Славяне въ настоящую минуту не питаютъ никакихъ лишнихъ желаній, не дадутъ сбрасывать съ себя чуждое иго, готовы служить каждому своему правительству, не ищутъ своей собственности, владѣи ею кому она досталась, вслѣдствіе историческихъ событій, но оставьте имъ по крайней мѣрѣ ихъ языкъ, не считайте ихъ илотами на собственной родной землѣ, не отнимайте у нихъ того, что случится имъ пріобрѣсти въ потѣ лица трудами рукъ своихъ, дайте имъ средства учиться, и сдѣлаться достойными европейскими гражданами, на общихъ правахъ со всѣми.

Не законны-ли эти желанія? Что въ нихъ есть чрезмѣрнаго и неудобноисполнимаго или опаснаго?

Но Славяне должны быть согласны между собою.

Да и теперь, стаяя подъ игомъ, развѣ выучились Славяне этой все еще непостижимой для нихъ наукѣ согласія, наукѣ взаимныхъ уступокъ? Развѣ умѣютъ они пользоваться вѣковыми тяжелыми опытами?

И вотъ, оплакивая это несчастное расположеніе, осмѣливаемся мы, русскіе, меньшіе и младшіе изъ братьевъ, сохраненные судьбою въ политическомъ отношеніи, обратиться къ старшимъ братьямъ съ словомъ мира и любви, въ день нашего общаго праздника, празднуя тысячелѣтіе славянской литургіи и грамотности, съ которымъ, по удивительному стеченію обстоятельствъ, сходится всероссійское тысячилѣтіе.

У насъ у всѣхъ есть благонадежная точка соединенія; это — языкъ, прошедшій цѣло и невредимо чрезъ всѣ испытанія, чрезъ всѣ пожары и наводненія, чрезъ всѣ войны и нашествія, не смотря ни на какія козни, ухищренія и сатанинскія усилія враговъ, достигшій высокой степени совершенства по всѣмъ почти нарѣчіямъ въ твореніяхъ великихъ писателей. Языкъ — это наше сокровище, наша крѣпость, наша честь и слава, опора нашей національности, якорь нашего спасенія, залогъ нашихъ успѣховъ.

При началѣ славянской исторіи, по какому-то таинственному предопредѣленію, одѣмъ и тѣмъ же рукамъ досталось разсыпать оидѣ и тѣже сѣмена

по всѣмъ странамъ славянскимъ: о если бы теперь, исполняющемуся тысящелѣтію, о если бы теперь за литургією святыхъ Кирилла и Меѳодія, услыша ихъ вѣщїе звуки, встрепенулось однаково сердце у всѣхъ разномыслящихъ, враждующихъ между собою, братьевъ!

О, если бы возродились они всѣ въ единомъ любовномъ чувствѣ, и сознали себя единымъ родственнымъ семействомъ, единымъ народомъ!

Вотъ была бы достойная награда нашимъ безсмертнымъ учителямъ, вотъ на что бь они откликнулись, кажется, съ высокаго неба, и низпослали бы намъ долу отеческое благословеніе.

Вотъ было бы вмѣстѣ и сладчайшее утѣшеніе, лучшее выраженіе нашей признательности трудамъ, усилїямъ и заботамъ милыхъ, дорогихъ покойниковъ, которыхъ мы въ послѣднее время, одного за другимъ, отнесли въ могилу: Шафарика, Ганку, Зубрицкаго, Лелевеля, Коляра, Мицкевича, Сметану, Челаковского, Аксакова, Кирѣевскихъ, Хомякова, вслѣдъ за Милутиновичемъ, Линде, Венелинымъ, Иннокентіемъ, Добровскимъ. Увы! никто изъ нихъ, умирая, не могъ воскликнуть съ Симеономъ: „цнѣвъ отпушаеши, владыко, раба твоего по глаголу Твоему съ миромъ, яко видѣша очи моя спасеніе Израеля!“ Увы! всѣ они скончались въ душевныхъ мукахъ, истекая кровію, точившеюся изъ сердца, не видя единого луча надежды.

Помолимся братья, въ этотъ приснопамятный для насъ день, молитвами святыхъ Кирилла и Меѳодія, всѣ вмѣстѣ, безъ различїя вѣроисповѣданій, позабывъ наслѣдственную ненависть и злобу, прощая другъ другу и врагъ врагу, помолимся едиными устны и единымъ сердцемъ Милосердному Богу, да не до конца прогнѣвается, ниже во вѣкъ враждуетъ; помолимся, да снизойдетъ къ намъ миръ, — и будемъ мы хотя въ духовномъ, нравственномъ смыслѣ едно стадо и единъ пастырь!“

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Розбуженныи до крѣпчайшаго житїя духовнаго, мы нынѣ съ жадностію смотримъ за появляющимися що-разъ численнѣйше у насъ плодами литературными, и стараемся прїобрѣсти собѣ, о сколько можно, полное знаніе современной словесности, преимущественно домашной, галицко-русской. Читанье русскихъ книжокъ, якого бы они нї были содержанья и формы, стало уже у насъ необходимою потребою, которой абы хотъ указанїемъ на явленья литературными удовлетити, намѣрили мы сообщати въ нашомъ „Галичанинѣ“ подробныи библиографичныи извѣстія по части нашей же домашной словесности. Для той цѣли собраны вже у насъ богатыи матеріалы, которыи власне

однако аж до II-го выпуска „Галичанина“ едино для того отлагаемъ, же днесь, коли печатанье I-го выпуску кончатся, получили мы значительный запасъ изданныхъ недавно въ Петербургѣ украинскихъ сочиненій, — а тиі, яко свѣжо до насъ отъ братной Украины явившіися гости, вымагають нынѣ преимущественного увзгляданья.

Взагагающееся стремленье къ ближайшему сообщенью литературному съ за-кордонскою Мало-Русію, яко же в ростущій повсюду духъ взаимности славянской побужають и насъ мало помалу росширяти искажочительное становище наше по части словесной, выкликують и въ насъ потребу ознакомленья съ производами литературъ соплеменныхъ, которыи за условіемъ взаимности успѣвати могутъ тѣмъ живше и природнѣйше, оразъ и выполнити себе съ рѣвною для всѣхъ корыстію. Оже соумѣстнымъ уважаемъ мы въ библиографичной части „Галичанина“ не разъ вниманіе звертати также на словесны дѣла Велико-Руссовъ, Поляковъ, Чеховъ, Словаковъ, и южныхъ Словянъ, особливо же въ томъ случаю, если дѣла сіи и насъ Русиновъ могутъ обходати.

Добрый примѣръ таковой взаимности для насъ Галицкихъ братьей показаль недавно литературный органъ Украины, выходящій отъ начала 1861 г. въ Петербургѣ подъ заглавіемъ „Основа.“ Въ шестой сегодочной книжцѣ той „Основы“ (за мѣсяць Червецъ 1862 г.) помѣщена статья съ заглавіемъ „Библиографическій Указатель Галицко-русской литературы, составленный Вл. Изм. Межовымъ. Посвящается Я. О. Головацкому.“ Въ той статьѣ наведены галицко-русскіи кциги, временописи и брошюры, якіи являлись отъ 1837 до первыхъ мѣсяцовъ 1862 г., числомъ 253. А хотя списъ тыхъ книжокъ оказуесь намъ еще несосвѣтъ полный, за то особенного вниманія нашего достойне естъ предисловіе до сего „Указателя“ изъ стороны Редакціи „Основы.“ Не можемъ повзддержатись, абы се предисловіе вполнѣ ту не навести. Оно звучитъ дословно:

„Галицко-руське, или Русинское,*) племя къ намъ ближе всѣхъ Славянскихъ племень, живущихъ подъ чужеземными правительствами. Русины кровные братья наши. Печальная судьба оторвала ихъ отъ Русскаго міра, и насильственно ввела въ круговоротъ двухъ враждующихъ народностей. Представители сильнѣйшихъ народностей — польской и нѣмецкой, не щадили въ Русинахъ ничего: не были пощажены у нихъ ни вѣра, ни языкъ, ни обычаи, — ни одно изъ священныхъ правъ челоуѣка. Незванные, непрошенные опекуны обращались съ несчастнымъ народомъ какъ средневѣковные побѣдители съ побѣжденными... если не хуже. Самымъ тяжкимъ ударомъ, для Га-

*) Выраженье: „Русинское,“ у насъ вовсе неупотребляемо, придумано и заводится нынѣ Поляками и Велико-Руссами для розличенья мало-русского племени отъ велико-русского. У насъ существуе иня „Русинъ“ но прилагательного „русинскій“ нигде рѣшительно нѣтъ; вѣсто того уживаеь въ народѣ постоянно: „русскій.“ Изд. Гал.

линей Руси, было — отступничество дворянства и загнѣмъ — разрывъ между образованнымъ, богатымъ сословіемъ, и простымъ народомъ. Кромѣ разныхъ общихъ для той и другой стороны — бѣдствій, этотъ разрывъ отразился и на народномъ языкѣ и литературѣ: подъ враждебными вліяніями, они не могли развиваться. Кажется, духъ народа, полнѣе всего выражающійся въ словѣ, былъ подавленъ на вѣки... Но и Поляки, и Австрійцы ошиблись въ своихъ расчетахъ: едва Русины успѣли вздохнуть свободнѣе — они и въ цѣпяхъ неволи вспомнили родные звуки и запѣли пѣснь жизни. Правда, въ этой пѣсни слышатся часто фальшивыя ноты: но какъ не быть имъ въ фальшивой — невольницкой — жизни? Довольно и того, что народъ желаетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть по своей природѣ и уже имѣетъ своихъ представителей между образованными людьми, — что онъ хочетъ идти собственной дорогой, что онъ искренно ищетъ свѣта жизни, и заявляетъ свои благородныя стремленія тѣмъ словомъ, какое кажется ему пригоднѣе для выраженія его пробудившагося самосознанія. Часто Русинъ пользуется орудіемъ, существующимъ для выраженія иныхъ потребностей, духовныхъ и вещественныхъ: ничего... пусть Русинъ пытается выразить себя на чужомъ языкѣ,*) пока не выработаетъ своего: когда будетъ у него что сказать такое, что собственно его уму и сердцу, его жизненной обстановкѣ, его прошедшему и настоящему, — въ чемъ должна сказаться его собственная дума, Русинъ броситъ подражательность, и выразитъ себя своимъ роднымъ, самобытнымъ словомъ... Такъ было и будетъ не съ однимъ Русинскимъ народомъ, не съ одной его словесностью...

Нынѣшняя Русинская литература еще очень молода. Начало ея можно отнести къ тому времени, когда Австрійское правительство слѣдуя знаменитому правилу *divide et impera*, и испуганное движеніемъ Польско-шляхетской партіи, разрѣшивъ, въ 1849 г. Русинамъ, кромѣ разныхъ льготъ, печатать книги русскими гражданскими буквами (гражданкою). Съ 1849 года немного прошло времени, а между-тѣмъ, въ Галицкой литературѣ, уже видны несомнѣнные слѣды своеобразной умственной дѣятельности. Будемъ надѣяться, что развивающееся съ каждымъ днемъ, общеніе между народами и другія благоприятныя обстоятельства, дадутъ намъ болѣе средствъ и возможности — узнать покороче нашихъ братьевъ, уразумѣть вполнѣ ихъ положеніе и борьбу съ враждебными стихіями, и оцѣнить великую пользу взаимнаго сближенія.

*) Ред. „Основы“ разумею подъ тѣмъ выраженіемъ на той чужій языкѣ, котораго въ р. 1848 оставлено намъ „еще до часу, ажъ пока рускій не выработается,“ але языкъ великорусскій. Недорозумѣнію тому давъ безсомнѣнно поводъ наша историчка правопольство славено-руска, котора по близко-похожимъ правиламъ уживаесть вправдѣ также въ письменности велико-русской, но котора мимо того вовсе не дѣлае нашъ мало-русскій языкъ по произношенію и формѣ языкомъ велико-русскимъ. Предметъ той, постараемся при иншой способности ближе пояснити.

Благодаря содѣйствію почитнѣйшаго Львоськаго професора, Якова Теоdorовича Головацкаго, и гакже съ помощію разныхъ каталоговъ и книгопродавческихъ объявленій, — Вл. Изм. Межовъ составилъ тотъ дорогой для насъ; по своей полнотѣ и новости, указатель Русинской словесности. Думаемъ, что за помѣщеніе его будутъ благодарны многіе, съ теплымъ и разумнымъ участіемъ слѣдящіе за всѣми современными явленіями въ Славянскомъ мірѣ, и въ особенности — ближайшіе родичи Русиновъ — Украинцы. — Ред. Основы.“

Украинска словесность.

Г. Даниль Селеновичъ Камеенецкій, выдаватель нового сборничка „Украинскихъ пѣсень“ въ Петербургѣ, удоволяючи съ истинно братскимъ благоволеніемъ просьбѣ нашей, прислалъ въ мѣсяцъ Октобрѣ с. г. до книгарнѣ Савропигійской во Львовѣ многоцѣнный запасъ новѣйшихъ въ Петербургѣ изданныхъ украинскихъ сочиненій, которыхъ списъ тутъ пожелавши, исполнимъ на теперь задачу нашу по части библиографичной. Списъ тыхъ книжокъ ведемъ по азбучному порядку заглавія ихъ або имени авторовъ и авторокъ. яко то суть:

- 1) Бабуся съ того свѣту, оповідання про померші душі. Петербургъ въ друкарні П. А. Кулиша 1861. Въ 16. стор. 14. Цѣна 15. кр. а. в.
- Бирвінокъ* Ганна: 2) Въ осени літо, оповідання. Птб. 1860. Въ 16. стр. 16. Ц. 15 кр.
- „ 3) Лихо не безъ добра, оповідання. Птб. 1860. Въ 16. стр. 10. Ц. 9 кр.
- Возчокъ* Марко (псевдонимъ, властиво М. А. Марковичова): 4) Чари, оповідання. Птб. 1860 Въ 16. стр. 17. Ц. 15 кр.
- „ 5) Повѣстки (народні оповідання). 2. изданіе, съ малороссійско-руско-польскимъ словаремъ. Птб. 1861. Содержить повѣсти: Сестра, Козачка, Чумакъ, Сонъ, Горпина (панська воля), Викупъ, Свекруха, Отець Андрій (знай, Ляше!), Максимъ Грімачъ, Данило Гурчъ. Въ 8. стр. 158 и словаря 21. Ц. 1 реньск. 50 кр.
- „ 6) Народні оповідання. Томъ другій. Коштомъ П. А. Лобка. Птб. 1862. Содержить повѣсти: Два сини, Не до пари, Ледащиця, Чари, Три долі. Въ 8. стр. 206. Ц. 1 р. 50 кр.
- Гоголь* Н. В. 7) Размышленія о божественной литургіи. Изданіе второе, безъ перемѣнъ, П. А. Кулиша. (По велико-русски.). Птб. 1859. Въ 16 стр. VІІІ и 132. Ц. 90 кр.
- Гречулевича* Василя протоіерея: 8) Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ. Изд. второе. исправленное, Птб. 1857. Въ 8. стр. XII и 203. Ц. 2 р. а. в.
- Продчукъ*: 9) Сіра кобила, оповідання Птб. 1860. Въ 16: стр. 10. Ц. 15 кр.
- Камеенецкій* Данило: 10) Украинскі пісні зъ голосами. Десятокъ первый. (Дві пісні козацькі, дві бурлацькі, дві жіноцькі и дві дівоцькі). Птб. 1861. Въ 16. стр. 28. Ц. 30 кр.

11) Казка про дівку Семелітну. Птб. 1861. Ц. 9 кр.

Казюка Панько: 12) Півпівника, гишпанська дїтська казочка, по-нашому розказана. Птб. 1861. Въ 16. стр. 12. Ц. 9 кр.

Квитка Григорій (Основяненко): 13) Маруся, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. 120. Ц. 1 р. 50 кр.

„ 14) Салдацький патретъ, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 121 — 151. Ц. 45 кр.

„ 15) Сердешна Оксана, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 152 — 229. Ц. 90 кр.

„ 16) Мертвецький великдень, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 230 — 264. Ц. 45 кр.

„ 17) Добре роби, добре й буде, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 1 — 48. Ц. 60 кр.

„ 18) Конотопська відьма, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 49 — 156. Ц. 1 р. 20 кр.

„ 19) Отъ тобі и скарбъ! повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 157 — 192. Ц. 45 кр.

„ 20) Козирь-дівка, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 193 — 276. Ц. 1 р. 5 кр.

„ 21) Перекотиполе, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 277 — 320. Ц. 60 кр.

„ 22) Пархімове сніданне, повість. Птб. 1861. Въ 12. стр. отъ 321 — 336. Ц. 30 кр.

„ 23) Драматическія сочиненія, въ двухъ томахъ. Томъ I-ий. (Томъ II-ий печатається). Птб. 1862. Содержится въ I. Т.: Шельменко, волостный писарь, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ; Шельменко-деньщикъ, комедія въ пяти дѣйствіяхъ; Сватання на Ганчярівці, малороссійская опера въ трехъ дѣйствіяхъ; Щира любовь, драма въ пяти дѣйствіяхъ. Въ 12. стр. 335. Ц. 4 реньск.

Котляревскій И. П. 24) Писання, зъ ёго портретомъ и картинкою ёго будиночка въ Полтаві. Птб. 1862. Содержится въ нихъ: Виргиліева Енеида, на украинську мову перелицьована; Наталка Полтавка, украинская опера; Москаль-Чарівникъ, украинская опера; Ода до Князя Куракина. Въ 16. стр. 452. Ц. 2 р. 50 кр.

„ 25) Наталка Полтавка, украинская опера. (Отдѣльное изд.) Птб. 1862. Въ 16. стр. 80. Ц. 75 кр.

„ 26) Москаль-Чарівникъ, украинская опера. (Отдѣльно) Птб. 1862. Въ 16. стр. 66. Ц. 75 кр.

Костомаровъ Николай: 27) Гетманство Выговскаго (Изъ журнала „Основа“ 1861 г. N. 4 и 7. На велико-русскомъ языкѣ.) Птб. 1862. Въ 8. стр. 112. Ц. 2 р. 50 кр.

- Кулішъ* Панталеймонъ. А. 28) Записки о южной Руси. Томъ первый. Птб. 1856. Въ 8. стр. IX и 322. Томъ второй. 1857. стр. XIII и 354. Цѣна обохъ томовъ 7 реньск.
- 29) Чорна рада, хроніка 1662 року. Птб. 1857. Въ 8. стр. 423. Ц. 4. р. 50 кр.
- 30) Граматка. Птб. 1857. (Въ школахъ народныхъ на Украинѣ запрещена). Въ 12. стр. 149. (въ переплетѣ) Ц. 1 р.
- 31) Григорій Квітка и его повісті. Слово на новий виходъ Квітчинихъ повістей. Птб. 1858. Въ 12. стр. XXXVI Ц. 15 кр.
- 32) Повѣсти, въ чотырехъ томахъ. (По велико-руски.) Птб. 1860. Въ первомъ томѣ есть повѣсть: Черная рада, стр. 357.; во второмъ: Алексій Однорогъ, стр. 357; въ третьемъ т. Воспоминанія дѣтства Николая М. стр. 412; въ четвертомъ т. Майоръ, Потомки зидяпровскихъ Гайдамаковъ, стр. 323. Въ 8. Цѣна всѣхъ чотырехъ томовъ 7 р.
- 33) Хата. Видавъ П. А. Кулішъ типомъ другимъ. Птб. 1860. Содержится: Поглядъ на украинську словесность. Коліі, украинська драма (актъ первый) П. А. Куліша, Поезії: Щоголева, Кузьменка, Гребінки, Шевченка, Три слѣзи дівочі. Повѣсти: Чарь, Марка Вовчка; Сіра кобила, Иродчука; Лихо не безъ добра. Въ осени літо, Ганни Барвинюкъ; Ділъ Мина и баба Миниха, М. Номиса. Въ 8. стр. XXII и 215. Ц. 2 р. 50 кр.
- 34) Граматка. (Второе изданье). Птб. 1861. Въ 12. стр. 68. Ц. 15 кр.
- 35) Орися, идиллія. Птб. 1861. Въ 16. стр. 16. Ц. 15 кр.
- 36) Хмельнищина, историчне оповідання. Коштомъ Ѡ. И. Чорнянка Птб. 1861. Въ 12. стр. 128. Ц. 1 реньск.
- 37) Досвітки, думи и поэми. Птб. 1862. Въ 16. стр. 256. Ц. 2 р. 50 кр.
- 38) Листи съ хутора. Птб. 1861. Листъ I и II. Про городи й села. Въ 16. стр. 30. Ц. 15 кр. — Листъ III. Чого стоить Шевченко, яко поетъ народный. Стр. 17. Ц. 15 кр. — Листъ IV. Про злодія у селі Гаківниці. Стр. 29. Ц. 15 кр.
- Мордовцевъ* Данило: 39) Дзвонярь, оповідання. Птб. 1861. Въ 16. стр. 15. Ц. 15 кр.
- Номисъ* М. 40) Ділъ Мина и баба Миниха, оповідання. Птб. 1860. Въ 16. стр. 60. Ц. 30 кр.
- 41) Очаковська біла, козацьке оповідання. Птб. 1861. Въ 16. стр. 8. Ц. 6 кр.
- 42) Підбрехачъ, оповідання. Птб. 1861. Ц. 9 кр.
- 43) Сіра кобила, оповідання. Птб. 1861. Ц. 15 кр.
- Шевченко* Тарасъ. 44) Кобзаръ, коштомъ Платона Семеренка. (Съ поргретомъ автора) Птб. 1860. Оглавъ: Думи мої, думи мої. Думки. До Основъ-

- ненка. Иванъ Підкова. Тарасова Нічъ. Гамалія. Катерина. Наймичка. Гайдамаки. Псалми Давидови. Въ 80 стр. 344. Ц. 2 р. 50. кр.
- Отдѣльно въ 160 перепечатанъ : 45) Тополя, баллада. Птб. 1860. Стр. 13. Ц. 15 кр. — 46) Тарасова Нічъ, поэма. Стр. 9. Ц. 9. кр. — 47) Гамалія, поэма. Стр. 12. Ц. 15 кр. — 48) Катерина, поэма. Стр. 36. Ц. 45 кр. — 49) Наймичка, поэма. Стр. 29. Ц. 45 кр. — 50) Псалми Давидови, переложивъ по-нашому Тарасъ Шевченко. Стр. 17. Ц. 21 кр. — 51) Гайдамаки, поэма. Птб. 1861. Стр. 96. Ц. 60 кр.
- Юркевичъ Михайло*: 52) Разокъ Намиста. (Поезіи) Птб. 1861. Въ 120 стр. 41. Ц. 1 р. 70 кр.

Выше наведенныя сочиненія получить можно по указанной цѣнѣ въ книгарнѣ Ставропигійской во Львовѣ. Посредничествомъ тоже книгарни спроважати можъ также инныя сочиненія по дѣламъ Мало-Руси въ Россіи издавными, однакомъ належитъ при замовленіи зложити половину цѣны требуемого дѣла. Къ того рода сочиненія належать межъ инными на пр. слѣдующія:

- Исторія Малороссіи. Соч. Маркевича. 5 томовъ. Москва 1842. Цѣна съ пересылкою (въ Россіи) 10 рублей.
- Исторія Малой Россіи. Соч. Бантышъ-Каменскаго, съ портретами, картами и рисунками. 3 томы. Птб. 1842. Ц. съ пер. 9 руб.
- Исторія Руссовъ, или Малой Россіи. Соч. Преосвященнаго Георгія Конискаго. М. 1846. Ц. съ пер. 11 руб.
- Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи. Соч. А. Ригельмана, съ 30 рисунками. М. 1847. Ц. съ пер. 4. руб.
- Лѣтопись Самовидаца о войнахъ Хмельницкаго. М. 1846. Ц. съ пер. 1 руб.
- О Козакахъ. Соч. Н. Маркевича. М. 1859. Ц. съ пер. 50 копѣекъ.
- Историческое сочиненіе о Малороссіи и Малороссіянахъ. Соч. Г. ф. Миллера. М. 1847. Ц. съ пер. 75 коп.
- Богданъ Хмельницкій. Соч. Н. И. Костомарова. Два тома. Второе дополненное изданіе. Птб. 1861. Ц. съ пер. 3 руб. 50 коп.
- Лекціи по Русской исторіи, Н. И. Костомарова. Выпускъ первый, Русскіе лѣтописи. Птб. 1862. Ц. 50 коп. ср. безъ пересылки.
- Литовская церковная унія. Изслѣдованіе М. Кояловича. Птб. Два томы. Птб. 1859 — 1861. Ц. съ пер. 4 руб.
- Начало Уніи. Соч. Д. Зубрицкаго; перев. съ польскаго А. Майкова. М. 1848. Ц. съ пер. 55. коп.

Также пренумеровати можно въ той книгарни на журналъ „Основа“, складаючи за 12 книжокъ „Оснзвы“ зъ 1861 г. — 10 руб., за 12 книжокъ зъ 1862 г. — 12 руб. съ пересылкою.

Обзоръ югославянської журналистики.

Югославяне числять вправдѣ бѣльшъ 10 миліонѣвъ народа, но територіально и политично роздроблені, не совокупились они еще въ литературномъ взглядѣ. Найважѣйшою перешкодою есть и тутки азбука. Языкъ Сербѣвъ, пишущихъ славянскою азбукою, не розличается правѣ ничѣмъ одъ языка Хорватѣвъ, пишущихъ латинскою, — а прецѣнь до сихъ поръ не получились наибѣльше изъ той причины литературы обоихъ тыхъ народѣвъ въ одну цѣлѣсть.

Словѣницѣ есть то по Лужичанахъ найслабша славянска лѣтопись, — и они заледви же тримаются передъ напиряющимъ изъ всѣхъ сторѣнь германскимъ элементомъ, але прецѣ посѣдають они найстаршу югославянску часопись „Новицѣ“ (Novice), котрій выходять вже одъ 20. лѣтъ въ Люблянахъ, разъ на тыждень, а пѣдъ рд. П. Блейвейса становились они заразомъ политичнымъ, господарскимъ и литературнымъ органомъ. Крѣмъ той выходить еще одна педагогична, для учителѣвъ сѣльскихъ (Tovarsz) и церковна (Zgodnja Dannica) въ Люблянахъ, а литературна (Glasnik) въ Целовцу. Мала ще теперъ за стараньемъ Др. Томана выходить ежедневня политична часопись въ Люблянахъ, але забракло закладового фонда, но не бракло бы читателѣвъ, якъ може у насъ, бо „Новицѣ“ мають до 6000 предплатителѣвъ (на 300,000 всего народу!).

Хорваты мають 2. велики политични часописи, выходящї ежедневно въ Загребѣ: „Narodne Novine“ и „Pozor“, одну въ Карловцу: „Glasnozra“ изъ додаткомъ господарскимъ, и ще одну политичну: „Glasnik Dalmański.“ Крѣмъ того ще одна беллетрестична, „Nasze gore list“, 2 педагогични „Napredak“, „Narodna Szkola“, господарска „List gospodarski“, и церковна „List Zagrebacki katolicki.“

Сербы въ Австріи выдають: „Српски Дневникъ“ ежедневно въ Новѣмъ Садѣ и „Србобранъ“ 3 разѣвъ на тыждень. Ще выходять тамже 2. белл. „Яворъ“ и „Даница“ и ще одна для сѣльскихъ учителѣвъ. — Въ княжествѣ Сербскѣмъ мають бѣльшъ политичныхъ часописей: 1) „Српска народность“, 2) „Видовданъ“ во память св. Вита, которого — то дня Сербы заприсягли собѣ выбитись на волю. 3) Святovidъ, 4) Српске тргвачке новини.

Болгары мають найменьше часописей: 1) Дунайскїй лебелъ, полатична часопись, котрой рд. П. Раковскїй теперъ замѣнилъ перо на мечъ, — выходила въ Бельградѣ, 2) Болгарія въ Царгородѣ. — Въ Черногорїи выходивъ „Соколъ“, политичнїй органъ князя Микола.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
ПОЕЗІИ. <i>Александра Я. Кониського</i> : Останне слово. Доля. Весна и зима. До Мины (вольный переводъ изъ Шиллера). До моря.	1—6
<i>К. О. Я.</i> : Думки. Пророкъ (М. П. Костомарову)	6—7
<i>Ө. Верниволя</i> : Зъ святаго Письма (I. Царь Саулъ. II. Пѣсня пѣсень). До дѣвчины. Левъ та барсъ (байка зъ Крылова). Вечерня розмова. Вѣтеръ. Споминки. Думка. Каторжный. Моя доля	7—11
<i>И. Гушалевича</i> : Наши пѣсни. Пойду свѣтомъ	12—13
<i>І. Федьковича</i> : Нѣчлѣгъ. Сироты. Думка	13
<i>Луки Данкевича</i> : Гуси. Влѣзлива муха. Волкъ и баранъ	13—14
<i>А. Подольнича</i> : До Молодежи. Згадка за Словянщину	14—15
<i>Емилиана Огоновского</i> : Руска пѣснь	15—17
<i>Ксенофоята Климковича</i> : Святославова могила	17
<i>Павла зъ Щуткова</i> : Дитину ховати, то камѣнь глодати (народна пословица)	17—18
<i>Ю. Ш.</i> : Колыбель дѣда	18
<i>О. Га. Д-га</i> : Въ клясъ	19
<i>К. А. Х-ва</i> : Не буду съ жении	19
<i>Александра Духновича</i> : Послѣдняя моя пѣснь	19—20
<i>Александра Павловича</i> : Батькови Духновичу	20
ПОВѢСТИ. <i>Александра Кониського</i> : Паньска воля	21
<i>И.</i> : Школяръ, розказъ Гриця Саламахи, реентого и писателя наукъ въ Чаповѣ (Конецъ той повѣсти слѣдуе въ II. выпуску)	35
<i>Алексія И. Торонского</i> : Ганця. Повѣсть зъ житя Подбескидского народа (Лемкѣвъ)	57
ЕНОГРАФІЯ. <i>И.</i> : Село Каменка Волоска	99
ИСТОРІЯ. <i>Антонія Петрушевича</i> : Іосифъ Шумлянскій, первый Львовскій уніятскій Епископъ	117
<i>Тогоже</i> : Историческій огеркъ о состояніи польско Народа (Статья съ 1791 г)	124
<i>Тогоже</i> : Акта относящіяся до затвержденія Капитулы Епископского Собора во Львовѣ	134

	Стр.
СТУДІЯ СЛАВЯНСКІИ. <i>Кипріяна Гарасимовича</i> : Нѣскольکو мыслей о студіяхъ Славянщины	150
<i>Ивана Ѡ Головацкаго</i> : <u>Зерна для популярнаго сровнанія и познанія достоинства живущихъ славянскихъ нарѣчій</u>	153
<i>Осифа Ѡеодосовича Щавинскаго</i> : Выводы о начатку имени: Русь	159
ПРИРОДОПИСЬ. <i>В. Н. Р.</i> : Природа въ горахъ Карпатскихъ (Цѣлебныи жерела въ Подлютомъ, — проѣздка въ околлицѣ Перегиньска).	172
ГОСПОДАРКА въ нашихъ сольныхъ жупахъ, соч. <i>Петра Кочиндыка</i>	180
<i>Тысячелѣтная память св. Кирилу и Меводію</i> , письмо Погодина	184
СЛАВЯНСКАЯ БИБЛЮГРАФІЯ. Украинска словесность	187
Обзоръ югославянскои журналистики	194

Поправки въ статьяхъ историчныхъ:

на стор. 118 въ 4 строч. зъ г. стоить :	претенлента	вм.	претендента
” ” 124 въ 11 ” зъ д. ”	ничего	и мятежахъ	вм. ничего
			о мятежахъ
” ” 133 въ 3 ” зъ г. ”	по всей вѣрѣ	вм.	по своей вѣрѣ
” ” 134 въ 5 ” зъ г. ”	Митрополичой	вм.	Митрополичого
” ” 134 въ 8 ” зъ г. ”	въ Лунку	вм.	въ Луцку

ГАЛИЧАНИНЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СБОРНИКЪ

издаваемый

Яковомъ Ѳедоровичемъ Головацкимъ

и

Богданомъ Андреевымъ Дядицкимъ.

КНИГА I.

Выпускъ II.

ЛВОВЪ.

Типомъ Института Ставропигійскаго.

1863.

ДО ДНѢСТРА.

Днѣстре! водъ рускихъ красо и короно,
Рѣкъ нашихъ стоки тулишь въ свое лоно,
Въ кристалльныхъ струихъ по синявой фали
Шлешь чужинами — гонь ко морской дщи.

Въ твоємъ зеркалѣ лицюесь природа,
Звѣздъ миллиарды зѣ небесного свода
Брилянтне око въ вурты запускають,
Лазурне личко принадно купають!

Въ кѣвты убранный, величавымъ ходомъ
Гордо ступаешь неотмѣннымъ бродомъ,
А погулявши по крутыхъ завояхъ
Плывешь дугою въ зеленыхъ закрояхъ.

Шовковй травы и цвѣтуще зѣлья,
Пчоламъ принада, погулька мотыля,
Въ чудесный коверъ по-надъ берегами
Стелятся оку — барвы красотами!

Въ лозахъ щебечуть птичокъ миллионы
Хоромъ пораннымъ Творцу антифоны,
По буйныхъ лугахъ скотина гулае,
Меланхолійно настухъ выгравае.

Только оздобы и милой принады
Попритягало и людски осады;
Тулятся докола въ чудесномъ уроку
Мѣста и села до твоего боку.

О якже любо — но якъ сумно разомъ
Спываешь око величавымъ сказомъ —
На тѣи згарки — вже отцвилей славы,
На тѣи злишки — затихлой державы.

А коли око вблудить въ тѣи мурь,
Красы увялой стрѣтитъ видъ понурый,
Где то, въ высоки вносаи вагы,
Крѣпость и замки княжески стояли.

Топится память въ задуму глубоко,
Слѣды упадку встрѣчае шо кроку,
А сердце стыгне и кровь ся стинае,
Коли въ минувше гадку посувае!! —

Ктожь, о кто зъ нашихъ въ потирѣ, въ жалобѣ,
Въ томъ великаньскѣмъ, всенароднѣмъ гробѣ,
Скитальчимъ крокомъ заблукавъ въ тѣ тыны
Не плакавъ болемъ сироты-дитины? ---

Въ грузы запала — колись славна Троя,
Тронъ и корона и княжеска зброя;
А де блестала комната Данила,
Нынѣ муравовъ земля ся укрыла.

Не ма вже свѣдна, шо бы мѣгъ сказати,
Где то стояли княжески палаты;
Стихло, ахъ стихло! якъ въ безмолвнѣмъ гробѣ,
Нарѣдъ въ сиротствѣ, столица въ жалобѣ!

Лишь ты намъ можешь тое розказати
Днѣстре славутный! будешь памятати —
Скажижъ намъ батьку, якъ же то буваю,
Поки ще Царство Галицке стояло?

Скажижъ, скажи намъ, чи й за дней Данила
Руска родина оковы носила?
Чи Русь нѣколи доли не зазнала,
Стогла заедно, болѣла — рыдала?

Чи та краина, шо ю оплываєшь,
И тая земля, шо ю орошаєшь,
И тѣя троны, и тѣя столицѣ,
И рускій нарѣдъ — то все небылицѣ?

О Днѣстре батьку! загреми водами,
Роствори лоно, стряси берегами,
Отъ нуртъ Бескида ажъ до морской навѣ
Выкрый намъ слѣды згаслой нашой славы!

Збери тѣхъ кости, шо полягли въ бою,
Згорни кровь стыглу въ едину остю,
Абы свѣтъ видѣвъ, а потомнѣи знали,
Якъ то за рѣдню и аши погибали!

И. Яковичъ. Д.

ЖАЛОБНЫЙ СТИХЪ ПОГАСШОМУ ДРУГУ.

I.

Въ приходѣ сельскомъ съ вежи церковной
Тосчно-печальный роздался звонъ
Взывая овцы паствы духовной,
Пастырю дати должный поклонъ;

Поклонъ послѣдній отдади тому,
 Що днемъ и ночью съ ними дѣлилъ
 Горе и счастье въ церквѣ и въ дому
 И ихъ якъ дѣти свои любилъ;
 Люби якъ дѣти училъ любити
 Бога во вышнихъ, церковь святу,
 Никола брата не оскорбити,
 Да благо будетъ въ небѣ и ту.
 Плачетъ, рыдаетъ звонъ на звонницѣ,
 На крылахъ вѣтру розносить жалъ:
 Бѣдныхъ сиротъ и бѣдной вдовицѣ
 Грудь разрываетъ тяжка печаль.

II.

Въ лонѣ снягнни сгаслого тѣло:
 Вкругъ катафалка тридцать свѣчокъ,
 А у подножья вонне кадило —
 Образъ стремленя къ Богу гадокъ;
 На трюмнѣ чаша, съ нейже покойный
 На животъ вѣчный Паству кормилъ;
 Въ церквѣ численный людь богобойный,
 Знать, що усопшій былъ пастыръ милъ.
 Тѣло елеемъ ужъ намастили,
 Смыли росю воды святой,
 И цѣлованьемъ съ нимъ ся простили,
 Умолкъ на хвилю печальный строй.
 И двигся съ церкви людь слезно-робкій,
 Сновъ погребальный озвался гласъ:
 „Святый Боже, святый крѣпкій,
 Святый безсмертный помилуй насъ.“

III.

Друже! отходишь въ земну хатину,
 Где спятыя предолгимъ, глубокимъ сномъ;
 Хоть грѣетъ солнце въ лѣтнюю днину,
 Мертвеца кости сцѣплятся льдомъ;
 Взлелѣетъ вѣтеръ цвѣтки плохливы,
 Не поцѣлуетъ твоего лица.
 Тамъ не учуешь пѣснь русской дѣвы,
 Ни жаворонка, ни соловья;
 Любовь не тронетъ студене сердце,
 Не приголубишь милой жены,
 Тебе муравы вскрыеть коверце
 И брыла мокрой, сырой земли.
 Хоть улыбнется райное солнце,
 Безмолвной ночи прогонитъ мракъ:
 Но, охъ! не глянетъ въ твое оконце,
 Въ твоихъ зѣницахъ потухнулъ зракъ.

IV.

Однако, друже! хотяи обитель
 Твоя студена, темна, узка:
 Будешь счастливший, нежели житель,
 Живущий въ свѣтъ середь рая.
 Для тебе сгасли радости свѣта,
 Но съ ними такожь смутокъ исчезъ;
 Тиха дремота, въ вѣчность одѣта,
 Тамъ затворяетъ источникъ слезъ
 Тамъ вразъ съ дремотой миръ нерушимый
 Скипетръ владѣнья въ рукахъ держитъ,
 И що въ житью былъ непремиримый,
 По смерти мирно съ ворогомъ спитъ.
 Тамъ ты не тронуть боли ни горе,
 Тамъ не розлить ты палаща страсть,
 Тамъ ся не пѣнить сомнѣній море:
 Лучша, хоть-въ гробѣ, твоя участь!

V.

Въ свѣтъ за счастьемъ толпятся люди,
 Предъ нимъ чоломъ бѣетъ бѣдакъ и царь;
 Но счастье лестно, всегда и всюды
 Не по заслугамъ дѣлитъ свой даръ.
 Лукавецъ ловить золото, чести,
 О немъ несется добрая вѣсть;
 А праводушный не зная лести,
 Въ нуждѣ, незнанный дни свои тѣсь.
 Тутъ клеветливый въ словесъ кажуѣ
 Мараетъ имя честныхъ людей,
 Свѣтдо животне въ душевной стужѣ
 Гасить убійци лютый борей.
 Обманщикъ съ ложи сбиваетъ тратвы,
 На легковѣрье пускаетъ въ плавь,
 Употребить онъ неразъ и клятвы,
 Щобъ лишь у своей пристани стагъ.

VI.

Такъ ростеть, друже! въ сей земской жизни
 Пожеми рожи тернъ и осеть,
 Но незмутиме счастье отчизны,
 Где духъ твой правый сдаетъ отчетъ.
 Съ слезою въ оку пускаю грудку
 Сырой земли на трумну твою,
 Но въ томъ тяженькомъ розлуки смутку
 Тѣшитъ надѣя душу мою:
 Ты Бога, церковь и своихъ ближнихъ
 Любилъ, якъ кажетъ законъ Христовъ,
 Тожь духъ твой станеть въ хоромахъ вышнихъ,
 Где цвितеть радость во вѣкъ вѣковъ,

Где нѣтъ печали, ни въздыханья,
Где всѣхъ голубить Бога любовь.
Прашай же друже мой! до свиданья!
На другомъ свѣтѣ узримся снова!

М. О. П.

**ДРУЖБА, ГОСТИННОСТЬ
И ПѢНЬЕ.**

Весело братья! въ томъ колѣ,
Друзья не знаютъ облуды,
Що было предкамъ по волѣ,
Воспоймы съ радостной груди:
Дружба, гостинность и пѣнье,
То предковъ нашихъ пѣнье.

Гостинность каждому рада,
Ие любу видитъ прашанья;
Въ прашанья сердца отрада
Гостинный зовъ: до свиданья!
Гостинность предки любили
Съ колыски ажъ до могилы.

Дружба проводникъ незмѣнный
На земскомъ томъ бездорожьи,
И въ счастья бисерь то цѣнный,
И въ горѣ стелить намъ рожи.
Дружба чи въ мирѣ чи въ бою
У предковъ была красою.

О! пѣнья дивныя стезы:
По волѣ движеть грудь нашу,
Осушить, вытиснеть слезы,
Льетъ нектаръ смертному въ чашу.
И наши предки играли,
Тай въ горѣ, счастьемъ слѣвали.

Друзья! гостѣйся и поймы,
О! пойми родными звуки!

Кто видѣлъ наши соймы,
Не схочетъ знати розлуки.
Дружба, гостинность и пѣнье
Живутъ посредѣ насъ нынѣ.

М. О. Попель.

КІНЕЦЬ ДУНАЙСЬКОЇ ДУМИ*).

„О безумне хлопство!
Сліпі въ тебе очі:
Подивися — наступае
Хмара одъ півночі!

„Не хотіло ясній
Шляхті догожати;
Вкрие тебе нічъ на вѣки
У похилій хаті.

„Не хотіло панству
Повидну робити;
Буде тобі до роботи
Блискавка світити!“

VI.

„Правда ваша, правда:
Темна нічъ надходить . . .
Довго, довго въ Україні
Сонечку не сходить!

„Мертвимъ сномъ спочинемъ
По тяжкій роботі;

*) Первая половина „Дунайської думи“ П. Кулиша напечатана была въ „Основѣ“ (за мѣсяць Октябрь 1861), а оттуда перепечатана въ „Досвіткахъ“ (особною сборничку стихотвореній П. Кулиша, изд. въ Петербургѣ 1862); друга половина (власне тотъ повысшій „Кінець Дунайської Думи“) печатаецъ тутъ єъ первый разъ по рукописи самогожъ автора, на желанье которого и правопись его ненарушино ту задержана. („Досвіткы“, въ которыхъ помѣщена первая половина сєя Думы, именно уступы I, II, III, IV и V, продаются въ Славропигійской книгарнѣ во Львовѣ по цѣнѣ 2 р. 50 кр. а. в. за екс) Изд.

Чи до-віку намъ лежати
У темній темноті?«

VII.

Прокинулись люде:
„Ой де жъ наша сила,
Що шаблею, мовъ косою,
Панство покосила?“

„Ой припадімъ, браття,
До землі сироті:
Що намъ скажуть батьки наші
Зъ могили німої!“

— „Сила ваша, діги,
Спигь у домовині,
Що простяглась підъ землею
По всій Україні.“

— „Домовино славна!
Роскрійсь передъ нами,
Дай намъ глянуть въ твою тайву,
Ясними очами!“

„Домовино славна!
Верни нашу силу:
Дай намъ ще разъ звеселити
Україну милу!“

„Щобъ зновъ Україна
Садомъ процвітала,
И въ холодку дітей своїхъ
Одъ спеки ховала;

„Щобъ росила трава
Не слізами, росом
И хижаківъ не втішала
Своею красою.“

Тихо Дунай, тихо
Несе чисту воду;
Задивилися дуброви
На свою уроду.

Тихо Дунай, тихо
Жовті піски мие.
Якъ згадаю Україну —
Серденько заніе.

Вже й Орда лихая
Съ Криму позбігала,
А ти стоїшъ степовищемъ,
Якъ давна стояла.

Уже й недоляшки
Стали Москалями,
А ти глухо розмовляєшъ
Зъ буйними вітрами.

И Дунай сумує,
И Кубань у тузі.
Хто жъ панує — веселитця
Въ Великому Лузі?

Сумно по Сібіру
Вигнанці дубують,
А по селахъ українськихъ
Хижакі панують.

II. Кулиш.

ЗАГУБЛЕНА ДУША.

Бретовська баллада
зъ феодальнихъ часівъ.

I.

На ставочку, на кладочцѣ
Я рушники прала
И почула — божа пличка
Тяженько зѣтхала.
То зѣтхала передъ смертю
Въ останню годину...
Може мати покидала
Дочку сиротину...
У ту пору невѣдоме
Щось мѣнѣ сказало:
— „Чи ты знаєшъ, серце Гаю,
Що продана пану?...“

II.

— „Матусенько, голубонько!
Я ненѣ спытала,
„Скажи моя зозуленько,
Чи правду я взнала?
Буцѣмъ мене, моя мамо,
Дочку твою Гаю,

Запродано богатому
И старому пану?⁴
— „Я не знаю, моя доню,⁴
Сказала матуся,
„Поди сердце, распытайся
У своего титуса....“

III.

— „Татусеньку, татусеньку
Голубоньку сивый,
Скажи мерщѣй шири правду
Дочцѣ несчастливой!
Чи то правда, шо ты мене
Промѣнявъ на золото?
Шо продавъ мене ты пану
За велику плату?⁴
„Дорогая моя доню!“
Одказуе тато,
„Я и самъ сего не знаю,
Спытай своего брата....“

IV.

„Брате милый, брате любый!
Чи правду я взяла,
Шо за золото мене, брате,
Ты продаешь пану?“
— „Правду, сестро! ты почула..
Швидко часть той буде,
Шо до себе забѣрати
Тебе панъ прибуде...
Ты продана сестро, пану
За велику плату:
За двѣ сотнѣ карбованцѣвъ
И за стѣлько злата.
Усѣ гроши вже у мене...
Не журись небого!
Годѣ плакати, тужити,
Збѣрайся въ дорогу....“

V.

У панськомъ рыванѣ
Вже Гаю везуть,
И жалѣбно дзвонны
У селѣ гудуть....
Охъ вы дзвонны, дзвонны,
Годѣ вашъ гудѣть!....
Великомъ боѣ
Въ душѣ не будѣть....

Нехай спочивае
Все лихо на лиѣ,
Легше тоѣ буде
И вамъ и мѣнѣ....
Не згадуйте дзвонны
Вы лѣтъ молодыхъ,
Лѣта вже минули,
Не вернемо ихъ....

VI.

Гудуть дзвонны!.. Плаче Галя,
Плаче по родицѣ.
„Прощай село мое родне,
Любая крайно!
Прощайте любѣ дзвонны
Рѣдного приходу!
Прощай мамо! прощай тату
И увесь мѣй роде!
Я загину на чужинѣ
Безъ долѣ, безъ волѣ,
Поховають мое тѣло
На чужому полѣ...“

VII.

Ось богатый замокъ и тѣсовый ганокъ,
У будынкахъ пышныхъ панъ старый
сѣдять,
Нѣкого не має, одинъ позяхае
Передъ нимъ у грубѣ огонѣкъ горить.
Борода вся бѣла лягла на колѣна,
Очи, мовъ уголье у ночѣ блищать,
Голова вся сива, карлючкою спина,
На чолѣ высокѣмъ безпутя печать.
Замки заскрипѣли, дверѣ росчинили
Повбѣгали слуги, наче до царя,
И дѣвчину гарну привели до пана,
Хорошу, хорошу, неначе зоря. —

VIII.

„Отъ-се такъ дѣвчина! отъ-се такъ
калина!“
Голосомъ хрыплымъ обзаваясь
панъ,
„Чого-жъ смутна душко! сядися на
лѣжку,
Тобѣ я и грошей и усего дамъ.
Пѣдемо въ комнату, въ тѣсовую хату,
Ч. II. 2

Тамъ собѣ по волѣ будешь спочи-
вать;
Побачишь богато усякого злата
Тамъ будешь зо мною все гроши
считать....“

„Не хочу я пане,
Нѣ грошей нѣ злата,
Красче мѣнѣ дома
Полѣна щипати!
Красче мѣнѣ пане,
Спати на соломѣ,
Абы бачить ненью,
Абы бути дома....“

IX.

„Ходѣмо дѣвчино, ходѣмо рыбчино,
У мой богатѣ великѣи лѣхи,
Тамъ солодкѣи вица, тамъ гарнее пиво,
Ходѣмъ, покоштуемъ зъ тобою по-
троху....“

— „Не хочу я пане
Нѣ вина, нѣ пива,
И безъ ихъ я дома
Вѣкъ була счаслива.
Красче мѣнѣ пити
Зъ того броду воду,
Де я наповала
Батькѣвську худобу....“

„Ходѣмо дѣвчино, ходѣмо рыбчино,
Купимо хустину, купимо шовкову,
Габову запаску, и намиста вязку,
Купимо сапьянцѣ и юпку баѣву....“

— „Красча мѣнѣ, пане,
Одъ шовку ряднина,
У котрѣй я дома
Въ матерѣ ходила.
Красче мѣнѣ, пане,
Выбѣйку носити,
Абы въ своѣй хатѣ
Зъ ненею седѣти.
Не хочу я, пане,
Нѣякого краму,
Пусти зъ честью мене
До рѣднои мамы....“

X.

Огнѣ въ замку потушено,
Пана спати уложено....

Усѣ спали, почивали,
Що робилося не знали
Тѣлько въ замку щось стогнало,
Да чогось сова кричала,
Щось не добре вѣшовала;
Да у дѣсѣ вѣвки выли,
Вѣтры буйнѣи голосили.
А икѣ свѣту все мовчало,
И сова вже не кричала,
И сѣроманцѣ вгомонились,
Вѣтры буйнѣи ухонились,
Тѣлько въ замку щось рыдало,
Слѣзы гѣрѣкѣи проливало, —
Да про те нѣхто не знае....
Нѣчь собою все укрыла,
Стонѣ за вѣтромамъ распустила,
Слѣзы сонечко сушило,
А до серца — що за дѣло!
Нехай мовчки собѣ тужить,
Тихе лихо всѣмъ байдуже....

XI.

— „Птичко Божа! птичко Божа!
Ты всюди лѣтаешь!
Ты живешь собѣ на волѣ,
Неволѣ не знаешь.
Ты лѣтаешь и щебечешь,
А я сила плачу, —
Ты свѣтъ увесь оглядаешь,
Я й сонця не бачу!...
Лети птичко въ мое село,
У рѣдну краину,
Поклонись моѣй тамъ неньцѣ,
Що мене ролила,
Привитай мого татуса
Старого благого,
Скажи ему, що молюся
Я за ѣго Богу.
Скажи братовѣ, що гину
Не маючи долѣ,
Що рыдаю, погибаю
Въ роскошнѣй веволѣ.
Скажи ему, що за себе
Я его прощаю!
И на вѣки ему счастья
И долѣ бажаю.“

XII.

Усе село покійно спить,
 Усюди нѣчь, усюди тихо,
 Нїгде и листъ нѣ шелестить,
 Мабуть усюди спить и лихо!...
 Нехай ще спить, на що будять,
 Колибъ на вѣкъ воно заснуло...
 Такъ нѣ жь! встае усе и те,
 Що вже давнымъ давно минуло!
 Встають дѣла святыхъ людей,
 Встають и мученики правї,
 Встають грѣхи, встають на судъ
 Всѣ беззаконники лукави!...
 На судъ неволю воля зве,
 Читае вѣчныи скрижалѣ
 И правымъ праве воздае,
 А деспотѣвъ усѣхъ карае....

XIII.

Мине мѣсяць, мине другїй,
 Стара маги плаче,
 Старый батько вбивається,
 Що дочки не бачить.
 А братовї и байдуже!
 Живе, богатѣ,
 Не згадуе про ту душу,
 Що у замку ные...
 Нѣчь настала, щось у дверѣ
 Стукнуло въ хатину,
 И тихимъ голосомъ, скрѣзь слѣзы,
 Такъ проговорило:
 — „Прощай мамо! прощай нене!
 Голубонько сива!
 Помолись за мене Богу,
 Я вже въ домовинѣ!
 Прощай тату! помолись
 За свою дитину,
 Помолѣться всѣ за мене,
 Я вже у могилѣ!...
 Мене, мамо, беззачеено, —
 Не знесла я муки,
 И на пана и на себе
 Наложила руки....

А. Я. Кониській.

Полтава 24 Октября 1862.

ДО РОДИНЫ.

Ой що зъ тебе, — що зроблено:
 Жидамъ тебе запродано,
 Твои нивы поорано,
 Твои степы покошено,
 И могилы роскопано,
 И Сѣчь твою зруйновано
 Родино моя!

Въ наймы тебе заручено,
 На свѣтъ Божїй не пущено,
 Твою славу потоптано,
 Твою мову заедбано,
 Речи правды задавано,
 Думки — мысли придавлено
 Родино моя!

Твои ризы роздрано,
 И худобу роздбрано,
 Все — що мала — залучено,
 Зъ дѣтьми тебе розлучено,
 Усю тебе зграбовано,
 Святу волю зрабовано
 Родино моя!

За що жъ тебе такъ скручено?
 За що тебе замучено,
 Въ тюрьму за що посажено,
 И свѣтъ тобѣ завязано?
 И чомъ не рвешся ты на волю
 Изъ каторы, изъ неволи
 Родино моя!

Цвѣтень 1862 р.

УСЕ ПЛАЧЕ!

(*Д. П. Пильчикову*).

И ты плачешь, и я плачу,
 И усѣ мы плачемъ;
 Бо нїхто зъ насъ счастья-долѣ,
 Нї волѣ не бачить.

Вѣтеръ вые, трава ные
 И байракъ сумуе,
 Степь зеленый — половѣ,
 Сѣчь-мати пустуе.

Лѣсъ высокій — лѣсъ широкій —
И той зажурился,
Славуть сивый и шумливый
Слѣзами упився.

И могилы и долины
Разомъ почорнѣли;
Але давно ще, — такъ славно
Вони зеленѣли.

На дзвоницяхъ, — камяницяхъ
Кричить пугачъ „пугу!“
Вѣщуючи Украинѣ
И горе и тугу.

Воронъ криче, — козакъ плаче,
Скиглатъ сѣромандѣ;
Стогнуть дѣти козацькѣи
Зъ вечера и въ ранцѣ...

Стогнуть, плачуть и адыхають,
Вся Украина плаче;
Бо нѣхто зъ насъ счастья-долѣ
И волѣ не бачить. —

ПѢСНЯ.

(*Олень Михайловичъ Филоферъ.*)

Сиротою живу
На чужиноцѣ,
Слезы гѣрній лью
По родиноцѣ!
Зосталась тамъ родня
Моя любая —
Украина моя
Незабугая!
Тамъ и батько старый
Сивоушенькій,
Тамъ дѣвчина моя
И матусенька...
Якъ згадаю про ихъ,
Про неволеньку,
Про загубленную
Нашу доленьку;
Про бунчукъ, булаву,
Про гетьманщину,
Про ту волю лиху,
Про казачщину:

Стане тяжко мѣнѣ
На чужиноцѣ, —
Слезы лью, слезы лью
По родиноцѣ...

НЕ ПРИЗЫВАЙТЕ ВСУЕ БОГА!

Не призывайте всуѣ Бога,
Не призывайте вы Христа,
Не оскверняйте вы стягого
Животворящего хреста!
Христось учивъ народъ любити,
И за народъ Христось страдавъ;
А вы грабуєте освѣту
И те, що Богъ народу давъ.
Христось носивъ вѣнецъ терновый,
Святую кровь свою проливъ,
Своею смертію святою
Народъ зъ неволѣ искупивъ,
А вы народъ рабомъ зробили,
Братѣвъ за гроши продали,
Народъ у терніяхъ водили,
И потъ и кровь его пили.
Не христіане вы! — Іуды!
Цѣлуєте вы хрестъ святой,
А хрестъ народовѣи на груди
Що-дня вы кладете тяжкій.
Вы гѣрнѣ Іуды!. Той вдавився,
Вы тыми грѣшми живете,
Що меншій братъ для васъ трудився,
И брату жить не даете!..
Не призывайте жъ всуѣ Бога,
Не призывайте вы Святого,
Не оскверняйте вы Святого,
Животворящего Хреста! —

НЕ ВѢРЮ КЛЯТВѢ Я РАБА.

Не вѣру клятвѣ я раба;
Бо правды рабъ не знае,
Не вѣру я слезамъ раба;
Бо слѣзъ въ раба не мае.
Не вѣру я рабамъ-панамъ,
Бо вѣры въ ихъ не мае,
Вони давно свого Христа
На идолѣвъ змѣняли.
Не вѣру панськѣи добротѣ;

Бо сердца пань не мае,
 Правдивый зъ серпецъ чоловікъ
 Братовъ не обяжае.
 Кажу: не вѣру я панамъ,
 Вони нѣ въ що не вѣрятъ,
 Вони зъ жѣнками, и зъ дѣтьми,
 Зъ собою лицемѣратъ!
 Се фарисей нашихъ днѣвъ,
 Только хрестомъ покрытй,
 Брехнею спутани кругомъ,
 Неволею повитй.
 Не той ихъ Богъ, що въ небесахъ,
 Що на хрестѣ распятй,
 Ихъ богъ брехня, ихъ гроши богъ,
 Ихъ богъ — ихъ рабъ богатый.

ДО В. В. ЛОБОДЫ

Де ты друже? де ты брате?..
 У невольнѣй седишь хатѣ,
 У затворахъ изнываешь,
 За святе — святой страдаешь.
 За народню справжню долю
 Узяли тебе въ неволю,
 Батька зъ дѣтьми розлучили,
 Жѣнцѣ сердце отруили...
 И за вѣщо тебе брате
 Мучить ворогъ благодатй?
 И за вѣщо милый друже,
 Розтерзали твою душу?
 Не журися, укрепиися,
 Не журися брате!
 Чась настане — Богъ устане
 На лютого ката!
 Судомъ правымъ, не лукавымъ,
 Богъ усѣхъ розсудить,
 Розобѣ тяжки найданы,
 Розѣврутся пута!
 И по Божому глаголу
 Устануть Славяне,
 Воцарится правда, воля,
 А кривды нестане.
 И здивуются лукави,
 Окаянни люде;

Стануть каятися, да пѣзно,
 Воротья не буде.
 Овѣмѣють окаянни,
 Замокне ихъ слово,
 Не посмѣють апостоловъ
 Вони сивернословить.
 А озвутся — грѣмъ ударить,
 Замокне ихъ слово,
 И пожре огонь лукавыхъ
 Дѣтей Вавилона . . .

Полтава. 1го Октобрія 1862 р.

НА СМЕРТЬ Я. Г. КУХАРЕНКА*)

(Степану Як. Кухаренкови).

1.

Чого, чого въ Черноморьи
 Въ усѣ дзвонъ задзвонено,
 Въ таламбисы забубнено,
 Въ сурмы-трубы затрублено?..
 Чого, чого въ Черноморьи
 У гарматы ударено,
 У ружницѣ запалено,
 Такъ жалобно заплакано?..
 Чого, чого полки идуть
 Такъ жалобно зѣтхаючи,
 Такъ голосно рыдаючи,
 Труну слѣзми обливаючи?..
 Чію, чію труну везуть,
 Кого въ труну положено,
 Кого въ житѣя подкошено,
 Зъ божимъ свѣтомъ розлучено?..

2.

То задзвонено по хозяйну
 Чесному и замѣжному,
 До воленьки прихильному,
 Вѣрному, непохибному,
 По славному по отаману!..
 То забубнено, затрублено
 По бравому панцернику,
 Храброму характернику,
 Не зраднику, а пораднику

*) Кухаренко бувъ щирый Украинець, Черноморскій Генералъ. Умеръ въ первыхъ дняхъ Листопада 1862 р.

Свого краю служь вѣрному!..
 По любому, по батеньку
 Заплакали, рыдаючи,
 Надвѣньки не маючи,
 Ворогѣвъ проклинаючи,
 Чорноморськи всѣ козаченьки!..

3.

Заплакало Чорноморье,
 Сьчь заголосила,
 Предковская ёи слава
 Лежить у могилъ.
 Заплакали очереты,
 Зашумѣли лозы...
 Выливайтесь слова мои,
 Выливайтесь слезы!
 Плачте, плачте козаченьки,
 Плачь вся Украину;
 Бо не стадо найкращого
 Козацького сына!
 Нехай гудуть сумно дзвоны,
 Голосять гарматы,
 Вже не буде Кухаренко
 Козакѣвъ скликати.
 Вже не встане орелъ сизый
 Коруговъ подняти...
 Ой хтожь буде Чорноморцѣвъ
 Теперъ ратовати!..

4.

Чорноморцѣ, брати мои!
 Подборкани орлы мои!
 Зберѣтесе у громаду,
 Да порадьте власну раду:
 Що безъ батька намъ робити,
 Якъ намъ лихо задавити?
 За Кубань васъ выселяють,
 Край вашъ рѣдний одбѣрають,
 Скасовують вашу долю,
 Якъ овецъ женуть въ неволю...
 Хтожь теперъ за васъ озвется,
 Словомъ правды одкликнется?..

Сами братья уставайте,
 Свою матѣрь выручайте,
 Краще братья всѣ умрѣте,
 А воленьку боронѣте;
 Не то!.. батько изъ могилы,
 Якъ почуе вражу силу,

Що вона у вашѣмъ краю
 Ваше право занедбала:
 Вѣнъ устане васъ карати,
 Зрадниками дорѣкати:
 И на того проклѣнь ляже,
 Хто ворогу не докаже,
 Що жива ще ваша доля,
 Що не вмерла ваша воля,
 Що вы справдѣ сыны шири
 Чорноморья й Украины!..

10 Листопада 1862 р. У Полтавѣ.

ЖУРБА.

Не хочу я, щобъ люде знали,
 Чого душа моя бажае,
 Чого такъ нудитсе, болить,
 Чого ёй тяжко въ свѣтѣ жити.

На вѣщо людямъ тее знати,
 Що мусить жалю задавати!..
 На вѣщо имъ казати про те,
 Що въ мене высшее святе?

Замѣсто широи утѣхи,
 Бувае стрѣвнуть гѣркимъ смѣхомъ
 И вразить сердце ажъ до дна..
 Чужа печаль усѣмъ смѣшна.

Чужее лихо всѣмъ байдуже!..
 Нехай же мовчки сердце тужить,
 Нехай мовчить — кого коха,
 Нехай мовчить — чого бажа....

ПОКРЫШКА

Жено, жено! усѣ тебе
 Покрышкою дорѣкають;
 Всѣ одъ тебе утѣкають,
 Головами всѣ кивають,
 Якъ зустрѣвнуть жено тебе...

Щожъ ты, жено! имъ зробила?
 Нѣхто того не пытае,
 И нѣхто про те не знае,
 А тымъ тѣлько дорѣкають,
 Що дитину ты родила...

Сестро-жено! не журися!
 Ты свѣй грѣхъ вже тымъ скупила,
 Що такъ широко ты любила,
 И зъ любви тебе згубила...
 Не плачь сестро, и молися!..

Нехай люде тебе судять
 А Господь тебе прощає,
 За любовь грѣхи знимає,
 За любовь у рай пускає...
 Одни люде любовь гудять

СИРОТА.

Кругомъ куряво лягає
 По битѣй дорозѣ;
 Пѣдъ вербою сиротина
 Утирає слѣзы.
 Безбатченко, босый, голый,
 Роду бѣть не знає.
 До прохожихъ, до проѣзжихъ
 Руку простягає.

Христа ради людей молить,
 На хлѣбъ ему дати,
 И одъ смертї голоднои
 Просить ратовати.
 Люде вдутъ и не чуютъ,
 Сироту минають...
 Даромъ слѣзы сирѣтскїи
 Землю полпвають.

О Ч И.

И на що, Боже, очи чорни,
 Таки ясни, таки моторни
 Ты показавъ отъ-сѣ мѣнѣ?
 Хиба на те, щобъ сердце мѣло,
 Душа, кохаючи, болѣла
 И разъ у разъ пеклася въ огнѣ!
 Ажь знаєшь ты Святый, Великий,
 Якъ тяжко серденьку любити,
 Коли въ одвѣтъ любви не ма?
 Тай на що жить тодѣ на свѣтѣ,
 Коли вже боязко й любити,
 Коли любовь, якась, мана?
 Пошли Ты такъ, щобъ до могилы

Мѣнѣ очицѣ сѣ свѣгили,
 Тодѣ не жаль и умирать,
 Коли жъ на те я, Боже, очи
 Огъ-сѣ уарѣвъ ясни-дѣвочи,
 Що бъ цѣлый вѣкъ просумовать:
 То краще вырвать сердце зъ тѣла,
 Або зробить, щобъ зкаменѣло
 И бѣльш не важилося любити,
 А то колибъ одъ болѣ й муки
 Не наложить на себе руки...
 И годѣ дурно въ свѣтѣ жить.

САМА ДО СЕБЕ.

(Ганнѣ Миколаевнѣ С...).

Насадила на городѣ
 Зеленой руги,
 Не на счастье, на недолю,
 На гѣрьюку отругу.

Нехай цвѣте нехай спѣе,
 Бѣльше силы буде;
 Пора прїйде — я напысю
 И жити не буду.

Жить не буду и забуду,
 Що я сердце мала,
 И своего сердца горячого
 На цепь не ковала.

Жить не буду, и забуду,
 Що змѣнить не вмѣла,
 Що кого разъ покохала —
 Того вѣкъ любила.

Жить не буду и забуду
 Тѣ карые очи,
 Що колисъ я цѣловада
 Въ любя середь ночи.

Жить не буду, все забуду,
 На що споминати?
 Безъ споминокъ легше буде
 Въ могилѣ лежати.

Тамъ не будутъ дорѣкати
 Мѣнѣ сердцемъ люде;
 Тѣлько зрады невѣрного
 И тамъ я не забуду...

НА ПРОЩАНЬЕ.

Г. М. С.

Ше година, ше хвилина
 И васъ вже не буде,
 Забдете вы далеко,
 Тяжко безъ васъ буде.
 Стане вечеръ и приду я
 Зновъ у бѣлу хату,
 И почну я теплымъ словомъ
 Про васъ споминати.
 Нагадаю про-ту пору,
 Якъ вмѣстѣ сидѣли,
 Якъ дивились пильно въ очи,
 Якъ слова нѣмѣли,
 Якъ спорились, якъ сварились,
 И якъ ворожили,
 Якъ смѣялись, пустовали,
 Якъ въ школу ходили;
 Тѣмъ горы Павлейскіи,
 По котрымъ ходили;
 Тѣ дорѣжки узенькіи,
 По котрымъ блудили;
 Усе тое я згадаю,
 Згадаю Ганнусю...
 Нагадаю, зарыдаю,
 Тяжко зажуруся...
 Споминайте и вы мене
 И бѣлую хату,
 Споминайте невеличку,
 Да щирю громаду.
 И на память, у садочку,
 Щобъ насъ не забути,
 Насадѣть вы барвѣночку,
 Любистку и руты;

Якъ барвѣночекъ почорнѣе,
 Зелѣнѣть нестане, —
 То примета, що вже мене
 На свѣтѣ не мае...

МОЯ ЛЮБОВЬ.

(Ганнѣ Викентьевнѣ П. .)

Була пора — знававъ и я
 Лѣта веселы паробочи;
 Була пора — любивъ и я
 Дивитися въ блакитни очи!
 Була пора — не разъ и я
 Безъ сну одинъ проводивъ ночи;
 Не разъ слѣзми вливавъ и я
 Черезъ пѣснй весели дѣвочи.
 Була пора — и въ мене кровь,
 Мовъ хвиля въ морѣ, бушовала,
 Була пора — я знавъ любовь,
 Була пора — и мене кохали!..
 Теперь не те — друга пора,
 Друга любовь теперь настала;
 Любовь до волѣ и добра
 Мене на вѣки закохала.
 И важше сѣя, нѣжъ та, любовь,
 И душу и сердце роздирае,
 И гѣрше сѣя хвилюе кровь,
 И гѣршу тугу навѣвае.
 Уже сю любовь не вдовольнишь,
 Нѣ поцѣлуемъ, нѣ коханьемъ,
 Тутъ больше мукъ и слѣзъ терпншь
 Одъ безконечного бажанья...

Ө. Веривола.

ЦѢСНЬ БЫВШОГО ПОДДАНОГО.

Дѣти мои милы, любезны соколы,
 Позрите, якъ тяжко въ ярмѣ тягнуть волю.
 Не додавна и мы такъ тяжко робили,
 Ахъ, насъ непрестанно на панскомъ трапили.
 Мы дармо робили, тяжко працювали,
 Во ани ани ночью покоя не мали.
 Робили мы бѣдны отъ свѣта до мраку
 За подду чверточку скленяного знаку.
 Горьки прегоречны были наши працы:
 Чести намъ не дали ани жадиой плацы,
 Але, слава Богу, зломилося ярмо,

Въ котромъ мы якъ воли тягали задармо.
 Слава Богу грозны законы устали,
 А намъ чловеченства право святе дали.
 Скончалася нашихъ прадѣдовъ покута,
 Ярмо поламане, поторганы пута.
 Богъ далъ равноправность, святую слободу,
 Сонце правды свѣтитъ русскому народу —
 Тоты божи дары, дѣти, сохраняйте,
 До ярма запрягчи никда ся не дайте!
 Волите и саме житѣя утратити,
 Якъ въ нечастномъ рабствѣ на томъ свѣтѣ жити.
 Жййте дѣти честно, Бога прославляйте,
 Храните свою власность, чуже не жадайте,
 Працовито свои управляйте поля,
 Счастлившя якъ наша буде ваша доля.
 Вамъ буде о много легше якъ намъ жити,
 Старайтесе силы розума розвити!
 Развивайте въ сердцахъ чувства побожности,
 Развивайте почки русской народности!
 Вѣра да народность — блаженности мати
 Духомъ русскимъ велить Бога прославляти.
 Азбука священна отцовъ сокровище,
 Она намъ всѣмъ мати, для насъ прибѣжище;
 Азбукою ваши умы просвѣщайте,
 Для ней жизни вашей цвѣты посвящайте.
 Азбука священна жизни нашей мати
 Въяцемъ славы будетъ Русскій родъ вѣнчати!

Александръ И. Павловичъ.

БУРЛАКЪ.

Ноки мой батько жилъ,
 Добрый я газда былъ;
 Якъ отца нестало,
 Газдовство прѣпало,
 Я вшитко пропилъ.

Подлый я газда днесъ,
 Ганьбюся яко песь,
 Хожу оторганный,
 Бридкій, заваянный —
 Я ги циганъ днесъ.

Я уже не знамъ,
 Что чинити мамъ,
 Ахъ нѣтъ съ чого жити,
 Где ся маю дѣти,
 Ни мня гевъ, ни тамъ

И самъ не знаю,
 Где долги маю:
 Съ каждой страны просятъ,
 Долги листы носятъ:
 Давай гроши намъ!

Но я силу маю,
 И робити знаю,
 Буду честно жити,
 И на хлѣбъ робити,
 Что псота знаю.

Ахъ я блудно жилъ,
 Непрестанно пилъ;
 Перестану пити,
 Во груди ся бити:
 Бо я согрѣшилъ.

А. И. П.

ДУМКИ ИЗЪ БУКОВИНЫ*).

I.

Мавъ я рожу бѣлу, красну,
Цвѣла въ день и въ ночи,
Полюбивъ я одно дѣвча
Черезъ черны очи.

Перестала моя рожа
Цвѣсти бѣло, красно,
Перестали мои очи
Тай сіяти ясно.

Якже рожѣ красно цвѣсти,
Осѣнь приближае,
Якже оку та сіяти
Сердце омѣвае.

II.

Ты дѣвчино молоденька,
Чомъ ты такъ сумненька,
Не смутися, не тужи ты,
Бо шещь молоденька.

Якъ же менѣ не тужити,
Що наймильше мѣ мала,
То ѡтъ мене могилонька
Та чорненька взяла.

Могилонько! ты сумненька
Я далѣ загину,
Прійми, прійми до хлопчины
Молоду дѣвчину.

III.

Дѣвчинонько ты маленька
Мила дѣвчинонько,
Чогожь ты ся засмутила
Бѣднажь годовоенько?

Приславъ милый соколонька
Изъ далекихъ сторонъ,

Вже му краче надѣ головковъ,
Черный, темный ворожь.

Якъ менѣ ся не смутити,
Сердце роспукае,
Дѣвчинонька незмѣренны
Слезы проливае.

IV.

Ой прійшовъ я до ворожки
И ставъ ей пытаги:
„Чи могу я дѣвчиноньку
Ту малу кохати?“

„Ты хлопчино та маленькій,
Хочешь ю кохати,
Маешь менѣ хотъ талари
За чароньки дати.“

„Дамъ ти, дамъ ти ворожитко,
Десять, не одного,
Злучи, злучи съ дѣвчиноньковъ
Хлопца молодого.“

Далажь менѣ ворожитка
Любистку листочокъ,
И казала зъ барвѣночку
Заплести вѣночокъ.

Той листочокъ дѣвчинонцѣ
Дѣ сердцу притулито,
А вѣночкомъ зелененькимъ
Головку ей жкрыти.

Ворожитка, та старенька
Добры чары мае,
Дѣвчинонька молоденька
Уже мя кохае.

V.

Ой ворона чорнокрыла
На могилѣ краче,

*) Съ правдою радостію витаецъ тѣм думки не ино для того, что суть такъ прекрасны. але же къ тому сочинены они православныхъ священникомъ на Буковинѣ, — въ той Буковинѣ, которая хоти есть частію святой земли русской, но до того часу отъ православныхъ сыновъ своихъ правъ не участвовала еще въ подвигахъ литературныхъ прочей Руси. Тутъ въ первый разъ православный изъ Буковины присылаетъ намъ первоцвѣты своего поэтического труда, въ которомъ дабы и надалъ съ успѣхомъ подвизался, ны ему усердно желаемъ. — Изд.

А въ дѣвчины сиротины
Та серденько плаче.

Козаченька молодого
Ой Татаре вбили,
Середь степу, мертве тѣло
Воронамъ лишили.

Заржавъ, заржавъ пѣль оконцемъ
Коникъ вороненькій,
Погибъ, погибъ Маріанко,
Козакъ молоденькій.

Съдай, съдай Маріанко
На мня молодого,
Полетимо поховати,
Козаченька твого.

Разомъ съ вѣтрѣмъ вороненькій,
Степами лѣгаетъ,

Дѣвчинюнька молоденька
Зъ жалю омѣвваетъ.

Зачавъ коникъ вороненькій
Копытомъ топтати,
Своу пану, козаченьку
Ямоцьку копати.

Козаченька молодого
Сыровъ земель вкрямъ,
Верхъ могды высокои
Крестницѣ положили.

На могилѣ та ворона
Чорнокрыла краче,
А дѣвчина, сиротина
Безкощесно плаче.

Исидоръ Воробневичъ.

СПѢВАНКИ ГУЦУЛОВЪ*).

І. Про знесенє панцины.

Ой у тои Коломѣ дубовая брама,
Заказала ту панцину контролева мама.
А молода контролева ничого не робить,
Съ хлопцями се¹⁾ записала, въ вербеццрѣ ходитъ.
Ой она се заказала и хрестъ закочала,
Тогда паны за панциновъ ревно заплакали.
Куеть, летитъ азудочка у ладеній край, край,
Бо занесла панциночку на тихій Дунай;
Ой занесла панциночку съла спочивати,
Стьемлила се лянци-цѣпки, ядъ бачувати.
Не бачуйте вы панове! мы того хотѣли,
Ой мы вамъ се наробили, не мали жь въ васъ вѣры.
Мы не виѣмъ молотити, наши жѣнки жѣтѣ²⁾,
А якъ будемъ у сѣй Цольшѣ дѣперечки жити?
Хлопъ умѣ молотити, хлопъ умѣ жѣтѣ,
Даютъ паны даютъ гроши, не хотѣ³⁾ робити.
Ой дай Боже здоровьечко нащему Царени,

*). Спѣванки тѣхъ, сочинены народнымъ геліемъ Гуцуловъ по случаю событій 1848 и 1849 года, поюцца въ околицяхъ Коссова. Подѣлаемъ ихъ тутъ съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ отличительныхъ примѣтъ гуцульского нарѣчія, поспаяючи тѣхъ примѣчаніями Г. Книгинцоваго на свосѣмъ мѣсци.

Изд.

1) Се вылавляе Гуцуль вѣсто с я. — 2) Самогласны А и Я въ тыхъ случаяхъ, где они отповѣдають старославянской носовой а (ѣ), звучатъ у Гуцула рѣшительно якъ Ѣ. Навѣтъ въ случаяхъ, где наше Я отповѣдае старославянскому ѣ, выголошуе Гуцуль иногда якъ Е, на пр. е ко вѣсто яко; есно ви. ясно. — 3) хотѣе вѣсто хотятъ.

Шо давъ полехиначку нашому краеви.
А дай Боже! здоровечко и нашой царёвнѣ,
Ой то же насъ изробила зъ панами на рѣвнѣ.

II. Про войну въ Угорщинѣ.

Загадала Ниталія Кѣсарика вбити,
Та хотѣла усѣ гверы каплями палити.
А якъ прійшовъ панъ Радецкій, та не много радивъ,
За два, за три часы добрый Ниталію зладивъ. —
Ишовъ, ишовъ та панъ Кѣсаръ зъ мѣста Кромеричу,
Бо онъ мае на серденьку велику огрызу,
А не тмѣй!¹⁾ огрызу мае, шо не мае шо вѣсти,
Але тмѣй угрызу мае, шо не матъ де сѣсти²⁾.
А онъ мае вѣсти, пити, не пріймае трунокъ,
Бо онъ пише до Москаля: ставай на ратунокъ!
Москаль ему ѡдписуе, шо я пойти, пойдю,
Менѣ нишо Венгершины бит' лишь до ѡбѣду.
Шобы були удѣли³⁾ наши сапоньеры⁴⁾,
Якбы не бувъ приславъ Москаль свои каноньеры?
А якъ приславъ свое вѣйско и свои гарматы,
Ажъ тогда се урадовали всѣ наши камраты:
Якежъ було файне мѣсто, яке було ладне,
Якъ оно се называло? отъ вѣдавъ Комарне.
Якежъ було файне мѣсто, муромъ наокола,
Нѣхто его ба не розбивъ лишь Москаль Никола.
Ой якъ яли у Комарнѣ кульками бринѣти,
Заплакали у Комарнѣ и маленьки дѣти.
А якъ яли у Комарнѣ кульками свистати,
Зачѣли ся у Комарнѣ муры розсыпати.
Якъ убили старый косціолъ и середну браму,
То вynesли⁵⁾ передъ вѣйска бѣленькую фану.
А якъ вѣйшовъ старый Венгеръ, зачѣвъ ся просити:
А даруйте люде добрый свѣта, не будемъ се бити.
А якъ вѣйшовъ старый Венгеръ, а впавъ на колѣна:
А даруйте люде добрый! дамъ бутельку вина.
Мы не прійшли, ты Кошуте, твое вино пити,
Але прійшлисмы, ты Кошуте, твое житѣе взѣти. —
Перебили'мъ бай Кошута, шье⁶⁾ кобы то и Бима,
Тогда бы намъ, гей камраты! шьеслива⁷⁾ година.
Перебили мы Кошута, шье кобы то Турка,
Отакъ Кошутъ той утѣкавъ, якъ зъ лѣса вевюрка⁴⁾).

Сообщилъ Александръ Клягиницкій.

¹⁾ Тмѣй значитъ: у тому, для того. — ²⁾ Резулѣт, шо не мавъ Царь спокойного и сталога мѣстца, но мусѣвъ зъ одного мѣста до другого переходити. — ³⁾ Удѣли вл. удѣли. — ⁴⁾ Презрительна назва пѣшихъ воиновъ. — ⁵⁾ Вы - Гуцуль вымаване ту якъ вл (wi). — ⁶⁾ Шье вл. ше, еще. — ⁷⁾ шьеслива вл. счастлива. — ⁷⁾ Вевюрка иначе называеся у Гуцуловъ также бѣлиця.

ШКОЛЯРЪ,

розсказъ Гриця Саламахи, реентого и писателя наукъ изъ Цапова.

(Конецъ)

V. Бердега.

А сли несподѣванымъ прибытьемъ Бучка Юрїи перепудился не мало, знову настрахалася тымъ паня Чепѣжиха въ дѣвчи тѣлько. Ви бо ту ходило не лише о тайну сердца, котрой передвчесное выявленье было бы ей цѣло не на руку; но и о другую, въ ей очахъ не менше важную тайну, дотыкающую того, шо она не лише передъ очима людей, но и передъ самовъ собою и праведнымъ солнейкомъ глубоко въ землю ховала. Заперла и засунулася шо-стигла, въ покою, поприкрывала суммы, а потому тихцемъ въ мѣшки и горниці складати ихъ ялась. Дальше и выйшли наши, а до панѣ Чепѣжихи сталъ духъ чѣмъ разъ смѣльшій ступати.

„Гмъ“ — гадала, то мормала собѣ наша паня — „кобъ не той навѣдженный Бучко! былъ бы може мѣй плохенькій соколикъ поволи выхопился съ якимъ теплѣйшимъ слѣвцемъ. А лежъ бѣднятко неслѣное, гей тая четырнадцать-лѣтная дѣвчинка. Но правду сказавши, и не дивота! Ось сиротятко ни тата, ни мамы; — где ся лишь оберне, всюда самыи самолюбъ, выдридушники, камѣнныи сердца; та и гадае, шо и я лише свѣй хосенъ маю на тямцѣ. Ой! кобъ то оно прочитало въ моѣмъ серденьку, шо лише для него самого такъ сильно толчеся, осмѣлило бы ся оно, та заговорило бы широко; — та чей и прїйде тотя часинка, где проговорить. — Бо, цы найшолъ бы ѓнь где въ свѣтѣ лучшой долеики для себе? — Може яля молоденька горличка? — До чога то? Мѣй зачитанный книжникъ не любитъ и дивитися на такую пустоту. Бо и шожь въ тѣмъ такъ великого, гладшая скѣрка, або густѣйшое волосье? — ось хйба клопѣтъ та нужда! — Такое хотѣлось заразъ, шо бѣ коло него мовъ коло тои павы вѣчно веретеномъ обертатись; шо бѣ мѣй паничикъ, кинувши у кутъ всѣ свои книги та письма, всѣ свои

звычай, весь часъ лише про ея суету журился, та изъ всего свѣга — Богъ вѣдае — чого на грѣшное ея тѣльце насилуваць. — А гдѣжь бы такое хахлятко знало всякое бажанье мого князика отгадати, цы бѣленькое шматье вразъ-вразъ готовить, цы вонное цигарко пѣдъ руку пѣдложити, цы вкусного лакѣтка по ставити, цы за моймъ паничкомъ, якъ треба, парасолю або калоши послатоньки; цы зналобъ, цы хотѣлобъ оно все чистейко, хутнейко вылагодити? — А може ще яка выглажена дрань, же потому мого цвѣтонька нужда напосѣлабъ, та звянуць бы передъ часомъ, мовь маленькая рожа ѡтъ пекущего морозу! Нѣтъ! ему не такіи недовареныи, надутыи, а въ се-, рединѣ пусты пѣнавецъ! — Ему треба особы ученои на всякую всячину щобъ знала вхопити за горяче и змине, щобъ поставилась всюда за мого паничка, щобъ хухала на мое незнати-що, щобъ му не дала и чимъ потрудитись, щобъ мала и за що всего постаратись; бо свѣтъ нынѣ лихій, тисне изъ всѣхъ бокѣвъ, а моя дитина не бувала, деликатна, красная, та лише Варвара подужае, щобъ ея чѣчко дѣзнало счастья пѣля ея серденька. — Най но ѡнъ лѣпше навывае до гдѣякой выгѣдки, за котру я все на самъ добрый часъ постараюсь, то певно ему не схочеса, того ѡтстрадатись. — Та то хотьбы и дурному скажи! Онъ розумный, та видко уже и цѣзнае, е поводи ще бѣльше змѣркуе, же не всё золото, що ся свѣтитъ, та що лише одна Варвара придасться до его звычайности та его туземного счастья. — Адежь и для мене! — Богъ видно самъ такъ хотѣлъ, же и съ моймъ красненькимъ майномъ доси никому змантити не далася. Правда, и ѡнъ троху любить роскидати гроши на якись тамъ книжки; но съ часомъ прійде оно и лѣпшій розумъ; а ѡнъ и такъ такий плохій, то не буде и съ тымъ дуже намагатись. А який ѡнъ знову за тое звычайный, привѣтливый, який отратный! якъ въ бесѣдѣ чемный! — жарное слѣвце не выйде му зъ уеть! — якъ на всяку пустоту беспечный! — А який миленькій! око сине, — задумане — кучерочки темныи — усикъ щось ино порѣсь пухомъ — личко меланхолійное, интересное, ручка вругленька, мовь точена — нѣжечки дробненьки! — Нѣтъ! иначе не буде и быти не може! самъ Господь сотворилъ его такимъ для мене! Юрій мой, хочъ бы за тымъ и пропасти!“

Такъ потѣшалася наша паня, та стала думати, якъ бы то своего хвати знову къ собѣ складно привернути.

Симъ часомъ пустилися наши съ билетами запрацающими на вознажѣренное зрѣлище. Но короткомъ тепломъ дощику и малой громовицѣ задсьво недѣльного оногo пополудня поголивое небо. Зъ окрестныхъ дебрѣвъ загуляли по Львѣвской долинѣ охочіи потоки, та стали полокати наше мѣсто изъ неприязныхъ пороховъ та смѣтъя; красивыи улицѣ мѣста выпратаны и вычищены мовь просторный салонъ, оставляли вольный видъ на гарни

формы домовъ и церквей; зъ поблизкихъ лѣсовъ завѣло отъ темнолистныхъ деревь и различно украшенныхъ цвѣткѣвъ, вымытыхъ шо-ино изъ всякого порошку, бальсамный ароматъ. Премноги мѣсткѣи пугеходцѣ квапились веселымъ умомъ на оныя прїязны мѣстца и съ нашими хватами стрѣчались; а были то бѣльшою частію члены середной и нижней классы, люде работащїи, шо лишившия въ той день щодневныхъ орудокъ, высыпались теперь роями изъ мѣста, всякій въ одежи святочной, видомъ веселый, надѣю полудневногo счастья озаренный. Тамъ то всякій жене, всякій ся квапить, всякъ показуесь: кто съ своею новою люлькѣю, кто съ завѣшеною на бакеръ шапкою, кто съ новыми, зъ пѣдъ старомодного сурдута добре показуемыми чобѣтками; тамтой ось кокетуе съ киточкою прекрасныхъ цвѣтѣвъ, та бѣжить съ нею, узрѣвши Свою, счастливый, же може задертыи троха носочокъ своего земногo божества прїязною, вонеею подрочити. А сей ось ремѣсникъ шо такъ поважно спорую черевчину перезъ собою двигаетъ, — шо за красный вѣнокъ родинный пригортаеся къ нему! Задеръ голову до горы, та зъаламушнѣлъ, же челяди оскома на его дѣвчатка. Гей всѣ вы, шо сей пѣль-днини гадаете надолужити пѣлотыдневую тяжевькую працю, шо сего пѣль-дня такъ живо гоните за счастье, шо для всякого готовый усмѣхъ маєте на устахъ, шо до всякого нынѣ радо пристаеете, всякому знаеете сказати доброе, веселое, широе слѣвце; до васъ кличе нынѣ изъ широга сердца и Григорїй Саламаха: „Веселой забавы!“ — божъ тяжко вы на ню весь тыжлень працювали, много о ней шесть долгихъ день лумали, немало и нынѣ про ню ся кутали. Радуйтеся недалгимъ счастье; бо Господъ съ працею, а то лише съ працею подрузилъ и счастье.

Наши билетносцѣ не много зважали на гонящихъ за радостію, хотя идучи изъ самого прїязнѣйшого Львѣвского перемѣстѣя, немало пускающихся ко тѣннстымъ галямъ тамтыхъ сторонъ стрѣчали; они квапились за своимъ, та бѣгли. Юрїй зажуренный, якимъ бы то слѣвцемъ по первый разъ до обоженного нимъ существа промовити, радъ былъ тому, же перезъ запроснцами у Путницкихъ численны домы въ самѣмъ мѣстѣ облетѣти мали. Но, коли уже стали тѣсны обнятія мурѣвъ за собою лишати, коли заблїстала имъ высоко въ воздухахъ величавая святоюрская баня, коли лишивши гостинець, запустилися крутою улїчкою межъ вонны сады, и ту перезъ ними указался высокій синїй столпъ дыму, добывающогося изъ хаты Оленѣ, затревожился Юрїй и лишился далеко за Бучкомъ.

„Потревай-н хочъ трѣнѣчка, най собѣ наряджу лѣпше хустку, бо мы гнали, мовъ тыи шевцѣ на ярмарокъ — пѣдожди-но!“

„Но уже?“ „Сей часъ! — лишень порохъ зъ чобѣтъ. . .“ „А шо же еще?“ „Уже, уже! — еще капелюхъ.“ „А теперъ шо?“ „Роспался . . . уже.“ „Славити Господа!“ „Ось, якъ мї волосья роскудлалось!“ „Ха ха! а цы не ма еще шо?“

„Уже, уже — ходѣмъ! — Але цыть! видишь ты?“ озвался придрушенымъ въ собѣ голосомъ Юрій — „дивиси, молю, дивись!“

И взяли наши скрѣзь парканъ заглядати на огорождъ и подвѣрье Олены. За грядками рѣсного бѣтъвина стояла на подвѣрью середь деревини маленькая Олены на сестричка, а въ-коло неи парпали, дерлися, вертѣлись и шварготали куры, индики, качата и гуски. Що кине малая межъ птахи дробненькою жмѣнкою зерно, сварятся, троняють и ближе ся тиснуть. Она пѣймае що красше, голубить до себе, глаше, пестить и пригортае, то знову пустить и съ другамъ бавится, щебече. А красныи тыи сварливыи пгички даются пѣймати ѳтъ рясної стравы и пріймають охочо пещенье маленькой ихъ панѣ. Но ту якійсь голосъ изъ хаты роздался; голосъ ще не чутый ѳтъ Юрѣя; но не треба ту того; ухо его заправне ѳтъ разу пѣзнало, же лише дѣва-ангелъ може нимъ володѣти. Слухае восхищенный, тай въ души глубоко ховае нугу и слѣдующии слова:

Зѣвзидилъ я коника,
 Зѣвзидилъ вороного
 За тобовъ милейка,
 Ци буде що зъ того?
 Ой цы буде, ой цы нѣ?
 Скажи сердейко менѣ!

Цы чуль ты коли, любезнѣйшій читателю, прѣстонародную тую пѣсню, выходящую изъ чистой груди рускои дѣвицѣ? Чуль ли тужливый зойкъ пречудесной той нуты, якъ то ѳнъ звенить миленько зъ разу, а чимъ разъ зослабѣвши, при кѣнци въ послѣднѣмъ моль мѣле! Пѣсня прекрасна! Но лишь грудь рускои дѣвы ѳтдасть ю въ природной, чистой, чудесной красотѣ. Гей вы молодшии та небувалыи изъ любезныхъ читателейѣвъ, если почуваетеся хочъ до одробины якого чувства, а хотѣлибъ супокѣйно по ночахъ почивати, утѣкайте драпцемъ ѳтъ мѣстця, где заводить руская дѣвица. Бо ти ось сяде, буцѣмъ запуджена, та запополнися; сяде, очка въ дѣль, рученьки на подолку; та мовь не гадае за то, що спѣвае, бавится рубцемъ стяжки; — пышенятко отворить несмѣло, и загомонить ти въ уху, мовь бы ся просила, голосомъ не ученымъ, якъ лише ѳтъ матери природы; пѣсни мовь ничо не додае личной прикрасы, а тамъ, где пѣсня гуде съ шумомъ, мягонько запестить, а где туга заводить, хутко перелетить; а такъ гдесъ не знати якъ надрочится съ тобою, приглаше, голову заверне, же ти твое сердце на гойдавецѣ мовь ходить, уха не выстають на гармонии збытокъ, очи твои глядятъ пѣвчинѣ очатокъ, и загинуть въ нихъ, мовь въ пропасти крайной а самъ ты цѣлѣсеный пропадъ — пропала сердца твоего молодецкаа радость.

Голосъ пересталъ — пѣвицѣ не видко — знати орудуе въ хатѣ, бо голосъ поводи звенить ѳтъ ѳкна до ѳкна, а где и тишѣе, то знову змагаеся,

Перестала, но въ Юрья уха все пѣсни гомонить — слушае — и знову голосомъ миленькимъ пѣсночка пѣднчалась:

Ой умру я си, мѡй миленькій,
 Умру я си, умру;
 Ой роби менѣ, мѡй миленькій,
 Кедровую трумну!
 Поховай мене, мѡй миленькій,
 Въ каиновѡмъ саду;
 Будешъ ходити, будешъ ходити
 До мене по раду.

Слушае — не чути — дивится — а въ дверехъ ѡтъ двора ангеликъ шѣстнадцатъ-лѣтній являесь. Сукня чорненька одинока одежа; на шем лебедовой прещичокъ жовтѣсь, личко гей ясна понова бѣленьке, черты 'еи гей дѣвы-богинѣ вкусно невиннонкій; очка — небо! — въ рученькахъ дробненькихъ держитъ кошничокъ съ сѣменемъ для потятъ. Смотри на дѣвицу, не можь и погадати, щобы яка гадка хочь далека злого въ красотѣ той могла помѣститись; видь личка вѣчно такъ миленькій, якій чоловѣк, коли добре творить. Вступуючи кѡнчила послѣднѣи стихи; станула, а кругомъ горнулись до неи потята малыи. Кормить, голубить, цѣлуе, бавится, бѣсѣдуе съ птичками звычайными тыми, а ѡбъ съ сестричкою указують собѣ красоты, котрѣи одна лучше ѡтъ другои увидитъ.

„А цы видишь ты Настунейко, якъ тая дзямдзя крыльцями трѣпече — задавилась бѣдненька.“

„Охъ Оленю, що то за дузя красненька; що за чистенькое пыщенятко.“

„Тое и съ тымъ то сестринятка, гей мы ѡбъ; диви, що за красна парочка!“

А голось зазвенѣлъ знова:

Взялъ собѣ нашъ панъ
 Прекрасну паню;
 Не знала кликати
 Качать до дому:
 Шепетлявки, затачайки!
 Ходѣтъ до дому! —
 Взялъ собѣ нашъ панъ
 Прекрасну паню;
 Не знала вкликати
 Курей до дому:
 Покладочнѣи, комолачки!
 Ходѣтъ до дому.

Гейбы острѣмъ ножемъ въ сердце му заѣхалъ, завертѣлъ въ Георгіа уху, упоеннѡмъ мелодіи струевъ, дикий и грубо храпливый голось, про-

дирающійся отъ другого кѣнца огорола. Оленя здумѣла перестала, и теперь познати было можь слѣдующіи слова:

За паньскимъ вугродомъ,
 За паньскимъ фьльваркомъ;
 Гей пѣлъ мы тамъ, пѣлъ,
 Горалѣну збанкомъ!
 Гей вѣвать горалѣна
 У рудого жида,
 Хочь дай му що не своего,
 Вѣвъ цѣбье нѣе выда!

По каждой строкѣ тулюкалъ крикунъ такъ страшно, громко, же пѣяки отъ другого кѣнца мѣста отгулюковали братному возванью; слѣвующи вышшіи тоны; загаялся отъ все на пѣль голоса вышше, що надавало пѣнію его дивнй якийсь характеръ. Второмъ пѣснѣ былъ трескотъ ломаного имъ плота; до чого потому присбеднился брехотъ розсарженого тамъ песка, а гнѣвножалоостнѣй дискантикъ выбѣгшой на тое Настунѣ усовершилъ квартець дисгармоніи.

„Та дивѣтъ-но люде! шо той негодникъ дѣлае“ — жаловалася мала Настуня.

Въ мѣсто отповѣди тягнулъ пѣвецъ свое:

Гей добра же то была
 Горалѣна зъ мьодомъ,
 Гей пѣлъ мы ю пѣлъ,
 За паньскимъ вугродомъ! — ѣхъ га!

„Ха ха ха!“ пересталъ смѣючися, а наши увидѣли замашистого, горѣлку розъиндиченого, волосьемъ розкудланого чоловіка, котрый закасавши рукавы, съ великимъ розмахомъ, но нескладно плѣтъ ломалъ и на свое поворье выкидалъ.

„Та идешь собѣ паскудный!... Діанка гузя! не дай насъ! гвалту Оленю! ратуйте! Федьку! — идешь, бо выпущу Вербуса!...“

„Господи! —“ заломила руки Оленя — „Федьо еще не вернулъ, а мамца будутъ мати новую сухоту.“

„Га га! така мала, а така щебетуха! оеъ мди, молисея до святого Авакума, гей твоя сестра... ха ха!“

„А ты напастнику! — въ сей часъ ми нди! — идешь? га! —“ ставилася чупурная Настуня.

„Ха ха! кобъ вы були добры сусѣды, тобѣ не отгороджовалися отъ Бердеги такимъ высокимъ плотомъ; знаешь? — шо то, цы я злодѣй, цы шо? — то уражае мой гоноръ! ха ха ха!“

„Оже и злодѣй! злодѣй! разобійникъ! — идешь собѣ! идешь?“

„Настуню коди до мене, бо ты той убье Господи! —“

Олея подбѣгла до Настунѣ, но не смѣла до самого плота приступить, та поднесши очи ко небу, зъ отгатамъ погѣхи выглядати видѣлася. Но, закѣмъ ще стигла домовити послѣдніи слова, поднесла Настуня тычку обома руками и ударила нею разъ, другій и третій по руцѣ напастника.

„Га! —“ загудѣлъ Бердега голосомъ страшнымъ — „дамъ я ти за тое чортику мерзеныи.“ — Плѣтъ загрескотѣлъ подъ тягаромъ его, той пересадила его и махнулъ предологою гѣлею, а Настуня утѣкаючи передъ нимъ упала. Олея, забывши на себе, полетѣла до сестры, а на обѣ туй-туй спадугъ удары нелюда.

Юрій скочилъ, за нимъ же Бучко, и въ одной хвили станули оба поручъ запеченого Бердеги; — друга хвила, тай поштурки и удары нашихъ хватѣвъ звалили на землю пьяного напастника. Упалъ, застогналъ, зѣрвался знову на ноги; но обнятый двѣчи въ поперекъ, мовь двома великими клѣщами, повалился на Бучка, вымахнулъ въ-округъ ногами, спирался, прѣлся, боролся, но все на дармо; — мовь твердыми шрубами обняли го нашій, а спутанный всюда надолужовалъ собѣ Бердега всего тымъ, що ревлѣлъ не своими голосами.

Отворенною нашими хватами обрткою вбѣгли двѣ кобѣты — хутко и сквапно; но обѣ встѣмъ видомъ розличнѣи. Одна въ одежи печальной, засумована поглянула на настоящее несчастье, и гадкою ще бѣльшого бояти видѣлася. Прибѣгла до дочокъ, котрѣи, узрѣвши ю, поглядомъ радостно-сумненькимъ горнулись до неи.

„О мамцю любима, що вамъ ту терпѣти!“

„Та що вамъ мои дѣтоньки? — цыть! щожъ то? Господи! та скажѣтъ но! а то кто моеи Настуня личенько такъ подерѣ?“

„Ой мамцю! нѣтъ нашего тата, щобъ насъ теперъ оборонилъ!“

„Цыте! годѣ то и згадовати! а може вамъ що горшого зробилъ? —“ Тай пригорнула до себе двое невинныхъ дѣтей; а Юрій, зыркнувши на группу розговѣлся, та шепнулъ до Бучка, же „не досадаючи высокому достоинству Божои матери, не можъ собѣ образъ покрова еи лучше погадати, якъ смотря на благородное оное, надъ пригорнувшимися до неи дочками съ журбою и надѣєю къ небу оберненное лице панѣ Путицкой; —“ на котрое то миѣние однаковъ Бучко видно не конечно безусловно писатися хотѣлъ бы, коли учувши тое, вусомъ скругилъ и усмѣхнулся.

Другая кобѣта, убрана сваточно, напоемъ червона, знаменала нискотливый крикомъ свою дорогу, и поишла просто до Бердеги, руки поднесла зъ декляторска; подбѣшовши же до меты своего похода, заблудила ними мось кучеры своего чоловіка.

„То ты лядашо, волокито, тому мене отойшошь, щобъ людемъ пакости дѣлати, га? — ты, гадую! ты! — ты! то ты мой чоловікъ, та жѣнку йишаешъ саму межъ чужими людьми, щобъ ю хто побилъ, покривдилъ, а въ концѣ

обійсь! а самъ по людскихъ межахъ пантруешь! То жѣнка не мае у тебе и въ Недѣлю съ кумами супокійно побалакати, та лишъ тебе пильновати! волоцюго! плюгавче!...“

Бердега струслился весь, почувши голосъ витійный своей невѣсты, та уже мабутъ и лишился всеи надѣи, выдобутися на ноги, бо лише стогналь та грозиль: „Дбжайте но басгры! загрѣю вамъ въ вашей хатѣ — скупый дѣвчи тратитъ — коли вамъ жалъ плота, стрѣбую на хатѣ.“ — Его половица пописовалася дѣйственнымъ словаремъ розмантихъ предлагаемыхъ, котрім до чоловіка свого неконечно съ хбсномъ чести тогоже прикладала, а котрім ту списовати почитую за рѣчь невдичну; каждое же слово водилось поручъ съ отвѣтнымъ рукодвиженьемъ розсердженои яги, котрыми лице Бердеги набирало розмантихъ носообразныхъ гуль, та украсилося всѣма красками дуги, чуприна же его щось походити стала на китайскую, такъ, же по всей операціи нашъ мученикъ супружеской тираніи безпечно за зовѣмъ иншое лице, якъ передъ хвилею, носитися мѡгъ бы.

„Буде уже! буде! честная кобѣто“ — бгзовался Георгій, котрому видѣлося, же той оборотъ sprawy въ предѣлы екстрема переходить „треба го бтвести до дому.“

„Що? бтвести? — коли ся спиль, гей св... (цѣкавѣйшіи изъ вс. читателей бтгадали — заложуся, — же ту выйшло изъ усть честной панѣ Бердеджихи простонародное назвиско той звѣрины, котрой Жиламъ и Туркамъ бсти, а намъ по просту называти не годится), то теперъ наляйся, якъ с...; ано: цыкъ! цыкъ!“ — тай сгала свого выбранного, котрому слюбовала „послушенство малженское,“ за лишившіися хвостикъ волося въ фбртцѣ таскати.

„Але честная кобѣто, то таки не годится, не позволю...“

„Кто не позволитъ? — менѣ? — кто ми заборонить, покарати чоловіка, коли ми ся хоче, та есть за що. А ну, увидимо: а маешь! маешь! на, ще разъ маешь! — Гайда неробо, волокито!“ — Тай показавши за кожымъ положеньемъ, цо ей слова изъ губы не марно пускати, выштурхала, вытронула, и выкинула она свого адониса за фбртку. Зъ улицѣ ще чути было: „Явдоненько! сердейко! дайже менѣ псыя!“

„Маешь! маешь! собака вѣро! — пбдъ лаву — выхростися.“

„Ой ой! буде“ стогналь Бердега, затачаючися „ой Явдону; та ты мене такъ дуже кохаешь!“ — Еще кблька еластичныхъ, далеко роздающихся плясканокъ, кблька ейкбвъ, лопоть дверьми; тай честная пара изникла изъ очей и слуху нашихъ.

„Мои честны паны“ — запытаа журливо пая Путницка — „кому маю подяковати за оборону моихъ дѣтей?“

„Георгій Михайловичъ и Герасимъ Бучко, укончившіи права;“ — сказалъ загикуючися Юрій — „счастливою судьбою...“

„Прошу! войдѣть мои защитники — прошу! — най Господь поблагословитъ всѣ ваши дороги за вашу жертву для опущенихъ сиротъ.“

Вошли до хагы. Правду казати, не было тамъ уже *comme il faut*. Стѣни обходились хочъ-нехочъ безъ помоста; чисто правда, но таки самую глиною вымазаны; въ кугѣ же мѣстилися просьбы сельскім жорна, указующи, же Путницкимъ и въ мѣстѣ годѣ на сельское житѣе зо всѣмъ забути. Въ головномъ покою не ма ни паркета, ни малеваныхъ стѣнъ, ни пухкой софы, ниже фотелѣвъ; не видко тамъ жадныхъ остентаційно уложеныхъ романсовъ Димаса, ни Павла де Кокъ, ни фортепiana, ни нотъ *Concert brillant*; противно были тамъ меблѣ старосвѣтскім, выгинаны въ крайное рококо, а horrible! въ головномъ томъ буцѣмъ салонѣ стояло чистенько правда тримане, но таки спальное лѣшко; часосказа столового ни слѣду, въ его же мѣстце та-лапало старое стѣнное тарайло, котрое що-година кукало немилостиво. Во второмъ покою причанлося правда до кута щось фортепianoобразного; но легкодухъ Бучко, моргнувши до Юрья на оное, приложилъ до него презрѣнное назвиско „клявицимбалокъ.“ И образы на стѣнахъ не отвѣтсгвовали вымаганьямъ мѣйскаго дандиса. Не было тамъ жадныхъ *Etudes aux deux crayons*. Исабеля, ни пейзажѣвъ швайцарскихъ Гауерманна, ни портретѣвъ славныхъ акторокъ; та были лише дуже середном роботы илюминоваными коперштихи, представляющѣи поступенную долю блудного сына и двѣ сцены изъ военъ Наполеонскихъ. Изъятие робилъ середину стѣны занимающѣи образъ пречистой Дѣвы малеваный прекрасно на полотнѣ, дѣло вашего родимца Луки Долинскаго, котрого хата сдоля недалеко хаты Путницкихъ. Въ другомъ покою отличался токожь портретъ Митрополита Ангеловича, дѣло тогоже маларя.

Зо всего того видимъ, же салоновичъ малъ бы ту ще не за одно носомъ добре покрутити. Але Юрью ишло не до того: Онъ выходилъ ту во всѣхъ зѣ цѣлкомъ иншого становища. Ту величалъ онъ старину и искусную роботу меблѣй, тамъ чистоту помоста, тамъ снѣжную бѣлѣсть стелины, ясноту лежащого на столѣ домового хлѣба; тамъ знову почиталъ лихоту образкѣвъ за рѣчь адиѣфорную и почтеньемъ ко давнѣйшому властителю ихъ извиненую. Надъ все же удивлялъ онъ ладъ во всѣмъ устроенью дому, садку, стежокъ и красоту, доборнѣсть и великое число цвѣтѣвъ, котрыхъ упорядкованье, триманье и вкусъ вазонѣвъ вознесилъ онъ пѣль небо; а щобы все питомыми словами Юрья высказати, былъ ту буцѣмъ „всюда розлитый якійсь етиръ невыговоримо приязнои, крайное удоволеніе и симпатію будащю гармоніи;“ котрое то послѣднее мнѣніе нашего Юрья мы якъ зѣ одной стороны силою нашої авторскои поваги укрѣплати не гадаешъ, такъ знову, зѣ другой стороны яко любящѣи миръ и согласіе оспоривати не хочемо.

Симъ часомъ заставила паня Путницка старо-рускимъ обычаемъ столъ всѣми приборами до вкусного пѣдвечерья. Тамъ выходили наркотичныи воцѣ

изъ отвару то зъ зеренъ арабскихъ, то зъ листьа китайского; тамъ бѣлѣ густый пльнь привадои сметаны; тамъ стосикъ сочныхъ малинъ, то крохкихъ обарѣночкѣвъ, ту знову заживнѣйшаа страва. Файфуръ, сръбло, скло и всѣ приборы блестяли зеркальною ясногю.

„Прошу, на що Богъ дали!“ — принуковала мати — покръпѣтся дѣти, бо такъ потюмилися! прошу!“

„Мы лишь прійшли, просити на суботное зрѣлище.“

„Якже намъ пускаться хаты, коли нашъ вѣрний Федько не вернулъ ще ѳъ своякѣвъ, а ту нашъ сусѣдъ грозитъ намъ огнемъ.“

„То мы можемъ ныѣ черезъ нѣчь повартовати“ — сказалъ Георгій, та покраснѣлъ, мовъ бы ся съ чимъ недорѣчнымъ выхопилъ.

„Най вамъ буде вдяка опущеныхъ сирѣтъ надолуженьемъ за вашу добрую волю; но мы маемъ кривного совѣтника при магистратѣ, то може ѳъ варту...“

„На що? — И такъ уже вечеръ; до мѣста не близко, а може при нынѣшнѣмъ дни не буде пана совѣтника дома.“

„Извольте честная наня“ — сказалъ Бучко — „приняти нашу услугу; мы не годны ваше довѣрѣе на зло употребити. Доки вашъ слуга не вернется, будемъ за вашимъ позволеньемъ вашими гѣстями.“

„Най и такъ буде! коли вы такъ добры. А теперь прошу.“

Наша засѣли; имъ же услуговала Оленя, котора разъ-вразъ мала якѣсь вопросительными шепты до матерного уха. Найгѣрше мался на той гостѣнѣ нашъ Юрїй. Хотячи своего ангелика при даванью кавы пѣдомочи, вывернулъ бѣдняка начинье съ сметанкою, та лише складное ухопленье Оленѣ не дало прїйти до бѣлой бѣды. Якъ бы ту такъ пало на приклонного до подозрѣванья, можъ бы въ послѣднѣмъ несчастью Юрѣа бачити кару Божу за возможное намѣренье его, тикнутися при реченой помочи нышкомъ Олениной ручки. Но выходячи ѳъ правила любви христіанской, розрѣшаемъ торжественно нашего хвата ѳъ похожей помовки, и додаемъ еще тое наше крѣпчайшее увѣренье, же нашъ Юрїй, гадками правда неразъ хватъ великій, що до дѣла былъ необмавляючи трусъ за всѣ трусы; а весь капиталъ вопрошебнои его ѳтваги мался до рѣшенья на реченное намѣренье не иначе, якъ сила Мостеньской хабеты до силы махины жѣдзничного товарного тягла. Гѣршое ще придалося ему потому. Видячи, якъ ангелокъ его складно, нѣженько, широ и безъ всякой претенсїи имъ услуговалъ, роздумался Юрїй надъ различїемъ тои сердешности ѳъ вырахованой наскучности панѣ Чѣжихи. И коли нашъ хватъ середъ тои задумы любовался позволенькимъ потяганьемъ напѣгкка, дѣланного бѣленькими ручками Оленѣ, запыталася его таяже, цы не желалъ бы бѣльше цукру. Юрїй сердцега струсился, мовъ пастухъ, пѣйманый на людской сѣнжати, тай лыкъ заблудилъ гдѣсь на жидѣвску стежку, а хватъ нашъ закахикался, же ажъ Бучко заповонѣлымъ

сталъ тому рѣчь чимъ иншимъ заговорвати, а и я приневоленный ту, стыдаться якъ единъ Горватъ, же такого Мазницю выбралъ за героя своего розказа. Первая гадка Бучка по томъ случаю была: „Фуяра!“ — панъ Путницка погадала: „Якійсь плохій та не бувальшій!“ — Настуня захихавши тихцемъ, выбѣгла до сѣней, смѣяться отъ сердца; Оленя же бѣдненька виновала себе за цѣлу исторію, тай грубая, чистая слеза покотилась по прекраснѣйшій ея личку.

Но поволи-поволи расходился нашъ Юрій. Бѣсъда перейшая на поле землиснои романтики, музыки, отечественной исторіи; и ту то почувалъ Юрій на своемъ мѣстци. Съ фантазією и жаромъ розказовалъ онъ прелести эстетичныи, прородописныи и историчныи различныхъ земель и народѣвъ, попри котрыхъ однакожь и своему отказовалъ онъ свое непоследнее мѣстце. Пана Путницка слухала съ истинно матернымъ чувствомъ мовь бы пописѣвъ своего сына; Настуня пригоргалась до Юрія, мовь то до знакомого; въ души же Оленѣ взилися возникати чувства удивленья, почтенья и бодай цы не серешной доброохотности.

Встали отъ стола.

„Мамцю!“ — пригорнулася до уха матерного Оленя — „Горпина дае саму нерву на постелю гостямъ, а менѣ може не въ ладъ, тое ей згудити.“

„Бодай тую Горпинну!“ — сказала зажуренная мать.

„Мамцю! може имъ буде на тыхъ подушкахъ за низко, та може бы тыи зъ горы. . . .“

„Добре, добре Оленю!“

„А тое простираю троха змяте.“

„Дай нишос, дай!“

„А тое якъ ось зле выпрае; скажугъ, же у насъ нѣтъ ладу.“

„Дай тое тонѣйшее.“

„А не буде подъ накрываломъ холодно? ночи зимныи. . . .“

Георгій чулъ послѣднюю журбу Оленѣ. Возвѣсь очи до горы, и сказалъ мимоко́тъ голоснѣйше, якъ бы былъ самъ того хотѣлъ: „Такий ангелъ! и я ли достоинъ то́лько журбы ей причиняти!“

Мати отойшла, а Юрій охоробрѣвши всѣмъ бывшимъ за трохъ, сказалъ: „Прошу ме робѣтъ изъ насъ паничико́въ; вартѣвника рѣчь, спати на досцѣ.“

„На досцѣ вы? —“ зачудвалася Оленя, тай заполонѣлася.

„Дякую вамъ за доброту вашу, котрой сотнои частѣчки я не достоинъ ниже надолужити въ силѣ.“

„Якъ то вы? — або не вы нынѣ намъ...?“ — поглянула въ горячое око Георгія, востхнула, хотѣла щось сказати — нестало ей слова — поднесла руку ко чолу, а Георгій притисъ до неи горячій поцѣлуй.

„Яки вы для мене добры, ласкавы! — о Оленю! нынѣшний день не выйде ми зъ памяти моеи до гробу!“

Олена не знала, що дѣлати; востхнула, поглянула разъ ще шире въ розъяреное око молодца, изъ которого сіяла любовь и ширость; — отойшла подъ окно, задумалася и скропила лице рососою слезъ радости.

Ночь минула супокійно, а завтрашній день розпочали два счастливыя вѣстуны. Первый былъ вытверезившійся Бердега, съ женою, просящій словами смиреннѣйшими помилованья за вчерашнюю галабурду. Другій былъ Федько, слуга Путницкихъ. А такъ не было уже жадном перепоны Путницкимъ, котрая бы пойти на зрѣлище не давала.

Вертаючи хваты наши до себе почули ще третью радостную вѣсть, Урядовый слуга приступилъ до Юрія, и подалъ ему письмо, именуемое его практикантожь при судѣ аппеляціондѣмъ.

IV. Зрѣлище.

Надѣйшолъ часъ зрѣлища. Мало то быти представленье, которого дохдѣлъ былъ назначеный въ хосень убогихъ. Въ той цѣли выбрамо перелицованный переводъ „Дѣвѣцъ зъ рукъ природы“ (Ecole des femmes) — Молиера. Кусникъ той, плодъ пречудесный геніального автора, перероблено такъ, же гаене-котріи мѣстца, знаменающіи зопсованный вѣкъ, въ котрѣмъ выйшли на свѣтъ, а котріи бы чувство приличности нашего народа могли непріязно тронуть, опущены або до нашихъ обстоятельствъ приноровленны, характеры лицъ перенародовленны, пѣсны народныи подаваны, а все на нашъ ладъ такъ перетворено было, що можъ было смѣло надѣятися добраго успѣха.

Часъ зрѣлища надѣйшолъ, а Юрій чимъ разъ бѣльше непокоился, чимъ разъ бѣльше трепеталъ. Знаючи зъ минувшихъ часѣвъ, якъ мало коли надѣя, совершенно збуваеся, и якъ часто-густо она если не зовсѣмъ обманывае, то хочъ много лишае до желанія сталъ Юрій пригадовати собѣ многіи забавы, по котрыхъ онъ много радости надѣялся, а або зовсѣмъ тамъ дозналъ грызоты, або далеко не тое, чого ожидалъ. Дальше сталъ онъ розгадовати возможныи перепоны, котрыи бы ему надѣянное приближенье къ Оленѣ въ часъ зрѣлища спинити могли. Первая прійшла на гадку пані Чепѣжиха; но Юрію видѣлося, же будучи весь майже часъ отъ недѣльной исторіи подъ покрывкою пробъ зрѣлищныхъ не въ дому, онъ теперъ надѣятися може, же направленье той-то недогодности на правую дорогу добре започалось. Другою завадою мѣгъ быти кривной Путницкихъ урядникъ, съ котрымъ одна-кожь Юрій надѣялся легко до ладу, предполагаючи, же онъ яко кривной Путницкихъ отъ честного характера тыхже не отродился. Въ надѣи, мати орудку съ онымъ чиновникомъ, далъ собѣ Юрій накинати отъ жида чиновничій мундуръ.

Надѣйшолъ наконецъ и зрѣлищный вечеръ. Нашъ Юрій войшолъ до сали передъ всѣми; же и не може дожидатися дорогоценнѣйшихъ му лицъ; —

перекидае ноты, пробует инструмента музыкальными. — Поехались въ ко-
нецъ гостѣ. — Юрій яко диригентъ зачалъ увертуру — иде добре — скон-
чилъ. Оглядаеся — водить окомъ по сали — Оленѣ вѣтъ. Зрѣлище зачалося —
Юрій спѣзнилъ съ музыкою до одной пѣсни — змугилъ — обзираеся —
еще не ма. Прерозличными еомнителными гадки волнуютъ въ умѣ его. „Цы
не уразилась чимъ? Може той несчастный поцѣлуй пречудесной ручки? Охъ,
я все такой нерозважный! въ важнѣйшой хвилѣ трачу всю притомность!
Цурь ми! Я самъ на Оленѣ мѣсци не уразилъ бы ся такою сѣвдостью? —
Але якжеж и не забудися, коли поглядъ оченятъ ей блестяе огнемъ святымъ,
нестерпимымъ, змыслы завертае, мовь той блестяе ясного солнца! — А може
мати догадалась? Охъ! може Олена тоскливо бакае, удоволити моему живѣй-
шому прошенью, а винный послухъ ко мамѣ удержуе ю дома?“ Засумовался
сердега, потому мовь зъ глубокого сну збуанлся пуканьемъ суфлера.

Музыка спѣзnilась до другой пѣсни. — Збитый тымъ зъ толку на
ажны, брался нашъ хватъ само за всѣмъ пенкдати, коли, глянувши въ лѣво
по за себе, стрѣнулъ два маленькii оченятка, котрыи за нимъ съ тужливымъ
удовольствомъ смотрѣли. Коло Оленѣ по одномъ боцѣ Настуня и мама, по
другомъ же Бучко, котрый такъ счастливый, быти имъ толкователемъ пред-
ставляемого дѣянья. Предсчастливый Бучко! Онъ выступаетъ ажъ въ послѣд-
ной части драмата. и може весь часъ розговоромъ съ оною ангелскою не-
винностью забавлятися. Георгіи приневоленный весь майже часъ пыльовати
оркестры за-дѣв многихъ пѣсней.

Но теперь передъ третимъ дѣйствіемъ вѣльно нашому хвату ѳдали-
тисъ до своей на хвильку. Иде, и мовь грѣшникъ передъ исповѣдію трепетае.

„Цы можете назватися такъ счастливыми, же упріязнили вамъ нашимъ
усміемъ тыхъ кѣлька хвиль?“ — сказала, загыкуючися, Юрій до мамы,
которая заговорившись съ сусѣдною якоюсь пѣдылою панею, не чула его
чемностей. Настуня хропала гѣста, та бѣгала зъ одного кута салѣ до дру-
гого. Бучко посмѣхнувшись зъ запутався Юрья, отѣйшовъ, гляшивши своему
другови пріязную должнѣсть, Путницкихъ забавляти.

„О мы не знаемъ сами, якъ вамъ ѳглядати за вашу превосходную
игру“ — зашебетала Олена, осмѣлена уже басѣдою съ Бучкомъ — „я и
Настуня не можемъ налюбоватися красотами вашего зрѣлища; — а музыка!“

„Що за музыка, то ажъ палецѣти мушу.“

„Вы лише такъ себе умаляете. Вѣрьте ми, що и въ церкви николи не
чула такъ красного пѣнія.“

„Хвальба ваша надолужуе намъ тысячератно труды наши.“

„Безъ сомнѣня, то вы такъ выучили вѣдкѣ красенкѣ сѣввати?“

„Правда, що доброй волѣ я не жаловалъ; но слабыи силы...“

„А цы то дуже тяжко, такіи пѣсни выучитися?“

„Для васъ было бы то дѣломъ кѣлькохъ хвиль.“

„А менѣ знову видится, щобы въ свѣтѣ не научилася, такъ красно спѣвати, и говорити такіи прекрасныи рѣчи.“

„На шо вамъ ся учити, шо вы далеко складнѣйше и природнѣйше щодень творите.“

„То вы мене рѣвнаете до оной красной панѣ, шо . . . ?“

„Борони Боже! щобѣ я малѣ смѣти, рѣвнати оную паню, шо лише выучена франтуе невиннѣсть, до самого еи идеала!“

„Щожъ вы тымъ гадаете ?“

„То, шо тая паня, котрая говоритъ, якъ невинная, простодушная дѣвица, не дѣлала бы того сама изъ себе такъ, якъ вы тое безъ всякого труда дѣлаете.“

„Я того не понимаю; но коли вы такъ говорите, то мае быти и правда. Тое ми еще дивно, якъ тѣи двое молодыхъ людей такъ отъ первого разу крѣпко полюбилися.“

„Бо вы ще не мали уважати, шо то за сила ховаеся въ зеркалѣ души нашей: оку. О ваше . . .“

„Не кажѣтъ того, щобѣ зо всѣмъ не знала. Ось и я . . .“ — Бѣдненька спекла рака, бо пѣймалася сама на томъ, же трохи не за далеко загналася; та щожъ робитоньки, покраснѣвши мовь суничка коло Ивана кѣнчила: „Правда, я такожь знаю изъ очей пѣзнавати, цы не мае кто шо лихого на гадацѣ.“

„Отжежь видите: Каждая невинная душа мае якусь наприродную силу притягательную въ чистѣмъ своемъ оку; а если стрѣнутся случаемъ двѣ пары такихъ очокъ, то тымъ уже вѣчный союзъ межъ ними сплетеся.“

„Коли мама прѣймали директора для нашей Настунѣ, то я, узрѣвши его, отъ разу боялася, цы не буде ся онъ на бѣдну сердити. Та и правда; неразъ бѣдненька не мало ся наплаче. Мамця бы го были уже давно отправили, но онъ такій бѣдный!“

„Коли такъ, то извольте, щобѣ онъ зо мною замѣнялся; я му дамъ за Настуню ившу лекцію.“

„Якъ бы мы всѣ тому радѣ были!“

„Настуня не буде и разъ про мене плакати; лише може ваша очка будутъ знову бояться . . . ?“

„Але гдѣжь подобіе! нашъ директоръ а вы! Онъ все такъ зажмурено дивится.“

„А може бытъ бы я вамъ въ чемъ на завадѣ?“

„Про шо? Я уже вчера казала мамѣ, щобы ся здаль якій лучшій директоръ для Настунѣ, а при томъ гадала никого ишого, якъ . . .“

„Якій же я вамъ вдячный за вашу приклоннѣсть! () якже бы мы всѣ охочо учились! Всѣ, шо лише умѣю, все переходилимъ мы; читали красненькіи книжки; пѣсней шо-сила спѣвалимъ у купѣ . . .“

Юрій розговорився мовь старій, та былъ бы ще балакалъ безъ мѣры, кобъ на счастье ихъ обоихъ не были зазвонили на початокъ третого дѣйствія, та не збудили забывшого о всемъ свѣтѣ нашего хвата.

Пойшошь, вымаховаль руками тактъ, ажъ свѣчки позагашоваль, та не мало наробилъ смѣху. Знову вернувся, говорилъ, плѣлъ, заганялся, лѣталъ по-пѣдъ небесами, змалялся съ нею, якбы маму просити о принятіе за директора. Ось балакали то тое, то сѣе.

Но заняты собою, не бачили нашій, же за ними чигаль ктось на нихъ: шея вытягнена, очи зъ-пѣдъ поднесенныхъ бровь мѣрили ихъ зызомъ, губа въ гору задерта, на пѣдъ отворена, часомъ въ посмѣшокъ выкривлена; все тѣло выпружене, нерушщмое, зачаеное; — чигаль, мовь той половикъ на розбѣглии путята.

Зрѣлище скѣдчилося.

„Цы помочи ти, отвести Путицкихъ до себе?“ — пытался Бучко.

„Ось или-но помочи декораціи спрянути; я самъ отведу.“

Роздѣлилися. Юрій счастливѣйшій отъ всѣхъ людей на свѣтѣ, счастливѣйшій надъ всяку надѣю. Дрѣбненька ручка Оленѣ почивала на трепетающѣмъ рамени его; онъ обкрываль ю отъ нѣчного холоду, пестился бесѣдою; на немъ почиваль поглядъ оченять пречудесныхъ.

Усердному и чемному прошенью его не отказать матери, а Георгій малъ быти учителемъ обоихъ обожаемыхъ нимъ существъ. Що за различными пляны укладали, то знову залишали и новыми заступали! — що за гадки: якъ учить? — що? — коли? — Ту щось Оленя закине, тамъ Настуня свое встѣбитъ, ту Юрій межъ ними годить, ту свѣясь зажурить, ту знову розвеселить. Про бесѣду, посмѣшки, мечтанья не стало имъ дороги. Гдѣсь видѣлося, що що-ино зачали, тай станули уже передъ хатою Путицкихъ.

„А такъ“ — сказалъ Юрій, притиснувши мимохѣтъ пускаемую Оленину ручку — „могу уже завтра прійти на лекцію?“

„О не забудьте, прійдѣтъ!“ — кликнула Настуня, пригорнувшись до него.

„Просимо, будежъ вашими пыльнѣйшими ученицями.“

„Лише не бавтеса долго!“

„А не забудьте пѣсней!“

„А менѣ образки, що обѣцали!“

„Гей дѣти!“ — промовила мати — „ходѣть же разъ спати!“

„Всѣ, всѣ принесу; — добра-ночь! моя маленькая, добра-ночь!“

„Добра-ночь!“

„Добра-ночь! а памятайте на завтра мое! а на Настуню не забывайте!“

VII. Що жь дальше?

Юрій пойшошь — пойшошь; а мовь бы му шо голову гнуло до землѣ, водилъ нею то въ право, то въ лѣво; — обглянулъ ще въ задъ, и узрѣлъ

при бѣлявѣмъ свѣтлѣ полногѣ мѣсяца мильи три тѣни при хатѣ. Они вошли въ хату, а онъ стоялъ ще хвильку; пошолъ на конецъ, самъ одинъ, та за кождымъ ступаньемъ его сыпалися ѳтъ темнотою окрытыхъ каменщъ голошины лусы. Укладывалъ собѣ, где бы то чимъ лучше постаратися о гроши, котрыи ѳтдатибъ панѣ Чепѣжисѣ, щобъ потому въ сей часъ перенестися изъ еи хаты ближше-где Путницкихъ. Гадалъ и тое, щобъ и нынѣ где-инде ступитя на нѳчь; но закѣмъ задуманий на тое рѣшился, занесли его уже ноги туй передъ хату п. Чепѣжихи, а видѣ бѣлыхъ стѣнъ еи середѣ темного въ-окрыгъ саду бачиля ему, не знати чому, мовъ бѣлая упириця середѣ сумного щинтара.

Всунулся тихонько до хаты, засунулъ двери покою и розѳбрася при мѣсячнѳмъ свѣтлѣ. Змовиль теплѣйшую ѳтъ сердца молитву, положился въ лѳжку и зажмурилъ очи въ счастливой надѣи, ще во снѣ миленькїи лица побачити.

Але не Юрью нынѣ заснути Въ головѣ и очехъ палило; думки про нынѣ и про будущее отворили зажмурены очи: Юрїй думалъ миленько.

Въ-окрыгъ тихо; — на ѳкна падають бѣлявымъ мѣсячнымъ свѣтломъ изъ поблизкихъ деревъ долги фантастичны тѣни, котрыи посуваючыся и переображаючыся тихцемъ за посувающимся поволи мѣсяцемъ, розъяряли умъ магичнымъ якимъ образомъ до прїязного просонного думанья. Тихо; — лише глеколи збудившаяся муха забѣзчытъ, комаръ заскомлѣе, шпиль завергитъ, або мышъ въ порохиъ зашелортае; Юрью сновалися гадки одна за другою.

ѳтъ разу сталося Юрью видѣти, мовъ чуетъ сильнѣйшое якесь шепортање. Оно выходило зъ-разу зъ той стороны, въ котрой положенный былъ покѳй п. Чепѣжихи, поволи же перенеслося до Юрья дверей. Дальше рыпнули и ѳтворилися непонятнымъ Юрью образомъ що-ино нимъ самымъ засунены двери, а ними вѳйшла паня Чепѣжиха — она сама — съ горящюю свѣчкою въ рукахъ и станула передъ ложемъ Георгїя. Стоитъ и двивляеся въ него. Стоитъ — дальше тихимъ голосомъ зачала:

„Онъ спитъ! — спитъ! — Ты спишь?“

Тихо. —

„Чуешь Георгїй! — ты можешь нынѣ спати?“ — и стала его рукою будити.

„А щожъ, моя паня? чей уже часъ спати.“

„И ты можешь супокѳйно спати! — подла душе! — твоя книжками запаморочена совѣсть позваляе тобѣ супокѳйно спати?“

„Якъ-то?“

„То ты не знаешь? не знаешь моеи кривды?“

„Якои то кривды?“

„Подлецъ! — то тобѣ тое казати? розсказовати свою ганьбу? Зажми но! То ты гадаешь, що я така послѣдна, що я дурна така, же мене леда

вырвась легко змудре! Ты гадаешь, що бѣдная сирота безъ отца, безъ матери, середь недобрыхъ людей, сама якъ слабая былинка на чистомъ поли — ту стала паня Чепѣжиха ревню плакати — „въ котру сторону вѣтеръ нагне, на гую похилиюся; що мене можь своєвольно за нѣсь водити, дурити, спѣвати баналюки, отраджовати ити за мужь, а потому якъ отъ послѣднѣйшой дѣвки пойти, мудровати другу?“

„Коли я вамъ що говорилъ?“

„То ты гадаешь же заарѣешься, що ми въ живни очи не разъ не два казалъ: „що мене почитаешь, якъ никого въ свѣтѣ,“ що „лишень не смѣешь ничо казати,“ що „мене такъ любишь, якъ свою рѣдную маму,“ що „доки життя твого, на мене не забудешь!“

„Але то лише о добродѣянїяхъ...“

„А я несчастная сирота отказала на свою раду чоловікови порядному, богатому, що менѣ лучился, я“ — ту стала паня Чепѣжиха знову переходити въ шлюхи — „я недосвѣчена, замантѣчена здалися на невѣрного, дала ся здурити облестному; а теперь собѣ на весь вѣкъ свѣтъ завязала! Я гадала, що Юрій душенька честна; та розчибалася, где могла, щобъ мому соколикови що найлѣпшого налагодити, я бѣ ему неба прихилила, я въ нѣмъ всю надѣю покладала! — Душенько моя! любое серденько! правда, що ты не годенъ, покривдити бѣдну сироту?! — нѣтъ! онъ не малъ бо на тѣлько злобы въ своемъ сердци! онъ не кише на мене за хлѣбъ каменемъ, за доброе слово клятвою, нѣтъ; правда мой ангеле, правда?“

„Алежь молю...“

„Не правда? скажи! — правда, же ты не годенъ, довѣрїе мое такъ страшно на зло обернути?“

„Алежь моя паня...“

„Ты будешь мати на тѣлько совѣсти.“

„За изволеньемъ...“

„Та я бы безъ тебе дня не пережила.“

„Прошу-но...“

„Я бы на тебе вѣчно нарѣкала.“

„Най скажу...“

„Але...“

„Дивись соколе: все мое майно, дѣмъ, садъ, гроши; що цѣле житѣ тяженько запрацювала, що собѣ отъ губы отняла, для чого весь свѣтъ покинула, — все, все для моего Юрья.“

Юрій видячи, що чешностью не далеко допхаеся, добылъ голосу такъ торжественного, на який его лишь стало:

„Честная паня! часъ уже опанитатися, и пригадати собѣ различїе, какое захоидтъ межъ нами шо до дѣтъ; таможь не пускати зъ памяти, якъ и шо я вамъ коли казалъ. Простѣтъ, шо разъ уже буду приневоленый, острымъ

може словомъ правды до васъ промовити. Ожеж прошу пригадати собѣ, що якъ вы благоволили намагатися менѣ съ вашими пѣнавцами, и менѣ зъ далека о любви споминали, то и все ъгъ того по силѣ ъгърицался; а если коли сказалъ що о почтенію моемъ ко вамъ, то было то зъ должною вѣдчности за вашу добрую волю. О любви николи згадки не было, и гадаю, не можете бѣльше ъгъ мене желати, якъ почтенія, вы, котрыи — выбачте ми слово! — моглибъ менѣ быти матерію.“

Сказавши тое, гадалъ Юрій положитися на другое ухо, и съ Богомъ люляти. Але не квапъ но ся такъ дуже, та послухай троха!

„Такъ? такъ? — добре! за мое добро выгрѣла за пазухою гадюку. За мои доброохотныи слова мене зневажати! за мое добре сердце менѣ мои лѣта выпоминати! — То ты гадаешь мене такъ легко, якъ старого неадамого драньтя позбутись! Го го! —“ ту скривила наша паня зсянѣлыи уста въ страшный посмѣхъ поруганья — „го-го! — ще ся той не уродилъ, щобъ Варвару змудровалъ. Зажди, коли такъ! — Завтра иду на-самъ-передъ до твоей любви, и скажу, що то ты за зѣльце! иду до совѣтниківъ, и скажу такожь, що знаю. Зажди, послѣднаго характера чоловіче! поѣду до всѣхъ, ъгъ первого до послѣднего, упаду до нѣгъ и скажу: „А сли маєте на макове зерно правды въ собѣ, помилуйте бѣдну сироту, скриважену на чести, если хочете, щобъ Господь Богъ далъ счастье дѣтемъ вашимъ! Зажди-но!“ ту стала паня Чепѣжиха широкими кроками по покою ходити — „зажди! поѣду до всѣхъ старшихъ, до всѣхъ честныхъ людей, до всѣхъ ъгъцѣвъ и матерей дочкамъ, щобъ всюда, где лише обернешя, были ти затворенныи, двери; всѣмъ буду заводити о моей кривдѣ, щобъ ты, якъ выйдешъ изъ хаты, не малъ где головы приклонити, щобъ всѣ люде ъгъ тебе утѣкали, мовъ ъгъ зараженого чумою. Зажди-но! ще бѣдна сирота найде може съ троха правды для себе! — Поѣду до попѣвъ, дамъ на службу Богу, сама крестомъ постелюсь па земли, свѣчку розжарену оберну сподѣ огнемъ, щобъ ты такъ скапавъ передъ часомъ, якъ она свѣчка сканае; дѣдамъ широко-далеко дамъ милостиню; во всѣхъ церквахъ будутъ молитися на твою погибель. . .“

„Ха ха ха! смѣюсь цѣлымъ сердцемъ зъ вашей шалености смѣрся, ха ха! безбожная чарѣвнице!“

„Що? — ты, ще смѣешь зъ мене и зъ Бога насмѣватися! ты“ — и тронула Георгія въ груди.

Георгій струсился, затрепеталъ; стануль однимъ мигомъ ока на рѣвныи ноги; кинулся и стримался; голову поднѣсь высоко и видѣлось, мовъ бы въ той хвили головою зрѣсь по-надъ себе. Кинуль на паню Чепѣжиху ѣдкій взоръ крайного поруганія и крикнуль не-своимъ голосомъ:

„Негѣднице! я понижилъ бы достоинство свое, слибъ ты удостоилъ и меншого отвѣта на твои безчестныи слова. Иди, куда хочешь, роби, що

здумаешь! Еще разъ: смѣюся, покепкую собѣ всюю грудію изъ твоихъ дурныхъ страховъ, пушенныхъ на вѣтеръ!“

Положился назадъ, ѳтвернулся, закрылся и не сказалъ ни слова на слѣдующую бесѣду панѣ Чепѣжихи. Тая бѣгала ще по покою, грозила, плакала, смѣялася, додавала собѣ охоты: заперлася въ конецъ въ своемъ покою не перестаючи шлюхами перерывати нѳчную тишину.

Юрій заснулъ уже далеко по пѳночи. Спалъ не долго и несупокѳйно. Снилось ему, що былъ дитиною и ишолъ за якимись прекрасными цвѣтами; а чимъ дальше, то чимъ разъ красше, чимъ разъ розмайтше, видѣ чимъ разъ ширѣе. И выйшолъ на горбокъ, а на томъ стоялъ явѳръ; Юрій сталъ на него дертись, щобъ по бѳльшомъ просторѣ окомъ розглянутись. Гулялъ окомъ по пречудесной окрестности; море, горы, рѣки, мѣста, лѣсы, доли сіяли передъ нимъ чудесными красотами. Но ту глядять око его пѳдъ себе та бачить зъ ужасомъ, що рѣка съ шумомъ и пѳною берегъ, въ котромъ явѳръ стремилъ, ложила. Корѣнь уже на верху — заколебалося дерево вѣтромъ — буря зѳрвалася — грѳмъ загудѣлъ — все тѣло костенѣе — дерево гране въ пропасть. Георгій збудился, сидячи на лѳжку, руки вшрубованыи въ нѳчную шафку, а зо всего тѣла пѳтъ лился потокомъ. Уже бралося свитати — тихо — лише шлюхи панѣ Чепѣжихи часами ѳтзывались.

Заснулъ знову. Якісь темныи мары стались теперъ кругити ему по головѣ, по котрыхъ знову настали якісь мотылѣ, дивныи блыскавки, якісь смѣхи перерываныи плачемъ, що соотѣвно якъ вѣтеръ гонились, якісь думки, половиною поутинаныи, безъ основы, безъ вида, безъ отличной красы, безъ тѣни, перелѣтающіи мовъ тїи нѳчныи хмары скрѳзь указующійся то ховающійся мѣсяць. Будился долго, ажъ овладѣлъ всѣми смыслами; будился, но якоесь дивное мовъ ласкотанье не давало приходити до подной самовѣсти. Збудился; — дивится — страшно му зробилося! — видитъ п. Чепѣжиху у нѳгъ его на колѣнахъ, якъ она пригортае ноги его до себе, обливаючи ихъ рясными слезами.

Юрій горячка струсился цѣлый. Ему теоритикови видѣлось тое крайныи пониженьемъ достоинства человеческого. Въ одной хвили, безъ нагаданьяся зогнулъ ногу, що мѳгъ, во двое, и шпурнулъ ю въ лице панѣ Чепѣжихи, котрая тымъ ажъ въ задъ заточилася. Кинулся просто на ноги, и станулъ видомъ страшливый: похиlena на-передъ голова стрѣлила ко небу волосьемъ, очи выбѣгли на верхъ побѣвлыи, уста синіи затылись, руки и шея посияѣли долгими набремѣлыми жидами, а въ зататыхъ пастяхъ втопились нѳггѣ глубоко у мясо. Юрій сталъ такъ мерцемъ долгую хрилю, а панѣ Чепѣжиха шуетнула изъ страху до своего покою. Ще стоялъ хвильку; заскреготалъ и зазвонилъ зубами, а потому заревалъ голосомъ не-своимъ: „Слибъ не тямилъ на Божую частинку, котрая валяесь въ твоємъ обридломъ

тѣлѣ, здоцталъ бы, збезчестилъ ты негоднице гѣршь плю . . .“ — дальше, духъ му заперло, та не мѣгъ скѣнчити.

Не перерываючи мого розсказа, приневоленъ я ту мому хватови сказати въ очи, же така робота таки до ничого. Ось звычайно пусто въ молодой головѣ. Молоде гонить всюда за идеаломъ, а таки его нигде не ухопить. Я бы спытался лише его, цы то его любовь къ Оленѣ уже така платанична? Цы бы то было ему до ладу, еслибъ она зъ-першу его добре не порозумѣла, та слухала его баналюковъ, отъ такъ, якъ читается книжку; а потому розгадавшись, его мовъ воробця на нитцѣ водила? Ще до того ѓнъ молодой легкодухъ, а сли не ту, то тамъ. А ту, мѣй Боже! такъ гѣрько, ой гѣрько самому, самѣсенькому вѣкъ свѣй харатаги; а ту не казалъ той „етъ инъ сене“ и пр.; а ту далеко въ другой половинѣ житъя въ пѣль дороги ставати, и — розступиси земля! — не знати где? и якъ? на ново зачѣпати! — Тому ще разъ кажу: шкода ми дуже, що мѣй козакъ, котрый доси ще яко-такo держался, теперъ такъ дуже пересолилъ. Алежъ не казалъ той Ляхъ: „Сталосье мосця панно!“ тай годъ!

Нашъ Юрїй отямился поволи, розсыпался, спѣчнулъ собѣ и ялъ ся убирати, гей бы малъ летѣти до страшного суду. Тихо было зъ разу; — по хвили роздалося зъ покою панѣ Чепѣжихи зъ разу тихенькое, потому поступенно сильнѣйшее, скрѣзь затяты зубы звенящее скомлѣнье, то незрозумѣлое якоесь муркотанье. Знову стало тихо; потому же рознеслося по воздухахъ страшное, розмирающее сердце заводженье:

„Татуню мѣй рѣдненькїй! — — — мамо моя рѣдна!“ — — — послѣднїй самогласный каждого положенья перетягала панѣ Чепѣжиха предлогнѣ многократно утнванымъ шельхомъ — „а цы не чуєте вы кривду вашои сироты! — — — а цы не видите вы! — — а цы не болитъ васъ сердце!“ — — — ще ту тое, що вы на рукахъ выкохали — хухаючи выпестили — кровїю зъ-пѣдъ сердца выгодовали — тое теперъ люде безчестятъ — катують — мордуютъ! — — — То вы на тое Варвару выховали, — — — щобъ ся мали люди надъ чимъ збытковати! — а все за еи добро! за еи ласкавое сердце! — — — А на, що вы мене учили, людей любити! — — — людемъ прислуговатися! — — — щобъ они менѣ за тое сердце выдерали! — — — Было мене учити, вмѣсто молитися, проклинати — за доброе слово кидати камень — за любовь вороганье — за вѣрность. . .“

Громообразный трескотъ загудѣлъ въ ухахъ панѣ Чепѣжихи и паравалъ гѣрькїи еи ерециды. Юрїй убрался дохватомъ, взявши — мимоходомъ рекши — въ хуткости урядовую шапочку на себе, и пѣгналъ стрѣлю, мовъ изъ зараженной чумою хаты. Зъ-разу гадали ѓнъ, легенько вычестися зъ нею; но погадавши собѣ, що уже часъ, все дороги до возворота на все затворити, трѣснулъ, що малъ силы, дверьми, и ѓтсепнулъ на дворѣ свободнѣйше чистымъ равнымъ воздухомъ. Было то кодо семою рано. Почислѣдъ вѣтромъ

въ трепетающихъ рукахъ свои гроши, щобъ знаги, сила му еще дозмычти, щобъ мати ѓдати долгъ своѣ Чепѣжистъ; по чемъ покотился, пущена мовь куля, до мѣста.

VIII. З м о в а.

Георгій бѣгъ хвилѣку, не видячи ядро коло себе. Не задолго учуль ѓнъ голосъ мимо лежащего Бучка: „Юрій! — Михайловичъ! — стоѣй но!“

„Не маю коли!“ — сказала той, и хотѣлъ бѣгчи въ свою сторону.

„Бѣйся Бога! подымъ менѣ пятьдесятъ ренѣвнхъ, бо жиди уже за мною!“ — просилъ сквапно Бучко.

„Не маю! не маю! — пусти мене!“

„Але бѣйся Бога! пойду до пюпы! ратуй! — сказалъ затримуючи Юрья Бучко

„Ще разъ, не маю, не маю, не маю!“ — сказалъ Юрій, таѣ брень покотился мѣшокъ его съ грѣшми по земди; ту мѣшокъ розтворился, а зъ него забѣгли густо напханни сороковѣцъ. Сталосѣ то тымъ, же Бучко поймалъ утѣкающаго Георгія за тую руку, въ котрѣй ѓнъ що-нио счисленни а на ѓгданье Чепѣжистъ назначенни гроши своѣ держалъ; рука вылетѣла зъ кишенѣ, а за нею и мѣшокъ съ грѣшми.

„То ты менѣ такиѣ другъ вѣ бѣлъ! такъ дотримуешь пробу дружества?“ — сказалъ Бучко, прѣмѣхнувшисъ съ цоруганѣмъ.

„Не маю!“ — сказалъ сердито Георгій, сховавши мѣшочокъ съ грѣшми — „а если дружество твое оснѣванце на грѣшехъ, а не на моемъ словѣ, то есть оно ложю, и можешь залишити, нею кого дуриги.“

Георгій полетѣлъ стрѣлою, а розъяреный и злоудѣный Бучко пѣскочилъ до дому панѣ Чепѣжихи.

Найшолъ ю силашу при работѣ.

„Дай Боже счастье и добрый день! якъ ся мають всечестная паня?“

„Якъ я маюся? гмъ!“ — сказала задворена, съ явно франтованымъ супокоемъ — „якъ ся маю? — ось якъ то я.“

„Не былъ ту теперъ Георгій?“

„Панѣ Георгій? — а щомъ менѣ до паня Михайловича? —“ сказала паня Чепѣжиха дачатымъ голосомъ.

„Моя паня! можебъ зробили для мене великую ласку! Потребую лухомъ хомъ 50 золотыхъ, а то въ сей часъ, томъ минуты. Мой другъ Михайловичъ былъ такиѣ недобрый, та не хотѣлъ ми ихъ дозмычти, хотя я самъ видѣлъ, шо ихъ мае.“

„Такъ? — то коли уже панѣ Георгій, такиѣ честный человекъ и вашъ искренный другъ, шо —“ перестала, а очи еѣ забѣстали; но не змѣнивши голосу, кончила: „шо на васъ всрѣда такъ добре говоритъ, коли ѓнъ не хоче дати, щомъ я. . .“

„О моя доброцько! хочь на мѣсяць! на тыждень! на три дни!“

„Най вамъ той дасть, що въ очи каже, що есть вашимъ другомъ.“

„Та кто?“

„А ктожь вамъ скалнѣ зубы въ очи, кто кленеси передь вами . . . е, що мы тамъ!“

„А по за очи що?“

„Або я знаю? — а менѣ що до того? — не пхай пальцѣ помежь двери!“

„А предцѣ що такое?“

„Щожь я могу знати? — га га! — а цы вы то вчера дѣйстно такъ луже подмошались до той навѣдженон бахурки зъ-подо Юра?“

„Кто казалъ? — якъ то? ага! то зъ ѓтси бы малъ вѣтеръ вѣяти?“

„Ха ха! мало то щось тамъ быти.“

„И не мати на толькы смѣлости, сказати!“

„То ѓнъ вамъ ничо не казалъ? гмъ, дивно ми.“

„А що же ѓнъ казалъ?“

„Отъ ничо! — лише прійшошь, якъ опареный, муркогѣль щось скрѣзь зубы; — е! шо ми тамъ до того! —“ и ялася дальше шити.

„Але предцѣ, молю!“

„Кто бы тамъ хотѣлъ собѣ голову сушити людскими орудками! я маю шо иншое памятати, якъ о его добираемыхъ тигулахъ.“

„Господи! шо чую!“

„Хѣ хѣ хѣ! — цы ходили вы коцѣ подо чортика?“

„Та щожь?“

„Та ось, щось казалъ, шо будѣмъ вы тамъ колись подо лавою свата-лися съ собаками, цы шо тамъ — або я знаю, якъ то межъ вами.“

„И многожь того было?“

„Го го! на воловой скѣрѣ не списалъ бы половины того! Где моя бѣд-ная голова тое бы стямила! — Повѣдае — е, шо мы тамъ!“

„Заклинаю васъ на все, говорѣть!“

„Та щожь! шо правда, то вѣльно сказати и въ очи. Повѣдае: шо? той, шановавши васъ — мочиморда важитса свою негѣдную охоту ажъ до Оленѣ подносити! ѓнъ хоче зъ-подо лавы — ага такъ д бре — ѓнъ хоче зъ-подо чортиковой лавы ѓтъ чортиковой коростявки до того ангела свою — не гнѣвайтесь — морду вытягати! Слибы я не зважалъ, шо въ его обридѣмъ стервѣ искра Божая валенсь, то бы его збезчестилъ, подоцтягъ и прочая и прочая. Е, най васъ тамъ не-христь самъ годить!“

„Такъ? а щожь бѣльше?“

„Ха ха ха! дайтежь менѣ супокѣй! ще скажете, ще я настаю на ваше дружество. Ха ха ха! лишебъ вамъ не радила, намагатися ему съ вашими услугами, если хочете зъ него мати друга. ѓнъ каже: Не знаю, зъ ѓтки

тому безстыдникови тільки мѣди взялося на вытергѣмъ чолѣ, що ми всюда намагаєся своєю услужностію! Кѣлько разѣвъ уже далъ я муъ тоє пѣзнати!“

„То ѣнъ то тому буцѣмъ задуманый не зважає на мене!“

„Я тамъ не знаю вашихъ орудокъ; но щєбъ вамъ радила, разъ постатковаги, бо той совѣтникъ, до котрого ѣнъ все ходитъ, сварилъ неразъ на него, що съ вами заходитъ. Та и неразъ и пытаєся про васъ. А знаєте, Юрій самъ каже не разъ не два, що ему не возможно, неправду говорити.“

„Господи святий! могложь бы то быти! То ѣнъ чєй тому нарядилъ на себе, мовъ паяцъ якій, тую урядовую шапочку? — почервонѣлъ недавно тому, якъ чулъ . . . — зъ ѣткижь бы знала? гмъ!“ — муркотѣлъ, лѣтаючи великими кроками по покою Бучко. Станулъ потому, побѣлѣлый хустою, и двинилъ въ лице панѣ Чєпѣжихи. Таа стала дальше:

„Нѣ прошу, дайте менѣ супокѣй! Я лише кажу, що и другіи комѣрники неразъ чули, же они оба съ совѣтникомъ журились неразъ про васъ. Але мене до того не мѣшайте! Осъ вымовилася не хочачи, але уже бѣльше и слова не скажу; ще схочете потому мене до вашои справы потягати.“

Настала хвиля тишины. Бучко смотрѣлъ задуманый на паню Чєпѣжиху, котра свое шитъє супокѣйно проложала. Въ кѣнци сказалъ Бучко грозно супокѣйно:

„Хочете мати Юрья? що?“

„Шо? ябъ мала собѣ на голову брати такое послѣднего характера лице? такого интриганта, що мало говоритъ, а радъ бы чоловікка затруилъ своими обманчивыми заходами . . .“

„Алебъ вамъ не завадило помститися на немъ?“

„О! шо врияды мои, то не подарую ему, хочъ бы скрывался передъ мною и въ пеклѣ! за мою працю, котрою набивался, за мою грызоту, пакости, що ми дѣялъ. Коли чула, якъ ѣнъ выгадує на васъ, то кажу, щѣбъ если не людей, то хочъ Бога боялся, та пригадалъ собѣ численныи ваши услуги. А ѣнъ, якъ не усѣлъ на мене! Шо зъ роду не чула, тоє и ѣтъ того дивачиска слухати мусѣла; я, котру всѣ . . .“

„Отже за всѣ тоє и за мене можете ся легонько помстити; а то такъ же ѣнъ буде приневоленый, мати собѣ то еще за счастье, если пойдете за него. Но за тоє треба менѣ позычити 50 риньскихъ.“

„Я не маю зъ-ѣтки, 50 риньскихъ выкидати.“

„То хочъ тридцять.“

„Дайте менѣ супокѣй!“

„Коли такъ, то и ничо; но я вамъ про тоє скажу. Идѣтъ лише до полиціи, и скажѣтъ, же Юрій спроваджує заказаныи книжки зъ заграницѣ, а буде всѣ добре.“

„Гмъ — та оно и правда, що онъ книжки зъ всего свѣга зводъкае, а за правду не ма грѣха — але . . .“

„Цы правда, цы неправда; вы идѣть лише до полици и скажѣтъ, що чуєте. Онъ поде въ камашы, а вы можете его выкупити по дѣ условіемъ, щобъ тое, якъ вы знаете . . . А шо? добра рада? га?“

„Гмъ — але цы не буде ему шо больше? може Берно?“

„За тое не бѣйтеся; знаю справу въ самъ добрый смакъ досолити.“

„Е — гдѣбы я на кого передъ полиціею доносила! — Але правла! якій онъ для мене, такъ я ему. Почкай! допѣкъ ты бѣдной сиротѣ, прійде и на тебе клочка. Позычу вамъ 50 реньскихъ, але за квитомъ.“

„Добре; — въ сей часъ напишу — ось и штемпель.“

Паня Чепѣжиха пошла до другого покою, заперлася, обкрутивши ключъ два разы, и вынесла по доброй хвилѣ общыныхъ 50 реньскихъ. Бучко написалъ тымъ-часомъ давно квитъ и ждалъ еще на ню не мало.

„Щось вы дуже долго перебирали въ мамонтъ; нае емъ танъ быти не мало. Теперъ же идѣть околѣ полуни до полици, а я тымъ-часомъ постараюся, шо треба.“

Бучко вылетѣлъ изъ хаты и надыбалъ сторожемъ коло неп стоящого жиды. По долгихъ торгахъ присталъ жидъ на який часъ на 50 реньскихъ, а Бучко пустился по всѣхъ союзникахъ, дати имъ гелосъ о вѣроятномъ незабавки пересмотрѣ полиціиномъ. Вернулся потому разъ ще до дому панѣ Чепѣжихи, сховалъ якісь книжки на самъ задъ отворенои витрихомъ шафы Георгія; и сказавши панѣ Чепѣжихѣ, же уже може вти до двла, пустился знову до мѣста.

IX. Той туда, а той туда.

До сихъ поръ ишло Бучкови все легко, та не думалъ, якъ лишь о томъ, щобъ якъ справно заложити лапку. Но теперъ, коли уже все было готове, та нашлося досыть часу, подумати надъ своимъ дѣломъ, стали сомнѣнія въ немъ возникати. Якъ передъ хвилею все дѣла Юрѣ указовадися ему въ самомъ горшомъ свѣтлѣ, такъ стали му теперъ саміи благородныи свойства его на тямку приходити. Взляся переходити все обстоятельства, котрыи перше подозрѣны въ немъ возбуждали; а дивнымъ для него образомъ видѣлось ему теперъ, же все они ничо не доказуютъ. Теперъ пригадалъ онъ собѣ, шо Георгій самъ не разъ выкидалъ ему неосторожнѣсть въ бесѣдѣ, та шо безъ сомнѣнія Чепѣжиха могла коли нибудь подслухати его и зъ отси дознатися оныхъ обстоятельствъ, котрыхъ розказованемъ его недавно такъ дуже перепугала и въ вѣрѣ вини Георгія утвердила. Же Георгій кидался при кождомъ случаю, коли му шо отъ него не было до ладу, тое видѣлось ему теперъ знаменати его отвертѣсть. Зъ всего сталося му теперъ видѣти рѣчию невѣроятною, щобъ его малъ Георгій передъ совѣт-

никомъ оклеветати; а то тымъ бѣльше, коли собѣ пригадавъ многихъ вороговъ, котрыхъ малъ межи сотрудинками. Дальше сталъ онъ розбирать характеръ панѣ Чепѣжихи, и перепудился великимъ розличіемъ тогоже отъ характера Георгія. Одну лише неохоту Георгія, позычити ему грошей, котрымъ власнѣ малъ, не мѣгъ собѣ Бучко жадною мѣброу вытолковати, а такъ видѣлося ему всё въ характерѣ Георгія двоюзначное.

Въ самъ часъ непокоящихъ тыхъ сомнѣній ударилъ Бучка, мовъ громъ якій, голосъ Георгія. Занятый догадками, не зважалъ онъ, же Георгій переходячи коло него, закликалъ звычайнымъ своимъ дружескимъ голосомъ:

„Бучко! прошу тя, ступи но до мене, та вынеси ми мой новый плащъ и свѣтскій капелюхъ; ось маешь ключъ до шафы.“

„И я не стою о обманчивыхъ“ — кинулся Бучко.

„Ты розсерженный може на мене, же тобѣ може що прикрого сказаль. Прости брате, бо менѣ втогда тая навѣджена Чепѣжиха сотно надѣла.“

„Но но! ты не маешь грошей для мене.“

„Вѣрь ми, що теперь гадаю плащъ заставити, щобъ мати тому чортову бѣдати; бо тое, що маю, не стане и на половину долгу. Нынѣ переносуся со всѣмъ отъ кел.“

„Якъ то? а що говоришь ты на мене?“

„Колѣ?“

Бучко сталъ трепетати. „Въ самомъ дѣлѣ ничѣ?“

„Передъ кимъ?“

„Чепѣж...“

„Въ ния Отца.. або я що?“

„А передъ совѣтникомъ? — але правда! до чого то?! Бывай же здоровъ; маю ще важную орудку.“

Закѣмъ Юрій отямился, уебкъ Бучко и polegъвъ вѣгромъ до п. Чепѣжихи. Тодъ не было уже дома. Глуха Зоська скажала, що она передъ хвилию уже пошла до мѣста. Бучко вынялъ чимъ хугше вложенны нимъ самими недавно книжки изъ шафы Георгія и хотѣлъ ихъ на огонь кинути; но же той не быдъ еще розложеный, яся що сила розгоргати стѣсъ камѣня, стоящій подъ стѣною хаты. Вываживши спѣдний огромный камѣнь изъ мѣстця, завадилъ онъ огородинкомъ о шмагу, котрую дармо брался вытягнути изъ землѣ. Откинулъ землѣ ще троха — тягне — тѣй пѣзнае закопанный мѣшокъ грошей. „Ага! сокровище нашей панѣ! Шкода же нѣтъ часу, познакомитися съ нимъ ближе.“ Положилъ на мѣшку книжки, приложилъ каменемъ и береся отходити. Въ томъ часѣ надлѣтае до его уха отъ улицѣ шось мовъ гомонъ идущихъ и брѣвкоть оружья. Допалъ чимъ хугше плота, скочилъ верхъ него до сусѣдного огорода, гай махнулъ садами по-за мѣсто.

Сымъ часомъ пошла пани Чепѣжиха до полиціи. Скулена во двое ступала тихенько, мовь бы ся бояла, щобы кто не учуль ей ходу. Понеже директора не было дома, то казали ей ити до комисаря. Механичнымъ образомъ послухала наша пани тое, що ей казали, и запукала тихенько до дверей. Никто не просилъ до покою, лише сильная фортепяновая гармонія далась зь-отгамъ чути. Напукавшися еще кôлька разôвъ дармо, набрала въ конецъ наша пани отухи, и запукала такъ голосно, що ино могла, ажъ сама перепудилася своего пуку. Голосное „прошу,“ вытяганое при ôтгомонѣ полной фортепяновой гармоніи театральнымъ образомъ по всей музыкальной драбинѣ геть и назадъ, ôтозвалося на пуканье; а другое: „щожь тамъ паню ту приводитъ?“ ôтспѣванное тымже образомъ, повитало входящую паню Чепѣжиху.

Станула передь паномъ комисаремъ полиційнымъ.

Разительное было розличіе межъ обома противъ собѣ стоящими лицами. Пани Чепѣжиха скулена въ двое, почорнѣлая, видѣлася, мовь бы все живое тѣло въ себе ближе трусящогося сердца втягнула; изъ-верху бо все ей члены, цы то дрожащія а горячковаго высохлыи уста, цы столпомъ затавщися очи, цы зимнымъ потомъ скропленная скôра, цы трусомъ ходящимъ руки та ноги, все осередному источнику житя гейбы послухъ ôтказали. Супротивъ же неи сіяло полное, пообѣднымъ удовольствиемъ покрасивѣлое, лысянкою увеличенное лице спорое череве передь собою носящого чиновника, передь котрымъ лоснѣла величястая холява пѣноокрытого що-ино напочатого затецкого напитка; видно нашъ лайтомышльскій крайиниъ покрьплялъ утомленныи ранѣшними бюровыми працями силы, угѣшаючися любезнѣйшими свого народа забавками: музикою и пивомъ.

„А! витайте!“ — скочилъ гаялнтерійно комисарь — „витайте переднѣйшій взоре всѣхъ дѣвиць! Якому счастливому обстоятельству долженъ я честь вашей визиты?“

„Приходжу; — гм — при...“

„А прошу но, прошу сѣдати у старого кавалѣра. — Ге Іоганъ! принесь семъ еще одну скляницю! — Що вамъ скажу! Маю вамъ мурины коло самого Затецу; охъ выборыи хлапѣкъ! Онъ есть такъ буцѣмъ седякъ. Але ний ся сховае въ кутъ вашъ панъ передь нимъ. Що онъ ѣсть и пѣе въ Пятницю, то вашъ панъ не видитъ и въ Недѣлю. И онъ то прислалъ менѣ бочку ехтъ-Затецкого пива. Прочу, що то за барва! ехтъ-пивный бронзъ; якъ чисте! що за пѣна! а арома! Прочу—но скушати; цы было коли въ вашомъ Польску що похожого? Баварске пиво лише такъ обкрячали; але то есть найлѣпшій напитокъ на весь свѣтъ. Прочу!“

„Цѣлую руцѣ; ещебъ ся панна у молодця такимъ превосходнымъ напиткомъ упила. Краснôбъ то было?!“

„Ничо не вадить. Тобъ семъ пѣйшолъ съ вами ческа-полька, або вал-сера; а такъ буде аллесь гуть:

Якъ семъ былъ за Вислу
На тамту страну,
Видѣлъ семъ голѣчку
Упудрувану.

Не умѣете того спѣвати? О то есть ческа пѣсня, а знаете, Чехъ спѣ-вае, закѣмъ ся уродать, такъ ще въ матерной утробѣ. А ну прошу покушати!“

„Менѣ иде до плачу, а не до танцю! — но коли така воля вашего вы-сокомудрія . . .“ — Пани Чепѣжиха потягнула до половнич склянки, а то не безъ нагаданьяся; разъ, щобъ собѣ додати отухи, во вторыхъ же, понеже видѣла, що ту не выпадае, брати осталоє съ собою, якъ то бывало у людей потребующихъ ея помочи.

„А що, правда? — О то не Винникеръ, анѣ Ланцутеръ, що не гѣдныи и доброго слова. Тамто то простый хлопскій борщъ на супротивъ тои ес-сенци. У насъ драусенъ то и песь не кушалъ бы такои затраченои мик-стуры. Где ту анѣ такого хмелю, ни ичменю, ни волаы, анѣ майстра. Е — и дерева на кильштоки не ма ту такого. У насъ семъ мае ячмѣнь колосье, якъ у васъ кукуруза, а вуса, якъ мадарскій гранатиръ. Одинъ ученый довазуе недаромъ, же нектаръ греческихъ богѣвъ, то было Затецкое пиво. Пропу-но покушати того нектара, а журба утопится въ немъ мовъ въ Леть. А чому то мало бы нашой пани ити до плачу? — Певнѣ не хоче когрый должникъ платити проценту, а може и капиталу? Угадавъ? — Е моя пани! не будьте такъ строгии. Вы весь свѣтъ приводите до роспуки: молодцѣ то-плять то стрѣляются, же жадного не хочете отличити благосклонностію ва-шого дѣвичого сердца; а должники, же не даете имъ жити за-безъ процента! — А ну вольсайнъ!“

„Ваше высокородіе изволятъ жартовати; — где менѣ вольсайнъ въ го-ловѣ, менѣ житье не миле!“

„А ктожь то смѣе супокій вашего житья мугити? Скажѣтъ, а пѣсла всеи строгости права укараемъ его.“

„Охъ . . . гмъ . . . я сповѣдалася нынѣ у священника, що одинъ мѣй ко-мѣрникъ . . . охъ я такъ боюся . . .“

„А щожъ? той комѣрникъ не хоче комѣрное платити? А ктожь тоє на сповѣди говорить?“

„Охъ где-тамъ! Я сповѣдалася, що мѣй комѣрникъ, молодой школяръ, пы урядникъ . . .“

„Ага! туда-то, туда! той молодикъ ваше дѣвоцкое честолюбіе уразилъ. А не можъ бы знати, въ якѣмъ ступни?“

„О — дуже перепрашаю и прошу дуже, въ томъ отношенію зъ-далека! Еще що! — гмъ! — гадалъ бы кто Богъ знае що! що якъ ока въ головѣ свято

стерегла, щоб анѣ на жакове зерно тѣни на мевѣ не было — дуже прошу, мене такими рѣчами не афронтувати!“

„Нуже, до тисящ мильонѣвъ бутелѣкъ пива съ кварглями! шо тамъ такъ тайного; може той казусъ належить лише подъ печать сповѣди?“

„Казусъ цы не казусъ; але я сповѣдалася, же онѣ заказаны книжки зъ свѣта спроваджае.“

„Ба ба ба ба! моя паня! а цы знаєтеся вы на томъ, шо то заказаны книжки?“

„А якже не заказаны, коли ея съ ними ховае, мовъ той шверцеръ съ горѣакою передъ стражниками. Огже казаль мевѣ мѡй сповѣдникъ, щобъ я для супокою моей совѣсти сказала тое пану директору; а же пана директора не ма дома, то . . .“

„Ага — а якже ся той молодой школяръ цы урядникъ называе?“

„Георгій Михайловичъ.“

„Михайловичъ? кто бы того по немъ надѣялся! — Етъ ось идѣтъ! то вамъ такъ лише видятыся; такій порядный хлопакъ!“

Новоли прійшла паня Чепѣжиха до себе. Коли уже прійшло, доказовати вину, разъ уже Юрію причеплену, вернулася ей вся притомность духа. „Охъ! красно ми порядный, шо цѣлы ночи Гогъ вѣдае куда по-пѡлъ Юра уганяе, гроши на якісь тамъ книжки зъ заграницѣ марнуе, не иде якъ другій на феріи, лише по мѣстѣ вытрибенькуе.“

„Коли такъ, то шо иншого. Но розважайте добре, шо говорите; шо може вся будучность того чоловѣка теперъ въ вашихъ рукахъ.“

„А щожъ ему буде за тое?“ — спыталася съ тихонькою осторожностью.

„Если не много завинилъ, камати; сли много, Берно.“

„Га!“ сказала паня Чепѣжиха, урадована, шо все добре иде — „треба свою совѣсть очистити: оно такъ етъ, якъ кажу.“

„То прошу за мною до канцеляріи. Іоганъ! позбирай! —“

И пѡшли до канцеляріи, где списали немадый протоколъ. Незабавки розѡшлися полиційныи слуги на всѣ боки.

Шо яно розѡйшлося Бучко съ Юрьемъ, приступилъ до послѣднего товаришь его Поповичъ въ одежи зъ дороги.

„А ты ту шо робишь Поповичъ? не на селѣ?“

„Пріѣхалъ где-шо свого забрати, а гдешо купити.“

„А шо тамъ нового въ нашѡмъ селѣ?“

„Ничо. А сли хочешь, ѣдь со мною; — тамъ тебе страхъ вызирають.“

„Мѡй Боже! якъ бы я самъ того радъ! Але ще якій часъ нушу ту забавити; маю долги.“

„Долги?“

„И то не малы.“

„Много ти гребя?“

„Правда! Може ты въ состоянью, мене теперь поратовати. Не маешь зъ шѣстьдесятъ реньскихъ, котрыи ми ще нестаетъ; може за мѣсяць, або два надѣюся ти ихъ ѳдати.“

„Дуже добре! За ѳтсѳтки поможеш ми где-нѣщо въ моемъ предметѣ, зъ котрого испытъ я ѳтложилъ. Ходѣмъ же ту ось до сѣней.“ . . .

Пѳшли до недалекихъ сѣней, и стали раховати грѳши, пригорнувши головы въ купу. Ту вразъ учули голось: „Въ имени цѣсаря! межъ насъ!“ Здумѣлися оба; — Поповичъ сталъ си просити, но все не помогло ничо; а такъ приневолены были оба посередъ шести жолнѣрей ити на полицію. Глота цѣкавыхъ неробѳвъ гналася за ними.

„Бучко! Бучко!“ — кликалъ за идущимъ улицю Бучкомъ одинъ изъ сотрудинокѳвъ его — „ны знаешь, що ся стало?“

„Що такое?“

„Завели Михайловича и Поповича до полиціи.“

„А зъ-ѳткижъ ты ся взялъ Поповичъ?“

„Бѣда принесла го по рѣчи до дому.“

„Онъ мае паперы!“

„Ктожъ то мѳгъ знати, що такъ придастся!“

„Господи! що ту дѣлати? Видѣлося, що все добре, а ту що ось! — Га! такъ — най буде! пропало. Знаешь що? Якъ прійде до чого, зложѣтъ все на мене. Лише не заразы, ось такъ за двѣ недѣли. Розумѣешь? Все а все най я буду виненъ; ту для мене и такъ не ма ничо, хѣба сами долги. — О бывай же ми здоровъ друже! цѣлую всѣхъ а всѣхъ въ тобѣ. Цѣлуй Михайловича! — чей му ничо не буде; а не забывайте на мене! Отъ нынѣ за тыждень буду — Бѳгъ дасть! — далеко ѳтъ васъ — напишу.“

Бучко попрощался, мовъ бы на вѣки и побѣгъ, не сѣказавши, куда.

Х. Б ѳ д а .

Наша рѣчь дѣялася по тѣи часы, коли ще правительство тое за переднѣйшую свою должнѳсть почитовало, щобъ надъ бесѣдами и занимаемъся своихъ пѳдданныхъ самую точнѣйшую контролю провадити. Система тая домагалася превеликого числа тайныхъ надзирателей, котрыи, не боячися жадном контролѣ, неразъ въ намѣренью припѳдхлѣбитися вышше, помститися на кимъ або для иншихъ якыхъ мотивѳвъ, въ донесеньяхъ своихъ правды не все держалися; а пановавшій втогды въ вышшихъ сѳерахъ непонятный якійсь переполохъ передъ тайными махинаціями неразъ за вѣру давалъ такимъ доносамъ, котрыи въ очахъ не такъ трусливого теперѣшного правительства ува-

жаются перерзѣнья достойными выдумками; а дѣлая тамъ трепеть и ужась, где заглянувшій подобнымъ страхопудамъ неразъ безопасно въ очи теперѣшнїи правитель изъ всего смѣются, та всё само собѣ оставляють, и того звычайно дожидаются, же рѣчь нездалая сама въ собѣ распаднеться.

Нашихъ плѣнникѣвъ завели до великой салѣ, до котрой впустили ихъ обохъ купно. Понеже оногo року былъ въ сусѣдствѣ несупокѣй, то брали и во Львовѣ многихъ до политичныхъ вязницъ, а такъ нашли наши въ оной сали уже зъ десять соучастникѣвъ лихои ихъ долѣ, котрыхъ число множилося за каждую майже четверть-годинию. Были тамъ люде различныхъ сословїй: елегантскїи паны зъ села, звычайно купно съ своими гувернерами; были и мѣйскїи панички; были школярѣ, адвокаты и адвокатскїи писарѣ; ремѣсники, именно челядь; былъ и одинъ священникъ; лише жидѣ и хлопа не было жадного. Каждый держался самъ въ собѣ; и хотя не одинъ изъ нихъ малъ тамъ знакомыхъ въ той сали, то задавался всякїй, же жадного зъ нихъ на свѣтѣ не знае. Бесѣды было дуже мало, бо всякїй боялся въ другѣмъ шпѣгуна. Лише одинъ якїйсь панъ робилъ въ томъ изытанїе. А былъ то якїйсь отличный, дивный человекъ той паниско. Вѣку былъ онъ середного, гдесъ коло сорока; убранный зъ-польска; волосье и борода долги. Лице его было якоесь много и ничо не знаменующесъ, покрайне всюда въ прерозличныхъ наставленьяхъ малыми морщинами, котрыи однакожь зъ-далека, выдѣлося, зливались въ гладкое тѣло. Очи малъ дивной якоисъ барвы, такъ, буцѣмъ долго-долго не спали, та теперъ хочъ дивлять на кого, та якїсь полу-мертвыи, вѣчно однакїи, же, хочъ панъ нашъ говоритъ до смѣху, цы до плачу, на нихъ ничо зъ того не знати, они все однакисенькїи. И той то панъ не боялся видно ничого, бо правилъ свое смѣло, категорично „Що то мосане, они гадають край настрахати тымъ, же насъ кѣлькохъ мученикѣвъ казнити гадають! Горе имъ! часъ тиранїи уже почисленый! Стане народъ! потрясе кайданами, и вложитъ ихъ на своихъ томителѣвъ. Во Францїи уже гдесъ нынѣ — маю точныи извѣстїя — революцїя торжествуетъ; прїйде молодой Наполеонъ, и надолужитъ ошибку своего дядька, черезъ котрую онъ упалъ. Онъ воскреситъ Польшу, а втогда тїи, що нынѣ ту въ кайданахъ, будутъ диктовати права нынѣшнимъ владѣтелямъ землї! — Що то ихъ сила противъ силѣ народа? Москаль не поставитъ николи въ свѣтѣ бѣльше, якъ 100.000 мужа въ поле за границу; о Австрїи и Прусакъ и не говори! А ту миллионы народа, одушевленныхъ идеєю свободы! каждый герой, стае за десять платныхъ салдатѣвъ . . .“ и пр.

Такъ и бѣльше ще правилъ втогда паниско; правилъ слова, котрыи нынѣ уже со всѣмъ зъужитыи, находятъ всюда недовѣрчивое сомнѣванье; слова, котрыи втогда и погадати никто не посмѣлъ; но котрыи разъ где учутыи, при невозможности свободной дискуссїи про и контра, прїймались въ недосвѣдченыхъ умахъ втогдашнихъ молодцѣвъ, мовъ самая дѣйственная

полная правда. Большая часть пѣвниковъ, задавался, же той бесѣды не чует; али нашлись гдѣкотры, именно зъ помежь челяди, котрыи окруживши витію, слова его живцемъ пожирали. Межь послѣдними былъ такожь Поповичъ, котрый тронутый живою бесѣдою, захотѣлъ чимъ подобнымъ пописатися и кѣлька разѣвъ — хотя безуспѣшно — голосъ брата рвался. Но, коли уже недалеко того было, же надѣя его, чрїйти до слова, мала ся исподнати, шепнулъ ему ктось до уха ужаснымъ слѣва „молчи! то шпѣгунъ!“ — по чемъ нашъ Поповичъ, гей змытый, стягнувшись во трое, въ кутикъ сховался. Шепотъ оного неизвѣстнаго друга учуди и другіи, а такъ розбѣгся кругъ слушателей оного цигерона по сали, а незабавки настала крайная, душная тишина.

Долгій часъ было въ сали тихо, лачно, сумно: той смотритъ зъ пѣдъ ока передъ себе; той, пѣднесши голову бокомъ, видится, шось пѣдслухует, чого никто не чует; той влѣпилъ очи въ заставленое кошемъ ѡкно; тамтой сидитъ задуманный, голову пѣдперши; а другій ось, оперши голову до стѣны, плакати береса. Были и такіи, що по сали ходили; но ступанье ихъ было тихе, на пальцяхъ, мовъ то боялися, поступитися такимъ образомъ, котрый неизвѣстному котрому шпѣгунову яко полиціи противный видѣтъ бы ся. Томлящая тая тишина тревала долгую хвилю. Въ конецъ озвался ѡтъ крайнаго ѡкна слабый, тужливый, сумный голосъ, выводящій слѣдующую пѣсню:

Господари раду дайте!
 Несчастлиного ѡтбивайте!
 Руки, ноги повязали,
 И тяженько змордовали!

Пѣвецъ пересталъ; послѣдній пѣдземный зойкъ его звенѣлъ долго въ ухахъ пѣвниковъ, и всѣ задумалися молчки.

По хвили озвался зъ другаго кута дѣйстно гробовымъ голосомъ:

Не плачь мамо, не плачь,
 Що на войну иду!
 Втогда си заплачешь,
 Якъ зъ неи не прїйду.

Плаче моя ненька,
 Плаче сеструненька,
 Що ми ся мигоче
 При боцѣ шабленька!

Бодай тое мѣсто
 Вже ся разъ запало!
 Що нашъ тѣлько хлопцѣвъ
 Нашихъ геть забрало!

„З!“ — озвался кто-то из кута — „ту и такъ не веселье, а вы приведете вашими стогнами кого до рослуки. Нужь-но що веселого!“

Тай вразъ сталъ котрыйсь охочо:

И шумить и гудить,
Дробный дощикъ иде;
А хтожь мене молодую
До домоньку заведе?

Юрій розъехотился; а видячи, же новый пѣвецъ слабо держится, выручилъ его, впадаючи звонкимъ своимъ теноромъ:

Навинувся козакъ
При солодкомъ меду:
„Гулай; гулай чернобрѣва,
До дому тя заведу.“

„Ой прошу я тебе,
Не веди ты мене;
Бо я маю злого мужа,
Буде бити мене.“

Ту отворилися входными двери. Плѣнными гадаючи, же ними впуотять нового обвиненного, не переставали спѣвати. Но новый прибывшій былъ капраль полицейный, котрый покраснѣвши отъ гнѣву, ударилъ колька разѡвъ палицею сильно по дверехъ, и крикнулъ акцентомъ зраджающимъ жидъ, цы выхреста:

„Молчѣть! — Що то? такъ вамъ ту весело, мерзенными ребелянты! Лише не будьте тихо, то вамъ заспѣваю, що вамъ охота до криковъ въ сей часъ отойде!“

Наремно пересталъ капраль говорити. Око его узрѣло Юрья, стоящего мовь-то на челѣ спѣвающихъ, въ несчастной урядовой шапочкѣ. Полицейникъ розѣлся тымъ страшно, и крикнулъ що мѡгъ, стронувши зъ Георгія палицею шапочку:

„И вы ту? — вы! лукавый Иудѡ! — Вы, котрого цѣсарь кормить, платить, мовь свою дитину! И вы смѣете противъ вашему татови ворохобню распочинати! — Ой!“ — ту стала бесѣда его страшно грозною, а каждое слово выговоривалъ скрѡзь затятыи зубы, поволи и важко — „Ой! кобъ я былъ цѣсаремъ! я бы ты ту на мѣстци повѣсилъ! — На мѣстци въ сей часъ! ребелянтъ затраченный!“

Юрью стало страхъ жаль на души, же не почувуючися до ничего, такую зневагу малъ слухати. Но вразъ мовь бы приступила до него, розъяренного ще пѣниемъ, дивная якась, десперацкая охота, котра може и Васъ коли, любезный читателю, въ похожихъ крайнихъ бѣдахъ нападала; заспѣвалъ

нашъ обернувшись до соучастниковъ своеи долѣ, нагикаючи на жидовскій выговоръ капраля:

Кшяклѣ вшѣсцы еднымъ гльосымъ: ай вай! ай вай!
по чемъ всѣ гей бы на змѣву побѣверталиси ѓтъ капраля, тай стали свѣвати на знакомую нуту:

Ай вай, вай вай, вай вай вай,
Ай вай, вай вай, вай вай вай,
Ай ва й!

Пѣся якъ пѣся; але найѓрше было ту тое обстоятельство, же свѣва-
ющѣи, обернувшись въ часъ свѣву а фронтѣ до капраля, за каждымъ вай
по жидовски кланялися, а такъ ти поклоны, поверненны въ противную ѓтъ ка-
праля сторону, для тогоже значенѣ дуже проничное и оскорбляющее мали.
Коли наши пѣвцѣ обернулись назадъ до полицая, не было его уже въ сали.

Пѣвники урадованы своєю смѣлостю, реготалися по ѓтходѣ капраля
добрую хвилю. Юрѣи смѣяся за всѣхъ; но незадолго стала природна его
задума и тревога брати верхъ у него. Небавомъ озвался на дворѣ гаморъ
и пукъ; чути было ступанье приходящихъ и различными межъ ними крики.
Въ разъ розпустилися широко двери; ними же влетѣла цѣлая купа
полицаяевъ и жольѣрей. — „Где ѓнъ? — котрый то? — бери! —
давай го ту! — ходи но пташку! — Гайда до монастыря! —
до целѣ! —“ Таки и похожи крики загудѣли по сали. Вразъ подыбали
Юрѣя, ухопили, вытаскали зъ салѣ и доволокли до поблизкого прѣвеликого
монастырскаго муру. Коли ишли подвѣрьемъ монастырскимъ, учули зъ про-
тивной его стороны выходящѣи печальный зойкъ невѣсты. Сталъ великѣй
различнозвучный гаморъ; уличники, бѣгши доси за Юрѣемъ, полетѣли въ
сторону, зъ котрой зойкъ озвался; Юрѣи глянулъ такожь тамтуда, и уви-
дѣлъ омѣлую Оленю, упадающую на руки якогось пѣдбылого пана. Нашъ
розѓгнался, бѣгчи до своего ангела; но ухопленный твердою рукою за плечи,
заточился въ-задъ межъ сѣражу. Ту знову голосъ якѣйсъ, загаяющѣи на
чѣское „Маѣсь! маршѣ помочи до пана консиляря Путицкаго!“
перелетѣлъ мимо нихъ, а вразъ скочилъ одинъ сторожъ въ сторону Оленѣ.
Юрѣи гадалъ, же може той Путицкимъ приклонный голосъ схоче и его
пѣдратовати, и сталъ рвати и кидатися на всѣ боки; но все тоѣ не помо-
гло ничо; весь свѣтъ забылъ нимѣ на него, та небавомъ затаскали его на
невидный коридоръ, а зъ того до тѣснои, темной цѣпы. И ту ще не давался
нашъ сердега що мога; чѣпался руками, ногами дверей и кричалъ пѣдъ не-
беса; но въ конецъ и тымъ не порадилъ; шпурнули нимѣ сильно на спо-
рохнѣмый тапчанъ, котрый пѣдъ нимѣ завалился; трѣснули тяжкими дверми,
обернули въ нихъ ключемъ три разы, тай лишили нашего Юрѣя схованого
на-безпечно.

XI. К о н е ц ь .

Бѣдный былъ Юрій въ своей темницѣ. Не давно жавый, охочій, чистый молодець, одушевленъ надѣєю ще бѣльшого счастья, стогналъ онъ теперь надъ заломанымъ барложискомъ въ тѣсной, невидной, мокрой, нагостѣнной ямѣ. Рвалъ собѣ бѣдняка густыи кучеры, котрчи колись паню Чепѣжиху такъ живо въ очи закололи, билъ рукою по бѣлѣмъ, молодѣмъ личку, то головою до твердого камня; то знову заломуючи руки, ѳгъ кута до кута затачался. Очи его, синіи, чернобрѣвыи, меланхоличныи, колись такъ подобныи очи помрачѣли густыми слезами, та судорожныи изъ жалу глыпаньемъ; духъ запирала му крайная, пекущая туга.

„По що я такій лихій! убійца! тронитель домашнего счастья! — Я дуракъ! негодный — не здальный до ничего — не годенъ по людски и разъ поступитися самъ! — Видкое, явное проклятіе ходитъ въ слѣдъ за мною! Где лишь поступлюся, всюда непорозумѣнье, плачь — заводъ — несчастье! По що менѣ, назначенному несчастною судьбою, было ходити, мутити спокойной ангелского того существа! переднѣйшого дѣла Божого! его чистое серденько занечищати гадками о менѣ негодномъ! а теперь видѣти, якъ ти очка — небо! — потемнѣли! а може и не отмятятся! якъ житейко тое, достойное счастье, рай земскій кому сотворити, той цвѣточокъ пречудесный, теперь зовяне гореноснымъ повѣньемъ моимъ! — А все все за-безъ мене, мене ледащого! що не знаю самъ собою провадитися! що дурною якоюсь работою дѣстался ту до того злоповѣстного мѣстця!“

Такъ и бѣльше заводилъ нашъ Юрій, засумованный крайнѣйшимъ горемъ. Якоесь сильное ступанье, гаморъ и многіи голоса по коридорѣ далися небавомъ чути.

„А где той саперменцкій хлапѣкъ!“ — отличился одинъ голосъ надъ другіи — „гераусъ! — где той убійца, мятежникъ? — давай го ту!“

Двери до темницѣ Юрья ѳтворилися, ними же вѣйшолъ извѣстный намъ полиційный комиссаръ.

„А! — такъ мѣй пане? —“ продолжалъ комиссаръ — „то вы на-передъ одной пѣдбылой паннѣ голову завернули, а потому взялися молодыхъ мантиити! А що найѳрше, вы дерзаете капральскій гоноръ оскорбляти, мятежи пѣдносити! — Гей! такій молодой, а такъ небезпечно, полиціи противное индивидуумъ!“

„Господи святыи! —“ просился Юрій — „перестаньте уже разъ мучити мене; та помилуйте, если не мене, то хочъ бѣдну сироту, що ту гдесъ незнати за що, передъ часомъ марно иде зо свѣта Заклинаю васъ, скажѣтъ чи же Оленя?“

„Вы бы хотѣли може ще третю? --- Го го! ничо зъ того. — Гей гей! — то я старый гадалъ, що собѣ хочъ пѣдъ Юромъ що выховаю, а ту ось бѣда нанесла паничка, що менѣ хапъ дѣвчинку зъ пѣдъ носа! А я ще теперъ на свою бѣду та нужду омѣлу тверезилъ; всѣ прелести сїяли зъ близка на мене! щобъ мене на вѣки запаморочити! — Але ходѣмъ зъ тои затраченои пещеры, бо ту чути щось, гей гробное предисловіе. Я бѣгъ за вами, щобъ васъ ту не запхали, але знаете, що тамъ ось съ вашою дамою дѣлося; а дамы мають всюда первенство.“

„А гдѣжь она теперъ?“

„Но но! — есть она у добрыхъ людей; у своего дядька, що ту обytae въ монастырѣ. Але правда! — тоту росправу до Альгемайнера писали вы?“ и показалъ извѣстны Юрію паперы.

„Або що?“

„А бодайже васъ! а ту недавно тому была вся полиція на ногахъ за авторомъ тои статейки, и не успѣла. Красно! отже то ми права дорога; а не то, що тамъ Вуттке и похожіи куромазники смазуютъ, що ажъ челоувѣкови назадъ вертаеся. Онъ бы противника въ сей часъ зѣлъ и попилъ по нѣмъ гальбу пива. То не той способъ: Ту иде все, якъ мае быти, съ повагою, умно и розумно; всякому своя правда: ту маєшь рацію, а ту выбачъ! Тое я люблю, и вамъ пророкую добрыи надѣи. А тотѣ нуты, то може ваши композиціи?“

„Но я щожъ?“

„Браво! брависсимо! Зъ васъ буде колись дѣйствый мestro! А! — то превосходное! Трамъ та рѣта! галь ля ля ля! — Е! то сипербъ! А тое въ Бе моль, то самое чоло композиціи! А що за переходы, а тая чортовая fuga! Но но! що то мы вмѣсто заказаныхъ книжокъ у васъ познаходили! — Знаете що? вы маєте быти конечно изъ ческого роду.“

„А то знову зъ-ѣтки?“

„Цы не звался може вашъ честный отецъ або дѣдъ Михалѣчекъ?“

„Нѣтъ! Правду сказати, звали мого дѣда по просту Михайлѣвъ.“

„А не можъ бы знати честной родины, зъ котрой походитъ ваша мама?“

„Шведица.“

„То то то то! А видишь? — Не казалъ я? Перекручено, перекручено! Зъ ческого Шедивиль; чуete Ше-ди-виль; чисто ческое назвиско: на мою душу чesке!“

„Але анѣ гадати! мѣй дѣдъ и прадѣдъ по мамѣ писался все Шведицкій.“

„То не може быти! — Така музыка! така композиція. То хiba кто до вашей крови перешверцовалъ кусъ чesкой стихии. Друмъ думъ дѣ да ля ля ля! А! експелентъ!“

„А щожъ Олена!“

„Е вамъ все иде въ ладъ; лише менѣ плачь! Но, коли менѣ выдерли тое брилліантъ-сою, то хочъ давайте руку, же я буду старостою. А я вамъ спроваджу на весѣлье такого ехтъ-Затецкого пива, що вашъ прадѣдъ такого и о сто миль не нюхалъ! аккордъ!“

„Але прошу! заведѣтъ мене уже разъ до неи.“

И пошли — стрѣгидись — повитались — якъ? тое описовати не Григорію Саламасѣ. Щось тамъ много выпыговалися, перебѣгалися, смѣялися и плакали; всё же закончила невинная, дитиняча радѣсть.

Незадолго по Юрью выпустили и Поповича. Счастье для него было, же куфры его вынесены были, яко заваджающіи непотребно въ покою, на гору; а госпоdynя его, котрая уже неразъ по такихъ бувалищахъ набывалася, вмѣсто его куфра куферъ иншого школяра полиційникамъ указала. А же въ томъ не было ничо заказаного, то и не тримали Поповича долго, но пустили на волю.

Паня Чепѣжиха вернулася при недоброй охотѣ до себе. Цѣлый тыждень не показовалася бѣдна изъ своеи хаты. За двѣ недѣли по оной несчастной для неи катастрофѣ принѣсъ ей извѣстный намъ листомосецъ листъ зъ Берлина. Содержаніе его было слѣдующее:

Всечестная паня!

Дуже мене болитъ, що въ тяженькомъ вашомъ горю и я може закурити васъ буду приневоленный. Понеже Господь Богъ далъ такъ несчастный оборотъ спѣльной нашей справѣ, а за-рѣвно розумъ якъ и право наказуе, щобъ коштовъ програнои справы ѳтъ того, кто до неи далъ первую причину, отже ѳтъ васъ домагаться: то прошу, не возьмѣтъ менѣ за' зло, що малъ тѣлько смѣлости, позычити собѣ зъ доброго схованья вашего пѣдъ каменемъ тысячку талирѣвъ, котрыи, скоро лише до чого прійду, ѳтослати вамъ не залишу. Прошу васъ ще и раджу, щобъ за мене до Господа Бога щиро помолились, чтобы тойже въ неизмѣримой своей благодати соизволилъ менѣ грѣшному и окаянному дотюпатися счастливо до береговъ Америки и тамъ вашими грѣшми чого доробитися. Въ противномъ бо случаю не возможно бы ми было, зъ долгу моего выплатитися; именно, коли гроши ѳтъ васъ позыченныи, поѣшли уже для зѣпшой обезпеки иншою дорогою до новой моеи отчины; а такъ я самъ, посватанный до того не мало съ жидѣвскими лихвордерцами, не мѣгъ бы съ вами по совѣсти обчислитися. При томъ случаю маю честь, писатися вашего шкодостроительного остроумія великій почитатель а несчастья спѣльникъ

Герасимъ Бучко.

КАЗНЬ НЕБА.

Оповіданіе Анатолія Кралицкого.

На цѣломъ подь-Бескидѣ во свое время Властичъ былъ найбогатшимъ. — Казалъ емь во свое время, бо знай, что то еще тогда сталося, коли нашъ подь-Карпатъ управляли крайники, та жураты; былъ — не хвалачися, и князь свой. А нашимъ пра — Богъ знае которымъ еще — прапрадѣдамъ не такіи гараздъ былъ, якъ намъ теперь.

Что было то ся минуло, каже руске присловко, а намъ тутъ не иде, лише про пана Властича, та его долю.

А она досыть сумна!

Якъ помѣщикъ трѣхъ селъ, наслаждался онъ немалымъ уважаніемъ и честию у своихъ земляковъ, но уже якось-то ци слабость ци Богъ знае что, звыкло вести богатого и поважаемого чловѣка зъ большой чести въ объятія почтенной госпожи — гордости.

Та и не легко позбыгися такихъ объятій.

Не иначе дѣся и съ нашимъ Властичемъ; же богатый, шкода про тое больше и говорити, но молодой, уроливый, а къ тому еще ученый. — Такъ нѣтъ и сомнѣнія, же закрутилъ онъ неодной дѣвци голову. Где-будь появился, всяды пріймали его щиросердно; за-мужъ готующися дѣвки пасли по его мужеской постати свои черныи очицѣ, та и при гадцѣ: кобы то онъ привелъ уже разъ жениховъ, не разъ изъ глубины сердца вздыхали.

Але бѣда, бо Властичъ якъ гранить, малъ емь казати, — якъ вѣчно-свѣтлый верхъ Карпатовъ, на который дармо стрѣляетъ ясное солнце свои огненныи лучи; не есть то воскъ, та и не хоче топится. Га, у Властича своя воля, онъ не хоче знати, что есть черевяковое правительство.

Велося тое мае быти за три, ци больше годовъ, же Властичъ оставалъ собѣ Властичемъ, гранить гранитомъ; та и годъ прелестнымъ очамъ зрѣбити зъ него воскъ. — Ажъ наконецъ сполнилось на немъ якогось-тамъ жудреца такъ часто повтораембе слово: „quod differtur, non aufertur“. — Якосъ его счастныи, — ци несчастныи жребій снѣсъ съ Оленою Бактушевою, которой жарнимъ стрѣламъ очей годъ было уже далее поставитися. Тутъ Властичъ принужденъ былъ вывlechися Властичевской натуры.

Склонилъ голову, и поддался. А случай сей зробилъ въ его житю новую эпоху; вывелъ конецъ, который любятъ называти траги-комичнымъ.

Лучше было остатися тобѣ гранитомъ, та не слѣдовати норовамъ подобныхъ тобѣ смертныхъ! Но конечно ты тому невиновать, же кромѣ тебе суть на свѣтѣ и Олены; а у нихъ такіи уязвляющіи стрѣлы.

Та уже кто то былъ виновникомъ его такой перемѣнѣ? Что же есть то за Олена, може яка княгиня?

Нѣтъ, -- сирота.

А коли кажешь: сирота, разумѣй при томъ: и бѣдная.

Властичъ же богатъ на весь свѣтъ.

Сталось, якъ звычайно звыкло ставатися, Властичъ взявъ Олену за жену. Та и не окламаня. Супруга зъ ней яку глядати; любяща, скромна, а къ тому доглядалива господиня; Властичъ не стоналъ подъ черевниковымъ правленіемъ. И свѣтъ имъ былъ такъ переживати минуты житья, которые бѣгли будто мысли. На лонѣ всеоживляющей и увеселяющей природы, подъ тѣнью розложистыхъ деревъ въ опрятномъ и вкусу отповѣдномъ домѣ, прожили ужи три лѣта, будто три години. — А Богъ мирное ихъ супружество пожегналъ двома дѣточками... здоровы были якъ жолудь, а здоровыи якъ макъ.

Тожъ и радость была зъ нихъ немала для родичей; только съ тымъ различіемъ, же у Олены она была глубокшею, чѣмъ у Властича; въ самой рѣчи и дѣточки якосъ охотѣйше пригорталися къ матери, нежь къ отцу, которого и за колька дней не видали... Властичъ сталъ оставати зъ дому уже и за долшое время, а се начало бывать густо-часто. Властичъ холоднѣе что-день горше, стае быти суровѣйшимъ. Бѣдна Олена проливаетъ слезы, предвидитъ якусь грозящую ей лиху долю! Дѣти видячи мать слезящу, сами плачуть, тай наплакавшись... засыпають, и спятъ, солодко мовъ ангелы у раю, а мати бѣдна лебедитъ надъ ними будто св. хранитель, та пригладжуе ихъ жолтыи кучеръ.

Гробную тишину наразъ прервалъ топотъ конскихъ копытъ. Властичъ по пятидневномъ отсутвіи надойшолъ; вступилъ у комнату жены, прибралъ суровый видъ, и бѣгшую ему въ объятія Олену жестоко отругилъ...

„Збери сейчасъ свои цундры, якіи есь принесла; ту маешь сто таларовъ на дѣти, годуи ихъ собъ, — и вонъ ми зъ дому!“... зарвалъ на ню не-по-людски Властичъ, бросивши ей у пазуху сребро.

Бѣдна Олена — здавалось — хотѣла чось промовити, но не стало силъ, мовъ у Лотовой жены. — Не очунала борше, ажъ якъ ей выложили на возъ и кинули на колѣна дробныи дѣточки, тай погнали бѣсомъ къ родному селу.

Вылскала несчастная цѣлымъ мѣсяць у горячцѣ; якась добра душа пріяла ей до своего дому, тай кормила дробныи ребята, а недужну якъ мога гѣчила.

Стало на томъ, что Олена помалу прійшла къ собѣ; и коли уже значно выздоровѣла, взяла одно дитя на плечи а другое на руки, — тай нужъ до крайниковъ жаловатися на Властича.

Крайники зобрались, и составили судъ.

Властичъ позыву ихъ повиновался и зъявился на судъ.

„Знаешь женщину сію?“ спросили они.

— „Не знаю —“ отвѣтовалъ онъ холодно.

„Она жена твоя! —“

— „Нѣтъ!“

„Присягай. —“

— „Я Властичъ, божусь разъ — другій и третій разъ, ожъ женщину сію я незнаю и что она не есть и не была моею супругою николи. —“

— „Мужу! поглянь на небо, оно отомщати звыкло кривды! —“ заголосила съ отчаяніемъ Олена.

Властичъ затвердѣло поднесъ очи надъ небу.

А у облакахъ правѣ згромодилися тогда тяжелыи облаки громовыи; была великая спекота. — Столклися хмары; тай грянуло страшенно. . . .

„Но найже ударить до тебе перунъ только разъ, колько рѣзы ты надармо божился!!! —“

Сповѣла, тай схватила одно на плечи, а друге на руки; и пошла тамъ, где найглубша есть Латюрка.

На берегу рѣки, надъ самою зѣвующою пучиною пала на колѣна и стала молитися Богу. — Якъ скончила, взяла старшее дитя на плечи, привязала рученята къ грудямъ; а молодшое примжала сильно къ собѣ. . . . зажмурила очи тай — у глубину!

Волны зашипѣли надъ ей головою. —

У самъ той часъ блысло . . . трѣсло . . . перунъ ударилъ до судебнаго дому и запалилъ го. —

Властичъ зо страху простерся вздолжь на землю, и думалъ, же уже туй кончина!

Но нѣтъ, то лишь Олена прощалася съ свѣтомъ. Она еще два разы мае озватись. — Властичъ схопился, выбѣгъ изъ горяшого дому, тай якъ-бы и о ничемъ не зналъ, — прямо бѣгъ въ обѣтія своей Ксенѣ,

Ксеня была дочь богатаго крайника, любила Властича всѣмъ дѣвочимъ жаромъ, мимо того жебы была знала что объ Оленѣ; Ксеня была невинна, не знала, же Властичъ женатый. А нашего героя несчастлива кончина бѣдной Олени и не тронула; онъ фараонски затвердѣлый былъ, не опаматался и на первый погрозъ неба, та безъ всякого возмущенья провадилъ свое далей. — Между тѣмъ Олену съ дѣтьми вытащили рыбаки, и прилично похоронили на берегу. Чужи люде зробили ей послѣдню выслугу, — чужи слезы капали на домовину, бо Властичъ гулялъ у Ксенѣ, и готовился на другій день съ нею до слобу.

Но небо иначе судило!

День тотъ наступилъ, такой красный часъ былъ, такъ ярко свѣтило солнце на небѣ, же ажъ мило было. На цѣломъ синемъ поднебьи ни одного облака, только одна чорна точка на азурномъ морѣ, а и то такъ маленька,

что ледво доглянешь окомя. — Казалось, и сама природа праздице, и она бере участь въ радощахъ Властича.

Весела толпа свабедныхъ сближалась къ св. храму, саміи крайники и жураты съ своими женами, а на чель Властичъ съ Ксенею. Стали у порога церковныхъ воротъ. — Священникъ сталъ держати свою рѣчь о важности и значеніи брака, о догробной дубви и вѣрности; и просился дальще Властича, слюбуесть-ли онъ все тр своей Ксець? Отъ разу трѣсло страшенно. . . . перунъ ударилъ у саму середину толпы свабедной.

Якъ очунали гостѣ, съ удивленіемъ видѣли, же не сталося никому ничь, только Властичъ на двѣ сяжни отъ своей невѣсты лежалъ у порогу. — И ему не было ничь, лише потопилося сребро и золото на дорогой одеждѣ.

„Га, то былъ уже второй голось, то было второе прощаніе Олены!“ казали до себе старыи бабушки, утираючи слезу изъ лица.

И второе сіе прощаніе, поколебало уже Властича; зробило зъ него инакшого чловѣка, вступилъ до себе. — Ксения съ презрѣніемъ посмѣтрѣла на него, и сказала: „Еже Богъ разлучаетъ, чловѣкъ да не сочетаесть! —“

Всѣ розойшлися; — а Властичъ бѣгъ прямо къ гробу Олены; помодился „Отче-нашь и Богородице“ три разы за упокой души ей, и о корог кое время построилъ надъ гробомъ Олены часовню, и приходилъ на гробъ каждоенно молитися.

Долго жилъ онъ по сему; и когда видѣлъ, же збирають хмары, заразы бѣгъ на гробъ Олены, и ожидалъ послѣдного удара, послѣдного прощанія Олены. Но не дочекался. — Роздалъ все свое ищѣніе на церкви и монастыри; осталъ сирота убогій, и померъ убого.

Люде его погребли честно, и устремили до гробу крестъ, — а коли стали росходитися, ударилъ перунъ до гробу ! То было третое прощаніе Олены. !

А росходящіяся гробарѣ казали: „То казы неба!“

ПРОТАЦИ ЛЮДЕ.

О повѣданье.

(Ганнъ Олексіевнъ П-а-ч-к-в-б-й.)

I.

Пѣсля довгомъ холоднаи зимы, якіи у насъ на Украинѣ бувають дуже рѣдко, наступила весна. Все ожило, все стадо підніматись! Травиця позеленѣла, выпрямилась и дарма що ще була невеличка, а гордо и смѣло диви-

лась у гору: вона чула, яка велика обуза деспоту-свѣгу звалася зъ нею; вона пам'ятовала, якъ ёй тяжко було у неволѣ пѣдъ свѣгомъ, и вповнѣ впадала въ себе свѣжу, непорочну волю. Такъ само и дерева стали иншими, веселѣйшими, гордовитими, показнѣйшими: здається, и вони розумѣли, якими неграми-невольниками були вони зимою!

И люде на видъ повеселѣли, наче бѣ то и имъ полегшало весною. Одначе у де-кого чулись важкіи зѣтханья, а въ тыхъ зѣтханьяхъ для чужого сердца, чулась розумна зависть: люде завидували травѣ, деревьямъ, птицамъ; завидували усему вольному . . . И не диво! Птиця, котра сидить у квітки, хочъ бы се въ золотѣй, завидуе своѣй подружѣ, котра живе на волѣ, перелѣтае зъ вѣтки на вѣтку, сядовиться бѣля того листка, де бѣльше блищать роса, и пье живушу струю Божой благодати.

Людамъ не дано такого блага, такого вольного житья, бо не всяка душа и постигае велику — вѣчну красу такого житья! Може воно й краше, не всѣ способны проникаться такимъ чутьемъ и завидувати птицамъ. Таке чутье мають тѣлько великіи мученики; люде, котрымъ дано чуле сердце и непохибна душа. Тяжко имъ зъ тымъ сердцемъ, зъ тѣєю душею жити на свѣтѣ! не втерпѣть вони, щобъ не проговорити слова правды; не вдержати, и пустати божу искру, а вона ихъ жже и палить . . . Не ма имъ покою, не ма имъ утѣхи! . . . Тѣлько и всего ихъ, що весною полюбуються вольною волею матери-природы, да тымъ любованьемъ накличуть на себе ще гѣршу, ще тяжчу тугу, згадавши другу матеръ — свою родину . . . Плакати бы хотѣлось; — такъ слѣзъ не ма . . . предки всѣ заплакали. . . .

Такъ ото разъ весною у ранцѣ, якъ тѣлько ще, що начинало небо пѣдбиватись свѣгомъ, якъ гармонична хвала и пѣсня безловесныхъ не псовалася ще людськимъ словомъ, Василь Александровичъ Кленъ гулявъ по громадському саду. Утомившись одъ ходнѣ, свѣвъ вѣнъ на ослонѣ спочиги и вынявши зъ пѣдъ помы книжку, ставъ читати. Читавъ вѣнъ довго, грудь у ёго колыхалася, очи выясняли, далѣ швирнувъ вѣнъ книжку объ землю и выкрикнувъ: „а надѣ дѣтми козацькими поганцѣ панують!!!.“

Кленъ читавъ „Кобзаря“ и читаючи, перенѣся мыслями въ давню давнину; „Кобзарь“ пѣднимъ передъ нимъ завѣсу, котра закрывае исторію Украины. Въ очахъ Клена замигѣли бунчуки, ратища, червоныи жупаны, вороныи конѣ, вольнее войско и вольныи рады на чистѣмъ полѣ пѣдъ яснимъ небомъ Украины! . . .

Глянувъ Кленъ кругомъ себе и нагадавъ собѣ дичу картину; тюмькам'яницѣ, блакитныи мундиры, суды запечатанныи канцелярскою тайною, и ферце въ ёго загорѣлось другимъ огнемъ; вѣнъ ставъ самъ не-своѣй и не выдержавъ! кинувъ свою св'ятыну, свое евангеліе, котро разъ-у-разъ, якъ тѣлько принявся Кленъ читати его, глыбоко разило его у велику рану! Знавъ Кленъ, чого стоить, — якъ розворушить ту рану, здавъ, що „Кобзарь“

безпремѣнно вразить ему ту болячку, одначе жъ не змогъ побѣдити себе, не здужавъ положити запретъ патріотичнымъ бажаньямъ!...

Седѣвъ Кленъ задумавшись. Чоловѣку зъ боку легко було прикмітити, якъ у Клена горѣли очи тымъ небеснымъ огнемъ, котрымъ палають души праведныхъ мученикѣвъ за недуга рѣдного краю!

И довгобъ ще седѣвъ такъ Кленъ, колибъ чійсь голосъ у низу за кущами не розбудивъ его. Кленъ спершу самъ собѣ не вѣривъ, думавъ, що ему приверзлось, бо въ той ранній часъ, здавалося ему, ще нікого не було въ саду. Ставъ вѣнъ прислухатись: голосъ справдѣ, да ще жѣночій голосъ!

Кленъ подѣшовъ тихенько до того куща, зъ-за которого чувся голосъ, и ясно почувъ, якъ женськи уста прорекали:

„Зъ дѣтьми и внуками втопить
Въ слѣзахъ жѣночихъ и дѣвочихъ,
Пролитыхъ нишкомъ, середъ ночи!...
А матчиныхъ горячихъ слѣзъ,
А батькѣвськихъ старыхъ крѣвавыхъ,
Не рѣки, — море пролилось“...

Кленъ увесь ставъ слухомъ.

„Трѣвай, ставъ говорити одинъ голосъ, спочину трохи, духъ захватае!“

— „Спочинь! одѣтвовавъ другій тожъ женській голосъ. Да скажи мѣнѣ, серденько Олено! на що ты такъ часто читаешъ отсю велику твору великого Тараса?“

„На що? Першъ усего на те, — що, по моему, се сама краща, високо художественна твора Тараса, а потѣмъ на те, щобъ вивчити ёй на память. Я ставлю Шевченка на рѣвнѣ съ Пушкиномъ, зъ Мицкевичемъ. Ты, Маню, читала що нибудь Мицкевичеве?“

— „А якъ же“.

„А его Reduta Ordona читала?“

— „Не доводилось.“

„Жалко! Нагадай мѣнѣ дома, я тобѣ дамъ прочитати. — Коштовна штука Мицкевичевѣ „Дѣды“, у насъ вони не всѣ надрукованѣ, а въ парижському выданью — сповна усѣ частѣ.

— „Мицкевичеве все гарне. Жалко мѣнѣ, що не виѣю читати по англицьки, а дуже бажаю прочитати Байрона. Переводѣвъ я не люблю. Мѣнѣ здається, щобъ понять и зрозумѣть такихъ поетѣвъ, якъ Байронъ, Шиллеръ, треба читати ихъ творы у первообразѣ, а не въ переводѣ“.

„Я начала учитись по англицьки, може до зими добре вивчусь ... Ты знаешъ Мицкевичевъ переводъ зъ Байрона „Прощанье“? Я перевела его по украинськи, да щось не гараздъ виходить.“

— „Чомъ же ты мѣнѣ не показала?“

„Кажуъ тобѣ, не гараздъ выходить. Слухай, я на память прочитаю першій пунтикъ :

„Прощай, прощай, мой родный краю,
Ты вже ховаешся въ туманѣ,
Вже вѣтеръ свище, море грае
И хвиля хвилю доганяе . . .
Въ заходной сонце сторонѣ
У бѣду пѣню понырае,
Его не бачить тамъ мѣнѣ . . .

Прощай! прощай мой родный краю . . .“

Довго ще Кленъ слухавъ таку жѣночу бесѣду и, слухаючи, самъ собѣ не вѣривъ. Говорили и про Бичеръ-Стоу, и про Квѣтку, и про Дикенса и про Жоржъ-Занда. Видно було, що говорящій розумнй головы, доброго батька дѣти, богато учились, богато читали.

„Чи воня? подумавъ Кленъ. Треба розбзнати, треба познакомитися зъ ними; такого золота на Украинѣ треба зъ огнемъ шукати, та й то рѣдко де найдешъ.“

Стали дѣвчата выходить зъ саду, Кленъ здалека пѣшовъ у слѣдъ за ними, думаячи прикмѣтити, у якій двѣръ воня подутъ. Да ба! не довелось! вышовши зъ саду дѣвчата сѣли у брычку и поѣхали, бѣдный Кленъ ставъ якъ укупаный, ажъ волосѣ на собѣ рвали. Чи воня? де живуть? — не знае, се роспытать не можна нй въ кого; бо на видъ вѣнъ добре не прикмѣтивъ ихъ, толькo голосъ тѣм, що читала, добре врѣзався ему въ память. — Въ саду больше не доводилось ему чути того чудесного голоса, хочъ и що-дня Кленъ ходивъ ранкомъ и въ вечерй у садъ. . . .

Разъ Кленъ, идучи по одной улицѣ, сразу остовбенѣвъ и ставъ у одиночного окна невеличкого чепуренького будничку. Вѣнъ почувъ знакомый голосъ! той самый голосъ, що читавъ у саду, теперь спѣвавъ:

„Ой поѣхавъ въ Московщину
Козакъ молоденькый“

Кленъ не втерпѣвъ, зайшовъ у двѣръ и ставъ пытати у дворника : „кто тутъ живе?“

„Панъ!“ одвѣтувавъ дворникъ.

— „Якій Панъ?“

„Якъ який!? Нашъ панъ! Михайло Феодоровичъ Барвѣнокъ.“

— „Се его й оселя?“

„А то жъ чия, якъ не его! звѣсно его!“

— А хто жъ вѣнъ такой самъ?“

„Хто панъ?“

— „Эге.“

„Да хто жъ — учитель!“

— „А то въ буалннку хто спѣвае?“

„То панночка наша, дочка его, Олена Михайловна. Да вамъ на що се все треба знати? Вы сами хто будете?“

Кленъ догадася, що вонъ якомсь не-яково зробивъ, роспытуючи дворника, повернувся и мерщѣй пошовъ зъ двору, не одвѣтувавши дворникови ни слова.

Мѣжъ учителями Кленъ мавъ доброго пріятеля Павла Ивановича Гречку, до его прямо и метнувся вонъ.

— „Ты знакомый зъ Барвинкомъ?“ спытавъ онъ у Гречки.

„А якъ же, одказавъ Гречка. У мѣсцѣ служимо. Гарный чоловікъ Барвинокъ. На що се тобѣ?“

— Познакомъ мене зъ нимъ.“

„Добре! хочъ и сегодня! вони люде хочъ и заможенькй, а простй.“

Недовго откладувавъ Кленъ. Умовились зъ Гречкою и пошли до Барвинка на другій день. Старого не було дома. Олена Михайловна сѣдѣла одна у своѣй національнѣй одежѣ. Тонка сорочка зъ широкими рукавами дробно розмержанними и вышитыми; блакитна корсетка и рожева спѣдниця. Коса у ёи була заплетена у дробну стрѣчку.

„Добрый-день, озавася першій Гречка, вѣйшовши у хату. Отес, Олено Михайловно! щирый мѣй пріятель Василь Кленъ, — дуже бажае познакомитись зъ вами и зъ вашимъ татусемъ.“

Кленъ уклонився.

— „Дякую! Дуже рада познакомитись зъ паномъ Кленомъ, одвѣтовала Барвинковна. Сѣдайте панове! татуса не ма ше зъ уроковъ, вѣнъ незабаромъ вернется. — А давно вы у нашому городѣ?“ спытала вона у Клена, глянувши на его своими палкими лясными очима.

„Не що й давно! друге лѣто. Здається — я тугъ и вырѣсь, такъ сподобася мѣнѣ вашъ городъ.“

— „Вы першій такъ кажете, а то у кого зъ пріѣзжихъ не спытаешъ, усѣ лають, кажуть: людей не ма!“

— „Неправду вони кажуть, заговоривъ Гречка. Якъ людей не ма? Якихъ имъ людей ше треба? Да хйба Петербурзськи верхогляды прядивляються до людей! Вы однй, Олено Михайловно, чога стоите?!“

„И я такъ кажу,“ додавъ Кленъ.

— „Дякую вамъ панове, сказала усмѣхнувшись Барвинковна. Только чудно мѣнѣ, що вы такъ кажете, нехай уже панъ Гречка — давненько насъ знае, а вы пане Клене уперше бачите — да вже й хвалите. Чи воно жъ годиться такъ?“

„Того що не въ першъ“, одказавъ Кленъ и почавъ розказувати, якъ чувъ ёи у саду. Тымъ часомъ вернувся и старый Барвинокъ. Поздоровились, познакомились, перекинулись прывѣтными теплыми речами и робпрошались.

Барвінокъ прохавъ Клена не цуратись его хаты и завертати до ёго вечерами, коли забажае.

— „А що“, спытавъ Гречка у Клена, вышовши зъ двору, „якъ тобѣ сподобались Барвінки?“

— „Золотыи люде! Здається: въ обохъ щире украинське серце и правдива козацька душа. Спаси Бѣгъ тобѣ, брате, що познакомивъ. У мене, наче камѣнь упавъ зъ душі, такъ мѣнѣ легко стало! . . .“

II.

Предки Клена були споконвѣчій Украинцѣ, люде богатии, мали вони на Украинѣ великіи маєтності: села крепакѣвъ, степы, лѣса, водяныи млыны, да звелись нй-на що, и не диво! маєтностей тыхъ вони не куповали, не працювали на ихъ, а все же добро подаровано имъ Московською Царицею Катериною II. у пору розруйнованья Украины.

Старый Кленъ — бунчуковый товарищъ — нічого не жалѣвъ на одплату за московскіи ласки; единого свого сына отдавъ на службу у московську гвардію, и записавъ его уже не Кленомъ, а Кленовымъ! . . .

Поступивши на послугу Москалямъ, Федоръ Кленъ не вертався вже въ рѣдну хату и вмеръ не бачивши рѣднои своеи Украины. За жытя свого вѣднъ худобу усю перевѣвъ, то въ карты попрогрававъ, то попропивавъ, то на собакъ, да на коней промѣнявъ. Жѣнка его, зъ Московокъ, умерла за першою дитиною — сыномъ Александромъ; може бѣ и зовсѣмъ перевелись Украиньски Клены, а завелись бы Московскіи Кленовы, колибъ у малого Александра не осталась на Украинѣ далека родичка, людина старосвѣтска и щира украиньска душа.

Прочувши, що Александръ зостався на чужинѣ сиротою безъ приставища, вона не довго галясь, не довго думала и забрала его зъ Московщины до себе. Богацько вылилось зъ неи поту, покѣль выгнала вона зъ Клененка чужій духъ и напоила его праведнымъ рѣднымъ животворнымъ духомъ и словомъ.

„Потѣль не вмиру, каже було вона, покѣль не выкуру зъ свого Санька (такъ вона звала Клененка) отого вражого дзеканья!“

И справдѣ выкурила. Зъ Кленова ставъ Клененко зновъ, и ставъ завзятыи Украинецъ!

По тридцатому року Клененко женився, не взявши за жѣнкою нічого кроме щирості, коханья, честі и красы. Тѣлько й було у ёго худобы, що зоставила ему стара родичка его, невеличкій кусокъ землѣ, да оселье зъ хатою.

Отежъ якъ гѣрько було ему у бѣдності, а служивъ вѣднъ чесно, хабарѣвъ не бравъ, хочъ служба его и прихильна була до сего. Служивъ вѣднъ „стряпчимъ“ у тѣй „конторѣ“, що позаводило московське правительство, ска-

совавши старци українськіи порядки, закони и суди. Питають було у Клена: „чомъ ты не просишься на кращу службу? тыжъ чоловікъ розумный?“

—„Проситись! у кого?, у кого проситись? одвітуе вінъ, у своихъ вороговъ! а щобъ вони не дождали! Я на сѣй службѣ и умру: тутечки все таки хочъ трохи есть свого рѣдного, хочъ трохи, — да запоможу своимъ братамъ. А що, якъ я выйду, да посадять такого сѣпаку, що й зъ мертвого здере? що тодѣ — хибя будѣ краще!? Добре раете, щобъ братѣвъ продавъ! тѣфу! ажъ бридко слухати. . . .“

У ту пору часъ одъ часу, все бѣльше и бѣльше скручували Украину, все бѣльше и бѣльше зрабовували ёи, добиваючись власной московскою нивелировки. Въ тридцятихъ рокахъ скасовали и тѣ „конторы“, де служивъ Кленъ, а за-мѣсто ихъ спорядили „Округи“; Кленъ zostався безъ службы „за штатомъ“. При его бѣдностѣй, при его семьи се все одно було для ёго, що сказатибъ ему: „твоя черга чоловіче умѣрати, ты за „штатомъ“ одъ житья, жди случного часу.“

Вѣсѣмъ лѣтъ крепився бѣдный Кленъ, вѣсѣмъ лѣтъ перебивався вінъ, покѣль не прийшовъ случный часъ и выпущено его зъ-за „штату“. . . . Умеръ Кленъ, zostавивши вдову и пятеро дѣтей, да споминки у громадѣ, „що вінъ бувъ чесный чоловікъ.“

Старшому сыновѣ его тодѣ йшовъ 16., а меншому 3. рѣкъ; Василевъ жъ тѣлько що наступивъ восьмый. Боже, Боже! тяжко згадати, у якѣй бѣдностѣй, у якому убожествѣ zostалась вдова Клениха! Доводилось и такъ, що дѣти ёи по цѣлымъ днямъ, опрѣчь картоплѣ, нічого и въ очи не бачили, а Клениха дивлячися на свою семью, на свое убожество, наплачеться було, нащеться своихъ слѣзъ гѣркихъ, крѣвавыхъ слѣзъ, да тымъ и сыта була, покѣль не роздобуде чого и для себе! . . . Отаке то вдовине житье на сѣмъ свѣтѣ! . . .

Минули два роки одъ смерти Клена, старшій сынъ его Федоръ кинувъ учитись, бо треба було хозяйновати. А надъ чимъ то его було и хозяйновати. Ставъ Клененко зарабатати копѣйчину, возячи крамарокъ по торгамъ зъ одного села въ друге, заробивъ у два роки 50 карбованцевъ, порадовся зъ старою, тай одвезли Василя у повѣтовый городъ учитись у школѣ. Що то за наука була, що за школа! — крый Боже! сумно и згадувати! Зъ чимъ прийде було дитина въ школу, зъ тымъ и вернетъся: тѣлько воно й похвалиться пришовши до дому, що у школѣ того выбивъ учитель рѣзками, того паями; отъ и наука!

Спитае було хазяинъ у Василя: „а що ты хлопче учивъ сегодня у школѣ?“ „Ничого, каже; на первыхъ часахъ — учитель чотырохъ хлопцевъ высѣкъ рѣзками, на другихъ — усѣкъ перебивъ паями, на третихъ — писали, а на четвертыхъ такъ седѣли, велѣвъ на завтра вытвердити на память табличку складанья.“

-- „Що-жъ то за складанье?“

„А хто его тамъ знае, не знаю; учитель не росказувавъ, велѣвъ вытвердити, тай годъ!“ . . .

Въ тако́й науцѣ Клененко за цѣлый рѣкъ то́лько й вывчився, що лягтись. Вдова Клениха не знала, що й подумати про свого Василя. „Таке вже дурне вродилось, каже було на его, ничего зъ его не буде, дурне зо всѣмъ! Куди ему учитися; нанять бы его до кого у пастухи, або у ремесло яке оддати, бѣльша-бъ корысть була, дакъ соромно жъ; все таки воно дворявське дитя. . . . Радить учитель оддати у Киѣвъ у кантанисты — послушаю его рады. . . .“

И задала-бъ була дитину у кантанисты, да найшлись кращій люде, нѣжъ учитель, подали вдовѣ кращу раду.

„Ты, Сиклиго, стали ёй казати, одвезлабъ свого Василя у сирѣтську школу у Черниговъ.“

Клениха послушала, поѣхала у Черниговъ и довго-довго билась вона по панськимъ переднимъ, богацько одтоптала черевикѣвъ, ходячи по высокимъ драбинамъ у панській будынки, довго попокланялась вона, довго попогнула свою стару спяву, покѣль приняли ёи сына у сирѣтську школу на казенный коштъ.

Бувъ и я у той школѣ, да не хочу усего про неи згадувати: то́лько й добра тамъ було, що великій ѡкна, да вымалѣванй стѣны; одъ тѣхъ ѡконъ, одъ тѣхъ стѣнъ такъ и пахло тюрюю, мабутъ черезъ те, що школа не громадська, а казенна.

На счастье Клененка учитель бувъ чоловікъ гарный, да кругомъ запутанный „программоъ.“ Прикиѣтивъ вѣнъ, що у Клененка хорошій розумъ, гарна память, що се дитина не абы яка; и ставъ до его ласкою, а не сваркою, не бѣйкою; черезъ те и Клененко ставъ инчимъ: ставъ смѣлый, ставъ гарно учитися; инколи було промовить до учителя таке пытанье, що й учитель здивується.

Три роки пробувъ Клененко у той школѣ п учивъ все одно, да одно, бо у школѣ було всего то́лько двѣ классы; Клененка прямо приняли у другу классу и держали его тамъ три роки, черезъ те, що вѣнъ бувъ малый, треба було выждати, щобъ сповнялися ему лѣта. Покѣль сповнялися лѣта для инчон школы, Клененко не-защо губивъ свои кращій лѣта. А стара Клениха ажъ помолодѣла, дѣчувшись, що ёи сынъ гарно учиться и що, якъ мине ему 13 лѣтъ, его одвезутъ на казенный коштъ у комерческию школу. Радѣла Клениха, радѣвъ и Клененко, малюючи у-своѣй молодѣй годовѣ, якъ повезутъ его у Москву, якъ оддадутъ у школу, якъ вѣнъ учити-меться, якъ вывчитися, выросте, и чого-чого ему не приходилъ у голову! Одно лякало его, „к олибъ не били за те, що не вмѣю гараздъ говорити по московски. —“

Одначе правду люде кажутъ: якъ сирѣтъ женитись, такъ и нѣчъ мала.

Не ждала Клениха, якъ привезли до неї оповѣстку, щобъ прїѣхала забирати до дому сына, бо у Черниговѣ велика холера появилася.

Полились зновъ вдовинї слѣзы и окропили всю дорогу до Чернигова.

Холера справдѣ була велика. Клениха поховала двохъ дочокъ и меншого сына. Легко сказати: поховать одного тыжня три душї зъ семьї!!

Минула холера: пришла до Кленихи друга оповѣстка, щобъ уже бѣльше не привозила сына у Черниговѣ; бо вѣнъ уже перерѣсь, у комерческу школу не годиться, а другого мѣсця не ма, — буцѣмъ Клениха виновата, що черезъ холеру сынъ єї перерѣсь!.. Пѣшовъ зновъ Клененко у повѣтову школу, ѡдкѡля черезъ три роки випущено его зъ свидѣтельствомъ, що учився „отлично“ и має право служити „у государственной службѣ.“

Клененку тобѣ було 16 лѣтъ: се саме та пора, коли просыпається душа, загоряється охота до науки, розбужується розумъ и наповняється духовнымъ жаданьемъ знанья. Повѣтова школа тѣлько розворушила у Клененка жаданья розуму, жаданья молодой горячои души, а не вволила ихъ, да не могла вволити, мѣшавъ и тутечки програмъ. Клененко весь загорѣвся до науки, а учитися нїгдѣ було и нї-нащо: нї-нащо було роздобути книжокъ, нїчѣмъ заплатити за „право учитись“, нї съ кимъ було чорадитись. Просити Клененко не вѣвѣвъ, не така була у єго натура; вѣнъ добре памятовавъ завѣтъ своего батька, котрый було каже: не проси сынку нїчого у панѣвъ. у ихъ добро окрѡвавлене, не кланійся тымъ, у котрыхъ браты пѣдданками; не цѣлуй тїей руки, котра бѣе людей. И свято Клененко держався сего завѣту, сихъ неписанныхъ святыхъ скрижалѣвъ старои Украины. Неразъ вѣнъ лаявъ, неразъ дорѣкавъ своимъ товаришамъ-школярамъ, котри дружились зъ паненятами. — Клененко мавъ якїйсъ строгїй поглядъ: було якъ гяне своими свѣтлыми очами, то хочъ кого, такъ на-вскрѣзь и перейме. И не диво! у тыхъ очахъ горѣла, якъ свѣчка, чиста непохибна правда; така правда, якою свѣтять тѣлько чеснї души, и яка не горить у великихъ вельможъ! Рѣдко де е така правда, а колїсь вона обытала по всѣї Украинѣ, колїсь безъ неї не можна було прожити, такъ якъ и безъ души. Недаромъ же Тарасъ спѣвавъ:

Украино, Украинно!

Рѣдна моя невякко!

Якъ згадаю тебе краю,

Заплаче серденькко!

Не ма теперъ старои Украины!

Ө. Вернивола.

(Далѣ буде).

ПОРЯДОКЪ ШКОЛЬНЫЙ

или Уставъ Ставропигійской школы въ Львовъ 1586. года.

Наша галицкая или подкарпатская Русь николи не оставалась въ дѣлѣ просвѣщенія и образованія за другими народами. Она стремилась всегда въ своихъ представителяхъ напередъ; хотя въ самыхъ непріязненныхъ обстоятельствахъ пользовались предки наши всякою уаобною способностью къ учрежденію благополезныхъ заведеній, къ подкрѣпленію упадающей народности, къ поднесенію народнаго духа. Въ самыхъ опасныхъ временахъ соединялись передовыи люди нашего народа къ общеплезнымъ цѣлямъ и ставили смѣло отпоръ кознямъ злоумышленныхъ противниковъ. Умственное образованіе и воспитаніе юношества въ народномъ дусѣ лежало имъ наибольше на сердцахъ.

Учрежденіе школъ на Руси современно крещенію Руси. Уже Владиміръ Вел. основалъ школу и приводилъ дѣти на книжное ученіе, тоже дѣлалъ сынъ его Ярославъ и другіи князи наслѣдники ихъ. Не только въ монастыряхъ и при епископскихъ соборахъ издревле заводились училища, но учреждались школы по всѣхъ большихъ городахъ, и если при церкви Успенской Львовской было братство, оно безъ сомнѣнія по давнему обычаю удерживало и школу. Киприанъ Митрополитъ возобновлялъ во время розгрома Татарскаго упадшіи училища и возстановлялъ книжное ученіе на Руси.

Послѣ великихъ переворотовъ политическихъ и религіиныхъ въ западной Европѣ началось стремленіе ко всеобщему просвѣщенію. Во всѣхъ большихъ городахъ заводились училища или учебныи коллегіи. Въ тое время совпадаетъ исправленіе учебной системы въ школахъ во всей Европѣ. И наша Русь прикоснувшись посредствомъ Польши, съ которою неумолимая судьба связала насъ на долгіи вѣки, не промешкала воспользоваться лучшими нововведеніями того времени. Въ XVI. столѣтїи славился нашъ Львовъ просвѣщенными людьми не только помежи духовенствомъ но и между почетными мѣщанами, якъ н. пр. Макарій Тучапскій, Семень Сѣдляръ*) и др. И въ

*) Макарія Тучапскаго, мѣщанина Львовскаго избрали духовнымъ, шляхта, мѣщане и всепольство закона греческаго православнаго въ намѣстника Митрополитскаго, который послѣ посвященъ въ епископа Львовскаго. Князь Курбскій, ревнѣйшій поборникъ православія на Волюню, удостоилъ великой на оное время чести письменнаго сообщенія и личнаго совѣщанія въ дѣлахъ вѣры со свѣтлыми мѣщанами Львовскими. Въ доказъ тому приводилъ письмо его къ мѣщанину Львовскому Семену Сѣдлярю, котораго князь называетъ своимъ

томъ нашемъ рускомъ Львовѣ нашлись мужи умны, слѣдующіи дѣла, ревнымъ ко своему родному языку и къ православію и по внушенію патріарха Антиохійскаго Іоакима учредили 1586 г. первую того рода школу или коллегію во Львовѣ, которая процвѣтавши нѣсколько вѣковъ выдала много знаменитыхъ мужей для Руси, и есть неизбѣжимымъ памятникомъ народного сознанія нашей Руси и ревности гражданъ Львовскихъ ко своей народности и праотцевскому православію. По образу Львовской школы заводились другіи братскіи училища. Наши школы отличались тѣмъ отъ польскихъ, чешскихъ и другихъ Европейскихъ, что въ нихъ не мучили дѣтей схоластически-варварскою латинщиною, а обучали на природномъ рускомъ и ли церковномъ (т. е. славяно-

любимымъ братьямъ и единовѣрнымъ другомъ: Посланецю краткое Андрея кн. Курбскаго къ Семену Сѣдларю, мѣщанину Львовскому, мужу честному, о духовныхъ вещахъ вопрошающему.

О превозлюбленный мой брате, правовѣрнемъ украшенный!

Епистолю твою пріяхъ, и прочтохъ, и выразихъ, и познахъ въ тобѣ искры отъ Божественнаго огня возгореніемъ являемыя. А желалъ еси насъ о духовной вещи, ижъ нѣдци раскольники, взявши предъ себя упрямство, и отъ Оригенавъ будучи на-квашены, утверждають, и на свидѣтельство ереси своей приводяще Апостольское слово, яко писалъ еси къ намъ во епистолиі своей. Твоя же Честность, ревность ко благочестію имуше, хотяще ся Учителя вселенскаго толкованія о семъ доведати, яже златыми усты протолковалъ Павловы епистолиі: свыше благодать отъ Животворящаго духа пріемши, желаніе Твое исполнихомъ безъ закосненія, не фолгуючи, или не щадычи старость и недуга, мнѣ належащаго, и прочихъ приключившихъ ми ся напастей, искорѣ преложихомъ отъ римскаго языка во словенскій, не токмо о семъ реченый виршъ или стихъ, но всю цѣлюю бесѣду оную и со правоученіемъ, и послахомъ къ твоей Честности, брату моему любимому и другу единовѣрному, послушнѣвъ будучи во всемъ по любви духовной. А Вашей Милости прошу: пріими сей мой подарокъ духовный завдячно, и внимай, чытаючи себя, и услаждайся имъ со правовѣрными восточныхъ церквей; а схизматикомъ онымъ не показуй того, ани споруйся съ ними: бо зѣло сварливы и упрямы; бо и Апостоль великій не совѣтуетъ сваритися, а ни супротивитися, нищужи ко Апостолу Тимошею о семъ, мужу благодати исполненному сушу и пророчества дарованіемъ украшенному. А проси отъ мене отца Мины*)^{*)}, яже бы ма навѣдалъ, или сажъ потчися навѣдати мя, прошу тя въ тѣхъ приключившихъ ми ся бѣдахъ; аще бы могло быти, тогда благодать духа на помощь призвавши, усты къ устоямъ бесѣдовати о томъ будемъ, како съ ними подобаетъ поступовати, да не возмогутъ противитися правдѣ: бо имъ есть обычай въ томъ, зѣло искусными силлогизмами поганскихъ философъ, слышавши ихъ со упорностію своею, истинѣ Евангелской софистизмами сопротивлятися, и проповѣдь Апостольскую разоряти, а паче же на таковыхъ нападаютъ и сопротивъ тѣхъ возмагають, которые зброи оружія отъ священнаго писанія аще и ищюгъ, а дѣйствовати ни не умѣють, и сопротивлятися врагомъ невскусны. Мудрому и разумному довлѣтъ. Данъ зъ Милеговичъ року (15) 80, мѣсяца Генваря. *Андрей кн. Курбавскій и Ярославскій.*

*) Отецъ Мина, монахъ и типографъ въ св. Онуфрейскомъ монастырѣ во Львовѣ.

русскомъ) но все народу понятномъ языкѣ. — Еще въ 1860. г. подали мы въ особой статьи (Зоря Галицкая, Альбумъ) извѣстіе о братской Ставропигійской школѣ, нынѣ помѣщаемъ тутъ въ дополненіе оной подлинный уставъ братской школы. До сего времени почтывался уставъ братства Луцкаго (съ 1620 г.) найдавнѣйшимъ памятникомъ письменнымъ, изъ котораго можно было узнати о внутреннемъ устройствѣ югозападныхъ русскихъ училищъ, авторъ исторіи Кіевской Академіи утверждаетъ, что Луцкая школа, все го вѣроятно же заимствовала свой уставъ у Кіевской*). Напротивъ того примѣчено было нами въ статьѣ нашей, что Львовская Ставропигія становила „первое братство,“ устроенное и подтвержденное патріархомъ; оно служило образцемъ для учрежденія Виленскаго, Кіевскаго, Луцкаго, Могилевскаго и др.**). Нынѣ подтверждаемъ то и прибавляемъ, что и первый уставъ получила Львовская школа, отъ которой всѣ другіи, не исключая и Кіевской, заимствовали свои уставы. Въ доказательство тому приводимъ тутъ „Порядокъ школьный“ или уставъ Ставропигійской школы, обрѣтающійся въ Ставропигійскомъ Архивѣ писанный современною скорописью, (см. Альбумъ Ставроп. Института). Въ актахъ временной комиссіи напечатаны два устава школы Луцкой съ 1624. года. Первый изъ нихъ составленный, кажется, по образцу среднихъ училищъ, существовавшихъ тогда и въ Польшѣ и въ другихъ краяхъ западной Европы. Самъ языкъ сильно спольщенный показываетъ на источникъ происхожденія устава. Второй же порядокъ школьный, сходный съ нашимъ, безъ всякаго сомнѣнія переписанъ изъ первоначальнаго устава Львовской школы, сочиненнаго вмѣстѣ съ уставами Ставропигіи Львовской во время учрежденія Львовской братской школы (1586. г.) подъ руководствомъ патріарха Антиохійскаго Іоакима черезъ избранныхъ мужей нашего города. Львовскій уставъ яко подлинный — полнѣйшій. Въ Луцкомъ пропущены не только слова, но, якъ изъ 12. арт. видно, преподавались науки въ Луцкой школѣ не въ той полнотѣ якъ у насъ, ибо когда въ Львовскомъ уставѣ приказуется дидакалу учить и ученикамъ на письмѣ подавати уроки изъ грамматики, регорики, діалектики, музыки, и отъ прочихъ виѣшнихъ (иностранныхъ) поетовъ, и сверхъ того изъ евангелія и книгъ апостольскихъ, то въ Луцкомъ требуется только преподаванія отъ святаго Евангелія и отъ книгъ апостольскихъ. Изъ заключенія дополняющаго уставъ Луцкій показуется, что тогда уже различали точно языкъ словенскій (церковный) отъ обыкновеннаго, разговорнаго, обучано бо въ семъ послѣднемъ яко народномъ (простою мовою), и учено словенскій и греческій, яко жертвы книжныи языки. —

*) Исторія Кіевской Академіи соч. воспитанника ея Іеромонаха Макарія Булгакова. Спб 1843. стр. 23.

**) Начало и дѣйствованіе Ставропигійскаго братства въ Львовѣ по отношенію историко-литературному.

Въ языцѣ и правописаніи устава Львовского примѣчаемъ всѣ важнѣйшія свойства нынѣшняго нарѣчія руского, однакже есть и нѣкоторые старинныя формы. Вліяніе польского языка тоже слѣдно въ нѣкоторыхъ словахъ и видахъ, однакже меньше нежели въ другихъ тогочасовременныхъ письмахъ и даже у многихъ нынѣшнихъ галицко-русскихъ писателей.

Вообще сказати надлежитъ, что тѣ уставы школь нашихъ достойны вниманія, они выше стоятъ нежъ статуты многихъ училищъ въ давной Польщѣ. Стоитъ только поровнати нашъ уставъ со статутами извѣстныхъ бурсь славимой академіи Краковской и др.*). Уставъ нашъ составленный столь умно и оглядно, что артикулы его могли бы еще нынѣ послужити хорошими правилами для якого нибудь учебнаго заведенія; онъ даетъ свидѣтельство о высокому образованію переднихъ людей рускихъ XVI. вѣка во Львовѣ.

Яковъ Ѡ. Головацкій.

ПОРЯДОКЪ ШКОЛНЬЙ.

Благочеленіемъ Бга Ѡца, и со поспѣшеніемъ единокорнаго его Сна, и дѣйствомъ стаго Дха, благословеніемъ же сокѣтомъ и повеленіемъ стѣйшаго Івакіма Патрїахи великома Антіохїа, Киликіа, Нкїрїа, Сирїа, и всего востокѣ слнца, сшсѣ емѣ здѣ къ градѣ Львовѣ рокѣ лаѣна мѣсаца Генкара а днѣ.

Соквершеніемъ же и оутвержденіемъ вселенскаго Патрїарха Іеремїа, Архїепїскопа Константинопольна новаго Рїма и всего Оронѣ великнѣ цркве Конѣстантинопольскїа, рокѣ лаѣни. составїша оучїище въ градѣ Львовѣ, при храмѣ оупенїа Пречїстнѣ Бжїа матере, греческаго и славенскаго писанїа, по чинѣ стнхѣ богононнхъ шцѣ, православнѣ греческаго, великою полностю, старанїамъ же и накладомъ (иждивеніемъ) всего братства Львовскаго, храма оупенїа пресѣтнѣ Бца, и всего посполїтого народа Россїйскаго,**) даже и до

*) Сл. Michała Wiszniewskiego histor. liter. polsk. T. IV.

***) Въ Луцкохъ уставѣ введеніе и начало нѣсколько отлѣнно гласитъ слѣдующимъ способомъ: „Боголю Божїю всн кѣпно братїа въ Хѣ храма възведенїа честнаго и животворящаго креста Гїа граждане Лвцкнѣ, жадающе имѣти строенїе изрядное въ оучнїище семѣ въ немже оучнїамъ писанїю словенскѣ и рѣскѣ, едахомъ ко снмъ Ѡ братчїи нашимъ мѣжа деа, ради всякаго брѣженїа, и всяко не по оузаконенїю строенїа сїго, безчиннѣ исправлїти твореннїи же и глаголаннїи; да достокверно вбѣдетъ всякомѣ хотїишъ испытно видѣти оучнїища сїго строенїе или штрѣка своего ко набченїю отдати.

Боголю Божїю сокѣтомъ и повеленіемъ свѣтѣшаго Кирилла Архїепїскопа Кон-

оубогихъ вдовицъ, промышляючи ѿ всакомъ недостаткѣ законнои нашки, перадиныхъ члкъ подвижающе, протикнымъ же оустѣ загражающе, дабы ѿсюдъ словѣ измѣнившесѣ блгныхъ начало воспріяти, и по всей братіи спію распространитисѣ: измѣненіе бо словы, начатокъ есть въ Єписепіе, близъ бѣды спіеніе.

а) Дидакалъ*) или оучитель сѣи школы, маеть быти блгочестивъ, развменъ, смиреномърній, кротокъ, воздержливый, не пианица, не блвдникъ, не лихонимецъ, не сребролюбець,**) не гнѣвливъ, не завистникъ, не смѣхостроитель, не срамословець,***) не чародѣй, не басносказатель, не посовитель ересемъ, но блгочестію поспѣшитель, ѿбразъ блгыхъ, въ всемъ себѣ прѣставляющій не въ сицевыхъ добродѣтелехъ да бѣдѣтъ и оучици ꙗко оучители ихъ.

Мають быти приставлены ѿ братіи два члка искѣнные ради строеніа школьного, да соглаждѣють нашки, и дѣла дидакаловыхъ блгыхъ и лѣкавыхъ, еже бо сѣветъ члкъ, тоже и пожнеть. И тымъ братіамъ маеть быти данъ рѣвстръ по печатю братскою, въ который мають дидакали вписовати дѣти даише до нашки, и ведѣти лѣтъ и нашки дитинное маеть быти и заплаа имъ, то есть дидакаломъ.

И кто бы хотѣлъ взяти дѣти свои ѿ нашки, гдѣ приде кеарталя, при тыхъ же братіахъ ѿпѣститисѣ мають порѣше, оучиниши дидакалъ за то добытъ ведѣти постановеніа братского, ꙗкъ по чомъ постановитъ на кѣталь дидакалъ давати ѿ хлопа,****) таковои оучителю каждый приводячи сѣа и приѣтели и прочихъ на нашкѣ, маеть взяти изъ собою сѣвѣда единого или двоухъ, да при оустѣхъ двою или трехъ стѣнетъ глѣ, и чинити въ дидакаломъ

стантиннограда новаго Рима и вселенского патриархи и бѣлагословеніемъ Ирхивнископа Митрополита Киевского, Галицкого и всеа Россіи Куръ Іова Борецкого въ мѣсте Лѣцкѣ при церкви въздвиженіи честнаго Креста Гни состависа школа и грецкаа и рѣскаа веде стародавнихъ шемчавѣ и пошадковѣ святыхъ Отца законѣ греческого великимъ стараніемъ и наладомъ и полностію мѣшанъ Лѣцкихъ рѣскаго народѣ свѣтлаго законѣ греческого и мнѣстными всѣхъ православныхъ христіанъ, ꙗко станѣ дѣховного, также шсовѣ книженецкихъ, панскнихъ, шлахуецкихъ и всего посполнтого народѣ.

*) Въ уставѣ Луцкомъ: а скалаъ, по простонародному испорченію, въ нашемъ же всюда писали знатели греческого языка правильно „дидакалъ“ отъ греч. *διδάσκαλος*.

***) То слово пропущено въ Луцкомъ уставѣ.

***) Въ Луцкомъ уставѣ: срамословеникъ.

****) Отъ словъ: „мають быти приставлены“ доси опущено въ Луцкомъ уставѣ.

постановіна ѡ насцѣ ѿ ѡ всемъ порядкѣ ѿ повинность его*) вѣле рѣстръ сего ниже писанного; ѿ маеть емѣ напекѣ той рѣстръ прочитатиса, абы кѣдалъ шакowymъ спосокомъ вѣдѣтъ сѣа его оучити, ѿ што за то повинень,**) ѿ шко бы мѣлкѣ емѣ къ томъ порядкѣ не прѣшкажати, але помагати всѣкимъ спосокомъ дѣтинѣ къ насцѣ, ѿ послѣшнесткѣ дидѣкаловомѣ прикѣдичи, шкъ правдѣный шцѣ, хотѣчи потѣхѣ по праці ѿ накладѣ***) бл҃гый плодѣ видѣти, ѿ маеть рѣстръ по ѡбычаю вписатиса.

б) ѿ дидѣкалъ взѣвши порѣченное емѣ дѣтице, маеть его оучити съ промысломъ добронъ насѣки, за непослѣшнество карати, не тирански, но оучителски не выше, но по силѣ, не рѣпственѣ, но покѣне ѿ смиренѣ, не толико мирски, но ѿ выше мирскихѣ, абы тѣ непиланостью своєю, ѿлѣ завдростію, ѿлѣ аскѣвѣствомъ не zostалъ винень ни за единого Б҃гѣ вседѣржителю, ѿ потомъ родичѣмъ его ѿ емѣ самомѣ, гкды бы чѣ емѣ зколоктѣ, а его ѿ ѿного забѣкиаѣ, писано бо естъ: слѣый, аскѣый, леніый рабе, по что не ѿдѣ серебрѣ мое тѣжникомъ, да прише авѣ взѣаѣ выхѣ свое со лихвою; ѿ пакѣ: шадѣй жезла не накидѣтъ сѣа, ѿ аще безѣ наказаніѣ былѣ выхѣмъ, оубо прѣлюбодѣйчица высте были а не сѣоке.

в) Ѣдѣати маютѣ каждый на мѣсци своемъ певномъ назначенѣмъ вѣдѣ насѣки, котрый болше оумѣетѣ, сидѣти вѣдѣтъ выше, бы ѿ бѣво нищѣ былѣ, котрый мѣньшѣ оумѣети вѣдѣтъ на подѣйшомъ мѣсци сидѣти маеть; речѣнно бо: ѿмѣшемъ вѣдѣ данѣ вѣдѣтъ.***)

г) Богѣтыни на оубѣгимъ къ школѣ нѣчимъ вышши не маютѣ быти, толко самѣю насѣкою, партію же равнѣ всѣ, кѣкѣ бо есми ѿ Хрѣтѣ братіѣ, Хѣ глѣкѣ единой оудѣ, ни единый же оудѣ, шко рѣцѣ ѿ рѣка носѣ рѣци можетѣ не трѣбѣ ми еси.

д) Оучити дидѣкалъ ѿ любити маеть дѣти всѣ зарѣвно, шкъ снѣвѣ богѣтыхѣ, такѣ ѿ сирѣтъ оубѣгихѣ, ѿ которыѣ ходѣтъ по оулицѣмъ живности просѣчи, шкъ котрый вѣле силѣ насѣчитиса можѣтъ, толко не пилѣй единого нѣжли дрѣгого оучити, писано бо: всѣкомѣ бо просѣшемъ оу тебѣ дай ѿ хотѣшемъ оу тебѣ взѣти не возбранѣ, хоцѣ бо всѣмъ сѣтиса, ѿ къ разѣмъ ѿстинный прити.

*) Слова „ѿ повинность его“ пропушены въ уставѣ Луцкомѣ.

***) Слова; „ѿ што за то повинень“ пропушены въ уставѣ Луцкомѣ; тоже слово „накладѣ.“

****) Слова: „речѣнно бо“ ѿ проч. пропушены въ Луцкомѣ уставѣ.

- б) Сходитесь маютьъ вѣрочнища*) до школы на годинѣ певнѣю, то есть дни великого на девятую годинѣ, абы всѣ стали, также ты и иныхъ дней меньшихъ, какъ постановитъ дидакаль, и пшати ихъ по нащце до дома къ певнѣю годинѣ: писано бо: все да дѣйствуемъ къ славу Бжю и къ подобное время.
- в) Къ кодыи поранокъ маютьъ пиани смотрити дидакаль, если которого бы вѣтрока**) не было, маютьъ по него послати заразъ и доведатися причины, для которои не пришолъ, если сам не забавилъ инде играньемъ, или сам дома вѣленилъ, или на потребу спалъ, и за тымъ бы до школы не пришолъ. доведатися всего и привести его маютьъ; ко писано: иныхъ страхомъ и нуждею спасай.
- г) Раю сам зшеши кси на годинѣ назначеню не маютьъ початися оучити, ажъ мѣтки и прѣсловѣ вѣвчны проговорятъ: речено бо: къ началу дѣла твоего Бгъ поминай.
- д) Къ школѣ маютьъ быти дѣти роздѣлены на трое: ены которые сам вѣдѣтъ оучити словъ познавати и складати, дрѣгн которыи сам вѣдѣтъ оучити читати и на память многихъ сам речий оучити, третии сам вѣдѣтъ оучити читючи выкладати, розсужати, и розумѣти; рече бо Павелъ стый: егда вѣхъ младенецъ, младенческа мѣрствовахъ и смыслахъ, егда достигнухъ въ мѣ совѣшенъ, мѣла не потребю.
- е) По ранѣ напервѣ по мѣткахъ маютьъ мовити кодыи вчорашню нащк свою, и писмо свое што дома писалъ, выклѣ нащк свои показовати маеть и потомъ оучитися маютьъ дрѣблѣ, вѣалтири или грамматикн зъ розкызованямъ ей, и инымъ многимъ потребнымъ нащкамъ, яко вѣачите на тотъ чѣ велѣ потребу.
- ж) По вѣдѣхъ хлопци маютьъ писати,***) сами на таблицахъ кождый свою нащк выданю имъ вѣ дидакала, кромѣ малыхъ, котрымъ самъ виненъ вѣдѣтъ дидакаль писати, а къ школѣ насчиениши вѣ трѣднихъ словъ ихъ****) спытовати маеть едннѣ дрѣгого, то есть дисптоватиса*****) а до дома вѣходачи стихъ поткѣднн, абы оу кѣе изъ школы пришѣши до дома дѣти оумѣли прѣ родичми своими или посторонныи дѣти всякого стѣнѣ живѣчи

*) Въ Луцкомъ уставѣ: хлопята вш. Вѣрочнища.

**) Въ Луцкомъ уставѣ: хлопча вш. Вѣрока.

***) Въ Луцкомъ уставѣ: „писати собѣ.“

****) Въ Луцкомъ уставѣ: „вѣ трѣднихъ словѣхъ.“

*****) Слова: „то есть дисптоватиса“ пропущены въ Луцкомъ уставѣ.

въ гѡпѡдѣ прѣ господаремъ скѡимъ наѣкс, што къ школѣ оу-
чѣли, прочитати повинни въ вѣкладомъ по вѣвѣчаю наѣки школ-
нон, а што оучѣли того днѣ мають оубѣче дѡма написати ѣ до
школы принѣти поранѣ показати прѣ дидакаломъ скѡимъ, дабы
всякъ плѡ наѣки познавалъ сѣ; всяко бѡ древо ѡ плѡда по-
знавати подобаетъ.

- кї) Новиннѣ кѣдѣтъ дидакалъ оучѣти ѣ на пѣмѣ имъ подавати
ѡ грамматики,* реторики, діалектики, мѣсики, ѣ ѡ прочиѣхъ кѣш-
ныхъ поетовъ ѣ ѡ стѣго вѣлѣа, ѡ книгѣ вѣплекѣхъ, всѣ бѡ вѣлика
писана сѣтъ къ наѣимъ наказанію писана сѣтъ.
- гї) Въ сѣботѣ сѣ поранѣ мають поновлати всѣхъ рѣчи, котрыхъ
сѣ оучѣли прѣзъ тѣдѣнь, а по вѣвѣдѣ***) ѣхъ оучѣти мають
пѣхалѣи ѣ лѣнногѡ течѣнѣа, ѣ личѣа, ѣ рѣхованѣа, ѣли мѣсѣкъ
цѣрковногѡ пѣнѣа; всѣ бѡ писанѣа Бѣгодѣновѣнна ѣ полезна сѣтъ
къ наѣченію.
- дї) По вечерни***) къ сѣботѣ маѣтъ дидакалъ зѣ дѣтъми намовла-
тисѣ часѣ немалѣи бѡлѣе нѣ къ днѣ ѣшыѣ, оучѣли ѣхъ страхѣ
Бѣжѣемъ ѣ вѣвѣчаемъ вѣсѣдливѣмъ младѣнчѣскимъ ѣко мають
вѣти во цѣркѣ прѣтивѣ Бѣгѣ, дѡма прѣтивѣ роднѡчѡкъ скѡихъ, ѣ
ѣндѣ ѣнымъ, цнѡтѣ ѣ вѣтѣ заховѣвати, Бѣгѣ мѡклаю ѣ вѣгѡ стѣмъ
чѣтъ ѣ страхѣ, рѡднѡчки ѣ дидакалови послѣшѣнствѡ, поспѡлите
прѣтивѣ всѣмъ покѡрѡѣ ѣ оубажѣнѣа, собѣ самѡмъ вѣтѣ ѣ цнѡтѣ.
ѣ тѣѣ рѣчи знѡкъ вѣивѣаны къ дѣтинѣкѣ мають вѣти, на што
имъ ѣ памятногѡ маѣтъ не борѡнѣти по чѣши школнон; писано
ко вѣстѣ: любѣи сѣна прилѣпѣе наказѣтъ, а нелюбѣи шадѣтъ жѣзла;
ѣ пакѣ: ѡтрѡчатѣу вѣзѣмѣе на сѣрѣци приѣзано, жѣзломъ жѣ из-
женѣши ѣ, нѡкое бѡ кино къ мѣхѣи нѡкѣѣ клеѣють ѣ вѣбѡе со-
блюдетъ сѣ.
- еї) Въ недѣлю ѣ къ прѣзники Госпѡскѣа со всѣми маѣтъ дидакалъ
поки пойдѣтъ до Литѣгѣи рѡзмовлати ѣ ѣхъ оучѣти ѡ свѣтѣ
ѣ прѣзникѣ томъ ѣ оучѣти ѣхъ вѡлѣ Бѣжѣи, а по вѣвѣдѣ вѣлѣю
ѣ аплѣ прѣзника того маѣтъ всѣхъ наѣчити: бѣжѣнѣ бо, рѣчѣ
повѣчѣайсѣа законѣ Гдѣю днѣ ѣ нѡщѣ.
- сї) Дѣвѡхъ ѣли четѣрѣхъ хлѡпѡчѡкъ на кѡдѣи тѣдѣнь ѣнѣшимъ по-
рѣкомъ мають на сохрѣнѣнѣе выставлати, зѣ чога сѣ ни ѣдинѣ

* Слова: „отъ грамматики, реторники, діалектики, мѣсики, и отъ прочиѣхъ вѣтѣшнихъ
(иностранныхъ) поетовъ“ пропущены въ Луцкомъ уставѣ. Въ тѣхъ словахъ значится
полный перечень преподаваемыхъ предметовъ въ школахъ.

** Слова: „сѣ поранѣ“ „а по вѣвѣдѣ“ пропущены въ уставѣ Луцкомъ.

*** Въ Луцкомъ уставѣ: „по вѣвѣдѣ“ вл. „по вечерни.“

вымовлѣти не можѣтъ, гдѣ на него черга придетъ. Дѣло ихъ вѣдѣтъ ранѣй до школы прийти, школы поместѣи, къ печи затопити,*) и оу двѣрній сидѣти, а которыи выходятъ и вхѣдѣтъ, ѡ всѣхъ вѣдати, и которыи самъ бы неѣчили, пѣстобали, или въ цркви нерѣане стоилан, или до дома идѣщи ѡбѣчайне бы самъ незахѣвалан, написовати и ѡповѣдати ихъ маютъ; речѣно бо: блюдетѣ како да ѡпанѣ ходите, не ѣко немѣдры, но ѣко премѣдры икснѣюще время, ѣко дни лѣкѣви сѣтъ.

- зї) Кдѣ бы тѣхъ хлѣпецъ къ ѣдинѣ днѣ до школы ходилъ, а дрѣгнй занѣобалъ, и такъ ѣдно чѣ бы собѣ трѣтилъ къ рѣчи при школѣ, таково болше неприимати, во и барѣврѣ кдѣ бы хорого въ ѣдинѣ днѣ лѣчилъ а въ дрѣгнй занѣбалъ, кмѣсто лѣченѣ къ болшю бы хорѣбу ѣго приправилъ, рѣчи бо: всѣкого брата не по чинѣ ходѣща ѡрицаѣса.
- нї) Ѣще и ѡ дѣтѣхъ ихъ или гѣподарѣе ѡ порѣченнѣхъ имъ дѣтѣхъ стороннѣхъ маютъ быти оупоминаны**) ѡ дндѣкала и ѡ братѣи строителѣи школнѣхъ, абы дѣти къ домѣхъ вѣле порѣкѣ наѣки школоннѣ справѣвалѣса, цѣчѣна и люѣскѣсть повиннѣю часѣкъ своихъ показѣючи всѣакомѣ стѣнѣ. И ѣсли бы нѣшто наѣцѣ спрѣтѣного къ дѣтѣхъ самъ найдѣвало, доскѣдѣчно маѣтъ быти. Усли бы дндѣкала непѣанѣстѣю ѣакоужъ или рѣдича или гѣподарѣ непорѣкомѣ своимѣ къ наѣцѣ и ѡбѣчѣхъ добрыхъ бы прѣшкажѣли, маѣтъ то быти повинномѣ присѣжено.
- дї) Кдѣ бы тѣ ктѣ хотѣлъ ѡ дндѣкала сѣа своѣго на потребѣ иѣнѣю взѣти, тѣдѣ***)) неѣзѣчнѣ, а не прѣзъ когѣ иѣного, толко самѣ своѣю ѡсѣбою и при томѣ чѣкѣ ѣдиномѣ, или двома, при которыхъ ѣго ѡдалъ на наѣкѣ взѣти ѣго маѣтъ, абы самъ тѣмѣ оубѣлиженѣ надѣвало, оуѣню и ѣмѣ самѣомѣ за непорѣанѣе постѣповани, такъ тѣ и дндѣкалови, ѡ которого бы не ѡновѣданѣ оуѣчнѣи взѣлѣ, гдѣ тотѣ порѣдовѣ всѣ иѣныѣ ремѣнѣици маютъ, кдѣ при людѣхъ и порѣанѣ не толко сѣа, аѣ и сѣлѣс до ремѣсника прикѣзѣютъ, и потомѣ кдѣ самъ чѣго наѣчитъ, тѣмѣ бѣзѣи занѣхѣати того нехѣтитъ, многѣхъ зѣбравѣши статѣчнѣсть и терпѣливѣсть рѣдичѣкъ и ѣго залѣцаютъ, ѡкола и мѣстрѣви вѣаѣкамъ потѣха кдѣ видѣтъ оуѣчнѣи не полѣишого, што далѣко болше въ шко-

*) Въ Луцкомѣ уставѣ: „запалити“ вл. „затопити.“— Луцкнѣи братьѣмъ здаѣтся неизвѣстно было коренно руское выраженѣе „затопити,“ употребѣяемое до сихъ порѣ у насъ на погорѣю Карпатскою.

**) Въ Луцкомѣ уставѣ: „мѣти оупоминанѣе“ вл. „быти оупоминаны.“

***) „Тѣдѣ,“ пропушено въ Луцкомѣ уставѣ.

лахъ и людемъ христіанскихъ мѣти потреба; писано ед: всіакъ дѣлаіи слави не приходитъ ко свѣтѣ, ткорый же истинѣ, грядетъ къ свѣтѣ, да іакуются дѣла еѣго іако ѡ Бѣѣ сѣтъ содѣіишна.

- к) Если бы и самъ оучитель или ѡ оученикъ некто кылъ твоемъ речий тыхъ, ну же законъ непокаѣваетъ, но ѡбаче и прититъ, сиречь, вѣдникъ, пиіаница, татъ, кошѣнникъ, нерадивъ, сребролюбецъ, клеветникъ, величавый, таковый не толико*) оучителемъ, но ниже жителемъ здѣ ѡню да не вѣдетъ; да не соклазните, рече, ни единого ѡ малыхъ сихъ вѣрющихъ въ имя мое, поне самъ сопротивенъ сый заповѣдемъ гднимъ, како и нѣхъ оуцѣломѣрити, и на ползѣ наставити можетъ. Самъ бо гдъ рекъ: не можете добра глати зли сущи; и пакы: всікѣ лѣзѣ не творящѣ плоды добра посекають и въ ѡгнь вѣжтють. Извѣстно вѣдше оубо, іако вси имамы прѣстати ссѣди нелицемѣномѣ Хѣ Бѣѣ, и имать воздати комѣдо по дѣломъ еѣго, ѡвѣмъ оубо іако трдѣиши сѣ, къ подашии снѣмъ слова, ѡвѣмъ же іако землѣ вѣлѣ сѣмѣ приемящимъ, и сторичный пло пакы инымъ преподающимъ, ѡбои пиущѣ премѣрости кодѣ живѣ ѡ источника неисчѣпающего и струи протекшаго ѡ свѣтаго оутѣшителнаго дѣа, тѣ ко лѣчше естѣ кѣповати паче сребра и злата, и каменіа многоцѣннаго, занѣ сѣю состоитѣся жикотъ члечкий.
- И та естѣ мти, и корень, и ѡснованіе небеси и земли, мѡрю и всѣмъ безднамъ, еѣ ѡвладѣющѣ непостижимомѣ Бѣѣ тѣоцѣ всіаческихъ, и ѡкрывающѣ и дарѣющѣ младенцемъ.**)

*) Въ Луцкомъ уставѣ: „толко“ ви. „толико.“

**) Примѣчаніе. Цѣлый текстъ со словъ: „Извѣстно вѣдше оубо“ до конца пропущенъ въ Луцкомъ уставѣ; вѣсто того же прибавлено въ немъ слѣдующее заключеніе: „Школы словенское навѣка починаются. На первѣй навчнешисѣ складовъ антеръ, потомъ грамматики оучатъ, при томъ же и церковномѣ чинѣ оучатъ, читають, спѣвають; также оучатъ на каждый день, абы дѣти едины дрѣгого пытаа по грецкѣ, абы всѣ ѡповѣдалъ по словенскѣ, и тыжъ пытаются по словенскѣ, абы имъ отповѣдано по простой (звычайной) мовѣ. И тыжъ не мають съ сокою мовити тростю мовою, ено словенскою и грецкою. Я такъ нынѣ томѣ оучатѣся, до большихъ пристѣпающѣ, въ диалектицѣ и риторицѣ, которые навѣки по словенскѣ переведены, рѣскимъ шзыкомъ списано диалектикѣ и риторикѣ и инымъ философскѣ писма школѣ належачне.“

СОСТОЯНІЕ

Епархія руской Перемыской передъ стома лѣты.*)

Начало епископства руского Перемыского ѳносится до одинадцатаго столѣтія, хотя именно року учрежденія и основателя того престола для недостатку памятниковъ зъ оныхъ часѣвъ съ цѣвностію опредѣлити не можно. Неизвѣстны намъ также имена сѣдѣвшихъ на томъ престолѣ епископовъ одинадцатаго и дванадцатаго столѣтія: ажъ въ началѣ тринадцатаго вѣка появляеся въ исторіи епископъ Антоній, котрый долгую чергу святителей Перемыскихъ распочинае. Епископы тѣ, подчиненны первоначально митрополитамъ Кіевскимъ, избираемыи были духовенствомъ епархіальнымъ и шляхтою рускою, а такъ избранныхъ подтверждалъ всегда митрополитъ, а при томъ и князь рускій, по завладѣнію же Перемышля Поляками и король польскій. Славный ученостію былъ въ епоцѣ православія епископъ Мемнонь, ревностію Аѳанасій, а дѣятельностію Антоній Радловскій. Коли при концѣ шестнадцатаго столѣтія епископы рускіи въ Польши подѣ предводительствомъ митрополита Кіевского Михаила Рагозы на синодѣ Берестейскомъ пріяли унию съ Римомъ, епископъ только Перемыскій Михаилъ Копыстыньскій съ епископомъ Львовскимъ Гедеономъ Балабаномъ не согласился на тое соединеніе и осталъ со своею епархіею при православію. Но король польскій, не уважаючи совѣтъ на тое обстоятельство, начали теперь присылати зъ рамени своего епископовъ униатскихъ до Перемышля; а понеже шляхта и духовенство на подставѣ старинного прислужавшого имъ права не переставали избирати для себе епископовъ православныхъ, то дѣялося, що въ едномъ и томъ самѣмъ часѣ епархія Перемыска по двохъ мала владыкъ: одного униатского, присланного ѳтъ короля, а другого православного, избранного клиромъ и народомъ, а подтвержденного королемъ. Епископы тѣ переслѣдовалися потому взаимно, выдирали си церковь престольну то въ Перемышля, то „въ святѣмъ Спасѣ“ коло Старого Самбора, ѳтбирали си добра владычій, при чемъ однакоже найчастше епископы православныи верхъ мали, бо происходили зъ посреди народа, а яко такіи мали за собою и шляхту и духовенство. Въ томъ часѣ зъ епископовъ униатскихъ ѳтличался ученостію Антоній Терлецкій, дѣятель-

*) Помѣщаючи сію статью, пригадуемъ Ч. Радича, що въ Альбуль „Зоря Галицкая на г. 1860“ естъ столь же достопамятно справозданіе о состояніи „Львовской епархій передъ стома лѣты.“ Два тѣ справозданія служатъ собою нѣяко дополненіемъ и вѣрно представляютъ состояніе руской церкви передъ стома лѣты въ цѣлой Галичинѣ. Изд.

ністю Аванасій Крупецкій, а зъ православныхъ Антоній Винницькій. Сѣмьдесятъ лѣтъ тревалъ той роздоръ и замѣшательство въ епархіи, и не было спокою, ажъ послѣдній православный архіерей Иннокентій Винницькій р. 1691 соединился съ Римомъ, а за нимъ и его стадо епархіальное поволи пріяло унію. Якое состояніе епархіи Перемыской было по пріятію уніи а именно за другихъ сѣмьдесятъ лѣтъ, то естъ р. 1761, описуе оно третій Иннокентія Винницкого на престолѣ епископѣвъ въ Перемышли преемникъ Онуфрій Шумлянскій, котрое то описаніе составилъ по повелѣнію тогдашнего митрополита Флоріяна Требницкого на соборѣ епископѣвъ въ Новгородку и далъ втягнути такъ до зктѣвъ митрополитальныхъ, якъ и городскихъ. Отпись описанія того сохраняеся въ бібліотецѣ всечест. Собора Крылошанъ въ Перемышли, котрый ту зъ латиньского вѣрно переведеный по руски слѣдуе:

„Року якъ выше (1762) дня 23. Сѣчня ст. ст. зъ приказу Высокопреосвященнаго Киръ Флоріяна Требницкого Митрополита всея Руси, архіепископа Полоцкого и проч. втягнуго списокъ подлинный и подозрѣнія знамени жадного не маючий, власною рукою преосвященнѣйшого Киръ Онуфрія Шумлянського, епископа Перемыского, Сяноцкого и Самбѣрскаго, підписанный и печатію тогоже преосвященнѣйшого епископа скрѣпленный, состояніе епархіи Перемыской, Сяноцкой и Самбѣрскаой представляючий содержания слѣдующаго.

Состояніе епархіи Перемыской, Сяноцкой и Самбѣрскаой обряда греческаго съ латиньскимъ соединеннаго зъ посѣщеній енеральныхъ составленое рукою преосвященнѣйшого Онуфрія на Шумлянахъ Шумлянського, Перемыского, Сяноцкого и Самбѣрскаого епископа підписаное и печатію тогоже скрѣпленое року Божого 1761.

Епископъ Перемыскій обряда греческаго съ латиньскимъ соединеннаго мае три епархіи: Перемыску, Сяноцку и Самбѣрску разомъ соединеннымъ пѣдъ правленіемъ своимъ. Часто однакожь случалося, що едною зъ тыхъ епархій епископъ уніатскій, другою же шизматицкій колісь управлялъ. Но Иннокентій Винницькій, епископъ Перемыскій и Самбѣрскій, ѳтрекхися писмы, позыскалъ всѣ тѣи епархіи коло року Божого 1694 для святого Римскаго Костела такъ, що нынѣ въ тыхъ епархіяхъ и една шизматицка церковь не находится.

Церковь соборна Перемыска пѣдъ именемъ Рождества святого Іоанна Крестителя была первоначально создана посередъ вышого замку Перемыскаго, котру Владиславъ король року 1412, выгнавши Русинѣвъ зъ неи, вручилъ Латинникамъ. Тѣи розобравши ю, зъ каменя четыреугольного тойже руской церкви соборной за епископа латиньскаго Николая въ теченію часу костель катедральный латиньскій пѣдъ тымже самимъ именемъ, нынѣ посередъ мѣста стоящій, воздвигнути постаралися. О томъ посвѣдаче Іоаннъ Длугошъ въ своей исторіи Польши (Т. I, кн. XI, стор. 334) такъ: „Зъ Медьки

Владиславъ король, маючи въ сопровождѣ своемъ архіепископа изъ Стригоніи и Михаила кухмистра, уцѣлся до Перемышля и желючи въ очахъ ихъ зъ клеветы Нѣмцами на него, якобы шисматикѡвъ былъ покровителемъ и особливо добродѣемъ, несправедливо накиненою, очиститися, велѣтъ церковь престольну прекраснымъ вкусомъ зъ камня четырехугольного построенну; посередъ замку Перемыского стоящу и доси по обряду греческому Владыкою рускимъ управляему, выкинувши выкопаныи перше тѣла и попелы Русинѡвъ, на костель католическій и обряда латиньского посвятити. Шо рускіи священники и люди яко остатню зневагу и оскорбленіе обряда своего уважаючи, на событіе тое съ горькимъ нарѣканьемъ, крикомъ и рыданіемъ спозирали.“

Церковь тую въ теченію часу, именно року Божого 1470 за епископа Перемыского Николая розвалено, а поединокіи каменѣ зъ нею четырехугольными на построеніе костела катедрального въ мѣстѣ лежащего обернено и положено. Лишены прото Русины на внушенія непріятелей старинной катедры своей, видѣлися принужденны до инои церкви подъ тымже именемъ Рождества святого Іоанна Крестителя въ окружности мѣста зъ цеголь построенной, котра доси въ посѣданію епископѡвъ греческо-рускихъ счастливо остае, архіерея сѣдалище перенести. Жаловати также не менше потреба, що множай даренія и привилей князей рускихъ епископамъ рускимъ и церкви пресгольной прислужавшии коло року 1535, коли огонь выбухъ въ Перемышли, якъ розличныи акта посвѣдчають, въ поломени погибли. Существуютъ однакожь еще три записы подлинныи Льва князя Руси съ датою ѡтъ сотворенія свѣта по численію рускому 6800, шо ѡтговѣдае рокови спасенія 1292; существуе привилей Владислава короля зъ року 1407, Сигизмундомъ въ Вильдѣ р. 1535, и Іоанномъ Казимиромъ въ Варшавѣ р. 1659, великодержавными королями польскими, утвержденный, въ котрѡмъ исчисляются всѣ села соборной церкви святого Іоанна и святителямъ рускимъ великодержавными князями рускими съ правомъ наследственнымъ записаныи и дарованыи, именно Валява, Натковичи, Тарнавцѣ, Нѣновичи, Калникѡвъ, Грушевичи, малое Стибенце, Макунево, въ Вилюничяхъ три хуторы, Коростовичи, Девятичи, въ Боневичахъ шѣсть хуторѡвъ, въ Бушковичахъ два хуторы, въ Плешевичахъ два хуторы, въ Горохѡвцахъ три хуторы, въ Яскманичахъ два хуторы, въ Корманичахъ два хуторы, въ Клоковичахъ хуторъ, а коло Перемышля мѣста на самѡмъ краю Мостище, то есть Вѣльче монастырь, Микулинцѣ къ замку пять хуторѡвъ, Щеголчичи хуторъ; а въ Самборахъ Страшевичи, Бабина, Волковыи иначе Бусовиска, монастырь святого Спаса и церковь престольна, монастырь Созань, Смѡльница, и Лаврѡвъ монастырь святого Онуфрія. Однакожь изъ всѣхъ тихъ селъ въ привилеяхъ исчисленыхъ множай ѡтъ епискоства Перемыского ѡдторваныи, а Польско-Латинниками такъ мірскими якъ и духовными несправедливо овладѣныи въ рукахъ ихъ остаюгся. Епископы же рускіи Перемыскіи мають нынѣ до церкви соборной въ Перемышли толькы певныи дома

внутрь и въ муру, самими владиками или епископами Перемыскими великимъ накладомъ къ оборонѣ мѣста созданного, съ полнымъ судовластіемъ и съ изытіемъ зъ подъ судовластія капитановъ и зъ подъ всякихъ тигаровъ цивильныхъ, также къ замкови илька домовъ, на передмѣстьяхъ певныи огороды зовемы Псары и Цвѣрковкіи, села Мостище или Вѣльче, Валуву, Вилуничі, часть въ Грушевичаяхъ, Шегиняяхъ и Витошницяхъ, а до престольной церкви Самборской мають яше двѣ селѣ Страшевци и Бусовиска иначе Волковыи. Тидобра старанностію теперѣшняго преосвященнѣйшаго епископа Перемыского хотя и приведени до лучшаго состоянія, однакомъ всѣ доходы рѣчныи зъ нихъ болше якъ десять тысячъ золотыхъ польскихъ не чинятъ, зъ котрыхъ еще для войска королевства, и податку зовемого „погодюное“ рѣчно девять сотъ золотыхъ заплатити потреба. Прочіи же выше выражены добра и села перейшли наибольше черезъ загубу привилеевъ по ложнымъ доносамъ подъ предлогомъ, якобы то были добра королевскіи, въ посѣданье людей свѣтскихъ. И теперѣшній еще пречестный староста Перемыскій село Вѣльче, поля и дома въ Перемышлі со всякимъ судовластіемъ отъ церкви престольной Перемыской отдорвати и собѣ присвоити доконче старался, що былъ бы и здѣлалъ, елибѣ имнѣшній преосвященнѣйшій епископъ Перемыскій sprawy той великимъ иждивеніемъ не былъ боронилъ и рѣшенія въ судахъ королевскихъ для себе виробилъ.

Церковь тая престольна отъ непамятныхъ часовъ пресвитерами мірскими, соборно при ней находящимися и крылошанами зовемыми, управлялася, зъ котрыхъ каждый кромѣ церкви престольной другу еще церковь яко приходску на передмѣстью малъ, котрыи то церкви, именно: пресвятой Тройцѣ, святого Николая, Благовѣщенска, Рождества и Успенія пресвятой Богородицѣ, святого Михаила, и святого великомученика Георгія, числомъ шесть, доси на передмѣстьяхъ города Перемышлі существуютъ, прочіи же обстоятельства часу и переслѣдованіемъ запропашени. Крылошане мали прѣтодушъ-пастырство при тихъ церквахъ и для Богослуженія собиралися въ церкви престольной. Переконатися о томъ можно не только зъ метрихъ найдавнѣйшихъ, но и зъ розличныхъ пересправъ тяжебныхъ, угодъ и рѣшеній, сиюю котрыхъ капитула или крылошане добра столови епископскіи по смерти архіереевъ людьми свѣтскими насильно заняты назадъ отбирали, що и Иннокентій Винницкій святитель Перемыскій въ уставахъ синода діецевиального въ Краковѣ р. 1694 напечатанихъ утверждаетъ, мовячи: „А найперше хотя капитулу зѣшномъ катедрѣ обстоятельствами чаеу и роздѣленіемъ власти епископской по великой части подѣупалу и иня тѣлько самомаючу, найже зъ мертвыхъ воскресилсьмо и до каноническои въ катедрѣ Перемыской при церкви Рождества святого Іоанна Крестителя по старому вѣщанослову дванадцятото Октоврія 1687 привелисьмо форми, що коли и Его Величество всемилостивѣйшій король въ Варшавѣ по всеобщимъ королевства соймѣ пнтого Мая

1690 підписомъ руки своєї и печатю корунною утвердити благоволилъ, а при томъ и високопреосвященному Кипріянови Жоховскому, всея Руси митрополиту, на соймъ въ Городѣ нынѣшняго рѣку розумови не сопротивляющося, ни вѣрѣ католической противное, но еще лучшему порядку соответное вѣдѣлося,“ и проч. Но коли иноки чина святого Василія великого области руской имени Покрова пресвятой Богородицѣ зъ полъ судовластія епископѣвъ изъятимъ въ конгрегацію перетворилися, старалися всіми силами церковь тую престольну клирови свѣтскому ѳняти и ю на монастырь своій перекрестити. Но теперѣшній преосвященнѣйшій епископъ зъ певныхъ и основныхъ причинъ сопротивился тому и справа о тоє выточилася передъ митрополита Руси Атанасія Щептицкого, который на основѣ истязаній и доказательствъ рѣшеніемъ своимъ подписаннымъ въ Мальчицахъ въ среду 15. Іануарія 1746 духовенство мірское при церкви соборной утрималъ. Нынѣ кромѣ пресвитерѣвъ, котрыи при церквахъ на предѣльствахъ остають, а до церкви престольной для всенародного Богослуженія, для крестныхъ ходѣвъ и для священнодѣйствія по давному уставу приходиѣ суть должни, находится при самой катедрѣ шість пресвитерѣвъ свѣтскихъ, зъ котрыхъ еденъ должностъ намѣстника, вторій прокуратора катедрального, третій проповѣдника, четвертій миссіонера и духовника, пятый учителя поставляющихся на пресвитерѣвъ, а шестый должностъ викарого исполняе, при томъ всѣ зъ крылосахъ Богослуженіе ѳтравляють и душъ-пастырствомъ занимаются. Для удержанія тихъ пресвитерѣвъ, при соборной церкви остающихъ, записалъ высокоблагородный Богуславъ Устрицкий, нахщелянъ Иновродлавскій, суму десяти тысячи золотыхъ польскихъ за душу Іеронима Устрицкого, попередного епископа Перемицкого, а до того трамають еще поле на предѣльствію Перемискимъ для олтаря святого Онуфрія благороднымъ Волчанскимъ записаное. Дальше теперѣшній преосвященнѣйшій епископъ кромѣ тысячи золотыхъ уже записанныхъ и выплаченыхъ еще десять тысячи золотыхъ для той же катедры и для пресвитерѣвъ при ней подарити и записати ласкаво обѣцялъ. Но понеже зъ ѳтсѣтковъ рѣчныхъ ѳтъ одинадцати тысячи золотыхъ и зъ оного поля удержатися не могутъ, то приходники обоухъ епархій для удержанія ихъ и для учрежденія сѣменища силою опредѣленія енархіального ѳтъ пяти лѣтъ зъ доходѣвъ церквей своихъ по возможности складки зъ милости чинятъ Церковь сама зъ цеголъ мурована, во внутри стариннымъ мадѣваньемъ по подобію мозаики приукрашена. Кромѣ старинности своєї має церковь таа и тую достопамятностъ, що на стѣнахъ ея образы всѣхъ рускихъ епископѣвъ Перемицкихъ и Самборскихъ съ надписами ихъ дѣяній и подвиговъ ряломъ ѳтмадѣваньми даходяться.

Церквою престольною Самборскою єсть церковь святого Спаса въ горахъ имени Преображенія Христа Госцола, недалеко мѣста Старый Самборъ, Старое Мѣсто замкого. Церковь таа первоначально была деревяна, но благоче-

стивѣйшій Левъ, князь Руси, сынъ короля Данила, а правнукъ великого князя Володиміра, не тільки що ю вымуравалъ, але ю еще за соглашеніємъ митрополита Галицкого и Иларіона епископа Перемыского въ катедрѣ Самбѣрску перетворилъ. Тойже князь Левъ записалъ и подарилъ на вѣки той церкви и ново поставленому епископови Самбѣрскому Евфимію, кромѣ села Волковыи или Бусовиска, еще иньи два села Страшевичи и Созань, року ътъ сотворенія свѣта по численію греческому 6800, котрый ътповѣдае годови спасенія 1292, якъ явствуе изъ содержанія записи подлинной. „Яко прадѣдъ нашъ царь великій Володиміръ и отецъ нашъ придалъ митрополитомъ и епископомъ по всѣмъ землямъ рускимъ, также и мы даемъ къ церкви святаго Спаса монастыря и владыцъ нашему епископу Евфимію и по нѣмъ будущимъ епископомъ и суды духовныи судить столечная“ И доистно были епископы Самбѣрскіи всегда въ посѣданью церкви той и тихъ дѣбрь; но коли монахи чина святаго Василя великого области имени Покрова пречистой Дѣвы Маріи зъ пѣдѣ судовластія епископского выйшли, выточили попередному и нынѣшному архіереєви Перемыскому а разомъ и Самбѣрскому справу, котра по долгѣй тяжбѣ и по трехъ рѣшеніяхъ конгрегациі для роспространенія вѣры тимъ закѣнчилась, що теперѣшній преосвященнѣйшій епископъ, хотя ему и наслѣдникамъ его посѣданье дѣбрь признано, былъ однакожъ принужденный, для удержанія осми монаховъ при церкви святаго Спаса остающихъ, часть пѣдданыхъ села Бусовискъ зовему Пѣдсадки и поля до той церкви припирающіи съ пропиначієвъ корчмы по учиненѣй угодѣ ътступити, и ътступленіє свѣтѣйшій Папа Венедиктъ XIV посланіємъ своимъ апостольскимъ подтвердилъ. Епископіи Самбѣрскѣй ътлорвано село Созань, котрое нынѣ шляхтичи посѣдають. Велику также часть грунтовъ сель Страшевичъ и Бусовискъ заняло королевское староство Самбѣрское, на котрыхъ то грунтахъ епископіи Самбѣрской лежать села Воля Коблянська и Лужокъ, котрыи не епископови, якбы повинни, ино староству королевскому въ Самбѣрѣ дани платять и послушають, о що попередніи епископы также правовалися.

Въ мѣстѣ Новый Самбѣръ церковь имени Рождества пресвятой Бого-ролицѣ, хотя первоначально лише яко парохіальна основана, уважаєся прецѣ нынѣ яко престольна и была создана еще р. 1554 стараньємъ и иждивеніємъ благочестивыхъ мѣщанъ Самбѣрскихъ. Для воздвиженія той церкви вселостойнѣйша королева Бона придѣлила и вызначила два огороды жидѣвскіи въ томъ самѣмъ мѣстѣ и въ мѣстци, где церковь со своими принадлежностями днесъ стоятъ, а то на прошеніє преосвященнѣйшого Радилевского владыки или епископа Перемыского и Самбѣрского, позвалаючи ему, чтобы такъ для двора своего, якъ и для поповъ мавшихъ при той церкви оставати, дома построилъ, котрыи то загороды и всѣ дома мавшіи на нихъ создатися при-совокупила на всегда ненарушимости церковнѣй, и освободила ътъ всякихъ

тагарбѣ такъ краевыхъ, якъ и королевскихъ, якъ видно зъ привилеіи тоїже королеви Бони зъ дня 20. Януарія року якъ выше 1554, королеми Сигизмундомъ Августомъ въ Люблинѣ тогоже року утвержденно. До того причинилися еще даръ для тоїже церкви, для епископа Радиловского и его собора учиненный благородною Констанцією Смочковою, мѣщанкою Самбѣрскою, котрый то даръ состоялъ въ двѣдичномъ домѣ, який въ тоїже мѣстѣ доси посѣдала. Даровизну тую и записъ на рѣчь епископа и собора церкви Рождества пречистой Дѣвы Маріи въ Самборѣ потвердилъ, а домъ реченный со всѣми его принадлежностями ненарушимости церковной присовокупилъ король Сигизмундъ Августъ въ Петриковѣ въ самъ день святого апостола Ѡмы р. 1558. Дальше послѣдовада записъ на огородъ, Станчевскій зовемый, на передиѣстью Краковскѣмъ мѣста Самбора благороднымъ Счастливымъ Бронзною въ субботу по Богоявленію р. 1570 здѣлана. Король Сигизмундъ Августъ выдалъ привилею въ Варшавѣ дня 22. Цвѣтня 1564 для созиданія и воздвиженія домѣвъ въ околѣзѣ церковной площади Ѡтъ стороны муру епископомъ вознесенного: всѣ реченныя дома уже созданныя и еще создалися мавшія воспоминаутѣй церкви Рождества пресвятой Богородици присовокупляючи и записуючи, а жителей ихъ Ѡтъ правосудія мѣстowego Самбѣрского изымаяючи такъ, щобы самому правосудію церковному подлягали и чинишь зъ тихъ домѣвъ реченной церкви и еи настоятелямъ платити были должны, выробы свои на продажъ выкладати и ихъ свободно и безъ всякой перепоны спровадати могли; а щобы мѣщане Самбѣрскіи до тихъ домѣвъ и до правосудія ніякъ вгручатися, ихъ жителей якимъ будь способомъ непокоити не важилися, король Стефанъ рѣшеніемъ изданнымъ въ Варшавѣ на всеобщѣмъ соймѣ державномъ дна 17. Декемврія 1579 строго запретилъ. Колиже въ реченной церкви икона пречистой Дѣвы Маріи чудами прославлятися начала, высоблагородный Илія Комарницкій стольникъ Жидачевскій вразъ съ Еленою Комарницкою супругою своею, веденый благоговѣніемъ къ пречистой въ той иконѣ ласками и чудами прославленной Богородици, ину церковь зъ камня и цеголь муровану власнымъ накладомъ при заходѣ и усилюю всечестного Константина Керновича, офиціала Перемыского а настоятеля тогоже храма, вмѣсто старой деревяной церкви р. 1738 создати и такъ во внутри, якъ и виѣ пристроити постарался. При той церкви находится нынѣ трехъ пресвитерѣвъ свѣтскихъ, еденъ настоятель, другій проповѣдникъ, а третій викарій, котрыи частію изъ завѣщательныхъ записей, частію зъ милостынѣ вѣрныхъ до иконы Богородичной прибѣгающихъ утримуются, для котрыхъ честиѣйшого удержанія теуершній преосвященнѣйшій епископъ Шумлянскій десять тысячи золотыхъ польскихъ записати обѣцалъ.

Кромѣ тихъ церквей соборныхъ находится тысячь двѣствѣ иныхъ церквей приходскихъ въ епархіи Перемыской, Сяноцкой и Самбѣрской. Всѣ они парохами пресвитерами свѣтскими управляются и власти епископа Пе-

ремышского подчинены. Но, какъ показуется зъ визитъ канонныхъ, мало находится такихъ приходниковъ, котрыи бы при тихъ церквахъ удержаніе прилично мали, для того зъ праць рукъ своихъ и зъ милостынѣ вѣрныхъ жити принужденни. Грунта бо благочестивыми ктиторами церкваць для удержанія парохѣвъ записаны по наибольшій части отторгнуто; а десятину отъ Русинѣвъ парохіи латиньского обряда и въ мѣстцахъ, где латиньскіи костелы не существуютъ, побирають, хотя Русинамъ жадныхъ Тамнѣ не уаждють. Таку десятину присвояють собѣ въ мѣстѣ Самборѣ пресвитеры общества (конгрегаціи) миссіи святаго Викентія а Павла, котрыи, выпросивши недавно по ложному представленію отъ Его Королевского Величества привилею на завлачене собѣ десятины и мешного (messalia), сядують до того рускиихъ парохіанъ различными способами во всемъ майже королевскѣмъ староствѣ Самборскѣмъ, коли тимъ часомъ парохове рускіи, котрыи душъ-пастырство у тихъ Русинѣвъ провадятъ, соотвѣтного для себе утриманья въ томъ же староствѣ Самборскѣмъ совсѣмъ не мають. Тимъ еще незадоволени приходники латиньскіи и самихъ Русинѣвъ, котрыхъ епископы и душъ-пастыри рускіи ео святою Римскою церквою соединити старалися, различными средствами и предлогами до обряда латиньского перетягаютъ, переходъ радятъ и для того въ множайхъ мѣстахъ мѣщай латиньскихъ, щобы Русинѣвъ до магистрату не припущали, вопреки привилеямъ и уставамъ державнымъ для Русинѣвъ прислужающимъ, поджигаютъ. Поводъ къ тому подавъ самъ преосвященнѣйшій Страковскій епископъ обряда латиньского Перемыскій, теперѣшній архіепископъ Львовскій, котрый въ часѣ обзорнѣ епархіи своеи Перемыской незаконного того перехода не толькы не запретить, но еще Русинамъ, зъ обряда греческого на латиньскій безъ всякой праведной причины и безъ созволенія святаго престола перейшовшимъ, уже крещеннымъ, и вразъ по обряду греческой церкви муропомазанымъ, знову Тайну муропомазанія по латиньскому обряду удѣлялъ или муропомазовалъ, зъ чего проеголюдины обрядомъ своимъ тимъ бѣльше гордити и до латиньского переходити начали.

Въ епархіи Перемыскій находятся инокинѣ святаго Василія и мають свой монастырь въ Смѣльниці, также въ мѣстѣ Яворовѣ и въ селѣ Розгорчу, но повеже суть бѣдныи и соотвѣтного удержанія опредѣленного не мають, также зъ праць рукъ своихъ и зъ милостынѣ жити принужденни. —

Нижнѣшное состояніе епархіи Перемыской, Сяноцкой и Самборской власною рукою и печатію моею ссрѣпити приказую. Новгородокъ дня 23. Августа по старому 1761 року. — Онуфрій Шумлянскій епископъ Перемыскій, Сяноцкій и Самборскій. — Мѣсце печати. —

По втягненію письма того подлинникъ его на жаданіе воеводственаго Якубиньского, куріи Перемыской аудитора зверченныи, Венедиктъ Верига Мос-

тарій. — Вытагнено зъ книги актѣвъ митрополитальнихъ отъ р. 1762 до р. 1762, стор. 1003 — 1010. Варшава дня 19 Юнія 1825. Павло Шиманскій Дек. Кап.“

Сообщилъ А. Д. зъ *Валеры*

Уваги на статью:

„ВЫВОДЫ О ПОЧАТКУ ИМЕНИ — РУСЬ“,

замышлену въ переводѣ вырису Галичакина за 1862 рокъ.
о Буцавинскій

Каждый народъ приходячи до самосвѣду и до своей народной дозрѣлости, ибръить свою минушность, а розбѣрѣвшись въ ней стелить собѣ дорогу до своей будущности. Въ томъ его стремленію вяже го исторія. Слѣдить про тое за первобытомъ своимъ и сягаючи по-за предковщину, отгребуе свою минушность и свою завѣтну правду. Тымъ способомъ спбзнае онъ свое межнародне становиско и свое назначѣнье, котре вѣковѣчна правда ему яко народови опредѣлила.

Длѣ выясненя бубальщины причиняея богато и слѣджене за початкомъ имени народного. Подля Зубрицкого було то лишень простою любопытностью не приносячою жадного хѣсна для исторіи — для того онъ до назвы „Руси“ своихъ читателейъ лишъ намекомъ позбувъ, не доведши ничъ рѣшительного, що бы кожного перекопати могло. Но Зубрицкій не увзгляднявъ становиско межнародне Русинѣвъ. Руководячись голыми фактами исторіи снявъ о едноти народовой всей Руси. Не увзгляднявъ онъ нѣ характеръ, нѣ языкъ, нѣ обряды и звычай такъ Великои якъ и Малои Руси, а подтягнувъ лишъ подъ единыство народное все, где ино назва „Русь“ чутиа дала. Тымъ-то у него назва Русь була родовой, давной, славянською.

Но иначе явится дѣло, если намъ посчастится указать неславянскѣсть назвы Руси. Бо тогда могли два, три и десять народѣвъ пріймати назву „Русь“, т. е. назву по побѣдителяхъ привительственну, но черезъ то не перестали они бути каждый для себе окремою, выною народностью. Тогда, народы назвавшися „русскими, Руссами, Русинями“ не стали бити еще Россіянами або Москалями, такъ акъ иныѣ народы зовущися Австрійками, не суть черезъ тое уже Нѣмцами або Германями. Тогда назва сама народна не рѣшитъ вопросу о народности. Тогда треба въ характеры и въ тѣлы народу заглянути, и послѣ того судъ свѣой въ исторіи выречи. И дѣйстно читалисьмо въ „Осенавѣ“ статью Костомарова, котрый съ глубокимъ знаньемъ рѣчи двѣ руски, но и двѣ противни собѣ народности ловѣвъ. Судъ Костомарова цѣнится высоко по всей Россіи, и не дивъ, що сами Россіяне давну свою мысль о едноти и тожсамости народнои нынѣ захищаютъ.

Однако разъ припустивши, що назва Руси выробилася въ самомъ народѣ, и що она есть Славянскою, такъ тымъ и единость межинародна припускается. Маючи однако незбити доводы, такъ зъ инныхъ писателѣвъ якъ и нови еще доси не узгляднени, мы свои доводы подъ судъ читателѣвъ пускаемъ — борюючи тую до вынѣ общу гадку, послѣ которой назва „Русь“ вяжеть до своихъ побѣдителѣвъ, до первого князя руского Рюрика и до его дружины руской.

Доводы сѣи взяти такъ зъ русскихъ лѣтописей, якъ и зъ заграничныхъ, а именно зъ нѣмецко-франконскихъ, зъ греческихъ, еврейскихъ, арабскихъ, польскихъ, скандинавско-русскихъ и пр., подтверждать сказаное выше.

Авторъ „Выводѣвъ о началку имени „Русь““ хотячи давноту той назвы вывести, ссылаеця на свѣдоцтво Прокопа и на подобѣнь слова Русь зъ Роксолянами.

Що ся тычить Прокопа, то его слова авторъ сшибочно розумѣвъ. Прокопъ вправдѣ дае Славянамъ и Антамъ мешкающимъ около Днѣпра назву Спорѣвъ, но въ инѣмъ змыслѣ. Слова бо его: *Σπορούς γὰρ τὸ παλαιὸν ἀμφότεροις ἐκαλοῦν* не стягаются на его — Прокопа — часы. „*τὸ παλαιὸν*“ означае старожитность, а подъ старожитностью розумѣли Греки лишь себе самыхъ або Римлянъ. Отже „*Σπορούς*“ була то назва не славянска, а лишь назва, яку Греки надавали подѣлѣйшой Скитіи. Для большого розумѣнья не завадитъ навести текстъ латинскій. И такъ читаемъ въ переводѣ латинскомъ: „*Utrisque enim (т. е. Sclavenos et Antas) appellavit „Sporos“ antiquitas, ob id opinor, quia sparsim et rare positis tabernaculis regionem obtinent, quo fit, ut magnum occupent spatium.*“ Зъ чого видно, що Прокопъ назву „*Σπορούς*“ отъ греческого „*σποραδι*“ (вспарсим et rare)“ а не отъ слова Славянами уживаного выводить. Ба даже слово „*Σπορούς*“ не скрываетъ въ собѣ назвы Русь, бо оно есть лишь палежомъ четвертымъ, а той у Грековъ на „*ους*“ коньчится. Корень есть *Σπορ*, а же въ *Σπορ* не крывается назва Руси, то вже ачей буде ясно.

Нарушевичъ и инни хотѣли въ назвѣ *Σποροι* згречену назву Россіянъ узрѣти, но той доводъ е ничтожный. Бо хотяи греческое „*Σποροι*“ дословно взявши значить „Розсѣяннѣ“, то однако назва Россіи есть подѣлѣйша и сягае недавнихъ часѣвъ, бо доперва 16. вѣку. Врештѣ о сихъ Спорахъ Прокопа не завадитъ навести слѣдующи слова Шафарика: „Прокопомъ надана назва „Споры“ есть исторично нечувана, есть неславянска, ба навѣтъ не-европейска. . . Нѣгде въ цѣлой, а хоть и въ далекой старосвѣтчинѣ, не дадутся и наименьши слѣды о якомъ народѣ вынайти, котрый бы въ свѣйнѣ або въ чужинѣ звался Спорами. . . Смѣшными суть тѣи, що на свѣдоцтво Прокопа завелику вагу кладуть. . . Въ выясненю давныхъ славянскихъ назвѣ, не можуть намъ Греки — зб-всѣмъ несвѣдоми славянскои мовы — нѣколи бути провѣдниками.“

А що ся дотычить назвы Роксолянѡвъ, то тіа не мали жадного дѣла съ пѡзднѣйшою Русію. Пѡдлі историкѡвъ були Роксоляне якоюсь-то гордою Сарматскою. Мешкали они вправдѣ межъ Днѣпромъ и Дономъ, но чутка о нихъ пропала давно. Бо уже въ четвертѡмъ вѣцѣ, по паденью Готѡвъ, о нихъ исторія не споминае. Здаеся, що они пѡдлягли той самой судьбѣ, що Сарматы, котри перти зъ востоку Алянами, посувалися на западъ, и служачи въ чужихъ войскахъ и мешкаючи на чужихъ земляхъ, сплылися въ чужонародной стихіи. Зъ того часу еще якійсь часъ они появляются въ Галліи, въ Италіи, ба и въ Египтѣ, доки о нихъ исторія зо-всѣмъ не забула. Тымъ способомъ Роксоляне — чи они були Сарматами, чи, якъ инни хотять, були Алянами — то ихъ назва есть лише припадкова, они до назвы словянської Руси ничъ не мають. Если пѡзднѣйши ѡтъ Роксолянъ народы, котри на нашой земли колись жили, якъ Аляне, Готы, Гуны, Чуды (Финны), Обры (Авары) — безъ слѣду пропали, то тѣмъ бѡльше могли въ исторіи пропасти Роксоляне, котри уже съ четвертымъ вѣкомъ по Хр. замовкли на всегда.

Взявши доси нами розказаное на увагу, то упадають всяки толки за древностію назвы Руси, а выводы якъ н. пр. Руси ѡтъ Русалокъ суть лише допущеньями, на котрыхъ исторія опертися не може. А такъ должны мы Несторови его вывѡдъ Руси ѡтъ Варягѡвъ Скандинавскихъ вповнѣ признати, що и съ удивительнымъ согласіемъ всѣхъ историкѡвъ, такъ питомыхъ-власныхъ, якъ и сторонськихъ писателѣвъ потверждаеся.

Русію звався нашъ край ажъ въ девятѡмъ вѣцѣ, а все що передже писано о Руси, стягаеся до иной Руси неславянської.

Найдавнѣйша споминка о Руссахъ походить зъ року 839, и тая ѡтносить Руссѡвъ до народу шведского. Пѡсля „Annales Prudentii Trecensis“ въ „monumenta histor. german.“ стр. 434, повный текстъ о тыхъ Руссахъ гласить такъ: Misit (Теофіяль царь греч.) cum eis (т. е. съ послами своими) quosdam, qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant, quos rex illorum, Chacanus vocabulo ad se amicitiae, sicut asserebant, causa direxerat, petens per memoratam epistolam, quatenus benignitate imperatoris redeundi facultatem atque auxilium per imperium suum totum habere possent, quoniam itinera, per quae ad illum Constantinopolim venerant, inter barbaras et nimiae feritatis gentes immanissimas habuerint, quibus eos ne forte periculum inciderent, redire noluit. Quorum adventus causam imperator diligentius investigans, comperit eos gentis esse Sueonum, exploratores potius regni illius nostrique, quam amicitiae petitores ratus, penes se eosque retinendos iudicavit, quod veraciter invenire posset, utrum fideliter eo necne pervenerint.“

Такъ отже межѣ высланныками Теофіяля до царя Людовика Побожного, находилися и послы народу „Rhos“, ѡтъ котрыхъ Людовикъ звѣдаеся, що они суть „gentis Sueonum.“ Sueones то суть Несторовы „Свие“, Шведы, котрыхъ Несторъ также кладе межъ Варягѡвъ. Тое пѡдъ рокомъ 839 у франконьского

писателя наведеное мѣстце, якъ зъ одной стороны сильно подтверждаетъ Нестора, такъ зъ другой стороны посвѣдчаетъ, що ще на той часъ выѣшняя славянська Русь, Русію не звалась.

Извѣстно бо, що въ той часъ Норманы на своихъ лодяхъ увиваючися по всей Европѣ, до Греціи дѣставалися черезъ Днѣпръ и черезъ Чорное Море. Такъ и тія послы „gentis Rhos Sueonum“ дѣсталися до Царьгороду. Прибувши однако до Людовика просили его, абы имъ дозволивъ до Швеціи черезъ „imperium suum“ повернути, понеже гамта дорога, котрою дѣсталися до Царьгороду, т. е. черезъ Днѣпръ, лежить „inter barbaras et nimiae feritatis gentes immanissimas.“ Такъ отже назвали тія Шведы-Русь нашу пѣзднѣйшу славянску Русь, що бы певно не забѣлали, слибы яку стычнѣсть съ Надднѣпрянською землею мали.

Кто однако бувъ сей Chaganus rex -- не извѣстно. Гдѣ-некотри хотять въ немъ Гаконъ узрѣти, но Гаконъ живъ пѣзднѣйше. — Не буде тутъ ѡтъ рѣчи, навести одно мѣстце зъ книжки „Turcograeciae libri octo a Martino Crusio.“ Книга тая зъ 16. вѣку, находящася въ Львѣвской Семинарицкой библиотекѣ, передае нѣкотри подробности о нападахъ Руси на Царьгородъ. Дивна тамъ матавина, однако кидаюча нѣяке свѣтло на походы Аскольда и Дира. Авторъ листу тамъ замѣщеного именовъ Zygomala, зачувши щось о вышѣ наведенѣмъ нами „Chaganus“ и „de gente Rhos,“ назвавъ Дира (и Аскольда) Chaganus, а въ назвѣ Rhos приснявся ему „Chozgoes“ царь Перскій, и такъ помѣшавши особы веде свою рѣчь о началѣ Скитѣвъ и Перзѣвъ на Цариградѣ. Патріархъ Фотій есть у него Сергій, и не дивъ, що Crusius, не поймивши о що рѣчь иде, цѣле событіе положивъ пѣдъ р. 626 circiter (!) Christi.

Но мы перейдемъ до самого листу того. Zygomala писавъ до Crusiusa такъ: „Audi itaque narrationem maxime utilem, ex vetere historia petitam, mira exponente de hac urbe (Constantinopoli): quae contigerunt temporibus illis: quibus Persae aliique Barbari, hanc Imperatoris sedem bello appetentes, obsidione cinxerunt: iudicio autem divino percussi perierunt, ipsa urbe beneficio opitulantis Dei incolumi conservata. Quo tempore Heraclius imperio Romano praeerat: Chosroes Persarum Rex maximas copias emisit, duce Sarbaro: totius Orientalis tractus, qui Romanis parebat, depopulandi causa. . . Haec ut vidit Heraclius, qui recens . . . imperii habenas ceperat, magnum dolorem et cruciatum animo sensit. Relicta itaque sede regia: per Euxinum pontum . . . confestim nec opinantibus Persis, in ipsorum regnum irruit. Ibi Chaganus Scythia, imperatoris expeditione longinqua, occasionem sibi pulchram oblatam ratus, haud segniter ea utendum duxit. Mare itaque navium. . . multitudine replevit . . . Ac praefectus quidem moenia firmabat“ . . .

Отвѣтственне тому мѣстце зъ лѣтописи Гамартоли пѣсля переводу рукописного зъ 15. вѣку, есть слѣдующе: „Царь же на Агаряны изыде воевати,

Орфанга въ Костянтинѣ градѣ оставивъ; дошедшу же ему Черныя рѣки глаголемы, и се абіе вѣсть ему епархъ посла, яко Русь на Костянтинѣ градѣ идуть, Асколъ и Дирь.“

Zygomala пише дальше: „Patriarcha vero in preces ad Deum intentus erat, ipse et sui Nondum triduum effluxerat, cum urbem oppugnavit Scytha copiis omnibus. Tanta autem erat phalanx hostilis, tum innumera hominum multitudine, tum armorum genere impenetrabili: ut, si totum parva parte declarare velim, deni Scythae contra singulos Romanos essent. Nihilo tamen minus divino auxilio intercessione S. Deiparae . . . a militibus, quibus sorte locus obvenerat, magnus Scytharum numerus caesus est: eoque facto non modo ducis eorum spiritus dejecti: verum etiam futuri interitus universalis, qui paulo post eventurus ipsis erat, haec clades loco arrhae ejusdam interim fuit. Hinc animis receptis Romani, magnaue fiducia completi, crebris conflictibus cum hoste contendebant. Qua in re divino auxilio roborabantur: quo ipsis animi praesentia crescebat: Scytharum vero machinationes confundebantur: viresque et peritia bellica debilitabantur. Post haec de communi sententia mittuntur legati cum muneribus ex urbe: qui de pace cum Scythis, sociisque tractarent. Verum bestia illa potius, quam homo, Chaganus, non modo conditiones nullas pacis admittit: sed dona quidem allata accipit, legatos vero re infecta dimittit, hoc solum addito: „Videte, ne decipiamini a Deo, cui confiditis. Certo enim cras urbem vestram capiam, eamque devastabo. Hoc vero misericordiae exhibeo vobis: ut nudi egressi, abeatis, quocumque velitis. Proinde discedite: aliud humanitatis officium ne expectate“. — Haec ubi a legatis audiverunt, qui eos emiserant: ex imo pectore ingemiscere: ad coelum manus extendere: vim equidem lacrymarum profundere Duo proinde aut tres consecuti dies: quibus velitationes, et certis in locis pugnae commissae, bellumque continuatum fuit. Consilium autem illi cani captum erat: terra quidem, machinas oppugnatorias et tormenta muris admovere: mari vero, Scythica navigia innumerabilia explicare: ut ita uno tempore, hora, urbem terra simul marique oppugnaret. Dum haec ad hunc modum apparantur: ipse cum omni lectissima equitatus manu, in superiorem ponti Euxini partem accedit.“

Сія подробности зъ Дироваго походу на Цариградъ зъ Нестора не суть известны. Несторъ якъ звыкло войны рускихъ поганьскихъ князевъ лишь намѣнкою наводитъ, а такъ здѣлавъ онъ и тутъ. Онъ ино коротко повѣдае: „Ся (Русь) же внутри Суду вшедше много убійство крестьяномъ створиша, и въ двою сотъ корабль Царьградъ оступиша. Царь же едва въ градъ вниде (?); съ патрярхомъ . . . всю ночь молитву створиша“.

Решта событій записанныхъ въ Несторѣ, майже вся сходится съ повѣстію Zygomalae, котрый, якъ самъ мовить, се списавъ „ex veterе historia“. Отъ его слова дальши: „Verum quis mirabilia, quae Deus tunc fecit, eloquatur? . . .

Nam cum Chaganus Ceratinum sinum navigiis implevisset: eaque in litus prope muros, facilioris ascensus parandi causa impingere conaretur: et e terra innumero exercitu pugnaret: Deus spes ejus vanitatis convicit. Tanta namque animorum vi, singulis in partibus moenium pugnatum est et tantae Barbarorum caedes a Romanis factae: ut ad mortuos cremandos non amplius sufficerent vivi. Hoc eventu in terra pugnatum. In mari vero, navigia cum epibatis, in parte, quae Blachernaeum Deiparae virginis fanum respicit, Deus subito demersit: illius scilicet intercessione lacrymis populi ad misericordiam commotae. Ingentem ea violentumque ventum et procellam in illos excitaverat. Mare enim cum hostes ad templum illud appropinquassent, in sublime elatum . . . interruptum et hians, cunctos ad fundum usque dejecit: et cum navigiis, quae lintres erant, absorbit. Erat tunc cernere maximum et ineffabile miraculum. Etenim mare fluctus ad montium instar elevabat: in modum ferae bestiae intumescens furebat: in hostes Dei immaniter insiliebat, immisericorditer deglutiens: quemadmodum Aegyptiis quondam fecit, antiquos illos Israelitas persequentibus. Tunc temporis ipse quoque Barbarus, suis oculis tantam exercitus sui perniciem cernens (ibi enim alicubi cum cataphractis equitibus in loco editiore stabat) manibus pectus et frontem feriebat. Oppidani autem, qui in moenibus cum hoste pugnabant, percepto Barbarorum marino interitu: continuo divina quadam vi confirmati, denso agmine facto, portas moenium aperiunt: magnoque clamore et exultatione in hostes erumpunt. Tanta tunc laetitia, praesentiaque animi nostros incessit: ut etiam pueri et feminae in illos irruerent: atque in ipsa castra eorum penetrarent. Ibi cernere erat, ab uno mille fugari: a duobus decem millia loco pelli . . . Cum sol jam occidisset et nox supervenisset: machinas et tormenta hostilia, quibus potiti fuerant, omnia combusserunt. Ita beneficio Dei cum caetera, tum incensionem, suis manibus feliciter peregerunt . . . Ita barbari, qui cum copiis numerosis advenerant, turpiter cum paucis hominibus recesserunt⁴.

Тя суть слова Zygomalae, котрыи описуе Дира походъ на градъ Константина. Имъ отповѣдае слѣдующе мѣстце зъ Георгія Гамартоля: „Царь съ Патріархомъ Фотіемъ къ сушеи церкви святыя Богородица въ Влахернѣхъ всенощную молбу створиша . . . Таче божественную святыя Богородица ризу зъ пѣснями изнесше, въ мори скуть омочивше. Тишинѣ же суци и мори укротившюся, абіе буря съ вѣтромъ воста, и волнамъ велиемъ воздвигшимся засобѣ, безбожныхъ Руси лодія возмате; и къ берегу привержени избіени, яко мало отъ нихъ таковыя бѣды избѣгнути, во свояси съ побѣждециемъ возвратишася.“

Слѣдуе вопросъ, чи дѣйствио Zygomalae исторію належить отнести до Руси. Вже саме подобенство исторіи, потомъ битва со Скитами, и сама назва Chaganus, подтверждаетъ тое. Що теперѣшня Русь въ середновѣччидъ звалась Скитією, доводомъ сего Длугошъ, котрый въ исторіи своей, послѣ

изданія въ Добромилю на стр. 22 такъ пише: „Scythia nominatur a scriptoribus, quam cum processu temporis Poloni et Rutheni populandam introissent. Scythae et ipsi a nonnullis vocati sunt.“ И Несторъ зве тую землю Скуфїю. Тымъ отже способомъ „Scythae“ 9. вѣку суть дѣйстно Русины. А що ся дотычить назвы „Chaganus“, она не означае ничь иного, якъ лишь володѣющаго. Въ такомъ змыслѣ треба брати ового „Chaganus“ въ анналахъ Prudentii, и оного „Chaganus“ при осадѣ Константинополя. Chaganus или властивѣйше Chagan була общою назвою и для нашихъ давныхъ русскихъ князевъ, и встрѣчаеися такожь въ давныхъ памятникахъ русскихъ. Такъ и. пр. въ проповѣди Иларіона, Митрополита Кіевскаго и всея Руси, читаемъ заголовни слова: Похвала кагану нашему Владимиру, отъ него же крещени быхомъ, и пр. Каганъ первобытно означало Владыгу (даря, князя), — но якъ имя Владыки перейшло потомъ на духовну особу, такъ и имя кагана затрагилось — а лишь въ Халдейскомъ, где здаеся его первобытнѣсть глядати належитъ, доховалось довго, и означае тольکو, що „sacerdos.“

Объяснивши такъ гдѣшо значенье назвы „Chaganus“ и открывши гдѣ-яки доси незнани событія зъ выправы Дира на Грецію, мы вертаемъ назадъ до выше наведеного мѣстця у франконскаго писателя дотычно Шведскихъ Росовъ. Учени слѣдячи за тою назвою Росовъ, открыли въ побережной Швеции мѣстце зване „Rodslogen“ и дойшли до важнаго откритья, що Шведовъ Финны еще до днесь зовутъ Россами або „Kuodsi.“ Пѣсла ученаго польскаго Шайнохи въ его „Lechicki początek Polski“ означае Ros-lagen societas naviculariorum, spółka żeglarska, и сходится онъ со своимъ выводомъ съ нѣмецкими писателями, котри Шведскихъ Росовъ на рѣвнѣ кладуть съ значеньемъ „Ruderleute oder Seeleute.“ Тымъ способомъ „Rhos“ означало бы жегларовъ, корабельниковъ, якожь и розглянувши въ початкову исторію Руси, видимо ихъ, Русовъ корабельне искусство на огромнѣмъ степені розвите. Майже въ одноѣмъ часѣ являються Руссы со своимъ суднами и лодями пѣль Царьгородомъ на Чорномъ Морѣ, на Каспійскомъ Морѣ въ выправѣ противъ Арабовъ усадовились въ числѣ до сто тысячъ съ своимъ кораблями на берегахъ Волги — о чѣмъ доносить Карамзиномъ замѣченный писатель Арабскій Ибнъ-Фолянъ — розѣшлись яко купцѣ по рѣжныхъ сторонахъ, и кружили по Чорномъ Морѣ въ такой численности, що, якъ колись Балтицке Море по Варягахъ звалось Моремъ Варяжскимъ, такъ теперъ Чорне Море, почалося называти Рускимъ.

Для того и мы выводимъ назву Руси отъ Варягъ Скандинавскихъ, гдѣмъ болѣе, що хроника Ерика (Czasopism księgozbiornе Ossolińskich 1828 выдускъ 4. стр. 25) тое выразно повѣдае, що „за данованья Лотана Канута, се есть въ вѣку девятѣмъ, трета часть людности забралася въ край и на полуострове перенеслася; а такъ ту осадовившися потѣмъ еще болѣе краевъ

пѣдбля и знайшовши тамъ выгоде житья, вже бѣльшь вернути до отчины не хотѣла.“

Пѣсля исторіи шведской „Гайера“ находятся въ Швеціи численни арабски монеты, а то особливо зъ краевъ на юго-востокъ ѳтъ Каспійского моря лежащихъ и то зъ часѡвъ 9-го и 10-го вѣку, зъ-ѳтки явно е, що межъ Руссами, воюющими съ Арабами, а межъ Шведами була якась велика, безъ сомнѣннїя племенна, родова звазь. Ведля тогожь Гайера находится въ тойже Швеціи множество руничныхъ камѣней, ставляныхъ въ поимду рускихъ воѣвникѡвъ въ Цариградѣ. Тыми воѣвниками були то руски князь и руска дружина, — ожежь межи Руссами а Швецією було велике межинародне и родове сообщеніе. Для того то Лютпрандъ, владыка Кремонскій и посолъ Италійнскій на дворѣ греческомъ, а свѣдокъ Игоревой выправки на Грецію, зѡзнае, що называни Греками Руссы, суть властвиво Норманы: „Russios, quos alio nomine Nordmannos appellamus.“

Що Русь не була назва Словянска, посвѣдчають и гречески писателѣ. Вправдѣ ѳтъ року 800 черезъ бѣльше пѡтворя вѣку не ма межъ Греками истинного дѣписця, но и въ тыхъ, що були, можъ свѣдоцтво знайти, що Русь не була роду словянского. Такъ пѣсля Георгія Гамартоля, Русь була племенемъ Варяжскимъ: „приплу Русь на Костянтинъ градъ лодїями, тысящъ десять, иже и сведи глаголемъ, ѳтъ рода Варяжска сущимъ“ (Рукопись зъ 15. столѣтїя). А хотъ и иншихъ доводѡвъ въ тоглашнихъ писателяхъ гречкихъ не знаходимъ, то однако повыше свѣдоцтво Лютпранда доказуе, що звани Греками Руссы були властвиво Норманы.

Юсуфъ Горіонъчикъ (пѣсля Лелевеля: *Narody na ziemiach Sławiąskich* стр. 643 и 648) давъ описъ родоводу Яфетского (Индѡ-Германского!) племени. Славянъ выводитъ ѳнь ѳтъ Доданїмъ, а Русишь розложившихъ свои наметы надъ рѣкою Волгою, зве ѳнь вразъ зъ „Англисами“ потомками Тираса. Зваживши, що Англо-Сасы пѡдбивши Бреттонїю були Германями и походили изъ Скандинавіи, то тая родовѡсь межи „Русишь“ а „Англиси“ есть великимъ свѣдоцвомъ про се, що Руссѡвъ не межи Славянами, а гдесъ-то инде и межи иннымъ народомъ глядати належить.

Дивнымъ способомъ навѣтъ самъ Длугошь, сей баечникъ Длугошь, признае германскій початокъ народу русского. Пише бо на стр. 22 выданья Добромильского: „*Rus̄ non Lechōnis nepotem sed Germanum exstitisse,*“ хотя въ своей наивной добродушности, трохи пѡзантїйше додае: „*Scriptorum tamen varietas de origine Ruthenorum plus connubilat eorum originem, quam declarat.*“ Кого однако пѡдъ-сими „Rutheni“ Длугошь обѣймае, то е для мене загадка. Разъ говоритъ ѳнь, що „*Polonorum atque Ruthenorum communis locutio,*“ то зновъ „*Polonia Russiave,*“ то зновъ „*Poloni et Rutheni,*“ то зновъ описуе, якъ Русинъ Одоакеръ 509 года злобувъ Римъ, не знаючи навѣтъ,

що Одоакеръ бувъ Ругіянинъ не зъ Руссїи родомъ але зъ Ругїи, лежачої въ п'ятимъ в'ц'ц' въ нын'шній горної Угорщинї и Австрїи.

Съ т'мъ вс'мъ оказуеся наконецъ, що назва Руси не є родова, славянська, а яшч' накинена завоевателями-Варягами на славянську землю. Такъ якъ Англо-Сасы подбивши Бретоньц'в' накинули назву Англїи, Нормане на горну Францію назву Нормандїи, Лонгобарды на Италію назву Ломбардїи, Болгаре зъ-надъ Волги на Славянъ Наддунайскихъ назву Болгарїи — такъ Русь завоевавши нын'шню руску Словянщину навергли на Словянъ назву Руси.

Назва народна звыкло переходить зъ поб'дителейъ на поб'дженихъ. Поб'дители накидують свою назву, а поб'джени поб'дителямъ языкъ своій и мову. — Такъ сталося и зъ назвою Руси. Що однако писател' лиш' закрит'гли, оно стверждаеся въ повн'т' домашними письмами. А до сихъ причисляють договори Олега и Игоря зъ Греками, Правду Руску, и л'топись Несторову.

Договори сїи Олега и Игоря суть весьма важныи, понеже тїи заключали сами Варяги-Руссы зъ Греками. Онѣ суть и достов'рныи — понеже, якъ зауваживъ Миклосичъ (*Chronica Nestoris, Vindobona 1860 IX*) не ма причини абы тїи договори були подложеными. Огъ Миклосича слова: *De foederibus factis cum Graecis confitemur nos non intelligere, quomodo haec foedera, paucissimis exceptis, continentia nonnisi scandica, findi potuerint post Nestoris aetatem, Russis tam brevi tempore oblitis haec nomina.*

Договоръ В. князя Олега съ Греками 912 г. звучить такъ: „Мы отъ рода Рускаго, Карлы, Инегелдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Чулы, Руадъ, Каризъ, Фрелавъ, Рюаръ Актеву, Труанъ, Лидульфостъ, Стемиадъ иже посланы отъ Олга . . . и отъ вс'хъ, иже суть подъ рукою его сущихъ Руси.“ — Имена якъ Карлы, Инегелдъ не суть славянски, а лиш' скандинавски, но однако тїи Скандинавц'в' звать себе отъ рода Рускаго. Слова же: „и отъ вс'хъ, иже суть подъ рукою его — сущихъ Руси“, значать „отъ тыхъ ему подвладныхъ, що суть Руссами.“ Руссы отже були лиш' якимсь окремымъ межъ Славянами отрядомъ народнымъ, котрый, догадуючися зъ именъ посл'овъ тыхъ Руссовъ, принадлежавъ племени Скандинавскому.

Въ договорѣ Игоря съ Греками звутся послы такожъ „отъ рода Рускаго“, — но середъ множества сл'овъ скандинавскихъ обр'таются вже и славянски — а такъ тїи договори суть явнымъ доказательствомъ, якъ Русь, племя скандинавске, поволїи славянщилася. Же назвы, якъ Русь, рускій, не суть славянски, доводомъ сего „Правда русская“, т. е. книга законодательна, въ котрой Ярославомъ Владимировичомъ, и его сынами суть списани давни права руски. Если бы „рускій“ означало „славянскій“, то тогда зъ самого заголовка можъ бы подумати, що „правда руска“ содержитъ въ собѣ права славянски. А однакожъ по одноголосн'омъ мн'нїю вс'хъ ученыхъ, котры изъясненїемъ Правды Руской занималися, стоить нинѣ незаперечною правдою,

що тієї правда не суть що иншого, якъ лише права тієї, які изъ собою Варяго-Руссы зъ Скандинавіи принесли. Словянського елементу въ тыхъ правахъ есть лише на стільки, о скільки въ протягу 150 лѣтъ, т. е. отъ Рюрика до Ярослава, той законъ руско-скандинавскій пересловянщитися мѡгъ.

Врештѣ тая Правда Руска була списана найперше для Новгородской земли и для Новгорода. А Новгородъ въ тыхъ часахъ словянську стихію майже потерявъ зѡвсѣмъ. „По тѣмъ градомъ — пише Несторъ — сугъ находьници Варязи, и первии насельници въ Новѣ Градѣ Словѣне.“ Такъ тая „Правда Руска“ була списаною для Варяго-Руссовъ, а не для Славянъ-Руси, котра рѡзниця и зъ самой внутрѣнной основы тыхъ законѡвъ являеся. Слова бо: „ачели будетъ Русинъ . . . любо Словенинъ“ дѣлять очевидно Русинѡвъ отъ Словянъ, що бы певно не було, еслибъ Русинъ и Словенинъ въ своей первобытнѡй основѣ означали одно и те саме.

Напослѣдокъ Правда сеся есть сумный забытокъ нашомъ давнѡй Руси. Встрѣчаемъ въ ней то, що по обычаю Славянскѡмъ мѣстця не мае, — тѣ есть подѣлъ людей на кляссы, на свободныхъ и невольныхъ; той подѣлъ маемъ завѣдчята первымъ нашимъ князямъ скандинавско-рускимъ. Довго, бо еще въ десатѡмъ вѣцѣ повтаряди Нѣмцѣ: *Liberi, sicut Slavi esse solent* — ажъ врештѣ сами занесли неволю въ нашъ край, и научили Словянъ торговати людьми. — Якъ далеко тая неволя сягала, опредѣлити тяжко. Зважаючи однако на Гримма, котрый въ „*Deutsche Rechtsalterthümer*“ самъ признае, що въ Германіи найменше половина людности належала до кляссы невольничѡй, — а вглянувши въ исторію Италіянъ и Бретонцѣвъ; котри подѣ обужомъ Лонгобардовъ и Англо-Сасовъ гѡрко стогнали, то мы се признати должны, що неволя и въ нашъ край широко розгостилаея. По торгахъ греческихъ и нѣмецкихъ зганяно множество невольникѡвъ зъ нашего краю, и въ короткѡмъ часѣ имя Славянина перейшло въ презрѣніе.

Нѣмцѣ, якъ у насъ, такъ и где-инде, порябтивши Словянъ, обернули назву Словянъ . . . въ назву невольника, и „Slave“ у нихъ почало то значити, що „Slave.“ Тая назва перейшла и въ позднѣйшу латину, а въ мѣстце „*servus*“ употребляно назву „*Sclavus*.“ Тимъ то способомъ войшло въ житье „*Slavus et Sclavus idem sonat.*“

Однако завѣдавши собѣ вопросъ, які то права були тѣ давнѣйши, що Ярославъ зветьвъ позднѣйше въ одно зѡбрати — отвѣтъ не трудный. Безъ сомнѣннѡ были то тієї, о котрыхъ споминають договѡры Олѣга и Игоря. — „Мы отъ рода Рускаго . . . судихомъ . . . любовъ извѣстити и утвердити по вѣрѣ и по закону нашему;“ „по уставу и по закону Рускому;“ „по закону Рускому“ — споминаеся въ договѡрахъ выше неведыхъ. Зваживши отже, що зѡвущіся „отъ рода Рускаго“ були Скандинавцѣ, тогда и „законъ рускій, уставъ рускій“ будутъ такожь скандинавски — а такъ безъ сомнѣннѡ

гін въ договорахъ спомнени уставы и законы войшли позднѣйше въ „правду руску, или судъ Ярослава Володимірица.“

Предпославши тѣмъ уваги, мы перейдемъ до обороны Нестора, которо Зубрицкій, а за нимъ и авторъ „Выводовъ“, компетентнымъ въ той справѣ не узнали. Зубрицкій трактуючи цѣлу справу лишь за-для любопытности своей, яко справу не приносячу жадного хѣсна для исторіи, не углубляясь въ той вопросъ — лишь списавъ въ короткости все, що родило нѣяке сомнѣніе, и що могло говорити противъ Нестора. А однакъ находятса въ Несторѣ где-негде мѣстца, що хотьбы и наименьшого сомнѣнія не постереже противъ скаandinavскости и нѣмецкой родовости сихъ первобытныхъ Руссо́въ. Въ Несторѣ не то́лько сомнѣнія нѣтъ, але противно сама аподиктична певнѣсть, котра обявляеся майже на кожлой картинѣ его початковой исторіи. — Прийдѣтимъ лишь тое: Цитаты, яки наведемъ, будемъ брати зъ Нестора по́сля выданья Миклосича, и въ тойже его старославянської правописи. А щобъ сею росправкою гдѣшо и прислужитися науцѣ, мы наводячи гдѣкотри уступы изъ статьи Вч. автора, запустимоса часомъ по-за властиву рѣчь — що намъ най буде прощено.

Читаемо на стор. 161 у долу: „Несторъ розказуючи о призванію черезъ Новгородчанъ (лише?) варяжскихъ князей изъ-за моря на правленіе до себе, пише: „Идоша за море до Варяго Руси . . . рѣша Русь, Чудь, Словѣны и Кривичи: земля наша велика и обильна, . . . да пойдѣте княжить и володѣти нами . . . И избрашася 3 брата, пояша по себѣ всю Русь, и отъ тѣхъ прозвася руска земля.“ — Вч. авторъ признаючи славянскѣсть Руси, ѳткидае зъ Нестора выраженья „Варяго Руси“, и „пояша по себѣ всю Русь“, понеже тѣмъ слова говорятъ за норманскимъ началомъ Руси, а припускае лишь тѣмъ слова яко автѣнтични: „рѣша Русь, Чудь, Словѣны и Кривичи,“ понеже тутъ Русь стягаеся до послѣвъ, а послы тѣмъ прибули изъ словянської землѣ. — Кто тутъ поступивъ самовольно, чи Несторъ, чи авторъ — не знати. Однако тое недоумѣніе чезне, если лучше слова Нестора розберемъ. Слова бо его: рѣша „Русь, Чудь, Словѣны“ дѣлятъ точно Русь ѳтъ Словенъ, що бы однакъ мѣстца не мало, еслибъ Русь а Словѣны були одно и те саме. Врѣштѣ спомнени Несторомъ межъ высланниками Русь, були то здаеся остатки зъ тыхъ Руссо́въ, котрыхъ Новгородцѣ за море прогнали, и котрыхъ янась часть мешкала въ Новгородѣ. — А може бути, що цѣла тая исторія есть лишь самовольно втручена Несторомъ. Несторъ бо пишучи въ томъ вѣцѣ, гдѣ письменнѣсть цвила не то́лько межъ монахами, но и межъ свѣтскими и самими князями, могъ передъ будущностію затанити закладнымъ Варяго-русской державы на Словянщинѣ. Може ѳнъ добре знавъ, що Варяги „Рюрикъ et consortes“ силою и оружьемъ завоювали пѣвнѣчну часть позднѣйшой Руси — а може лишень передъ окомъ Рюрикового потомства, котре зъсловяничилося, може за-для чести, яку мавъ до особы св. Владиміра,

иначе записать историю, а неужь она истинно збулася. Дивно! Славяне проганыють своихъ отвѣчныхъ вороговъ, когди ихъ довго мучили и рабували, а потѣмъ сами идуць запрашати морскихъ тыхъ разбѣйниковъ, абы инии володѣли и княжили. Моглижь они — вольни Славяне — дивитися, якъ тѣи Руссы ихъ права ломили, якъ они феодализмъ запроваждали, а землю Славянъ въ край великой и широкой невогъ замѣняли? — Могли они дивитися, якъ чайки Варяговъ, законы русскихъ князевъ, новый народъ-побѣдитель тѣмами горнулися въ ихъ край, забирали города и села и оружемъ здобували собѣ царство нове: „Се буди мати русскихъ земель!“ Несторъ или иначе записавъ историю, или его найдавитѣйши переписчики оминули правду, тѣмъ бѣльше, що слова Нестора, якъ кладе въ уста высланиковъ-пословъ, суть цѣлкомъ подобни словамъ, якими Бретонцѣ приглашали Сасовъ въ помѣчь противъ Пиктовъ и Шкотовъ. Пѣсля Витикинда говорили Бретонцѣ: „*Bretoni terram latam et spatiosam et omnium verum copia refertam vestrae mandant ditioni parere*“. А Несторъ выпикуе тѣже слова: „Земля наша велика и обильна . . . да пондѣге княжить и володѣти нами.“ То уже чей ясно, що Несторъ исторіюку тую самовольно втрутивъ до своей лѣтописи, а насъ въ нашѣмъ домыслѣ тѣмъ бѣльше потвержае, що ведля „рукописи Королевской“ Нестора, Рюрикъ на челѣ Варяго-Руссовъ еще въ 862 роцѣ воювавъ Славянъ и окрестни народы принудивъ до даванья оплаты. Если отже въ 862 р. Рюрикъ и „его коллеги“ воювали нашу землю, то вже дивно, якъ въ тѣмъ самѣмъ часѣ могли Славяне своихъ побѣдителейъ запрашати на княжене и на володѣне себою . . .

Но и припустивши, що перви руски князѣ володѣли не по силѣ оружья а по силѣ умовы, то завсе слова Нестора; „пояша по себѣ всю Русь, и отъ тѣхъ прозвася руска земля,“ суть такъ ясно выражени, що Несторови и наименьшого сомнѣннѣ о чужеродовости Руссовъ поддати не можливимъ есть.

А же Несторъ повѣдае о Варяго-Руссахъ, то хоть неправильно, однако по его точнѣ зрѣннѣ за всѣмъ логично. Подъ Русію бо разумѣе днѣшь одно племя Варяговъ, а подъ Варягами разумѣе всѣ племена Скандинавски. Говорить бо (Миклос. стр. 10.) „И идоша за море къ Варягомъ, къ Роуси, сице бо ся звахоу ти Варязи, Роусь яко се друзини зовуться Свин, друзини же Ноурмане, Агляне, друзини Готе, тако и си“.

Що ся касаетъ Нестора словъ „Начьнѣшю Михаилоу цѣсарьствовати, начася прозывать роусьска земля. О семъ бо оувѣдахомъ, яко при семъ цѣсари приходиша Роусь на Цѣсарь градъ, якоже пишеться въ лѣтописани гречьствѣмъ“ — то тѣи слова, если не суть втручени пѣзднѣйше, понеже юсова форма въ Несторѣ кромѣ сего „начьнѣшю“ вѣгдѣ не находится, то они свѣдчатъ о збаламученью Нестора, понеже, якъ мы се вже попередъ доказали, Греки передъ Олегомъ знали о Руссахъ, але о Руссахъ яко „gente Sueonum“. Несторъ все, где вычитавъ назву „Руси“, обѣйнивъ въ свою исторію, по

мы раздѣляемо исторію Руси, на скандинавско-руську и на славяно-руську. — Же Несторъ помѣшавъ исторію, доводомъ сего „Договоры Олега и исторіи Аскольда и Дира“, що все стонгъ по за обрубомъ Словянской Руси, и Словянъ не касаеся властиво.

На стр. 163 пише авторъ „Выводѣвъ“: „Если бы земля наша мала прозвѣтиса ѳгъ рода варяжского, то бы до певна прѳзвановѣ зостала „Варяжская земля“. — А припустѣмъ, що бы ѳгъ Рюрика такъ называтиса мала, то бы зновѣ „Рюриковѣвъ землевѣ“ прѳзвановѣ була, а все не „Русь, Руская земля,“ — якъ власне называеся.“

Отповѣдаемо: „Варяжскою землею“ нашъ край прѳзватиса не мѳгъ — бо назва „Варягъ“ не була назвою родовою, и уживалася лишень Словянами, а цютомъ Греками и Арабами для означенья Скандинавскихъ племенъ. Скандинавцѣ правда уживали назвѣ „vargangus и vering“, но назвы тѣмъ не означали ихъ родовѣсть, а служили лишъ яко назвы означающіи. И такъ „vargangus“ пѳсля Гримма означало „Vagabund,“ по нашому волоцюга, опрышокъ; а „vering“ ѳгъ слова скандинавского „vege“-ractum, по нашому условію, означало пѳсля угоды или вымѣнокъ служущихъ въ войску. Руссы-Славяне пѳзнавши Скандинавцѣвъ яко „vargangus,“ цѣлу зъ того Скандинавію звали Варяжиною. Греки пѳзнавши Скандинавцѣвъ яко „veringi, Βαράγγοι, Φαράγγοι,“ звали вообще лишъ затыгцѣвъ тымъ именемъ. — Варяги ѳгже въ томъ змыслѣ, якъ Несторъ бере, то есть яко назва народовая, не существовали на свѣтѣ, и такую назву не могли Руссы накинута на нашъ край.

Же земля наша не называлася „Рюриковѣвъ землевѣ“, то не дивно. Доки свѣтъ свѣтомъ, народы не называлися по якомусь тымъ имени особистому, але по имени народа побѣдителѣвъ. Тажъ вѣдъ се и Несторъ подтверждае: „пояша по собѣ всю Русь, и ѳгъ тѣхъ прозвѣся русьская земля.“ Натурально, що „тѣхъ“ не означае тугъ Рюриковѣвъ, але тую Русь яко народѣ, котрый въ огромнѣмъ числѣ найшовѣ до Словянщины, коли „kronika Егукъ“ именуе его третою частію людности Скандинавскомъ, а Несторъ на вырозумъ додае, що вся Русь переселилася пѳдъ знаменами трехъ братѣй до землѣ Новгородской, Чудьской и Словянской.

На стр. 164 авторъ „Выводѣвъ“ слѣдуя Зубрицкому споминае о владѣючихъ Козарахъ Рускихъ: „Якоже бысть, володѣють Козары рускіе и до днешняго дне“ — и задаетъ вопросы: „Зъ-ѳткнѣль тугъ взялися у Нестора тѣмъ владѣючи Козары рускіи? чи може маемо ихъ перехрестити на Козарѣвъ варяжскихъ, абы такъ безъ замѣтки съ нимъ имя Руси ѳгъ Варяговѣвъ выводити? — Изъ словѣвъ же Нестора: „Якоже бысть“ показуеся, що тѣмъ Козары рускіи зъ давнѣмъ давна пановали на Руси.“

Замѣчаемъ, що Хазары — Жиды були не-Славяне, а за тѣмъ слова „Козары рускіи“ не можемъ брати гъ значѣнью, яко бы Козары були Руссы, оже и назва „Русь, рускіи“ сягала давнѣйшихъ часѣвъ, а нѣмъ первыхъ ру-

скихъ князѣвъ. Зъ основы Нестороваго оповѣданья явствуе цѣлкомъ инна мысль, а нѣжь авторъ „Выводѣвъ“ Несторови подсунувъ.

Несторъ бо описуе, що Козары подбивши Полянъ, т. е. Кіевщину, добирали отъ нихъ данину „отъ дыма мечь.“ Мечь Полянъ бувъ „обоюдострий“ — и Козары, понеже ихъ мечь бувъ лишень „единою страмою остроомъ,“ вѣщали зъ того, що колись Поляны побѣждени ихъ — Козарѣвъ побѣдителейъ — подъ свою кормигу загорнуть. Несторъ для того додае: „Якоже бысть, владѣють бо Козары русьти князи и до дьвѣшняго дьне. (Миндос. стор. 8).

Зъ того явно, що не „Кобзары русьти володѣють до дьвѣшняго дьне“ — бо держава хозарска уже давно передъ Несторомъ упала, але володѣють Козарами руски (князѣ). Слова же: „Яко бысть“ означаютъ лишь по просту: „сталося, якъ Козары предповѣли.“

На стор. 164 пише авторъ „Выводѣвъ“: „Еслибы отъ Варяговъ имя Руси походити мало, то бы области Новгородски, Вѣлоозера и Изборсна, де три братья Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, князѣ Варяжски, насампередъ застѣли, Русѣвъ прозываются настали; а ту тѣмъ-часомъ окресности около Кіева и Дѣвпра начались рускою землею прозвати, якъ тое постерегаемъ изъ словъ Олега . . . „се буди мати рускихъ земль.“

Учени руски и російски и всѣ историки, межъ ними навѣтъ и нашъ Костомарѣвъ (и. пр. въ исторіи: „Богданъ Хмельницкій“) були того мѣнѣни, що Кіевщина насампередъ рускою землею зватися почала. Причиною сего були слова Олега: „Се буди мати рускихъ земель.“ А однако рѣчь маеся инакше. — Еслибы Олегъ бувъ хотѣвъ Кіевщину тымъ обречи рускою землею, бувъ бы выразився въ числѣ единствениомъ. Вглянувши однако, що Олегъ не подбивши собѣ еще Полянщину цѣлу, а уже выразася о рускихъ земляхъ, то тое множественне число стягаеся безъ сомнѣнїя на тѣи землѣ, котри уже були подъ властію его. Якоже се була и мысль Нестора, а не инна. Знаемъ бо, що Олегъ обнявъ по смерти Рюрика, въ малолѣтности Игоря, правленіе Рюрика землями, то есть землею Словѣнскою, Кривическою, Чудьскою, Мерійскою. А такъ осадовившиися на княженіе, предприимчивый духъ Норманскій не мѣгъ спочити — и Олегъ обернувъ взоры свои на сусѣдніи краи. Якожь — пише Несторъ — „Ольгъ, поимъ воя многы, Варягы, Чудь, Словѣны, Мерю, Вель, Кривича, и приде къ Смольнскоу... и прия градъ, и посади моужь свой... и взя Любьчь и посади моужь свой... и сѣде Ольгъ княжа въ Киевѣ. И рече Ольгъ: „се буди мати градомъ роусьскимъ: се буди мати роусьскихъ земель.“ Очевидно, що выразы „руски землѣ,“ або якъ автентичнѣйшии источники мають „роуськи грады,“ стягаются не на Кіевщину, где Олегъ свѣжо застѣвъ, але бѣльше на тѣи землѣ, що доси посѣдавъ, на тѣи грады, где были нимъ поставовіени мужи, и где по словамъ Нестора були „находьници Варязи.“

Погому Олегъ яко побѣдитель не мѡгъ въ змыслѣ побѣжденныхъ говорить, и яко завосватель для побѣжденныхъ столицю закладати, що тѣмъ бѡдѣше потверждаеся, если зауважимъ, що еще за часѡвъ Игоря рѡжницѣ кладене межъ Русію и Полянми. „Игорь съвѣкоуише вой мѡгомъ: Варягы, Русь и Поляны“ — повѣдае Несторъ на рѡжнхъ мѣсцяхъ, и мавъ до того совершенно слушнѡсть.

Наибольшій однако доводъ на нашу сторону маемъ въ Арабскѡмъ писателю „Massudi“ въ его дѣлѣ: „Morodż udz-dzahabi u Ma'aden-ul-dżawaheri.“ Приводимъ его слова розказомъ Бѣловскаго въ его дѣлѣ: „Wstęp krytyczny do dziejów Polski,“ стр. 184. Бѣловскій такъ говоритъ о семъ современнику князя Олега: „Rozróżnia Massudy Słowian od Rusi, która w jego czasach waręckiego obarakteru swego bynajmniej nie zatarła i pielegnowała jeszcze osobny swej język, jak to widzieć można ze społecznego Massudemu opisu porohów dnięprowych przez Porfirogenitę, który ruskie, słowiańskie i greckie ich nazwiska podaje. Atoli wie nasz autor, że Ruś zostaje w ścisłych ze Słowianami stosunkach. Zna on tych Słowian i tę Ruś, jako lud podzielony na wiele szczepów i kraików, zostających pod osobnemi książętami, którzy w ustawicznej z sobą są wojnie. Jedni z nich, powiada, są chrześcianami sekty Jakuba; drudzy poganami nie mającymi ani ksiąg świętych, ani objawionej religii.“ Wie że Ruś i kraje północniejsze jeszcze od niej dostarczają futer najpiękniejszych; że bobry, które z handlem nietylko do Hiszpanii, ale na cały świat się rozchodzą, poławiają się nad rzekami Rusi, Bułgaryi i Kijow szczyzny (Kujaba), której pod imię Rusi nie zagartuje, a rozpowiadając, że jej królinieniem Dir, do którego kupcy Mahometañscy uczęszczali, najpotężniejszym jest z pomiędzy królów słowiańskich, że ma miasta wielkie, liczne wojska, a pola dobrze uprawione — zadaje fałsz twierdzeniom Szlōcера о никчемności Kijowa przed przyjściem tamże Olega, a popiera wybornie słowa Nestora о Kijowskich Polanach, miłośnikach i uprawiaczach roli, i о ich хігніи Dirze, со то władał jeszcze polskoją zemleją.“ — Зѡставляючи себѣ на позаклїйшій часъ о сеі польской землі Кіевскоі говорить, призначаєть, що Массуди совершенно пониравъ нашу гадку, Русію лишъ повинному часгъ нашей землі именуючи, а то естъ власне таа земля, где першій князь Рюрикъ и таа Варяго Русь осадовалася. Дѣйстно оже не Кіевска земля зъ-першу назву Руси носила, аде онаа земля Словѣвъ, Чуди и Кривичей, и оныи города Новгородъ, Бѣлоозеро и Изборскъ.

Авторъ „Выводѡвъ“ пише дальше: „при договорѣ съ Греками желалъ Олегъ... уклады на рускіи города... и на Полтевскъ и на Ростовъ, по тѣмъ бо городамъ сѣяху князья подъ Олегомъ суще.“ — Де затѣмъ на тогда еще 907 р. Полтевскъ и Ростовъ не принадлежали до рускихъ городѡвъ, коли Олегъ окремо при укладахъ ѡтъ рускихъ городѡвъ ихъ вымѣняє.“

Текстъ Нестора властивый есть сей: „Уклады на роусьскыя грады, первое на Киевъ таже на Черниговъ.... и на Полотъскъ и на Ростовъ, по тѣмъ бо градомъ съяхоу князи подь Олегомъ соушни.“ Тутъ Полотъскъ и Ростовъ суть дѣйстно руски города, суть доподненіемъ ового: „первое на Киевъ“. Тымъ способомъ Полотъскъ и Ростовъ принадлежали въ составъ рускихъ городѣвъ и обдѣлялися въ назвѣ Руси. — Потомъ тѣи „князи подь Олегомъ суши“ не суть, якъ ч. сочинитель „Выводѣвъ“ на иномъ мѣстци разумѣ, родоу, словянски князѣ. Нѣтъ! слова „князи подь Олегомъ“ стягаются на се, що Несторъ о Рюрику повѣдае: „и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полотъскъ, овому Ростовъ....“ Если про тое уже за Рюрика правили тыми городами „мужи“ — то не могли тамъ за Олега бути власни князѣ. Выразъ отже „князи подь Олегомъ суши“, означае тѣлько, що мужи або бояре. Слово отже „князь“ не мае ся брати въ разумнѣю пѣздвѣйшихъ вѣкѣвъ, но мае ся брати яко слово въ своей початковой ознадѣ. Яко выречено Скандинавцями: Карломъ, Фарлофомъ, Вермудомъ, Роулавомъ и Стемидомъ должимы слово тое „князь“ брати въ скандинавскѣмъ значѣнью. На счастье давна скандинавска мова выручае насъ зъ того недоумѣнія. Скандинавское: „*chuninc, kuning, kuniggs*“ мае бѣльше значеній. Яко въ противоположность выразови: *chena* = *mulier* означае *chaninc* = *maritus* мужа т. е. супруга; яко отъ слова *chon, konr* = *genus* означае *chuninc, kôngr* чоловіка знатного роду, вельможу или „мужа“ въ значѣнью лѣтописи въ своѣмъ происходѣ отъ: „могчи, можный.“ Наконецъ „*chuninc*“ означае одно зъ найвысшихъ достоинствъ, владѣльца, князя.

Зъ выразу „*kuning*“ выробилося въ славянскѣмъ „*kning*“, або пѣсли руского, где носовыхъ не ма, княгъ (княг-иня) „князь“, — тымъ отже способомъ и оное князь въ лѣтописи беручи, дадутъ ся слова „князи подь Олегомъ суши“ легко розпутати, и примѣрити до сихъ мужей, котрымъ Рюрикъ, а пѣздвѣйше и Олегъ города злобутыи роздавали.

Тыми нашими увагами легко приѣде розвязати и оное мѣстце лѣтописи, где Олегъ передъ убитьемъ Аскольда и Дира до нихъ промовлявъ: „вы нѣсте князя.... азъ роду княжа“. — Олегъ бо, хотяи не вѣвъ своѣй рѣдъ изъ чануючои лѣни, мѣгъ однако зватися отъ „роду княжа“, если выразъ князь возьмемъ въ значѣнью „бояра, мужа, знатного уроженця.“ Въ такѣмъ змыслѣ промовлявъ и Олегъ до Аскольда и Дира: „вы нѣсте князя“ — понеже пѣдля одного списку Несторовои лѣтописи о Аскольдѣ и Дирѣ доистно говорятся, що они не були навѣтъ и бояре.

Наконецъ примѣчаемъ, що еслибы ови князѣ зъ Пологьска и зъ Рустова могли jakimъ свѣтомъ бути родоу, то сей зъ Ростова не мѣгъ бути Славянскіи, понеже пѣдля Нестора не були тутъ Славяне а лишъ „Меря и находльници Варязи“. Зъ того заключаемъ, що Ростовяне, племя Мерійское, — чи оно звалось Русію, чи може и не звалось, — що Ростовяне, цвтаряемъ, для

выводу словянскости назвы Руси, жаднымъ мѣриломъ для насъ быти не могутъ . . .

Пише ч. авторъ „Выводѣвъ“ дальше: „Самъ Новгородъ не мѡгъ до рускихъ городѡвъ числитися, коли Несторъ, описуючи переходъ Словянъ наддунайскихъ, пише: „Словѣны же съдоша около озера Ильмера, прозвавшася своимъ именемъ“ . . . Новгородяне отже . . . Русинами называгись не могли на тогда, такъ якъ и мѣсто ихъ Новгородъ до рускихъ мѣстъ принадлежати не могло.“

Той выводъ яко найслабшій, поминаемъ цѣлкомъ. Бо жь Несторъ и надднѣпрянську землю не зове Русію; а лишь Полянщиною. Аналогично отже можна твердити, що и Кієвъ на тогда до рускихъ городѡвъ не мѡгъ числитися. Врештѣ переходъ той Словянъ, збувшійся въ началку другого вѣку, не може бути впливомъ на часы пѡзднѣйши: и не одно, що могло статися въ другѡмъ вѣцѣ, мѡгло за часѡвъ князей переобразованію совершенному подлягнути.

Читаемъ дальше на стр. 165: „Ярославъ же совокупивъ Русь и Варяги и Словѣны, поиде противу Болеславу и Святополку“ (Лав. стор. 63). Лѣтопись розличає опредѣльно Русь отъ Варягѡвъ и Словѣнъ; слѣдственно якъ Русь и Словѣны, такъ Русь и Варяги не одно и того саме. . . Тіи слова, заключає Зубрицкій, опровергають всѣ толки, що Варяги и Русь одно и тоє саме и що прозва Руси отъ Варягѡвъ произошла.“

Приймаемъ, що хотяи назва Руси отъ Варягѡвъ иде, то однако въ нигъ ока весь край, овладанный Варягами, „Русію“ назватися не мѡгъ. На тоє треба було довгого часу, и не дивъ, що еще въ одинацятѡмъ вѣцѣ вправдъ меньша, але завсе рѡзниця була межъ Славянами а Русію. Чужесторонцѣ уже досыть скоро нашъ край называли Русію, але тоє понятіє въ самѡмъ народѣ поволѣ выраблялося. Найперше „Русь“ було имя побѣдителейъ. Потомъ по находѣ Варягъ въ мѣста, почали ся города называти рускими. Ажъ пѡзднѣйше глєсь „Русинами“ почали ся звати всѣ, що ино въ составъ русской державы вѡйшли. Имъ еще славянски край отъ моря балтицкого ажъ по Карпаты одну державу вспѣльну становили, они перше пороскидано рѡжнои улягали судьбѣ. Будучи по бѡльшой части пѡдъ чужою корингою, они загальнои назвы народной въ собѣ выробити не могли. Бо назва народна вырабляєсь тогда, коли рѡжни племена сполучаються въ одно, и выступають до своего посланичества народного. Такъ було и съ Словянами, пѡзднѣйшою Русію — котрый край ажъ Варягами сполученный въ одно, мѡгъ общимъ именемъ въ свѣтѣ заявитися. Для того и постерѣгаемъ, що лишь тіи край носять назву Руси, котри пѡдъ державою рускою стояли — що бы однако певно не було, еслибы Русь свою назву завлячала Русалкамъ, бо тіи Русалки почитано майже по всей Словянщинѣ.

Такъ якъ имя Славянъ, аиѣ отъ богинѣ „Слава“, аиѣ отъ краю Словы (якъ хотѣли нини писателѣ) не походятъ, але доперва въ VII вѣцѣ почало появлятися въ Европѣ, т. е. тогды, коли люди словянськи, получившиися въ одно подѣ кождомъ „Саможѣ“, выступили въ бой противъ своихъ тиранновъ — Франковъ и Обрѣвъ, и коли Само выкликавъ народы до бою въ оборонѣ „слова“ и „славы“ . . . такъ точно потому одна часть тыхъ народѣвъ Словянскихъ выступивши громадно подѣ однимъ знаменемъ на поли исторіи, не могла поединчими мѣстцевыми назвами бѣльше забавлятися, но конечно выступити подѣ однимъ загальнымъ именемъ: и доистно выступили, якъ где инде, такъ и тутъ подѣ именемъ своихъ побѣдителейъ, подѣ именемъ Руса.

Но хотъ тоє имя Руси не могло утворитися такъ скоро, щобъ въ одномъ мгновенію Словѣны, Кривичи, Поляне, Древляне, Уличи, Тиверці и прочіи могли называтися Руссами, то однако съ рѣсходячоюся назвою „Руси,“ почали Скандинавски Руссы поволи словянщитися, удомашнятися, своій варяжскій характеръ теряти, — и не дивъ, що вже за часѣвъ Владимира В., а тѣмъ бѣльше еще за его сына Ярослава повстала рѣжниця межи „Русь“ и межи „Варяги.“ Слова про тоє: „Ярославъ же совокупивъ Русь и Варяги и Словѣны“ не дѣлають жадного запутанья, бо доистно Русь и Варяги були на тогды уже собѣ противни стихи. Врештѣ назва Варягъ мада, якъ замѣтилисьмо, двояке значѣнє. Разъ браню ю для означѣнья всѣхъ опрышкѣвъ Балтицкого моря, ба навѣтъ и для наименованія всѣхъ племенъ Скандинавіи — а другій разъ браню назву Варягъ въ змыслѣ „verding Фарау оѣ“ для означѣнья затыгчѣвъ, т. е. завербованыхъ до войска. Съ такими Варягами, т. е. затыгцами Скандинавскими здобувъ Владимиръ Кієвъ... и о такихъ Варягахъ мають ся бѣгато мѣсць лѣтописи розумѣти, а межи инними и оное: „Ярославъ совокупивъ Русь и Варяги и Словѣны.“ За-для того выразъ „Варяги“ не треба тутъ брати, яко назву народову, лишъ въ томъ змыслѣ, якъ мы сесе въ горѣ указали.

Що ся касєе остатного мѣнїя автора „Выводѣвъ“ взглядомъ „Правды Руской“, мы уже перѣдже б томъ гѣворили — а дотычно „Ляхѣвъ,“ то доводъ сей не въ автора, але въ нашу п лязу говоритъ. Бо якъ Русь отъ своихъ побѣдителейъ такъ прозвалась, такъ и Ляхи отъ своихъ владѣльцѣвъ Ляхѣвъ туу назву дѣстали. Стверджають то, хотий противными выводами, учени польски: „Moraczewski, Pierwotne dzieje Polski i Litwy“ — и Шайноха въ своемъ дѣлѣ: „Lechicki początek Polski.“

Зъ доси сказаногѣ заключаемъ, що Несторъ если що писавъ о початку назвы Руси, то все Русь выводивъ зо Скандинавіи. Приведемъ еще гдекотри мѣстци зъ Нестора, о котрыхъ Зубрицкій знати не хотѣвъ.

„сипе бо ся звахоу ти Варязи, Роусь, якъ се друзини зовуться Смиє, друзани же Ноурмане, Аглане, друзини Гѣте, тако и си.“ (Миклѣс. стор. 10).

„и бѣша оу него Варязи и Словѣни и проче прозвашася Роусию.“ (стор. 12).

„и Ляхове и Поляне, яже ныня зовомаю Роусь.“ (стор. 12).

„Асегово бо и то колѣно: Варязи, Свие, Ноурмане, Готе; Роусь, Агляне, Галичане (Gallia), Влахове, Римляне, Нѣмци, Корлязи, Венедици.“ (стор. 2.) и проч.

Наковецъ еще додаемъ слѣдующи уваги. — Такъ якъ нынѣ и. пр. въ Галичинѣ обрѣтающіеся села: Ляшки, Пруссы, Печенѣжинъ, Татарско, Угорско и пр. пригадуютъ намъ чужихъ закладниковъ тыхъ сель, то такъ и назвы давнѣйши и новѣйши: „Руса (Новгор. лѣт. подъ р. 6702), Русинъ, Русинѣвъ, Ростовъ, Русанѣвка, Росошъ“ и пр. припоминаютъ на то, що першыми закладниками тыхъ мѣстъ або сель були чужосторонцѣ, чужи помежи людомъ, середѣ которого на имя свое закладали мѣста або села.

Потому самая назва Русь, котра въ южной Руси съ паденіемъ княжества пропала, и до нынѣ въ народѣ майже нѣгде не обрѣтаеся, есть уже сама въ собѣ загадкова, и по своей дивачной формѣ прогивна духови Словянскому. Кажемъ: Сербія, Сербщина; Лехія, Ляччина; Россія, Московщина; Венгрія, Угорщина, — послѣ того, еслибъ Русь была назвою словянскою, свойскою: то можъ бы лишъ писати: „Русія, Русчина...“

Заканчаючи, тѣмъ наши „Уваги“, простуемъ ще де-котри мнѣнія вч. автора „Выводѣвъ“, котри хотяй непосредяно не тыкаются нашего предмета, однако яке-такое свѣтло на нашъ вопросъ кидають.

Слѣдуя Зубрицкому, авторъ кладе переходъ Славянъ Надунайскихъ до пѣднѣйшой Руси и Польщи, на 9-тый рѣкъ по Христвѣ. Що до того переходу и коли онъ збувся, суть учени рѣзного мнѣнія. Шафарикъ, розумѣючи подъ Влахами Нестора Галловъ, доводиць, що напоръ Галловъ на Словяничину збувся въ четвертомъ вѣцѣ передъ Христомъ, и клавъ для того оный переходъ Славянъ на той часъ.

Но сей выводъ Шафарика оказався слабый. Влахи бо Нестора не були Галлове, але Римляне, якъ се и до нынѣ Италианѣвъ звать Влахами. Тымъ способомъ потребовала рѣчь нового слѣдженя, и якъ мовить Зубрицкій, рѣшенъ вопросъ сей черезъ Юрія Венелина. За Венелиномъ поїшовъ и Д. Зубрицкій и положивъ цѣле событіе на першій вѣкъ по Христвѣ . . . то есть около р. 9-того.

Но и тоє мнѣніе безъ важныхъ доводѣвъ, не устоялося — и нынѣшни историки розрѣшили вопросъ сей цѣломъ. Пѣсля нихъ збувся сей переходъ Славянъ отъ Дунаю на нынѣшни мѣстця въ началѣ другого вѣву по Хр., т. е. за часѣвъ Римского Траяна. Поводомъ до битвъ межѣ Траяномъ а Словянами-Даками буць Денебалъ или Кебалъ. Найперше вождъ Дакійскихъ войскъ, а потомъ князь Дакія, онъ буць погрозою для римскихъ краевъ. Домиціана побивъ на полю битвы и Римляне присилывавъ до даваня данины. — Траянъ, наслѣдникъ Нервы, загадавъ отмстити думному Славяничину.

противъ Декебаля, и въ кѣльковѣтнихъ бояхъ огнемъ и мечемъ разправлялся въ Дациі. Не помогли штуки воени князя Славянскаго, союзники его отступали, а его универзалы не относили пожаданнаго успѣху. Лишенный людьми и Богомъ не стерпѣвъ онъ дожидати соромнаго конца битвы и задавъ смерть собѣ власною рукою. Съ нимъ погибла слава и самостоянья словянскаго Дакіи, и Словяне доси свободни мали заправлятися до неведѣ. — Но ошибся Траянъ; по доволѣтней войнѣ завоювавъ онъ край, але уже пустыню. Людскость перекинулась черезъ Дибстеръ, и отъ того часу повстала Дакія на сѣверовостоцѣ Европы, где освѣа подъ рѣзными Несторомъ описанными именами.

Же власне тогда збучся сей переходъ Словянъ зъ нады Дунаю, то видно зъ римской исторіи, послѣ которой сенатъ римскій въ цѣлой своей обширной имперіи стягавъ людскости до оустѣлой Иллиро-Дакіи; доводомъ стагуа Траяна, на котрой выходъ народа представленъ есть.

Тымъ отже способомъ впадае переходъ нашихъ праѣдѣвъ до нынѣшнихъ земель на часы около 106 р. по Хр., то есть на часы Траяна. Имя Траяна перейшло въ нашъ народъ яко историчное лице, и доси уживаеся въ пѣсняхъ нашихъ. Имя Траяна переходалося черезъ 18 столѣтій въ народъ — а пѣсни тужебни за Дунаемъ суть великимъ замогильнымъ проклономъ того, котрый нашихъ праѣдѣвъ выперь изъ власной землѣ. О чѣмъ то — Траянъ, много свѣае пѣвецъ о полку Игоря, а слова его: „рыща въ тропу Трояню“ означаютъ, здаеся, овый шляхъ, котрымъ гонивъ за утѣкающими Дакіи Траянъ, вождъ вправдѣ добрый, але для Славянъ неумолимый. На колюмѣ Траяна представлено попереду череды и стада, потомъ идугъ старцѣ, дѣти и жены исъ своими знарядями и рѣчами господарскими, а зъ заду рядами поступаютъ молодцѣ и вояки узброени, отпираючи прослѣдователѣвъ своихъ.

Тымъ отже способомъ появившіяся Словяне на нынѣшнихъ земляхъ польскихъ и рускихъ въ началѣ другого вѣку по Христвѣ не могли, якъ авторъ „Выводѣвъ“ при концѣ росправы своей указуе, уже на триста лѣтъ перелъ Христомъ зватися Руслянами або Роксолянами — имя про тое „Русь“ сягае позднихъ часѣвъ Варяго-Руси. — Такъ отже Несторъ, котрый намѣнкою о переходѣ Словянъ стѣлько прислужився до розъясненья иначе певно нерозгаданной нашої предѣковщины, заслугуе и шо до выводу „Руси“ на непогрѣшимость. И въ томъ своемъ выводѣ есть певно вѣры достойный, бо онъ стѣлкою любовью обнимающей руску землю и рускихъ своихъ братей, бувъ бы певно имя своего люду увѣчививъ якъ найдавнѣйшою старинною, елибъ мавъ до сего яки-будь поводы. Такъ той Несторъ, послѣ Беловскаго попросту „неука“, перемѣгъ свою лѣтописю всѣхъ своихъ критикѣвъ и стоить своею всесторонною ученостію учителемъ своимъ будущности. — Праведный монахъ Кіевопечерскаго монастыря, не гадавъ певно, шо его лѣтопись уже Россіянина, послѣ Лелевеля „сродный но и выродный сынъ“

Руси^а) на негацию Малоруского, окремого краю. Не знавъ нашъ Несторъ, шо его Поляне стануться каменемъ преткновения въ будущихъ вѣкахъ. Но народъ, котрого исторію онъ списывавъ, не звѣлся мимо только-вѣковой неволѣ и неволѣ — перейшовъ той народъ, якъ золото черезъ огонь. Свободный и поважный, якъ степь и Бескиды, е онъ самостояный, одноплеменный, не потерявшій своей Слвянскости. На него не складались чужи племена, якъ на Велику Русь, котра выйшла изъ смѣси „Словѣнь, Веси, Финновъ, Меры, Муромы, Вотяковъ, Мещеры, Моравы, Черемиси, Болгарь, Перми, Югровъ, Хазарь, Узовъ, Самоедовъ и инныхъ Уральчиковъ, котри тую Велику Русь по языку и по понягямъ переобразили. Она, Мала Русь, не выйшла изъ Полянъ яцкихъ, съ котрыми черезъ довги вѣки правотилась мечемъ и кровію и историчный розбратъ здѣлала. Въ той Малой Руси животить якась нова идея, для которой предстоитъ еще совершити свою будущность, Розгадати тую будущность, раскрыти тое становишко межинародне, олицетворити идею довго тлумлену и давлену — есть задачою нашої независимой словесности — литературы.

Если словесность наша, держана довго ино въ однихъ рукахъ, дастъ мнѣнїямъ и нивыхъ писателѣвъ свободно розповѣстися, и если нашъ „Галичанинъ“ станеться зборникомъ безсторонного свободного слова, то вѣдавъ лѣпше збоднаються доси розстрѣлени партіи, и розяснитъ тая правда народна, котру оживити и розяснити и я по силѣ хотѣвъ бымъ.

О. П. Р.

ПИСЬМО О ГАЛИЦКО-РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Профессора Михаила Максимовича,

писаное въ 1840. году изъ Кіева.

Милостивый Государь!

Письмо Ваше для меня чрезвычайно было прїятно во всѣхъ отношенїяхъ, — и самый русскій языкъ, ежечасно здѣсь слышимый становится чѣмъ-то новымъ, болѣе внятнымъ и роднымъ, болѣе краснорѣчивымъ въ Вашихъ устахъ, чѣмъ подъ перомъ нашихъ премногихъ писателей. Хвала и честь Вамъ, что Вы его усвоили себѣ, не смотря на полвѣка жизни Вашей! Пишите ко мнѣ и ко другимъ Русскимъ, ради Бога, по-русски: не повѣрите, какое это наслажденіе доставляеть, хотя для Васъ, — намъ Вы говорите — труднѣе то, чѣмъ писать по-польски (*польска мова — цуръ ей, пекъ ей — обрыдла и тутъ до ката нашому брату, южному Русину. . . нехай вона злямится! Буде зъ неи и того, шо вы книжки на ей пишете да друкуете!*) Возрожденіе русской словесности въ Червонной Руси есть

явленіе утѣшительное; дай Богъ, чтобъ обстоятельства къ тому благопріятствовали и чтобъ молодое ваше духовенство не прекращало сего прекраснаго и достопамятнаго начинанія. На какомъ бы ни писали языкѣ Галичане, все равно, лишь бы писали они о своей милой Руси; но мелодому — нынѣшнему и будущему поколѣнію надо писать на своемъ родномъ языкѣ, подобно Нѣмцамъ, Французамъ, Чехамъ и всѣмъ почти другимъ націямъ. У насъ въ имперіи Русской, Русскимъ языкомъ сталъ Великорусскій языкъ, которымъ и говоримъ, и пишемъ, и думаемъ, какъ языкомъ общимъ, живое употребленіе и въ Украинѣ (въ образованномъ классѣ народа) имѣющемъ. Потому все, что у насъ пишется по-малороссійски, есть въ некоторомъ образѣ уже искусственное, имѣющее интересъ областной только, какъ у Нѣмцевъ писанное на Аллеманскомъ нарѣчій. У насъ не можетъ быть словесности на южнорусскомъ языкѣ, а только могутъ быть и есть отдѣльныя на ономъ сочиненія — Котляревскаго, Квитки (Основяненка), Гребенки и другихъ. Южнорусскій языкъ у насъ есть уже какъ памятникъ только, изъ котораго можно обогащать Великорусскій или по преимуществу у насъ Русскій языкъ. Народныя Украинскія пѣсни и пословицы суть также только прекрасныя памятники для словесности русской. Но для Руси новъ Австрійской имперіи живой языкъ южнорусскій; пора языка польскаго для нихъ давно прошла, пора Великорусскаго языка для нихъ еще не наступала. Потому весьма желательно, чтобъ они подобно Вамъ усвоили себѣ Великорусскій языкъ; но ваша Червонорусская словесность — по моему мнѣнію — должна быть на Вашемъ родномъ русскомъ языкѣ — т. е. на южнорусскомъ; и только въ Галиціи она можетъ быть на этомъ языкѣ. И потому для вашихъ молодыхъ писателей наши народныя пѣсни должны быть не только какъ памятники прекрасныя, но и какъ живые образы языка русскаго; тамъ и формы уже готовыя для Галицкихъ стихотворцевъ. Это хорошо поняли Головацкій, Вагилевичъ, Устѣяновичъ и Шашкевичъ и потому ихъ стихи читаю съ большимъ удовольствіемъ и сочувствіемъ, чѣмъ стихи Львицаго и прочихъ мнѣ извѣстныхъ, кои отъ своего народнаго отбываются, а къ Великорусскому не пристало, и плаваютъ между ними на искусственной срединѣ, весьма неблагопріятной ихъ поэзіи. Такъ писали у насъ Сумароковъ и Кантемиръ и другіе въ XVIII. вѣкѣ. — Гоголь пишетъ совершенно въ Малороссійскомъ духѣ, между тѣмъ пишетъ по великорусски и лишь немногія слова Украинскія употребляетъ; а между тѣмъ читая его, кажется читаешь по южнорусски*).

Ваши молодые писатели должны писать чистымъ южнорусскимъ языкомъ, ка-

*) То само впечатлѣніе чувствуетъ и нашъ Русинъ при чтеніи другихъ писателей при-родныхъ Малороссовъ, не исключая и самого Г-на Максимовича.

кой представляется особенно въ пѣсняхъ и думахъ Украинскихъ и старинныхъ червонорусскихъ; а этотъ языкъ пополнять могутъ изъ старинныхъ письменныхъ памятниковъ Галицкихъ и Украинскихъ, гдѣ много есть словъ и оборотовъ — а потомъ уже дополнительнымъ источникомъ пусть будетъ Великорусскій языкъ, преимущественно передъ другими Словенскими. Для правописанія сообразуемъ долженъ быть старинный способъ писанія южнорусскій приуроченный къ народному языку надгортнымъ знакомъ (а не " ибо у Русскихъ ѣ, ѓ, ѣ=іа). Я предложилъ этотъ способъ въ 1827 году; многіе оный одобрили; старинное употребленіе въ немъ сохранено. И я не вижу причины, для чего, и пр. Вагилевичъ**) упрекающій Лозинскаго за писаніе польскими буквами, защищающій по справедливости нашу Русскую азбуку, самъ вопреки ей пишетъ не по-русски, изгоняетъ з, ы, вмѣсто *въ* даже въ глаголахъ пишетъ ѣ ѣ и вводитъ Молдавское *джа* (ц) какъ будто недовольно ясно будетъ поставить *дж*: правописаніе его Русалки, признаться, *очень дико*, и правописаніе Львицкаго болѣе походить на русское. *Если, эти расколы и разногласія будутъ продолжаться въ начинающей словесности и не примутъ вѣсь одного правописанія, то это замедлитъ успѣхъ.* И у насъ Тредьяковскій хлопотался очень о нововведеніяхъ; пробовали изгонять буквы з, э; Лажечниковъ издалъ недавно пѣтый романъ „Басурманъ“ писанный какъ говорятъ (н. пр. *маево, пашоъ*, вм. моего, пошелъ), какъ по украински пишутъ Харьковцы и Поляки (польскими буквами); однако основой Великорусскаго правописанія все таки осталось церковнословенское правописаніе, изъ коего развилась и Великорусская и наша Южнорусская письменность. Что хорошо Вагилевичъ (собт. Шашкевичъ) сдѣлалъ, такъ это двойное е (ѣ, ѣ) и употребленіе ѣ, (только не вездѣ). Прошу Васъ покорно передать мои мысли вашимъ Львовскимъ писателямъ русскимъ и поклониться имъ. Желаю имъ полного успѣха, Богъ да поможетъ имъ въ томъ! — Я писалъ бы къ нимъ, да не имѣю силы для этого; кромѣ гемороя и ревматизма, коими страдаю другой годъ, я уже десять лѣтъ не вижу правымъ глазомъ, а лѣвымъ могу читать только до обѣда, и то теперь съ трудомъ. — Не знаю, получилили Вы посланные мною Вамъ описаніе Кіевософійскаго собора и мою Ію часть Исторіи древней русской словесности? — Если Вамъ попадетъ какая нибудь книга, пишете ко мнѣ, и я охотно Вамъ буду высылать. Теперь посылаю Вамъ Кіевлянина, издавнаго въ 1840 году. Вотъ начало такого издавія, котораго назначеніе южная Русь и коего Вы желали. Теперь посылаю только три экземпляра, для Васъ, Вагилевича и Головацкаго; при

**) Должно читати Маркіанъ Шашкевичъ, который былъ собственно главнымъ редакторомъ Русалки Дибетровой 1837. издавна въ Будинѣ, и авторомъ статьи о Русской вѣстѣлю стр. 130.

оказіи пришлю больше. Если у Васъ есть какія матеріалы, то одолжите меня присылкою ихъ для помѣщенія въ Кіевлянинѣ. Если можно къ Октябрѣ мѣсяцѣ напишите мнѣ статью о Львовѣ (о началѣ его, состояніи особенно въ XVI. XVII. вѣкѣ, когда была академія тамъ, — о церквахъ замѣчательныхъ и проч.); хорошо бы составить и статью небольшую о Галиціи всей или Австрійской Руси Червонной и Карпатской (показавъ округи всѣ, границы ихъ, народонаселеніе, церковное состояніе, нарѣчія и пр.). Статьи Ваши будутъ очень замѣчательны и примутся у насъ съ удовольствіемъ большимъ и успѣхомъ. Пишите хоть на польскомъ языкѣ; я переведу ихъ на русскій. Попросите Вагилевича, Головацкаго и другихъ однородцевъ моихъ быть моими сотрудниками и участвовать въ Кіевлянинѣ статьями о Червонной Руси; хорошо естли бы къ Октябрѣ или Ноябрь что нибудь я получилъ для второй книжки Кіевлянина. Пусть и Галичане помогутъ Кіевлянину и въ немъ отзываются ихъ голосъ!

Апрѣля 22. дня 1840 года.

Михайль Максимовичъ.

П. С. Сообщите мнѣ вѣрную копию послѣсловія Ивана Федоровича къ Апостолу Львовскому (1574) и копию герба его. — Г. Вагилевичъ занимается много мѣологіей; не можетъ ли онъ написать для Кіевлянина статейку о Дивахъ, вѣрованіе коимъ осталось въ Карпатахъ и было въ Украинѣ, какъ видно изъ пѣсни Игоревой. — Желалъ бы я имѣть еще подробное извѣстіе о Ветхомъ Заветѣ, переведенномъ съ еврейскаго (?) и хранящемся въ Львовѣ, о которомъ вкратцѣ помянулъ Головацкій. Современемъ я очень желалъ бы получать краткія описанія Галича и прочихъ Червонскихъ городовъ, подобно тому какъ у меня въ первой книгѣ описаны нѣкоторые: прочтя ихъ Вы увидите, чего мнѣ надобно. Все замѣчательное относительно Галицкой Руси будетъ у меня имѣть мѣсто, только Бога ради присылайте и пригласите другихъ.

Если мнѣ поможетъ Богъ нынѣшнимъ лѣтомъ освободиться отъ моей болѣзни и стать на ноги (ибо я такъ слабъ ногами, что больше года почти не выхожу изъ дому), то я надѣюсь въ будущемъ году побывать у Васъ во Львовѣ и объѣхать всю Галицію, и даю въ этомъ себѣ обѣтъ!

М. М.

Предлежащее письмо писалъ еще въ 1840. году ученый профессоръ г-нъ Михайль Максимовичъ къ покойному Денису Ивановичу Зубрицкому, который то письмо сообразно желанію автора сообщилъ мнѣ — и я оцѣняя важность его содержанія снялъ съ него копию. — То было первое сообщеніе писателей нашихъ съ Україною, первое почутье сродства и одноплеменной взаимности межъ Галицкими и Украинскими учеными въ то время, коли близшее сообщеніе между ними затрудняемо было непреодолимыми пре-

пятствіями. Письмо то писано было въ самое время первого пробужденія нашей словесности, когда на нашемъ небосклонѣ литературномъ появились первыя покушенія въ родномъ языкѣ; когда Іос. Левицкогo переводы Шиллеровыхъ балладъ, воззрѣвіе страшилища, благожелательныя стишки іерархамъ и та несчастная Русалка Днѣстровая, причинившая столько хлопотъ своимъ издателямъ, становили всю сумму литературныхъ произведеній русскихъ въ Австріи. Письмо сіе походило отъ знаменитого писателя, собирателя пѣсень народныхъ и ревнѣйшого друга и защитника малорусской народности. — Обзорѣніе словесныхъ плодовъ нашихъ съ осьмь сотъ тридцатыхъ годовъ сообщилъ г. Максимовичъ въ своемъ Кіевлянинѣ, осуждаючи тѣ первенцы литературы со всею снисходительностію и истинно отцевскою ласкою.*)

Въ семь писемъ высказанны мысли и розсужденія прямо, безъ малѣйшого пристрастія, предложенъ всесторонно обдуманнѣй совѣтъ для Русиновъ отъ многознающаго и опытнаго мужа. Онъ похваляетъ лучшія начатки словесности, разбираетъ положеніе наше, предостерегаетъ отъ излишнихъ нововведеній и безпотребныхъ крайностей. Предвидя препятствія въ книжномъ образованіи языка, яковья многымъ тогда и въ умъ не приходили, послалъ онъ ясный и положительный совѣтъ, отъ котораго отклонитися трудно было. Мы молодыя труженники на поприщѣ родной словесности повиновалися зрѣлымъ наставленіямъ опытнаго и доброжелательнаго мужа и слѣдовали почти безусловно его совѣтамъ. Дозакомъ тому служили могутъ всѣ книжки изданныя послѣ 1840. года: Галицкіи приповѣдки, Вѣнокъ ч. I. особенно же часть II. Затѣмъ шли издатели нашихъ газетъ съ 1848. года, и нынѣ мы поступаемъ всѣ по тому же пути. Етимологическое словено-русское правописаніе Максимовича принято нами, въ головныхъ точкахъ соглашаются всѣ писатели наши касательно письменнаго языка.

Непоявились у насъ больше сочиненія съ отжитыми церковно-словенскими формами, яковья старался было ввести почт. Стеф. Сѣмашъ, ни пугаютъ насъ больше во зрѣвіи страшилища, яке напечаталъ былъ 1838 г. Лисенецкій въ Вѣднѣ. Согласно съ предложеніемъ проф. Максимовича полагаютъ всѣ писатели наши безъ изыятія въ основаніе народный рускій языкъ, пополняютъ по возможности словами и реченіями изъ старинныхъ Галицкихъ и Украинскихъ письменныхъ памятниковъ а наконецъ, никуда правды дѣти, дополнительнымъ источникомъ нашего языка есть и книжный рускій языкъ употребляемый въ Россіи, о сколько слова и реченія не противятся етимологіи нашего языка. Дѣется то уже по той причинѣ, что вся древная сло-

*) Кіевлянинъ изд. Михаиломъ Максимовичемъ, годъ 1841 Кн. II. въ Кіевѣ. — Стр. 20 и 21 Нры. Вечерницъ 1862.

весность розвивалася на поприщі нашой южной Руси и что книжный языкъ Россіи въ вѣковомъ своемъ развитіи принялъ сильный приливъ нашей южной Руси. Всѣ писатели наши безъ изыятія поступають на той дорожѣ, розличаясь въ словѣ соотвѣтно предметамъ, о которомъ кто нибудь изъ нихъ пишетъ. Есть розногласіе между ними, але только въ мѣрѣ и количествѣ матеріала, о сколько-одиножѣ писатели заимствуютъ больше изъ народной стлхѣи изустныхъ говоромъ, или же изъ давнихъ памятниковъ письменныхъ рускихъ и произведеній текущей литературы. И судя по большымъ или скуднѣйшимъ свѣдѣніямъ въ объемѣ руской словесности одинокихъ писателей иначе быти не могло. Большая часть нашихъ пишущихъ не обучалася рускому языку въ ніякихъ школахъ, всякія свѣдѣнія свои стяжали они частнымъ и собственнымъ трудомъ. Кто изъ нихъ имѣлъ случайность познакомитися съ народнымъ говоромъ розличныхъ сторонъ руской земли или читалъ произведенія нынѣшней литературы, а при томъ изучалъ и старинныя памятники словесности руской, тотъ изъясняется свободнѣе, пользуясь изобиліемъ словъ и полнотою формъ, которыя усвоилъ себѣ писатель собственнымъ ухомъ или черезъ чтеніе книгъ; у кого же не было способности либо охоты поднимати толякій трудъ, и чїи знанія ограничуются на недостаточныя свѣдѣнія вынесенныя изъ родинного села или немногихъ и недостаточныхъ учебниковъ школъ нашихъ, той принужденъ вращатися въ кружѣ немногихъ реченій и фразъ, якіи остались у него въ памяти — прочій же недостатокъ реченій пополняется у него очевидно нужды ради изъ языковъ, которыя найближе при руцѣ, или коваются по произволу новыми небывалыми слова, хотя часто и совсѣмъ противу духа руского языка.*) Вотъ въ чещъ рознообразіи розноличіе слога, и если угодно сказати, и языка у нашихъ пишущихъ людей. Одному подобалося писати: товаръ, другому мѣстносъ выраженіе: маржина, третему лучше понравилось имѣнье, че-

*) По той причинѣ находили мы въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ слова живущія изъ польского взяты: вонгпяти, всуурати, увзглядпяти, унорядкованье, щересвѣдчитися, сумлѣнный, цнотливый; изъ чешского: вылѣпка, зберка, дотычный, благобыть; новоукованыи: отченьскій, наповницкій, озиркъ, вѣршунка, ненадѣянка; или чужии слова: потрафити, слакъ, штатъ, штучный, квестія, колючна, стосунокъ, коперштахъ, коштувати, (въ двойномъ значеніи) кассовати, наитровати, ексеквовати, еластичность, остентаційный, тенденційный, екстремъ, иллюнинованный, раштовный, операция, претенсія, коносквенція, и пр. барбаризмы Стережась словачины и старорущины, гребуть тїи господа цѣлыми горстями латинщину, вѣлеччину и прочее чужее смѣтье. — Одна изъ нашихъ газетъ пробовала розличныя составленія одного слова и писала: обогтный, обогтный, обогтный, обогтный, и обогтный, а наконецъ увидѣвши, что все таки оно не пристаеъ до руского вкуса, стала употребляти ровнородный.

твертый кричалъ: то не по народному, народъ, т. е. простолюдинъ родного села, того не понимаетъ, и зачалъ писати (съ польска) бы дло, бы длина, бы дьята, представляя собѣ подъ народомъ свое село или даже относительно понимаемости и себе самого. Страсть очищенія языка отъ мнимой церковщины пошла у другихъ еще дальше. Если кто употребилъ слова въ иныхъ сторонахъ въ общемъ ходѣ у народа живущи, н. пр. скотъ, скотина, переть (вм. палець), путь, очередь, годъ, казнь, дешевый, ознобити, повиноватися и пр., то поднялись возгласы: то по московски! то по церковному! то не по народному! А межъ тѣмъ, якъ ни село, ни повѣтъ не стигаютъ народа, такъ и говоръ или нарѣчіе одной околицы не представляетъ народного. Народъ нашъ составляютъ миліоны — а народный языкъ, народная словесность обнимаегъ всѣ произведенія слова, письменны и изустны, въ которыхъ въ вѣковомъ существованію народа выразилася духовная жизнь народа, т. е. мысли его ума, нравственныя движенія сердца, творческія мечты его воображенія, со всѣмъ запасомъ словъ, реченій, выраженій, со всѣмъ изобиліемъ языка.*)

Но возвращаемся до нашего письма. — Уже 22 лѣтъ минуло послѣ написанія того письма. Премное измѣнилось отъ того времени. Многія желанія профессора Максимовича исполнились, чи други исполтятся и якъ — ожидать надлежитъ. Многія положенія поставлены нимъ стоятъ неизблемы, получивши еще подкрѣпленіе новыми событіями, и достойны полного уваженія. — Въ особенности предостереженія Максимовича касательно правописанія вышли на нашу пользу. Мы выше стоимъ въ томъ отношеніи отъ нашихъ братьевъ Украинцевъ, ибо когда у нихъ все еще продолжается споръ о правописаніи и безпрестанно дѣлаются опыты новыхъ ореографическихъ покушеній, когда у нихъ размножилось правописныхъ проектовъ до безконечности, изъ которыхъ многіи поражаютъ своею диковиною, мы не теряемъ времени на бесполезныя споры, а отложившись рѣшительно отъ нововводиныхъ какографій держимся крѣпко одного историческаго словенорускаго правописанія. Такъ поволи выравниваются и исправляются небрежности, недостатки и другіи несообразности въ нашемъ образующемся письменномъ языкѣ, и надѣяться налегитъ, что при лучшемъ испытаніи грамматическихъ началъ родного языка и прилѣжнѣйшемъ изученіи памятниковъ нашей словесности незадолго станемъ на твердой почвѣ розвитого письменного языка, удовлетворяющаго всѣмъ потребностямъ литературы.

Яковъ Ѡ. Головацкій.

*) Ср. Разсраву мою о южворускомъ языкѣ. Львовъ 1849. г. стр. 58 — 61.

ДѢДЪ-ИМПРОВИЗАТОРЪ.

Съ першимъ заревомъ сонця свободы, коли просвѣщеніе народа ледве начинаеся, коли при нерозвитомъ еще народномъ житю ледве одинокій ревнитель на кругое политики поле заходятъ, вже поезія простонародна перша, мовь та весняна птаха землю перелѣтаючи, будить силы народа до працѣ, а звеселивши такъ свѣтъ, зновѣ якъ та сердечна пѣстунка, съ религійною вѣрою стае и спѣвае — будь то вже надъ колыбелію будущего народного героя—пѣсни свои золотіи . . . тому дитятку, що колись мужомъ мае стати, и за дѣло народне принятись. — Чудесный то ей голосъ! Онъ то выкликае тую тьму птахомъ-спѣвакомъ, пѣснетворцемъ, рапсодистомъ, импровизаторомъ, бардомъ, трубадуромъ и якъ ихъ тамъ ще народы называютъ. Тіи то ставши першими рядами спѣвають по нутѣ своєї пѣстунки — пѣснь колыбельну, воскресну дожившого народа, которого молодое поколѣнне наставляе слухъ, пріймае отвергymi очима и сердцемъ, . . . жажде . . . житья, возрасту, . . . росте, доростае!

Огъ чи не такъ и у насъ нынѣ на Руси . . . на нашей воскресающей Руси?! А то отъ времени наданой свободы. Поютъ и поютъ наши пташеньки-поеты; . . . но намъ ихъ рѣзномодніи отряды минути, а станути передъ рядомъ импровизаторомъ; — та що перше въ загалѣ о томъ родѣ поетомъ сказавши, нашихъ рускихъ, особливо нашего дѣда-импровизатора вспомнути. Его импровизаціи, въ перепискахъ рукъ рѣжныхъ насъ дошедши, рускому свѣту хоть где-некотри показавши, увагою надъ тими и во обще надъ поезію думанье наше закончити. — Така наша нынѣ цѣль, такое на мѣреніе. Отжежъ начнемъ отъ импровизаторомъ.

Що то импровизаторъ? — Импровизаторъ (отъ лат. *improvisio*, непредвидимо, несподѣванно) зовеся такой поегъ, котрый неприготованный, на кожду ему опредѣленну задачу или для какой надареной способности, стихотворенія отъ-разу складае, тое выголошуе або при якомомъ инструментѣ выпѣвуе. Импровизаторы являютя тольо у народомъ, сильною, живою и непригнетеною выобразнею одаренныхъ.

Гитѣдомъ таковыхъ импровизаторомъ была стара, свободна Греція, а Гомеръ ихъ патріархомъ. Зъ-отти они, особливо по разоренію Греческого царства, численно розлетѣлись по свѣтѣ, особливо осѣло ихъ множество въ Италиі, Ишпаніи и межъ другими поетическими народами, . . . а всюду несли они съ собою чудный вкусъ своихъ наукъ и теплогу своей поезіи, котрому будили духа, выпроваджовали на явъ импровизаторомъ. Наибольше перейнялась ними Италиа, где по той часъ еще наибольше пановала поэтическая свобода, и. п. въ рѣчи посполитой Венецкой, Тосканіи и пр., особливо коли откинувши мертву латину своимъ новымъ житьемъ народнымъ отжила. —

Италянська протонародна бєсѣда розвинувшись в свою ппгому, народну словеснѣсть, такъ пристрастну любовь до себе у свого народа выкликала, що безчисленні особи обоєго пола мнозначного объема прекрасніи поемы несприготованіи, где имъ ся случило, складали. Першіи, вѣчнои славы италянськїи поети, а властиво возбудитель, основатель и утвердитель италянської бєсѣды, яко: Петрарка, Тассо, Серафино де Аквила, Вернардо Акольти, Кристофорѣ и другїи були першими и найревнїйшими импровизаторами.

Исторїя литературы италянської дає краєній доказъ, що може свобода ума у такого якъ италянськїи народъ. Народъ той, роздерши дусящїи пута класичной латини, почувши вь собѣ собствениу жизнь, горѣлъ нїяко народною поезїєю, а радѣсть свою, свое счастье золотое выголошалъ силою необыкновенною. Не було забавы, учты иъ весѣлья, где бы не було народныхъ импровизацій. Самы Папы, яко Левъ X, Климентїи VII угримовали вь своемъ Ватиканѣ импровизаторѣвъ, ба навєгъ ихъ густо лавровыми вѣнцями вѣнчали. -- Не було сословія иъ пола, вь которѣмъ бы не було импровизаторѣвъ: простолюдины, войсковїи, граждане, адвокаты, профессеры, игумены и инокииъ, видущїи и слѣпцїи в пр. и пр. . . а кардиналъ Сильвіо Антонїано, оный славный знатокъ всѣхъ умѣтностей, глубокоученый языкословъ, былъ такожь одинъ зъ пристрастїйшихъ импровизаторѣвъ . . . Всѣ краснїи и цвѣтущїи силы посвятились общому благу: ту богатая выобразня, тамъ чистота вымовы, ту звонность, плавнѣсть, тамъ краснорѣчіє . . . на перегѣнїи отличались вь импровизаціяхъ.

И до Словянъ нашихъ, а особливо на нашу Русь не мало тыхъ вѣкопемной Греціи генїєвъ налетѣло, где ихъ такожь способное, вь рускихъ сердцахъ уплетене гнѣздохко радо чекало, бо нашъ рускїи народъ зъ давныхъ вѣковъ славился своею творческою силою поетического духа. И наша исторїя каже намъ, що омаль жадное событіє не минуло, котре бы не було ошебетане и оспѣване нашими боянами, кобзарями, бандуристами, думцями, козанами, слѣпцями, лирниками и др. . . Спѣвала Русь свою славу, спѣвала свои борьбы, свои страданья, свое домашное житье, свои степы, свои могилы . . . пословицею сталоь у насъ, що пѣснь руска и воздухъ рускїи съ собою зрослися! — Но тая наша руская земляца перебувала и перебуває тяжкїи зими, лютии морозы; — но тїи рускїи чувственнїи сердца дѣзнавали и . . еще дѣзнають тяжкихъ временъ лютой вражды, неволї! . . . Але скоро лыцло коли тепленькое соньце, вже наша земляца и середь зими зазелентѣ стѣбами, борами, барвнїками; скоро уиѣхнулось коли леда теплїйшимъ лучемъ соньнїко долѣ нашой, вже середь недолѣ и неволї знеселѣло лице руское . . . а грудь пѣснїю, думкою ѣтѣхнула. — Свѣдаками того наши широрускїи забавы; празники, весѣлья временъ минувшихъ, временъ задумливыхъ. Не надивитись тамъ, не наслухатись було, якъ импровизовались пѣски наши, та тїи наши неизчерпаемїи розговоры! . . . Уже ты сама Над-

бужаньска сторононько, гдесьмо лѣта наши прожили, можешь лучшими повеличатись землѣ нашей импровизаторами; не забути буде Русинамъ твоихъ пѣснетворцѣвъ Кирила Т. . . , Юсѣфа Г. . . и твого ударованного, неизчерпаемого Іоанна зъ Оглядова! А щожь далѣй и далѣй сказати о твоихъ, Мати Руси импровизаторахъ? . . . шкода тѣлько, що много такихъ гибне импровизацій, — для недостатку такихъ стенографѣвъ, якими другіи, счастливѣйшіи народы величаются, для браку збирателѣвъ, скорописцѣвъ.

Но кромѣ безчисленнихъ импровизаторѣвъ народныхъ думъ, пѣсенъ, коломижкѣвъ, приспѣванокъ и пр. . . имѣла Русь такожъ импровизаторѣвъ декляматорѣвъ, котріи стихами, прозою або сумѣшь свои чувства при рѣзнихъ случаяхъ передъ вдохновеннымъ народомъ выливали; но тыхъ импровизаторѣвъ рѣдше подыбати. Такихъ н. п. межъ простонародомъ не знаемъ мы въ Жолкѣвскѣмъ окрузѣ тѣлько одного, а то нашего дѣда-импровизатора Николая, котрый будучи зо-всѣмъ неписьменный, незнаючіи ни одной буквы, самъ зъ себе высовуе неразъ удачній рижованіи розказы, пѣсенки, приговоры, котрыми онъ въ округахъ Жолкѣвскѣмъ, Золочѣвскѣмъ, Львѣвскѣмъ и Перемыскѣмъ нашому народу немало познакомился, и съ котрыми мы нашу руску публику тымъ нынѣшнимъ зрывкомъ зазнакомити хочемо.

Никола Коваль уродился въ Цебловѣ, округа Жолкѣвского, въ повѣтѣ Белзскѣмъ г. 1810. Еще дитиною отъумеръ его отецъ Яцко, — а коли по отца смерти, якъ за паньщаны звычке ся дѣяло, панъ грунтъ и шо на немъ було, чужому отдалъ, розбобраи вдову съ дробними четверо сиротами милосердїи люди. Нашъ Никола выросъ затѣмъ межъ чужими, а еще до того на чужихъ селахъ. Коли пѣдрѣсь въ парѣбка, хотѣлъ его бездѣтній господарь Петро Курило въ Пѣвщинѣ, у которого онъ сѣмъ лѣтъ служилъ, со своею доброю и красною (якъ Никола повѣдае) сестрѣницею Настею оженити и до себе на грунтъ прїяти; но панъ О. . . , до которого онъ сиротою належачи передъ женитьбою по соизволенью уладся, загналъ его назадъ до Цеблова, и казалъ ему тамъ съ якоюсь бѣдною, да не дуже господарною вдовою женитись, где онъ кѣльканайцятъ лѣтъ набѣдывавшись, — коли г. 1842 своего пасынка оженилъ, — съ своимъ рѣднимъ сѣмь-лѣтнимъ сынкомъ сталъ громадску худобу пасати. — Тамъ на самотѣ въ полю межъ взгѣрками и гаями, въ прекрасной меланхоличной сторонѣ Цеблова, пробудилось его чувство до поезїи, котре онъ въ собѣ вже изъ дитинства носилъ; тамъ сталъ онъ собѣ старіи весѣльнии пѣсни, шо му колись въ дитинствѣ спати не давали, припоминати, та по ихъ примѣру свои власніи думки складати, ти выпсѣвовати, або вернувши въ село сїящимъ по колодкахъ громадянамъ расповѣдати, н. п. „о сиротѣ въ полю . . . „о недоли народа“ и др., котріи то Т. Хоминъ, учитель въ Хлѣвчанахъ переписавши во Львовѣ г. 1848, яко плѣдъ природного пѣвця до друку малъ былъ подати,

а которыхъ выпечатанныхъ доси не видати*). — Года 1843 слабовалъ Никола тяжко на голову, ажъ му робацтво въ лѣве ухо кинулось було, а коли гостецъ зъ головы въ дѣле тѣло ся кинулъ, сталъ ѡтъ того часу до працѣ тяжкою со-всѣмъ неспособный. — Г. 1846 слабовалъ ѡнъ на воздержѡсть ѡтъ всѣхъ горячихъ напоёвъ, що до нынѣ честно дотримуе. Пѣсни и думки, и выголошенье тыхъ-же було, затѣмъ его единымъ занятіемъ и забавою. — Насталъ г. 1848, а съ нимъ свобода рускому челоуѣку и рускому слову. Тогда то звернулася увага нѣкоторыхъ нашихъ образованныхъ Русинѡвъ а именно самого приходника бл. п. Мартина Лотушки, одного зъ першихъ ревнителѣвъ народности нашей. Ѳтъ того часу зачались списованья рѡзныхъ импровизацій нашего Никола черезъ рѡзніи особы, наибѡльше черезъ дяковѣ и учителѣвъ русскихъ.

Але лучше даймо самому Николѣ передъ рускимъ свѣтомъ за житье свое своимъ способомъ поговорити. Ѳтъ въ одной импровизаціи каже онъ:

Ставъ я складати, то сѣе, то тое;
 А люди сказали, то всё не есть злое.
 Складавъ я ѡтъ рана ранного,
 До полудня жаркого;
 Ѳтъ полудня до вечера,
 А всё безъ письма, безъ пера;
 А всё пѣвъ емъ поволи,
 То о рускомъ счастьи, то его недоли . . .

По слабости смутно ми чоюсь
 На свѣтѣ велось.
 Ставъ я гадати, тай ставъ мѣрковати:
 Якъ то колись люди робили
 И въ полю пасали, и въ полю жили,
 А менѣ тое стало прѣмно мило.
 Не ходивъ я по напоюхъ,
 Нѣ съ гѡршими по розбоюхъ;
 Але ходивъ въ добру справу
 До церковцѣ на ѡсправу,
 И неразъ якъ добра дитина
 Ишовъ я до Ѳтця Мартина.
 Небѡшикъ Священнигъ слушали мой розказы
 О моёмъ житью та зарѡбку, —

*) Сказано Т. Холину, що то ѡнъ самъ склавъ тѣи вѣщаницѣ, а не простый челоуѣкъ-пѣвецъ, ожежъ нѣтъ чужды ихъ яко недосвѣдлый плодъ письменного печатати!

Усмѣхнуся — тай бувало скаже:
 Николо! кобъ ты на спаленый трунокъ шлюбовавъ,
 Тобъ ты здоровъ наролови не одну пѣснь заспѣвавъ,
 Дуже ми та бѣсѣда Огца пристала,
 Душа моя зарадовалась,
 Коли передъ образами
 И святыми Отцями
 На спаленый трунокъ шлюбовала.

Въ два роки по слюбахъ, на великодни свѣта
 Выйшла зъ мене пѣсня, задалась сяка-тыка —
 А то въ Понедѣлокъ великодный
 Сорокъ въ осьмѣмъ року,
 Коли-мь повѣвъ яловягата на толоку.
 Не хотѣлось по обѣдъ голову класти,
 Оже-мь повѣвъ яловягъ двое
 Межи збѣжѣе пасти.
 Повѣвъ на пустку, на облѣгъ,
 И кажу: Боже мой милый!
 Кобъ то я пѣсенку яку зложити мѣгъ.
 И якось зложила! побѣгъ я до Жужель,
 Бо пѣсня не дала Николѣ спочити на постелѣ.
 Небѣжчикъ Деканъ Лотушка — праведна душа руска,
 Слухали и якъ тое побачили,
 Такъ менѣ заразы стдумачили:
 Кобъ то Николо! мѣгъ хто тое списати,
 Вартъ бы тую пѣсенку до друку дати.
 Не поїшовъ я зъ-оттамъ на сосѣды,
 Анъ межи кумы,
 Але-мь побѣгъ до Хлѣвчанъ
 До учителя руского Хоми,
 Онъ взявъ мою пѣсенку, и зъ кѣнца въ кѣнецъ
 Сплѣвъ такъ красенцько, якъ молодой вѣнечъ.
 И довго-мь ёи списаю носивъ,
 Ажъ гдѣсь пропада, чи-мь гдѣсь згубивъ!

Никола розеказуе свою слабость и свое горе:
 Николой на уберѣй постели лежавъ,
 За свою бѣду, та за свою нуждовьку думавъ.

Его постѣль — жменя сѣна, соломы снопокъ,
 Спочивавъ звычайно якъ сподарь-дѣдонъ,
 Плакавъ гѣрько, ажъ му рукавъ промокъ.
 Слезами промывавъ бѣднй свои лицѣ,
 Никола правду говоритъ, а не хвалится.
 Очи заплющивъ, голову втиснуть,
 Тай такъ зъ бѣлю, фрасункомъ заснуть.
 И снить му ся: о якѣйсъ великѣй тревозѣ,
 Чи о припадку въ далекой дорозѣ:
 Же му худоба здохла, що була у возѣ,
 Ось ся зломла, при самѣй снозѣ.
 Ажъ емь збудився и перекрестился!
 Боже мой милый! знать я все, що быль маць,
 Марно въ свѣтѣ пострадавъ! . . .
 Але не ось то я самъ Никола,
 Бѣдали люди всюди до окола,
 Бѣдали гѣрько славетнй сподарь,
 Працюючи въ недѣлю, въ свято въ броварѣ.
 Всѣмъ було гѣрькомъ недоля,
 Коли стояли у Пана кѣде тоноля.
 Въ немаломъ були они страхунку,
 Коли йшли въ свято до поракунку.
 Не доставали они нѣ сѣбла нѣ грошѣ,
 Ретельно платили: то за воловье,
 То по плечахъ, а въ яда справѣ
 За воротами клеи на муравѣ.
 И такъ еднихъ битье бѣгъ столя до уха,
 Другихъ мерзена губила наружа,
 Нѣмъ Оця Матвѣя груди.
 Привели до памяти люди.
 Учили Отци духовнй, учили владнй,
 Що пиянство всяке грѣхъ преволнй.
 Службы Божі Отци отправляли,
 Щобъ ся люди не понестрадали,
 Щобъ горѣлки люди не вили,
 Щобъ тверезо, побажно жили.
 И давъ Богъ якъ було треба
 Свободу людямъ зъ ясного неба.

Счастлива того чоловіка душа,
 Що не потребує ні́ отъ кого гроша.
 Счастлива дитина, котрої отець, мати
 Не дадутъ безъ часу зъ голоду вмерати.
 Не такъ було зо мною, коли-мъ бувъ дитя,
 Хтожъ не знає, якъ гѣрьке сироты житья?!
 Вмеръ Отець, вмерла мати, а намъ на ярѣ
 Бѣднимъ сиротятамъ зникло сонце въ хмарѣ.
 Четверо насъ було, я и три сестрицѣ,
 Лялись нашѣ слѣзы, якъ вода зъ криницѣ.
 Въ хатѣ нашой осѣвъ чужій зъ волѣ пана,
 Лялись нашѣ слѣзы, отъ ночи до рана.
 Грались людски дѣти въ нашомъ садочку,
 Мы сидѣли сиротята въ селѣ на горбочку.
 Прійшовъ якийсь сподарь а зъ-за третей границѣ,
 Пытаєсь дѣвчатѣ, хлопцѣвъ, пытаєсь молодицѣ,
 Всѣхъ ся пытає; копальницѣ и прачни,
 И приступивъ ближше до одной богачки.
 Перекидаются хлопцѣ по-за ворота якъ коты —
 Не знайшовъ бы я ту на службу якого сироты?
 Богачка зъ того чогось засмѣяла:
 Отъ того возмѣть собѣ! на мене всказала.
 Бо бѣда зъ нимъ громадѣ и менѣ немала,
 Неразъ я въ зимѣ его зъ хаты вивыхала!
 Забувъ мене чужій, не мѣгъ ся припомнути,
 Щобъ мульпше показала, хотѣвъ зновъ до неѣ вернути.
 Хлопцѣ закричали: Дядьку! идѣть сюда,
 Мы вамъ покажемо, котра тота бѣда!
 Неразъ мы го били, неразъ ажъ звязали!
 Гѣрько я заплакавъ, коли мене показали.
 Плакавъ я гѣрько, плакавъ до розпуки,
 Коли мене вѣвъ за село, взявши въ свои руки.
 Тяжко сиротѣ Николай тогда було,
 Сто-разы оглянувся на свое село.
 Вывѣвъ мене на гору бѣдну сиротину,
 Не плачь! каже: въ мене буде тобѣ добре смну!
 Вѣвъ мене безъ Вербѣжъ, Себечѣвъ, въ Пѣвщину
 Впровадивъ; тутки въ якусь хатину
 Впровадивъ, въ хату, шо острѣжокъ мае,
 А его господня хлѣбъ зъ пѣца виймає.
 Хлѣбець повиймала, хлѣбенько парує,

Въ мене, каже, добре тому, хто себе шануе.
 Господня хлѣбець по лавкахъ ставляе,
 Мыла руки, за мене съ пытае.
 Хлѣбець стоить свѣжій по лавкахъ докола,
 Сподарь каже: хлопецъ той зовеся Никола.
 Жѣнка его тому, щомъ малый, нерада,
 И вже межи ними була якась звада.
 Не поде онъ, каже сподарь, за раломъ орати,
 Але хоть дитяти буде колысати.
 Поглянувъ я по хатѣ: въ двохъ колыскахъ дѣти!
 Якъ я ихъ ту заколышу, бѣдний, горькій свѣте!
 Пойшла жѣнка въ городъ, пошла потомъ мати,
 Дѣти плачуть, я колышу, а не йдуть до хаты.
 Вбѣгне котра въ хату, то сподаря лае,
 Що изъ мене Николайка злу послугу мае.
 Каже: яке съ чудо зо свѣту тутъ приволькъ,
 А мене кулакомъ то въ голову, то въ бокъ.
 Ой правдиве сиротинѣ станувъ день за рокъ!
 Таку зъ мене няньку кѣльки не дѣль мали,
 Потомъ безъ сорочки, платнѣ одогнали.
 Кума кумѣ мене передавала,
 Ще богацько зъ сироты съ насмѣвала.
 Каже: возмиѣть кумо того Николу,
 Намъ треба бѣльшого, — ставишо столу.
 Але кума мягкого уже серця була,
 Дала сорочку бѣлу и голову змыла.
 Змыла головоньку, тай дала сорочку,
 Спѣвае вже сирота, пасе быки на горбочку.
 Пасе быки зъ рання, въ полудень напоить,
 Каже мати дочцѣ, то дитя святое.
 Шануй тую сироту, шануй доню Насте,
 Оно бо вже умѣе худобоньку пасти.
 Жила съ Богомъ Настяна мати,
 Знала и сиротину помиловати.
 Красила бувало мѣтки, синила, зеленила,
 Побожной невѣстѣ и чужа кровь пила.
 Сиротѣ Николѣ засѣятивъ иншій свѣтъ,
 Радо онъ для неи збиравъ зеленницѣ и синій цвѣтъ,
 Звивавъ мѣтки, робявъ, що було тра,
 Добре ми було у Корнилы Петра.
 Семъ лѣтъ, якъ семъ день минуло,

Сиротѣ Николѣ и горе съ забудо.
 А буда Петрова жвава сестриница,
 Набожна, красна, якъ зоря дѣвнца.
 Сердешна звалася Мариня зъ Мозикова,
 Тую полюбити не треба два слова.
 Петро каже разъ до Настѣ: Любко,
 Не давъ намъ Богъ дѣточокъ моя, ты голубко!
 Никола якъ рѣднѣи сынь намъ служитъ,
 Буде насъ любити, коли въ насъ послубить
 Марину нашу, котрую ђнъ любить.
 Настуню, при нѣмъ мы съ собою
 Прожемъ вѣку, прожемъ въ спокою.
 Бо то добрый дѣти, ђнъ добрый хлопчина,
 Она наша сестра, якъ ангель дитина.
 И скликали людей, и слово зробили,
 Ждемо позволѣнья, абы насъ злучили.

Боженько милый!

Якъ то мене все тогды охотило,
 Якъ то ся все перуномъ робило!
 Ту садилось деревину, тамъ щепилось груши,
 А все ся зъ воды удавало,
 Бомъ все робивъ зъ души.
 Завели насъ до Себечева, до Отца каплана,
 А небѣжчикъ ми сказали:
 Тобѣ треба позволѣнья ђтъ твого пана,
 Йду я до Лещкова, до Пана старогѣ,
 А ђнъ каже: ще що? я тебе небого
 У себе оженю. Ще що! то бы ся вело,
 Колибъ я парѣбки женивъ на чуже село!
 Маю я въ Целовѣ для тебе вдовицѣ,
 А дамъ на весѣлье дровъ и корецъ пшеницѣ.
 Живъ я вже въ Лещковѣ, вже мя не пустили,
 Доки зъ старою вдовою не оженили.

Оженили мене зъ старою вдовою!
 Працюю рукою, гоною ногою,
 Не выштудерую нѣчого,
 Хоть кручу по много
 Свою бѣдную голову.
 Страшно я журився,

Колимъ оженився,
 Тѣлько пожитку мого,
 Щомъ где наробився.
 И все журюся, неразъ ажъ плачу,
 Бо вже, люди добрый, силы не настарчу.
 Сила унадае, а жѣнка не дбае,
 Безъ счастья чоловіккъ нічого не мае.
 Анѣ въ городѣ пожитку, анѣ на поли,
 Бѣда чоловікови при его недоли.
 Голова слабая, бѣда немала,
 Бѣда молодому, якъ жѣнка старая.
 Не разъ не два бувало плачу,
 Но годѣ того, долѣ не перенячу,
 Не ма порядку, не ма шетку,
 А жѣнка въ додатку спѣвае кольдку.
 Бѣда велика, губи голодна,
 Жѣнка старая, еще недоводна.
 Ставъ я ся журити, та рѣзне думати,
 Бувало выйду въ люди изъ моеи хаты,
 Дивуются люди зъ моеи бѣды,
 Що я будую якъ зъ лободы.
 Каже сусѣда, каже кума:
 Николоньку Сусѣде!
 Зъ твого сподарства, кождый видить,
 Пожитку не ма! —
 Перестань ся журити,
 Треба дорослого пасынка оженити.
 Якъ прійде до дому кобѣта,
 Що мае молодши лѣта,
 Буде тобѣ Николо лѣпше,
 Буде тобѣ все Недѣля свята!
 Мѣркую: ѡтъ напасти — не пропасти,
 Пасынокъ буде сподаривъ,
 Я громадѣ худобу пасти,
 А якъ пѣдѣмо громадского хлѣба,
 Може здѣправдѣ погибне бѣда! . . .
 Весна пѣдходить, я ся наймаю,
 И страшно ся журу,
 Коли погляну, що малого пѣдпасыча*) маю,

*) Сынокъ его рѣдний, семь-лѣтний тогды хлопецъ.

Велику пасу стаду,
 А я ту не йде до складу.
 Пасу коровы, пасу и быки,
 Дивуюсь, чудуюсь, що то таке,
 Що голова болить, тяжко піднести,
 Руки, ноги упали, трудно ся звести,
 Ані підбігти, нї завернути,
 И вь полю бѣду треба вснѣмнути.
 Що ту почати, що погадати,
 Тяжко ѓть тебе бѣду ѓгнати,
 Но якось минуло тяжкое дѣто,
 Дали спасное то хлѣбъ то жито.
 Та шожъ нѣ мовь, нѣ роби,
 Мою заслугу за довгъ вадли жида.
 Потекли слѣзы рѣсною водою,
 Менѣ зновъ зимовати съ моею женою.
 Цѣлу зиму то мѣ плѣвѣ, то мѣ тесавѣ,
 Що мѣ мѡгъ сказати Хоминѣ списавѣ.

Ой убогій я, на свѣтъ народився,
 Тѡлько мого було, що мѣ набѣдився.
 Не мавъ я що ѣсти, не мавъ ляхмань,
 Все тое забрали двѡрски гатаманы.
 Ой плакавъ я неразъ, гдѣмъ тѡлько усѣвъ,
 Пшеничку забрали съ житомъ на осѣвъ.
 Прийде бувало великдень,
 Богачъ мае масла паску,
 А у мене разъ вь жалный Четверъ
 Изѣвѣ воцъ сѣрый паску!
 Иду до сосѣда, чей ми шо уѣдять,
 Дали порося, що му було двѣ недѣли
 Жѣнка его спекла, — и двѣ ячочкѣ,
 Такій бувъ великдень,
 Дя насъ и дѣточокъ.
 Не хтѣвъ я плакати,
 Сами слѣзы текли,
 Тѡлькосьмо зварили,
 Тѡлькосьмо спекли.
 Дякувалисьмо Господу и за тое,
 Жесьмо побѣдали съ дѣтьми обое.

Пóдрóсь мóй пасынокъ, и вже оженився,
 Ажъ теперь гадаю, не буду журився.
 Где-тамъ! мóей бѣдѣ не конецъ,
 Вмерла заразъ жѣнка, я зóставъ вдовецъ.
 Пасынокъ о мене старого не дбае,
 Сварится, грызе, ще ся напивае.
 Чужа дигина, несчастна година:
 „Вонъ!“ каже, „нѣ твое поле,
 Нѣ твоя хатина! . . .

. . . Рушай!“

А такъ Отчиме, що хочь гадай,
 Зробивши силы зъ голоду вмерай! . . .
 Бо нѣ роду, нѣ хаты, анѣ где сѣсти,
 Нѣ чѣмъ ся вкрити, нѣ где що зѣсти.
 А люди радятъ: „Николо, не дайся
 За свою кривду до суау удайся!“ . . .
 Но я згадавъ на мои порожній кишецѣ,
 А еще бóльше, що буде згóршенье,
 Пóшовъ до Церкви, — тамъ Бога благаю,
 То бью поклоны, то крижемъ падаю.
 Ахъ! змилосердися Божая мати!
 Не дай менѣ марно въ свѣтъ загибати!
 И змилосердилася Божая мати,
 И менѣ дала способъ верши складати.
 Выйшовъ я зъ церкви ставъ верши складати,
 Стали мене Николу люди пріймати.
 Где прійду до хаты, тамъ менѣ рады,
 Огъ минувъ якомь день
 Безъ грѣху безъ звады
 Перебувся такъ день,
 Перебувся рóкъ,
 Отъ такъ ся Николай
 Въ той свѣтъ поволокъ

**Якъ онъ теперь свое бурлачое житье
 назначеньемъ называе.**

Якимъ ся человекъ зродивъ,
 Такимъ ся и хрестивъ,
 Туды ся и носитьъ,
 Куды го Богъ пустивъ.

До тои мѣры дѣставъ,
 До якои зрѣсь,
 Яка голова, такій и носъ,
 Якій ся вродивъ, такій и буде,
 Якая губа, такій зубы,
 Явнѣ руки, такій ноги, —
 Ой вже не верне Никола
 Зъ своєю дороги!

Николай по свѣтъ бурлакуе.

И сказавъ духъ Божій до Николиныхъ грудей:
 Говори Никола зъ головы до своихъ людей!
 Нѣкого не бѣйся, нѣкого съ не встыдай,
 Говори правду всюды,
 У мене заплатоньки ждай!

И цвите цвѣтъ,
 Я мау въ свѣтъ,
 Що где зголошу,
 Заразъ попрошу,
 Щобъ хто написавъ,
 И тое менѣ въ торбу
 Сховати давъ.

А тое письмо письменнымъ ношу,
 А людямъ простымъ зъ памяти голошу;
 И стали письменни письмо читати,
 А прості люди мене пытати:
 Чи ты убогій, чи ты простый дѣлъ?
 Никола имъ скаже:
 Богъ мене звѣвъ на той бурлацкій слѣлъ.
 Инши спытали: а вѣвъ ты обѣдъ?
 Я разъ заплакавъ, руки заломавъ,
 Бо вже другій лень ничъ въ устахъ не мавъ.
 Люди мене ѡтгадали,
 Красный обѣдъ менѣ дали.
 Я за нихъ Бога благаю,
 Що у нихъ обѣдъ такій маю.
 Якъ убогого мене люди прощаютъ,
 На дорогу хлѣба, грошей даютъ.
 Я грошей тыхъ не марную,
 За нихъ въ лѣсъ дерево,

Во Львовѣ кресты купую,
 И такъ каплицю мою фундую!
 — Мы помремо, люди ся остануть,
 Чей насъ помершихъ хоць колисъ згануть.
 Згануть, що живъ на свѣтѣ
 Никола чоловѣкъ,
 Що посвятивъ Богу свои ноги, груди
 И цѣлый свѣтъ.
 Чей мя помянуть, чей мя згадають,
 И вѣчна память
 Менѣ заспѣвають! —

На одной карточцѣ такъ мае написано:

Зъ одного дому Никола выходитъ,
 А до другого весело входитъ,
 И розкаже: где дѣмъ спалився,
 Где образъ Божій людемъ явився,
 Где люди добри и якъ собѣ радять,
 Где красно сѣють, деревину садыть.
 Ой ославилось вже людѣй много
 Черезъ мене Николу грѣшного!

Его частѣйшіи приговоры:

— Не одное зложу красно,
 Если свѣтитъ сонце ясно.
 — Будьте добры написати,
 Буде мило прочитати.
 — Анѣ за срѣбло, нѣ за банкноты —
 Если пѣснь спѣваю,
 Спѣваю зъ охоты.
 Чи мя хто просить,
 Чи менѣ грозить,
 Никола безъ Бога
 Нѣчого не зложить.

**Колисьмо му сказали, що его стихи дамо до
печатанья, отвѣтивъ:**

Кажете: дасьте до друку
 Мою нужду, мою муку,

Вгѣшугся хлопцѣ молодіи,
 Що такъ рускій пѣвецъ пѣе.
 Подякуйте имъ за тое,
 Я любивъ доброе, а покпавъ злое!

**На одномъ празднику у руского латинизатора
 такъ намъ сказавъ:**

Не забавлю! — поѣду зъ-отти,
 Не дають ту пѣсню пѣти! —

**Никола оповѣдає свою слабость и початокъ
 своей каплицѣ.**

Ой неразъ Цеблѣвъ Николу видавъ,
 Якъ ѓнъ пустый свѣй, городъ корчовавъ,
 По межахъ базникъ то дикій хмѣль
 Дванайцять лѣтокъ и кѣлька недѣль,
 Нѣмъ переправивъ на землю чисту,
 Нѣмъ переблагавъ за грѣхъ Пречисту! —
 Каже разъ Мати Божа зъ Краснобрѣда:
 — Поставъ ми Николо коло, города
 Каплицу, — на памятку тую,
 Щобъ вѣрили люди въ Тройцу святую.
 Люди, котри нинѣ у насъ и всюды
 Лишили правду, жують зъ облуды! —

На тую будовлю Господь Николѣ
 Не давъ грошей, нѣ силы доволѣ;
 Но давъ му слабость тяжку на тѣлѣ,
 Котра го мучила не двѣ недѣлѣ.
 Тысячѣ ѓсмь сотъ сорокъ въ третѣмъ року,
 Пасъ ѓнъ худобу въ полю на Потоку.
 Така ся Божа мѣць показала,
 Що въ головѣ его жива слабѣсть стала;
 Жива! — бо грызла го хробаками,
 Ахъ Боженько нашъ! змилуйся надъ нами!
 Нудився Никола, нудивъ самъ собою, —
 Ходивъ, лазивъ неразъ пѣчною порою.
 Коли спали люди, куры пѣвночѣ пѣли, —
 Николѣ въ уху хробаки вертѣли.
 Вартѣвники, що при Церквѣ спали,

Колинь прійшовъ разъ молитись,
 А чорна нѣчка тогды була —
 мене съ полякали,
 Варьятомъ мене люди называли.
 Не лякався Николай имя варіята,
 Знавъ, що за потерпѣнье чекае заплата.
 — Разъ заснувъ ѓнь. — Чуе голосъ зъ переду:
 Николо! дай въ своё ухо святого меду!
 Пречиста сказала грѣшному зъ небесе:
 Меду, — що святився на „Христось воскрес“.

Дѣставъ я того меду до уха,
 Отъ Химки жѣнки, Петришиного Андруха.
 А сила Божа на мнѣ показала,
 Що голова чиста якъ слѣза стала.
 Твердо мѣ увѣривъ, що Божа мати,
 Дала мѣ помѣчь, — и ставъ емъ до людей казати:
 Добрі люди! вѣрьте на тое,
 Що выльченье мое есть чудне, свягѣ!
 И ставъ Никола собѣ гадати,
 Якъ бы ту Богу каплицю зладнати? —
 Хто ту пѣсню вчуе, най ся не дивуе,
 Бо Никола зъ алмужны рѣзное купуе,
 И носить тое до своей каплиць
 На подяку Богу, небесной Цариць!

**Якъ онъ мѣстце на каплицю въ Цебловѣ
 найшовъ.**

Една зъ Цеблова мати
 Хотѣла дочку за-мужъ дати,
 И пошла до Белза мѣста,
 Щобъ що вторговати.
 Стала дѣтемъ говорити,
 Щобы хату побѣлити,
 А старый образъ въ пѣецу спалити:
 Свекруха съ невѣсткою ѓттакъ розовѣлися;
 Не спалила невѣстка образа,
 Руки ей тряслися.
 Оторвала рамць, въ пѣецъ ихъ кинула,
 А старый образъ въ трубку звинула.
 Иншій розумъ у молодыхъ дѣтій,

Грѣхъ, кажутъ, палити образъ,
 Бо то есть образъ святой.
 Повный страха и божом науки
 Павлунъ взявъ образъ въ бѣлыя свои руки,
 Несе на воду
 До малого броду.
 Тогожъ дня рано зъ Бутынь три милѣ,
 Для доброй дороги и красной хвѣтѣ,
 Привезъ каплицю майстеръ готову
 И хоче зложити, якъ мавъ умову.
 Но на тое ще мѣстця не мае,
 Зъ возовъ про тое никто не здоймае.
 Сходятся люди, зачалась рада,
 Рѣдко ся где згодить цѣла громада.
 Еднѣ на крижевой хочуть дорозѣ,
 Хто, кажутъ, пойдѣ, згане о Бозѣ.
 Други въ селѣ, кажутъ, красивѣйше
 А для каплицѣ и безпечнѣйше.
 Радили весь день, ажъ сонце запало,
 На чѣмъ зачали, на томъ и стало.
 Никола не спитъ, Бога благае,
 Що завтра буде, не розгадае,
 Гдѣсь коло пѣвочи
 Замкнувъ Николай очи,
 Задрѣмнувъ, далѣй заснувъ,
 И снитъ му ся — що якась панѣ передоднемъ
 Ъде до него однимъ конемъ.
 Зѣрвався на ноги хутко умывся,
 Змовивъ молитву и перекрестився,
 И пошовъ до сосѣда Максима,
 Щобъ съ нимъ порадився.
 Ишовъ коло своего города, —
 На небѣ була погода,
 Стали курн по седу пѣти,
 Гляне, ажъ ту лежить образъ на водѣ,
 Що выкинули дѣти.
 На воду склонився,
 На мѣстце подивився,
 А такъ Божа воля дала,
 Що каплиця на томъ мѣстци стала.

**Мае онъ много приговоровъ до пьяницъ на карточкахъ посни-
сованныхъ, зъ тыхъ помѣщаемъ одинъ :**

Господь Богъ сотворивъ той свѣтъ, —

Мученй були мы пятьсотъ лѣтъ.

Не було Недѣль, не було свята,

Панщина була, була волокига.

Якъ Господь навъ освободити людн,

То спустивъ на землю ѳгъ горѣлки слюбы,

Щобы люди на спаленнй трунокъ слюбовали,

И о даръ свободы Господа благали.

А коли той даръ дѣстануть, щобъ го шановали.

Але не всѣ до слюбовъ спѣшили, —

Були и такй, що ся ними засмутили.

Не еденъ господарь старий,

Що ставъ у Церквѣ близько дверій,

Коли го зайшли слухи,

Же Духовный Отець,

Якъ Пастырь своихъ Овецъ,

Отвертае народъ ѳгъ парухи,

Дивився на тое немло,

Що ся слово Боже сполнило,

И каже: Я досыть нажився

И много наробився, —

Якбы то було, жebъ я горѣвки не напився!

Якъ я прійму горѣвки до своихъ грудей,

То я лвише знаю говорити до людей. —

— А люди молодн

Собѣ повторили слова тн,

За старыми сказали дурнн :

Мы ще въ свѣтъ не нажились,

Нѣ горѣвки не напились,

Намъ тра буде заручитись,

Намъ тра буде оженигись,

Намъ тра горѣвки не разъ напнтись!

Заплакала Божа Мати,

Не було кому на спаленнй

Трунокъ въ Церквѣ слюбовати.

Много не прійняли Божу правду,

Але поѣшли до горендаря на порадy. —

Горендарь ихъ дуже витае,

И такъ ся за Церковь пытае:

Що они тамъ вамъ казали,
 Мы гадали, що васъ тамъ вже всѣхъ повезали.
 То вы ще нынѣ не бѣли —
 Ай-вай! якъ вы бѣднѣи зчорнѣли!
 Горендаръ панокъ,
 Поставивъ пива збанокъ,
 И горѣлки колька фляшокъ,
 И шабасового положивъ кусокъ.
 Чесни господарѣ напивайтесь,
 А тымъ попамъ звести не дайтесь,
 Мы старшу библию маемъ,
 Мы лѣпше о́тъ нихъ гдѣщо знаемъ,
 И вамъ правду повѣдаемъ. —
 Библия каже: наѣстись, напитись,
 И зъ розуму не дати зводитись;
 Бо они не тоє кажуть горѣвки не пити,
 Ано хочуть съ панами Польшу ту зробити!
 А нашъ Цѣсаръ молодой
 Не потребує васъ простыхъ людѣй,
 Онъ має краснѣи жовнѣры,
 А Полякамъ ничего не вѣре. —
 А такъ стали люди пити, гайновати,
 Свою працю пропивати.
 Богъ однакожъ за добрыхъ людей подобу
 Давъ людямъ гараздъ, давъ и свободу.
 А за ваши нестатки —
 Настали драчи, та великѣи податки,
 А потомъ за додатками, новыи додатки!

На одной карточцѣ у Николы стоить: Що то Дѣти матерѣ?

Не една мати
 Жалує зъ хаты
 Подати зъ скринѣ
 Божой святинѣ —
 Полотна мѣру
 Богу въ офѣру, —
 Бо не зважає,
 Що зъ Бога має.
 Коли ей дѣти
 Краснѣи якъ цвѣты
 Съ нею постають,
 Воскресе спѣвають. —

Не такъ робѣтна,
 Але бездѣтна
 Жена вздыхає,
 Великденъ має!
 Серце ей плаче
 Коли зобаче,
 Якъ другѣи счаснѣи
 Ихъ дѣти краснѣи.
 А она мати
 Не має вбрати
 Кого въ сорочку —
 Сына нѣ дочку!

Якъ Никола одному рускому поповичови-школяреви, появившомуся зъ Львова на селѣ въ рогачцѣ, заспѣвавъ :

Я Полякъ, неборакъ,
Уживаю гойне,
То я ѣмъ, то я пью,
Якъ не бачу войны.

А якъ бьютъ, шапки другъ,
Ихаеся до хаты,
Рускій сынъ тогда онъ —
Руска его мати.

Добрый часъ на край нашъ
Тихій вѣтеръ вѣе,
Батько нашъ во своѣй часъ
Циениченьку сѣе.

Наша Русь, куда рушь,
Красна и богата;
Алебъ зновъ спалабъ въ ровъ
Шапочка рогата.
Ой кобъ вы, Русины,
Въ письмо съ подивили,
Не йшлибъ вы межъ враги,
Имъ бы не служили.
Не йшлибъ вы, Русины,
Чужу пѣснь спѣвати,
И собѣ въ польщинѣ
Грѣбъ живый копати!

А въ инномъ мѣстци написано у Никола:

Тѣшилися старіи люди, же зазуля вже куде,
Радуются хлопцѣ въ школѣ, що Николай съ ними е.
Зимна вода на потоцѣ, гдесъ ся взяло джерело,
Смутилися перше люди, Николая не було.
Чиста вода изъ потока упадае у рѣку,
Дай намъ Боже шановати Николаа до вѣку.
Въ лѣсѣ проста где лѣщина, тамъ суть здали обручѣ,
Дай намъ Боже вспомянати Николая и въ ночи.
Купѣть собѣ мои хлопцѣ, дайте менѣ дуката,
Бо та пѣсня есть здалека, ѡтъ Никола бѣдака.
Бо Никола пѣсню спѣвавъ, и въ ней людамъ такъ прорѣкъъ,
Що нашъ Цѣсарь у Вольвовѣ корцовый хлѣбъ буде пѣкъъ,
Воли сивѣ, воли краснѣ, золотое ихъ ярмо,
Провадили руски дѣти той хлѣбъ въ Львовѣ барзѣ славно,
Везли его зъ Юра Церкви, везли его въ Львѣгородъ. —
Списавъ Русинъ тѣи верши, щобъ читавъ ихъ весь народъ.

Вжежъ буде на той разѣ тыхъ вершѣвъ нашего импровизатора зъ Цеблова, котріи онъ при рѣзнихъ случаяхъ ѡтъ рѣзнихъ списователѣвъ списави то въ своей торбѣ пачками носить, то въ своей каплицѣ съ благовѣннемъ мовь якіи реликвиѣи покладати переходуе.

Полалисьмо зъ тыхъ нѣкоторіи рускому читательству яко плѣдъ природного импровизатора, — ѡтъ звычайно на показъ, чинючи при томъ увагу,

що найбільша частъ зъ нихъ яко пѣзвѣйше нимъ самымъ отъимпровизованныхъ а рѣзными руками переписанныхъ той сугъ вартости, що сграва отварена. Иначе бо есть говорити съ вотхновеніемъ, коли то ся грудь чувствомъ порушена розгорить, фалями безчисленныхъ гадокъ волнуе, а иначе силоватись такіи прошедшіи вотхновенья прикликати, та ихъ комусъ тамъ съ вычѣкованьемъ выдиктововати; до того треба знаменитого таланта, вправы и чрезвычайной памяти. А и тогды годѣ, — звѣсно бо, що при импровизациі, якъ при каждой деклямаціи, часомъ единъ гестъ, едно выголошенье слова, само обстоятельство, въ которомъ произносится, выголошенью силы и красоты або додае або зменшае. Отжежъ подаемо ихъ яко отписане отъимпровизованье. — Бачили босьмо Николу, коли онъ импровизуе, а коли импровизацию давѣйшу, або на яку учиненну му задачу диктуе, — и кажемо, що Николай въ своемъ элементѣ любопытѣйшимъ есть тѣлько тогды, коли онъ межъ рѣвными собѣ людями и. п. межъ громадянами або отпустовымъ народомъ стане и начне свое отъ сердца безъ жениды выголошовати. . . Булисьмо разъ свѣдомъ такои импровизациі, а то при новобудуючойся Церквѣ въ М. . . , где онъ прійшовши случайно розревнившимъ видомъ прекрасномъ святынѣ та щирою працѣ тамошнихъ жителѣвъ, скѣнчившихъ дневну роботу, съ истиннымъ поетическимъ талантомъ — виталъ и величалъ; а заговорилъ такъ отъ сердца и трафилъ такъ до него, що вѣхъ мовъ зачарованныхъ держалъ при собѣ — не меньше и насъ, случайно и неостереженно нашедшихъ. — Съ правдивымъ заятіемъ слухалисьмо близько чверть години его удачнїи приговоры. Токмо стенографа нужно було, абы прїиѣръ зяяти бесѣды простолюдина, промовляющего съ вотхновеніемъ до своихъ — дневною працею потомленныхъ — братьей, — а фотографа еще бѣльше, абы похватити тое сіяніе внутренней радости той заентузіазмованой группы. — Мовилъ онъ душею и сердцемъ, полнымъ благовѣнія; голосомъ отъ жалости и радости дрожащимъ — бѣльше прозою, якъ стихами, вершѣвъ своихъ употреблялъ мовъ приточенїй зъ письма святого для добитности сказанного слова. Досыть сказати, що по работѣ о заходящомъ соньцю, где если не каждый, то прїнаймѣй гдекотрїи пыльно требовали до себе отойти, а однакожъ никто ся зъ мѣстца не поквалпиль. — Доказъ впечатлѣнья мовы отъ сердца!

Друге, що ся намъ потребнымъ видить здѣлати, есть, перепросити не одного читателя, що мы ся поважили съ простымъ дѣдомъ межъ свѣтъ ученый показати. Истинно мѣшало насъ то не мало, якъ намъ самимъ, худому прозаистѣ, приступити съ божимъ старцемъ-простачкомъ до горы чудесной Парнасу. Долгосьмо нерѣшимїи оба, — онъ съ своими торбинками, а мы съ своимъ несмѣлымъ проводомъ — на сѣнжати пѣдъ тою чудовною горою стояли, ажъ насъ осмѣялїлъ вспоминокъ на наши базарѣ при чудовныхъ мѣстцяхъ, где всякій всяковщины зъ крамѣвъ ся свободно розстелюють. Приступили таджежъ погадавши, що мы претцѣ до своихъ съ своимъ приходимо,

и розстелюемо токмо на показъ, що вже и до насъ Русинновъ животворящее соненько ся зближае, що вже и у насъ дробненькіи первесенькіи землю нашу зацвѣвати починають; мы вправдѣ знаемъ, що зъ того цвѣту овощу, ни сливки, ни яблока, ни дуль не буде, — осьъ звычайно якъ цвѣтка зацвила, тай счезне; але ей явлѣнье такой намъ весну вѣщуетъ и каже, що коли первесенькіи отцвѣтуть, сады нашѣ незабавкомъ рожаннымъ цвѣтомъ накроются. Мы знаемъ, що тамъ на Парнасскихъ полонинахъ вамъ, наши Соколы-цвѣць, нишого товариша потреба, а то глубоко природу испытующого, щобы зналъ и розумѣлъ всѣ штуки, та якого зѣлья избирати, щобы въ немъ Рускіи дѣти скупати, абы вразъ живымъ козацкимъ хоромъ стали, та такъ заспѣвали, щобы ихъ весь свѣтъ почувъ и вразъ съ ними возрадовался! — Отжежъ перепрашаючи за наше, хочемо сказати: Зѣльчко то зъ нашей крайны мѣзерне, мѣзерне, але насъ тѣшитъ, що оно тамъ прозябае, где доси снѣги и леды лежали!

Тѣшимся нимъ, бо у насъ вѣра, а то чи не тверда, що нашѣ вся сила, душевна и матеріальна въ нашомъ, прекрасными свойствами обдареномъ народѣ корень своѣй мае. Такіи вотхновенія импровизаторовъ и такіи вотхновенія слышащего громаднаго народа доказъ живѣйшій, — що нашъ садъ, хотяи зъ лисгля и цвѣту зимою обранный, еще сирый, — еще полный жизненныхъ соковъ, що ему толькы зимніи вѣтры и зимовіи заметы завадою, же доси бѣлого цвѣту дымомъ не бухне, та радостною вонейю землю свою не наполнить, -- бо у насъ

вѣра, же мы нашу землю самими черезъ зиму въ вазонкахъ зѣльника перехованными цвѣтами не заставимо, нѣ закрасимо, хоть ихъ намъ нинѣ такъ мило свѣжими видѣти и витати, що нашому народови не согнѣ, але тысячи тысячи цвѣтущихъ головъ потреба, — бо у насъ

вѣра, що нашъ народъ хоть може еще на такъ низкомъ степеніи стоять просвѣту якъ передъ г. 1848, однакожъ коло него и у него вже веселѣйше и теплѣйше!... Тадажежъ кажутъ, що въ Листопадѣ и Сѣчню соньце къ намъ стоить въ одномъ склонѣ; однакожъ въ Листопадѣ казало соньце: Я отъ васъ утѣкаю,... а теперъ въ Сѣчню: Я до васъ иду, вамъ теплу весну, цвѣтъ, радость... несу.

Оже бо намъ таковъ весны и теплого ей житья — той поезіи потреба! Якомъ поезіи? спытаете, — поезіи, що то животворящую своею силою всѣ отношенія житья нашего, во всѣхъ своихъ закутахъ, по всѣхъ высотахъ и низинахъ, мовъ той весняный теплый дощикъ росую розмочить, розвеселить и оживитъ....

Поезіи, котра сама едино розумѣе розсѣянии силы народній въ одну живушу цѣлѣсть, хоть рѣзными — але до одной святой цѣли змѣряющими дорогами привести, злучити....

Поезіи, котра любовію другъ друга загрѣвши житє пріятнымъ надземнымъ творить . . . и до ўланья веде, влече . . .

Поезіи, котра всѣ учтивіи працѣ, всѣ искусства времянь небесною ау-реолою осянивши — дорогими — святыми народови покаже . . .

Поезіи, котра всѣмъ сокровищамъ розуму и досвѣдченья житє, прелесть и плодovitость дати знае . . .

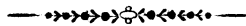
Поезіи, котра розумѣ своей власной землѣ плодами прибратись, своими формами и образами пристроитись, на своей власной нивѣ цвѣтами пріукраситись, котра свои ажбы найменьшіи силы розбудивши, ними же вростае, со временемъ разомъ творить . . . алежь и со временемъ — о горе! переходить . . .

Мыжь бо тои весны нашей тужливо выглядаемъ . . . про тое тѣшатъ насъ весняного житья найменьшіи появы . . .

Ахъ колижь начнеть наша жизнь! коли прибудешь до насъ небесна́ дѣво! — коли наши гаи, нивы, огороды, села кожду хатоньку нашу звеселишь? коли тепломъ сердца розгрѣешь и поясомъ своимъ таинственнымъ всѣхъ опережешь — въ одну мысль свяжешь?!

Кѡнчѣть сами! — менѣ бо завада — перо зъ рукъ выпадаетъ: Я бымъ нынѣ не писалъ, я бымъ мальовалъ, спѣвалъ — птахомъ лѣталъ, кожде деревце на нашей земельцѣ, его красу . . . пожитокъ показовалъ, — но все тое годѣ! — Годѣ кропельцѣ росы соньце объяти, его въ величествѣ своемъ показати, хоть оно цѣле въ нѣй такъ живо — ѡтбилось.

Феодоръ Лысякѣ.

О ПѢНІЮ МУЗИКАЛЬНОМЪ.

Нелучилось менѣ до нынѣ въ письмахъ нашихъ рускихъ читати дешо о пѣнїю музикальномъ, — а знаю, же такое въ народѣ существуете, же суть у насъ сочиненія чисто-музикальныи и же суть заведенія, постановленыи для обнародованія пѣнїа музикального, такъ церковного якъ и мірского. — Не требую доказовати, же пѣнїе вообще есть намъ Русинамъ природне, бо не только же есть оно при Богослуженїи доконьче потребнымъ, но и мірскїи пѣсни въ кругахъ всякого сана такъ часто употребляются, же безъ нихъ не ма и забавы. Намѣрєніе мое есть, ту только о пѣнїю чисто-музикальномъ згадку учинити, а особенно о заведенїю музикальномъ въ Перемышлїа дешо нацисати.

Существуете въ Перемышлїа при нашей престольной гр. к. Церкви заведенїе пѣвческо-музикальное, заложеное и фондирѣ обдареное черезъ Б. К. Н. Его Превосх. Епископа Іоанна Свѣтурского. Передъ рокомъ 1827. не су-

шествовало въ реченой церкви престольной пѣніе музыкальное и здѣсь, же такого не бывало, а то не только въ Перемышляхъ, але навѣтъ и въ престольномъ градѣ Львовѣ и нигде, бо въ каждой церкви навѣтъ въ митрополитальной былъ обычай, же дяки своимъ способомъ безъ всякихъ вѣдомостей музыкальныхъ, такъ только, якъ нынѣ въ церквахъ сельскихъ и мало-городскихъ дѣся, при Богослуженію спѣвали.

Перву мысль до заведенія пѣнія музыкального на мѣстце дяковскаго повзаялъ въ Перемышляхъ знаный намъ добре бл. п. Іосифъ Лѣвицкій, издатель Грамматики руской, бывшій тогда капелянъ Его Прев. Епископа Іоанна Свѣтурскаго. Абы тую мысль осуществить, объявилъ ю Лѣвицкій Его Превосходительству, который на заведеніе сей-часъ согласился и реченому капелянну повѣдѣлъ, дабы записалъ ноты музыкальны изъ Петрограда, поглядѣлъ яко учителя и перву пробу того пѣнія съ домашними Своей палаты здѣлать. — Неутомимый въ трудѣ І. Лѣвицкій не залишилъ ни хвилѣ, но получивши изъ Петрограда записаны ноты, сей-часъ глядѣлъ учителя; але ту показалось, же въ Перемышляхъ вѣтъ человекъ здѣбнаго до обучанія въ музыкальномъ пѣніи, — только единъ старикъ (имени не тямлю) стратившій голосъ, держанный при костелѣ кафедральномъ обр. лат., былъ о только здѣбный, же заужалъ при скрипкахъ ѳдданныхъ ему пѣвцѣвъ хотъ яко тако поучати. Лѣвицкій, не хотѣвшій ѳволоки, пріялъ старика на учителя, а ѳдавши ему на науку четырехъ домовниковъ палаты епископской, тѣшился, же основалъ початокъ школы пѣвческо-музыкальной, — въ надеждѣ, же съ часомъ знайдѣся умственный учитель, который пріобрѣвши хотъ малое приготованье, возьмѣся крѣпкими силами до дѣла, и тѣмъ способомъ стане хотъ колѣсъ школа пѣнія музыкального, до которой приступить молодежь учащаяся въ школахъ лицеумъ Перемыскаго, обдарена голосами и талантами, — же потомъ рѣширится тое пѣніе въ различныхъ стороны, а на конецъ и въ цѣломъ народѣ рускомъ.

Старикъ учитель ходилъ щоденне съ скрипками до палаты епископской и поучалъ ѳдданныхъ ему пѣвцѣвъ, и лучилось, же между ними одинъ, именемъ Яковъ Нероновичъ, бывшій тогда слушатель любомудрія на лицеумъ Перемыскаго, обдаренный ѳгъ природы добрымъ голосомъ и талантомъ музыкальнымъ, — борзо понялъ, що то есть пѣніе музыкальное, и чога до него потреба, а почувствовавши себе уже въ короткомъ часѣ здѣбнымъ до проваженія тогоже, почалъ яко импровизованный Директоръ съ прочими пѣвцами въ церкви престольной гр. к. въ Перемышляхъ въ недѣлѣ и свята при Богослуженію на хорѣ спѣвати.

Была то перва проба пѣнія музыкального на Руси Галицкой, было то вправдѣ пѣніе неоглаженое и много очищенія требующее; но яко новорожденное дитя возрастало, крѣпилось и ожидало лучшихъ временъ, бѣльшихъ силъ и дѣльнѣйшого управителя.

годовати, чи въ юности убити; но крѣпкій характеръ Іосифа Лѣвицкого побѣдилъ мнѣніе послѣднихъ, кажучи: „най ся (тое пѣніе) вытирае, а съ часомъ вытресь и чистое буде.“

Долучилъ І. Лѣвицкій до хору бѣльше домовникѣвъ, обыгающихъ въ палатѣ Его Прев. Епископа; но однако не споро наука взмгалася, бо такой умственного учителя и Директора знающаго генераль-бассъ не было ни въ Перемышля ни въ окрестности. Ажъ въ кѣнцы второго року, по заведенію той школы пѣвческо-музыкальной, явился въ Перемышля Алойсій Нанке, получившій науки музыкальны въ Бернѣ и Вѣднѣ, обдаренный великимъ талантомъ музыкальнымъ, знающій генераль-бассъ и всесторонно образованный. — Лучилось, же реченый А. Нанке малъ способность дати въ Перемышля доказъ своихъ музыкальныхъ талантѣвъ; отожъ не залшиль І. Лѣвицкій скоро пѣзнати его, представити ему, же существуете тамъ школа руска пѣвческо-музыкальная въ палатѣ епископской — и до принятія обязанности учителя и Директора той школы завозвати. — А. Нанке пріалъ надаваемый ему обвязокъ, и скоро уконьчилъ І. Лѣвицкій згуду взглядомъ рѣчной платы (400 р. м. к.) за удѣлянье науки въ реченной школѣ и дирекцію на хорѣ. — Его Прев. Епископъ Сѣвгурскій, всирающій всякое заведеніе стремящее до образования народа своего, хотяшій и тую отрасль образования воздвигнути и обнародовити, скоро рѣшился до принятія обязанности плаченья ремунерации Алойзію Нанке за удѣлянье науки въ реченной школѣ и Дирекцію на хорѣ. — А. Нанке принявши реченны обязанности на себе, взялся крѣпкими силами до дѣла, огладилъ скоро приготованное старикомъ учителемъ и Яковомъ Нероновичемъ пѣніе музыкальное, дѣбралъ до бывшихъ пѣвцѣвъ за посредствомъ І. Лѣвицкого изъ лицеумъ найздѣбнѣйшу молодежь до своей школы и хору, и въ короткомъ часѣ, *sicut deus ex machina*, поставилъ хоръ такъ чистый, же бѣльше и желати не было возможно. — Ктойъ зъ живущихъ тогда въ Перемышля и любящихъ музику не вспомане и нынѣ радостно о томъ пѣнію? Было оно въ поляхъ цвѣту своего и далеко подобнаго ему не было.

Счастье хотѣло, же три обстоятельство допомогли, абы тое пѣніе на такъ высокомъ степени стануло, — а тіи суть: 1.) получила школа записаны Іосифомъ Лѣвицкимъ ноты изъ Петрограда, сочинены Д. Бортянскимъ въ стилю классичномъ; бо Д. Бортянскій, якъ то каждый правдиво ученый музыкъ осудитъ, есть у Русинѣвъ тѣмъ, чимъ есть въ западной Европѣ Моцартъ, Гайдень и пр. 2.) держалъ дирекцію хору глубоко ученый музыкъ Алойсій Нанке, который скоро зрозумѣлъ духа пѣній русскихъ, написанныхъ Д. Бортянскимъ и свои творенія музыкальны въ томъ духу писалъ и училъ. 3.) Ученики-пѣвцы одарены были ѣтъ природы рѣдко существующими красноразвучными голосами, между которыми особенно сопрано-пѣвецъ Іоаннъ Хрисостомъ Сѣнькевичъ, альто-пѣвецъ Маеѣй Пиньковскій и теноре-пѣвцы

Григорій Чижевичъ и Спиридонъ Алексевичъ такъ красными и чистыми голосами одарены были, же выгладяныя пѣвцы при операхъ могли бы счастливыми быти, еслибы ихъ природа такими голосами одарила.

При тѣхъ обстоятельствахъ развивалось пѣніе музыкальное на великій размѣръ: вписалось до школы музыкальной много лицъ изъ молодежи учащейся, назначено щоденне певну годину до науки, однихъ поучано въ началѣ пѣвчюмъ, а съ старшими роблено пробы поединокихъ сочиненій музыкальныхъ и незадогдо оказалось, же Алойсій Нанке самъ не былъ въ состоянію всѣмъ потребамъ школы и хору зараджати, отождъ подумано о вторѣмъ учителю, котрый бы начало музыки училъ и поединокихъ пѣвцѣвъ до общихъ пробъ музыкальныхъ приготавлиалъ. Предложено тую потребу Его Прев. Епископу Іоанну Сяѣгурскому, котрый сей проектъ охочо принялъ и до оплаты второго учителя (200 р. м. к.) рѣшился. — На той подставѣ спровадженій здѣсталъ зъ Берна Винкентій Серсавы бассо-пѣвецъ, ѳтъ природы дуже красносозвучнымъ голосомъ одареный и въ музицѣ во обще добре обученый. Тѣмъ способомъ станули въ школѣ пѣвческо-музыкальной въ Перемышли два учителя, котрыи роздѣливши между собою обязанности, такъ ся рѣшили, же В. Серсавы училъ начало и приготвленія, а А. Нанке укѣнчалъ дѣло.

Въ р. 1830. осягнула школа пѣвческо-музыкальная и хоръ въ церкви престольной гр. к. въ Перемышли пунктъ кульминацінный, бо школа стала консерваторіумъ въ малѣ, а хоръ рѣвнялся доброй оперѣ, — и оказалось, же существуе въ Европѣ кромѣ трехъ характеромъ розличаючихся каеѳгорій музыки, т. е. нѣмецкой, италіанской и французской, такождъ и четверта характеристична каеѳгорія: руска.

І. Дѣвицкій спровадилъ численны сочиненія музыкальны именованныхъ и не именованныхъ издателей, въ стилю церковнѣмъ писаны, и основалъ при школѣ малу музыкалну библіотеку, котору Алойсій Нанке своими и чужими сочиненіями значительно побѣльшилъ. — Не ограничилась реченна школа тѣлько на пѣніе церковное, но заведено въ ней и мірское и то не лишь руское, но и италіанское и нѣмецкое розличныхъ издателей, спѣвано такождъ терцеты, квартеты, секстеты и хоры исключно мужескими голосами, котрыхъ при розличныхъ обстоятельствахъ употребляно.

Видѣлось, же реченное заведеніе пѣвческо-музыкальное на твердѣмъ камени заложено было; бо, хотя Алойсій Нанке, первый учитель, потомъ недугомъ сложенный, ѳтклонился ѳтъ дирекціи хору, однакождъ тая страта не выдалась дуже значительна, бо Винкентій Серсавы, вторый учитель, обнявши дирекцію хору, не допускалъ хиленія и школу достойно провадилъ. — Докѣль І. Дѣвицкій въ школѣ и хорѣ надзиралъ, ишло всё въ порядку: наука школьна и пробы музыкальны ѳтбывалися порядочно въ опредѣленныхъ годинахъ и число пѣвцѣвъ побѣльшалось; но по ѳтшествію его на приходъ въ Шклѣ осталось дѣло, але ревнѣсть схолондѣла, бо не стало принуки. —

Отъ того часу зачались перемѣнати пѣвцы, одни отходили по званію своему то до Львова, то до иныхъ городѣвъ на студія, а на ихъ мѣстце вступали новыи.

Его Прев. Епископъ Іоаннъ Сяѣгурскій не пересталъ на томъ, абы пѣніе музыкальное лишь въ церкви престольной существовало; но обмыслилъ способъ, абы оно и въ діецезіи по городахъ и селахъ розширилось, що тѣмъ задѣлалъ, же купилъ село дѣдичное Новосѣлки подъ Кальваріевъ и назначилъ доходы изъ него на воспитаніе 24. молодцѣвъ, которыми способитися мають до сану учительского и дяковського, и кромѣ того, шо до ихъ званія потребнымъ есть, также и музыкального пѣнія черезъ 2 роки учитися должны, абы, укбичивши дворочный курсъ, могли на опредѣленныхъ имъ посадахъ учительскихъ, въ школахъ тривіальныхъ и приходскихъ молодежь посѣщающую школы заразомъ и въ пѣнію музыкальнѣмъ обучати, якъ то подобно отъ давна въ Чехахъ дѣсая, отколь много музыкальныхъ людей по цѣломъ свѣтѣ розшедшихся змыбати можна.

Село купленое Новосѣлки подъ Кальваріевъ надалъ Его Превосходительство Епископъ Іоаннъ Сяѣгурскій съ выше реченнымъ обовязкомъ року 1841 Высокопреподобной капитулѣ гр. к. Перемышской, а грамоту на пергаментѣ писану въ книгахъ п. к. табулѣ краевой во Львовѣ интабуловати повелѣлъ. — Отожь существуетъ заведеніе пѣвческо-музыкальное при церкви престольной гр. к. въ Перемышляхъ, назначеное до того, абы въ народѣ рускомъ пѣніе музыкальное роскоренити. Красное воистину заведеніе, но видко, же еще не на часѣ, бо до нынѣ не выйшолъ изъ него жаденъ питомецъ, который бы въ музыкальнѣмъ пѣнію науки удѣлти здобный былъ, — и коли тое наступитъ, годѣ предвидѣти. — Первымъ учителемъ музыкального пѣнія въ реченомъ заведенію былъ Винкентій Серсавы, Директоръ хору, плаченый изъ особенного фонду, Его Превосходительствомъ Епископомъ Іоанномъ Сяѣгурскимъ въ тестаментѣ легованого. — По смерти тогожь учителя спровадженъ зѣсталъ зъ Чехіи на учителя музыкального пѣнія и Директора хору Г. Люввикъ Седлякъ, подѣ которого правленіемъ въ заведенію пѣвческо-учительскомъ жаденъ питомецъ ничего не научилси, а хоръ такъ подѣупалъ, же зъ давного ани тѣмъ не осталась!

На конецъ должно и тое извѣститися, о силѣ черезъ реченное заведеніе пѣніе музыкальное въ народѣ рускомъ въ Галичинѣ розпространилося; бо изъ школы Алоісія Нанкого выйшли не только такіи лица, котрымъ здѣбными суть науку музыкального пѣнія удѣлти, но и такіи, котрымъ чисто-музыкальными сочиненія писали и пишуть. — Первая отрасль музыкального пѣнія повстала въ бурѣ Института Ставропигійского во Львовѣ, занесена тамъ Яковомъ Нероновичемъ изъ школы Перемышской; но тая до нынѣ не зацвила въ полнѣ, зъ чого оказуесть, же правдивого замилованья недостае. — Вторая отрасль тогожь пѣнія явилася въ Черновцахъ въ року 1835, занесена

гамъ Іоанномъ Хрисостомомъ Сѣнкевичемъ, бывшимъ ученикомъ и краснопѣвцемъ школы Перемыской. Тая отрасль скоро и красно зацвѣла, но по отшествію основателя згасла. — Третья отрасль тогожъ пѣнія, зацеплена Іосифомъ Лѣвицкимъ зъ Болшева, зачала отъ року 1835 красно процвѣтати въ Сѣменищи г. к. во Львовѣ. Найрѣвнѣйшимъ управителемъ ей былъ І. Хр. Сѣнкевичъ, питомецъ тогожъ Сѣменща. Тая отрасль до нынѣ красно и полно процвѣтае и ограничилась на мужескіи голоса. — Тая, здаець, не згасне, бо цвите черезъ замилованье. — Четверта отрасль того пѣнія явилась въ Самборѣ, зацепилъ ю тамъ І. Скобельскій катехитъ, и тая красно цвите. — Бѣльше дасть Богъ!

М. В. зъ М.

Приѣчаніе. Прекрасную сію статью дополнилъ тѣмъ, что о пѣнію нашею церковномъ писалъ Іосифъ Лѣвицкій (изъ Болшева) въ Зорѣ Гал. 1852 ч. 33 и 34., и тогожъ тезоименникъ бывшій профессоръ повѣстлялъ розправку въ Перемышляннѣ 1853 стор. 81, въ которой признаець не малая заслуга въ развитію музикальнаго церковного пѣнія я самому автору предлежащей статьи и отдаець принадлежащая признательность его музикальному таланту. Впрочемъ повторяемъ приснопамятныи слова, которыми заключилъ проф. Лѣвицкій свою статью: „Найже буде честь и слава покоящемуся праху бл. п. Іоанна Сигѣурскаго емискола, которого духъ радуець тилъ полезнымъ и славнымъ Христіанскимъ дѣломъ такъ, якъ за житія николи безъ тихъ пѣвчихъ не малъ Олѣ въ каплиці палаты Службы Божой, радъ ихъ слухалъ и не жаловалъ выдатковъ до заохоченія студентовъ ко пѣнію и удержаня цѣлого заведенія, о чьемъ въ своей духовной грамотѣ тямилъ и на 'то заслужилъ, щобы ина отъ рода въ родъ передавалось.“

Пр. Н. О. Г.

О ПОТРЕБѢ УЛУЧШЕНІЯ ШКОЛЪ НАРОДНЫХЪ ВЪ УГОРЦИНѢ.

I.

Съ взоромъ школъ народныхъ.

Познати каждый повиненъ, что народы просвѣщенные суть счастливыми, нежели въ слѣпотѣ пребывающимъ, послѣдніи бо суть токмо тягаромъ сполечности людской. Просвѣщенному что природа утаила, то разумъ нагородитъ; на тое намъ служагъ примѣры иныхъ народовъ образованныхъ, которые животъ легко проводятъ.

Что просвѣщенье народа нашего вѣрного, такъ за-долго мгла прикрито держала, тому головною причиною были панове, которые за часовъ паньщины, за часовъ владѣнія надъ бѣдными подданными прѣдъ р. 1848, когда всѣ средства и способы къ поднесенію обще-народного роздѣтанья въ ихъ рукахъ были, всѣ усилія на тое звертали, абы корчмы свѣтились, про добытокъ мѣрній; слѣдственно съ-отси наслѣдовало жалобное невѣжество на-

рода такъ смиренного и спокойного. Но слава да будетъ Богу Всемогущему, корчмы уже начинаютъ упадати, а школы изъ дня на день двигаются, ибо сила Бога тьму розогнала, искра образованія начала сіяти — жарится, — и величественно жизнь народная продерается.

Время такъ счастливое всѣми силами всягда воспріятое есть, такъ и у нашей Пряшевской Епархіи числячой сверхъ 142,230 душъ, якъ тое Шематизмъ указуе, находилося р. 1861 школъ парохіальныхъ 203, и посѣщало школы 10,858 дѣтей, но по правдѣ сказати, четвертая часть дѣтей лишь въ Шематизмѣ выказанныхъ школы тѣи посѣщала. Хотяи что-мѣсячно распоряженія отъ власти церковной и свѣтской въ дѣлѣ такъ важномъ присылаются, но сіи черниломъ на бѣломъ папѣрѣ начертанны спочиваютъ. Едине В. Спизская, Боршодская и Черегадская долина можетъ ся прославляти, что успѣхъ школьный хвалы достоинъ.

И на початку школьного сего года головнымъ администр. жупаномъ Шариской еполицы возбудительными распоряженія въ дѣлѣ школьномъ есмы получили, которыи чрезъ судію походного (Орсадского) Г. Іоанна Завадского были народу сердечно предложены, точно выяснены и наложены, и надѣмся что честнѣйшій сей мужъ, своимъ благимъ поступованіемъ постелитъ намъ дорогу ведущую къ просвѣщенію.

Въ нашей епархіи Пряшевской станъ пѣвческій съ учительскимъ по большей части споеный есть, и то про бѣдность народа; платня таже учительская съ пѣвческою споена есть досыть довольна. Якъ пѣвци посѣдають грунта, имѣють штолу, побирають всыпку въ зернѣ и пр. А учителяства платня по разположенію Вышному мае выносити выше 100 зл. в. а. цѣнности, что если такъ не вынаходжается, мае подвиситися, но надѣмся, что то легко дасть ся завести. Нашъ народъ рускій есть дуже наклонный къ доброму, послушный, только лемъ най видитъ успѣхъ на своемъ бѣдномъ дѣтятку, и готовый придати что нужно, но жаль не малый, успѣха такъ тѣлающого не видимъ.

II.

Прочто успѣхъ школъ народныхъ недовольный.

Занедбаніе школъ народныхъ произходитъ изъ того, что школъ домо-строительство по большой части еще непорядное, несогласное требованіямъ, ибо громады самій безъ надзору, безъ пляну дома такъ великой важности строятъ. Между прочими сталося и въ моемъ приходствѣ р. 1856 еще предомною, что громада имѣла выставити домъ школьный, то по в. разположенію имѣвстила уряднику бецирковому, и по опредѣленію сего, высланный былъ архитекторъ, который съ великими крочайми перешолся по назначенной площадцѣ, и незадолго воскликнулъ: „туй маесть стояти.“ Съ тымъ стиснулъ гроши и отойшолъ въ своя-си. Громада сему ся непротивила, ибо по волѣ

могла дѣлать, что какъ сдѣлала, выясненія и описанія не потребуетъ. Гдѣ-куда и комора на школу обернута. Также братья узнавайте, что въ непорядно строеной комнатѣ школьной порядокъ удерживати за тяжко и невозможно, а безъ и при непорядку духъ охотности слабѣетъ; сего ради при такъ важномъ дѣлѣ строенія не жалуйте накладовъ вашихъ, и познавши лучшее подражайте искусѣйшимъ къ сему.

Не имѣемъ школьныя комнаты убранны, снабжены способными лавицами, столѣцами и всѣмъ нужнымъ снарядамъ. За 12. годовъ прешедшихъ легко далось воставити столпы выше и ниже веси съ вкуснымъ помалеваніемъ, запроваджено новыя печати, лавицы громадскія и пр. о что ани насъ ся не просили и можно не знали, ци потребуемо, и то все устроено у одного ремесленника, значнымъ накладомъ громадскимъ. Но сипцевыхъ знаковъ съ взоромъ школѣ народныхъ лишь на папирѣ оставили по себѣ. Нужно тоже въ семъ дѣлѣ не спуститися цѣлкомъ на громаду, которая звычайно при сипцевой нуждѣ съ одной доски склѣтитъ столѣ, а съ другой лавицу, но где сипцевая нужда заносуется, не просящися и насъ найподобнѣйше есть походямому уряднику заказать у одного ремесленника нужная, и со всѣмъ ладнѣйше прійдетъ и припровадитя.

Занедбаніе сіе и изъ того происходитъ, что годъ школьный не вразъ зачинаемъ и заключаемъ; одни зачинаютъ отъ Покровъ Пресв. Богородицы, други отъ св. Михаила Архистратига, где куда и отъ праздника св. Отца Николая; случается, что еще по празд. св. Отца Николая выпрошается учитель отъ своего друга: „пріятелю, ци вже зачинаешъ учить?“ Аще такъ дѣлать будемо, то воистину другій Вавель настанетъ, ибо народъ поколотится. Наслѣдујме мы В. Спижскаго деканата упорядкованья, и на истѣ стрѣгимося на благой дорожѣ. На послѣдокъ: — Причина еще заедно бракъ силъ учительскихъ. Кромѣ того на сколько станѣ пѣвческій съ учительскимъ спомыи есть, старыи даки званіемъ на ученіе неполиканы, аки насліемъ, нуждою на исполненіе ученія притѣсненіи учать, — но что дѣлать? где молодой вѣкъ утратили, на старость отдалити то грѣхъ и не пристойно, а пенсін и такъ для сипцевыхъ не маемъ. — Къ сему але и молодыи учителя суть непрактичнии еще: все вразъ бы хотѣли налѣяти, на послѣдокъ роздѣютъ, ибо зѣло чватаются, въ такъ але еще значномъ невѣжествѣ нужно дуже острожно и по малѣ въ-передѣ ступати, слѣдственно потребно школу тымъ, которыхъ касается, не нуждою, но волею, постояннымъ надзоромъ удерживати.

III.

Средства къ поднесенію школѣ народныхъ.

Зачѣмъ еще домы школьныи по большой части суть непорядни для удержанія порядку наилучше бы было, чтобъ цѣлкомъ неукимъ равно, а обученнѣйшимъ по полудни приходили до школы, молодежь бо школьна есть значна,

а въ одной комнатѣ порядокъ удержувати за тяжко и едино каждому задосыть учинити не можна кайпаче такъ, где много дѣтей наполнится. — И такъ легко ослабнетъ духъ охотности.

Нужно далѣе, чтобъ и дорослѣйшии порядочно чрезъ цѣлый годъ недѣльниці школы посѣщали, абы доброе сѣмя не задавилоса. Въ моемъ приходствѣ вся молодежь всѣми силами, съ охотою зачинаетъ недѣльную школу посѣщати, и на колька въ чтеніи еще съ большой части суть неукы, то всѣ разомъ и 30 рочніи въ чтеніи упражняются. Чтобъ успѣхъ наслѣдовалъ то конечнѣ нужда заноситъ, къ старенькимъ дякамъ супплентовъ дати, при томъ старенькіи бы еще дышали, а молодой супплентъ бы ся упражнювалъ.

Желательно бы было, чтобъ платня учительства отъ уряду сельскаго судіи походному ся преподала. Громада бо отъ бѣднаго учителя при выплаченію что-то вымагаетъ, непорядно отдаваетъ, учитель але своего сядомагаетъ, съ народомъ про сіе ся грызетъ, слѣдственно неприемность съ того походить, и такъ повага учительская и дерзновеніе, аки найважйѣйшая драгоценность, упадаетъ. — Но и то желательно, чтобъ порядно всѣ вразъ свою платню получили.

Желательно бы было, чтобъ свѣтская власть взоромъ касающихся должностей школьныхъ частѣйше надзирала и порядокъ постояннымъ надзоромъ удержувала, учителей дѣливыхъ укарала, и то не лишь словомъ, но при выплаченію съ платнѣ такъ дѣливого учителя, слушно есть, якъ то и Пресвященнѣйшій Архіерей нашъ расположилъ, грошми карати и до учрежденія вдовическо-сиротскаго препослати. Разнымъ способомъ про неблагодѣтели родителей и дѣтей сдѣлати отвѣчательными.

На всякій але случай потребно, чтобъ священники въ семъ важномъ дѣлѣ просвѣщенія выступили согласно, и съ охотою, сіи бо едине могутъ направить что нужно. — Верховный бо школьный надзиратель токмо можетъ расположити что потребно, и выдати что нужно, но якъ Сенека кажетъ Ер. 6. *Longum iter est per praecepta, breve et efficax per exempla*, таме расположеніе верховнаго надзирателя едине въ селѣ всегда притомный домашній надзиратель, то есть священникъ можетъ народъ и дѣти возбуди волю къ ученію наклонну творити — ученіе порядочное завести — учителей водити и сицевыхъ повагу поднести. На сію должность напоминаетъ Пророкъ Исай 58. I. „Возопій крѣпостію и не пощади, яко трубу возвыси гласъ твой и возвѣсти людемъ мнѣмъ грѣхи ихъ.“

Надъ корыстями, выливающими зъ просвѣщенія, не намѣряю застановитися, одине кедь уважме, что въ день недѣльный народъ при своемъ просвѣщеніи скорѣе къ книжцѣ якъ горѣлицѣ прилѣпится, и таланта въ земли ржавѣти не будутъ, -- то уже можетъ насъ заспокоити и мзда позостанетъ отъ рода въ родъ.

Григорій Бескидь
русскій приходникъ.

Мнѣнье двухъ польскихъ часописей о Украинской Руси.

Изъ золотой Праги.

Народность есть то се величье слово, которе у устахъ каждого чловека звучить, а идея народностей есть звѣздою, котора теперъ мировъ просвѣчуе и ему лучшу будущность звѣщуе. Ся идея не терпять жадныхъ заставъ, жадныхъ межъ нѣ исторіи, нѣ политики, — она вышша надъ исторію, надъ политику, — словомъ, ся идея есть-то найвысше понятие, которе лишень у людскости выробитися змогло! Теперъ побѣдила она всѣ интереса дипломати и торговлѣ, и керуе усѣми справами сѣго свѣта, — и можна сказати, що теперѣшній токъ исторіи иде тымъ шляхомъ, которымъ она справляе. Исторія за теперѣшнихъ временъ характеризується стремлѣньемъ розсыпанныхъ и розбраваныхъ народѣвъ, скупитися у одну народню и политичню цѣлѣсть. Тѣлько-що передъ нашими очима одбувся величній образъ зъединенья Итали у одно крѣпке и независиме государство. Нѣмцѣ хлопчуться, щобъ зобратися у-купу, а якъ бы они не хотѣли розширатися на шотъ Славяницю а передовѣмъ Чехѣвъ и Полякѣвъ, то тогдыбъ кожде славянське серце бажало имъ счастья у тому дѣлѣ. Поляки, которыхъ реминисценціи историчній есть такъ свѣжій, также и Югославине спѣшать до той самой цѣли, и хтожь бы имъ тее за зло взять! — А и мы Русины стремимъ также туды, а хотя теперъ лишень на умѣ маемъ литературню едноту зъ нашими украинскими братьями, то прецѣвъ и намъ мрѣе у далекой далеччинѣ звѣздочка лучшей будущности. И хто намъ вѣзьме се за зло, що мы жиемъ надѣєю? Отже бачите, що усѣ люди наче мурашки на моровищу хлопчуться, одинъ одного перебѣгае и перестигае, щобъ скидувати камѣнь до камѣнця на величню народню будову, на величавый „народный Дѣмъ.“

Каждый, хто помѣчно руку прикладае до того великого дѣла, до прослѣву идеи, у лицѣтворяе людскѣсть, есть ангеломъ-хранителемъ сѣго міру; — но якъ же назвати того, который сѣму святому стремлѣнью подсувае поганій намѣренья, который народамъ, туды стремлящимъ, заступае дорогу, и имъ заставы передъ ногами кладе! Чижь не можна го называти зрадцемъ у очахъ міра, ворогомъ цѣлои людскости?! Такимъ зрадцемъ, такимъ ворогомъ може бути одинъ чловекъ, якъ на пр. деспотъ Запада, а ворогъ сильной Влащины; а знову также и одинъ народъ, выражающій тутъ свою волю черезъ органа публичней опини, черезъ газеты. — Надъ украинською Русью допускається той кривды, становиться ѣи ворогомъ — народъ, котрый кривды одъ другихъ самъ поносить, и помилованья у Европы просить. Изъ неустаннымъ крикомъ: „Польша ажъ по Днѣпро“ пре ѣи зъ цѣлымъ натискомъ моральной силы на украинську Русь, торгається на еи найсвятѣйшую справу, народню едноту, и крае безъ милосердя еи тѣло на

кусивъ, беручи одинъ собѣ, а кидаючи другій на лушъ Москвѣ! По Днѣпро мае нѣбы сягати ихъ историчне право! Яке то право, если оно оперте на утисканью другой народности и на розрыву ей цѣлости? Се не есть историчнимъ правомъ, а скорше историчнею ложью! Що колись-то, по мнѣнчѣному преданію, Болеславъ Хоробрый мечомъ побѣдителя назначивъ на Кіевськѣй брамѣ Польщѣ границѣ и надъ старымъ Днѣпромъ вбивавъ желѣзній стовбы, тожъ теперъ мае наць тою крайною совершитися моральна побѣда, моральний заборъ! Послухаймо, що каже органъ опиніи Полякѣвъ, жиющихъ на галицькѣй Русі, „Dziennik-Literacki“ въ 83. числѣ 1862 г. въ артикулѣ „Moskwa“ (бо що те есть выразомъ публичнѣи опиніи, видко зъ того, що доси не було протесту). Отже каже голубчикъ, що передъ Днѣпромъ не ма Руся, но Польша, а за Днѣпромъ сама погань, татарва, москва!

Не знае, бачите, сердешный, що за Днѣпромъ ще бѣльшъ 8 милл. народа широ руського, такъ справдешнего, якъ ни Подѣльи, Волиній або й на Галичи. Далѣй каже, що: *ustalamy nasze pretensje aż do Dniepru, wbijając słupy granic naszych aż po brzegi tej rzeki.* Соромъ и згадати! Та щежъ вы братчики, не одбудували свою ойчизну, а малюете уже границѣ ажъ по Днѣпро, — та бажаєте чужого добра, чужои батьківщини, одбираючи увесь край по Днѣпро, по которого обомъ сторонамъ розсѣвся украинській народъ, до которого всѣ ручьи его народнѣи жизни сплываються. Якбы вамъ — ляцкии братья, — було пріятно, слыбъ гордый Прусакъ сказавъ: Нѣмеччина по Вислу, бо тамъ живъ явійсь германській народъ, *verschollener Völkerstamm*; Варшава то нѣмецкій городъ (саме якъ тутъ Кіевъ, бо тамъ входить: „*Warschauer Zeitung.*“). — Ще въ давнѣйшомъ артикулѣ: „оавѣтъ Будущности“ кличе „Dziennik lit.“ — а за нимъ и „*Gazeta narodowa*“ у рѣзныхъ мѣсяцяхъ — Москву на кровавый пиръ, щобъ якъ двѣ вороны кинулись на святу Русь, на матѣрь Украину, а кличе побратимовъ: на тобѣ отсю пайку, заднѣпрянську Украину, *gdyż Ukraina zadnieprzańska dobrowolnie do Moskwy przystąpiła*, а менѣ лиши всеньке, що передъ Днѣпромъ. А то для чого? спытаешъ. Отже речеуге тобѣ навѣсный: „*Moskale przebywający na Ukrainie, Podolu i Wołyniu także inaczej nie nazywają tego kraju jak Polszcza*, — *spytasz u chłopa, to on ci odpowie. Polszcza po Dnibr, do Kijowa, a dalij neznaju, ale liudy każut, szczo tam Nimci або i Turczyny, ditko znajeszczo za bida tam sydyt!* — *W prowincjach zabranych przez Moskwę ziemia cała jest w rękach polskich aż po Dniepr, wyjąwszy kilka majątków*“ . . . На тобѣ доказы! Противъ двохъ першихъ не варто й говорити, бо то можуть бути або индивидуальый мнѣнья, або походящи изъ неслѣдлости; але дотыкаючись до третѣго издрогнутися у тобѣ всѣ найсвятѣйшии чувства. Тожъ просвѣщеннй и поступови Ляхи шотають руську землю ажъ по Днѣпро своєю, за-для того, що уся крайна складається лишень изъ польско-шляхотскихъ маєткѣвъ; а що тамъ украинського народа не ма, то рѣчь ясна, бо Русины то

єсть хлопцы, по́ддані, glebae adscripti, а Поляки сущь панами, властителями маєнтко́въ, сущь польскимъ народомъ, которого отчизна тягнеться ажъ по Днѣпро. Правда шяхотеська консеквенція у доводахъ!

Поминемъ плюгавій мнѣнья „Dziennika literackiego“ о идеи Русикизму, поминаемъ его перекручуванья факто́въ, дотычащихъ нашего батька Тараса, — а переступаемъ до мнѣнья иншой польской газеты про украинську Русь „Tygodnika Rozpauńskiego“, котора въ ч. 42 въ артикулѣ по́дъ надписью Aforizma зми́щає тамъ „Rusinów, którzy nigdy Dnieprem gozerwać się nie dadzą, i z tym razem pójdą, co im najwięcej samodzielnosci ofiarować i zabezpieczyć będzie w stanie.“ . . .

Се єсть мнѣнье Поляка, угнетенного нѣмецкимъ элементомъ, а не угнетающаго. Подобье по́ложенья и ситуація выкликує въ нѣмъ зрозумѣнье справи нашої народнѣи єдноты.

До сихъ слóвъ Туг. Розп. не треба богато примѣтокъ, — они говорятъ самі за себе. — Такъ, Панове! Мы нѣколи не дамо розóбрватись Днѣпромъ, а доки ще тѣбе у серця послѣднѣго Русина любовь батько́вщныи и жаръ для народнѣи справы, то доти нехай на скованью выдыше изъ своимъ остатнимъ вздохомъ протестъ противъ Днѣпровыхъ границъ Польши. Л. Л.

МОСКВА И ШИЗМА.

Зъ Галицкого Вольна.

Для якихъ причинъ Поляки чернятъ Русинóвъ, же тѣи тягóтють до Москвы и шизмы, учить исторія, бо политика Поляко́въ нынѣшна — та сама, що и давна.

Въ проектѣ до выкорѣненья обряду греческого зъ року 1717 читаемо (Widok przemocу Бродовича Ч. II. ст. 95.):

Jeżeli całość i bezpieczeństwo państw na wzajemnej funduje się miłości, miłość zaś najszczególniej utrzymana bywa jednością wiary: toć my Polacy chcąc być w swoim ocaleni i ubezpieczeni państwie, o jedność w mieszkańcach wiary z największą starać się mamy i powinniśmy usilnością; że zaś tę jedność w krajach ruskich tak do korony jak i WX. Litew. należących, najbardziej psować zdaje się, ile prostym ludziom obrządków różność, zaczem stany królestwa i każdy w szczególności Polak, jeżeli chce ocalić i ubezpieczyć ojczyznę, ten na siebie włożyć powinien obowiązek, ażeby obrządek grecki, obrządkowi łacińskiemu przeciwny, już to wzgarda, już prześladowaniem, już uciskaniem tenże zachowujących, już innymi, ile być może, najskuteczniejszymi znosił sposobami.

А же тѣи скутечни способы въ 13. обширныхъ пунктахъ выложени, за много бы мѣсця забрали, абы ихъ ту повторити, помѣстимо ту тóлько

ихъ короткій вытязъ, явовый въ повышомъ дѣлѣ стор. 108 и 109, пунктъ 4. находимо:

Szlachtę ruską do żadnych ojczystych urzędów nieprzyrpuszczać; w kompaniach od Rusina stronić; w sąsiedztwie żadnej z nimi przyjaźni nie zabierać; przy Rusinie przytomnym o ruskich zabobonach najwięcej i najobszerniej mówić; — do żadnych usług znaczniejszych, na których mogliby nabierać oświecenia, onych nieprzyrpuszczać; Rusinów majątnych w miastach i miasteczkach przez żydów na przedmieścia wysadzić i powoli przez starostów do pańszczyzny wciągać, a którzy zostaną w mieście, tych od wszelkiej zwierzchności miejskiej i od wszelkiej korzyści odsadzić; — a że Władcykowie i popi na przeszkodzie są, z tych pierwszych zaślepić, żeby nie wiedzieli wszystkiego, a najbardziej biskupi łacińscy mają to z usilnem staraniem wyrabiać, aby Władcyków suffraganami swoimi poczynić, drugich, to jest popów obarczyć w ostatniem niedostatku i w prostocie onych utrzymując, aby nie poznawali ani lud nauczać umieli, że ich obrządki od ojców świętych pochodzą, i nie są zabobonne, familie ich do zwierzchności dworskiej pociągać, dzieci ich przez konstytucję w poddaństwo poddać, Cerkwiom erekcyi (krom kawalka roli, i to bez opisanja i nadania wolności) niedawać, a gdzie są dawnieszere erekcyje, od prezenty znacznego opłacania się bez skrupułu popelnienia symonii (jako mnie, powiada autor projektu, nasi teologowie nauczyli) wymagać; lud ukraiński, podolski i wołyński, który przy swojej obstajac wierze, gotów podjac rebeliją, Tatarom oddać; ani tu sądzić, żeby Moskwa za Rusinami, kiedy już unitami zostali, miała się interesować, których bardziej jak nas nienawidzi i t. d.

Ty кажутъ Панове Поляки: „Росо odświeżać projekt jakiegoś jezuitu, którego sejm nigdy nie potwierdził!“ Мы знаемъ, же сойтъ польскій того проекту не подтвердивъ, але знаемъ также, же онъ мимо того найстараниѣйше бувъ выконуваний, бо слухаймо, що каже далѣ нашъ авторъ:

Wzywamy wszystkich obywatelów województw ruskich, Boga i prawdę kochających, ażali nie w rzeczy samej z biednemi Unitami to wszystko się działo? Azali nie bardzo dawno Biskupi łacińscy Rzymowi się zbyt nie przykrzyli, aby ruskich Biskupów i wszystkich pod swoją jurysdykcję poddać, i biskupów suffraganami swymi porobić? Izali nie świeżo konfederaci Ukrainę i Podole Turczynowi już byli zaprzędali? — Owoż piękny i powabny przykład dla Greków pociągnięcia ich do jedności z kościołem rzymskim! Owoż miłe dla Rusi porównanie duchowieństwa zjednoczonego z duchowieństwem rzymskim we wszystkich prerogatywach i wolnościach! Owoż droga właśnie apostołska rozszerzenia wiary katolickiej takimi środkami, przerabiając ruskich katolików na katolików rzymskich! etc.

Але вернемся до нашего проекту назадъ, — тамъ на концѣ сказано: Tu przy końcu i tę maxymę uważamy, że jako Ruś w swoim zostawiona obrządku lub za oderwaniem się od moskiewskiej szyzmy, lub za powróce-

niem do teje zdała by się grozić upadkiem Polsce, tak gdy ją przemienimy na Rzymian, odbierzemy najprzód nadzieje Moskalom jej odzyskania, potem ściśle z nami złączoną uczynimy Moskwie nieprzyjaźną.

Отожь де укryвается причина гоненія и черненія обряду греческого, въ цѣли латинизованья а властиве колонизованья Русинѡвъ. Для того то Ѳеодосій Бродовичъ, Архи-Презвитеръ гр. к. капитулы Луцкой, въ своихъ увагахъ р. 1789 (Widok przemocy Ч. II. ст. 50) пише:

Wiedz o tem zjednoczony Rusinie, a w kraju twoim do użycia praw, swobod, prerogatyw na zawsze oddalony, że próżno wysilasz się na okaza- nie wierności, posłuszeństwa twego, próżno na dowód w Unii wytrwania cd- dajesz się w niewolę, i gotów jesteś nie tylko majątek, ale i życie tracić; nie będziesz wierzonym nigdy! Los twój zawsze jest smutny. Polak cię prze- śladować będzie w tem uprzedzeniu, żeś przychylny Moskwie.

Такъ правдиве смутна есть доля наша! Унія намъ не помагае, аиъ насъ хоронитъ, бо тои Полякамъ не потреба; хотять они, абысьмо вѣроломне зрадили народовость нашу, и стали Поляками, инакше вѣры намъ не дасться.

Поляки завсе насъ оскаржати будутъ передъ тронѡмъ Монарха, же мы сприяемъ Москвѣ, — а передъ тронѡмъ святѣйшого Отца, жесьмо прихильни Шизмѣ.

Хотяиъ Поляки на тыхъ подставахъ сильной Польщи не уфундували, и противно черезъ гоненія Русинѡвъ выкликали домовыи войны, которы до обаленія Польщи причинилися; однако мудрость ихъ политична та сама нынѣ, що и перше, особливо теперъ, де Польшу въ давныхъ границяхъ будо- вати замышляють — хотячи на ново въ очахъ Европы заяснѣти народѡмъ 20- миллионовою. А же въ тыхъ границяхъ 15 миллионѡвъ мешкае Русинѡвъ, межи которыми и Русь Червона або Галицка, Польщи неприхильна, есть положенна, потреба ю оскаржати въ Вѣдню и въ Римѣ о склонность до Москвы и Шизмы, абы тымъ способомъ Русины, не найшовши вѣры иъ охороны, тымъ лекше на ласку Полякамъ були оставлени.

Поляки хвалятса, що они були ширителями вѣры кат. на Востоцѣ, но исторія учитъ противне. Польша завше, ажъ въ року 1553, соединенію Москвы съ Римѡмъ всѣма силами сопротивлялася, абы зъ той Уніи сама не отнесла шкды, абы Москва соединенна тымъ декше Малої Руси не загорнула.

Зъ того явно, що Польша не вѣру кае., иъ Унію на Востоцѣ не вспо- магага, але подъ плащемъ вѣры, а наветь со шкодою с. Уніи, тѡлько вла- свое добро передъ очима мала и мѣе. Зъ-ѡтси походили и походятъ донесенія и черненія Русинѡвъ, абы тии въ такій способъ позбавлени були ласки В. Правительства Австрійского и с. Престола Римского.

Икакъ зъ того для насъ наука? Ото робѣмъ свое, бо Полякѡвъ не пе- реконаемо. Хотяиъ вѣдомо есть, же гражданкою бѡльше 100 лѣтъ на передъ аруковано книги въ Венеци, Стритинѣ и т. д., нежели въ Россіи; — хо-

тій Петро Великій пославъ въ р. 1701 молодыхъ людей до Малої Руси до Кіева, абы ся тїя тамъ учили штуки друкарской цырилкою и гражданкою; хотїи пише Lelewel (Dzieje Litwy i Rusi str. 170): Kancellaria jagellońska uformowała piękny ruski skoropis, i pisała nim więcej niż językiem polskim, Поляки кричати не перестануть, же то друкъ и письмо московскє, бо такъ имъ потреба.

Понеже наша рѣчь справедлива, то намъ здавалося, же мы Полякѡвъ переконати мусимо; такъ не есть, бо Поляки правды не шукають, они вы-находятъ фалши, перекручуютъ исторїю, абы на ихъ стало. То зоставмо ихъ, а за тее обернѣмо силы наши на освѣту народа, бо де освѣта, тамъ и почувте народове легко ся будить. Народовость може бути притглуменна черезъ терроризмъ посредствомъ темноты, але тымъ сильнѣйше ся обудить, коли народъ прїйде до освѣты, и пѡзнае себе, хто ѡнъ есть, и чимъ бути може и повиненъ. Абы тое легше осягнути, треба на теперь чуже залишити а увагу звернути на все, що свое — землю, исторїю, обрядъ.

У насъ противне, мало дѣеся для народа, шкѡль або не ма, або де суть, не отповѣдають потребѣ, бо служатъ яко средство для науки нѣмецкого языка, — не ма стосовной газеты, якъ то були 1861 року „Додатки до Слова“, за которыми вже неразъ горячо промовляно; — народъ спить, для того Поляки не тратятъ надѣи, же прїйде часъ, де слабой руской партїи заспѣвають Requiescat in pace.

Ту еще мѡгъ бы хто запыгати: Для чого Поляки такъ радо съ нами починають диспуты политични, коли не шукають правды? Ото для того, чи бы имъ не удалось кого зъ нашихъ на свою сторону перетягнути, а въ найгѡршѡмъ разѣ абы насъ выбадати. Ту часто, або не могучись оперти силѣ аргументѡвъ, здаются потакувати, — намъ здаеся, жесьмо ихъ переконали, але де-тамъ; — зачепимо ихъ завтра, а они тотъ сами, що були вчера — бо у нихъ тѡлько Польша на гадцѣ. Отожъ у насъ найъ буде передовѣстѣмъ на оку освѣта народа.

Ст. К.

КОРОТКІЙ ОПИСЬ

МОНАСТЫРЯ МАРІЯ - ПОВЧАНСКОГО,

Чина СС. Василя В.

(въ Угріи.)

Въ восточной части комитата Саболчанского на песчаныхъ равнинахъ лежитъ мѣстечко Марїя-Повчъ съ 820 жителями, которое славнымъ чинить великій монастырь и церковь ОО. Василяновъ, и пять ежерочно лутъ дер-

жаемы отпущы. Два суть рускии на празникъ Успенія и Рождества Пр. Богородицы, а три латинскіи на латинское Успеніе, Рождество и имя Маріи. Сборъ народа есть великій, 15 — 20 тысящ горнется изъ разныхъ сторонъ Угорщины толпами, множество Русиновъ, Словаковъ, Мадяровъ и Нѣмцевъ, ба навѣтъ и изъ Семиграда та Банату прибываютъ Армяне. Побудкою сего великанского богомольного стеченія есть преимущественно чудотворна икона Пр. Богородицы, о которой на самомъ передѣ пристойтъ розповѣсти:

Лѣта 1715. м. Августа 1. 2. и 5. по новому численію (по ветхому же 21. 22. 25. Юлія), находящаяся тогда въ парохіальной деревяной церкви на мѣстна икона Пр. Дѣвы Маріи, чудовнымъ Божиимъ промысломъ слезы источала. — Икона сія въ новой нынѣ уже Монастырской церкви надъ царскими вратами на иконостасѣ поставлена называется второю; по причинѣ, зане изображена есть по образцу первой, въ томже храмѣ Повчанскомъ г. 1696 въ м. Ноембрѣ за 14 дней слезившой, и послѣ до Вѣднѣ подъ Леополдомъ І. отнесенной, и тамо въ соборномъ храмѣ С. Первомученика Стефана (где и до днесь находится на великомъ престолѣ) на почитаніе выставленной.

Дотычно второй чудотворной иконы: якъ скоро вѣсть о слезѣннй ей дошла въ слухъ Епископа Ягерского, тогдашнего Преосв. Гавріила Антонія графа Ердабля de Монуго-kerék (которому тогда епископы Мукачевскіи яко обрядовымъ намѣстники подчиненіи были), то сей вскорѣ отъ двоихъ канониковъ, именно же Іоанна Кишшъ, Архипресвитера капитулы, и Іоанна Антонія Кишшъ, чтеца-каноника, на мѣсто, учиненія ради порядочного изслѣдованія, высладеъ. На самъ передъ взято подъ вопросъ Михаила Паппъ, тогдашнего Пароха Повчанского 27-лѣтнего, и его пѣвца Іоанна Молнаръ 28-лѣтнего, которіи подъ присягою, — дѣлу тако, безъ всякой лести и обмана случитися, — исповѣли. Подъ присягу якъ очевидны случая взятіи были еще многіи разного вѣроисповѣданія, пола и возраста люде, числомъ 15, которыи всѣ случай приписовали чуду самого Бога, въ слѣдствіе чего Епископъ Ягерскій, своимъ писаніемъ зъ дня 19. Септембрія г. 1715. къ Георгію Бизанцію, пароху Калловскому и генеральному викарію клира и народа руского (а поздѣйше епископу) — помянуту чудотворну икону Пр. Богородицы на народное почитаніе въ церкви Повчанской выставити повелѣлъ.

Произведену сущу сему Георгію Бизанцію слѣдующого 1716 г. въ Епископа Мукачевского, сталъ ояъ г. 1731 будовати велику теперѣшню церковь изъ пеголъ, которую продолжалъ Симеонъ Олшавскій и Гавріилъ Блажовскій, а докончилъ Мануилъ Олшавскій г. 1756, якъ то явно и изъ хроностикона, вырубанного на камени великихъ дверей церковныхъ, зъ которого доказуются роки 1731 и 1756.

Видъ ей ни округлый ни четырехугольный, только на серединѣ крестообразно зъ двохъ боковъ подносятся двѣ вполѣ округлыи ронделлы, на верху которыхъ двѣ вежи. Фронтъ будучи дуже широкимъ, здается же, три церкви

въ одно споены; долгота церкви 138 стопъ а ширина 31, дверь суть три, отъ юга, запада и сѣвера. Подъ дверями отъ юга почиваютъ земныи останки покойного Епископа Мануила Олшавского († 1767) въ особенной криптѣ. Въ ризницѣ сохраняются еще два его фелоны. Подъ церковію рѣзлагается пространна крипта, но котора замурована. Храмъ церкви есть дня 8. Новембра на соборъ св. Арх. Михаила. Живописаніе иконостаса началось года 1785. а докончено 1788, незнати кѣмъ, а особливо 4 намѣстни образы Спаса, Богородицы, Михаила и Николая своею искусственностію звертають на себе увѣзгу знатока, такъ само и фреско на склепованію. Олтарей есть 8, шкода только, что великій олтарь не по восточному обряду устроенъ.

По иконостасѣ видимыи суть численныи знаки разныхъ частей тѣла, руки, ноги и пр., выдѣланныи изъ серебра и обще называемыи „уотцъ“, подарованыи людьми, получившими ходатайствомъ Пр. Богородицы изцѣленіе болящихъ дотычныхъ удовъ. Яко достопамятность позираются у сѣверныхъ дверей на стѣнѣ висящии желѣзныи пута, о которыхъ преданіе каже, что колись въ отпустовое время два спутанныи вязиѣ изъ Калловской вязницѣ, подъ надзоромъ гайдука, прійшли отъ богомольцевъ на часть своихъ несчастныхъ содруговъ просити милостыню, и зъ одного яко невинного — коли сей молился предъ иконою — мали спасти пута сіи.

Церковь есть о 5 вежей; двѣ большіи, а три меньшіи. Л. 1833 высокой покровъ двоихъ переднихъ вежей про обветшалость сталъ упаденіемъ грозити, прото предѣохраненія ради небезпеченства, приближающимся отпустамъ збурено высокіи верхи, и покрыто довременнымъ дашкомъ. Слѣдующого, 1834 г. было землетрясеніе, въ слѣдствіе чего церковь на многихъ мѣстахъ попукалася, а особливо склепованье утерило много; изъ пятой вежи упалъ тогда и крестъ. Неоткладно стягли розпуклины пантами, и церковь въ такомъ состояніи перебыла ажъ до г. 1856. Сего сирѣчь 1856 года подъ игуменствомъ Манассіи Гармалій началось отбудованіе двоихъ переднихъ вежей чрезъ архитектора Іосифа Маіоръ. Муръ поднято выше о 4 сяжни, и верхъ одинадцати-сяжневый покрыто бляхою, такъ что высота обонхъ переднихъ вежей съ крестомъ выноситъ на 180 стопъ. Подъ игуменствомъ Маеоя Миниты докончилася сія работа, и продолжано покрытія трехъ меншихъ вежей, которіи взято 1862 подъ бляху. Корабъ покрыто гонтами, и всю виѣшность виѣсть съ обводнымъ муромъ обновлено. Будовля сія кончилася иждивеніемъ самого монастыря, которая выноситъ на 25,654 зол. а. в. На задѣ есть еще внутріе церкви, которое также требуетъ якового обновленія, такъ и пр. великій престолъ на форму восточныхъ престоловъ съ балдахиномъ належало бы переправити, иконостасъ обновити, и пр.

Съ церковію соключена есть обитель монаховъ, будовиско четыреугольное о одну поднимку, съ 51 келіями, которое созыдатися почало г. 1749 м. Мая 18. чрезъ Епископа Мануила Олшавского изъ цегодѣ. Угольный ка-

мень положилъ Вл. Г. Димитрій Раць (рускій дворянинъ), Пленипотенціарій добръ гр. Каролія de Nagy - Karoly. Будовля провадилася безъ всякихъ перепонъ до года 1751, въ которое время повстали нѣкоторые тяжести отъ части латинниковъ, о которыхъ обширнѣе пишетъ Іоанникій Базилевичъ Протоигуменъ въ своей исторіи: *Brevis notitia foundationis Koriathovitsianae*, pars III. cap. 1. pag. 13. — Однако Епископъ Мануиль и симъ вскорѣ заповѣгъ. Первыи иноки Чина св. Василія запровадженіи помянутымъ Владыкою до Повчи, жили прежде за три лѣта въ парохіальномъ домѣ, а г. 1753 перенеслися до новой обители. Имена ихъ суть: О. Іоанникій Скрипка, Игуменъ, — Леонтій Староста, Духовникъ, — Антоній Смолько, Администраторъ парохіи, — Бонифацій Грецула, — Амвросій Телепчикъ, Діаконъ.

Дѣло сооруженія обители довершилъ реченный Димитрій Раць, записавши на сію цѣль 14 тысячъ флореновъ. Сей ревный Русинъ збудовалъ своимъ вкладомъ и Мукачевскій монастырь, лишивши и на церковь тогоже значну суму грошей.

Графъ Каролій на выposaженіе монаховъ Повчанскихъ, яко властитель сего села, передалъ всю свою посѣдность, которая чрезъ разныи церемвни перейшла; теперь по отбывшейся г. 1844 коммассаціи имѣніе монастыря состоитъ изъ 1083 морговъ (hold) земли, съ половиною доходовъ регальныхъ.

Стараніемъ иноковъ г. 1819 поднесено село Повчъ на степень града съ придаткомъ отъ здѣшней иконы Пр. Д. Маріи: „Марія - Повчъ,“ и данно свободимость на держаніе 4 ярмарковъ у роцѣ.

По выразному желанію графа основателя обязаиіи здѣшнии иноки бесплатно двѣ нормальнии класы учить, хотя теченіемъ времени заведено больше. Подъ давнымъ системомъ существовали обокъ нормальныхъ и двѣ грамматикальнии класы. Теперь же есть головное нормальное училище о 4 класы, и пѣвче-учительска предъуготовни, для мадыро-рускихъ приходовъ Епархіи Мукачевской, на которомъ послѣднемъ предписанніи предметы преподаваются не только на мадырскомъ, но и на рускомъ азыцѣ, бо прихотыгъ ту и рускн молодцѣ изъ Берегу, Угочи и Мармароша. Чинъ содержитъ училища сіи на собственномъ иждивеніи. — Наконецъ въ семъ монастыри имѣеть чинъ св. Василія угорской провинціи сѣменише Св. Богословія съ двома профессорами - иноками, на которомъ предметы богословскіи выкладываются въ азыцѣ рускомъ.

Антоній Кралищкій.

КОНКЛАВА

Подъ тымъ надписомъ сообшилъ Др. Е. Брехеръ Вѣденской часописи III. Haus und Familienbuch Heft 17, 1862 статью, якъ самъ каже, въ таку пору, коли о здоровью Е. Св. Папы римского все и все носится безпокои-
Ч. II. 20

тельна чутка, такъ що въ послѣдній часъ доносили о близкой сумной катастрофѣ и о предпринятыхъ въ Ватиканѣ мѣрахъ; впрочемъ додае, що сама старость уже недугъ небезпечный, для того о „конклавѣ“ (т. е. о соборѣ кардиналовъ для выбору папы) сообщае подробности, которы перенялъ отъ одного авторитету, що побывалъ въ Римѣ тогда, якъ Пія IX. выбирали въ папы; еще же додае, що нѣкоторые погляды въ той статіи походятъ лише отъ особы упомянутого авторитету, но Др. Е. Брехеръ перемѣнилъ ихъ такъ що до вида якъ и до выраженія.

Ты подробности займутъ и нашего читателя. Чей мы положили великую, а майже единую надѣю на Его Святость Папу Пія IX. во власной нашей церковной справѣ; а еще же тую надѣю самъ Его Святость подкормилъ послѣднимъ своимъ Бревемъ; такъ намъ лачно ожидать какой перемѣны на римскомъ престолѣ, бо кто знае, зъ какой стороны тогда бы напоръ перемогъ? Ино бы намъ тую статію справно перевести, а тутъ дѣло непорядное, бо треба переводити майже дословно; отже где-кто изъ нашихъ эстетиковъ выбачитъ, если погрѣшимо противъ складу русской рѣчи и неволею потелепеаемъ деликатнымъ ихъ ухомъ.

Напередъ говорится въ той статіи, що въ первыхъ трехъ столѣтіяхъ христіанской поры избирали папу: собранное духовенство и весь приотмный народъ.*) Избранный папа платилъ каждочасному владѣтелю Рима „таксу инсталлаційну“, котора не борше якъ за папы Григорія VII, по упокоренію цѣсаря Гейнриха IV, зовсѣмъ устала.

Уже 1179 р. за Александра III. установлено на Латеранскомъ соборѣ, чтобы папу избирали кардиналы, чтобы избранный папа самъ побывалъ перше кардиналомъ, и що съ конклавою не вольно сообщатись ни писемно ни устно.

Въ сто лѣтъ потомъ (1274 р.) установилъ Григорій X. на Ліонскомъ соборѣ, що конклависты должны отъособнени быти въ окремихъ коморкахъ; и такъ буллами позвѣвшихъ папъ подѣлано инчіи установы, заприсяженье кардиналовъ, приписано способъ, якъ отдавати голоса на карткахъ и т. п., доки способъ выбора не набралъ нмѣшного вида.

Черезъ девять дней и девять ночей звонятъ у великій звонъ капительный, который дае знати о смерти папы Римлянамъ и всему христіанству. Въ тую девяти-дневную жалобу (жалобны ноны) молятся, отпѣвуютъ псалтырь и гонятся за — чисто свѣтскими орудками. Театръ, суды, училище затворени; бо скоро папа умре, кончится всякій урядъ, застоиваеся всякое публичное дѣло и устаетъ всяка публична забава.

*) „De plebis quae tunc adfuit suffragio et sacerdotum antiquorum et bonorum virorum collegio (Cyprian).“

Теократическое владычество переходит назад до св. Коллегии и до поры, коли оно въ полнѣ не соберется; доки конклава не распочнется, то кардиналъ-коморничій (Camerlengo) будьто голова царства, онъ дочасовый правитель, ба онъ бѣе даже монету со своимъ именемъ и знакомъ (гербомъ), и якъ кажутъ, не одна Еминенція похѣсновала отъ такой одноднюшки (ефсмерного владычїя).

Смерть папы надае и римскому народови якоесь право до владычества, именно народъ въ правѣ вооружитись, однако тое вооруженье народа зовѣмъ безъ значенїя, оно бездѣльное и безцѣнное: справдешна забавочка. Скоро по смерти св. Отца, скликують „хоронители римского народа“ Совѣтъ Ста на капитоль; подъ ихъ предсѣдательствомъ вербують около 200 мужа, дуже преданныхъ Ватиканови, строятъ зъ нихъ компанїю и надають имъ капитана зъ помежи найзнакомитшой дворянской родины римской. Прапороносца именуе самъ Камерленго. Чоловна квартира того зовѣмъ невоенного войска въ самомъ капитоли; она розставляе въ 14 округахъ Рима свою стражу, кругляе по мѣстѣ въ день и въ ночи и стереже Гетто и мосты; мостъ же архангелскїй стереже по давной привилеи княжескїй домъ Маттеевъ, который къ той цѣли ставитъ на томъ мостѣ купку людей въ своей либерїи. Вотъ, такое теперь вооруженье римского народа.

За полицейскими дѣлами смотритъ (а лучше кажется що смѣтритъ) Сенаторъ Рима и Капрїоны, которые во всю пору конклавы у воротъ своего дому выставляють церковну хоругвь въ знакъ ихъ — ничества. Бо всё то ино показъ для ока: капрїонїй (начальникъ округа) въ самомъ дѣлѣ меньше значить нежели полицейскїй комисарь, а Сенаторъ Рима словно хинска тѣнь. Еще въ середномъ вѣку игралъ тотъ дѣдичъ древнихъ *patres conscripti* велику ролю. Яко напередовникъ и диктаторъ народа былъ онъ бѣльше трибуномъ якъ сенаторомъ, а память *Brancaleone d'Andolf'ia*, который розорилъ богато замковъ и такъ дуже много отбилъ упорныхъ головъ дворянскихъ, носилась догго въ сердцахъ римского народа полна любви и вѣдки, межъ тѣмъ якъ дворянство вспомицало его имя ино ненавистно и съ перепудомъ. Потомъ однако за каждымъ столѣтїемъ все и все бѣльше менчилось значенїе сенатора, и мимо его золотистого убранства, мимо золотого ланцуха и слонно-костяной булавы, тотъ найвысшїй чинъ вѣчного города теперь ино простый Едилъ, що въ карнавалѣ распочинае конское бѣганье. Однакъ и такъ подтята тога не достаеся кому низшому якъ ино якому римскому князеви; его сѣдалище все еще на капитоли, а его три адъюнкты, также пышно прїодѣты, гордятся упомянутымъ титуломъ „хоронители римского народа.“

Ну, отже папа, сталося, мертвый; тая дально-голосна чутка напрасно розбудила задревнѣлый Римъ зъ его сну и сильно подрулила тую заушершу машину. Розшамотанъ зъ оспалости, поднялся отразу весь народъ на ноги.

Однако было то чино пусте орудованье, безъ дѣла, безъ цѣли. Люди ходили и повертали, громадами ставали по публичныхъ площинахъ: народъ, князь, черицы, купцы, Англички, Французы, Австрійцы, зашьшь всякого стану, всякого народу.

Про умершого папу, которого тѣло еще зовсѣмъ не похолодѣло, чино мало гадали люди, а якъ желѣзо наворачтае къ магнету, такъ у всѣхъ наворачтали гадки, подколени желаніями, пустолюбіемъ и ожиданіями всякого рода, на нового, на будущего папу.

И такъ на публичныхъ улицахъ стало обрадовати множество конклавъ; тутъ вамъ нарекли и скасовали хоть 20 папъ; якъ при картахъ або про яку англійску кандыбу бьются объ закладъ, такъ тутъ, на перекоръ булламъ Нія IX. ишли о закладъ про того або инчого кардинала, а тысячи ривализующихъ партій клопотались, щобы збагнути глубину того бесѣдливого моря и выхосновати про свои цѣли; Санфедисты, революціонисты, всѣ заграничныи посланники, всѣ партіи орудуютъ тутки черезъ своихъ агентѡвъ, которыи лѣзутъ собѣ въ дорогу, гаесь-кудась ударять себе носами, та розставляють лапанки, а знаючи, якъ хитро замасковати свою засѣдку, загартають толпы невидимыми сѣтями.

Такій характеръ публичныхъ площадей въ Римѣ въ тую пору межипарства и выбору; но въ Римѣ и по палатахъ иде живо. Такіи сами лапанки, якіи низка дипломатія кладе собѣ по улицахъ, и по салонахъ кладе высока дипломатія. Всѣ Ексцелленціи, всѣ Еминенціи запустили свои загоны, ихъ кареты и ихъ вывѣдовщики въ словномъ смыслѣ переходять собѣ дорогу и бороздятъ по громадахъ людей, которыи предъ ними розступаются, а за ними назадъ засуваются, якъ Червоне море предъ и за Мойсеемъ. Заграничныи посланники то справедливиіи Мойсеи папизма, а дальна звѣзда ѡтъ ихъ дворѡвъ, що уже въ предвѣку ишли за Вилеємскою звѣздою, то огненный столбъ, що въ наши дни веде статокъ св. Петра; бо електорска република въ Ватиканѣ, будьто бы яка новомодна еократична Польша, дѡстае мудре слово зъ Вѣдня, Парижа, Мадриду и Лиссабону.

Жалобныи нони уже покѡнчилися, конклава уже ѡтъ осьми дней якъ распочалася, однако дотеперѣшна еи работа еще дуже мацѣселька. Противныи сторони, добре выладившись, уже попоставали противъ себе, но они еще покуда ипо позѡръ дають, ибркують свои силы, мѣряются окомъ, вѣдь еще не взялися въ запашки; теперъ то еще чино напады на око, чино маленькіи схватки; треба силъ пощадити, якъ прійде до рѣшигельного удару.

Маларія, котора въ горячу пору перелазить докольными стѣны Рима и вникае даже въ резиденцію духовного монарха, загнала тѣмъ разомъ св. Коллегію въ здоровѣйшу и продувнѣйшу квиринальну палату, котора все

гѣднѣ стати побѣчь Ватикана*); однако затарасованія за чегырма досчаными стѣнами своихъ низкихъ и теплыхъ кѣтокъ, не могли св. избиратели ужитковати ни великомъ пространн той величнѣй палаты ни здороваго повѣгря въ величавыхъ еи огородахъ.**)

Затвореныхъ бывае все богато; конклава представляе свѣтъ въ малечнѣй: лекари, хирурги, бородобритвыки, аптекари, камердинеры и пр.; ничего не бракъ; кромѣ того при каждой Еминенціи, для блага тѣла и для спасенія души, есть не ино свѣой секретарь, но также свѣой камердинеръ и свѣой исповѣдникъ.***)

Если конклависты уже разъ затворени, то имъ не вѣольно выходити зъ кѣтокъ; а если выйдугъ, то на того, щобы тамъ бѣльше не вернути, бо переведеный выборъ папы надае имъ назадъ полную свободу. Вступаючи въ конклаву, складае каждый избиратель предписану присягу.

Полиція въ палатѣ поручена высокому свѣтскому офицеру, „маршалкови собора.“ Онъ жѣ въ палатѣ, стереже у себе всѣ ключи, и лише у него одного право отвирати и затвирати кѣтки, у дверей которыхъ стоятъ швейцары на стражи. Первый „хоронитель народа“ подпомагае маршалкови въ его урядовомъ орудованью, отже маршалокъ справедешнѣй перберъ конклавы; его обовязкомъ переглядати каждого, кто ино вступитъ до палаты, ба щодень долженъ зонловати стравы, що идугъ на стѣлъ до каждого кардинала, чи не ма въ нихъ якого письма або билетика, бо стравы для Еминенцій не варятъ на мѣстци, гае собываеь конклава, ино у цекарни въ ихъ палатахъ.

Кождаго дня, въ пору обѣдну, выходятъ слуги кардиналовъ зъ ихъ палатъ. Всѣ стравы вложени въ великой бляшавой, пурпурно намазаной скринци; двое слугъ въ великой либерии съ помпою несугъ ю на ношахъ, также пурпурно намазанныхъ. Напередъ ступае пѣшки двое слугъ съ булавами въ рукахъ, а по задн ѣде парадна карета Еминенціи, за-едно чи сѣдигъ

-
- *) Церковныи уставы дозволяютъ кардиналомъ вызначити мѣстце для конклавы, котора однако найже все собираея въ Ватиканѣ. (Hierarch Eccles.)
 - **) Великии сали въ палатѣ (въ Ватиканѣ напр. sale ducale) перетворяютъ въ рядъ тѣсныхъ кѣтокъ, позбиванныхъ зо-смрекового дерева, 10 стопной пространн; помежи каждою кѣткою находится на $\frac{1}{2}$ стопы пустого мѣстца; зъ каждой кѣтки веде мала лѣзвца въ верхній отдѣлъ, куда помѣщени секретарь и исповѣдникъ каждого властителя кѣтки. Кѣтокъ такъ много, сала конклавистовъ, каждая обозначена числомъ, кардиналы дбстаютъ ихъ собѣ лосани. У каждой кѣтки сверху прибываютъ гербъ властителя, а въ серединѣ обиваютъ стѣны тельно волняною матерією. (Histoire des Conclaves.)
 - ***) Каждый камердинеръ, который съ своимъ господиномъ былъ затворенъ въ конклавъ, дбстае по переведеномъ выборѣ зъ кассы 400 лировъ и кромѣ того въ награду римское мѣщанство безъ таксы. Секретары, найже все сердечнѣйшии повѣренники кардиналовъ и дуже хитрыи, оборотныи пересправки, производятъ дуже часто значительный впливъ на выборъ (Hist. des Conclav)

кто въ ней або нѣтъ. Тыи кардинальскіи кареты съ тяжелою своею пышно-стью — одна изъ особенностей Рима. Карета намазана пурпурно — бо то краска церемоніальна, — а на четырехъ углахъ выстаетъ въ верхъ высока массивна рѣзба, также пурпурно намазана; еще же до того безвкусна груба позолота, гербъ и части за-дуже свѣтова живописна роскраса: то всё бѣльше казить якъ красить тыи кареты.

И такъ въ каждое полудне отбываются по Римѣ тыи готскіи походы, щобы покормити просвѣщенныхъ боякѣвъ. Тыи помпатичныи походы сунуть спокойно улицами и въ процессіи достигаютъ до предсѣнику палаты, въ которой кипитъ борьбою *) Римскій народъ, который, якъ его иреки, дуже любуется въ пышныхъ выставахъ, николи не заспитъ тыи гастрономическіи церемоніи; по улицахъ, куда иде походъ, постаетъ рядами и около полудня массами пхаеся пѣдъ ворота конклавы.

Иначъ церемонія, котора Римлянъ также дуже надить, есть „Фумада.“ А зъ тою фумадю такое дѣло: избиратели идутъ каждого поранку и по полудни на скрутинію (т. е. до отдаванья голосѣвъ); тая формальность повторяется такъ долго, доки которому изъ кандидатѣвъ не дѣстанутся двѣ третины всѣхъ голосѣвъ; по установѣ Александра IV. то число абсолютно потребное, щобы уходити за выбранного папу; доки на скрутиніяхъ не дѣйде до того числа, то поотдавани картки каждого разу палать, а дымъ отъ нихъ пропускають горѣ долгои цѣвки (рурки), на когору Римляне зо двора довольно насмотрятся. Вотъ, то зовеся фумада.**)

Отже о каждой 2. и 5. години пропыхаетъ преогромна масса народа пѣдъ мистеріозну палату; тутъ всѣ очи наворачаются на ону пророческу цѣвку, и каждый, сидучисъ умомъ, тревожно жде, якъ тамъ розрѣшатъ его долю; если цѣвкою выходитъ дымъ, то еще прійде будущій папа пѣдъ выборъ; если же дымъ не выходитъ, то уже по выборѣ.

Такую новохоть тяжко назвати пустолубною и дѣтскою, такъ якъ новохоть за церемоніями кардинальского обѣда. Папское панство, що до его свѣтской правительной формы, все еще абсолютна монархія; для того каж-

*) У головныхъ вѣротъ конклавной палаты зладжены четыре прѣтвѣры, въ которыхъ находятся обертальныи колеса и на тыхъ колесахъ просувають стравы для дотчного кардинала, при чемъ за каждыйъ разѣвъ выкликують имя того кардинала. День и ночь стоитъ тутъ стража, вызначена самымъ маршалкомъ. (Brown.)

**) Формула, котору каждый кардиналъ пише на своей выборовой картоцѣ, така: *Ego eligo in summum pontificem Reverendum Dominum Cardinalem N. N.* (Выбираю въ папы преп. Гна кардинала Нн.) Картку обвиваетъ кардиналъ въ четыре обертки, на верхней пише свое имя и все запечатуетъ. Въ каплицѣ сидятъ избиратели по порядку на лавкахъ и держатъ свои картки въ рукахъ; потожь иде каждый до престола, на которомъ стоитъ чаша, и въ тую чашу мече свою картку. (Hierarchia Eccles.)

дому важно знати, що за особа буде выбрана въ будущего владыку, бо папѣ яко свѣтскому владыцѣ годится еще нынѣ сказати такъ якъ Людовику XIV: „Папство -- то я!“ Онъ стоитъ по-надъ правомъ и самъ онъ живое право; онъ пересмотриваетъ засады, касуе и ничжитъ приговоры, у него даже въ рукахъ право такъ званное *bessenale*.

Побачивши еще до того на сильну побудку интересу и на остре бодило пустолюбія (бо въ Римѣ майже каждый стоитъ въ связи съ якимъ кардиналомъ), то легко поняти, съ якимъ горячковатымъ а тревожнымъ усиленіемъ каждый выщѣряе очи на аугуральну фумаду.

Що же до самыхъ конклависговъ, то держатъ ихъ на мотузку за-дуже короткомъ, чтобы не далося имъ воз наки. Постарѣвшимъ и слабовитымъ тяжко имъ обхолитись безъ выгоды своихъ палатъ, до которой понавыкали, а арештъ стане имъ часомъ такъ невыносный, що, повывставлявши свои чувтливый усики со всею силою своего быстромыслия и намацавши богато докола, наконецъ напрасно согласатся и кинутся на одну злогадку, чтобы лише здылати дѣлу конецъ. Отъ того пошла италіанска пословица: „Папа стане уже тогда, якъ кардиналамъ наувѣрится.“

Внутренній губернаторъ конклавы есть великимъ маршалкомъ (надзирателемъ) палаты. Хотя затворникамъ по апостольскимъ статутамъ сурово заперечено зноситись съ по-за-палатою, таки могутъ они побочными дверьми (*sportello*) принимати визиты: все однако ино въ притомности четырехъ аудиторовъ (*auscoltatori*), которые хотя не на руку, таки въ потребѣ также услужливы, а у нихъ то обовязкомъ контролевати що кто говоритъ словомъ або лицемъ.

Особливый вступъ дозволенный посланникамъ заграничныхъ царствъ; понеже всѣ они черезъ смерть папы уходятъ за фактично откликанныхъ, то одинъ по другомъ съ помпою являеся, чтобы передати свое свѣже довѣрне письмо. Маршалокъ конклавы (маршалокъ церковный) вводитъ ихъ въ аудіенціональную салю и тутъ передаютъ они свою кредитиву Кардинал-коморничому и тремъ кардиналамъ — ореновымъ верховникамъ (*Ordensobere*), которые занимаютъ ихъ принатиемъ. Ексцелленци (посланики) пастають на колѣна, а Емиенци стоятъ на ногахъ съ накрытыми головами, для того, бо, коли помежи ними въ ту хвилю находится будущій папа, кардиналы въ ту хвилю представляютъ собою такъ божеское величество якъ и свѣтское владычество.

Ореновыи верховники зѣняютъ себе взаимно каждого поранку въ своемъ высококомъ урядованью; чрезъ всю пору конклавы они справедливи представители духовного и свѣтского владычества Ватиканского; якъ кардинал-камерленго въ пору жалобныхъ нонѣвъ, такъ тыи три мужи до самого wyboru папы владычють Римомъ и церковью.

Черезъ весь тотъ часъ духовенство зъ цѣлого Риму затоплено въ молитвахъ; всякіи братства такъ духовныя якъ свѣтскіи не посядаютъ, а ино ходягъ отъ церкви до церкви, чтобы поклониться св. ларямъ. Каждого утра собираются всѣ приходняки Рима и жебрацкіи монахи въ церкви св. Лавра и идуть походомъ до конклавы, спѣваячи по дорожѣ литаніи до всѣхъ святыхъ. Такъ бывае шодень, доки не выберуть папу.

Во внутри конклавы также подъ подобными церемоніями топлятся въ молебныхъ. Каждого утра, еще передъ скрутинією, отправляютъ въ каплицѣ Службу Божу до „Духа святаго“, а по-полудни спѣвають „Царю небесный.“

Если же обняти цѣлу тую рѣчь однимъ взоромъ, то показуеся, що въ наши часы тую старобытну выборыу махину справляе „veto“ со стороны чотырехъ каголическихъ царствъ, которымъ прислужае право „ексклюзива“, а тое право такое, що одно царство може прогнати кандидата, предложенного другимъ ривализующимъ царствомъ, если тотъ кандидатъ, на области ожидаемой полигнии, оказуеся або недоступнымъ для интересу первого царства, або еще и неприязнымъ. Такъ на пр. Австрія може прогнати французскаго, испанскаго и инчого кандидата, Франція же може прогнати Австрійскаго и такъ попеременно. Но повеже каждый дворъ ино одинъ разъ може изречи свое „veto.“ такъ избиратели неугрализують тое право тѣмъ способомъ, що спершу дають своя голоса ино на такую особу, о которой напередъ знаютъ, що тиару на свою голову николи не возложатъ. Для того подсувають они дотычной партіи все такою кардинала, о которомъ знаютъ, що онъ нелюбый дотычному дворови; если отгакъ тотъ дворъ (относно его посланникъ) возьме то за правду, влѣзе въ сѣтку и вырече свое veto, то уже пропало его право, а того то ино и хотѣли; и на такой то тѣсной ограниченной области развивае старый гений Махиавели и Сфорцы удивительную премудрость и перребвжность (Subtilität).

Бачна одако загранична дипломатія и поддержуе на безпечно связи даже среди самой св. Коллегіи. Сугъ у неи вѣрно преданыи кардиналы, а маршалокъ не такъ бачно сбереже арешту, а „хоронители народа“ не такъ дробноспоччо переглядають сгравы, чтобы повѣренники до отели князей земли, а билетики до клѣтокъ князей церкви не нашли собѣ безпечною дороги.

Результатъ той тайной маневры бывае одако майже все одинъ и тотъ самъ и можно на безпечно предсказати, що побѣдитъ кардиналъ, непринадлежній ніякой партіи, и що три-вершина корона, хотя черезъ долшій часъ уносилася то надъ тѣмъ, то надъ овымъ кардиналомъ, таки наконецъ опустится на такую голову, на котору доси никто не бачилъ и даже во снѣ не маячилъ о ней, и котора сама байдуже того ожидала; бо якъ Анзелміи, кардиналъ Петралійскій сказалъ былъ, що тиара вѣнчае ино неутральне чело и отъ того поїшла италянска пословица: „Кто въ конклаву входитъ папою, выходитъ зъ ней кардиналомъ.“

СОЧИНЕНІЯ И ИЗДАНІЯ

Николая Ивановича Костомарова.

Межи писателями, дѣйствующими на поли русской исторіи и публицистики въ Малой и Великой Руси, одинъ изъ самыхъ отличѣйшихъ есть Николай Ивановичъ Костомаровъ. Онъ, родомъ Украинецъ, былъ отъ самой юности соподвижникомъ великихъ соотчичей своихъ, Шевченка и Кулиша, съ которыми у-купъ составляетъ славное оное троезвѣздіе, що яркимъ свѣтломъ знанія и воли сіяе нынѣ для всей Малой Руси. За владѣнія Царя Николая Павловича, коли свѣтлу не лѣзя было свѣтлѣи въ народахъ, заточено Шевченка въ Новопетровску, Кулиша и Костомарова въ Петро-Шавловскую крѣпость, где послѣдній, томленный въ мокрой подземельной избочкѣ, за-рана потерялъ зоркость очей своихъ, на которыхъ уже и донынѣ больно страдае. Послѣ кѣлькохъ лѣтъ выпущенъ на волю, Костомаровъ, отличаясь основнымъ знаніемъ рускои исторіи, получилъ за ходатайствомъ вліятельныхъ людей кафедрѣ тогоже предмета на университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ, а отгуда призванъ въ г. 1860 министерствомъ народнаго просвѣщенія на профессора исторіи въ Петербургъ, где именно поднеслась слава его имени до значенія первыхъ авторитетовъ въ цѣлой Россіи. Замѣшательства въ Петербургскомъ университетѣ 1861 г., по поводу узавненія профессора Павлова и писателя Михайлова, понудили Костомарова послѣ трехкурсовыхъ преподаваній отступить отъ учительскои кафедрѣ, и зъ той поры жѣ онъ приватно въ Петербургѣ, посвящая труды свои въ головной ивѣрѣ Матери-Украинѣ.

Що до словесныхъ сочиненій его, тіи суть, особливо для насъ Мало-Русидовъ, чрезвычайно примѣчательны. Первые труды его явились въ г. 1839 въ нарѣчїи украинскомъ, которымъ писалъ онъ и пише донынѣ превосходно, бѣльшою частію подъ псевдонимомъ Іеремїи Галки. Зъ г. 1842 началъ онъ писати и по велико-русски, а то слогомъ, въ которомъ явно пробиваются свойства плавной и легкопонятной бесѣды Мало-Русина. Изъ бѣльшихъ сочиненій науковыхъ наивысше оцѣняются его: „Богданъ Хмельницкій“, „Гетманство Выговскаго“ и „Сѣвернорусскія Народопрарства во времена удѣльно-вѣчоваго уклада.“

Наводимъ тутъ списъ сочиненій и изданій Костомарова, якъ тойже составленъ нимъ же самымъ и помѣщенъ въ Журналѣ министерства просвѣщенія

I. Въ малорускомъ языкѣ:

1. Сава Чалый. драматическія сцены (1839).
2. Украинскія Бѣлады (1839).

Ч. II.

3. Вѣтка. Собраніе стихотвореній (1841).
4. Переяславска нѣчь, трагедія (1841).
5. Розличныя мѣлкия статьи и стихотворенія, напечаганы въ сборникахъ: Молодикъ (1843), Слѣпъ (1846), въ журналъ Основа (1861 — 1862) и въ Львовскомъ Словѣ (именно „Пѣвецъ Митуса.“ 1862).
6. Загадка (народная сказка въ драмат. формѣ). Основа 1861.

II. Въ російскомъ языкѣ:

1. О значеніи уніи въ Западной Россіи (1842).
2. Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи (1843).
3. Первые войны малороссійскихъ козаковъ съ Польщею. (Молодикъ 1843).
4. Князья Острожскіе (Тамъ же 1843).
5. Мысли объ исторіи Малороссіи (Библ. для Чтенія 1846).
6. Славянская мнѣологія (1847).
7. Гетманъ Иванъ Свирговскій (Москвитиницъ 1855).
8. Гора Злосчастіе, древнее стихотвореніе (Современникъ 1856).
9. Борьба украинскихъ козаковъ съ Польщею до Богдана Хмельницкаго (Отечественныя Записки 1856).
10. Рецензія на книгу П. Кулиша: Записки о Южной Руси (Отеч. Зап. 1856).
11. Богданъ Хмельницкій. Два томы. (Отеч. Зап. 1857, потомъ отдѣльно въ 1858, вторымъ же исправленнымъ изданіемъ 1862).
12. Рецензія на книгу П. Кулиша „Чорна Рада“ (Современникъ 1858).
13. Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ (Современ. 1858, потомъ отдѣльно въ 1861).
14. Бунтъ Стеньки Разина (Отеч. Зап. 1858, потомъ отдѣльно въ 1859 г.).
15. Должно ли считать Бориса Годунова виновникомъ крѣпостнаго права въ Россіи (въ Архивѣ юридич. и практич. свѣдѣній Калачова 1858).
16. Рецензія на Архивъ Югозападной Руси (Отеч. Зап. 1859).
17. Сынъ. Историческій разсказъ („Архивъ“ Калачова 1860).
18. Рецензія на книгу г. Ламанскаго: „О Славянахъ въ Малой Азіи“ (Архивъ Калачова 1860).
19. Могильная предація (Современ. 1859—1860).
20. Начало Руси (Современ. 1860).
21. Замѣчанія г. Соловьеву о козакахъ (Современ. 1860).
22. О козачествѣ (Современ. 1860).
23. Отвѣтъ г. Падалицѣ по вопросу о козакахъ (Соврем. 1860).
24. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI. и XVII. вѣкахъ (Современ. 1860—1861, потомъ отдѣльно въ 1861 г.).
25. Русскіе инородцы (Русское Слово 1860).
26. Мистическая повѣсть о Нифонтѣ. (Русское Слово 1861).

27. Рецензія на „Архивъ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній о Россіи Калачова“ (Русское Слово 1861).
 28. Объ историческихъ трудахъ Константина Аксакова (Русское Слово 1861, потомъ отдѣльно въ томъ же году).
 29. О федеративномъ началѣ въ древней Руси (Основа 1861).
 30. Черты южнорусской исторіи (Основа 1861).
 31. Замѣчанія по поводу нѣтнѣй газеты Czas и журнала Revue contemporaine (Основа 1861, также въ Львовскомъ Словѣ 1861).
 32. Двѣ русскія народности (Основа 1861 и въ Льв. Словѣ 1862).
 33. Гетманство Выговскаго (Основа 1861, потомъ отдѣльно 1862).
 34. Правда Московичамъ о Руси (Основа 1861).
 35. Правда Полкамъ о Руси (Основа 1861).
 36. О значеніи великаго Новгорода въ древней русской исторіи (Отеч. Зап. 1862).
 37. Иванъ Сусанинъ Историческое изслѣдованіе (От. Зап. 1862).
 38. Іудеамъ (Основа 1862).
 39. Кремушій Кордъ. (Драма изъ временъ римскаго императора Тиверія. 1862).
 40. Сѣвернорусскія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада. Два томы (1863).
- Сверхъ того небольшія статьи по разнымъ предметамъ въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ въ теченіи 1861—1862. годовъ.

Редакція историческихъ литературныхъ и народныхъ памятниковъ:

1. Памятниковъ старинной русской литературы изд. графа Кумелевымъ Безбородко. Томъ 1-й (1860.) Томъ 2-й (1861.) Томъ 3-й (1862.)
2. Народныя пѣсни Волынской губерніи (Въ Малорос. сборнику изд. Мордовцевымъ. 1859).
3. Народныя пѣсни, собранныя въ Саратовской губерніи (Лѣтописи русск. литер. и древн. Тихонравова. 1862.)
4. Акты, относящіяся до исторіи Южной и Западной Руси, изд. археограф. комиссіею. Томъ III. (1862).

СОЧИНЕНІЯ И ИЗДАНІЯ

Антонія Стефанова Петрушевича.

Кто изъ Галицкихъ Русиновъ не знаетъ Антонія Петрушевича?

Онъ рожденъ 18. Января 1821 года въ селѣ Добрянкахъ близъ города Стрия, сынъ приходника Добрянскаго, Декана Стрыйскаго Стефана Петрушевича и Маріи рожденной Кайзеръ.

Окончилъ нормально-нѣмецкія школы въ городѣ Стрый въ 1833 году; гимназіальныя, философскія и богословскія науки въ Львовѣ 1845 года. Посвященъ въ священническую чинъ Пресвященнымъ Епископомъ Полайепопитуланскимъ и Суффраганомъ Галицкой Митрополи Господиномъ Григоріемъ Яхимовичемъ 21. Марта 1847 года въ Львовѣ, и опредѣленъ въ должность сотрудника при Перегннскомъ приходѣ въ окрузѣ Стрийскомъ; того же года 29. Сентября призванъ на придворного священника и Нотарія Митрополитическаго Уряда покойнымъ Карливаломъ и Митрополитомъ Галицкимъ и Архіепископомъ Львовскимъ Господиномъ Михаиломъ Левицкимъ, при которомъ неотступно пребывалъ даже до смерти его, послѣдовавшей 14. Января 1858 г. Въ томъ промежуткѣ времени получилъ онъ 17 Января 1851 года титулъ и характеръ Консисторскаго Сойтѣнна; достолаивое Львовское Ставропигіальное Заведеніе грамотою своею отъ 14 (26) Октября 1851 причислило его въ почетнаго члена своего Соединенія; 14 Августа 1856 былъ онъ надѣленъ Новицкимъ приходомъ, стоящимъ подъ патронатомъ Его ц. к. Апостольскаго Величества; Высочайшимъ приказомъ ц. к. Апостольскаго Величества 15. Юлія 1857 года послѣдовало, на предложеніе Митрополитичей Львовской духовной Власти, произведеніе его въ почетнаго Каноника Львовскаго Митрополитическаго Собора Св. Великомученика Георгія.

По кончинѣ Кардинала и Митрополита Михаила отправился онъ въ свой Новицкій приходъ, заступилъ приватнымъ сотрудникомъ, заваяался археологическими и библиографическими поисками по бібліотекахъ частныхъ лицъ и Монастыряхъ чину св. Василія, особенно же пересмотрѣлъ Архивъ и бібліотеку Львовскаго Митрополитическаго Капитула, тоже Перемышльскаго Епископскаго капитула и сдѣлалъ порядочное Описаніе въ послѣдней бібліотецѣ находящихся рукописей и актовъ; тоже отправился на Буковину для описанія древностей и рукописей, находящихся въ той области по всѣхъ *ромунскихъ Монастыряхъ*. Упомянутыя науковыя поѣздки, хотя при скудныхъ вѣщественныхъ средствахъ его предпріяты, доставили весьма много матеріаловъ для отечественной исторіи и древностей.

Въ 1861 г. 3. Апрѣля избранъ въ выборочномъ окрузѣ Калушскаго и Войнилловскаго повѣта на посла до Галиційскаго Сойма; наконецъ того же года благоволили Его ц. к. апостольское Величество высочайшимъ рѣшеніемъ отъ 17. Августа надѣлити Антонія Петрушевича достоинствомъ дѣйствительнаго Каноника Львовскаго Митрополитическаго Капитула при Соборѣ Св. Георгія въ Львовѣ, где онъ отъ введенія своего въ упомянутое достоинство 13. Января 1862 года теперь непрерывно пребываетъ.

А. Петрушевичъ сталъ уже съ молодыхъ лѣтъ съ болѣею ревностью заниматься отечественною исторіею, словенскими языками и древностями, и такъ, яко богословъ второго года на Львовскомъ Университетѣ, сочинилъ въ 1843. г. на латинскомъ языкѣ первое большое разсужденіе подъ заглавіемъ

De versione slavica Sacrae Scripturae, подавая въ немъ историческія извѣстія о переводѣ священнаго писанія на древнословенскій и другіи словенскіи языки и о первопечатныхъ изданіяхъ библейскихъ книгъ. Впрочемъ сочинялъ онъ тогда и позднѣе стихотворенія на польскомъ и рускомъ языкахъ, изъ которыхъ много, безъ выставки имени Сочинителя было печатью обнародовано, какъ на примѣръ: „*Братьямъ Галичанамъ*” (Зоря Галиц. 1848 N. 1.) „*Плачь русской Матери надъ блуднымъ сыномъ*” (Тамъ же N. 11.), „*Голодъ изъ Галича*” (Зоря Галиц. 1849. N. N. 51. 52.), „*Русская пѣсь воспѣта Львовляниномъ въ радостное торжество славнаго прибитія Его Велич. Франциска Юсифа I. во Львовъ 10 Октября 1851 года*” (Зоря Галиц. N. 82), и другіи безъименно напечатаны стихи. Но пригомъ непрестанно удражняеъ русскою исторіею и древностями, завоеванъ своими настоятелями и друзьями сочинялъ онъ различныя розсужденія въ предметъ исторіи русской Церкви, отечества, бібліографіи и археологіи. Большая часть статей упомянутого содержанія встрѣчается съ подписью Сочинителя почти во всѣхъ нашихъ русскихъ журналахъ. Важнѣйшія изъ нихъ суть въ предметѣ:

а) Археологія.

1. *Представляетъ ли открытый истуканъ въ русль рѣки Збруча въ восточной Галиции, божска Святювита или Хорса?* Археологическій вопросъ предложенъ и рѣшенъ Іеремѣемъ А. С. Петрушевичемъ. Напечатано въ Вѣстникѣ издаваемомъ во Вѣднѣ 1851. Статья состоящая изъ шести отдѣленій продолжается чрезъ нѣсколько нумеровъ.

2. *О чудотворной иконѣ Пресв. Богородицы находящейся въ костель О. О. Доминикановъ въ Городѣ Львовѣ и польской легендѣ ея.* Зоря Галиц. 1851. N. N. 56. 57.

3. *Каменные развалины близъ села Урѣчья, Стрыйского округа, суть остатки древняго русскаго города Тустань.* Зоря Галиц. 1854 N. 10.

4. *Древняя икона нерукотвореннаго образа Господа нашего Иисуса Христа съ старословейскою надписью (находящаяся въ Ватиканской базиликѣ въ Римѣ, извѣстная подъ именемъ иконы Св. Вероники). Въ Церковномъ Вѣстникѣ.* Будинъ. 1858. N. 7.

5. *Уставная таможеннаа грамота Берладскаго князя Павна Ростиславича съ 1134 года 20. Мая.* — Въ „Словѣ“ Львовск. 1862. N. 86.

б) Библиографіи.

1. *Подробное описаніе помѣщика Крестовоздвиженской Церкви Успенія пресв. Богородицы въ Львовѣ.* Зоря Галицкая 1851 отъ N. N. 67 до 72.

2. *О Русско-словенскихъ толкованъхъ псалтыряхъ.* Церковная Газета. Будинъ 1856, N. N. 8. 9. 10.

3. *Обозрѣніе древнѣйшихъ Евангельскихъ списковъ на старословенскомъ языкѣ.* Церковная Газета. Будниъ 1857 N. N. 2. 3. 4. 5. 6.

4. (Письмо къ Редактору Церковного Вѣстника. Будниъ 1858. N. 7.) *Новица въ Галиціи 18 (30) Августа.* Толкуеть о источникахъ для исторіи южнорусской Церкви.

в) Исторіи.

1. *Słów kilka napisanych w obronie ruskiej narodowości.* Lwów. Gród Rusi Austrijackiej 1848 — in 8° 56 stron.

2. *Словесе, изъ древня жилища и образование между ними первыхъ словенскихъ государствъ.* — Семейная Библиотека. Львовъ 1855 N. 1.

3. *О Соборной Богородичной Церкви и Святителяхъ въ Галичѣ.* Съ приложеніемъ вида и плана нынѣшней Галицкой Церкви Рождества Христова, яко единственнаго памятника византийскаго стиля изъ XII. вѣка на Галицкой Руси. Зоря Галицка 1852, 1853, 1854. Когда дальше печатаніе упомянутого сочиненія въ Зорѣ Галицкой прекратилось, стала Галицко-русская Матица своимъ иждивеніемъ издавати то же въ особой книжцѣ, подъ заглавіемъ „Галицкій историческій Сборникъ“, котораго первый и второй выпускъ вышелъ 1854., третій 1860. года въ Львовѣ; дальши выпуски еще послѣдуютъ.

4. *Краткое извѣстіе о Галицко-русскихъ Епископахъ и Митрополитахъ.* — Въ Семейной Библиотекѣ. Львовъ 1856 N. N. 9. 10. 11.

5. *Историческія извѣстія о древней Архимандріи чину св. Василія В. въ селѣ Уневѣ Золочевского округа.* Въ Пчелѣ. Львовъ 1849 N. N. 17. 18. 19. — Для прекращенія Пчелы едва пятая часть статьи была напечатана.

7. *Польша, Русь и Ромуны.* Очеркъ историческій. Пчела. Львовъ 1849. N. N. 1. 2.

6. *Словицкій женскій Монастырь чину св. Василія В. и его дѣвочье воспиталище.* Краткое историческое извѣстіе по грамотамъ и актамъ того же Монастыря сочиненное. — Зоря Галицкая 1851 N. N. 13. 14. 15.

8. *Краткая историческая роспись всѣмъ русскимъ Церквамъ и Монастырямъ, такъ уничтоженнымъ, какъ до сихъ поръ существующимъ въ престольномъ Червонорусскомъ городѣ Львовѣ.* Зоря Галиц. 1851 N. N. 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 86.

9. *Жизнь преподобнаго отца Іова основателя ставропигиальной Скитской обители чину св. Василія В. списана современникомъ Иеромонахомъ Игнатіемъ изъ Любарова.* (Развалины сей насильно уничтоженной обители находятся близъ села Манавы въ округѣ Станиславовскомъ въ Карпатскихъ горахъ. Игуменъ Скитской Крестовоздвиженской обители писаясь *Протомъ всѣмъ Монастырямъ Червоной Руси въ XVII. вѣцѣ.* Подробное описаніе жизни основателя сей обители Іова, постриженца Аѳонской Горы, подаетъ весьма ва-

ными матеріалами для Церковной исторіи южно-западной Руси, особенноже чину св. Василя на русскихъ земляхъ). Напечатано въ Зорѣ Галицкой яко Альбумъ на годъ 1860. стр 225—251.

10. *Иосифъ Шумлянскій первый Львовскій уніатскій Епископъ*. Галичанинъ 1862 I. стр. 117.

11. *Историческій очеркъ о состояніи польскаго народа*. (Памятникъ изъ конца XVIII вѣка.) Тамъ же стр. 124.

12. *Акта относящіеся до затвержденія Капитула Львовскаго епископскаго Собора*. Тамъ же 134.

Кромѣ выше приведенныхъ статей и большихъ разсужденій писалъ А. Петрушевичъ много иныхъ; нынѣ пишегъ онъ политическо-историческіи статьи до журнала „Слово,“ безъ выставки своего имени, хотя удобно замѣчаемы своимъ содержаніемъ и чисто-русскимъ слогаемъ.

Но на томъ кажется не окончилась уже литературная дѣятельность А. Петрушевича, ибо сообразивъ тое обстоятельство, что онъ съ 1862 годомъ переселился въ Львовъ, где ему доступными суть Архива и бібліотеки, доставляющіи потребныи пособія, и притомъ собралъ уже богатый матеріалъ для исторіи нашего отечества, русской Церкви, особенноже южнозападныхъ Епископствъ и Монастырей, тоже для исторіи славящихся русскихъ родовъ, не менѣе для исторіи древнорусской словесности, и вообще русскихъ древностей, можно надѣяться, что онъ, о сколько ему занятія и дѣла его званія дозволить, обогатитъ южно-русскую словесность еще важными монографіями въ пользу русской исторіи по различнымъ вѣгвямъ ея. Впрочемъ на дѣствѣ томъ, не можно промолчати того, что А. Петрушевичъ уже посѣщая гимназіальныи школы въ Львовѣ стоялъ въ близкихъ сношеніяхъ съ историографомъ Галицкой Руси, покойнымъ Денисомъ Зубрицкимъ, пользовался его богатою русскою бібліотекою, и потомъ помоществовалъ тому же при его историческихъ изслѣдованіяхъ, для чего послѣдній въ своей *Исторіи древняго Галицко-русскаго Княжества*, не обинювался назвати его „проницательнымъ испытателемъ историческихъ древностей.“ Яко знатокъ и любитель словенскихъ древностей, имѣегъ А. Петрушевичъ въ своей бібліотекѣ большее собраніе старословенскихъ рукописей и старопечатанныхъ книгъ и важныхъ сочиненій для русской исторіи и словенской филологіи.

Наконецъ надо замѣтити, что А. Петрушевичъ при своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ по отечественнымъ источникамъ, не оставлялъ обращати свое вниманіе за-ходомъ словенской филологіи, и основно ивучати русскій языкъ, сравнивая его такъ съ древнословенскимъ языкомъ и всѣми словенскими нарѣчіями, якъ и индоевропейскими языками, въ слѣдствіе чего составилъ онъ *Корнесловъ словенорусскаго языка*, самое богатѣйшее сокровище всѣхъ словенскихъ нарѣчій, сведенныхъ въ одно цѣлое по своимъ корнямъ. Сочинитель упомянутого Корнеслова занимается подробнымъ изслѣдо-

валіємъ всѣхъ нарѣчій разныхъ словенскихъ языковъ, особенноже малорусского, и такъ употребилъ до сихъ поръ мало изслѣдованными, хотя богатыи словенскіи областныи нарѣчія, тако же и топографическую номенклатуру словенскихъ земель и собственныхъ словенскихъ именъ, встрѣчающихся въ исторіи словенскихъ народовъ. Такимъ способомъ приобрѣлъ онъ весьма богатый филологическій матеріалъ для сравнительнаго изученія словенорусского языка, и тѣмъ же для разъясненія темныхъ мѣстъ древней исторіи словенскихъ племенъ и словенской филологіи. Упомянутый Корнесловъ, списанъ на отдѣльныхъ карткахъ, въ осмью долю листа, обнимаетъ 30 томовъ, хотя число чисто-словенскихъ корней, съ исключеніемъ двостранныхъ словъ, не доходитъ до осьмисотъ.

Подавая тотъ краткій очеркъ трудовъ и упражненій А. Петрушевича, не можемъ на мѣстѣ томъ не изъявити наше благодареніе тому же, за доставленныи намъ нѣкоторыи данныи для біографіи его.

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Рускіи учебники для низшихъ и среднихъ школъ восточной Галичинъ печатаются правительственнымъ накладомъ подъ зарядомъ особенномъ п. к. Дирекціи школьнаго книгоиздательства въ Вѣднѣ. Тая то Дирекція школьн. книгоизд. дѣйствуетъ отъ временъ Маріи Тересіи съ 1772 въ пользу просвѣщенія народнаго, занимаясь печатаньемъ школьныхъ книжочекъ для всей Австріи, съ изытіемъ Угорщины и Чехъ, где особныи книгоиздательства того рода зѣ-давно уже существуютъ. По министеріальному распорядженію съ 4. Дек. 1856 и 2. Дек. 1858 обязана тая же Дирекція еще и бесплатно раздавати убогимъ ученикамъ трехъ первыхъ классовъ въ школахъ народныхъ часть одну изданныхъ нею книжочекъ, именно 25. отсотку загальнои цѣнности проданныхъ въ одноиъ році учебниковъ. — Для рускихъ народныхъ школъ въ Галичинѣ издавались до 1848 года глянкіи маленькіи буквары во Львовѣ, отъ года же 1848 печатаются учебники рускіи школьнымъ книгоиздательствомъ въ Вѣднѣ. Сихъ послѣднихъ наводимъ тутъ полный списокъ ведля каталогу, изданнаго тѣмъ же п. к. школьнымъ книгоиздательствомъ (въ Вѣднѣ 1863 года).

I. Изданія Вѣденскаго книгоиздательства.

Учебники для школъ народныхъ и головныхъ (изд. отъ 1848 до 1863 года.)

1. Малыи катихисмъ съ вопросами и отвѣтами, для малыихъ дѣтей.
Цѣна 6. кр.

2. Катихисмъ или наука христiанско-каѳолическаго богочестiя, въ вопросахъ и отвѣтахъ. 25 кр.

3. Великій катихисмъ или наука христiанско-каѳолическаго богочестiя, основана на правилахъ и законахъ святой церкви каѳолической восточнаго обряда. 28 кр.

4. Апостолы и Евангелiя на весь годъ Цедвлямъ, Праздникомъ и памяти Святыхъ, по уставу святыи восточныи каѳолическии церкви. 32 кр.

5. Повѣсти библiнскiи изъ письма святого старого и нового завѣта. 52 кр.

6. Букварецъ. (таблячка). 2 кр.

7. Букварь для школъ народныхъ въ австрiйской державѣ. 17 кр.

8. Букварь съ малымъ катихисмомъ для школъ народныхъ въ Цѣсарствѣ Австрiи. 21 кр.

9. Руска первая азыкоучебна читанка для другого ѳтряда школъ народныхъ въ цѣсарствѣ Австрiи. (Составилъ А. Добрянскiй) 27 кр.

10. Руска друга читанка для третѣго ѳтряда школъ народныхъ и городскихъ въ цѣсарствѣ Австрiи. (Составилъ Б. А. Дѣдичкiй) 27 кр.

11. Читанка для третѣго ѳтряду въ сельскихъ школахъ въ цѣсарствѣ Австрiи. 39 кр.

12. Обязанки подданныхъ къ своему монарху. 6 кр.

13. Нѣмецкiй букварь для школъ народныхъ. 16 кр.

14. Практична грамматика нѣмецкаго языка. Часть первая, для третѣго ѳтряда городскихъ и головныхъ школъ. 46 кр.

15. Практична грамматика нѣмецкаго языка. Часть вторая, для четвертого ѳтряда городскихъ и головныхъ школъ. 47 кр.

16. Нѣмецкiй букварь для другого ѳдѣла першого ѳтряда въ мѣстскихъ школахъ. (Давнѣйшее изданiе) 7 кр.

17. Грамматика нѣмецкаго языка для студентѳвъ першой и другои кляссы. (Давнѣйшее изданiе.) 35 кр.

18. Практична грамматика нѣмецкаго языка для третѣго и четвертого ѳтряда городскихъ и головныхъ школъ. (Давнѣйшее изданiе) 53 кр.

19. Книжка упражненiя въ науцѣ счеганiя для школъ сельскихъ 23 кр. (Современно печатаются: Книжка упражненiя въ счеганiи для третѣго ѳтряда, и друга для четвертого ѳтряда.)

20. Книжка упражненiя въ науцѣ счеганiя для учениковъ III. и IV. ѳтряда школъ народныхъ. 34 кр.

21. Правило и образцѣ рускаго краснописанiя въ пользу школъ народныхъ. 79 кр.

22. Сибднiи и ядовитiи губы въ ихъ найважнѣйшихъ видахъ. (Перевелъ зъ нѣмецкаго Дръ В. А. Волянъ) 40 кр.

23. Пбученiе для каѳолическихъ душъ-пастырей въ ихъ отношенiи къ народнои школъ, въ краяхъ Угорщинѣ, Хорвацiи и Славонiи, Сербской Воеводинѣ съ Темещскимъ Банатомъ и Семитравлѣ. 5 кр.

24. Наставленіе для мѣстнаго надзирателя школы. 2 кр.
 25. Провизоричное поученіе для католическихъ школьно-обводовыхъ надзирателей. 6. кр.
 26. Книжка вспомогательна къ употребленію букваря и первой языкоучебной читанки школъ народныхъ католическихъ. 27 кр.
 27. Методика счтанія въ умѣ въ связи съ численными заданиями упражненіями, для 1. отряда школъ народныхъ. — Для учителейъ и кандидатѳвъ учительства. 34 кр.
 28. Методика счтанія цифрами. 39 кр.
 29. Нова австрійска валюта, обще-понятно выложена. 8 кр.
 30. Читанка руска для учениковъ школъ повторительныхъ. Часть первая. 77 кр.

Учебники для низшихъ школъ реальныхъ:

32. Наставленіе къ рахованію или счтанію для первого отряда нижней реальной школы. 42 кр.
 33. (Geometrie mit eingeschalteter Terminologie in ruthenischer Sprache. 62 kr.)
 31. Галерія святыхъ образѳвъ къ улещенію обучанія въ школахъ, церквахъ и домахъ, подля нѣмецкаго сочиненія князя-епіскопа Бриксенскаго Бернарда Галуры. (Каждыхъ 100 образковъ подля выбору стоитъ 1. р. 40 кр., каждый поединкой образокъ 2 кр.)

Учебники для школъ гимназіальныхъ:

34. Руска читанка для низшой гимназіи. Часть первая. (Составилъ В. Ковальскій) 72 кр.
 35. Начальное основаніе звѣрсловія, соч. В. А. Волянъ. 51 кр.
 36. Начальное основаніе рослинословія, соч. В. А. Волянъ. 58 кр.
 37. Первые понятія о царствѣ ископаемыхъ, соч. В. А. Волянъ. 58 кр. (Современно печатается: Словарь нѣмецко-русскій и руско-нѣмецкій.)
 38. Хрестоматія церковно-славенская и древне-русская. (Составилъ Я. Ѳ. Головацкій 1 р. 32 кр.)

II. Изданія русской Матицы.

Кромѣ сихъ выше наведенныхъ, школьнымъ книгоиздательствомъ въ Вѣднѣ напечатанныхъ учебниковъ русскихъ, изданы еще и Рускою Матицею въ Львовѣ глянкіи книжки, которыя за соизволеніемъ в. Правительства заводятся въ школахъ гимназіальныхъ восточной Галичины. Тѣи суть:

39. Грамматика рускаго языка. Соч. Я. Ѳ. Головацкаго. 1849 г. 50 кр.
 40. Слово о полку Игоря Святославича. Изд. И. Гушалевича 1851 г. 15 кр.
 41. Учебная книга католическаго вѣроученія для высшой гимназіи. По Дру К. Мартину составилъ Л. М. Цыбыкъ. Часть втора 1861-г. 1 р. а. в.
 42. Учебная книга католическаго правоученія для высшой гимназіи. По Дру К. Мартину сост. Л. М. Цыбыкъ 1861 г. 80 кр.

43. Исторія церкви Христовой для высшей гимназіи. По Дру Феслеру сост. Л. М. Цыбыкъ. Часть первая 1862 г. 90 кр.

44. Исторія церкви Христовой — для высшей гимназіи. Сост. тотъ же. Часть вторая. 1862 г. 1 р. 10 кр.

45. Библейская священная Исторія ветхого Завета. Сост. Л. М. Цыбыкъ. Часть первая. 1863 г. 1 р. 30 кр.

46. Библейская св. Исторія нового Завета. Сост. тотъ же. Часть вторая. 1863 г. 1 р. 30 кр.

(Современно печатается тогоже автора: Учебная книга кае. вѣроученія Часть первая.)

47. Литургика церкви греческо-каатолической. Учебная книга для школъ середнихъ въ державѣ австрійской. Соч. М. Ѳ. Попеля. 1862 г. 90 кр.

(Ещежь выдала Матиця руска въ 1849—1850 г. Букварь и Читанку (М. Щашкевича), которы то обѣ книжицы служили черезъ кѣлько лѣтъ учебниками въ школахъ народныхъ, — но ихъ накладъ нынѣ цѣломъ уже вычерпанся.)

III. Изданія Ставропигійскаго Братства.

Также Братство Ставропигійское во Львовѣ, занимавшееся еще передъ 1848 г. издаваньемъ букварей и поменьшихъ учебниковъ для давнѣйшихъ сельскихъ школокъ, не оставляло сего занятія и послѣ 1848 г., выдавши кѣлька учебниковъ, которы высокими Правительствомъ тоже для школьного выкладу суть дозволены. Учебники тіи суть:

48. Руско-славенскій Букварь во употребленіе рускаго юношества (Два изданія, зъ которыхъ существуете лишь второе зъ 1857). 18 кр.

49. Числило або снарядъ до узмысловленя науки рахункѣвъ зъ памяти. 1862 г. 15 кр.

50. Примѣрники русской скорописи для учащейся молодежи. 1863 г. 25 кр.

(Братство сіе Ставропигійское получило зъ розрѣшеня високаго Правительства г. 1862 исключное право, учебныи книжки для школъ руско-народныхъ въ Галичинѣ выдавати, — однакожь дотеперь пользуется тымъ исключнымъ правомъ заедно еще п. к. Дирекція школьного книгоиздательства въ Вѣдани, а зъ того поводу провадитъ Ставропигія переговоры съ высокими Правительствомъ)

IV. Изданія частныхъ лицъ.

И частныи лица занимались изданіями учебныхъ книжокъ, которы за дозволеніемъ Правительства употребляются въ нашихъ школахъ. Такъ именно:

51. Граматика рускаго языка Іосифа Лѣвицкого, издавна въ Перемишли и бывшая черезъ кѣлька лѣтъ въ употребленіи по нѣкоторыхъ гимназіяхъ.

52. Граматика рускаго языка Михаила Осадцы, издавна самымъ авторомъ во Львовѣ 1862 г. и заведена теперъ для преподаваня въ гимназіяхъ. Ц. 1 р. 20 кр.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	Стр.
ПОЕЗИИ. I. Яковича Д. До Двѣстра.	3.
<i>М. О. Попеля:</i> Жалобный стихъ погаштому другу. Дружба, гостинность и пѣнье	4—7
<i>П. Кулиша:</i> Кінець Дунайської Думи	7
<i>А. Я. Кониського:</i> Загублена душа (баллада)	8—11
<i>Ө. Верниволя:</i> До родины. Усе плаче. Пѣсня. Не призывайте всеу Бога. Не вѣрю клятвѣ я раба. До В. В. Лободы. На смерть Я. Г. Кухаренка. Журба. Покрышка Сирота. Очи. Самъ до себе. На прощанье. Моя любовь	11—16
<i>А. И. Павловича:</i> Пѣснь бывшего подданого. Бурлакъ	16—17
<i>И. Воробкевича:</i> Думки изъ Буковины	18
<i>Спѣванки Гуцуловъ:</i> Про знесенье панщины. Про войну въ Угорщинѣ	19—20
ПОВѢСТИ. И: Школяръ, розсказъ Гриця Саламахи, реентого и писателя наукъ изъ Цапова (Конецъ)	21
<i>А. Кралицкого:</i> Казнь неба	57
<i>Ө. Верниволя:</i> Пропаци люде	60
ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА. Я. Ө. Головацкого: Порядокъ школьный или Уставъ Ставропигійской школы во Львовѣ 1588 г.	69
<i>А. Д. зъ Валъвы:</i> Состояніе Епархіи рускои Перемыской передъ стома лѣтъ	79
<i>О. П. Р.:</i> Уваги на статью: „Выводы о початку имени — Русь“	87
<i>А. Ө. Головацкого:</i> Письмо о галицко-русской словесности Профессора Михаила Максимовича	107
<i>Өеодора Лысяка:</i> Дѣдъ-импровизаторъ	114
О ПѢНІЮ МУЗИКАЛЬНОМЪ. Соч. <i>М. В-ого зъ М.</i>	136
О ШКОЛАХЪ народныхъ въ Угорщинѣ, <i>Григорія Бескида</i>	141
О УКРАИНѢ мнѣніе двоухъ польскихъ часописей. Кореспонденція <i>Л. Л-а изъ Праги</i>	145
ШИЗМА И МОСКВА. Кореспонденція <i>Ст. К. зъ Галицкого Воляня</i>	147
ОПИСЪ монастыря Марія-Повчанского Чина св. Василя В. въ Уграхъ. Соч. <i>А. Кралицкого</i>	150
КОНКЛАВА, статья изъ Вѣденской часописи <i>III. Haus und Familienbuch</i>	153
БИБЛІОГРАФІЯ. Сочиненія и изданія <i>Н. Костомарова</i>	161
Сочиненія и изданія <i>А. Петрушевича</i>	163
Школьная библіографія	168

Снимокъ съ рукописи

ПОСЛѢ

PG 3900

.H15

v.1

No. 1-2

